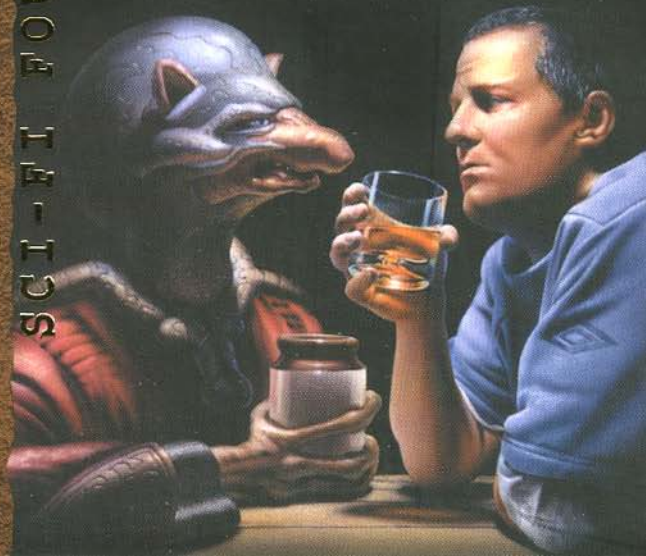
Весь

САЙМАК

ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ

ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

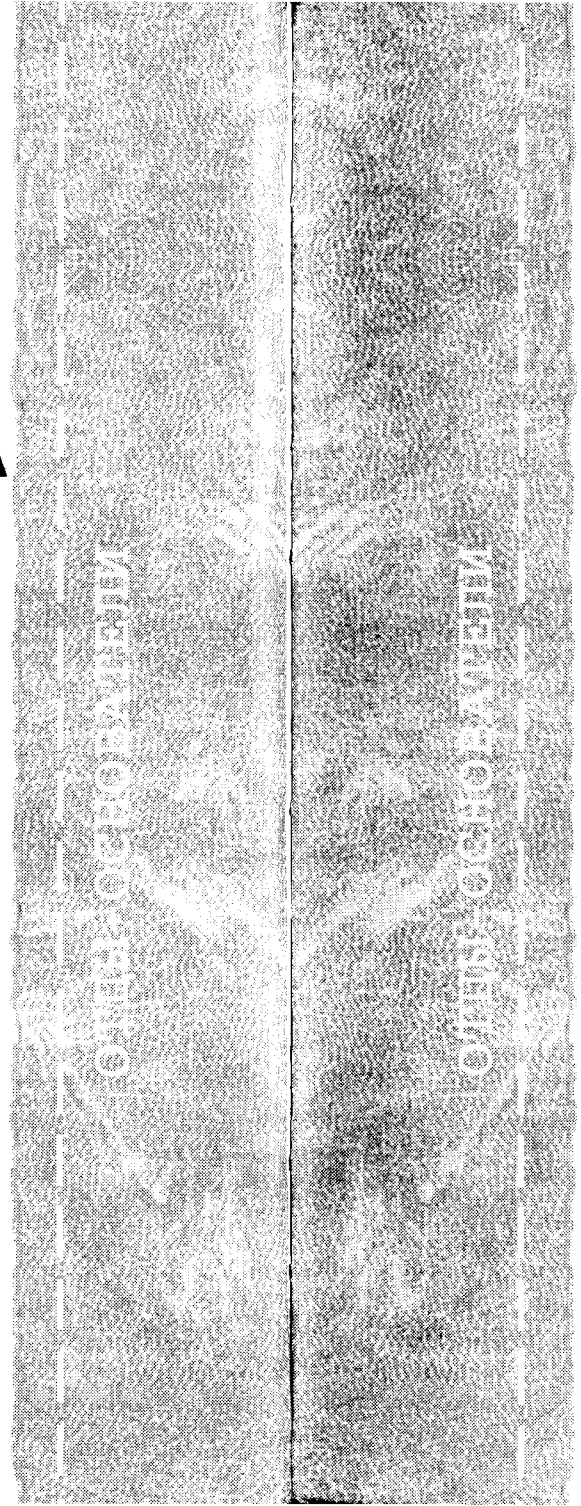
Весь

САЙМАК

Весь

САЙМАК

ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ

Клиффорд

САЙМАК

ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ

Москва
ЭКСМО
Санкт-Петербург
ДОМИНО
2005

УДК 82(1-87)-312.9
ББК 84(7 США)
С 12

CLIFFORD D. SIMAK

Time is the Simplest Thing
City
Way Station
Time and Again

Составитель *А. Жикаренцев*

Оформление художника *А. Саукова*

Серия основана в 2003 году

Саймак К.

С 12 Пересадочная станция: Фантастические романы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо, СПб.: Изд-во Домино, 2005. — 800 с. — (Отцы -основатели. Весь Саймак).

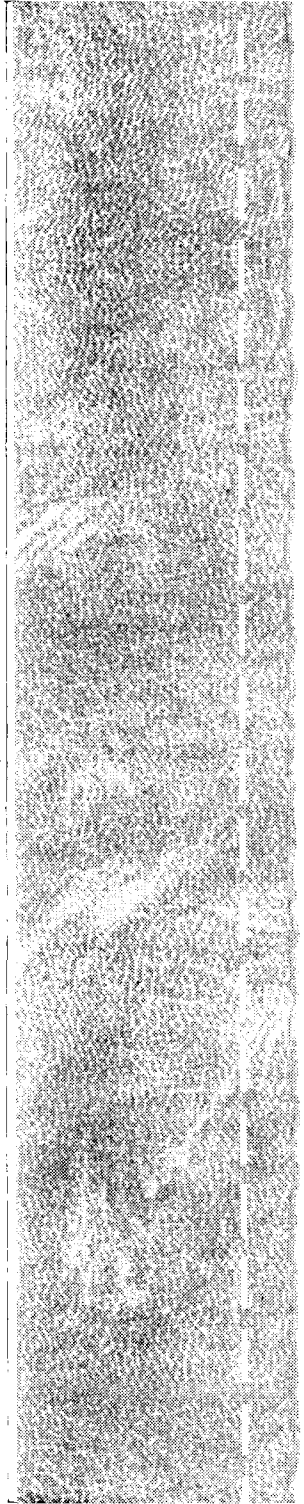
ISBN 5-699-07064-8

Великий мэтр фантастики Клиффорд Саймак не нуждается в представлении — его имя хорошо известно нескольким поколениям читателей, а его произведения давно стали классикой и служат примером для подражания многим последователям писателя. В этот том собрания сочинений Мастера вошли четыре разных по тематике романа, каждый из которых сделал бы честь любому автору, работающему в этом жанре.

УДК 82(1-87)-312.9
ББК 84(7 США)

© Перевод. И. Васильева, Л. Жданов, А. Корженевский, Н. Сосновская, Г. Темкин, 2004
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2004

ISBN 5-699-07064-8

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ПРОЩЕ ВРЕМЕНИ?

Глава 1

И вот настал день, когда Человек был готов отказаться от мысли проникнуть в космос. Первые сомнения возникли еще тогда, когда Ван Аллен открыл вокруг Земли пояса радиации.

Но Человек слишком долго мечтал о космосе, чтобы сдаться, не сделав еще одной попытки.

И делалась одна попытка за другой, а астронавты гибли, доказывая, что Человек слишком слаб для космоса. Слишком непрочно держится в его теле жизнь. Он умирает или от первичной солнечной радиации, или от вторичного излучения, возникающего в металле самого корабля.

И в конце концов Человек понял несбыточность своей мечты и стал глядеть на звезды, которые теперь были от него дальше, чем когда-либо, с горечью и разочарованием.

После долгих лет борьбы за космос, пережив сотни миллионов неудач, Человек отступил.

И правильно сделал.

Существовал другой путь.

Глава 2

Шепард Блэйн чувствовал, что находится в доме, а если не в доме, то, во всяком случае, в месте, где кто-то живет. Тут присутствовали порядок и пропорции, которые не могли быть созданы природой, пусть даже это чужая природа, природа планеты, вращающейся вокруг неизвестной звезды за тысячи световых лет от Земли.

В отличие от песчаных дюн, по которым до этого двигался Блэйн, на полу странного жилища не оставалось следов. По сравнению с ревом урагана, столько часов оглушавшим Блэйна, пока он пробирался через пустыню, шум ветра здесь казался слабым шорохом.

Пол был сделан из голубого твердого и гладкого материала, и катиться по нему было очень легко. Вокруг стояли предметы, тоже голубого цвета, похожие на мебель или какие-то приспособления. Во всяком случае, их форма не была случайной, естественной, какую могли бы создать ветер и солнце, а свидетельствовала о том, что эти предметы имеют какое-то предназначение.

Крыши у сооружения не было. В небе светили звезды, а вдалеке мерцало тусклое солнце.

Включив все датчики на полную мощность, Блэйн медленно двинулся вперед. Ощущение, что он находится в доме, усиливалось, а вскоре к нему добавилось ощущение того, что в доме есть жизнь.

Блэйн почувствовал, что начинает волноваться. Жизнь даже в простейших формах удавалось обнаружить крайне редко, а случаи, когда на планетах открывали разумную жизнь, вообще считались исключительным событием.

Блэйн пошел совсем медленно. Датчики работали бесшумно, и тишину нарушали лишь шорох колес и слабое жужжание прибора, фиксирующего информацию о форме, цвете, запахе, размерах, записывающего температуру, время, силу магнитных полей и регистрирующего все, что только можно зарегистрировать на этой планете.

Он издалека заметил живое существо — нечто развалившееся на полу, как лентяй, которому нечего делать, кроме как просто лежать вот так.

Не прибавляя скорости, Блэйн направился к нему, а датчики тем временем скармливали записывающему устройству информацию о распластавшемся на полу существе.

Оно было розовым; не того омерзительного розового цвета, что так часто встречается,— линялого, наводящего на мысли об анатомическом театре. Это был жизнерадостно-розовый. Платьице такого цвета надела бы семилетняя соседская девочка в свой день рождения.

Оно смотрело на Блэйна. Может, не глазами, но смотрело. Оно знало, что он здесь. И не боялось.

Блэйн приблизился к нему почти вплотную и остановился.

Оно выглядело довольно массивным: высота достигала двенадцати футов, а диаметр — не менее двадцати футов. Рядом с небольшим механизмом, которым был сейчас Блэйн, существо казалось гигантом, однако в нем не было ничего угрожающего. Хотя и дружественного тоже. И никаких других эмоций. Просто сгусток живой материи.

Блэйн напомнил себе, что теперь предстоит самое трудное. Теперь надо выбирать: действовать или отступить. От его следующего шага может зависеть, как сложатся дальнейшие взаимоотношения с этим существом.

Он стоял, ничего не предпринимая. Датчики втянулись и почти не работали, катушки записывающего устройства едва вращались.

Но ждать дальше было нельзя, потому что время подходило к концу. В его распоряжении оставалось совсем немного.

В этот момент сложнейшие приборы механизма, который сейчас заменял Блэйну тело, отметили, что по розовой массе пробежала легкая дрожь. Дрожь полусформированной мысли, начало контакта, первый шаг.

Блэйн напрягся, стараясь погасить поднимающуюся радость. Глупо радоваться, еще неизвестно, может, это и не телепатия. Хотя эта вибрация, определенные ощущения...

Ну пробуй же, сказал он себе, пробуй!

Время уходит!

Осталось всего полминуты!

Дрожь снова повторилась, на этот раз отчетливее, как будто существо, лежащее перед Блэйном, мысленно откашливалось перед тем, как начать говорить.

И существо заговорило.

— *Здорово, приятель!* — сказало оно.— *Меняюсь с тобой разумами.*

Разум Блэйна совершенно неожиданно раздвоился. Блэйн был одновременно и собой, и Розовым. На какой-то ужасный миг он ощутил себя им целиком: он так же, как Розовый, видел и чувствовал, знал то же, что знал он. И в то же время оставался Шепардом Блэйном, исследователем из «Фишхука», чей разум теперь находился так далеко от дома, вне Земли.

В этот момент раздался щелчок — время истекло.

Казалось, вся Вселенная вздрогнула и понеслась куда-то с немыслимой скоростью. Шепард Блэйн возвращался через пространство в пять тысяч световых лет в один весьма своеобразный уголок на севере Мексики и был бессилен помешать этому.

Глава 3

Он медленно выбирался из черной пропасти пространства, в которую был погружен, прокладывая себе путь со слепым упорством, ведомый каким-то древним, врожденным инстинктом.

Он знал, где находится, был уверен, что знает, хотя не смог бы сказать где. В эту пропасть он падал уже много раз и столько же раз выбирался из нее, но сейчас происходило нечто особенное, чего никогда прежде не случалось.

Что-то необычное коснулось его самого, он перестал быть самим собой, вернее, остался собой только наполовину, во второй же половине поселилось неведомое Нечто, то самое, что лежало у стены, ничего не боялось и изнывало от скуки.

Он выкарабкивался из пропасти, а мозг продолжал с бездумным упорством бороться с тем странным существом. Бороться, осознавая, что борьба бесполезна, что это неведомое Нечто навсегда поселилось в нем и будет отныне неотъемлемой частью его «я».

На минуту он прекратил сопротивляться и попытался разобраться в себе. Он был одновременно слишком многим и слишком во многих местах, и это сбивало с толку. Он был и человеком (что бы это ни означало), и мчащейся сквозь космос машиной, и непонятным Розовым, распластавшимся на голубом полу, и безумцем, падающим через полную ревущего времени вечность, которая математически не превышала доли секунды.

Он выполз из пропасти, и тьму сменил мягкий свет. Блэйн неподвижно лежал на спине. Его тело снова принадлежало ему, и он испытал давнее-давнее чувство благодарности за то, что опять удалось вернуться.

Наконец он все вспомнил.

Я, Шепард Блэйн, разведчик из «Фишхука», летаю в космос, исследую неизвестные миры. Бывал на планетах за много световых лет от Земли. Иногда открывал что-то интересное, иногда — нет. Но в этот раз обнаружил Нечто, ставшее частью меня самого и вернувшееся вместе со мной на Землю.

Он поискал это Нечто и обнаружил в уголке своего мозга, куда оно в ужасе забилось. Блэйну тоже было страшно, однако он попытался успокоить Его. Он понимал, каково Ему быть в плену у чужого разума. Хотя, с другой стороны, он и сам с

радостью избавился бы от этого «пленника», поселившегося в его мозгу.

— *Невеселая ситуация для нас обоих,*— мысленно произнес Блэйн, беседуя одновременно с собой и с этим существом.

Чужой выполз из своего уголка, где все это время прятался, и Блэйн ощутил его прикосновение, заглянул на миг в его чувства, понятия, знания. Блэйну показалось, что кровь чужого существа ледяным потоком вливается в его вены, что он ощущает его затхлый запах и слизистое прикосновение его лап,— он хотел закричать и с трудом сдержал безумный вопль. Он заставил себя лежать неподвижно, и Розовый опять забился в свое убежище и улегся, свернувшись в клубок.

Блэйн открыл глаза и увидел, как крышка кабины, в которой он лежал, откинулась. В лицо ударил резкий свет лампы.

Блэйн мысленно ощупал тело, проверяя, в целости ли оно и сохранности. Все было в порядке. Да иначе и быть не могло: все эти тридцать часов тело лежало здесь в полном покое. Он пошевелился, приказал себе подняться и сел. Со всех сторон смотрели расплывающиеся в потоках света лица.

— Ну как, трудно было в этот раз? — спросил кто-то.

— Не легче, чем обычно,— ответил Блэйн.

Он вылез из похожей на гроб кабины и зябко передернул плечами. Вдруг стало холодно.

— Ваш пиджак, сэр,— приблизилось чье-то лицо над белым халатом.

Девушка помогла ему надеть пиджак.

Потом подала стакан.

Блэйн попробовал: молоко. Можно было догадаться. Здесь всем принято по возвращении давать стакан молока. Может, в него что-нибудь кладут? Он никогда не интересовался. Для него и других разведчиков это была одна из многих мелочей, составляющих особую прелесть «Фишхука». Через сто с небольшим лет существования «Фишхук» сумел пронести великое множество полузабытых, в разной степени старомодных традиций.

Он уже стоял, потягивая молоко, и к нему возвращалась большая пусковая комната, в которой блестели ряды звездных машин. Некоторые были открыты, а в закрытых лежали тела товарищей Блэйна, и их разум путешествовал сейчас где-то в космосе.

— Который час? — спросил Блэйн.

— Девять вечера,— ответил человек, державший в руках журнал регистрации.

Существо опять шевельнулось в мозгу, и вновь зазвучали слова:

— *Здорово, приятель. Меняюсь с тобой разумами!*

Пожалуй, по человеческим понятиям, ничего более нелепого быть не могло. Это было приветствие. Что-то вроде рукопожатия. Мозгопожатие! Впрочем, если вдуматься, в нем куда больше смысла, чем в обычном рукопожатии.

Девушка тронула его за руку:

— Ваше молоко, сэр!

Если это расстройство мозговой деятельности, значит, оно еще не прошло. Блэйн снова ощутил Его — этот чуждый, темный сгусток, спрятавшийся где-то в подсознании.

— Машина в порядке? — спросил Блэйн.

Человек с журналом кивнул:

— Все в полном порядке. Записи с информацией уже отправили.

Полчаса, спокойно подумал Блэйн и удивился собственному спокойствию. У него осталось всего полчаса, потому что именно столько потребуется, чтобы обработать информацию. Записи всегда просматриваются сразу после возвращения исследователя. Приборы, конечно, зафиксировали, что произошло. И вскоре все станет известно. Надо выбраться отсюда прежде, чем прочтут записи.

Он оглядел комнату и вновь почувствовал удовлетворение, восторг, гордость — то, что испытал, попав сюда впервые много лет назад. Этот зал — сердце «Фишхука», отсюда отправляются исследователи на далекие планеты.

Блэйн представил, как тяжело будет расстаться со всем этим, как трудно будет уйти насовсем,— слишком большую часть самого себя он сюда вложил.

Но выбора нет, надо уходить.

Он допил молоко, отдал девушке стакан. Затем пошел к двери.

— Одну минуту, сэр,— мужчина протянул ему журнал.— Вы забыли расписаться.

Проклиная формальности, Блэйн вынул из журнала карандаш и расписался. Столько глупостей, но таков ритуал.

Расписывайся, когда приходишь, отмечайся, когда уходишь, а главное, держи язык за зубами. Такое впечатление, что одно лишнее слово — и «Фишхук» рассыплется в прах.

Он вернул журнал.

— Простите, мистер Блэйн, но вы не указали, когда придете на чтение записей.

— Напишите: завтра в девять,— бросил он.

Пусть пишут все, что вздумается, он не собирается возвращаться. У него осталось лишь тридцать минут, даже меньше, и нельзя терять ни мгновения.

С каждой убегающей секундой в памяти все ярче вставал тот вечер три года назад. Он отчетливо помнил не только слова, но и тон, которым они были произнесены. В тот вечер позвонил Годфри Стоун, и в его голосе, прерывистом, словно после очень быстрого бега, звучал панический страх...

— Счастливо! — Блэйн вышел в коридор и захлопнул за собой дверь. В коридоре никого не было. По обеим сторонам пустынного коридора двери были закрыты, из-за некоторых сквозь щели просачивался свет, стояла полная тишина. Но в этой безлюдности и тишине ощущался пульс гигантского организма «Фишхука». Казалось, огромный комплекс никогда не спит: круглые сутки работают лаборатории и испытательные станции, заводы и университеты, обширнейшие библиотеки и склады...

Блэйн на мгновение остановился, прикидывая. Все, кажется, достаточно просто. Выйти из здания ничто не мешает. Остается только сесть в машину, которая на стоянке, в пяти кварталах отсюда, и поскорей добраться до северной границы. Нет, остановил Блэйн себя, не годится, чересчур уж просто и прямолинейно. В «Фишхуке» наверняка решат, что именно так я и поступлю.

Но сомнение не покидало Блэйна, голову сверлила чудовищная мысль: а надо ли вообще бежать?!

А те пятеро после Годфри Стоуна — что, разве еще недостаточно?

Блэйн быстро зашагал вниз по коридору, стараясь разобраться в своих сомнениях и вместе с тем чувствуя, что сомнениям сейчас не место. Какие бы колебания ни возникали, он знал, что действует правильно. Но правильность сознавал рассудком, а сомнения шли от сердца.

Он понимал, что причина одна: он не хочет бежать из «Фишхука». Ему тут нравится, ему интересно работать в «Фишхуке» и не хочется бежать.

Но эту борьбу с самим собой он выиграл много месяцев назад. Уже тогда пришло решение: когда придет время, он уйдет, все бросит и убежит, как бы ни хотелось остаться.

Потому что Годфри Стоун уже прошел через это и, спасаясь бегством, выбрал момент и позвонил — не для того, чтобы просить о помощи, а чтобы предупредить.

«Шеп! — он выдыхал слова, словно говорил на бегу.— Шеп, слушай и не перебивай. Если когда-нибудь вернешься не таким, каким улетал, уноси ноги. Не жди ни минуты. Сразу же уноси ноги».

Затем в трубке щелкнуло, и все стихло.

Блэйн помнил, как стоял, продолжая сжимать в руке трубку. «Да, Годфри,— сказал он в молчащий телефон.— Да, я запомню. Спасибо. Удачи тебе».

И все. Больше он Годфри Стоуна никогда не видел и не слышал.

«Если ты вернешься не таким»,— сказал Годфри. И вот теперь Шеп «не такой». Он ощущает в себе чужой разум, второе «я», прячущееся в мозгу. Вот что, значит, делает человека «не таким». А как же другие? Не может быть, чтобы все повстречали того самого Розового, обитающего в пяти тысячах световых лет от Земли. Сколько же еще способов стать «не таким»?

Скоро в «Фишхуке» узнают, что он прилетел «не таким». Этому невозможно помешать. Узнают, лишь только закончат обрабатывать информацию. Тогда его запрут в лаборатории и приставят «слухача» — человека, ковыряющегося в чужих мыслях. Слухач будет разговаривать дружелюбно и даже с сочувствием, а сам в это время будет извлекать из его мозга Чужой Разум — выковыривать из убежища и исследовать.

Он подошел к лифту и уже собирался нажать кнопку, но тут распахнулась одна из выходящих в холл дверей.

— А, Шеп, это ты,— произнес человек, появившийся в двери.— Слышу, кто-то вышел из пусковой, думаю: кто бы это мог быть?

— Я только что вернулся,— ответил Блэйн.

— Не хочешь зайти ко мне на минутку? — пригласил Кирби Рэнд.— Я как раз собрался открыть бутылочку.

Блэйн знал, что раздумывать некогда. Надо или зайти и выпить пару рюмок, или сразу отказаться. Но отказ вызовет у Рэнда подозрение. Потому что работа Рэнда — подозревать. Не зря он начальник отдела безопасности «Фишхука».

— Ладно,— согласился Блэйн, стараясь говорить как можно спокойнее.— Только ненадолго. Свидание. Нехорошо заставлять девочку ждать.

Это должно избавить от всяких дальнейших предложений, подумал Блэйн. А то этот тип от избытка чувств может пригласить пообедать или что-нибудь посмотреть.

Кабина уже почти подошла к их этажу, но Блэйн заставил себя отойти от лифта. Идиотская задержка, но ничего теперь не поделаешь.

Когда он вошел к Рэнду, тот дружески похлопал его по плечу:

— Ну, как путешествие?

— Все отлично.

— Далеко летал?

— Около пяти тысяч световых.

Рэнд кивнул:

— Этого я мог и не спрашивать. Теперь все летают далеко. Поблизости мы уже почти все закончили. Еще сотня лет — и начнем летать за десять тысяч.

— Разницы большой нет,— сказал Блэйн.— Стоит только вылететь, как ты уже там. Расстояние не имеет значения. Может, когда станем летать еще дальше, до середины Галактики, тогда появятся помехи. И то вряд ли.

— Ученые тоже так считают.

Рэнд пересек кабинет, подошел к массивному столу и взял бутылку. Отбил сургуч и вытащил пробку.

— Знаешь, Шеп,— сказал он,— мы занимаемся фантастическим делом. И хотя иногда надоедает, в нем есть своя романтика.

— Просто мы дошли до этого очень поздно,— ответил Блэйн.— Умение было в нас всегда, но им не пользовались. Потому что не могли найти ему практического применения. Потому что все это казалось слишком немыслимым. Потому что отказывались верить. Древние догадывались об этом умении, но не понимали его и считали колдовством.

— Простые люди и сегодня так думают.— Рэнд достал лед из встроенного в стену холодильника, положил в бокалы и

наполнил их почти до краев.— Садись.— Он протянул Блэйну бокал и сел за стол.— Напрасно не присаживаешься. Ты же не особенно спешишь, а сидя пить гораздо приятнее.

Блэйн сел. Рэнд положил ноги на стол, устраиваясь поудобнее.

Осталось не более двадцати минут!

А он сидит здесь, сжимая в руке бокал, и ждет, когда Рэнд снова заговорит. И в эту секунду, когда оба молчали, Блэйну почудилось дыхание «Фишхука». «Фишхук» представился ему огромным живым существом, которое лежит здесь, в Северной Мексике, прильнув к закутавшейся в ночь матери-Земле. У этого существа есть сердце, легкие, пульсирующие вены, и он, Блэйн, чувствует этот пульс.

— У вас, исследователей, не жизнь, а одно удовольствие,— сидящий за противоположным концом стола Рэнд изобразил на лице добродушие.— Я иногда вам завидую.

— Для нас это работа,— небрежно заметил Блэйн.

— Вот сегодня ты побывал за пять тысяч световых лет. Наверняка это что-то тебе дало.

— Да, пожалуй,— согласился Блэйн.— Испытываешь какое-то высшее духовное удовлетворение, когда подумаешь, куда летал. А сегодня к тому же было интересней, чем обычно. Кажется, я нашел жизнь.

— Расскажи,— попросил Рэнд.

— Тут нечего рассказывать. Я натолкнулся на это существо, когда время уже кончалось. И не успел ничего сделать, как меня потащило назад. Ты должен что-то придумать, Кирби. Это чертовски мешает.

— Вряд ли это возможно.— Рэнд покачал головой.

— Вы должны позволить нам хоть иногда действовать по собственному усмотрению,— настаивал Блэйн.— Лимит времени не должен быть таким строгим. А то приходится торчать все тридцать часов на планете, где нечего делать, а когда, кажется, что-то находишь, тебя возвращают на Землю.

Рэнд усмехнулся.

— И не пытайся утверждать, что вам это не по силам,— продолжал Блэйн.— Я знаю, что это возможно. В распоряжении «Фишхука» столько ученых...

— Да нет, я не спорю,— ответил Рэнд,— это возможно, конечно. Просто мы не хотим выпускать контроль из своих рук.

— Боитесь, кто-нибудь останется?

— Не исключено.

— Зачем? — удивился Блэйн.— Ведь там ты уже не человек. Только человеческий разум, запрятанный в хитроумную машину.

— Нас устраивает все как есть. И потом, мы очень ценим вас, исследователей. Меры безопасности необходимы. Вдруг за пять тысяч световых лет случится авария? Вдруг что-то произойдет и разведчик не сможет управлять машиной? В этом случае он для нас потерян. А так все делается автоматически. Отправляя вас, мы знаем наверняка, что вы вернетесь.

— Вы слишком высоко нас цените,— сухо заметил Блэйн.

— Вовсе не слишком,— возразил Рэнд.— Ты имеешь представление, сколько денег мы в вас вкладываем? Ты отдаешь себе отчет, сколько человек приходится отсеять, прежде чем найдешь подходящего? Он должен быть и телепатом, и иметь способности к телепортации, и обладать психикой, способной выдержать все, что бы ни встретилось в космосе. И наконец, он должен быть предан «Фишхуку».

— Ну, преданность-то вы покупаете. Тут еще никто не жаловался на слишком маленькую зарплату.

— Я говорю о другом,— остановил его Рэнд,— ты знаешь о чем.

А каков ты сам, подумал Блэйн, какими человеческими качествами надо обладать, чтобы работать в системе безопасности? Может, надо уметь подслушивать чужие мысли, подглядывать в чужой разум? Но он знал Рэнда много лет и не замечал за ним таких способностей. Если б Рэнд был слухачом, зачем бы ему держать людей, единственная задача которых — подслушивать чужие мысли?

— И все-таки,— сказал Блэйн,— я не вижу необходимости держать нас под контролем постоянно. Мы могли бы...

— Не пойму, чего ты так беспокоишься. Полетишь еще на свою планету и продолжишь, что начал.

— Конечно полечу. Я ведь ее нашел, так что она в какой-то степени моя.

Он допил виски и поставил бокал.

— Все. Спасибо. Я пошел.

— Ладно,— ответил Рэнд.— Не буду тебя задерживать. Ты завтра работаешь?

— С девяти.

Глава 4

Блэйн открыл массивную, роскошно украшенную дверь и вышел на площадь. Он всегда стоял здесь минуту-другую, наслаждаясь городом, который в этот час особенно хорош. На площади, залитой мягким светом уличных фонарей, прохожие казались бесплотными тенями. Легкий вечерний ветерок шелестел листвой. Молча, почти бесшумно проносились вечно спешащие автомобили. И все это было слегка подернуто таинственной тонкой дымкой осеннего вечера.

Но сегодня он не стал любоваться городом. Не было времени. В его распоряжении оставалось всего восемь минут. Каких-то жалких восемь минут.

Его машина стояла на стоянке всего в пяти кварталах отсюда, но до нее не успеть дойти. Рисковать нельзя. Машину придется оставить.

И еще этот Кирби Рэнд. Зачем ему вдруг понадобилось выходить из кабинета и звать меня выпить именно в этот вечер?

Вроде бы все выглядело вполне естественно, но от разговора с Рэндом у Блэйна остался осадок легкого беспокойства, ощущение, будто Рэнд знал, что крадет у него время, будто он о чем-то подозревал.

Но все это позади, успокаивал себя Блэйн. Конечно, ему не слишком повезло, но ничего страшного пока не случилось. Может быть, так даже лучше. Если б он взял машину, «Фишхук» знал бы наверняка, где его искать. Но если уж его вынудили остаться в городе, то он исчезнет за десять минут.

Блэйн зашагал вниз по аллее и свернул в направлении, противоположном стоянке.

Еще бы десять минут, повторял он про себя, как молитву. За эти десять минут он найдет дюжину мест, где можно спрятаться — спрятаться, чтобы прийти в себя, подумать и решить, что делать дальше. Потому что сейчас, без машины, он просто не знает, что предпринять.

У него будут эти десять минут, он не сомневался в этом, только бы ему повезло, только бы не встретить кого-нибудь из знакомых.

Блэйн шел и чувствовал, как в голове, подобно пене, вскипает страх. Не его страх. Страх нечеловеческий. Бездонный, черный, визжащий, цепляющийся страх, рожденный в разуме, который не может больше выносить ужасов чужой планеты, не может прятаться в чужом мозгу, не в силах приспособиться к угрожающей ситуации, невыносимой оттого, что все в ней непонятно.

Стиснув зубы, Блэйн боролся с этим страхом, сознавая краешком ума, не поддавшимся панике, что страшно не ему, а тому, другому, кто прячется у него в мозгу.

Блэйн почувствовал, что сейчас не выдержит и побежит. Но напряг остатки воли и сдержался. Ему нельзя бежать: он ни в коем случае не должен привлекать к себе внимание.

Шатаясь от напряжения, Блэйн свернул с аллеи, натолкнулся на толстое дерево и, вытянув руки, обхватил ствол, как будто надеясь, что прикосновение к чему-то земному прибавит ему сил.

Он обнял ствол дерева и замер, приникнув к нему. Страх начал медленно стекать обратно, в глубины мозга. Чужой разум уползал назад в свою нору, жалко отступая и прячась.

— *Все в порядке,*— пытался успокоить его Блэйн.— *Оставайся там, где есть, и не беспокойся. Предоставь все мне. Я все сделаю сам.*

Существо пыталось освободиться. Оно сделало отчаянную попытку вырваться из плена и, потерпев неудачу, вернулось обратно, в самый безопасный уголок загона, в котором вдруг оказалось.

«Только бы это не повторилось,— подумал Блэйн.— Больше не выдержу. Случись это еще раз — побегу, не в силах противиться страху. Побегу — с пеной у рта, испуская вопли ужаса. И тогда мне крышка».

Он разжал руки, отпустил дерево и теперь стоял рядом с ним, выпрямившись, оцепенев, с трудом заставляя себя стоять прямо, не поддаваться слабости. Он чувствовал, что его тело покрыто испариной, дыхание — как у бегуна, только что прошедшего дистанцию. «Неужели сумею убежать, скрыться? Неужели смогу спастись с этой обузой за пазухой?» Даже одному было бы нелегко скрываться от преследования, а если тащить с собой этот скулящий от страха разум...

Но от него не избавиться. По крайней мере, сейчас неизвестно, как это сделать, и придется терпеть его в себе и бороться вместе с ним, как бы трудно ни было.

Он отошел от дерева, но теперь его шаг замедлился, стал менее уверенным. Стараясь унять охватившую его дрожь, при-

дать твердость походке, Блэйн двинулся дальше вниз по аллее. И вдруг почувствовал, что страшно голоден. Удивительно, подумал он, что голод только сейчас дает о себе знать. Ведь, кроме стакана молока, за последние тридцать часов во рту не было ни крошки. Только полный покой для тела, похожий на глубокий, крепкий сон,— и ни крошки еды за все это время.

Глухо бормоча атомными двигателями, мимо проносились реактивные автомобили.

Один из них подлетел к тротуару, остановился рядом с Блэйном, и чье-то лицо показалось в окошке.

— Шеп! Вот это здорово! Я так и знал, что встречу тебя.

Блэйн испуганно остановился и взглянул на водителя, чувствуя, как чужой страх вновь закипает в нем. Усилием воли Блэйн загнал этот страх обратно и произнес как можно спокойнее:

— Привет, Фредди! Давненько мы с тобой не виделись.

Это был Фредди Бейтс. Никто не знал, чем он занимается, но ходили смутные слухи, что он чей-то представитель в этом городе, где каждый второй или какой-нибудь уполномоченный, или секретный агент.

Фредди открыл дверцу:

— Прыгай. Поедем на вечеринку.

Кажется, это то, что надо, подумал Блэйн. Конечно, лучше и не придумаешь: «Фишхуку» в голову не придет искать его в веселящейся компании. И потом, в случае чего оттуда всегда легко улизнуть. Там столько народа, что исчезновения одного человека никто не заметит. И наверняка найдется машина, в которой какой-нибудь рассеянный владелец забудет ключи. Кроме всего, там можно будет поесть — а это необходимо.

— Прыгай,— повторил Фредди.— Сегодня пьянка у Шарлин.

Блэйн быстро сел на мягкое сиденье. Дверца тихо захлопнулась, и машина Фредди влилась в мчащийся поток.

— Я говорю Шарлин,— начал Фредди,— что это за вечер, если нет ни одной души из «Фишхука». И вызвался заманить какую-нибудь важную птицу оттуда.

— Ты промахнулся. Никакая я не важная птица.

— Зато исследователь, разведчик. А разведчикам есть о чем порассказать.

— Ты же знаешь, мы на эти темы не распространяемся.

Фредди прищелкнул языком:

— Всё тайны!

— Нет, просто правила и инструкции.

— Да, конечно. Потому-то слухи здесь разносятся со скоростью света. Стоит днем случиться чему-нибудь на одном конце города, как вечером в кабаках на другом конце уже обсасываются все подробности.

— И обычно перевираются.

— Может, кое-что и приукрашивается для интереса, но суть дела остается.

Блэйн промолчал. Откинувшись на спинку сиденья, смотрел через окно на мелькающие огни улиц, на кварталы массивных домов с плоскими крышами. Все это «Фишхук». Удивительно, уже сколько лет он здесь ездит и не перестает каждый раз восхищаться этим видом. Впрочем, подумал он, самый вид тут ни при чем, бывают виды куда красивее и величественнее. Все дело в невероятной, фантастической сути «Фишхука», отблеском ложащейся на весь город.

Если судить не по названию, а по значению, то именно здесь расположена настоящая столица Земли, подумал Блэйн. Сюда устремлены надежды миллионов людей, здесь заключено величие будущего. Тут находится звено, связывающее человечество с другими мирами, затерянными в глубинах космоса.

«А я ухожу отсюда».

До сих пор трудно поверить, что человеку, который так любил свое дело, так верил в него, отдавал ему всю свою жизнь, приходится теперь удирать, словно вспугнутому зайцу.

— Что вы собираетесь со всем этим делать? — спросил Фредди.

— С чем «этим»?

— Со всеми вашими знаниями, секретами, идеями?

— Не знаю.

— Сотни ученых, не помня себя от счастья, раскручивают колесо науки. У тысяч инженеров и специалистов кругом идет голова от их невероятных открытий. Как далеко вы ушли от остальных людей? На миллион лет или больше?

— Поговори с кем-нибудь другим. Я не в курсе. Я только выполняю свою работу. Если ты пытаешься выудить из меня что-то, то напрасно. Меня на эти приманки не поймать.

— Извини. Я просто одержим этой мыслью.

— Не ты один. На Земле нет, наверно, такого места, где бы не ругали «Фишхук». Для миллионов людей сегодня это любимое занятие.

— *Попробуй взглянуть на это с моей точки зрения.*— Голос Фредди звучал серьезно.— Сижу я в стороне и понятия не имею, что делается в каком-то «Фишхуке». И вдруг появляешься ты: сверхчеловек со своими сверхчеловеческими планами. Конечно, я завидую тем, кто в этом участвует, я ощущаю свою неполноценность и второсортность. А ты удивляешься, *что люди ненавидят «Фишхук» и все, что с ним связано.*

— А они и в самом деле ненавидят?

— Шеп,— мрачно произнес Фредди.— Тебе надо самому съездить и посмотреть.

— Не вижу особой надобности. И так достаточно наслышан. Я хочу знать: то, что они испытывают к «Фишхуку», в самом деле ненависть?

— Думаю, да. Может быть, не здесь именно. То, что болтают в нашем городке, просто дань моде. Но поезжай в провинцию — и поймешь, что «Фишхук» там действительно ненавидят.

Они въехали в район жилых кварталов. Вдоль широких, плохо освещенных улиц нескончаемой нитью потянулись серые ряды домов. Машин стало меньше.

— Кто будет у Шарлин? — спросил Блэйн.

— А, все тот же зверинец. Шарлин любит устраивать такие дикие сборища, где все дозволено и где всем друг на друга наплевать. И где можно переспать почти с любой женщиной.

— Да, я знаю.

Существо слабо, будто во сне, шевельнулось у него в мозгу.

— *Все в порядке,*— сказал ему Блэйн.— *Успокойся и не двигайся. Нам повезло. Мы выбираемся.*

Фредди свернул с шоссе на дорогу, которая стремительной спиралью поднималась вверх по каньону. Воздух похолодал. В темноте, раскачиваясь, шелестели деревья. Пахло хвоей.

За крутым поворотом показались огни дома. Он стоял на уступе скалы — современное здание, прилепившееся, как ласточкино гнездо, к почти отвесной стене каньона.

— Ну вот и прибыли,— весело произнес Фредди.

Глава 5

Вечеринка становилась шумной, не буйной пока, но шумной, как бывает в конце концов со всеми вечеринками, и здесь уже воцарилась атмосфера пустоты и бесцельности. Густой табачный дым, прохладный ветерок, залетающий из каньона в распахнутые окна, нескончаемая, никчемная болтовня, доносящаяся отовсюду,— все, казалось, говорило о том, что уже поздно и гости вот-вот начнут расходиться. Но на самом деле еще не было и двенадцати.

Герман Дальтон тяжело опустился в кресло, вытянул длинные ноги и, заправив в угол рта сигару, несколько раз провел пятерней по волосам, отчего его голова стала похожа на только что купленную щетку.

— Послушайте, Блэйн,— пробасил он.— С этим надо что-то делать. Если все оставить как есть, то скоро наступит время, когда понятие «бизнес» исчезнет. «Фишхук» прижал нас к стене.

— Мистер Дальтон,— устало произнес Блэйн,— если вам надо обсудить с кем-то этот вопрос, то я не подхожу для этой цели. В бизнесе я не разбираюсь, а о «Фишхуке» просто ничего не знаю, хотя и работаю там.

— «Фишхук» *поглощает нас,*— сердито продолжал Дальтон.— Лишает нас средств к существованию. Он разрушает стройную систему писаных и неписаных законов, которые на протяжении веков вырабатывались умными людьми, глубоко преданными интересам общества. «Фишхук» разваливает торговлю. Медленно, но неуклонно разоряет нас одного за другим. Взять хотя бы эти «мясные овощи»! Надо же такое выдумать. Сажаешь в грядку семена, а потом идешь и выкапываешь эдакий картофель, в котором протеина больше, чем в мясе.

— И теперь миллионы людей едят мясо, чего раньше не могли себе позволить, получая благодаря вашей замечательной «системе писаных и неписаных законов» гроши.

— А фермеры! Подумайте о тех, кто вложил капиталы в торговлю мясом. Я уже не говорю о компаниях по производству тары.

— Конечно, по всем правилам следовало бы поставлять семена только фермерам или владельцам универсамов либо продавать их не по десять центов за штуку, а по доллару или

полтора. Тогда, конечно, натуральное мясо смогло бы конкурировать с семенами, а экономика не испытала бы никаких потрясений. Но в таком случае, естественно, эти миллионы людей никогда...

— Простите,— запротестовал Дальтон,— но вы не понимаете, что экономика — движущая сила нашего общества. Уничтожьте экономику, и вы уничтожите человека.

— Очень и очень сомневаюсь.

— Но правоту моих взглядов подтверждает история. Торговля создала мир, который нас сегодня окружает. Торговля открывала новые земли, отправляла корабли в далекие края, строила заводы и...

— Я вижу, мистер Дальтон, вы хорошо знаете историю.

— Да, мистер Блэйн, неплохо. И особенно меня интересует...

— Тогда вы должны были заметить, что мысли, обычаи и убеждения со временем устаревают. Это можно прочитать на каждой странице вашей истории. Меняется мир, и меняются люди и их взгляды. Вам никогда не приходило в голову, что экономика, о которой вы так тревожитесь, устарела и... больше не приносит пользы? Что она сыграла свою роль в развитии человечества и мир пошел дальше, и теперь экономика — понятие историческое, нечто вроде бронтозавра?

Дальтон даже подскочил в кресле, волосы его встали дыбом, сигара чуть не выпала изо рта.

— Боже мой! — воскликнул он.— Это ужасно. Неужели «Фишхук» в самом деле так думает?

Блэйн сухо усмехнулся:

— Нет, так думаю я, и у меня нет ни малейшего представления о позиции «Фишхука». Я ведь не член Правления.

Вот так всегда, подумал Блэйн. Куда ни пойдешь, всюду одно и то же. Вечно кто-то пытается выудить хоть какой-нибудь намек или крошечный секретик, касающийся «Фишхука». Эта стая стервятников, это сборище соглядатаев, которые жаждут знать, что же происходит, и воображают гораздо больше того, что есть на самом деле.

Дальтон снова откинулся на спинку кресла. Огромная сигара опять надежно держалась у него во рту, а волосы улеглись назад ровными рядами, словно их пригладили расческой.

— Вы утверждаете, что не состоите в Правлении. Значит, вы разведчик?

Блэйн кивнул.

— И вы летаете в космос и посещаете другие звезды и планеты?

— Да, именно.

— Но в таком случае вы — парапсих!

— Да, нас так называют. Хотя, простите за прямоту, в приличном обществе это слово стараются не употреблять.

Смутить Дальтона было невозможно.

— Интересно, что вы там видите?

— К сожалению, мистер Дальтон, я не могу ответить вам на этот вопрос.

— Вы летаете один?

— Нет, беру с собой тайпер.

— Тайпер?

— Такой механизм, набитый всякими приборами, которые записывают все, что происходит вокруг.

— Так эта штука летает вместе с вами?

— Да нет же, повторяю вам, я беру ее с собой. Когда я вылетаю, то прихватываю ее с собой как портфель.

— Значит, только ваш разум и этот механизм?

— Да, мой разум и этот механизм.

— Но это невероятно!

Блэйн промолчал.

Дальтон извлек сигару изо рта и внимательно осмотрел ее. Конец сигары был так изгрызен, что изжеванные листья мокрыми прядями свисали вниз. Сосредоточенно сопя, Дальтон покрутил сигару, чтобы завернуть размокшие листья, и отправил ее обратно в рот.

— Давайте вернемся к тому, с чего мы начали,— изрек он с величественным видом.— У «Фишхука» имеются всякие там дьявольские штуки. Ладно. Бог с ним. Думаю, перед поступлением в продажу все тщательно проверяется. И никто не был бы в обиде — да, сэр, никто,— если бы «Фишхук» торговал через различные официальные организации. Но «Фишхук» не желает, чтобы эти штуки продавал кто-либо другой. Он открыл собственные лавки. Мало того, для вящей обиды назвал эти лавки факториями*. Можно подумать, что «Фишхук» имеет дело с толпой дикарей.

* Фактория — торговая контора или поселение европейских купцов в колониальных странах.

Блэйн рассмеялся:

— По всей видимости, когда-то в «Фишхуке» работал человек, наделенный чувством юмора. Уверяю вас, мистер Дальтон, в это очень трудно поверить.

Дальтон распалялся все больше:

— Изобретаются все новые и новые способы, чтобы разорить нас. С каждым годом «Фишхук» все больше прибирает к рукам производство товаров, пользующихся спросом. А то и просто уничтожает спрос. Это не угроза несчастья, которое вот-вот может разразиться, а ржавчина, разъедающая нас уже давно. Недавно я узнал, что «Фишхук» собирается ввести свою систему телепортации, доступную для всех желающих. Вы представляете, какой это будет удар для торговли?

— Видимо, придет конец всем автомобильным фирмам и некоторым авиационным.

— «Видимо»! Вы прекрасно знаете, что так и будет. Ни один способ транспортировки не сможет конкурировать с телепортацией.

— Тогда единственный выход для вас — разработать систему телепортации самим. И за пределами «Фишхука» есть люди, которые могут показать, как это делается.

— Ненормальные! — злобно произнес Дальтон.

— Нет, Дальтон. Это обычные люди с паранормальными способностями. Благодаря им «Фишхук» стал сегодня тем, что он есть. То, что восхищает вас в «Фишхуке», почему-то вызывает отвращение за его пределами.

— Мы не можем пойти на это. Существуют же народные традиции.

— А, народные традиции... Что, улюлюкающие толпы по-прежнему продолжают распинать парапсихов?

— Общественное мнение иногда возмущается,— неохотно согласился Дальтон.

— Можно представить, каким образом.

Дальтон вынул изо рта сигару, брезгливо посмотрел на нее: один конец потух, другой — весь изжеван. Немного подумав, он швырнул ее в цветочный горшок. Сигара зацепилась за нижние листья растения и закачалась грязным пятном на фоне зелени.

Сложив руки на животе, Дальтон уставился в потолок.

— Мистер Блэйн,— сказал он.

— Да!

— Вы очень проницательный человек. И цельный. Вы терпеть не можете консервативность в мышлении и несколько раз здорово поддели меня. Мне нравится, как вы это сделали.

— К вашим услугам,— холодно отозвался Блэйн.

— Сколько вам платят?

— Достаточно.

— Такого не бывает. Я никогда еще не встречал человека...

— Если вы пытаетесь купить меня, то просто спятили.

— Не купить, а нанять. Вы прекрасно знаете «Фишхук», знакомы со многими людьми. В качестве консультанта вы были бы просто незаменимы. Нам очень хотелось бы обсудить...

— Простите, сэр, но я ничего не смогу для вас сделать. При теперешних обстоятельствах я не смогу быть чем-либо для вас полезным.

Все, здесь я уже провел целый час, это более чем достаточно. Поел, выпил, поговорил с Дальтоном — просадил на него уйму времени. Пора двигаться дальше. Когда до «Фишхука» дойдет слух, что я здесь, надо быть подальше отсюда.

Сзади зашелестело платье, и чья-то рука легла ему на плечо.

— Я рада, что ты пришел, Шеп,— сказала Шарлин Витьер.

Он встал и повернулся к ней.

— Это я рад, что ты пригласила меня.

Ее глаза кокетливо блеснули.

— Я тебя пригласила?

— Нет, по правде, меня притащил Фредди Бейтс. Надеюсь, ты не возражаешь?

— Ты же знаешь, я тебе всегда рада,— она слегка сжала ему руку.— Пойдем, я познакомлю тебя с одним человеком. Извините нас, мистер Дальтон.

— Пожалуйста.

— Вышло довольно невежливо,— заметил Блэйн, когда они отошли.

— Надо было тебя спасать. Это на редкость скучный тип. Понятия не имею, откуда он здесь взялся. Уверена, что я его не приглашала.

— А кто он такой? Я так и не понял.

Она пожала красивыми обнаженными плечами.

— Глава какой-то торговой делегации. Они приехали поплакаться о несчастьях, которые на них обрушил «Фишхук».

— Я так и подумал. Он очень расстроен и, по его словам, очень несчастен.

— Ты почему не пьешь?

— Только что выпил.

— А ты поел? Тебе весело? У меня есть дименсино, последняя модель...

— Я посмотрю, только попозже.

— Пойди выпей еще. А я поздороваюсь еще кое с кем из гостей. Ты не останешься потом? Ты так давно у меня не был.

Блэйн покачал головой:

— Ужасно жаль, но не смогу. Спасибо.

— Тогда в другой раз,— сказала она и собралась идти, но Блэйн шагнул вперед и остановил ее.

— Шарлин,— спросил он,— тебе когда-нибудь говорили, что ты чертовски славное создание?

— Нет. Никогда и никто.

Она приподнялась на цыпочки и поцеловала его в щеку.

— А теперь иди развлекайся.

Блэйн стоял и смотрел, как она движется среди гостей.

Розовый вопросительно шевельнулся в нем.

— *Подожди,*— сказал ему Блэйн, глядя в толпу.— *Положись на меня и потерпи еще немного. Потом мы вместе все обсудим.*

Он почувствовал, что Розовый благодарен за то, что он помнит о нем, что откликнулся.

— *Мы поладим,*— сказал он.— *Должны поладить. Ведь мы с тобой единое целое.*

Розовый успокоился. Блэйн почувствовал, как он спокойно улегся, предоставив ему действовать. В самом начале он уже испытал страх, и страх снова мог родиться в нем. Пока он сдерживался, хотя ситуация, Блэйн знал, должна была казаться ему ужасающей: чудовищно, невообразимо велика была разница между этим местом и уединенной безмятежностью голубой комнаты на той далекой планете.

Блэйн как бы бесцельно пересек комнату, прошел вдоль бара, заглянул на минуту в зал с новым дименсино и вышел в прихожую. Надо ехать. До рассвета надо или как следует спрятаться, или быть за много миль отсюда.

Он побродил среди оживленно болтающих компаний, здороваясь со знакомыми.

Ему потребуется время, чтобы найти машину, в которой кто-то по забывчивости оставил ключ. А вдруг, пришла ему в голову страшная мысль, такой машины не окажется? Что тогда? Спрятаться в горах дня на два, пока не прояснится ситуация? Шарлин не откажется помочь, но она слишком болтлива, будет спокойнее, если она ничего не узнает. К кому еще можно обратиться за помощью? Ребята из «Фишхука», конечно, помогли бы, но это их скомпрометирует. Нет, до такой крайности он еще не дошел. Многие другие тоже согласились бы оказать помощь, но каждому из них и без того непросто в безумном сплетении интриг и доносов, которым окружен «Фишхук». И потом, никогда не знаешь, кому можно доверять. Некоторые, несомненно, тут же выдали бы его в расчете получить повышение по службе.

Наконец он подошел к двери. Казалось, он вышел из густого леса на открытое поле: здесь нескончаемая болтовня едва слышалась, воздух казался прозрачнее и как-то чище. Исчезло чувство подавленности, скученности тел и умов, биения чужого пульса, наплыва пустой болтовни и злобных сплетен.

Дверь открылась, и в прихожую вошла женщина.

— Гарриет! — удивился Блэйн.— Как я не сообразил, что ты здесь. Ты ведь не пропускаешь ни одной вечеринки у Шарлин. Собираешь всякие интересные истории для текущей хроники...

Ее телепатический шепот обжег ему мозг:

— *Шеп, ты полный, ты законченный кретин! Что ты здесь делаешь? (Изображение кривляющейся обезьяны в бумажном колпаке, лошадиный зад с задранным хвостом.)*

— Разве ты...

— *Конечно. Почему бы нет?» (Ряд вопросительных знаков.) Думаешь, только в «Фишхуке»? Только ты один? Да, я держу это в тайне. Но я имею право на тайны. Разве хороший газетчик может обойтись без этого? (Кипы пыльных бумаг; бесконечный поток цифр; губы, нашептывающие что-то в огромное ухо.)*

Вслух Гарриет Квимби произнесла приятным, певучим голосом:

— О, я никогда не пропускаю вечеринки у Шарлин. Здесь можно встретить таких интересных людей.

— *Дурные манеры,*— упрекнул Блэйн. Телепатией пользоваться вообще считалось дурной манерой, а в обществе и подавно.

— *К черту манеры! Я тут перед ним душу наизнанку выворачиваю, а он... (Лицо, очень похожее на него, перед которым элегантно скрестились в виде решетки красивые тонкие пальцы.) Тебя ищут. Они уже знают, что ты тут. Скоро они будут здесь — если еще не пришли. Я приехала, как только узнала. Да не молчи же ты, как дурак... На нас обратят внимание, если мы будем так стоять.*

— На этот раз ты напрасно потеряла время,— выговорил Блэйн.— Сегодня здесь нет интересных людей. Сегодня собралась на редкость неинтересная публика. *Слухачи!!*

— *Пусть. Надо попробовать. Ты в опасности. Как Стоун. Как другие после него. Я приехала помочь тебе.*

— Я тут беседовал с одним бизнесменом-лоббистом,— произнес он.— Жуткая скука. Вот, вышел сюда глотнуть свежего воздуха. *Стоун! Что тебе о нем известно?*

— *Сейчас это не важно. Тогда я еду обратно, не стану терять время попусту. Моя машина стоит на обочине, но тебе со мной идти нельзя. Я пойду заведу мотор и выведу машину на дорогу, ты поброди еще немного здесь, а потом пробирайся на кухню. (План дома с красной линией, ведущей в кухню.)*

— *Я знаю, где кухня.*

— *Только спокойнее. Не делай резких движений, держись естественней. Веди себя как все и делай вид, что умираешь от скуки». (Карикатурный человечек с опущенными ресницами. Плечи его согнулись под тяжестью бокала, который он вяло держит в руке. У человечка распухшие от шума уши, а на рожице застывшая улыбка.) «Сначала пойдешь на кухню, оттуда — через черный ход на улицу.*

— Неужели ты поедешь вот так, сразу? — спросил вслух Блэйн.— Вдруг я ошибся? *Но зачем? Зачем ты это делаешь? Какой тебе смысл? (Человек, с недоумением и злостью глядящий в пустой мешок.)*

— *Люблю тебя. (Деревянный забор, на котором вырезано сердце, пронзенное стрелой.)*

— *Не лги. (Кусок мыла, энергично моющий рот.)*

— Не говори им, Шеп,— попросила Гарриет,— а то Шарлин до смерти обидится. *Я ведь журналистка, из твоих приключений выйдет неплохой рассказ.*

— *Но ты забыла, что «Фишхук» может караулить на дороге у выхода из ущелья.*

— *Не беспокойся, Шеп, я разузнала их планы. Мы их одурачим.*

— *Хорошо, буду нем как рыба.* До встречи. *И спасибо.*

Она вышла, и каблучки ее застучали вниз по лестнице.

Блэйн медленно повернулся и направился обратно, в переполненные комнаты. Не успел он перешагнуть порог, как в лицо ему ударил жаркий ком разговоров — гул десятков голосов людей, которым все равно, что говорить и с кем, лишь бы говорить, лишь бы отыскать в этом шуме суррогат самоутверждения.

Значит, Гарриет — телепат. Вот чего бы он никогда не подумал. Хотя если ты журналист и обладаешь способностью к телепатии, самое разумное — никому об этом не говорить.

В болтливости ее не упрекнешь, подумал Блэйн и удивился, как эта женщина смогла так долго хранить свою тайну. Впрочем, напомнил он себе, Гарриет сначала журналист, а потом уже женщина. Пишет она лучше, чем многие известные писаки.

У бара он остановился, взял виски со льдом и несколько минут со скучающим видом потягивал напиток. Нельзя показать, что он спешит или куда-то направляется, но и нельзя допустить, чтобы его втянули в какой-нибудь разговор,— на это нет времени.

Можно было бы зайти на пару минут в дименсино, но опасно. Слишком быстро там включаешься в сюжет, теряешь чувство времени, растворяешься в происходящем. Потом, включаясь в середине программы, часто рискуешь оказаться в весьма неловком положении.

Лучше не стоит, решил он.

Блэйн обменялся приветствиями с несколькими знакомыми; его покровительственно похлопал по спине один подвыпивший джентльмен, с которым он познакомился дней десять назад; ему пришлось выслушать пару непристойных анекдотов; он даже слегка пофлиртовал с престарелой вдовушкой, которая с глупой улыбкой набросилась вдруг на него.

И все это время он двигался к двери в кухню.

Наконец добрался до нее.

Перешагнул через порог и с праздным видом пошел вниз по ступенькам.

В кухне никого не было. Холодной голубой эмалью сверкала посуда. Гулко тикали настенные часы с длинной секундной стрелкой.

Блэйн поставил еще наполовину полный бокал с виски на ближайший столик. От наружной двери его отделяли лишь шесть шагов по тускло мерцающему полу.

Он сделал два шага и собрался сделать третий, как в мозгу у него раздался тихий возглас предупреждения. Блэйн оглянулся.

За большим холодильником, сжимая что-то в кармане пиджака, стоял Фредди Бейтс.

— Брось, Шеп,— сказал он,— не советую сопротивляться. Все вокруг оцеплено. У тебя нет шансов.

Глава 6

Блэйн на секунду замер от удивления, он был буквально ошеломлен. Именно ошеломлен, а не испуган и не разгневан. Ошеломлен тем, что это оказался именно Фредди Бейтс. Итак, Фредди уже не бездельник, которого мало кто знает и который мало кого интересует, бесцельно прожигающий жизнь в городе, полном таких, как он, а агент «Фишхука», и, по-видимому, весьма способный.

И еще: Кирби Рэнд все знал и все же позволил ему выйти из кабинета и спуститься на лифте. Но он еще не вышел на улицу, а Рэнд уже, сжимая трубку телефона, давал задание Фредди.

«Все было обставлено умно,— вынужден был признать Блэйн,— куда умней, чем мое собственное поведение.— Ни на секунду он не заподозрил, что Рэнд о чем-то догадывается.— И Фредди, приглашая меня в машину, выглядел таким же, как всегда, неудачником».

Ошеломление медленно проходило, уступая место злости. Злости за то, что он попался, что его провело такое ничтожество, как Фредди.

— Мы сейчас спокойно, как подобает друзьям, выйдем отсюда,— сказал Фредди,— и я отвезу тебя обратно побеседовать с Рэндом. Тихо, мирно, без суеты. Мы ведь не захотим — ни ты, ни я — причинять Шарлин беспокойство.

— Нет,— ответил Блэйн.— Нет, конечно не захотим.

Его мозг лихорадочно работал, отыскивая лазейку, пытаясь найти какой-нибудь выход, что угодно, лишь бы выпутаться из положения. Потому что он не собирался ехать обратно. Что бы ни случилось, он не вернется с Фредди.

Он почувствовал, что Розовый зашевелился в нем, как будто выбираясь из своего уголка.

— *Нет!* — закричал Блэйн.— *Нет!*

Но было уже слишком поздно. Розовый выбрался и заполнил весь его мозг. И хотя он продолжал оставаться собой, он был и еще кем-то. Он стал сразу двумя существами — и это было очень странное ощущение,— и вдруг произошло что-то непонятное.

Комната застыла как мертвая, только на стене стонали часы. И это было тоже непонятно, потому что прежде с часами ничего подобного не случалось, они жужжали, но никогда не издавали ничего, похожего на стон.

Блэйн быстро шагнул вперед, но Фредди не двинулся с места. Стоял, держа руку в кармане, и не шевелился.

Еще один шаг, и Фредди едва шелохнулся. Его глаза не мигая уставились в одну точку. Но выражение лица стало медленно и необычным образом меняться, и рука пошла вверх из кармана, но настолько медленно, что движение лишь угадывалось, как будто и рука, и пальцы, и то, что пальцы сжимают в кармане, пробуждались от глубокого сна.

И вот еще один шаг, и Блэйн подошел к нему почти вплотную. Его кулак как поршень рванулся вперед. У Фредди медленно, как на проржавевших шарнирах, отвисла челюсть и веки, видимо моргая, поползли вниз.

Кулак обрушился на челюсть. Блэйн попал точно, куда целился, и вложил в удар всю силу, всю тяжесть своего тела. Но даже когда боль от удара обожгла ему костяшки пальцев и отдалась в запястье, он знал, что это ни к чему. Потому что Фредди практически не шевельнулся, не сделал ни малейшей попытки защититься.

Фредди падал, но падал как-то странно. Он падал медленно и плавно — так падает дерево после смертельного удара топора. Тело медленно кренилось к полу, и только теперь, в падении, рука с зажатым в ней револьвером выплыла из кар-

мана. Выскользнув из ослабевших пальцев, револьвер со стуком опустился на пол.

Блэйн нагнулся и, прежде чем Фредди ударился об пол, поднял револьвер, и стоял так, сжимая его в руке, и глядел, как Фредди наконец упал — вернее, не упал, а, скорее, улегся на пол и, как бы расслабившись, замер на его поверхности.

Часы по-прежнему стонали на стене, и Блэйн, обернувшись, посмотрел на них и увидел, что секундная стрелка едва ползет по циферблату. Ползет, вместо того чтоб бежать... И этот стон вместо жужжания: часы, наверно, тоже рехнулись, подумал Блэйн.

Что-то произошло со временем. Об этом говорили и едва ползущая секундная стрелка, и почти пропавшая реакция у Фредди.

Ход времени замедлился.

И это было невозможно.

Ход времени не замедлился; время — величина постоянная. Но если это каким-то образом и произошло, то почему время не замедлилось для него?

Если только...

Ну конечно, если только не время замедлилось, а он сам стал двигаться быстрее, настолько быстро, что Фредди не успел ничего сделать, не сумел защититься и ни при каких обстоятельствах не смог бы достать из кармана револьвер.

Блэйн вытянул руку и взглянул на револьвер. От этой тупорылой, уродливой вещицы веяло смертью.

Да, Фредди не шутил. И «Фищхук» тоже. Тот, кто собирается лишь немного поиграть, отделываясь шуточками и улыбками, не станет брать с собой оружие. А если взял, значит, готов был пустить его в ход. Фредди, несомненно, был готов к этому.

Блэйн повернулся и посмотрел на Фредди. Тот по-прежнему безмятежно лежал на полу. Пожалуй, он еще немного тут полежит, прежде чем придет в себя.

Блэйн сунул револьвер в карман и направился к выходу, мимоходом взглянув на часы. За все это время секундная стрелка едва сдвинулась с места.

Открыв дверь, он обернулся и еще раз окинул взглядом кухню. Идеально стерильная кухня по-прежнему безжизненно

сияла посудой, единственное, что теперь нарушало порядок,— это тело Фредди, распластавшееся на полу.

Блэйн вышел и зашагал по выложенной плитами дорожке к длинной каменной лестнице, перечеркнувшей склон огромной скалы.

Человек, который развалившись сидел на ступени, начал медленно подниматься, увидев, как Блэйн бежит ему навстречу.

Свет одного из окон верхнего этажа падал человеку на лицо, и Блэйн заметил, что оно выражает крайнее недоумение. Казалось, застывшие черты лица высечены на каменной маске.

— Извини, приятель,— Блэйн уперся раскрытой ладонью в эту маску и с силой толкнул ее.

Человек стал медленно отступать осторожными шажками, с каждым шагом наклоняясь назад все больше и больше. Прошло еще немного времени, и он упал на спину.

Но Блэйн не стал ждать. Он продолжал бежать, перескакивая через ступени. В стороне от темных рядов автомобилей, припаркованных на стоянке, тихо урчала мотором машина с включенными подфарниками.

Это ждет Гарриет, понял Блэйн. Но она повернула машину не в ту сторону — не вниз по дороге, к выходу из каньона, а в самую глубь его. И он знал, что это ошибка, потому что вверх дорога сужается и через милю-две проехать уже невозможно.

Блэйн перескочил через последнюю ступеньку и, осторожно пробираясь между автомобилями, вышел на дорогу.

Гарриет сидела в машине. Блэйн обошел вокруг, открыл дверцу с другой стороны и скользнул на сиденье.

На него вдруг обрушилась страшная, до ломоты в костях усталость, как после бега. Казалось, он пробежал слишком длинную дистанцию. Откинувшись на спинку сиденья, он посмотрел на лежащие на коленях ладони и увидел, что руки дрожат.

— Как ты быстро,— обернулась к нему Гарриет.

— Представилась возможность,— ответил Блэйн.— И я не стал ждать.

Она включила скорость, и машина двинулась вверх по дороге. Эхо подхватило гул реактивного двигателя, разнося его по всему ущелью.

— Надеюсь,— заметил Блэйн,— ты знаешь, куда едешь. Дорога скоро кончится

— Не бойся, Шеп, я знаю.

У него не было сил спорить. Он чувствовал полное изнеможение.

«И я имею на это право,— сказал он себе,— потому что двигался в десять (или в сто?) раз быстрее, чем обычно. Человеческий организм просто не рассчитан на такие перегрузки. Я расходовал энергию со страшной скоростью: сердце колотилось как сумасшедшее, легкие готовы были разорваться от напряжения, мышцы сокращались в невероятном темпе».

Он сидел и молчал, размышляя и удивляясь, как могло это произойти. Но удивление было формальным, он удивлялся, потому что должен был удивляться; на самом же деле он знал объяснение происшедшему.

Розовый больше не давал о себе знать. Он поискал его и нашел все в том же убежище.

— *Спасибо,*— поблагодарил он.

Это было несколько забавно — благодарить существо, ставшее частью его самого, ведь оно пряталось у него в голове, в его мозгу. И все-таки оно не стало частью его самого, пока еще нет. Хотя уже и не было просто беглецом, укрывшимся в чужом разуме.

Машина неслась вверх по каньону Свежий, прохладный ветер, казалось, был напоен брызгами прозрачного горного ручья, и от стен ущелья доносился тонкий и нежный аромат сосен.

— Что-нибудь случилось? — спросила Гарриет.

— Я встретил Фредди

— Ты имеешь в виду Фредди Бейтса?

— Существует один-единственный Фредди.

— Безобидный дурачок.

— Когда мы встретились, у твоего безобидного дурачка глаза налились кровью и он вынул револьвер.

— Неужели он...

— Гарриет,— сказал Блэйн,— становится слишком жарко. Лучше высади меня.

— И не надейся,— ответила Гарриет.— Я еще никогда не участвовала в столь забавной игре.

— Мы вряд ли куда-нибудь приедем. Дорога скоро кончается.

— Шеп, может, глядя на меня, в это трудно поверить, но голова у меня работает неплохо. Я много читаю, и больше всего мне нравятся книги по истории. Проклятой истории войн. Особенно я люблю изучать карты боевых действий.

— Ну и что из этого?

— А то, что я сделала одно наблюдение. Я пришла к выводу, что всегда, во всех случаях необходимо заранее подготовить путь к отступлению.

— Только не по этой дороге.

— По этой,— сказала Гарриет.

Блэйн повернул голову и вгляделся в ее профиль. Нет, она не похожа на хладнокровную, практичную журналистку, хотя такая она на самом деле. И пишет не сентиментальные статейки, не заметки в колонку светских сплетен, а вместе с дюжиной других репортеров, составляющих элиту своей профессии, дает гигантскую панораму «Фишхука» для одной из крупнейших газет Северной Америки.

И несмотря на это, шикарна, словно сошла с обложки модного журнала. Шикарна, но без вычурности и полна спокойной уверенности в себе, которая в любой другой женщине выглядела бы высокомерием.

Он был уверен, что все, что только можно знать о «Фишхуке», она знает. Ее статьи отличались странной объективностью, можно сказать, даже беспристрастностью, однако и этот необычный для журналиста суховатый стиль она ухитрялась смягчить, добавить в него человеческой теплоты.

Но что из всего этого следует? Зачем она вмешалась в эту историю?

В том, что Гарриет друг, он не сомневался. Он познакомился с ней давно, вскоре после ее приезда в «Фишхук». В маленьком ресторанчике, куда они в тот день пошли обедать, слепая старушка продавала розы. Блэйн вспомнил, как купил ей розу, и Гарриет, вдруг почувствовав себя одинокой и оторванной от родного дома, слегка всплакнула.

Странно. Хотя что теперь не странно, продолжал размышлять Блэйн. Взять тот же «Фишхук», кошмар современности, за сто лет так и не принятый до конца остальным человечеством.

Он попытался представить, как все происходило тогда, эти сто лет назад, когда ученые в конце концов признали, что

космос Человеку не под силу, и сдались. Кучка самых упрямых, самых упорных в своей мечте пошла другой дорогой — дорогой, которой Человек отказался идти или, что одно и то же, с которой свернул много лет назад и с тех пор неустанно глумился над ней, заклеймив ее словом «колдовство».

Ведь что такое колдовство — чепуха из книжек для детей, бабушкины сказки.

Но всегда были упрямцы, которые верили по крайней мере в основной принцип того, что люди называли колдовством, поскольку это не было колдовством в том смысле, который за долгие годы приобрело это слово. Скорее, это был закон, такой же непреложный, как и законы, лежащие в основе всех естественных наук. Но в отличие от них это была наука, которая изучала возможности человеческого разума и стремилась достичь далеких планет не физически, а лишь силой разума.

Из этой веры, надежды и упорства и родился «Фишхук»*, прозванный так потому, что это был рыболовный крючок, заброшенный в космос, давший возможность разуму совершать путешествия туда, куда никогда не попасть телу.

Дорога впереди делала крутой поворот направо, затем сворачивала влево, возвращаясь обратно и замыкая круг.

— Держись! — бросила Гарриет.

Она резко свернула с дороги и направила машину вверх по пересохшему руслу ручья на одной из стен каньона. Из реактивных сопел с ревом било пламя, надсадно визжал мотор, по колпаку крыши скрежетали ветви деревьев. Неожиданно машина сильно накренилась, затем выровнялась.

— Это еще ничего,— сообщила Гарриет.— Дальше будет пара местечек похуже.

— Это и есть тот самый путь к отступлению?

— Совершенно верно.

А зачем, подумал он, Гарриет Квимби мог понадобиться путь к отступлению?

Она осторожно вела машину по пересохшему руслу, прижимаясь к скале, которая каменной стеной уходила ввысь, в темноту. Из кустов испуганно разлетались птицы, трещали ветви, царапая автомобиль.

* Fish-hook *(англ.)* — рыболовный крючок.

Фары осветили крутой поворот, как бы зажатый с одной стороны каменной стеной, а с другой — огромным, размером с сарай, валуном. Машина втиснула капот в пространство между скалой и валуном, развернула задние колеса и медленно, почти ползком, преодолела проход.

Гарриет убрала реактивную тягу, и машина со скрежетом опустилась на гравий. Двигатель замолчал, и над ними сомкнулась тишина.

— Отсюда пойдем пешком? — спросил Блэйн.

— Нет, немного переждем. Они ведь начнут охоту за нами и подъедут сюда. И по шуму двигателя поймут, в какой стороне мы скрылись.

— Мы поедем прямо на вершину?

— Прямо на вершину,— подтвердила она.

— Ты уже здесь ездила? — поинтересовался Блэйн.

— Много раз. Я знала, что если когда-нибудь понадобится воспользоваться этой дорогой, то делать это придется быстро. Не останется времени раздумывать или возвращаться назад.

— Но объясни мне, ради бога...

— Послушай, Шеп. Ты попал в переплет. Я тебе помогаю выпутаться. Может быть, этого достаточно?

— Конечно, если ты так хочешь. Но ты рискуешь собственной головой. А это не обязательно.

— Мне уже приходилось рисковать ею. Хороший журналист должен быть готов рискнуть головой, когда надо.

Может быть, подумал он, но не до такой степени. В «Фишхуке» полно газетчиков, и почти с каждым из них ему доводилось выпивать. Очень немногих он мог бы считать своими приятелями. И никто... никто, кроме Гарриет, не стал бы делать для него того, что делает она.

Чисто журналистским интересом это не объяснишь. И одной дружбой тоже. Тут что-то большее, чем и то и другое вместе.

А если Гарриет не только журналистка? Она не может быть только репортером. Ее поступками движет что-то другое. Очень любопытно, что?

— В прошлый раз, когда ты рисковала головой, ты рисковала ею для Стоуна?

— Нет,— ответила она.— О нем я знаю только понаслышке.

Далеко, на дне каньона, послышался слабый гул двигателей. Они сели в машину и прислушались. Гул быстро при-

ближался, и Блэйн попытался сосчитать по звуку мчащиеся по дороге автомобили. Ему показалось, что их было три, хотя он не был уверен полностью.

Машины подъехали к повороту и остановились. Послышались треск кустов, мужские голоса.

Гарриет взяла Блэйна за руку и крепко сжала ее.

— *Шеп, что ты сделал с Фредди? (Изображение ухмыляющегося черепа.)*

— *Нет, всего лишь нокаут.*

— *У него был револьвер?*

— *Теперь револьвер у меня.*

(Фредди в гробу, на нарумяненном лице застывшая улыбка, в сложенных на груди руках — громадная лилия.)

— *Нет, не так. (Фредди с разбитым носом и крестами пластыря на самодовольном прыщавом лице.)*

Они тихо сидели, прислушиваясь к каждому звуку.

Смолкли голоса, и машины двинулись обратно, вниз по дороге.

— *Всё?*

— *Погоди,*— остановила его Гарриет.— *Они приехали на трех машинах. Уехали только две. Одна еще ждет. (Множество вытянувшихся от напряжения, подслушивающих ушей.) Они знают, что мы поднялись по дороге. Они не знают, где мы спрятались. (Яма-ловушка, усеянная рядами острых зубов.) Они ждут, когда мы поверим, что они уехали, и обнаружим себя.*

Они подождали еще. Где-то в лесу закричал енот, разбуженная каким-то лесным бродягой, сонно запротестовала птица.

— *Есть одно место,*— сказала Гарриет.— *Там ты будешь в безопасности. Если захочешь туда поехать.*

— *Куда угодно. У меня нет выбора.*

— *А ты представляешь, что там делается?*

— *Слышал.*

— *В некоторых городах вывешивают предупредительные знаки. (Дорожный столб, на нем доска с надписью: «Тут солнце светит не для парапсихов».) Они полны предвзятости и нетерпимости, среди них есть старинного обличия бородатые проповедники, яростно барабанящие кулаком по кафедре; люди в ночных рубашках и колпаках с кнутами и веревками; испуганные, растерянные люди, пытающиеся укрыться в редких зарослях ежевики.* До отвратительного грязно и стыдно,— уже не мысленно, а голосом прошептала она.

С шоссе тронулась оставшаяся машина. Они выждали, пока она отъедет.

— Уехали наконец,— сказала Гарриет — Они, правда, могли на всякий случай кого-нибудь высадить, но придется рискнуть.

Она включила мотор, повернула реактивные сопла, и с зажженными фарами автомобиль рванулся вверх по сужающемуся руслу.

Дорога становилась все круче.

Лавируя между кустов, они продолжали взбираться по лезвию хребта. Гора белой стеной уходила вверх, а внизу зияла черная пустота. Потом целую вечность они снова карабкались по круче, подстегиваемые ветром, который становился все более холодным и пронизывающим, и наконец оказались на ровной площадке, залитой светом склонившейся к западу луны.

Гарриет остановила машину, откинулась на спинку сиденья.

— Дальше граница,— сказала она.— Садись за руль. Осталось миль пятьдесят.

Глава 7

Толпа собралась на улице напротив ресторана и, обступив машину Гарриет, пристально наблюдала за ними со зловещим молчанием. Толпа зловещая, но не шумная. Злобная и, быть может, чуть-чуть испуганная. Или, скорее, злобная потому, что испуганная.

Блэйн прислонился спиной к стене, за которой они только что завтракали. Ничего особенного за едой не заметили. Все шло нормально. Никто на них не глазел. Все шло самым обыкновенным и повседневным образом.

— Как они догадались? — спросил Блэйн.

— Не знаю,— ответила Гарриет.

— Они сняли вывеску.

— А может, она сама упала Или ее вообще никогда не вешали. Такое бывает. Объявления вывешивают только самые воинственные.

— У этих ребят вид вполне воинственный.

— Может быть, это к нам не относится?

— Может, и нет,— согласился он. Но поблизости, кроме них, не было никого и ничего, что могло бы собрать эту толпу.

— Слушай внимательно, Шеп. Если что-то случится, если мы потеряемся. Отправляйся в Южную Дакоту. Пьер в Южной Дакоте. *(Карта Соединенных Штатов, где Пьер обозначен звездочкой, под которой большими красными буквами подписано его название, а пурпурная дорога ведет от этого крохотного пограничного городка к большому городу на Миссури.)*

— Я знаю, где это,— сказал Блэйн.

— Где меня найти, тебе скажут в этом ресторанчике. *(Каменный фасад здания; большие зеркальные окна, в одном из окон висит красивое, отделанное серебром седло; над дверью — роскошные лосиные рога.) Он стоит над рекой на холме. Там меня почти все знают. Они тебе подскажут, где я.*

— Мы не потеряемся.

— На всякий случай имей это все-таки в виду.

— Обязательно,— ответил Блэйн.— Ты меня вытащила достаточно далеко, чтобы доверять тебе и дальше.

Толпа начала закипать — не кипеть еще, а шевелиться, становиться все более неспокойной, как будто потихоньку вспениваясь. Из толпы донесся ропот — глухое, бессловесное ворчание.

Протиснувшись сквозь толпу, на улицу, еле ковыляя, выбралась древняя старуха. Вся она — лицо, руки, грязные босые ноги,— казалось, была сделана из морщин. Растрепанные волосы свисали с головы грязными седыми космами.

Она с трудом подняла руку в отвратительных складках дряблой плоти и прицелилась скрюченным, костлявым, трясущимся пальцем прямо в Блэйна.

— Вот он! — завизжала она.— Тот, кого я засекла! Он какой-то не такой! Я не могу попасть к нему в мозг. Там как будто сверкающее зеркало. Там...

Ее слова потонули в криках толпы, которая двинулась вперед, медленно, шаг за шагом приближаясь к мужчине и женщине у стены. Казалось, толпа движется как бы нехотя и со страхом, превозмогая свой ужас только сознанием важности гражданского долга, который им предстоит исполнить.

Блэйн опустил руку в карман пиджака, и его пальцы сомкнулись вокруг рукоятки револьвера, добытого в кухне Шарлин. Нет, револьвер не поможет, решил он, а только все усложнит. Он вынул руку из кармана и расслабленно опустил ее вдоль тела.

На лицах этой человеческой массы, которая переползала улицу, были написаны ярость и отвращение. Толпа не травила жертву под покровом ночи, а, как стая волков, окружала ее неторопливо, при свете дня. Впереди, на гребне волны человеческой ненависти, шла сморщенная ведьма, спустившая стаю движением пальца.

— Стой спокойно,— сказал Блэйн Гарриет.— Это наш единственный шанс.

Он понимал, что в любой момент ситуация может достичь критической точки. Толпа или не выдержит и отступит, или какое-то ничтожное происшествие, малейшее движение, слово, произнесенное вслух, заставят ее хлынуть вперед.

А если это случится, он будет стрелять. Не потому, что хочет, а потому, что у него не будет выбора.

А пока, перед тем как начать расправу, городок замер — сонный маленький городок с давно не крашенными, облупленными зданиями на залитой солнцем улице, где как попало росли чахлые деревья. В окнах верхних этажей виднелись лица, с удивлением глазеющие на дичь, забредшую к ним на улицу.

Толпа подошла еще ближе и окружила их, по-прежнему без слов и сохраняя осторожность; гул голосов стих, лица были неподвижны, как маски ненависти в древнем театре.

По тротуару звонко ударил чей-то каблук, потом еще и еще — ровный, бесстрастный звук уверенных шагов.

Шаги приблизились, и Блэйн краем глаза заметил высокого, костлявого, как скелет, мужчину, который вышагивал с таким видом, будто был на утренней прогулке.

Мужчина подошел к Блэйну, встал рядом с ним и повернулся лицом к толпе. Он не произнес ни слова, но толпа остановилась, замерев посреди улицы в жуткой тишине.

Из толпы вышел человек.

— Доброе утро, шериф.

Шериф не шевельнулся, не произнес ни слова в ответ.

— Они парапсихи,— сказал человек.

— Откуда известно? — спросил шериф.

— Старая Сара сказала.

Шериф посмотрел на каргу:

— Это так, Сара?

— Том сказал правду,— проскрипела старуха.— Вон тот парень, у него странный мозг. Он отражает.

— А женщина? — спросил шериф.

— А разве она не с ним?

— Мне стыдно за вас,— сказал шериф, как будто читая нотацию напроказившим детям.— Придется вас посадить, всех до одного.

— Но это же парапсихи! — раздался возмущенный крик.— Мы не пускаем сюда парапсихов, ты ведь знаешь.

— А теперь послушайте меня,— объявил шериф.— Расходитесь и займитесь каждый своим делом. А ими займусь я.

— Обоими? — спросил кто-то.

— Даже не знаю,— ответил шериф.— Похоже, что леди здесь ни при чем. Думаю, мы отправим ее из города, и этого будет достаточно. Вы вместе с этим парнем? — спросил он Гарриет.

— И я останусь с ним!

— *Нет,*— сказал Блэйн. *(Знак молчания — палец, прижатый к губам.)* Сказал быстро, надеясь, что никто не подслушает, потому что в этом городе даже простому телепату не дали бы пощады. Но предупредить надо.

— Это ваша машина на той стороне? — спросил шериф.

Гарриет вопросительно взглянула на Блэйна.

— Да, моя,— ответила она.

— Тогда послушайте меня, мисс. Идите к своей машине и выбирайтесь из этой заварухи. Ребята вас пропустят.

— Но я не собираюсь...

— Лучше не спорь, Гарриет,— сказал Блэйн.

Гарриет стояла в нерешительности, не зная, что делать.

— Езжай,— повторил Блэйн.

Она медленно сошла с тротуара, затем обернулась.

— До встречи,— сказала она Блэйну.

Она с презрением оглядела шерифа.

— Казак! — бросила она.

Шериф не возражал. Слово это ему было незнакомо.

— Давайте, леди, езжайте,— сказал он, и в голосе его звучала чуть ли не доброта.

Толпа яростно загудела, но все же расступилась, чтобы пропустить ее. Дойдя до машины, она повернулась и помахала Блэйну рукой. Затем села за руль, включила зажигание. Заревев двигателем, автомобиль рванулся сквозь толпу. Ничего не видя от пыли, поднятой выхлопом сопел, спотыкаясь друг о друга, люди с воплями бросились в разные стороны, спеша освободить дорогу.

С невозмутимым спокойствием шериф наблюдал, как машина помчалась вниз по улице.

— Ты видел, шериф? — в ярости заорал один из пострадавших.— Почему ты ее не арестуешь?

— Это вам по заслугам,— сообщил шериф.— Сами все заварили. Только собрался провести день спокойно, как вы заставляете меня волноваться.

Незаметно было, что он волнуется.

Возбужденно споря и протестуя, толпа придвинулась к тротуару.

Как будто отгоняя цыплят, шериф замахал руками:

— Давайте-давайте отсюда! Порезвились, и хватит. А мне теперь пора работать. Пойду посажу этого парня за решетку.

Он повернулся к Блэйну:

— Идем со мной.

Они пошли вместе вниз по улице, к зданию суда.

— Ты что, не знал, куда едешь? — спросил шериф.— Этот город — сущий ад для парапсихов.

— Откуда я мог знать? — ответил Блэйн.— Объявления не было.

— Его сдуло два года назад,— пояснил шериф.— И ни у кого не хватило ума повесить обратно. Или сделать новое. Старое совсем обветшало. Буквы едва можно разобрать. Песчаные бури обивают краску.

— Что ты собираешься со мной делать?

— Думаю, ничего особенного,— ответил шериф.— Подержу немного, пока народ не поостынет. Для твоего же блага. А станет безопасней, выпущу.

Он минуту помолчал, обдумывая сложившуюся ситуацию.

— Нет, сейчас отпустить не могу,— объявил он.— Ребята пока еще начеку.

Подошли к зданию суда и поднялись по лестнице. Шериф отворил дверь.

— Вперед,— сказал он.

Они вошли в кабинет, и шериф закрыл дверь.

— А знаешь,— сказал Блэйн,— я не верю, что есть основания меня задерживать. Что, если я возьму и попробую просто выйти отсюда?

— Ничего не произойдет. Сразу, по крайней мере. Останавливать тебя я, конечно, не буду, хотя, может, и поспорю немного. Но из города ты не выйдешь. Не пройдет и пяти минут, как сцапают.

— Но я мог уехать на машине.

Шериф покачал головой:

— Я знаю этих людей, сынок. Я с ними вырос. Сам один из них. И знаю, как далеко могу с ними зайти и когда пора остановиться. Я мог отправить леди, но не обоих. Приходилось когда-нибудь видеть толпу в действии?

Блэйн отрицательно покачал головой.

— Это не самое приятное зрелище.

— А как же Сара? Она ведь тоже парапсих.

— Это другое дело, приятель. Она из хорошего рода. Сейчас плохие времена, но ее семейство живет здесь больше сотни лет. Город с ней просто смирился.

— И потом, удобно иметь собственного наводчика.

Шериф добродушно хмыкнул.

— От нашей Сары,— с провинциальной гордостью сообщил он,— мало что может укрыться. И дел у нее хватает: ей приходится следить за всеми, кто заезжает к нам в городок.

— И много вам попадается парапсихов?

— Средне,— ответил шериф.— Время от времени. Да, пожалуй, средне.

Шериф указал на письменный стол.

— Пойди выверни свои карманы. Так положено по закону. Я тебе напишу расписку.

Блэйн начал рыться в карманах. Бумажник, колода карт, платок, связка ключей, спички и, наконец, револьвер.

Он осторожно вынул его и положил вместе с остальными вещами.

— Он у тебя все время был с собой? — поинтересовался шериф.

Блэйн кивнул.

— И ты ни разу не потянулся за ним?

— Я был слишком напуган, чтобы за ним тянуться. Это было пострашнее, чем путешествовать к звездам...

Он понял, что проговорился.

— Почему ты не сказал мне, что ты из «Фишхука»?

— А какая разница? — Блэйн пожал плечами.

Шериф слегка присвистнул сквозь зубы.

Взяв револьвер, он переломил ствол. Медным блеском засверкали головки гильз.

Шериф открыл ящик стола и бросил туда оружие.

— Теперь,— с видимым облегчением произнес он,— у меня есть законный повод задержать тебя.

Он взял спичечный коробок и передал Блэйну.

— Если нужны сигареты, я принесу,— предложил шериф.

— Не стоит,— отказался Блэйн.— Иногда я ношу их с собой, но обычно я не курю. Они у меня кончаются раньше, чем сам соберусь закурить.

Шериф снял с гвоздя кольцо с ключами.

— Пошли,— сказал он.

Блэйн вышел за ним в коридор, который тянулся вдоль ряда тюремных камер.

Шериф открыл крайнюю, возле самого входа.

— Тебе на одного,— сказал он.— Последнего выпустил вчера вечером. Черномазый перешел границу и угодил за решетку. Вообразил, что он не хуже белых.

Блэйн вошел в камеру, шериф захлопнул дверь и запер на ключ.

— Если что-нибудь понадобится,— сказал шериф, демонстрируя искреннее гостеприимство,— крикни меня. Я тебе это достану.

Глава 8

Он встал с узкой койки, прикрытой грязным одеялом, и подошел к окну. Улица была залита солнцем, на бульваре покачивались чахлые деревья. У тротуара рядом с убогими, жалкого вида конторами стояли полуразвалившиеся машины, некоторые настолько древние, что были оборудованы колесами, вращаемыми двигателем внутреннего сгорания. Сидящие на ступеньках магазинов мужчины жевали табак и сплевывали на асфальт, образуя липкие янтарные лужицы, похожие на старые пятна крови. Казалось, они просто бездельничают, лени-

во пожевывая и переговариваясь друг с другом, и не обращают внимания ни на здание суда, ни на что-либо другое.

Но Блэйн знал, что они следят за зданием. Они караулят его — человека с зеркалом в мозгу. Мозг, который, как сказала старая Сара шерифу, отражает.

Вот что заметил Кирби Рэнд, вот что выдало меня и заставило «Фишхук» броситься в погоню. А Рэнд, в таком случае, если не слухач, то по крайней мере наводчик. Хотя какая разница, подумал Блэйн. Будь он даже и слухач, все равно он не смог бы заглянуть в мозг, который отражает.

А это значит, понял Блэйн, что в мозгу у него что-то вроде маячка-мигалки, бросающегося в глаза каждому, кто может видеть. Он нигде теперь не будет в безопасности, никогда не сможет укрыться. Он таскает за собой колокол громкого боя, и его легко обнаружит любой слухач или наводчик, оказавшийся поблизости.

Но раньше он таким не был. В этом нет сомнения. Иначе кто-нибудь сказал бы об этом или это было бы в его психической карте.

— *Эй, ты,*— позвал он спрятавшегося у него в мозгу,— *вылезай!*

Тот завилял хвостом. Он заюлил, как довольный пес. Но остался на месте.

Блэйн отошел от окна и сел на край кровати.

Гарриет должна помочь ему. А может, шериф отпустит его раньше, как только все успокоится. Хотя шериф и не обязан его отпускать, ношение оружия — вполне достаточный повод для задержания.

— *Дружище,*— обратился он к своему жизнерадостному спутнику,— *похоже, тебе придется опять поработать. Нам снова может понадобиться какой-нибудь финт.*

Ведь существо в его разуме уже продемонстрировало один финт — финт со временем. Или обменом веществ? Неизвестно, то ли он двигался тогда быстрее, чем все остальные, то ли время замедлилось для всего остального, кроме него.

По улице, кашляя, протарахтел допотопный автомобиль. Где-то щебетали птицы. Да, попал в историю, признался себе Блэйн, серьезную историю.

Сидящие на ступеньках мужчины продолжали ждать, изо всех сил стараясь показать, что здание суда их нисколько не

интересует. Все это начинало Блэйну нравиться все меньше и меньше.

Дверь в кабинете шерифа открылась и снова захлопнулась, послышались шаги. Голоса звучали неразборчиво, и Блэйн не стал прислушиваться. Чем может помочь, если он что-то подслушает? И вообще, может ли ему что-то помочь?

Неторопливой поступью, чеканя шаги, шериф пересек кабинет и вышел в коридор.

Блэйн поднял глаза и увидел его, стоящего перед камерой.

— Блэйн,— сказал шериф,— пришел отец, чтоб поговорить с тобой.

— Какой отец?

— Святой отец, язычник. Пастырь нашего прихода.

Глава 9

Войдя в камеру, священник замигал, стараясь привыкнуть к полумраку.

Блэйн встал.

— Я рад, что вы пришли,— сказал он.— К сожалению, самое большое, что я могу предложить, это присесть здесь на нарах.

— Ничего,— ответил священник.— Меня зовут отец Фланаган. Надеюсь, я не помешал?

— Ни в коей мере. Рад вас видеть.

Покряхтывая от натуги, отец Фланаган опустился на край койки. Это был пожилой тучный человек с добрым лицом и морщинистыми, скрюченными артритом руками.

— Садись, сын мой. Надеюсь, что не отвлек тебя. Сразу хочу предупредить, что я постоянно влезаю в чужие дела. Видимо, причина этому — моя паства, большинство из которой, независимо от возраста, большие дети. О чем бы ты хотел побеседовать со мной?

— О чем угодно,— ответил Блэйн,— кроме разве религии.

— Ты не веришь в Бога, сын мой?

— Не особенно,— ответил Блэйн.— Обычно размышления на эту тему приводят меня в замешательство.

Старик покачал головой:

— Наступили безбожные дни. Теперь стало много таких, как ты. Меня это беспокоит. И Святую Церковь-мать тоже.

Мы живем в тяжелые для духа времена. Люди больше предаются боязни зла, чем созерцанию добра. Ходят разговоры об оборотнях, злых духах и чертях, хотя все это еще сто лет назад казалось вздором.

Тяжеловесно развернувшись, он уселся боком, чтобы лучше видеть Блэйна.

— Шериф сказал мне, что ты из «Фишхука».

— Думаю, отрицать это бесполезно,— ответил Блэйн.

— Мне никогда еще не приходилось говорить с людьми из «Фишхука»,— слегка запинаясь, как будто беседовал скорее с собой, чем с Блэйном, произнес старый священник.— До меня доходили только слухи, а истории о «Фишхуке», которые я слышал, поразительны и невероятны. Одно время тут жил торговец, его факторию потом сожгли — но я так и не побывал у него. Люди бы меня не поняли.

— Судя по тому, что произошло сегодня утром, я тоже думаю, что не поняли бы,— согласился Блэйн.

— Говорят, что у тебя паранормальные...

— Это называется «парапсих»,— поправил его Блэйн.— Будем называть вещи своими именами.

— Ты и правда таков?

— Не понимаю, чем вызван ваш интерес, святой отец.

— Только познавательными соображениями,— ответил отец Фланаган,— уверяю, чисто познавательными. Кое-что из этого интересует лично меня. Ты можешь говорить со мной так же свободно, как на исповеди.

— Когда-то,— сказал Блэйн,— науку подозревали в том, что она скрытый враг всех религиозных догм. Сейчас повторяется то же самое.

— Потому что люди снова боятся,— произнес священник.— Они запирают двери на все запоры. Они не выходят по ночам. На воротах и крышах своих домов рисуют кабалистические знаки — заметь, вместо Святого креста — кабалистические знаки. Они шепотом говорят о таких вещах, о которых никто не вспоминал со времен средневековья. В глубине своих невежественных душ они трясутся от страха. От их древней веры мало что осталось. Конечно, они исполняют обряды, но по выражению лиц, по разговорам я вижу, что делается у них в душе. Они потеряли простое искусство верить.

— Нет, святой отец, просто они очень растерянные люди.

— Весь мир растерян,— сказал отец Фланаган.

И он прав, подумал Блэйн: весь мир в растерянности. Потому что лишился кумира и, несмотря на все старания, никак не может найти другого. Мир лишился якоря, на котором он держался против бурь необъяснимого и непонятного, и теперь его несет по океану, не описанному ни в одной лоции.

Одно время кумиром была наука. Она обладала логикой, смыслом, абсолютной точностью и охватывала все — от элементарных частиц до окраин Вселенной. Науке можно было доверять, потому что она прежде всего была обобщенной мудростью человечества.

А потом настал день, когда Человек со всей его пресловутой техникой и всемогущими машинами был вышвырнут с небес назад на Землю. В тот день божество науки утратило часть своего ослепительного блеска, и чуть ослабла вера в него.

Когда же Человек сумел достичь звезд без помощи каких-либо машин, культ механизмов окончательно рассыпался в прах. Наука, техника, машины все еще существовали, играли важную роль в повседневной жизни, однако им больше не поклонялись.

Человек лишился своего бога. Но Человек не может жить без идеалов и целей, ему надо поклоняться какому-то абстрактному герою. А тут образовался вакуум, невыносимая пустота.

В эту пустоту, несмотря на всю свою необычность, идеально вписалась паранормальная кинетика. Наконец-то появилось объяснение и оправдание всем полубезумным культам; наконец пришла надежда на конечное исполнение всех чаяний; наконец родилось нечто достаточно экзотичное или что можно было сделать достаточно экзотичным, чтобы удовлетворить человеческие эмоции во всей их глубине,— что никогда не было под силу простой машине.

Наконец-то человечество — слава тебе господи! — овладело магией.

Мир охватил колдовской бум.

Как обычно, маятник качнулся слишком далеко и теперь несся в обратную сторону, распространяя по земле ужас и панику.

И опять Человек потерял кумира, а взамен приобрел обновленные суеверия, которые, подобно вздымающейся волне, понесли его во мрак второго средневековья.

— Я много размышлял по этому поводу,— сказал отец Фланаган.— Мимо подобной темы не может пройти даже такой недостойный слуга Церкви, как я. Все, что касается души человеческой, интересует Церковь и Папу.

Как бы в признательность за искренность Блэйн слегка поклонился, однако с долей обиды заметил:

— Так значит, вы пришли меня изучать. Вы пришли меня допрашивать.

— Я молил Бога, чтобы ты так не подумал,— печально произнес старый священник.— Видимо, у меня ничего не вышло. Я шел к тебе, надеясь, что ты сможешь помочь мне, а через меня — Церкви. Ведь Церкви, сын мой, тоже иногда нужна помощь. А ты — человек, умный человек — часть загадки, которую мы не можем разрешить. Я думал, ты мне в этом деле поможешь.

— Ну что ж, я согласен,— подумав, ответил Блэйн.— Хотя и не думаю, что от этого будет какая-то польза. Вы заодно со всем городом.

— Не совсем так, сын мой. Мы не благословляем, не осуждаем. Мы пока слишком мало знаем об этом.

— Я расскажу о себе,— сказал Блэйн,— если это вас интересует. Я путешественник. Путешествовать по звездам — моя работа. Я забираюсь в машину, собственно даже не в машину, а в своеобразное символическое приспособление, которое позволяет мне высвободить разум, а может, даже подталкивает мой разум в нужном направлении. Она помогает ориентироваться... Нет, святой отец, обычными, простыми словами этого не объяснить, получается бессмыслица.

— Я без усилий слежу за твоим рассказом.

— Так насчет ориентации. Описать это языком слов невозможно. В науке принято объяснять языком математики, но это и не математика. Суть в том, что ты знаешь, куда тебе надо попасть, и там и оказываешься.

— Колдовство?

— Да нет же, черт побери... простите, святой отец. Нет, это не колдовство. Стоит только раз понять это, ощутить, и оно становится частью тебя, все оказывается легко и просто. Делать это так же естественно, как дышать, и так же просто, как падать со скользкого бревна. Представьте...

— Мне кажется,— перебил отец Фланаган,— не стоит останавливаться на технических деталях. Лучше скажи мне, каково это — быть на другой планете?

— Ничего особенного,— ответил Блэйн.— Обычно я чувствую себя так же, как, скажем, сейчас, когда я сижу и беседую с вами. Только поначалу — самые первые несколько раз — ты ощущаешь себя до непристойности обнаженным: один разум без тела...

— И разум твой бродит повсюду?

— Нет. Хоть это и возможно, конечно, но не бродит. Обычно стараешься не вылезать из механизма, который берешь с собой.

— Механизма?

— Записывающая аппаратура. Этот механизм собирает все данные и записывает их на пленку. Становится ясна вся картина полностью. Не только то, что видишь сам,— хотя ты в принципе скорее не видишь, а ощущаешь,— а все, абсолютно все, что только можно уловить. Теоретически, да и на практике тоже, машина собирает информацию, а разум служит только для ее интерпретации.

— И что же ты там видел?

— На это потребовалось бы больше времени, чем есть в моем или вашем распоряжении, святой отец,— рассмеялся Блэйн.

— Но ничего такого, что есть на Земле?

— Редко, потому что планет типа Земля не так уж много. Среди общего числа, естественно. Но планеты земного типа вовсе не единственная наша цель. Мы можем бывать везде, где способна функционировать машина, а она сконструирована так, что работает практически всюду...

— И даже в ядре какого-нибудь Солнца?

— Нет, машина бы там не выдержала. А разум, я думаю, смог бы. Но таких попыток еще не делалось. Конечно, насколько знаю я.

— А что ты ощущаешь? О чем думаешь?

— Я наблюдаю,— ответил Блэйн.— Для этого я и путешествую.

— А не кажешься ты себе господином всего мира? Не приходила ли тебе когда-нибудь мысль, что Человек держит всю Вселенную в ладонях рук своих?

— Если вы говорите о грехе гордыни и тщеславия, то нет, никогда. Иногда чувствуешь восторг при мысли о том, куда забрался. Нередко тебя охватывает удивление, но чаще всего ты в растерянности. Все вновь и вновь напоминает о том, сколь ты незначителен. А иногда даже забываешь, что ты — человек. Просто комок жизни — в братстве со всем, что когда-то существовало и когда-либо будет существовать.

— А думаешь ли ты о Боге?

— Нет,— ответил Блэйн.— Такого не было.

— Плохо,— произнес отец Фланаган.— И это меня пугает. Быть где-то в полном одиночестве...

— Святой отец, я ведь с самого начала объяснил, что не склонен исповедовать какую-либо религию. Я сказал об этом откровенно.

Некоторое время они сидели, глядя друг на друга, разделенные пропастью непонимания. Как будто мы из разных миров, подумал Блэйн. Со взглядами, лежащими друг от друга на миллионы километров, и все же оба — люди.

— А ты не колдун?

Блэйн хотел засмеяться — смех уже стоял у него в горле,— но сдержался. Слишком много страха было в заданном вопросе.

— Нет, святой отец, клянусь вам. Я не колдун. И не оборотень. И не...

Поднятием руки старик остановил его.

— Теперь мы квиты,— объявил он.— Я тоже сказал то, что тебе неприятно слышать.

Он с усилием встал с койки и протянул руку со скрюченными артритом или какой-то другой болезнью пальцами.

— Благодарю тебя,— сказал он.— Да поможет тебе Господь.

— А вы будете сегодня вечером?

— Сегодня вечером?

— Ну да, когда здешние горожане потащат меня вешать. Или тут принято сжигать у столба?

Лицо старика скривилось как от удара.

— Ты не должен так думать. Не может...

— Но ведь они сожгли факторию. И хотели убить торговца, да не успели.

— Они не должны были этого делать,— сказал отец Фланаган.— Я говорил им об этом. Мне известно, что в этом приняли участие и люди из моей паствы. Правда, кроме них там были еще и многие другие. Но от моей паствы я этого не ожидал. Многие годы я читал им проповеди, чтобы отвратить их именно от такого шага.

Блэйн взял руку священника. Искалеченные пальцы ответили теплым, крепким рукопожатием.

— Наш шериф славный человек,— сказал отец Фланаган.— Он сделает все, что от него зависит. А я поговорю с людьми.

— Спасибо, святой отец.

— Ты боишься смерти, сын мой?

— Не знаю. Я всегда думал, что мне не будет страшно. Поживем — увидим.

— Ты должен обрести веру.

— Может быть. Если я когда-нибудь ее найду. Помолитесь за меня.

— Бог с тобой. Я буду молиться весь день.

Глава 10

Блэйн стоял у окна и наблюдал, как в сумраке снова собиралась толпа — люди подходили не спеша, без шума, спокойно, почти с безразличием, как будто шли на школьный концерт, собрание фермеров или другое привычное, вполне безобидное мероприятие.

Из кабинета через коридор от него доносились шаги шерифа, и он подумал, знает ли шериф — хотя наверняка знает, он достаточно долго прожил в этом городе, чтобы знать,— чего можно ожидать.

Блэйн стоял у окна, взявшись руками за металлические прутья решетки. Где-то в неухоженных деревьях на тюремном дворе, перед тем как заснуть, устроившись поудобнее на своей ветке, пела последнюю вечернюю песню птица.

Он стоял и смотрел, а в это время из своего убежища выполз Розовый и стал расти и расширяться, пока не заполнил его мозг.

— *Я пришел к тебе, чтобы остаться,*— сказал он.— *Мне надоело прятаться. Теперь я знаю тебя. Я исследовал все углы и закоулки тебя и теперь знаю, что ты такое есть. А через тебя — мир, в котором ты живешь, мир, в котором живу я, поскольку это теперь и мой мир.*

— *Теперь без глупостей?* — спросила та половина этого странного дуэта, которая продолжала оставаться Блэйном.

— *Теперь без глупостей,* — ответила другая половина.— *Без воплей, без паники, без попыток выбраться или скрыться. Мне только непонятно, что такое смерть. Я не нашел объяснения понятию смерти, потому что прекращение жизни необъяснимо. Такое просто невозможно, хотя в глубине моей памяти есть смутные воспоминания о тех, с кем это, кажется, произошло.*

Блэйн отошел от окна и, сев на койку, погрузился в воспоминания Розового. Однако воспоминания приходили издалека и из глубокого прошлого и были такими размытыми, нечеткими, что трудно было сказать, настоящие это воспоминания или просто игра воображения.

Потому что он видел несметное количество планет, и сонмы различных народов, и множество незнакомых понятий, и беспорядочные обрывки знаний о Вселенной, сваленные в кучу из десяти миллиардов соломинок, из которых, как в той игре, практически невозможно вытащить одну соломинку, не потревожив остальных.

— Ну, как ты там? — спросил незаметно подошедший шериф.

Блэйн поднял голову:

— Да вроде бы ничего. Вот только что глядел на твоих приятелей на той стороне улицы.

— Не бойся,— хмыкнул шериф.— Их не хватит, чтобы даже перейти улицу. А если что, я выйду и поговорю с ними.

— А если они узнают, что я из «Фишхука»?

— Ну, этого-то они не узнают.

— Священнику ты сказал.

— Это другое дело,— сказал шериф,— я должен был сказать священнику.

— А он никому не скажет?

— А зачем? — спросил шериф.

Блэйн промолчал: на такой вопрос обычно трудно ответить.

— Ты послал сообщение?

— Но не в «Фишхук». Одному приятелю, а он уже сообщит в «Фишхук».

— Не стоило тратить время,— сообщил Блэйн.— «Фишхук» знает, где я.

Они наверняка уже пустили своих ищеек, и те взяли след много часов назад. У него был всего один шанс скрыться от них — двигаться как можно быстрее и никому не попадаться на глаза.

Вполне вероятно, что они сегодня вечером уже будут в городе, подумал он. И в этом его надежда, потому что «Фишхук» вряд ли допустит, чтобы здешняя банда с ним разделалась.

Блэйн поднялся с койки и подошел к окну.

— Вы можете уже выходить,— объявил он шерифу.— Они перешли улицу.

Да, конечно, им надо торопиться. Они должны успеть сделать свое дело, пока не стало совсем темно. Потому что, когда придет настоящая, черная ночь, нужно быть в своем уютном домике с закрытыми на все замки и засовы дверями, запертыми окнами и опущенными шторами. И кабалистическими знаками, охраняющими все входы-выходы. Потому что тогда, и только тогда, можно чувствовать себя в безопасности от жутких сил, притаившихся в темноте, от оборотней, вампиров, гоблинов, эльфов.

Шериф повернулся, прошел по коридору к себе в кабинет. Звякнул металл вынимаемого из пирамиды ружья. Глухо лязгнул затвор: шериф дослал в ствол патрон.

Толпа наплывала как темная, колышущаяся волна и, кроме шарканья ног, не издавала ни единого звука.

Блэйн завороженно наблюдал за ней, как будто это не имело к нему ни малейшего отношения. «Как странно,— подумал он,— ведь я же знаю, что толпа идет за мной».

Но это не важно, смерти же нет. Смерть бессмысленна, и о ней не стоит думать. Это вопиющая расточительность, с которой нельзя мириться.

А кто же это говорил?

— *Эй,* — позвал он существо, которое было уже не существом, а частью его самого,— *это твоя идея. Это ты не можешь поверить в смерть.*

А это истина, в которую не верить нельзя. Смерть — это реальность, она присутствует постоянно, и под ее присмотром проходит короткое существование всего живого.

Смерть есть, и она близко — слишком близко, чтоб позволить себе роскошь отрицать ее. Она притаилась в ропоте толпы

перед зданием, толпы, которая уже перестала шаркать ногами и, собравшись перед входом, спорила с шерифом. Толпы не было видно, но гулко разносился голос шерифа, призывающего всех разойтись по домам.

— Все, что вы здесь можете получить,— кричал шериф,— это полное брюхо свинца!

Толпа кричала ему в ответ, снова шумел шериф, и так продолжалось довольно долго. А Блэйн стоял у решетки, и страх постепенно охватывал его, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, подобно приливу поднимаясь по жилам.

Наконец шериф вошел в здание. И за ним трое — злые и испуганные, однако их страх был надежно спрятан за целеустремленным и угрюмым выражением лиц.

Пройдя через кабинет и коридор, шериф остановился у камеры. Ружье безвольно болталось у него в руке. Трое мужчин стояли рядом с ним.

Стараясь не показать свою растерянность, он посмотрел на Блэйна.

— Мне очень жаль, Блэйн,— сказал он,— но я не могу. Эти люди — мои друзья. Я с ними вырос. Я не могу в них стрелять.

— Конечно не можешь,— ответил Блэйн,— трус, жалкий трус!

— А ну давай ключи! — рявкнул один из тройки.— Пора его выводить.

— Ключи на гвозде за дверью,— сказал шериф.

Он поглядел на Блэйна.

— Я ничего не могу поделать,— сказал он.

— Можешь пойти и застрелиться,— посоветовал Блэйн.— Усиленно рекомендую.

Вернулся человек с ключом, и шериф отошел в сторону.

— У меня есть одно условие,— обратился Блэйн к отпирающему дверь.— Я выйду отсюда сам.

— Ха! — усмехнулся тот.

— Я сказал, что выйду сам. Я не дам себя тащить.

— Ты выйдешь так, как нам будет удобно! — прорычал человек.

— Это же мелочь,— вмешался шериф.— Какая вам разница?

Мужчина распахнул дверь камеры:

— Ну ладно, выходи.

Блэйн вышел в коридор. Двое мужчин встали по бокам, один сзади. Никто к нему не прикоснулся. Тот, у кого были ключи, швырнул их на пол. Звук их падения наполнил коридор неприятным звоном.

«Вот оно,— подумал Блэйн.— Невероятно, но это все происходит со мной».

— Пошел вперед, парапсих проклятый! — идущий сзади пихнул его в спину.

— Ты хотел идти сам,— сказал другой.— Покажи, как ты умеешь ходить.

Блэйн пошел твердо и уверенно, сосредоточиваясь на каждом шаге, чтобы не споткнуться. Он не должен споткнуться, он не должен допустить ничего, что бы могло его унизить.

Еще жива надежда, сказал он себе. Еще есть шанс, что прибыл кто-нибудь из «Фишхука» и ждет, чтоб похитить его. Или Гарриет нашла помощь и возвращается, или уже вернулась. Хотя маловероятно, подумал он. Прошло не так много времени, и она не знает, насколько опасно положение.

Блэйн твердо прошагал через кабинет шерифа и спустился к выходу, неотступно сопровождаемый тремя горожанами.

Кто-то с насмешливой вежливостью распахнул перед ним дверь на улицу.

Охваченный ужасом, Блэйн на секунду замешкался. Как только он выйдет за дверь и окажется перед ожидающей толпой, надежд уже не останется.

— Вперед, грязный ублюдок! — рявкнул идущий сзади.— Там тебя ждут.

Упершись рукой Блэйну между лопаток, он толкнул его. Чуть не упав, Блэйн перескочил через несколько ступенек, затем выровнялся и снова пошел спокойным шагом.

И вот он уже переходит порог, и вот он перед толпой!

Животный крик вырвался из толпы — крик, в котором смешались ненависть и ужас, крик, подобный вою стаи волков, взявших кровавый след, похожий на рев тигра, уставшего поджидать добычу, было в этом звуке и что-то от стона загнанного в угол, затравленного охотниками зверя.

А ведь они, со странной беспристрастностью подумал Блэйн, и есть загнанные звери — люди, убегающие от погони. В них и ужас, и ненависть, и зависть непосвященных, в них обида

оставшихся за бортом, в них нетерпимость и ограниченность отказывающихся понять — арьергард старого порядка, удерживающий узкий проход от наступающих из будущего.

Сзади кто-то толкнул его, и он полетел вниз по скользким каменным ступенькам. Поскользнувшись, он упал и покатился, и толпа набросилась на него. Множество рук схватило его, раздирая пальцами мышцы, множество ртов дышало ему в лицо, обдавая горячим зловонным дыханием.

Затем те же руки поставили его на ноги и стали пихать в разные стороны. Кто-то ударил в живот, еще кто-то — по лицу. Сквозь рев толпы прорезался вопль: «А ну-ка, парапсих вонючий, телепортируй себя! Всего-то навсего! Телепортируй себя!»

И это была самая уместная шутка, потому что никто не умел себя телепортировать. Были левитаторы, которые могли летать подобно птицам; другие, как Блэйн, могли телепортировать небольшие предметы; третьи, и Блэйн тоже, умели телепортировать свой разум за тысячи световых лет, но только с помощью хитроумных машин. А настоящая самотелепортация, мгновенный перенос тела из одного места в другое, встречалась исключительно редко.

Толпа, подхватив шутку, скандировала: «Телепортируй, телепортируй, телепортируй себя, грязный, вонючий парапсих»! Толпа смеялась, радуясь собственному остроумию, самодовольно веселилась, осыпая свою жертву градом насмешек. И ни на минуту не переставала перемежать шутки пинками и ударами.

Теплая струйка бежала у Блэйна по подбородку, губа отекла и распухла, а во рту чувствовался солоноватый привкус. Болел живот, и саднили ребра, а десятки рук и ног продолжали наносить удар за ударом.

Снова чей-то раскатистый голос прорвался через шум: «А ну, хватит! Отойдите от него!»

Толпа отхлынула, но не расступилась, и Блэйн, стоя в центре человеческого кольца, повсюду видел горящие в последних слабых лучах заходящего солнца рысиные глаза, выступившую на губах пену; ненависть, поднимаясь со всех сторон, катилась на него, как запах потных тел.

Кольцо разорвалось, и в середину вышли двое мужчин — один маленький и суетливый, скорее всего счетовод или приказчик, другой — детина с физиономией, на которой будто черти горох молотили. На плече у здоровяка висела свернутая в кольцо веревка, а в руке он держал ее конец, искусно завязанный в аккуратную удавку.

Оба остановились перед Блэйном, и маленький повернулся лицом к толпе.

— Джентльмены,— произнес он голосом, которому позавидовал бы любой распорядитель похорон,— мы должны вести себя достойно и соблюдать приличия. Ничего против этого человека мы не имеем, мы протестуем против той мерзкой системы, которую он представляет.

— Всыпь им, приятель! — с энтузиазмом выкрикнул кто-то из задних рядов толпы.

Человек с голосом распорядителя похорон поднял вверх руку, призывая к тишине.

— То, что мы должны сделать,— елейным тоном продолжал он,— наш горький и печальный долг. Но это долг, поэтому исполним его в подобающей манере.

— Верно,— снова заорал энтузиаст,— пора кончать с этим! Вздернем проклятого ублюдка!

Здоровяк подошел к Блэйну вплотную и медленно, почти бережно надел на него петлю так, что она легла Блэйну на плечи. Затем осторожно затянул узел на шее.

Веревка была совсем новая и колючая и жгла, как раскаленное докрасна железо. Оцепенение, в котором находился Блэйн, прошло и схлынуло, оставив его стоять холодным, опустошенным и обнаженным на пороге вечности.

Пока все это происходило, он не переставал подсознательно цепляться за уверенность, что такое невозможно, что он так умереть не может; с другими такое могло случиться и случалось, но не с Шепардом Блэйном.

А сейчас его от смерти отделяли считанные минуты; орудие смерти уже на месте. Эти люди — люди, которых он не знает, которых он никогда не знал,— хотят забрать у него жизнь.

Он попробовал поднять руки, чтобы сорвать с себя веревку, но не смог ими даже пошевелить. Он сглотнул — появилось чувство медленного и болезненного удушья.

А его еще не начали вешать!

Холод его опустошенного «я» становился все сильнее, его бил озноб всепоглощающего страха — страха, который охватил его и держал, не давая пошевелиться и замораживая тем временем заживо. Казалось, кровь перестала течь по жилам, тело исчезло, а в мозгу громоздятся друг на друга глыбы льда, и череп вот-вот не выдержит и лопнет.

Откуда-то из глубины сознания всплыла мысль о том, что он уже не человек, а просто испуганное животное. Окоченевшее, слишком гордое, чтобы ронять слезы, скованное ужасом, удерживающееся от крика только потому, что отказали язык и горло.

Но если он не мог крикнуть вслух, он закричал внутри себя. Этот крик рос и рос, тщетно пытаясь найти выход. Еще мгновение, понял Блэйн, и, если выход не будет найден, этот страшный безмолвный крик разорвет его на части.

На какую-то долю секунды все померкло, растворилось, и Блэйн вдруг оказался один, и ему больше не было холодно.

Он стоял на посыпанной кирпичной крошкой старой аллее, ведущей к зданию суда, веревка все еще висела у него на шее, но на площади перед судом не было ни одного человека.

Кроме него, в городе вообще никого не было!

Глава 11

Сумерки немного рассеялись, стало светлее. Стояла невообразимая тишина.

Не было травы.

Не было деревьев.

Не было людей и даже намека на их присутствие.

Газон или то, что раньше было газоном, обнаженной полосой тянулся к асфальтовой улице. На газоне не было ни одной травинки, только земля и галька. Ни мертвой, ни сухой, вообще никакой травы. Как будто травы вообще никогда не было. Как будто даже понятия такого, как трава, никогда не существовало.

С веревкой, все еще свисавшей с шеи, Блэйн огляделся вокруг. И всюду была та же картина. В последних отблесках дня застыло здание суда. Вдоль тротуара на пустынной и спокойной улице стояли автомобили. Ряды магазинов слепо смотрели прозрачными витринами.

На углу, за парикмахерской, одинокое и мертвое, торчало единственное дерево.

И ни одного человека. Ни птиц, ни щебета. Ни собак. Ни кошек. Ни даже жужжания насекомых. Может быть, подумал Блэйн, не осталось ни единой бактерии или микроба?

Осторожно, как будто боясь разрушить заклинание, Блэйн поднес руку к горлу и ослабил узел. Стащив петлю с головы, Блэйн швырнул веревку на землю и стал осторожно массировать шею. Кожу еще покалывало — в ней застряли оторвавшиеся волокна.

Блэйн попробовал сделать шаг и обнаружил, что в состоянии ходить, хотя тело и саднило от побоев. Выйдя на середину улицы, Блэйн посмотрел вперед и назад. Нигде никого не было видно.

Солнце только-только село, еще не наступила темнота, а это значит, сказал он себе, что я вернулся немного назад во времени.

Блэйн замер посреди улицы, ошеломленный пришедшей мыслью. Как же он сразу не догадался? Ведь все ясно. Нет никаких сомнений в том, что именно он совершил. Хотя, видимо, подумал Блэйн, он сделал это не сознательным усилием, а скорее инстинктивно, как будто в минуту опасности сработал условный рефлекс.

Произошло нечто невероятное, чего он сам никогда не смог бы сделать, а минуту назад мог поклясться, что такое невозможно. Подобного никогда еще не совершал ни один человек, и ни один человек даже не помышлял об этом.

Он совершил путешествие во времени. Он ушел в прошлое на полчаса назад.

Несомненно, это было выше его человеческих возможностей, но не выше возможностей инопланетного существа. Как человек, он не мог обладать подобным инстинктом. Такая способность выходила за пределы даже паранормальных возможностей. Да, сомнений не было: ему удалось пройти сквозь это время только посредством или с помощью иного, инопланетного разума.

Но этот разум, похоже, оставил его; с ним его больше не было. Блэйн поискал его, попробовал позвать — никто не ответил.

Блэйн повернулся и пошел на север, стараясь держаться середины улицы, пересекающей этот город — призрак из прошлого.

Кладбище прошлого, подумал он. Все только мертвое: голые камни, кирпичи, безжизненные глина и доски.

А куда подевалась жизнь?

Почему прошлое должно быть мертвым?

И что стало с тем разумом, который он получил в обмен от существа на другой планете?

Он снова поискал его, но не нашел, однако обнаружил его следы: крохотные грязные отпечатки ног, протянувшиеся через мозг; он нашел обрывки и мусор, оставшиеся за ним,— непонятные, хаотичные воспоминания, клочки бессвязных, ни на что не похожих знаний, плавающих подобно обломкам в пене прибоя.

Блэйн не нашел существо, но понял, куда оно делось,— ответ пришел сам собой. Разум существа не исчезал, не уходил. Напротив, он стал его частью. В горниле страха и ужаса, в химической реакции опасности родился тот психологический фактор, который спаял два разума воедино.

Деловая часть улицы перешла в кварталы ветхих жилых домов, и впереди уже виднелась окраина городка — того самого городка, который всего полчаса назад (или полчаса вперед?) так страстно хотел убить его.

Блэйн на минуту остановился, оглянулся и, увидев куполообразную крышу здания суда, вспомнил, что все его имущество осталось там, под замком, в столе у шерифа. Некоторое время Блэйн размышлял, не вернуться ли ему. Остаться без цента, совсем с пустыми карманами было ужасно.

А потом, если вернуться, можно угнать машину. Если не будет ключей в замке зажигания, он сумеет замкнуть провода. Надо было раньше сообразить, упрекнул он себя. Машины там стояли, как будто ожидая, чтоб их угнали.

Блэйн двинулся в обратную сторону, но, сделав два шага, остановился и пошел назад.

Он не смел вернуться. Он бежал оттуда, и ни машины, ни деньги — ничто не могло заставить его вернуться в город.

Становилось все темнее. Он шел на север, решив пройти какое-то расстояние — не бегом, а быстрым, широким, свободным шагом, который незаметно съедает дорогу.

Блэйн миновал окраины и оказался среди полей, и здесь чувство одиночества и безжизненности стало еще сильнее. Среди мертвых тополей бежал ручей, неровными рядами выстроились колья призрачных оград — но земля была абсолютно обнаженной, без единого листа или травинки. А в шуме ветра, проносящегося над пустырем, слышались рыдания.

Темнота сгустилась. Пятнистое лицо луны — зеркало с растрескавшимся и почерневшим зеркальным слоем — отбрасывало бледный свет на пустынную землю.

Он подошел к дощатому мостику, переброшенному через небольшой ручеек, и остановился, чтобы передохнуть и оглядеться. Ничто не двигалось, никто не шел за ним следом. Городок остался в нескольких милях позади, а на пригорке за ручьем стояла полуразвалившаяся заброшенная ферма — амбар, больше похожий на курятник, несколько покосившихся пристроек и сам дом.

Блэйн глубоко вздохнул, и даже воздух показался ему мертвым. У этого воздуха не было ни запаха, ни вкуса.

Блэйн вытянул руку, чтобы взяться за перила моста, и рука, дойдя до деревянного поручня, вошла в него и прошла насквозь, как будто там ничего не было. Не было перил. Не было самого моста.

Блэйн попробовал еще раз. «Ведь я мог ошибиться,— сказал он себе,— мог не довести руку до перил или вообразить, что рука прошла сквозь дерево. Лунный свет обманчив».

На этот раз он действовал крайне внимательно.

Его рука вновь прошла сквозь перила.

Он отступил несколько шагов от моста, который если и не был опасен, то все же требовал особой осторожности. Мост не был реальностью, это был или плод воображения, или галлюцинация; призрак, вставший поперек дороги. Если бы он ступил на него, подумал Блэйн, или решил пройти по нему, то упал бы в воду.

А мертвые деревья, колья заборов — тоже галлюцинация?

Вдруг он замер как вкопанный, пораженный неожиданно пришедшей мыслью: а что, если все — галлюцинация? Какое-то время Блэйн стоял не шевелясь и едва дыша, в страхе, что от малейшего движения может рассыпаться в прах этот хрупкий и нереальный мир, превратиться в бесконечное ничто.

Однако земля под ногами была или, по крайней мере, казалась вполне твердой. Блэйн топнул ногой, и земля не провалилась под ним. Он осторожно опустился на колени и, широко разведя руки, стал ощупывать землю, чтобы убедиться в ее прочности.

Какой идиотизм, рассердился сам на себя Блэйн, ведь он уже прошел по этой дороге, и она выдержала его шаги, он не провалился.

И все равно здесь ни в чем нельзя быть уверенным; похоже, в этом месте не существует никаких правил. Или существуют, но такие, до которых надо доходить самому, типа: «Дороги реальны, а мосты — нет».

Хотя нет, совсем не то. Все должно как-то объясняться. И объяснение должно быть связано с тем фактом, что в этом мире нет жизни.

Это был мир прошлого, мертвого прошлого; в нем существовали только трупы — и даже не сами трупы, а только их тени. И мертвые деревья, и колья оград, и мосты, и дома на пригорке — все это всего лишь тени. Тут не найти жизни: жизнь ушла вперед. Жизнь расположена в одной-единственной точке времени и движется по мере того, как идет время, вместе с ним. А значит, подумал Блэйн, человечество может распрощаться с мечтой попасть в прошлое и жить, думать, видеть, разговаривать вместе с теми, кто давно уже обратился в пыль. Не существует живого прошлого, а человечество прошлого может жить лишь в записях и памяти. Единственная реальность, в которой возможна жизнь,— это настоящее, и жизнь идет рядом с ним, не отставая, а там, где она уже прошла, все ее следы тщательно уничтожаются.

Вероятно, что-то — скажем, Земля — может существовать во всех точках времени сразу, практически вечно сохраняя свою материальность. И умершее — умершее и сделанное искусственно — остается в прошлом, подобно призракам. Заборы с натянутой на них проволокой, сухие деревья, строения фермы и мост — все это лишь тени настоящего, удержавшиеся в прошлом. Удержавшиеся, скорее всего, не по своей воле: просто они не могут двигаться, поскольку лишены жизни. Это длинные-длинные тени, вытянутые сквозь время и прикованные ко времени.

Вдруг Блэйн осознал, что в этот момент на всем земном шаре единственное живое существо — это он. Он, и больше никого.

Блэйн встал с колен и отряхнул пыль с ладоней. Впереди, в ярком лунном свете, виднелся мост — обычный, нормальный мост. И в то же время он знал, что моста нет.

В западне, подумал Блэйн. Он в настоящей западне, если не узнает, как отсюда выбраться. А он не знает.

Даже если б к его услугам была память всего человечества, такого знания в этой памяти не нашлось бы.

Блэйн молча стоял на дороге и размышлял, человек ли он, сколько в нем осталось от человека. Но если он не только человек, если в нем есть еще разум инопланетного существа, у него остается надежда.

«Я ощущаю себя человеком,— сказал он себе,— однако что из этого следует? Даже если я полностью превратился бы в другое существо, все равно я ощущал бы себя самим собой. Человек, получеловек, совсем не человек — в любом случае я — это я. И вряд ли б я заметил разницу. Нельзя посмотреть на себя со стороны, оценить себя с какой-то долей объективности.

Я (кем бы я ни был) в минуту паники и ужаса знал, как ускользнуть в прошлое, и логично предположить, что мне известно, как возвращаться в настоящее или туда, что было настоящим для меня, в ту точку времени, как бы она ни называлась, где существовала жизнь.

Однако следует признать холодный, жестокий факт: о том, как вернуться, у меня нет ни малейшего представления».

Блэйн огляделся: вокруг лежала залитая лунным светом стерильно-холодная земля. Он почувствовал, как где-то в глубине его зародилась дрожь. Он попытался унять ее, поняв, что это лишь прелюдия к необузданному ужасу, но дрожь не проходила.

Он мысленно напрягся, борясь со все нарастающей дрожью, и вдруг вспомнил, зацепил знание краешком разума.

В следующий момент он услышал шум ветра в тополиных кронах — но ведь только что тополей здесь не было. Куда-то исчезла дрожь. Он снова был самим собой.

Из травы и кустов доносилось стрекотание насекомых, огненными капельками мелькали в ночи светлячки. А сквозь

ставни дома на холме пробивались тонкие, почти задушенные полоски света.

Блэйн свернул с дороги прямо в ручей, по колено в воде перешел на тот берег и вошел в тополиную рощу.

Он вернулся. Вернулся обратно, из прошлого в настоящее, и сделал это сам. На какую-то долю секунды он было ухватил способ такого перехода, но тот снова ускользнул от него, и теперь он опять не знал.

Но это было уже не важно. Блэйн был снова в своем мире.

Глава 12

Когда он проснулся, было еще темно и только первые трели птиц говорили о приближении утра. Он взобрался на холм и на огороде неподалеку от дома сорвал три початка кукурузы, взял из кучи несколько картофелин. Затем выкопал стебель мясник-травы и с радостью отметил, что на нем росло целых четыре бифштекса.

Вернувшись в тополиную рощу, Блэйн отыскал в карманах коробок спичек — единственное, что ему разрешил оставить шериф. В коробке было только три спички.

Угрюмо глядя на три спички, он вспомнил тот далекий день, когда, сдавая экзамен на юного следопыта, надо было разжечь костер одной спичкой. Забавно, сдаст ли он этот экзамен сейчас?

Он нашел сухой ствол и из сердцевины достал несколько горстей сухой, как порох, трухи. Затем наломал сухих, мертвых веток и собрал несколько более толстых сучьев, внимательно следя, чтобы среди них не оказалось ни одного сырого — костер должен быть по возможности бездымным. Рекламировать собственное присутствие явно не было никакого смысла.

По дороге наверху проехала первая машина. Где-то в отдалении мычала корова.

Огонь занялся со второй спички. С тоненьких прутиков, бережно подкладываемых Блэйном, пламя перешло на толстые ветки, и костер загорелся ясным, бездымным пламенем. Поджидая, пока появятся угли, Блэйн присел у огня.

Солнце еще не взошло, но проблески света на востоке становились ярче, а от земли веяло прохладой. Внизу, журча по

камням и гальке, бежал ручей. Блэйн с удовольствием набрал полную грудь утреннего воздуха, наслаждаясь его вкусом. Он был еще жив, снова был не один на Земле, имел еду — но что дальше? У него не было денег — у него не было ничего, кроме единственной спички и одежды, что на нем. Да еще мозг, который его может выдать, который, по словам старой ведьмы, «как сверкающее зеркало». Для первого же встречного слухача или наводчика он будет легкой добычей.

Правда, можно днем прятаться, а идти ночью — ночью сравнительно безопасно, потому что все прячутся по домам. Еду можно брать в садах и огородах. Можно остаться в живых и каждую ночь проходить по нескольку миль, но это слишком медленно.

Должен быть другой выход.

Он подбросил дров в огонь. Костер по-прежнему горел ярко и без дыма. Блэйн спустился к ручью и, улегшись на живот, напился прямо из поющего потока.

А может, не надо было бежать из «Фишхука»? Что бы его там ни ждало, теперешнее положение вряд ли лучше. Потому что теперь надо скрываться от всех: доверять нельзя никому.

Лежа на животе, Блэйн глядел на устланное галькой дно. Взгляд его остановился на одной гальке рубинового цвета. Мысленно взяв этот камень, он видел, из чего тот состоит, как расположены его кристаллы, он знал, откуда этот камень появился и где он перебывал за долгие тысячелетия.

Затем он также мысленно отбросил его и взял другой камень, сверкающий кусочек кварца...

«Это что-то новенькое!

Такого я раньше никогда не делал!

Однако я сделал это так, словно всегда этим занимался, словно это привычное дело».

Блэйн заставил себя подняться и сесть на корточки у ручья. То, что он сделал, для человека было поразительным, однако он чувствовал себя не таким уж ошеломленным — кем бы он ни был, он был самим собой.

Он снова попробовал отыскать в себе разум Розового, но не нашел; несмотря на это, Блэйн знал, что он в нем. В нем, со всеми своими бессмысленными воспоминаниями, невозможными способностями, дурацкой логикой и поставленными с ног на голову ценностями.

В мозгу вдруг возникла странная картина: процессия пурпурных геометрических фигур, нетвердой походкой бредущих через пустыню цвета червонного золота; в ядовито-желтом небе висит кроваво-багровое солнце, и больше ничего... И в тот же ускользающий момент Блэйн вдруг понял, где находится это место, он знал его координаты в незнакомой ему космографической сети и представлял, как туда попасть. Потом все так же неожиданно прошло — исчезли и цифры, и информация.

Блэйн медленно встал на ноги и вернулся к костру. Углей уже было достаточно. Палочкой он выкопал в углях ямку, заложил туда картофелины и не очищенный от листьев початок кукурузы и вновь засыпал углями. Насадив мясо на раздвоенный конец ветки, зажарил бифштекс.

С теплом костра, приятно греющим руки и ноги, к Блэйну пришла расслабляющая, неуместная умиротворенность — умиротворенность человека, готового ограничиться самым малым. Вместе с умиротворенностью пришла еще более неуместная уверенность. У него было такое ощущение, будто он заглянул в будущее и убедился, что все будет хорошо. Но это не было ясновидением. Существовали предсказатели, обладающие даром ясновидения или чем-то похожим, но у него такой способности никогда не было. Он скорее ощущал благополучность будущего, не представляя ни каких-то конкретных деталей, ни как там все будет, ни того, чем все кончится. Только уверенность в том, что все будет хорошо, простое старомодное предчувствие — и не больше.

Бифштекс уже шипел, а из костра доносился аромат картофеля. Блэйн усмехнулся: хорошенькое меню на завтрак — бифштекс с печеным картофелем. Хотя и не так уж плохо. Пожалуй, все пока не так уж плохо.

Ему вспомнился Дальтон с сигарой в зубах, с прической ежиком, который, развалясь в кресле, проклинал мясник-траву как очередное посягательство на бизнесменов со стороны злокозненного «Фишхука».

А кроме мясник-травы, подумал он, сколько еще? Интересно бы подсчитать все, что появилось благодаря «Фишхуку».

Прежде всего с далеких звезд на Землю были привезены новые лекарства — совершенно другая фармакопея, способная облегчить страдания Человека и вылечить его от болезней.

Появились новые ткани, новые металлы, множество новых продуктов. Родились новые архитектурные стили и материалы; люди получили новый тип литературы, узнали новые запахи, постигли новые принципы искусства. И еще к людям пришло дименсино — развлечение, которое вытеснило обычное телевидение, радио и кино.

В дименсино зритель не просто видит и слышит — он участвует. Он становится частью изображаемой ситуации. Зритель отождествляет себя с одним из героев или сразу с несколькими персонажами и живет их чувствами, действиями. На время он перестает быть самим собой, а выбирает себе личность из действующих в дименсино-постановке лиц.

И все это — и продукты, и материалы, и дименсино — монополия «Фишхука».

И потому, подумал Блэйн, все и ненавидят «Фишхук» ненавистью непонимающих, ненавистью оставшихся за чертой, ненавидят за помощь, равной которой человечество еще не знало.

Бифштекс поджарился. Положив самодельный вертел из зеленой ветки на куст, Блэйн стал отрывать в углях картофель и кукурузу.

Сидя у костра, Блэйн принялся за еду.

Взошло солнце, замер ветерок, и, казалось, весь мир затаил дыхание, стоя на пороге нового дня. На кроны тополей упали первые солнечные лучи, превратив листья в золотые монеты; затих ручей, уступая дневным звукам — мычанию стада на холме, рокоту машин на дороге, отдаленному гулу самолета высоко в небе.

На шоссе ниже моста остановился автофургон. Из кабины вышел водитель, поднял капот и наполовину скрылся под ним. Затем вылез, вернулся в кабину, поискал что-то и, найдя, что искал, снова вышел. До холма отчетливо донеслось звяканье инструментов о бампер.

Грузовик был настоящей древностью — с бензиновым двигателем и колесами, но с дополнительной реактивной тягой. Такую колымагу редко где теперь встретишь, разве что на свалке.

Частный владелец, решил Блэйн. Перебивается, как может, стараясь выдержать конкуренцию крупных фирм по автоперевозкам за счет заниженных цен и до предела срезанных накладных расходов.

Краска на фургоне выцвела и местами облупилась, но поверх нее тянулись свеженамалеванные замысловатые кабалистические знаки, которые, несомненно, должны были отвести прочь все зло мира.

По номеру Блэйн определил, что машина из Иллинойса.

Разложив инструменты, шофер снова полез под капот. На холм обрушились шум ударов молотка и ржавый скрип отворачиваемых болтов.

Блэйн закончил завтрак. У него осталось еще два бифштекса и две картофелины. Он перемешал уже начавшие остывать угли, наколол оба бифштекса на палочку и аккуратно обжарил.

Из-под капота по-прежнему доносились удары и скрип. Пару раз водитель выбирался, чтобы передохнуть, и опять принимался за работу.

Когда бифштексы как следует прожарились, Блэйн положил картофелины в карман и, держа бифштексы на палочке перед собой, как боевое знамя, стал спускаться к дороге.

Заслышав звук шагов, водитель вылез из-под капота и обернулся.

— Доброе утро,— как можно радушнее поздоровался Блэйн.— Завтракаю и вдруг вижу: кто-то подъехал.

Шофер глядел на него с откровенной подозрительностью.

— У меня осталась еда,— сказал Блэйн,— и я ее для вас приготовил. Хотя, может быть, вы уже поели.

— Нет, еще не успел,— оживившись, произнес водитель.— Собирался перекусить в городке там, внизу, но все еще было закрыто.

— Тогда прошу,— Блэйн протянул ему палочку с нанизанными бифштексами.

Водитель взял палочку, держа ее так, будто она может ужалить его в любую секунду. Порывшись в карманах, Блэйн извлек две картофелины.

— Была еще кукуруза, три початка,— сообщил он,— но я все съел.

— Ты что, это мне даешь?

— Конечно,— подтвердил Блэйн.— Впрочем, можешь швырнуть их мне в физиономию, если тебя это больше прельщает.

Водитель нерешительно улыбнулся:

— Пожалуй, я поел бы. До следующего городка еще миль тридцать, а на нем,— он ткнул пальцем в фургон,— неизвестно, когда я туда доберусь.

— Нет соли,— сказал Блэйн,— но и так неплохо.

— Спасибо. Я не знаю, чем...

— Садись и ешь,— прервал его Блэйн.— Что там с двигателем?

— Не знаю, кажется, карбюратор.

Блэйн снял пиджак, аккуратно положил его на бампер и закатал рукава.

Усевшись на камень на обочине, водитель принялся за еду.

Блэйн взял гаечный ключ и полез на радиатор.

— А где ты взял бифштексы? — поинтересовался водитель.

— Да там, на холме. У фермера их целое поле.

— То есть ты их украл?

— А что делать, если нет ни работы, ни денег и надо пробираться в родные места?

— Куда это?

— Туда, в Южную Дакоту.

Водитель, набив полный рот едой, замолчал.

Блэйн заглянул под капот и увидел, что водитель уже ослабил все болты крепления карбюратора, кроме одного. Блэйн наложил на этот болт ключ и потянул. Болт протестующе заскрежетал.

— Черт бы побрал эту ржавчину,— выговорил водитель, не спуская глаз с Блэйна.

Справившись наконец с болтом, Блэйн снял карбюратор и сел рядом с жующим шофером.

— Скоро эта колымага вообще развалится,— заметил тот.— Впрочем, и с самого начала это был не подарочек, мучаюсь с ней всю дорогу. Сроки летят к чертям.

Блэйн подобрал ключ к болтам карбюратора и начал борьбу с проржавевшей резьбой.

— Пробовал вести машину по ночам,— сообщил водитель,— но после того раза — хватит. Такой риск не для меня.

— Что-нибудь привиделось?

— Если б не знаки на кузове, мне бы крышка. Правда, у меня есть ружье, но от него мало толку. Я не могу одновременно стрелять и крутить баранку.

— Даже если б и мог, вряд ли бы это помогло.

— Ну нет, приятель,— процедил водитель,— я бы им показал. У меня полный карман патронов с серебряной дробью.

— А не дорого?

— Еще как дорого. Но ничего не поделаешь.

— Наверное,— согласился Блэйн.

— И что ни год, то становится все хуже. Но там, на севере, появился наконец этот проповедник.

— Проповедников везде хватает.

— Точно, хватает. И все они только и могут разводить болтовню. А этот призывает заняться делом.

— Ну вот,— Блэйн отвернул последний болт, вскрыл карбюратор и заглянул внутрь.— Нашел. Видишь, в чем дело?

Водитель наклонился и посмотрел, куда показывал Блэйн.

— Будь я проклят, если это не так!

— Все, через пятнадцать минут будет готово. У тебя есть чем смазать резьбу?

Водитель встал, вытер руки о штаны:

— Пойду посмотрю.

Он направился к машине, но вдруг вернулся.

— Меня зовут Бак,— он протянул руку,— Бак Райли.

— Блэйн. Можешь называть меня Шеп.

Они обменялись рукопожатием.

Райли постоял, переминаясь с ноги на ногу, потом решился:

— Ты, кажется, двигаешься в Дакоту?

Блэйн кивнул.

— Я скоро рехнусь, если и дальше все буду делать один.

— Я как-то могу помочь?

— Согласен вести ночью?

— Черт побери! — сказал Блэйн.— Конечно.

— Ты за рулем, а я буду держать ружье наготове.

— Тебе не мешало бы выспаться.

— В общем, вдвоем как-нибудь справимся. Лишь бы колеса крутились не останавливаясь. Я и так потерял уже слишком много времени.

— А ты едешь в сторону Южной Дакоты?

Райли кивнул:

— Ну что, присоединяешься?

— С удовольствием. В любом случае лучше, чем идти пешком.

— Кстати, подзаработаешь. Немного...

— Забудь о деньгах. Главное, что ты меня подвезешь.

Глава 13

Они ехали с юго-запада на северо-восток, ведя машину и днем и ночью, но тем не менее половину времени стояли. Грузовик и вправду оказался чуть лучше ржавой консервной банки. Им приходилось воевать с громоздким двигателем, сражаться со старыми, лысыми шинами, ухаживать за рахитичным шасси, чтобы продвинуться еще на несколько миль.

Дороги были плохими, как и все дороги теперь. Эра гладких, твердых, чуть ли не с зеркальным покрытием шоссе давно кончилась. Пришло время нового транспорта: полуавтомобилей-полусамолетов; хорошие дороги не нужны машинам, которые вовсе не касаются земли.

Чуть живые шины со стоном прыгали по неровному, выщербленному асфальту. С новыми шинами было бы легче, подумал Блэйн, но даже если бы Райли мог позволить себе заплатить за них, он вряд ли бы их достал. Спрос на шины обычного типа упал почти до нуля, и увидеть их где-то в продаже было почти невозможно.

И еще одна постоянная проблема — бензин. Заправочных станций не было; последние заправочные станции закрылись лет пятьдесят назад. Транспорту, работающему на атомной энергии, заправляться не надо. Поэтому в каждом городке и приходилось искать магазин сельскохозяйственных товаров или кооперативную фермерскую лавку, поскольку большинство сельскохозяйственных машин по-прежнему работало на бензине.

Они спали урывками, используя для сна каждый удобный момент; они ели на ходу, запивая бутерброды и пирожки кофе из старой жестяной фляги.

Так они пробирались древними дорогами, по которым современный транспорт ходил лишь по той причине, что в старину умели строить и знали, что прямая — кратчайшее расстояние между двумя точками.

— В жизни б не взялся за такую работу,— сказал Райли,— но мне обещали хорошо заплатить. А деньги, сам понимаешь, не помешают.

— Ничего, все будет нормально,— успокоил его Блэйн.— Может, опоздаешь на день-другой, но доехать мы доедем.

Райли вытер лицо вылинявшим, когда-то красным платком.

— Тут не только грузовик угробишь,— сказал он.— Тут и сам рехнешься от страха.

Это верно, подумал Блэйн, Райли весь пропитан страхом, страх проник ему в кровь и плоть.

И притом он не производит впечатления человека, который просто с детства запуган зверинцем ужасов и кошмаров и продолжает и в зрелом возрасте с легкостью вызывать в своем воображении все эти древние ужасы. Нет, тут что-то более реальное, чем отзвуки детских ночных кошмаров.

Блэйну его попутчик казался причудливым экспонатом из средневекового паноптикума. Человек, который боится темноты и существ, по его представлению обитающих в ней! Человек, который верит, что его защитят намалеванные кабалистические знаки и дробовик, заряженный серебряной картечью! Блэйну приходилось слышать о подобных людях, но воочию до сих пор он их не видел. А если таковые и были среди его знакомых по «Фишхуку», то они искусно и тщательно скрывали свои взгляды.

Но как Блэйн поражался Райли, так и Райли не переставал удивляться Блэйну.

— Тебе не страшно? — допытывался он.

Блэйн качал головой.

— Ты что, не веришь в нечистую силу?

— Всегда считал это детскими сказками,— отвечал Блэйн.

Тогда Райли начинал убеждать его:

— Это не сказки, приятель, можешь мне поверить. Я встречал столько людей и слышал столько историй, что знаю наверняка. Когда я был еще мальчишкой, у нас в Индиане жил один старик. Однажды его нашли висящим на заборе, у него было перерезано горло, а вокруг тела были следы копыт, и стоял запах серы...

Если не поверишь в эту сказку, найдется другая, не менее жуткая, загадочная, окутанная мраком древности.

— Тебе хорошо,— сказал Блэйну Райли.— Ты их не боишься, и, может быть, они тебя не тронут. Собака кусает бегущего, но лижет руку тому, кто ее не боится.

— Тогда все просто,— заметил Блэйн.— Перестань бояться.

Но давать такой совет человеку вроде Райли было бесполезно.

Каждую ночь, когда Блэйн вел машину, Райли, дрожа от страха и судорожно сжимая ружье с серебряной картечью, вглядывался в темноту.

Все, что им встречалось по пути — перебегающая дорогу лиса, сова, пролетевшая рядом, любая мелькнувшая у обочины тень,— все превращалось в ночные призраки, а вой койотов становился завыванием нечисти, вышедшей на поиски жертвы.

Но не все было только плодом больной фантазии Райли. Однажды им встретилась тень в форме человека, но уже не человек — она вращалась и изгибалась в ленивом танце на высокой ветке над лесной порослью; они проехали обугленные развалины фермы, черный дымоход которой, как вытянутый обвиняющий палец, указывал в небо. Как-то раз, когда Райли возился с поржавевшими свечами, Блэйн отправился вверх по ручью, чтоб найти родник, и заметил вдали дымок небольшого костра. Они слишком поздно услышали его шаги, и Блэйн успел заметить их тени, взмывшие вверх по заросшему лесом откосу скалы.

На вытоптанной лужайке рядом с костром лежала опрокинутая сковорода, четыре наполовину поджаренные форели валялись на примятой траве рядом со стегаными ватными одеялами.

На случай дождя стоял грубо сложенный шалаш.

Блэйн опустился на колени рядом с костром и поправил сковороду. Затем положил на сковороду рыбу, предварительно очистив ее от приставших веточек и травинок.

Сначала он думал позвать беглецов, сказать, что не надо прятаться, потом понял, что это бесполезно,— доверия от них ждать уже поздно.

Потому что они — дичь. Загнанная дичь в тех самых Соединенных Штатах, где когда-то так ценили свободу, где в свое время столько говорилось о правах человека!

Он стоял на коленях, разрываясь от гнева и жалости, чувствуя, как начинает щипать в глазах. Он потер глаза кулаком, и мокрые костяшки оставили на лице грязные полосы.

Он постоял так еще немного, затем поднялся и пошел обратно, позабыв, что искал родник, который был наверняка уже совсем рядом.

Райли о тех, кого он встретил, Блэйн не стал говорить.

Они пересекали пустыни, пробирались через горы и наконец выехали на бескрайние просторы плоскогорья, где носился только ветер, не встречая на пути своем ни деревца, ни холма.

Блэйн, расслабившись, отдыхал на сиденье рядом с Райли. Солнце разогревало сухой ветер, и к северу, над пересохшим руслом реки, песчаные духи кружили смерчи.

Крепко вцепившись в руль, ссутулившись, Райли вел фургон. На лице у него было написано напряжение, временами его щеку подергивал нервный тик.

Этот человек, подумал Блэйн, боится даже днем, даже при свете дня он не прекращает свою схватку с темнотой.

«А не связано ли это с грузом, который мы везем?» — предположил Блэйн. Ни разу за весь путь Райли не обмолвился о своем грузе, ни разу не проверил его. На задней двери фургона висел тяжелый амбарный замок, издающий угрюмое брянчанье каждый раз, когда машина подпрыгивала на ухабах.

Раз или два Блэйн уже собирался спросить Райли, но что-то останавливало его. О том, что этой темы лучше не касаться, говорили ему не поступки или слова Райли, а какая-то его подчеркнутая небрежность.

«А потом,— решил Блэйн,— меня это не касается. Какое мне дело, что там, в фургоне. Для меня главное — сам грузовик, каждый поворот колеса которого приближает к цели».

— Если сегодня ночью мы поднажмем, к утру будем на реке,— сказал Райли.

— На Миссури?

Райли кивнул:

— Если не сломаемся. И если сможем держать скорость.

Но в эту ночь они повстречали ведьм.

Глава 14

Сперва они заметили что-то темное, мелькнувшее над дорогой в пучке света фар, потом увидели их, летящих в лунном свете. Собственно, они не летели, поскольку у них не было

крыльев, а двигались по воздуху, как рыба плывет в воде, с грациозностью, свойственной только летающим существам.

В первый момент это можно было принять за мельтешение бабочек в луче света или бесшумный бросок на добычу ночного крылатого хищника, но только в первый момент, когда разум не мог преодолеть убеждения, что этого не может быть; но тут же не осталось никаких сомнений в том, что они увидели.

Они увидели летающих людей. Левитаторы, подумал один. Ведьмы, летящие на шабаш, решил другой.

Увидев, что Райли высунул ствол ружья в открытое окно, Блэйн ударил по тормозам.

Райли спустил курок, и звук выстрела в кабине прозвучал оглушительнее грома.

Машину занесло, и она остановилась поперек дороги. Дернув Райли за плечо, Блэйн вывел его из равновесия, а другой рукой вырвал у него ружье.

Он взглянул на Райли: на лице у того был написан смертельный ужас. Его челюсть ходила беззвучно вверх-вниз, как у марионетки, в углах рта выступила пена. Глаза его бешено вращались, а лицо превратилось в уродливую маску от сведенных судорогой мышц. Скрюченные пальцы тянулись к ружью.

— Прекрати! — заорал Блэйн.— Это всего лишь левитаторы.

Слово ничего не значило для Райли. Страх грохотал у него в мозгу, заглушая разум и логику.

Уже обращаясь к Райли, Блэйн понял, что слышит голоса, беззвучный хор голосов, обращающихся к нему из ночи.

— Друг, один из нас ранен (алая струйка по мускулистому плечу) — не сильно. А где ружье? (Ружье с печально обвислым стволом.) Все в порядке — ружье у нашего друга. Теперь займемся этим. (Загнанная в угол, рычащая собака; скунс с поднятым хвостом; готовая к броску, свернувшаяся в кольцо гремучая змея.)

— Стойте! — закричал Блэйн.— *Подождите! Опасности больше нет. Он не будет стрелять.*

Нажав локтем на ручку замка, он распахнул дверь и, оттолкнув Райли, вывалился из кабины, держа в руках ружье. Блэйн переломил дробовик, и патроны выпали; отбросив ружье на дорогу, он облокотился на автомобиль.

Ночь вдруг стала абсолютно беззвучной, не считая стонов и воя Райли, доносящихся из кабины.

— Все,— сказал Блэйн,— больше нечего бояться.

Они нырнули с неба, как будто стояли там на невидимой платформе, и мягко приземлились на ноги.

Медленно и бесшумно они приблизились к нему и остановились, ничего не произнося.

— *По-идиотски ведете себя,*— сказал им Блэйн.— *В следующий раз кому-нибудь из вас отстрелят голову. (Безголовое тело, прогуливающееся небрежной походкой, клубы пены, вскипающей из обрубка шеи.)*

Блэйн заметил, что все они были молоды, не старше восемнадцати, а одеты в подобие купальных костюмов. Блэйн уловил исходящее от них чувство веселья и озорства.

Они подошли ближе. Блэйн попытался прочесть еще что-либо по их виду, но больше ничего не увидел.

— *Ты кто?* — спросил один из них.

— *Шепард Блэйн, из «Фишхука».*

— *Куда ты едешь?*

— *В сторону Южной Дакоты.*

— *На этом грузовике?*

— *И с этим человеком,*— добавил Блэйн.— *Не трогайте его.*

— *Он стрелял в нас. Он ранил Мари.*

— *Пустяки,*— сказала Мари,— *царапина.*

— *Он боится,*— сказал Блэйн.— *У него патроны с серебряной картечью.*

Блэйн почувствовал, что мысль о серебряной картечи их развеселила.

И ощутил необычность сложившейся ситуации: лунная ночь, заброшенная дорога, машина поперек шоссе, заунывный вой ветра над прерией и они двое, он и Райли, окруженные не индейцами из племени сиу, или команчей, или черноногих, а группой паранормальных подростков, вышедших ночью повеселиться.

И кто вправе осудить их, спросил он себя, или мешать им? Если эти небольшие акции протеста помогают им самоутвердиться в их полной унижений жизни, если этим путем они отстаивают какую-то долю своего человеческого достоинства, тогда их поступки — вполне нормальное человеческое поведение, за которое их нельзя винить.

Он всматривался в лица, которые мог разглядеть в расплывчатом свете луны и фар, и видел, что идет борьба между

вспыльчивостью и нерешительностью. Из машины по-прежнему доносились стоны водителя, бьющегося в истерике.

— *«Фишхук»? (Башни зданий на холме, квадратные километры зданий, массивные, величественные, вдохновляющие...)*

— *Верно,*— подтвердил Блэйн.

От группы отделилась девушка, подошла к Блэйну и протянула ему ладонь.

— *Друг,*— сказала она,— *мы не ждали встретить здесь друга. Нам всем очень жаль, что мы причинили тебе неприятности.*

Блэйн взял ее руку и ощутил пожатие сильных молодых пальцев.

— *На дорогах редко кого встретишь ночью,*— сказал один из ребят.

— *Мы просто веселились,*— сказал другой,— *в жизни так мало веселого.*

— *Мало,*— согласился Блэйн.— *Я сам знаю, как мало.*

— *Мы — ряженые, ведь скоро канун Дня всех святых,*— добавил еще один.

— *Ряженые? День всех святых? А, ну тогда все понял. (Рука, стучащая в закрытые ставни, повешенная на дерево калитка, перевернутая вверх ногами табличка с заклинанием.)*

— *Им это полезно. Сами напрашиваются.*

— *Пусть так,*— сказал Блэйн,— *но ведь это опасно.*

— *Не очень. Они слишком боятся.*

— *Но этим положению не поможешь.*

— *Мистер, положению ничем не поможешь.*

— *А «Фишхук»?* — спросила стоящая перед Блэйном девушка.

Блэйн внимательно посмотрел на нее и вдруг понял, как она красива: голубые глаза, золотистые волосы и фигура, которая в древние времена сделала бы ее победительницей всех конкурсов красоты,— идол, благополучно позабытый человечеством, увлекшимся парапсихологией.

— *Не знаю,*— сказал Блэйн.— *Прости, но я не знаю.*

— *Что-то случилось? Тебе грозит опасность?*

— *Пока нет.*

— *Тебе нужна помощь?*

— *Ни к чему,*— как можно беззаботнее произнес Блэйн.

— *Мы можем полететь с тобой, куда скажешь.*

— *Я не умею летать.*

— *И не надо. Мы сами. (Он в воздухе, поддерживаемый за руки двумя левитаторами.)*

Блэйн передернул плечами:

— *Нет уж, благодарю, лучше не надо.*

Кто-то открыл дверцу машины, кто-то вышвырнул Райли на землю.

Рыдая, водитель пополз на четвереньках.

— *Оставьте его!* — закричал Блэйн.

Девушка обернулась. Мысли ее прозвучали резко и властно:

— *Отойдите! Не трогайте его! Чтоб никто пальцем его не тронул!*

— *Но, Анита...*

— *Даже пальцем!* — повторила она.

— *Это же подонок. Стреляет серебряной картечью.*

— *Нет!*

Они отошли.

— *Нам пора,* — сказала Анита Блэйну. — *Думаешь, все будет нормально?*

— *С этим?*

Она кивнула.

— *Ничего, с ним я справлюсь,* — успокоил ее Блэйн.

— *Меня зовут Анита Эндрюс. Я живу в Гамильтоне, мой телефон — 276. Запиши в память.*

— *Записано,* — Блэйн показал ей слова и цифры.

— *Если понадобится помощь...*

— *Я позвоню...*

— *Обещаешь?*

— *Клянусь! (Крест на бьющемся сердце.)*

Неожиданно прыгнув, Райли схватил ружье и теперь, пошатываясь, стоял и шарил в кармане в поисках патрона.

Блэйн бросился ему в ноги, ударив его плечом со всего размаха чуть выше колен; одной рукой он обхватил Райли за пояс, другой попытался поймать ствол ружья, но промахнулся.

Падая, он крикнул:

— *Быстрей! Быстрей все убирайтесь!*

Затрещала одежда; Блэйн почувствовал, как шершавый асфальт обдирает ему кожу, но Райли не выпустил, увлекая его за собой.

Когда скольжение по асфальту прекратилось, Блэйн снова попытался нащупать ружье. Ствол блеснул в темноте и опустился ему на ребра. Блэйн охнул, попробовал ухватиться за него, но Райли еще раз взмахнул ружьем, как дубинкой. В отчаянии Блэйн наугад нанес удар и почувствовал, как его кулак погрузился в живот водителя. Раздался возглас боли, и тяжелый ствол прошел в дюйме от лица Блэйна.

Его рука рванулась вперед, поймала ствол и дернула на себя, одновременно выкручивая.

Завладев ружьем, Блэйн откатился в сторону и вскочил.

Райли, как носорог, склонив голову, расставив руки, несся на него. На лице его жутко застыл ревущий оскал.

Блэйн едва успел отбросить ружье. Он попытался увернуться от приближающегося Райли, но тот сумел ухватить его своей окорокообразной лапой за бедро. Не давая ему убрать руку, Блэйн резко повернулся. Райли попробовал затормозить, но было поздно. С оглушительным грохотом его тело по инерции врезалось в грузовик.

Райли обмяк и свалился. Блэйн, выжидая, смотрел на него: тот не двигался.

Из ночи не доносилось ни звука. Все исчезли, кроме них, вокруг никого не было. Только он, и Райли, и потрепанный фургон.

Блэйн отвернулся, поглядел на небо, но там тоже ничего не было, кроме луны, звезд и одинокого степного ветра. Он опять посмотрел на Райли и увидел, что тот жив. Райли уже сидел, держась за передний борт. Удар о кузов рассек ему лоб, и больше драться он явно не собирался. Он тяжело пыхтел, стараясь отдышаться, и в глазах у него стоял дикий блеск.

Блэйн сделал шаг в его сторону.

— Дурак проклятый, — сказал он. — Если бы ты еще раз выстрелил, нам бы конец. Они нас на куски бы разорвали.

Райли глядел на него вытаращенными глазами, силясь что-то сказать, но из его рта раздавалось только: «Ты-ты-ты».

Блэйн шагнул к нему и протянул руку, чтобы помочь встать, но Райли отпрянул от него, прижавшись изо всех сил к кузову, как бы пытаясь раствориться в металле.

— Ты один из них! — взвизгнул он. — Я давно понял...

— С ума сошел!

— Я тебя раскусил! Ты не хочешь, чтоб тебя видели. Не отходишь от машины. За едой и кофе всегда хожу я. Ты не ходишь. И насчет бензина договариваюсь я. А не ты.

— Машина твоя, а не моя,— ответил Блэйн.— И деньги у тебя. А у меня, ты знаешь, ни гроша.

— А как ты появился,— скулил Райли.— Вышел прямо из леса. Ты, наверное, всю ночь там с ними провел. И ты не как все, ты ни во что не веришь.

— Потому что я не дурак,— сказал Блэйн.— Вот и все. Я не больший парапсих, чем ты. Думаешь, если б я был колдуном, стал бы я трястись с тобою на этой жестянке?

Он подошел к Райли, схватил его и рывком поднял на ноги. И встряхнул так, что у него закачалась голова.

— Хватит! — заорал на него Блэйн.— Нам ничто не грозит. Поехали отсюда.

— Ружье! Ты выбросил ружье!

— К чертям ружье. Пошли в машину.

— Но ты с ними разговаривал! Я сам слышал!

— Ни слова не сказал.

— Ты не ртом разговаривал,— сказал Райли.— Не языком. Но я слышал. Не все. Только отрывки. Но ты разговаривал.

Прижимая его одной рукой к грузовику, Блэйн открыл дверцу.

— А ну заткнись и забирайся,— процедил Блэйн.— Подумаешь, ружье у него есть! Серебряная картечь! Он слышал, надо же!

Поздно, решил он. Объяснять бессмысленно. И показывать ему или пытаться помочь тоже бессмысленно. Скорее всего, если ему рассказать правду, он утратит последние остатки логики и совсем сойдет с ума.

Блэйн обошел фургон с другой стороны, сел, завел мотор и развернул машину вдоль дороги.

Целый час они ехали молча. Скрючившись в углу, Райли не спускал с Блэйна испытующих глаз.

— Извини, Блэйн,— наконец произнес он.— Наверное, я был не прав.

— Конечно не прав. Если бы ты открыл стрельбу...

— Я не об этом,— перебил его Райли.— Если бы ты был одним из них, ты бы не остался. Они могли бы тебя домчать куда надо в сто раз быстрее.

Блэйн рассмеялся:

— Чтоб тебя совсем успокоить, завтра за кофе и продуктами пойду я. Конечно, если ты мне доверишь деньги.

Глава 15

Блэйн сидел на стуле в закусочной и ждал, пока ему завернут сандвичи и нальют во флягу кофе. В зале кроме него было еще два посетителя, и на Блэйна они никакого внимания не обращали. Один только что закончил трапезу и теперь читал газету. Другой, склонившись над тарелкой, метал в рот густую массу, которая раньше была яичницей с жареным картофелем, а сейчас, от тщательного перемешивания, видом напоминала собачий корм.

Блэйн повернулся лицом к мощной стеклянной стене здания.

На улице было по-утреннему тихо, брел один-единственный пешеход, и мимо него время от времени проносились автомобили.

Наверное, было глупо, подумал Блэйн, вот так рисковать лишь для того, чтобы попытаться развеять сомнения Райли, успокоить его. Хотя ясно: что бы водитель ни говорил, подозрения у него остались.

Правда, осталось немного, скоро должна быть река, а в нескольких милях к северу — Пьер. Кстати, любопытно: за всю дорогу Райли ни разу не обмолвился, куда он едет. Впрочем, ничего странного: Райли явно боится и не касается тем, связанных с его грузом.

Блэйн отвернулся от окна, получил сверток с сандвичами и кофе, отдал бармену пятидолларовую купюру, а сдачу положил в карман.

Выйдя, Блэйн направился к заправочной станции, где его ждал Райли со своим фургоном. Было слишком рано, и заправщики на станцию еще не пришли. Блэйн и Райли договорились перекусить, потом, когда станция откроется, заправиться и двинуться дальше. Возможно, рассчитывал Блэйн, это будет последний день их совместного пути.

Стоит им доехать до реки, и он пойдет сам, на север, в Пьер.

Утро было свежим, почти холодным, и воздух обжигал ему ноздри. Начался еще один хороший день — еще один миг октября, когда небо затянуто дымкой, а воздух пьянит, как вино.

Блэйн вышел к бензоколонке. Грузовика там не было.

А может, подумал Блэйн, он отъехал за угол. Но, еще предполагая это, Блэйн уже знал, что не прав. Он понял, что его провели.

Для того чтобы избавиться от Блэйна, Райли пришлось пожертвовать пятью долларами и поискать другое место для заправки.

Блэйна это особенно не поразило, он понимал, что втайне был готов к этому. Так или иначе, с точки зрения Райли, это было простейшее разрешение сомнений предыдущей ночи.

На всякий случай Блэйн обошел квартал.

Машины он не нашел. Приходилось рассчитывать на себя.

Еще немного — и городок начнет просыпаться. Надо успеть уйти до этого. Найти какое-нибудь место, где переждать день.

Минуту он стоял, ориентируясь.

Ближняя окраина лежит к востоку, решил он, так как мы въехали с юга и проделали милю-две по городу.

Блэйн тронулся в путь, стараясь двигаться как можно быстрее и в то же время не привлекать внимания. Проехало несколько машин, кто-то вышел на порог за газетой, прошел человек — в руке корзинка с завтраком. На Блэйна никто не обращал внимания.

Дома стали реже, началась последняя улица города. Здесь плоскогорье кончалось и рельеф пошел под уклон — поросшие лесом бугры и холмы, каждый чуть ниже, чем предыдущий. Впереди Миссури, понял Блэйн. Где-то впереди, за последним холмом, шумит могучая река с ее песчаными отмелями и ивняковыми островами.

Он пересек поле, перелез через ограду и спустился в крутой овраг, где между кустов бежал крохотный ручеек.

Опустившись на четвереньки, Блэйн заполз в кустарник. Он нашел идеальное укрытие. За пределами города, и ничего такого, что могло бы привлечь людей: рыбу ловить слишком мелко, а купаться слишком холодно. Здесь его не найдут.

Здесь никто не учует сверкающее зеркало у него в мозгу; никто не крикнет: «Парапсих!»

А ночью он двинется дальше.

Он съел три сандвича, запил кофе.

Взошло солнце. Просачиваясь сквозь кусты, его лучи разбивались на мозаику света и тени.

Из городка слабо доносились звуки — рычание грузовика, лай собак, голос женщины, скликающей детей.

«Как я уже далеко забрался после той ночи в "Фишхуке",— думал Блэйн, сидя под ивами и ковыряя веточкой в песке.— Далеко от виллы Шарлин, от Фредди Бейтса. А до сих пор у меня не было времени поразмыслить над этим. То, что было неясно тогда, неясно и сейчас: правильно ли я поступил, убежав из "Фишхука"; не лучше ли было, несмотря на слова Годфри Стоуна, остаться и испытать все, что ни уготовил бы ему "Фишхук"?».

Мысли вернули его к залитой светом голубой комнате, откуда все началось. Он видел ее, как будто был в ней только вчера — лучше, чем если бы был вчера. Чужие звезды мерцали над этой комнатой без крыши, колеса легко катились по гладкому голубому полу, а вокруг стояли странные предметы, которые могли быть и мебелью, и произведениями искусства, и всем, чем угодно.

Все предстало перед ним как реальное — неправдоподобно реальное, без резких контрастов и без расплывчатости, со всеми без исключения деталями и подробностями.

— *Вот ты и вернулся!* — приветствовал его, приподнявшись, лениво распластавшийся Розовый.

Он действительно был там.

Без машины или тела, без каких-либо приспособлений, только силой разума Шепард Блэйн вернулся к Розовому, в его голубую комнату за пять тысяч световых лет от Земли.

Глава 16

Разум увидеть нельзя.

И все же Розовый видел его или чувствовал — во всяком случае, о присутствии разума Блэйна он знал.

А Блэйна это не удивляло и не пугало. Он чувствовал себя так, как будто вернулся домой, и голубая комната казалась ему более знакомой и близкой, чем в первое посещение.

— *Н-да,* — удовлетворенно хмыкнул Розовый, оглядывая его разум.— *Неплохая получилась парочка.*

«Ну конечно,— подумала та часть разума, которая еще оставалась Шепардом Блэйном,— ведь я, или по крайней мере часть меня, или даже половина и в самом деле вернулась домой. Потому что на сколько-то процентов (возможно, мне никогда не узнать на сколько) я и есть сидящее перед ним существо. Я одновременно и Шепард Блэйн, путешественник с Земли, и дубликат обитателя этой голубой комнаты».

— *Ну и как дела?* — любезно осведомилось существо. Как будто не знает само!

— *Есть одна просьба!* — торопливо сказал Блэйн, спеша объяснить все до того, как ему придется покинуть эту планету.— *Одна-единственная. Ты сделал нас как зеркало. Мы отражаем чужие мысли.*

— *А как же иначе?* — удивился Розовый.— *Разве можно по-другому? На чужой планете приходится экранироваться от чересчур любопытных разумов. Конечно, здесь, дома, нет нужды...*

— *Ты не понял,* — запротестовал Блэйн.— *Твой экран нас не защищает. Он только привлекает к нам внимание. Из-за него мы чуть не погибли.*

— *Этого не может быть,* — сердито оборвало его существо.— *Погибнуть невозможно. Нет такого понятия, как смерть. Смерть бессмысленна. Хотя, может, я и ошибаюсь. Кажется, очень давно была планета...*

Стало почти слышно, как существо перебирает пыльные архивные папки в заваленной знаниями памяти.

— *Да,* — подтвердило оно.— *Было несколько таких планет. Это позор. Для меня это непонятно. Непостижимо.*

— *На моей планете,* — сказал Блэйн,— *умирает все, поверь мне. Абсолютно все.*

— *Неужели все?*

— *Ну, точно не скажу. Возможно...*

— *Вот видишь. Даже у тебя на планете смерть необязательна.*

— *Не знаю,* — сказал Блэйн,— *кажется, существуют и бессмертные вещи.*

— *То есть нормальные.*

— *Смерть вовсе не бессмысленна,* — возразил Блэйн. *Смерть — процесс, благодаря которому на моей планете стали возможными развитие и дифференциация видов. Она не дает зайти в тупик. Это ластик, который стирает ошибки и открывает путь новым началам.*

Розовый уселся поудобнее. Чувствовалось, как он устраивается, собираясь с мыслями, подтягиваясь, готовясь к долгому и плодотворному обсуждению и, может быть, спору.

— *Может, ты и прав,* — сказал он,— *но такой путь слишком примитивен. Это кончится первоначальным хаосом. Есть лучшие решения. Существует даже этап, когда совершенствование, о котором ты говоришь, перестает быть нужным. Но прежде всего скажи, ты доволен?*

— *Доволен?*

— *Ты ведь стал более совершенен. Ты больше, чем обычный разум. Ты — это частично ты, частично я.*

— Ты ведь тоже частично я.

Существо удовлетворенно хмыкнуло:

— *Видишь ли, тебя сейчас двое — ты и я; а я — даже трудно сказать, сколько всего одновременно. Я так много путешествовал и нахватался всякого — и разумов в том числе. Кстати, многие из них, откровенно говоря, можно было и не брать. Но знаешь, хотя я сам странствую очень много, у меня в гостях почти никто не был. Ты не представляешь, как я признателен тебе за твой визит. Когда-то у меня был знакомый, который частенько меня навещал, но это было так давно, что и не вспомнишь. Кстати, ведь у вас измеряют время, то есть поверхностное время?*

Блэйн объяснил, как люди измеряют время.

— *М-м, сейчас прикинем,* — существо начало быстро подсчитывать что-то в уме.— *По вашему счету выходит приблизительно десять тысяч лет назад.*

— *Когда у тебя был твой приятель?*

— *Да,* — подтвердил Розовый.— *С тех пор ты мой первый гость. И ты сам пришел ко мне. Не дожидаясь, пока к тебе приду я. Ты был в машине...*

— *А почему,* — поинтересовался Блэйн,— *ты спросил меня про наш счет времени? Ведь у тебя есть мой разум. Ты знаешь все, что знаю я.*

— *Естественно,* — пробормотал Розовый.— *Все твои знания во мне. Но я еще не разбирался в них. Ты не представляешь, что у меня там творится!*

Еще бы, подумал Блэйн. Тут с одним-то лишним разумом не знаешь, как разобраться. Интересно...

— *Ничего,*— успокоил его Розовый.— *Со временем все образуется. Потерпи немного, и вы станете единым разумом. Вы поладите, как ты считаешь?*

— *Но с отражателем ты и устроил нам...*

— *Я вовсе не хочу вам неприятностей. Я стараюсь как лучше. И делаю ошибки. И исправляю их. Снимать экран?*

— *Снимай,*— поспешил согласиться Блэйн.

— *Я путешествую,*— рассказывало существо,— *не сходя с этого места. Здесь сидя, я бываю, где захочу, и ты не поверишь, как мало встречается разумов, стоящих обмена.*

— *Ну, за десять тысяч лет ты их, думаю, набрал немало.*

— *За десять тысяч лет?*— озадаченно спросило существо.— *Мой друг, десять тысяч лет — это только вчера.*

Существо покопалось в памяти, но, опускаясь в глубины воспоминаний все ниже и ниже, так и не дошло до начала.

— *Иди сюда,*— пригласил Розовый,— *садись рядом со мной.*

— *Вряд ли в таком виде,*— объяснил Блэйн,— *я могу сидеть.*

— *Конечно, как я не сообразил. Тогда придвинься поближе. Ты ведь пришел ко мне в гости?*

— *Само собой,*— пробормотал Блэйн, не понимая, о чем идет речь.

— *Тогда,*— произнесло существо,— *давай поболтаем о путешествиях!*

— *Давай.*— Блэйн пододвинулся к нему.

Они сидели в голубой комнате, залитой светом неизвестных звезд, и под отдаленный рокот бушующей пустыни Розовый рассказывал. Не только о цивилизации машин. О племени насекомых, которые тысячелетиями накапливали неисчерпаемые запасы пищи, им не нужной, и стали рабами собственной слепой жадности. О расе, сделавшей искусство объектом религиозного поклонения. О станциях подслушивания, обслуживаемых гарнизонами одной галактической империи, о которой давно забыли все, кроме самих гарнизонов. О фантастически сложных сексуальных традициях одной расы, которая практически все усилия направляла на разрешение воспроизводства. О бесплодных, голых планетах, никогда не знавших жизни. И о других планетах, где, как в колбах и ретортах алхимика, шли такие химические реакции, какие разум не в состоянии не то что понять, но даже представить, и где в результате этих

химических реакций зарождалась шаткая, эфемерная жизнь, чтобы через доли секунды опять уйти в небытие.

Об этом и о бесконечно многом еще.

Слушая, Блэйн в полной мере осознал, насколько фантастичен случайно повстречавшийся ему Розовый, который не может вспомнить начала и не представляет конца; существо со странствующим разумом, за миллионы лет посетившее миллионы звезд и планет на расстоянии миллионов световых лет в этой и соседней галактиках. Перед ним было существо, которое принесло бы человеческому племени неисчерпаемую пользу. То, что говорилось сейчас, стоило всех усилий, затраченных когда-либо человечеством. Человечество встретилось с расой, у которой, похоже, не было других эмоций, кроме дружелюбия; если у нее и существовали когда-то другие эмоции, то за бесконечные годы мысленных путешествий они износились в прах. Потому что, наблюдая, подглядывая в окна соседей по Галактике, эта раса научилась терпимости и пониманию по отношению не только к себе подобным или человечеству, но и ко всем созданиям, пониманию жизни во всем разнообразии ее проявлений. Научилась принятию любой мотивации, любой этики, любой культуры, какой бы чужеродной она ни казалась.

Вдруг до Блэйна дошло, что все знания, о которых он думает, находятся в равной степени и в мозгу одного человеческого существа — некоего Шепарда Блэйна; если только тот сможет разобрать знания, систематизировать их и аккуратно сложить, ими можно будет пользоваться.

В беседе Блэйн потерял чувство времени, утратил ощущение того, кто он, где находится и зачем; он позабыл обо всем на свете, как мальчик, самозабвенно слушающий невероятные истории старого матроса, вернувшегося из дальних, неведомых стран.

Комната стала родной, Розовый уже был другом, а далекие звезды не казались чужими; завывания пустынного ветра звучали, как с детства знакомая колыбельная.

Он не сразу понял, что рассказы о далеком и давнем уже прекратились и он слушает только ветер.

Он потянулся, как после сна, и существо сказало:

— *Мы отлично провели время. Не помню, чтоб я когда-либо получал столько удовольствия.*

— *Подожди,*— попросил Блэйн,— *еще один вопрос...*

— Насчет экрана не беспокойся. Я его убрал. Теперь тебя никто не выдаст.

— Я не о том. Я про время. Я — то есть мы — каким-то образом управляем временем. Дважды это спасло мне жизнь...

— Знание у тебя. В твоем разуме. Надо только найти его.

— Но ведь время...

— Время, — сказал Розовый.— *Что может быть проще времени!*

Глава 17

Блэйн долго лежал, наслаждаясь чувством тела,— у него опять было тело. Он ощущал прикосновение воздуха к коже, теплую влагу, выступившую на руках, лице и груди.

Он уже не был в голубой комнате, потому что там у него не было тела, и потом исчез шелест пустынного ветра. Вместо этого он слышал равномерное хриплое всхлипывание. Густой, резкий запах антисептики наполнял ноздри, горло, легкие.

Медленно, готовый тут же закрыть глаза при первой необходимости, Блэйн поднял веки. И не увидел ничего, кроме безразличной белизны потолка.

Голова его лежала на подушке, под ним была простыня, а сам он был одет в накрахмаленную рубашку.

Он повернул голову и увидел рядом другую кровать, на которой лежала мумия.

«Что может быть проще времени»,— сказало существо из другого мира. Оно собиралось рассказать ему о времени, но он не смог остаться еще, чтобы дослушать.

Мумия на соседней кровати была полностью замотана бинтами, и только на месте ноздрей и рта оставались отверстия. Мумия дышала, и каждый вздох сопровождался всхлипыванием.

Белые, как потолок, стены, кафельный пол, стерильность обстановки не оставляли сомнений относительно того, куда он попал.

Блэйн лежал в больничной палате рядом с хрипящей мумией.

Страх волной накатил на него, но Блэйн не шевелился, давая страху прекратиться и схлынуть. Потому что, даже испытывая страх, он чувствовал себя в безопасности. По какой-

то причине — он не мог вспомнить, по какой,— Блэйн был уверен, что ему ничто не грозит.

Где же он был, подумал Блэйн, до голубой комнаты? Он мысленно вернулся в прошлое: овраг за городом, ручей, ивняк...

В коридоре послышались шаги, и в палату вошел человек в белом халате.

Он остановился в дверях и поглядел на Блэйна.

— Пришел в себя наконец,— сказал доктор.— Как себя чувствуешь?

— Неплохо,— ответил Блэйн. Он и в самом деле чувствовал себя отменно. Что же он здесь тогда делает? — А где меня подобрали?

— А раньше с тобой это случалось? — вместо ответа задал вопрос доктор.

— Что «это»?

— Потеря сознания. Кома.

— Что-то не припомню,— покачал головой Блэйн.

— Можно подумать, что ты стал жертвой заклинания.

— Колдовство, доктор? — засмеялся Блэйн.

— Ну, я в это не верю,— скривился кисло врач.— Хотя кто знает? Больные иногда думают так.

Он подошел к Блэйну и сел на край кровати.

— Меня зовут доктор Уитмор,— сказал он.— Ты здесь уже два дня. Мальчишки охотились на кроликов, залезли в кусты и там нашли тебя. Они решили, что ты мертв.

— А что со мной?

— Не знаю,— покачал головой Уитмор.

— У меня нет денег, доктор. Я не смогу заплатить.

— Это не самое главное,— успокоил его доктор.— Правда, я хотел спросить. При тебе не нашли никаких документов. Ты помнишь, как тебя зовут?

— Конечно. Шепард Блэйн.

— А где ты живешь?

— Нигде. Болтаюсь, где придется.

— А как ты попал в этот город?

— Не помню.— Блэйн сел на кровати: — Доктор, я зря занимаю койку.

— Лучше бы ты полежал еще. Надо сделать несколько анализов...

— Не хочу причинять вам беспокойство.

— Дело в том,— признался Уитмор,— что я никогда не сталкивался с подобным случаем. Я был бы признателен, если бы ты задержался. Мы не нашли никаких отклонений, когда тебя привезли. Чуть замедленный пульс. Несколько поверхностное дыхание. Температура на пару градусов ниже обычной. И все. Остальное в норме. Кроме того, что ты был без сознания. Пробудить тебя ничем не удалось.

— Вот кому не повезло,— Блэйн кивнул в сторону мумии.

— Дорожное происшествие.

— В наше время это редкость.

— Да и обстоятельства необычные,— пояснил доктор.— Он вел старый фургон. На полном ходу лопнула шина. И прямо на повороте над рекой.

Блэйн внимательно посмотрел на забинтованного шофера, но под повязкой узнать его было невозможно.

— Я могу перевести тебя в другую палату,— предложил доктор.

— Не стоит. Я долго тут не задержусь.

— Лучше полежи. А то снова отключишься. И на этот раз тебя не найдут.

— Ладно, я подумаю,— пообещал Блэйн.

Доктор поднялся, подошел к соседней койке и, наклонившись над больным, прислушался к его дыханию. Ватным тампоном вытер ему губы, пошептал что-то на ухо, затем выпрямился.

— У тебя есть какие-нибудь просьбы? — спросил он Блэйна.— Ты, наверное, проголодался.

Блэйн кивнул. Вспомнив о еде, он действительно почувствовал голод.

— Хотя я могу подождать,— сказал он.

— Я распоряжусь на кухне, тебя покормят.

Доктор повернулся и быстро вышел из комнаты. Блэйн лежал, вслушиваясь в его удаляющиеся шаги.

И он вдруг понял — он вспомнил,— почему так спокоен. Существо с далекой планеты сняло экран, освободило его от сверкающего зеркала в мозгу, теперь нечего бояться, ни к чему прятаться.

Рядом с ним мумия издавала стоны, хрипы и всхлипывания.

— Райли,— шепотом позвал Блэйн.

Дыхание не изменилось.

Блэйн сел на кровати, свесив ноги, потом встал. Стоять босиком на узорчатом кафеле было холодно. Ежась в жесткой больничной рубахе, он подошел к напоминающему белый кокон существу.

— Райли! Это ты? Райли, ты слышишь меня?

Мумия шевельнулась.

Она попыталась повернуть голову к нему, но не смогла. С трудом задвигались губы. Язык силился произнести что-то.

— Передай...— выговорил шофер, от усилия растягивая слово.

Напрягшись, он попробовал еще раз:

— Передай Финну...

Блэйн понял, что это не все, он хочет еще что-то добавить. Губы мучительно шевельнулись. В хлюпающем отверстии тяжело поворачивался язык. Беззвучно.

— Райли! — позвал Блэйн, но ответа не получил.

Блэйн стал пятиться назад, пока край кровати не уперся ему под колени. Тогда он сел.

Ну вот, подумал он, страх и догнал этого парня, страх, от которого Райли пытался убежать, прячась от которого он пересек полконтинента. Хотя, возможно, не тот, от которого он убегал, а другой страх и другая опасность.

Райли с шумом, судорожно вздохнул.

Вот лежит человек, думал Блэйн, которому надо что-то передать некоему Финну. Кто такой этот Финн, откуда? Как он связан с Райли?

Финн?

Он знал одного Финна.

Когда-то, очень давно, имя Финна было ему знакомо.

Блэйн напрягся, пытаясь вспомнить все, что ему известно о Финне.

Не исключено, что это не тот Финн.

Потому что он слышал о Ламберте Финне, который тоже был исследователем в «Фишхуке», и он тоже бесследно исчез, но задолго до исчезновения Годфри Стоуна, задолго до того дня, когда сам Блэйн пришел работать в «Фишхук».

Он превратился в призрак, чье имя произносят шепотом, в легенду, в жуткий персонаж жуткой истории, в одну из немногих фишхуковских сказок ужасов.

Потому что, говорилось в этой сказке, однажды Ламберт Финн вернулся со звезд визжащим от ужаса маньяком!

Глава 18

Уставившись в потолок, Блэйн лежал на кровати. За окошком шуршал ветерок; на стене напротив весело играли тени листьев одинокого дерева. Упрямое дерево, подумал Блэйн, уже кончается октябрь, а оно никак не хочет расставаться с листьями.

Из коридора доносились все те же приглушенные шаги, а в воздухе по-прежнему едко пахло антисептикой.

Надо выбираться отсюда, решил Блэйн, пора двигаться. Но куда? В Пьер, конечно в Пьер, к Гарриет, если Гарриет там. Сам по себе Пьер не больше чем тупик, и делать там нечего. Но пока его задача — добраться туда.

Ведь я все еще беглец, совершивший отчаянный, неподготовленный побег. Я бегу с того момента, как вернулся из последнего путешествия на звезды. И, что хуже всего, бегу бесцельно, лишь для того, чтобы укрыться, обрести безопасность.

Из-за отсутствия цели становилось не по себе. Как будто он пустышка. Перекати-поле, которое катится туда, куда подует ветер.

Он лежал, давая боли впитаться, впуская горечь и сомнение: а надо ли было бежать из «Фишхука», имело ли это смысл? Затем ему вспомнился Фредди Бейтс, его натянутая улыбка, и блестки в глазах, и револьвер в его кармане. И сомнения рассеялись сами собой: он поступил правильно.

Райли всхлипнул, захрипел и затих.

Нет, сказал себе Блэйн, хоть доктор и просит, оставаться не следует. Все равно врач ничего не обнаружит, а Блэйн ничего ему не расскажет, так что для них обоих это будет только потеря времени.

Он встал с постели, пересек комнату и подошел к двери, ведущей, по всей видимости, в гардеробную.

Он открыл дверь — его одежда действительно была там. Правда, он не видел нижнего белья, но его рубашка и брюки висели на вешалке, а под ними стояли его туфли. Пиджак, свалившись с вешалки, лежал на полу.

Скинув больничную рубаху, он сунул ноги в штанины, натянул брюки и туго затянул их на поясе.

Он потянулся за рубашкой, как вдруг остановился, пораженный тишиной — мирным, тихим спокойствием осеннего полдня. Покой желтого листка, свежесть дымки на далеких холмах, винный аромат осени.

Но в этом спокойствии что-то было не так.

Исчезли стоны и всхлипывания с соседней койки.

Пригнувшись, как в ожидании удара, Блэйн прислушался, но ничего не услышал.

Он повернулся, сделал шаг в сторону кровати, но остановился. К Райли подходить уже поздно. Его забинтованное тело лежало неподвижно, а на губах застыла пузырем пена.

— Доктор! — закричал Блэйн.— Доктор!

Сознавая, что поступает глупо и нерационально, он бросился к двери.

У порога он остановился. Опершись о косяк, он высунул голову в коридор.

Доктор шел по коридору быстрыми шагами, но не бегом.

— Доктор,— прошептал Блэйн.

Подойдя к двери, тот впихнул Блэйна в комнату и направился к кровати Райли.

Доктор достал стетоскоп, прислонил к мумии, наклонившись, затем выпрямился.

— А ты куда собрался? — спросил он.

— Он умер,— сказал Блэйн.— У него остановилось дыхание. Прошло уже...

— Да, он мертв. Он был безнадежен. Даже с гобатианом не было никакой надежды.

— Гобатиан? Вам пришлось применять даже гобатиан? Вот почему его так забинтовали...

— В нем не осталось ни одной целой кости,— сказал доктор.— Будто кто-то бросил игрушку на пол и прыгнул на нее двумя ногами. У него...

Доктор замолчал и пристальным взглядом уставился на Блэйна.

— А что ты знаешь о гобатиане? — осведомился он.

— Так, слышал,— ответил Блэйн.

Еще бы мне об этом не слышать, подумал он.

— Это инопланетное лекарство,— сообщил доктор.— Им пользуется одна насекомовидная раса. Раса воинствующих насекомых. Оно творит чудеса. Оно может слепить обратно разодранное по частям тело. Сращивает кости и органы. Регенерирует ткани.

Он поглядел на забинтованный труп, потом опять на Блэйна:

— Читал где-нибудь?

— Да, в научно-популярном журнале,— солгал Блэйн.

В его памяти всплыло зеленое безумие планеты джунглей, где он наткнулся на лекарство, которым пользовались насекомые, хотя на самом деле они вовсе не были насекомыми, а лекарство было вовсе не лекарством.

Впрочем, сказал он себе, к чему играть в слова? Терминология всегда вызывала трудности, а со звездными путешествиями стала и вовсе невозможной. Берешь то, что хоть немного подходит по смыслу. И то хорошо.

— Тебя переведут в другую палату,— сказал доктор.

— Не стоит,— сказал Блэйн.— Я как раз собрался уходить.

— Нет,— ровным голосом возразил доктор.— Я не позволю. Не собираюсь брать что-то на свою совесть. Ты чем-то болен, и очень серьезно. А за тобой некому ухаживать — у тебя нет ни друзей, ни родственников.

— Ничего, обойдусь. Как обходился до сих пор.

— Мне кажется,— придвинулся к нему доктор,— ты чего-то недоговариваешь.

Блэйн повернулся к нему спиной и молча направился к гардеробной. Надел рубашку, натянул туфли. Поднял с пола пиджак, прикрыл дверцу и только тогда обернулся к доктору:

— А теперь, если вы посторонитесь, я выйду.

По коридору кто-то шел. Наверное, доктор успел распорядиться и это несут еду, подумал Блэйн. Может, мне следует сперва подкрепиться, мне это нужно.

Но он слышал шаги по крайней мере двух пар ног. А может, услышали, как он звал врача, и решили посмотреть, не нужна ли помощь.

— Было бы лучше,— сказал доктор,— если б ты передумал. Кроме того, что ты нуждаешься в лечении, есть еще некоторые формальности...

Дальше Блэйн его уже не слышал, потому что те, кто шагал по коридору, уже стояли в дверях, заглядывая в комнату.

— Как ты сюда попал, Шеп? Мы тебя повсюду ищем,— ледяным голосом произнесла Гарриет Квимби.

Одновременно, как удар бича, его стегнуло телепатическим шепотом:

— *Ну, быстро! Что говорить?*

— *Просто забирай меня, и все. (Разъяренная женщина, волочащая за собой заблудшего шалопая.) Тогда меня выпустят. Меня нашли под ивняком...*

(Пьяница, каким-то образом залезший в урну для мусора и не знающий, как ему оттуда выбраться. Цилиндр у него сполз на ухо, нос, пощелкивая, вспыхивает, как неоновая реклама, а в окосевшем взгляде — мягкое недоумение.)

— *Нет, не то,*— остановил ее Блэйн.— *Просто лежал под ивой, отключившись от мира. Он считает, я болен...*

— *А не...*

— *Не то, что он дума...*

— Опять с тобой старая беда,— с улыбкой, в которой было и беспокойство, и облегчение, дружеским тоном произнес Годфри Стоун.— Перебрал, наверно. Забыл, что советовал тебе доктор...

— Ну о чем ты? — запротестовал Блэйн.— Каких-то пара глотков...

— Тетя Эдна с ума сходит,— сказала Гарриет.— Чего она только не воображала! Ты же знаешь, какие у нее нервы. Она уже решила, что никогда тебя больше не увидит.

— *Годфри, Годфри! О господи, целых три года...*

— *Спокойно, Шеп. Сейчас не время. Сначала надо тебя вытащить.*

— Вы что, знаете этого человека? — спросил доктор Уитмор.— Он ваш родственник?

— Не родственник, а друг,— пояснил Стоун.— Его тетка Эдна...

— Ладно, пошли отсюда,— прервал его Блэйн.

Стоун вопросительно поглядел на доктора, тот кивнул головой:

— Только задержитесь у дежурной и возьмите выписку. Я им сейчас позвоню. Вам придется сообщить ваши имена.

— Конечно,— заверил его Стоун.— Мы вам так признательны.

— Не стоит благодарности.

У порога Блэйн остановился и повернулся к доктору.

— Извините,— сказал он.— Я скрыл правду. Мне было стыдно.

— У всех бывают моменты, когда нам стыдно. Ты не исключение.

— Прощайте, доктор.

— Всего хорошего. Впредь будь осторожнее.

И вот они уже шли рядом — втроем — по коридору.

— А кто лежал на соседней кровати? — спросил Стоун.

— Некий Райли.

— Райли!

— Водитель фургона.

— *Райли! Его-то мы и искали. На тебя мы натолкнулись совсем случайно.*

Стоун собрался вернуться в палату, но Блэйн его остановил:

— *Поздно, он мертв.*

— *А его фургон?*

— *Разбился. Упал с откоса.*

— *О Годфри!* — вырвалось с ужасом у Гарриет.

Стоун покачал головой, глядя на нее.

— *Не вышло,* — сказал он.— *Не вышло.*

— *Эй, в чем дело?*

— *Подожди, все узнаешь. Сначала давай выйдем отсюда.*

Стоун взял его под локоть и потащил рядом с собой.

— *Хотя бы скажите, при чем здесь Ламберт Финн?*

— Ламберт Финн,— вслух произнес Стоун,— сегодня самый опасный человек в мире.

Глава 19

— А может, нам отъехать подальше? — спросила Гарриет.— Если доктор что-нибудь заподозрит...

Но Стоун уже свернул с шоссе к мотелю.

— Почему он должен что-то заподозрить?

— Задумается. Он озадачен случаем с Шепом и наверняка начнет размышлять. А в нашей легенде полно слабых мест.

— Для импровизации все было разыграно не так уж плохо.

— Но мы и десяти миль не отъехали от города.

— Мне ночью надо будет вернуться. Хочу посмотреть, во что превратился фургон Райли.

Перед домиком с вывеской «Управляющий» он затормозил.

— Сам хочешь засунуть голову в петлю,— сказала Гарриет.

Человек, подметавший ступени, подошел к ним.

— Добро пожаловать в «Равнины»! — сердечно приветствовал он их.— Могу быть чем-нибудь вам полезен?

— У вас найдутся два смежных номера?

— У нас как раз освободились два смежных. Какая чудесная стоит погода!

— Да, отличная погода.

— Но со дня на день может похолодать. Все-таки поздняя осень. Помню, однажды снег выпал на...

— В этом году так не будет,— перебил его Стоун.

— Да, вряд ли. Кажется, вы сказали, что желаете два смежных?

— Если вы не возражаете.

— Езжайте прямо вперед. Номера десять и одиннадцать. А я сейчас возьму ключи и приду.

Приподняв машину на малой тяге, Стоун соскользнул в проезд. Около номеров стояли уютно припаркованные автомобили. Люди выгружали вещи из багажников. Некоторые отдыхали в креслах в маленьких внутренних двориках. В самом конце стоянки четверо чудаковатых стариков с громкими криками метали подкову*.

Перед номером «десять» их машина плавно опустилась на землю.

Блэйн вышел, открыв дверцу Гарриет.

Как хорошо, подумал он. Он чувствовал себя так, как будто попал домой, встретив двух друзей — потерянных и вновь обретенных. Что бы теперь ни случилось, он со своими.

Мотель располагался на обрывистом берегу реки; на север и восток тянулись бескрайние равнины — голые, бурые холмы, поросшие лесом трещины оврагов; толпясь все плотнее, чтобы уместиться вдоль речной долины, леса выстраивались неровным гребнем у мутно-шоколадного потока, который, как бы не зная, куда направить свое течение, задумчиво извивался, оставляя следы своего непостоянства — лужи, болота, старицы — еще более прихотливой формы, чем русло самой реки.

Позвякивая связкой ключей, пришел управляющий. Он отпер и широко распахнул двери.

— Здесь все в полном порядке,— сообщил он.— Мы ничего не упускаем. На всех окнах — ставни, а замки самые лучшие из имеющихся. В шкафу вы найдете подборку кабалистиче-

* Метание подковы — народная игра, немного напоминающая городки

ских знаков и заклинаний. Раньше мы их вывешивали сами, но оказалось, что некоторые клиенты предпочитают их располагать по собственной системе.

— Очень предусмотрительно с вашей стороны,— похвалил Стоун.

— Клиентам приятно чувствовать себя в тепле и заботе,— похвастался управляющий.

— Ну, хватит, теперь ты нам все рассказал,— остановил его Стоун.

— А в первом корпусе у нас ресторан...

— Обязательно там побываем,— заверила его Гарриет,— я умираю с голоду.

— Зарегистрироваться вы можете у дежурного по пути в ресторан.

— Непременно,— пообещала Гарриет.

Управляющий передал ей ключи и веселой подпрыгивающей походкой пошел обратно, с любезной оживленностью кланяясь гостям из других номеров.

— Зайдем,— предложил Стоун.

Пропустив Гарриет и Блэйна вперед, он вошел сам и плотно закрыл за собой дверь.

Гарриет бросила ключи на туалетный столик, оглядела комнату.

— Рассказывай,— повернулась она к Блэйну.— Что было с тобой? Когда я возвратилась в тот пограничный городок, он весь кипел. Там произошло что-то жуткое, не знаю только что. Мне пришлось так быстро убраться оттуда, что некогда было расспрашивать.

— Мне удалось бежать,— сказал ей Блэйн.

Стоун протянул ему руку:

— Тебе это удалось лучше, чем мне. Ты от них оторвался сразу.

Рука Блэйна утонула в громадной ладони Стоуна.

— Я рад тебя видеть,— сказал Стоун.

— Если бы не твой звонок тогда, меня бы наверняка поймали. Я запомнил твои слова и не стал дожидаться.

Стоун выпустил его руку, и они стояли, глядя друг на друга. Блэйн видел, как изменился Стоун: он и раньше был крупным, сильным мужчиной, но теперь сила чувствовалась не только в его внешности — в нем ощущались сила духа, целеустремленность. И еще жесткость, которой Блэйн раньше в нем не знал.

— Боюсь, что мое неожиданное появление еще доставит тебе хлопот,— сказал Блэйн.— Я удирал слишком медленно и не без приключений. Наверняка «Фишхук» уже напал на мой след.

Как бы отбрасывая опасения, Стоун махнул рукой, причем сделал это так небрежно, как будто «Фишхук» здесь ничего не значит, как будто «Фишхук» больше вообще нигде ничего не значит.

— А что с тобой произошло, Шеп? — спросил Стоун, усаживаясь в кресло.

— Я заразился.

— Я тоже,— кивнул Стоун.

Он минуту помолчал, как будто уходя мыслями во времена своего побега из «Фишхука».

— Когда я вышел из телефонной будки, меня уже ждали. Мне не осталось ничего другого, как пойти с ними. Меня отвезли... *(Огромный пансионат на берегу моря; над ним — до боли в глазах голубое небо, настолько голубое, что слепит глаза, и в то же время в эту голубизну можно глядеть и глядеть, утопая в бесконечности. Вокруг гигантского здания — домики пониже, поменьше главного корпуса, но тоже не маленькие. Зеленый ковер газона, настолько пышный, что тут же становится ясно: его постоянно поливают. За зеленью травы — ярко-белая полоса песчаного пляжа и зеленовато-синий океан, с пенными брызгами разбивающийся о рифы за пределами лагуны. А на пляже — калейдоскоп зонтиков...)*

— Как я узнал позже, это место расположено в Южной Калифорнии. Идеально изолированное место, потрясающий курорт среди глуши... *(Развеваемые океанским бризом флажки площадок для гольфа, ровные прямоугольники теннисных кортов, сад, где гости в безупречных вечерних туалетах, лениво переговариваясь, поджидают тележки с напитками и сандвичами.) Там такая рыбалка, что тебе и не снилось, в горах — охота, а купаться можно круглый год...*

— Ах, как там тяжело! — улыбнулась Гарриет.

— Нет,— возразил Стоун,— вовсе не тяжело. Первые шесть недель. Или даже шесть месяцев. Там есть все, что нужно мужчине. Отличная еда, выпивка и женщины. Любое желание

тут же исполняется. Богат ты или беден — это не важно. Все бесплатно.

— Я представляю,— произнес Блэйн,— что там начинаешь вскоре ощущать...

— Ну конечно! Абсолютная бесцельность. Будто кто-то взял тебя, взрослого мужчину, и превратил в маленького мальчика, которому остается только забавляться разными играми. Но все же «Фишхук» поступает с нами щедро и великодушно. Даже презирая, ненавидя «Фишхук», надо отдать им должное. Лично против нас они ничего не имеют. Ведь мы не совершили преступления, не нарушили долга — по крайней мере, не все. Они не могут рисковать, оставляя нас работать; они не могут отпустить нас, поскольку, как ты понимаешь, репутация «Фишхука» должна быть безупречной. Нельзя допустить, чтобы их обвинили в том, что они пустили в мир человека, у которого в мозгу появилось какое-то инопланетное качество или который хоть на волос отклоняется от общепринятого человеческого стандарта. Так что они отправляют нас в отпуск — бессрочный отпуск — в заведение для миллионеров.

Это гениальное решение. Человек ненавидит этот вечный праздник и все же не может уехать, поскольку здравый смысл ему шепчет, что надо быть круглым дураком, чтобы бросить все это. Здесь безопасно и весело. Здесь не о чем тревожиться. Тебе ни в чем нет отказа. Трудно серьезно думать о побеге — какой может быть побег, если тебя никто не держит. Правда, стоит попробовать — и вдруг узнаешь, что все вокруг патрулируется, стоят сторожевые вышки. Потом выясняется, что контролируется каждая дорога, каждая тропа. Да и пытаться уйти пешком через пустыню равносильно самоубийству. Постепенно замечаешь, что за тобой постоянно ведется наблюдение; агенты «Фишхука», замаскированные под гостей, не спускают с тебя глаз, чтоб не упустить, когда ты решишься на побег или хотя бы только подумаешь об этом.

Но настоящие цепи, которые удерживают тебя,— роскошь и беззаботность. От такого трудно отказаться. И в «Фишхуке» это понимают. Поверь мне, Шеп, это самая крепкая тюрьма, когда-либо построенная человеком.

Но, как любая тюрьма, она ожесточает и закаляет. Узнав о шпионах и охране, становишься хитрым и изворотливым. Собственно, сами шпионы и охранники придают смысл твоему существованию. Ошибка «Фишхука» в том, что он перестарался: не нужно было вообще никакой системы безопасности. Предоставленный самому себе, любой мог бы совершать «побег» каждый месяц. И приплетаться назад, почувствовав, каково за пределами этого рая. Но когда ты узнаешь о патрулях, винтовках, собаках, ты принимаешь это как вызов и вступаешь в игру, где ставка — собственная жизнь...

— Наверняка,— заметил Блэйн,— побегов было немного. Даже попыток. Иначе бы «Фишхук» придумал что-нибудь новое.

— Ты прав,— хищно ухмыльнулся Стоун.— Побег мало кому удался. И мало кто пытался бежать.

— Только ты и Ламберт Финн.

— Ламберт,— сухо ответил Стоун,— все это время был мне примером. Его успех вдохновил меня. Он бежал за несколько лет до моего появления. Кроме того, задолго до Ламберта был еще один побег. Что стало с тем человеком, до сих пор никому не известно.

— Ну хорошо,— продолжил Блэйн,— а что будет с тем, кто убежал, кто скрывается от «Фишхука»? Что его ждет? Вот у меня в кармане пара долларов, принадлежащих даже не мне, а Райли, у меня нет ни документов, ни специальности, ни работы. Что будет...

— Ты как будто жалеешь, что убежал.

— Бывают моменты, что и жалею. Если б начать сначала, то я бы не дал застать себя врасплох. Я бы перевел деньги в какую-нибудь соседнюю страну. Подготовил бы новые документы. Зазубрил бы пару учебников, чтобы работать кем-то вроде счетовода и ждать.

— Мы не можем ждать! — выкрикнул Стоун.

— Вспомни старые религиозные распри,— предложил Блэйн.— Войны между протестантами и католиками, между христианством и исламом. Где они теперь?

— Они прекратились благодаря «Фишхуку».

— Все всегда прекращается благодаря чему-то. Иначе не было бы надежды. Ситуации и события упорядочиваются, и вчерашние бури становятся чисто академическими вопросами для историков.

— Неужели ты будешь ждать? — спросил Стоун.— Ждать сотню лет?

— Ждать незачем,— сказала Гарриет,— все уже началось. А Шеп подключится.

— Я?

— Да, ты.

— Шеп, выслушай меня,— попросил Стоун.

— Я слушаю,— ответил Блэйн, и, чувствуя опасность, в нем колыхнулось что-то чужое и дрожь прокатилась по телу.

— Я создал организацию — можно назвать ее подпольем. У меня есть группа паракинетиков, или штат, или комитет, который разрабатывает первоначальные планы и тактику некоторых экспериментов и исследований. С их помощью мы продемонстрируем, что паранормальные люди могут быть полезными человечеству и без «Фишхука».

— Пьер! — воскликнул Блэйн, глядя на Гарриет.

Она кивнула.

— Так вот что ты имела в виду с самого начала. А тогда, на вечеринке у Шарлин, ты мне говорила: «Старый приятель, старый друг»...

— Ты считаешь, что я поступила неверно?

— Да нет, почему же.

— Скажи, ты бы согласился, если б я тебе тогда все рассказала?

— Не знаю, Гарриет, честное слово, не знаю.

Стоун поднялся из кресла и сделал несколько шагов в сторону Блэйна. Вытянув руки, он положил их ему на плечи. Его пальцы напряглись.

— Шеп,— твердо произнес он,— Шеп, это очень серьезно и важно. Нельзя, чтобы вся связь человека со звездами шла только через «Фишхук». Человечество не может быть наполовину приковано к Земле, наполовину свободно.

В тусклом комнатном освещении его взгляд не казался жестким. Он казался вдохновенным, а в глазах поблескивали непролитые слезы.

Когда он снова заговорил, голос его уже звучал мягко.

— Есть звезды,— почти шепотом, будто разговаривая с самим собой, сказал он,— где люди должны побывать. Чтобы увидеть, каких высот способна достичь человеческая раса. Чтобы спасти свои души.

Гарриет с деловым видом взяла сумочку, перчатки.

— Вы как хотите, а я с голоду умирать не собираюсь. Идете со мной или нет?

— Я иду,— объявил Блэйн.

И вдруг вспомнил.

Она перехватила мысль и рассмеялась:

— За наш счет. За это пригласишь нас как-нибудь двоих.

— А зачем? — вмешался Стоун.— Он уже в штате и получает жалованье. У него есть работа. Не так ли, Шеп?

Блэйн промолчал.

— Шеп, ты ведь со мной? Ты мне нужен. Без тебя мне не справиться. Мне не хватало как раз тебя.

— Хорошо, я с тобой,— просто ответил Блэйн.

— Ну, раз с этим наконец разобрались,— сказала Гарриет,— пошли обедать.

— Вы идите,— сказал Стоун,— а я буду стоять на страже.

— Но, Годфри...

— Мне надо кое о чем поразмыслить. Есть пара вопросов.

— Пошли,— Гарриет повернулась к Блэйну.— Пусть сидит и думает.

Блэйн последовал за ней, несколько озадаченный.

Глава 20

— Теперь рассказывай,— потребовала Гарриет. Они сделали заказ, и Гарриет, устроившись поудобнее за столом, приготовилась слушать.— Что произошло в том городке? Что было после того? Как ты попал в больницу?

— Об этом позже,— отказался Блэйн.— Еще будет время обо всем тебе рассказать. Прежде ответь, что с Годфри?

— Ты имеешь в виду, что он остался в номере подумать?

— Да. Но не только. Выражение его глаз. Эта навязчивая идея. Как он говорит, спасение людей — побывать на звездах, словно старый отшельник, которому явилось знамение.

— Ты прав,— сказала Гарриет,— все именно так.

Блэйн ошеломленно уставился на нее.

— Это произошло во время того последнего путешествия,— продолжала Гарриет.— Он там тронулся. Что-то он там увидел, что потрясло его.

— Я знаю,— сказал Блэйн.— Иногда в путешествиях встречаешь такое...

— Жуткое?

— Да, конечно жуткое. Но это не все. Скорее непостижимое. Процессы, причинно-следственные связи, совершенно невероятные с позиций человеческих логики и этики. Явления, в которых не видно смысла, которые не укладываются в голове. Рассудок человека оказывается бессильным. И это страшно. Нет точки опоры, ориентира. Ты один, абсолютно один, и вокруг — ничего из знакомого тебе мира.

— У Годфри было другое. Нечто, что он понял и постиг. Это было совершенство.

— Совершенство?!

— Я знаю, фальшивое слово. Выспреннее. Надуманное. И все же единственно подходящее.

— Совершенство,— повторил Блэйн, как будто пробуя слово на вкус.

— На той планете не было ни злобы, ни алчности, ни извращенного честолюбия, которое кует злобу и алчность. Совершенная планета, планета для совершенного народа. Социальный рай.

— Не вижу...

— Задумайся на минуту. Приходилось ли тебе когда-нибудь видеть предмет, картину, скульптуру, пейзаж, настолько прекрасный и совершенный, что ты испытываешь физическую боль?

— Приходилось, раз или два.

— Разумеется. Но картина или скульптура — это предмет вне жизни человека, твоей жизни. Это всего лишь эмоциональное переживание. Практического значения оно не имеет. Ты можешь прожить прекрасно всю остальную жизнь, так и не увидев эту вещь снова, ты только изредка будешь вспоминать ее и, вспоминая, снова чувствовать боль. А теперь представь этику, культуру, образ жизни, который мог быть твоим. И это настолько прекрасно, что испытываешь боль, как от гениального полотна, только в тысячу раз сильнее. Вот что увидел Годфри. Вот почему он вернулся «тронутым». Он чувствует себя оборванным мальчишкой из трущоб, из-за ограды увидевшим сказочную страну — настоящую, живую сказку, до

которой можно дотянуться, потрогать, но в которую он никогда не попадет.

Блэйн глубоко вздохнул и медленно выдохнул.

— Вот оно что. Вот чего он хочет.

— А ты бы на его месте?

— Наверное. Если б я это увидел.

— А ты спроси Годфри. Он тебе расскажет. Или лучше не спрашивай. Пускай он сам.

— Тебе он рассказал?

— Да.

— На тебя это произвело впечатление?

— Я же здесь,— ответила она.

Официантка принесла заказ: огромные сочные бифштексы с картофелем и салатом. На середину стола она поставила кофейник.

— Выглядит аппетитно,— сказала Гарриет.— Всегда хочу есть. Помнишь, Шеп, как ты впервые пригласил меня пообедать?

Блэйн улыбнулся:

— Конечно помню. Ты тогда тоже была страшно голодна.

— И ты купил мне розу.

— Кажется.

— Ты такой милый, Шеп.

— Если я не ошибаюсь, ты журналистка. Как же...

— А я и занимаюсь одной историей.

— И эта история — «Фишхук».

— В какой-то мере,— пробормотала она, принимаясь за бифштекс.

Некоторое время они ели молча.

— Послушай,— прервал молчание Блэйн.— При чем здесь Финн? Годфри считает его очень опасным.

— А что ты знаешь о Финне?

— Немного. Из «Фишхука» он исчез до того, как я там появился. Но слухи остались. Когда он вернулся, он начал визжать. Что-то с ним случилось.

— Случилось,— подтвердила Гарриет.— И теперь он ходит повсюду со своими проповедями.

— Проповедями?

— Изгнатель дьявола, экзорцист, потрясающий Библией. Только без Библии. Доказывает, что звезды — зло, что чело-

веку место на Земле. Здесь он в безопасности, а там его поджидает зло. И что ворота исчадию зла открыли парапсихи.

— И его проповеди слушают?

— Слушают,— подтвердила Гарриет.— Люди в восторге от них. Они в них купаются. Ведь для них-то звезды недосягаемы. Поэтому анафема звездам им по вкусу.

— В таком случае анафема и парапсихам. Ведь это они — призраки и оборотни...

— И гоблины. И колдуны. И злые духи. И все прочее.

— Он просто шарлатан.

Гарриет покачала головой:

— Он не шарлатан. Он так же искренен, как Годфри. Он верит в зло. Потому что он видел Зло.

— А Годфри видел Совершенство.

— Именно. Ни больше ни меньше. Финн убежден, что человеку в космосе делать нечего, равно как Стоун убежден, что спасение человечества — звезды.

— И оба борются против «Фишхука».

— Годфри хочет положить конец монополии, но сохранить основу. Финн идет дальше. «Фишхук» для него — не главное. Его цель — паракинетика, ее он собирается уничтожить.

— Финн считает Стоуна врагом?

— Он стоит у него на пути. А поделать Финн ничего не может: Годфри старается не подставлять себя. Однако Финн знает его планы и считает его основной фигурой, способной объединить паракинетиков. Естественно, при первой возможности он попытается от него избавиться.

— Похоже, тебя это не слишком стращит?

— Годфри не боится. Для него Финн — лишь еще одна проблема, еще одно препятствие.

Они вышли из ресторана и двинулись вниз по асфальтированной дорожке, тянущейся вдоль фасадов номеров.

В свете умирающего дня долина переливалась черными и пурпурными бликами, отражаясь в мрачной бронзе реки. Последние солнечные лучи освещали верх обрыва на противоположном берегу; серебристой молнией по синеве в небе все еще носился ястреб.

Они дошли до своего блока. Блэйн толкнул дверь, пропуская Гарриет вперед, затем вошел сам. Не успел он пересечь порог, как столкнулся с Гарриет.

Гарриет коротко вскрикнула, и он почувствовал, как она напряглась, прижавшись к нему.

Он поглядел через плечо. Вытянувшись, лицом вниз, на полу лежал Годфри Стоун.

Глава 21

Уже наклоняясь над ним, Блэйн знал, что Стоун мертв. Он как будто сжался, стал меньше, утратив наполнявшую раньше большое тело жизнь. А теперь он превратился в обернутое мятыми тряпками тело, и в его неподвижности было что-то страшное.

Гарриет закрыла наружную дверь. И в клацанье задвижки Блэйну послышалось рыдание.

Наклонившись ниже, Блэйн заметил под головой Стоуна лужицу крови.

Нажав рычаг, Гарриет опустила жалюзи на окнах.

— Может, зажжем свет? — предложил Блэйн.

— Погоди, Шеп, сейчас.

Щелкнул выключатель, с потолка брызнул свет, и они увидели, что у Стоуна размозжен череп. Щупать пульс не имело смысла— после такого удара по голове выжить невозможно.

Покачиваясь на корточках, Блэйн пораженно думал, какой надо обладать свирепостью и, возможно, отчаянием, чтобы нанести подобный удар.

Он поглядел на Гарриет и покачал головой, удивляясь ее хладнокровию, затем вспомнил, что в репортерской практике насильственная смерть не такая уж редкость.

— Это Финн,— произнесла она тихим, ровным голосом, настолько ровным, что почувствовалось, с каким трудом она сдерживается.— Не сам Финн, конечно. Кто-то из его подручных. Или доброволец. Один из его фанатиков-последователей. Многие готовы выполнить любое его приказание.

Она подошла и присела рядом с трупом напротив Блэйна. Рот ее был сжат в прямую, суровую линию. Лицо натянуто и жестко. И только маленький потек там, где сбежала единственная слеза.

— Что будем делать? — спросил Блэйн.— Наверное, надо вызвать полицию.

Она сделала предостерегающий жест:

— Только не полицию. Мы не должны оказаться замешанными. Финн и его банда только этого и ждут. Держу пари, в полицию уже сообщили.

— Думаешь, убийца?

— А почему нет? Звонок, неизвестный голос сообщает, что в «Равнинах», в номере десять, убит человек. Затем быстро вешается трубка.

— Чтобы подставить нас?

— Чтобы подставить того, кто был с Годфри. Они могут не знать, кто мы такие. А тот врач не мог...

— Не знаю. Наверное, мог.

— Слушай, Шеп, по тому, что произошло, я уверена: Финн в Бельмонте.

— В Бельмонте?

— Так называется городок, где мы тебя нашли.

— Буду знать.

— Что-то происходит,— сказала она.— Что-то важное. И не где-нибудь, а здесь. Здесь и Райли, и его грузовик, и...

— Что делать?

— Нельзя допустить, чтобы полиция обнаружила Годфри.

— Мы можем вытащить его через заднюю дверь и отнести в машину.

— Не исключено, что за нами следят. Тогда нам не выкрутиться.

Она в отчаянии всплеснула руками.

— Если у Финна теперь будут развязаны руки, он сможет добиться всего, что задумал. Мы не можем дать вывести себя из игры. Мы обязаны остановить его.

— Мы?

— Ты и я. Теперь тебе тянуть лямку Годфри. Тебе решать.

— Но я...

Ее глаза вдруг яростно вспыхнули:

— Ты был его другом! Он тебе все рассказал. Ты обещал быть с ним.

— Конечно, я обещал. Но я начинаю с нуля. Я ничего не знаю.

— Останови Финна,— сказала она.— Выясни, что он затеял, и помешай ему. Найди сковывающий маневр...

— Ох это твое военное мышление! Сковывающие маневры и линии отступления. *(Пышная дама в генеральском мундире, огромных сапогах и с гроздьями медалей на высокой груди.)*

— *Прекрати!*

— *Журналистка! Трезвомыслящая!*

— Замолчи, Шеп,— сказала Гарриет.— Как я могу сейчас трезво мыслить? Я верила в Годфри Стоуна. Верила в его дело.

— Мне кажется, я тоже верю. Но все так необычно, так быстро...

— Может, нам лучше всего убежать, скрыться.

— Нет! Подожди. Если мы убежим, мы выбываем из игры, как если бы нас поймали.

— Но у нас нет выхода, Шеп.

— А вдруг есть? — задумчиво произнес он.— Здесь есть поблизости городок с названием Гамильтон?

— Есть, пара миль отсюда. Вниз по реке.

Блэйн вскочил на ноги и огляделся вокруг.

Телефон стоял на ночном столике между кроватями.

— Кому?

— Другу. Человеку, который может нам помочь. Говоришь, мили две отсюда?

— Если Гамильтон, то да. Ты не ошибаешься?

— Не ошибаюсь.

Блэйн подошел к аппарату, снял трубку и вызвал коммутатор:

— Я могу заказать Гамильтон?

— Номер в Гамильтоне, пожалуйста.

— Двести семьдесят шесть.

— Сейчас соединю.

Блэйн повернулся к Гарриет:

— На улице темнеет?

— Когда я закрывала ставни, уже темнело.

Он слышал в трубке гудки вызова.

— Темнота — это хорошо. Днем они бы не смогли.

— Не пойму, что ты задумал,— недоумевающе сказала Гарриет.

— Алло,— произнес голос в трубке.

— Попросите, пожалуйста, Аниту.

— Одну минутку,— ответил голос.— *Анита, тебя. Какой-то мужчина.*

Это невозможно, ошеломленно подумал Блэйн. Так просто не может быть. Наверное, ему показалось.

— Алло,— сказала Анита Эндрюс.— Кто это?

— *Блэйн. Шепард Блэйн. Я ехал с человеком, у которого было ружье с серебряными зарядами.*

— *Да, я помню тебя.*

Значит, все верно. Ему не показалось. Телепатия возможна по телефону!

— *Ты сказала, я могу обратиться за помощью.*

— *Да, я сказала это.*

— *Помощь мне нужна сейчас. (Тело на полу, полицейская машина с включенной сиреной и красной мигалкой; спидометр и часы на длинных ногах, несущиеся по беговой дорожке; вывеска «Равнины», цифры на двери номера.) Клянусь, Анита, я не пытаюсь скрыть преступление. Поверь мне. Сейчас я не могу все тебе объяснить. Так надо. Полиция не должна его здесь найти.*

— *Мы заберем его.*

— *Вы доверяете мне?*

— *Доверяем. В ту ночь ты помог нам.*

— *Тогда спешите.*

— *Сейчас. Я только соберу еще несколько человек.*

— Спасибо, Анита.

Но она уже повесила трубку.

Некоторое время он продолжал стоять, уставившись на зажатую в руке трубку, затем опустил ее на рычаг.

— Я уловила кое-что,— сказала Гарриет.— Невозможно.

— Конечно нет,— подтвердил Блэйн.— Телепатическая связь по проводу. Попробуй расскажи кому-нибудь!

Он поглядел на распростертое на полу тело.

— Так вот что он имел в виду, говоря о «возможностях, которые "Фишхуку" и не снились».

Гарриет промолчала.

— Хотел бы я знать, что они еще умеют,— пробормотал Блэйн.

— Она сказала, что придут за Годфри. Каким образом? Когда?

В ее голосе звучали истерические нотки.

— Они прилетят,— пояснил Блэйн.— Это левитаторы. Ведьмы.

И он горько рассмеялся.

— Но ты...

— Откуда я их знаю? Они напали на нас как-то ночью. Просто дурачились. У Райли был дробовик...

— Райли!

— Тот, что лежал в моей палате в больнице. Он умер. Разбился в катастрофе.

— Но как ты оказался с Райли, Шеп?

— Я попросил его подвезти меня. А он боялся ехать по ночам в одиночку. Мы вместе латали его развалину-фургон...

Они пристально и озадаченно смотрели друг на друга.

— Постой. Что ты сказала в больнице? Что вы его...

— Искали. Его нанял Годфри, он задерживался, и...

— Но...

— Что такое, Шеп?

— Я разговаривал с ним за минуту до его смерти. Он пытался что-то передать, но не смог. Но передать это «что-то» он просил Финну. Тогда я впервые и услышал о Финне.

— Все пошло не так, как надо,— с отчаянием произнесла Гарриет.— Абсолютно все. Райли вез звездную машину. Годфри каким-то образом добыл ее, и надо было доставить машину в Пьер. И он нанял Райли...

— «Левая» звездная машина! — потрясенно воскликнул Блэйн.— А ты знаешь, что в каждой стране мира есть закон, запрещающий владение ими? Их разрешается иметь только «Фишхуку».

— Все это Годфри было известно. Но машина была ему необходима. Он пытался собрать ее, но безуспешно. У него не было чертежей.

— Еще бы, откуда им взяться!

— Что с тобой, Шеп?

— Не знаю. Наверное, все нормально. Просто растерян немного. Как я незаметно оказался втянутым...

— Ты в любой момент можешь бежать.

— Нет, Гарриет. Сколько можно бегать? Мне бежать некуда.

— Ты бы мог поступить на работу в какую-нибудь фирму. Тебя с удовольствием взяли бы и хорошо платили бы за информацию о «Фишхуке».

— Это не для меня. И потом, я же дал слово. Я обещал Годфри помощь. К тому же меня не устраивает, чтобы меня хватали и тащили вешать за то, что я «парапсих». Меня не устраивает многое из того, что я видел по пути и...

— Ты озлоблен,— сказала Гарриет.— И ты имеешь на это право.

— А ты?

— Я не озлоблена. Я просто напугана. До мозга костей.

— Ты, журналистка со стальными нервами, напугана...

Он повернулся к ней, и в памяти всплыла слепая старушка, торгующая розами. В тот вечер впервые маска упала с лица Гарриет Квимби. Сегодня маска упала во второй раз.

Ее лицо больше не скрывало, что и бесстрашная журналистка временами бывает просто испуганной женщиной.

— *Все будет хорошо,*— успокаивающе прошептал он.— *Все будет хорошо.*

Вдалеке послышался голос сирены, похожий на вой ветра в прериях. Гарриет резко отодвинулась от него.

— Они едут, Шеп!

— К задней двери, быстро! — приказал Блэйн.— Беги к реке. Спрячемся в оврагах.

Он подскочил к двери и взялся за засов. В это время в дверь легонько постучали несколько раз.

Блэйн откинул засов, распахнул дверь — и в потоке света, льющемся из комнаты, возникла Анита Эндрюс, а за ней стояли ее юные приятели.

— Как раз вовремя,— приветствовал их Блэйн.

— Где тело?

— Вот оно.

Они вбежали в комнату. Сирена приближалась.

— Он был нашим другом,— нетвердо сказала Гарриет.— Это так ужасно...

— Не беспокойтесь, мисс,— заверила ее Анита.— Мы похороним его как положено.

Сирена выла уже совсем близко, наполняя комнату ровным гулом.

— *Быстро,*— скомандовала Анита,— *летим низко, чтобы на фоне неба не было видно силуэтов!*

Она еще не договорила, а в комнате уже не было ни ее друзей, ни тела.

Анита посмотрела на Блэйна и, секунду поколебавшись, спросила:

— *Когда-нибудь расскажешь мне, что все это значило?*

— *Когда-нибудь расскажу,*— пообещал Блэйн.— *Спасибо тебе.*

— *Всегда рада помочь. Нам надо держаться вместе. Иначе нас, паракинетиков, сотрут с лица земли.*

Она мысленно обняла Блэйна, и он почувствовал прикосновение ее разума к его разуму и как будто увидел светлячков, мерцающих в сумерках, и ощутил аромат сирени, плавающий в мягком речном тумане.

Потом Анита улетела, и тут же в дверь номера забарабанили.

— *Сядь,*— велел Блэйн Гарриет,— *старайся держаться естественно. Спокойно. Беззаботно. Мы с тобой просто сидим и болтаем. Годфри был с нами, потом уехал в город. За ним кто-то зашел, и они поехали вдвоем. Кто это был, мы не знаем. Годфри обещал вернуться через час-два.*

— *Ясно,*— ответила Гарриет.

Она уселась в кресло, расслабленно сложила руки на коленях.

Блэйн пошел открывать блюстителям закона.

Глава 22

Бельмонт начал готовиться ко сну. В домах, мимо которых они проезжали, окна и двери были уже наглухо закрыты; они въехали в деловой район, и там тоже уже один за другим гасли огни в витринах.

Впереди, в двух кварталах, все еще ярко светились вывески на отеле и реклама сообщала, что бар «Дикий Запад» открыт для посетителей.

— Вряд ли полицейские поверили в наше вранье,— заметила Гарриет.

— Может, и не поверили,— согласился Блэйн.— Но они ничего не могут поделать. Им не к чему прицепиться.

— В какой-то момент мне показалось, что нас арестуют.

— Мне тоже. Но ты так тонко издевалась над ними. Они, должно быть, чувствовали себя такими идиотами, что рады были поскорее убраться.

Он показал на мигающую рекламу бара:

— Может, начнем отсюда?

— А почему бы нет? Тем более что выбирать тут не из чего.

В баре было совсем пусто. Облокотившись на стойку, бармен лениво оттирал несуществующее пятно.

Блэйн и Гарриет уселись напротив него.

— Что будете пить?

Они объяснили.

Он поставил бокалы, потянулся за бутылками.

— Не слишком оживленный вечерок,— начал разговор Блэйн.

— Скоро закрываем. Народ здесь ночью не разгуливает. В этом городе все, как стемнеет, прячутся.

— Скверный городишко?

— Не особенно. Это все комендантский час. Повсюду патрули, полицейские хватают не разговаривая. Пропади они пропадом!

— А как же вы? — спросила Гарриет.

— О, со мной все в порядке, мисс. Меня тут знают. И понимают, что ко мне может зайти поздний клиент вроде вас. А потом надо еще прибрать, выключить свет. Мне разрешают чуть-чуть задержаться.

— Все равно не сладко,— посочувствовал Блэйн.

— Для нашего же собственного блага, мистер,— покачал головой бармен.— Люди ничего не соображают. Если б не комендантский час, они бы и ночью ходили, а ночью сами знаете, что может случиться.

— В городе немало народа,— начал наобум Блэйн.— Наверное, бывают всякие происшествия?

Бармен устроился поудобнее, готовясь к долгому разговору.

— А вы разве ничего не слыхали? — доверительно зашептал он.

— Нет, ничего. Мы лишь два часа, как приехали.

— Тогда... Хотите верьте, мистер, хотите нет, у нас в городе обнаружили звездную машину.

— Что?

— Звездную машину. Такая штуковина, в которой парапсихи летают на другие планеты.

— В первый раз слышу.

— Ничего удивительного. Ими разрешается пользоваться только в «Фишхуке».

— Выходит, машина, которую нашли, противозаконна?

— Противозаконней не бывает. Полицейские наткнулись на нее в старом гараже у дороги. На западной окраине. Вы, наверное, проезжали это место по дороге в город?

— Не заметил.

— Не важно, в любом случае ее там нашли. И знаете еще, кто приехал в наш городок? Ламберт Финн!

— Неужели тот самый Ламберт Финн?

— Собственной персоной! Он сейчас в гостинице. Собирает завтра большой митинг у того гаража. Говорят, полиция согласилась выставить звездную машину, чтобы он прочитал о ней проповедь на виду у всех. Советую завтра послушать его, мистер. Завтра он даст жару! Он покажет этим парапсихам! Под орех их разделает. После этого они и носа высунуть не посмеют.

— Вряд ли в таком городке много парапсихов.

— Ну, в самом городе немного,— неохотно согласился бармен.— Зато неподалеку отсюда есть город Гамильтон. Вот там сплошные парапсихи. Они сами его построили. Собрались отовсюду и построили. Есть какое-то слово для этого — только не помню. Так называли место, куда в свое время в Европе сгоняли евреев.

— Гетто.

Бармен расстроенно хлопнул ладонью по стойке:

— Как я мог забыть? Ну конечно, гетто. Только то гетто делали в худшей части города, а это — в самой дрянной дыре, что есть в штате. Земля у реки никуда не годится. Разве там построишь настоящий город! Но парапсихам там нравится. Ладно. Пока они никого не трогают, и их не тронут. Ведут себя тихо, и мы их не беспокоим. Они знают, что мы за ними приглядываем. И если где что, нам известно, в какой стороне искать.

Он взглянул на часы:

— Можете пропустить еще по стаканчику, время есть.

— Спасибо, нам хватит,— отозвался Блэйн. И положил на стойку две купюры.— Сдачи не надо.

— О, спасибо, мистер, большое спасибо.

Они поднялись, и бармен вышел из-за стойки:

— Советую вам вернуться к себе как можно быстрей. Если полиция вас поймает, вам не поздоровится.

— Да, надо спешить,— кивнула Гарриет.— Спасибо за беседу.

— Всегда к вашим услугам.

Выйдя из бара, Блэйн открыл дверцу автомобиля Гарриет, потом обошел машину и сел с другой стороны.

— Ну что, в гараж у дороги? — спросил он.

— Зачем тебе это надо, Шеп? Попадем только в неприятность.

— Мы не можем допустить, чтобы Финн прочел у машины проповедь.

— Ты что, собираешься ее куда-нибудь оттащить?

— Пожалуй, нет. Она слишком тяжелая и громоздкая. Но выход должен быть. Мы обязаны помешать Финну. Хотя бы ради Годфри...

— Машину, наверно, охраняют.

— Вряд ли. Заперли на дюжину замков, но не охраняют. В этом городишке едва ли найдется храбрец, чтобы ночью стоять в карауле.

— Вы с Годфри как две капли воды,— сказала Гарриет.— Так и мечтаете остаться без головы.

— А ты чуть-чуть заглядывалась на Годфри, а?

— Чуть-чуть,— сказала Гарриет.

Блэйн завел мотор и выехал на улицу.

Из черного старого гаража у шоссе не доносилось ни звука. Похоже, ни в нем, ни поблизости не было ни души. Они дважды медленно проехали мимо, присматриваясь, но каждый раз видели одно и то же: обыкновенный большой гараж для дорожной техники — память о тех днях, когда автомобили катились по шоссе и приходилось следить за дорожным покрытием с помощью специальных машин.

Блэйн свернул с дороги, легко проскользнул в заросли кустарника, опустил машину на землю и погасил огни.

Тишина опустилась на них; было что-то тревожное в молчании темноты.

— Гарриет,— позвал Блэйн.

— Да, Шеп.

— Оставайся тут. Не выходи из машины. Я схожу один.

— Ты недолго? Все равно ты ничего не сделаешь.

— Я скоро вернусь. У тебя есть фонарик?

— Где-то был.

Она подняла дверцу отделения для перчаток, и в свете крохотной лампочки среди дорожных карт, бумаг, солнцезащитных очков и прочего хлама нашла фонарик.

Блэйн проверил его и, убедившись, что фонарик в исправности, погасил его и вышел из машины.

— Сиди тихо! — еще раз предупредил он.

— А ты будь поосторожнее, прошу тебя,— шепнула Гарриет.

Глава 23

Гараж был больше, чем казался с шоссе. Вокруг от малейшего дуновения ветра шелестела высокая сухая трава. Гараж был сделан из гофрированных металлических листов, которые лет шестьдесят назад, до того как с Альдебарана-VII завезли суперпласт, часто использовались для такого рода сооружений. Монотонность гладкой поверхности металла нарушали грязные пятна немытых, затянутых паутиной окон. Почти во весь фасад растянулись огромные, открывающиеся вверх ворота.

На востоке темный силуэт спящего города виднелся на фоне неба, освещенного белесым светом восходящей луны.

Блэйн осторожно обошел здание, пытаясь найти способ проникнуть внутрь. Но подъемные ворота были на замке. Снизу, правда, отошло несколько листов, но металл был слишком прочен, чтобы Блэйн мог отогнуть его вверх и пролезть снизу.

Есть только один способ, понял он.

Он зашел за ближний к дороге угол, прислушался. Кроме шелеста травы, он ничего не услышал. По шоссе никто не ехал и вряд ли поедет. Нигде не светилось ни единого огонь-

ка — казалось, что в мире вообще нет никого, кроме него и этого гаража.

Еще некоторое время Блэйн смотрел на шоссе, но ничего подозрительного не заметил.

Тогда он быстро подошел к ближайшему окну и, сняв свой рваный пиджак, обмотал его вокруг руки.

Затем резким ударом выбил стекло, выбрал из рамы осколки, сбросил их с подоконника.

Вернулся к углу, подождал. Ночь по-прежнему была тихой и безжизненной.

Блэйн осторожно влез в окно. Ощутив под ногами пол, он достал фонарик и осветил зал гаража.

У самых ворот, рядом с нашедшим наконец покой фургоном, сверкала полированной поверхностью звездная машина.

Стараясь ступать как можно мягче, Блэйн пересек зал и подошел к машине. Это была та самая машина, которую он досконально изучил в «Фишхуке». В ней есть какая-то загадочная красота, подумал Блэйн, глядя на ее поверхность и видя в ней отражение далеких миров, куда она помогает попасть человеку.

Блэйн почувствовал возрастающее уважение к Стоуну, представляя, чего стоило добыть звездную машину. Для этого потребовались и деньги, и надежные агенты, и безукоризненно отработанный план действия.

Интересно, какое участие принимала в этом Гарриет, подумал он. По крайней мере, когда она помогала ему скрыться от «Фишхука», она действовала решительно. У нее есть спокойствие, самообладание, она прекрасно знает все внутренние механизмы «Фишхука». И мозг у нее работает с точностью лучших швейцарских часов.

Да, решил Блэйн, такая женщина могла организовать похищение машины.

Стоун возлагал на эту машину большие надежды, и теперь они развеяны. Стоун погиб, машина лежит в заброшенном гараже, и ею собирается воспользоваться человек, в котором столько ненависти, что он готов любыми средствами искоренить паранормальную кинетику. Ну что ж, подумал Блэйн, раз исчезла надежда, машина тоже должна исчезнуть. Это самое меньшее, что он обязан сделать для Стоуна. Он в долгу перед Стоуном хотя бы за ночное предупреждение.

Он знал, что это возможно, возможно, если он сумеет выудить необходимое знание из пенящегося океана чужого разума.

Он поискал и нашел нужную информацию, а заодно убедился, что все остальные знания аккуратно уложены и рассортированы в мысленных архивах, как будто там поработал старательный клерк.

Открытие потрясло Блэйна, потому что все это время он даже не догадывался, что в нем происходит. Типичный человеческий подход, подумал он,— бунт его человеческой сути против беспорядочного, обрывочного знания, выплеснутого в его разум существом с далекой планеты.

Он протянул руку, машинально ища опору, и оперся на угол звездной машины.

Итак, выход есть, он теперь знает, что можно сделать. Осталось выяснить как. Время, сказал тогда Розовый,— что может быть проще времени? Но Блэйн еще не научился так легко манипулировать временем.

Сомнений в том, что надо делать, не оставалось.

Идти в прошлое не имело смысла — машина уже была в прошлом. И оставила в нем длинный, глубокий след.

Другое дело — будущее.

Если ее удастся перенести в будущее, то настоящий момент и все последующие моменты превратятся для машины в прошлое и от нее останется только призрак, над которым будут смеяться, которого будут пугаться, но который человек по имени Ламберт Финн не сможет использовать для разжигания истеричной толпы.

Более того, пришло на ум Блэйну, скорее всего, Финн сам перепугается до смерти.

Он мысленно обволок машину разумом, но ничего не получилось. Разум никак не мог вместить всю машину, сомкнуться вокруг нее. Блэйн передохнул и попробовал еще раз...

Незаметно для себя он оказался в огромном и напряженном пространстве. Опасность чувствовалась и в шуршании за разбитым окном, и в непривычном холоде воздуха, и в острых запахах — казалось, что земля, на которой он стоит, воздух, которым он дышит, и тело, в котором он, Розовый, находится, абсолютно не знакомы ему. И это ощущение при перемещении из известного, которое он не помнил, в неизвестное, местоположение которого он не знал, пугало. Но все будет

нормально, все образуется, только ради этого он оставил темноту, и тепло, и безопасность, и когда он сделает, что задумал, то вернется обратно, к своим воспоминаниям, к постепенному накапливанию новых знаний; он, как скупец, будет подсчитывать каждую новую крупицу знания и аккуратно складывать все в ровные стопки.

Поднять это искусственное тело, несмотря на его необычность, оказалось нетрудно. Корни его не уходили слишком глубоко, а координаты оказались очень удобными. И он готов был все сделать. Но торопиться было нельзя, несмотря на отчаянное желание закончить все как можно скорее. И он набрался терпения и подождал, пока координаты не окажутся четко заданными, и тогда не спеша и точно подсчитал необходимую темпоральную нагрузку и точно, на сколько требуется, крутнув предмет, отправил его туда, куда хотел.

А затем Розовый нырнул обратно, где его ждали темнота и тепло, а на его месте в туманной пустоте оказался Блэйн — отрезанный от своего мира, но вновь в своем человеческом обличье...

Вокруг не было ничего, только он сам и звездная машина. Он протянул руку и убедился, что машина по-прежнему реальна. И, насколько он видел, она была единственной реальной вещью там, где он очутился.

Потому что даже туман казался каким-то ненастоящим: он словно старался скрыть сам факт своего существования.

Блэйн замер, боясь пошевелиться, боясь, что при малейшем движении он может свалиться в какой-нибудь бесконечный черный колодец, из которого возврата не будет.

Вот оно, будущее, понял Блэйн. Место, не обладающее ни одной из черт того пространства-времени, которое он знал. Место, где еще ничего не произошло,— полная пустота. Где нет ни света, ни темноты, одна лишь пустота. Где никогда ничего не было и не должно было быть до того, как здесь оказались он и машина — незваные гости, переступившие через время.

Он медленно сделал выдох и хотел вздохнуть, но не смог — дышать было нечем!

В глазах у него потемнело, а в висках застучало. Он инстинктивно попытался схватиться за что-либо — что-либо в мире, где ничего нет.

И тут снова вернулся Розовый — напуганный и растерянный пришелец в странном узоре цифр и символов. Даже в агонии Блэйн осознал, что его мозг затопило потоком неземной математики.

И вдруг снова стало чем дышать, а под ногами был твердый пол, и запахло плесенью заброшенного дорожного гаража.

Он снова был дома. И чужой разум тоже, поскольку он больше не ощущался. «Дома, в тепле и уюте,— у меня в мозгу»,— подумал Блэйн.

Блэйн выпрямился и мысленно ощупал себя. Все было в порядке. Он медленно открыл глаза, которые почему-то были закрыты. Было темно, и он вспомнил, что в руке у него все еще зажат фонарик. Хотя стало несколько светлее — в разбитое окно лилось сияние взошедшей луны.

Блэйн включил фонарь, и луч осветил стоящую машину, теперь странную и нереальную — не машину, а призрак машины, ушедшей в будущее, ее след.

Подняв свободную руку, он вытер со лба пот. Все. Он сделал, что хотел. Он нанес удар вместо Стоуна. Он помешал Финну.

Наглядного пособия для проповеди больше не было. Вместо него с насмешкой высунуло язык самое колдовство, против которого так много лет воюет Финн.

Позади что-то шевельнулось, и Блэйн так резко повернулся, что от неожиданности выпустил фонарь, и тот с шумом покатился по полу.

— Шеп,— с глубокой сердечностью произнес голос из темноты.— Как ловко у тебя все получилось!

Блэйн замер, охваченный чувством безнадежности.

Он понял, что это конец. Он сделал все, что мог. Дистанция пройдена, финиш.

Он узнал проникновенный голос. Он не мог его забыть.

В темноте гаража стоял его давний приятель — Кирби Рэнд!

Глава 24

В темноте Рэнд казался черным пятном.

Он шагнул к фонарику, поднял его, включил и направил свет на звездную машину. Луч света насквозь пронзил машину, и в нем заплясали пылинки.

— Да,— повторил Рэнд,— чистая работа. Не знаю, как ты это сделал, и не знаю зачем, но сработано чисто.

Он погасил фонарик, и с минуту они молча стояли в темноте, видя лишь силуэты друг друга.

— Я, видимо, должен тебя поблагодарить от имени «Фишхука».

— Перестань,— оборвал его резко Блэйн.— Ты прекрасно знаешь, что я сделал это не для «Фишхука».

— Тем не менее в данном конкретном случае наши интересы совпали. Мы не можем терять машины. Они не должны попадать в чужие руки. Сам понимаешь.

— Отлично понимаю,— подтвердил Блэйн.

Рэнд вздохнул:

— Я ожидал скандала, а скандалы меньше всего нужны «Фишхуку». Особенно скандалы на периферии.

— Пока не произошло ничего такого, о чем «Фишхуку» стоило бы волноваться,— сообщил Блэйн.

— Рад слышать это. Ну а как ты, Шеп? Как живешь?

— Неплохо, Кирби.

— Очень приятно. Ты успокоил меня. А теперь, я думаю, нам пора уходить отсюда.

Он подошел к окну с выбитым стеклом и сделал шаг в сторону.

— Давай вперед,— сказал он Блэйну.— Я следом. И прошу тебя по-дружески, не пытайся убежать.

— Не бойся,— сухо ответил Блэйн и быстро вылез в окно.

Можно побежать, но, сказал он себе, это будет глупостью, поскольку у Рэнда, несомненно, есть пистолет и он сумеет им воспользоваться и в лунном свете. Потом, если начнется стрельба, Гарриет может броситься на помощь, а если возьмут и ее, то у него вообще не останется друзей. А так, размышлял он, Гарриет останется в зарослях, увидит, что случилось, и что-нибудь придумает. Теперь она — единственная надежда.

Выпрыгнул Рэнд и, приземлившись, тут же повернулся к нему. Может, даже слишком быстро, слишком по-охотничьи. Потом расслабился и ухмыльнулся.

— Потрясающий трюк,— сказал он.— Когда-нибудь расскажешь мне, как ты это делаешь. Надо же — утащить звездную машину!

Блэйн даже поперхнулся от удивления, но понадеялся, что при лунном свете Рэнду не удалось разглядеть выражение его лица.

Рэнд дружелюбно взял его за локоть.

— Машина вон там, у дороги.

Они вместе зашагали по шуршащей траве, и вокруг все выглядело уже по-другому, не казалось больше мрачным и угрожающим; лунный свет как бы превратил все в расписанное волшебными красками полотно. Справа от них лежал город — массив темных зданий, больше похожих на курганы, чем жилища, среди которых едва просматривались обнаженные деревья, похожие на поставленные вертикально разлохмаченные кисти. К западу и северу серебрились прерии, размах которых подчеркивали их монотонность и безликость.

А у самой дороги были заросли кустарника. Блэйн бросил в ту сторону быстрый взгляд, но ничего — ни блика на металле, ни линии корпуса — не увидел. Пройдя еще несколько шагов, он снова посмотрел туда. Ошибки быть не могло. Автомобиля в кустах не было. Гарриет уехала.

Молодец, подумал Блэйн. Разумное решение. Скорее всего, она уехала сразу, как появился Рэнд. Поняла, что правильнее будет скрыться и подумать, что делать, в спокойной обстановке.

— Вряд ли ты где-то остановился,— сказал Рэнд.

— Да, пока не успел.

— Неприятный городок,— пожаловался Рэнд.— Слишком серьезно относятся ко всякому колдовству-ведовству. Меня уже дважды останавливала полиция. Сделали мне предупреждение. Мол, чтобы я обязательно укрылся, это для моего же блага.

— Тут сейчас все бурлит. Приехал Ламберт Финн.

— А, Финн,— небрежно бросил Рэнд.— Наш старый друг.

— Но не мой. Я с ним не знаком.

— Милейший человек. Очаровательнейший.

— Очень мало о нем слышал. Только слухи.

Рэнд вздохнул.

— Знаешь,— предложил он,— давай-ка заночуй в фактории. Наш посредник найдет, где тебя положить. А может, он и бутылочку откопает. Что-то мне захотелось вмазать как следует.

— Я бы тоже не отказался,— поддержал его Блэйн.

Потому что бороться сейчас, равно как и бежать, было бессмысленно. Надо не спорить и ждать удобного случая. Они пытаются застать врасплох тебя, ты пытаешься застать врасплох их. И при этом и ты, и они знают, что эта с виду беспечная игра пахнет смертью.

Рэнд сел за руль, Блэйн влез в машину следом.

Рэнд завел мотор, но фары не включил. Вырулив на дорогу, Рэнд тронулся в сторону города.

— Полиция ничего особенного сделать не может, разве что засадить на ночь в кутузку,— объяснил он,— но зачем с ними связываться, когда можно обойтись без этого?

— Совершенно незачем,— согласился Блэйн.

Через центр Рэнд не поехал, а обогнул его переулками, затем проскользнул в узкую улочку, опустился на стоянку и выключил мотор.

— Вот мы и приехали,— произнес он.— Пора и выпить.

На его стук им открыли дверь черного хода, и они вошли в заднюю комнату фактории. Большая часть комнаты, заметил Блэйн, использовалась как склад, и только один угол служил жильем. Там стояли кровать, плита и стол. В массивном камине пылал огонь, а перед ним стояли удобные кресла. Рядом с дверью, ведущей в переднюю часть фактории, высилась большая, похожая на холодильник коробка. И хотя Блэйн видел ее впервые, он тут же узнал трансо — машину для телепортации материи, благодаря которой «Фишхуку» стало экономически выгодно иметь фактории по всему земному шару. Любой товар, который мог потребоваться посреднику, мгновенно оказывался в этом ящике, стоило лишь сделать заказ.

Об этой-то машине и говорил Дальтон на вечере у Шарлин. Он сказал, что если «Фишхук» надумает внедрять эту машину повсеместно, то все транспортные сети мира будут уничтожены.

Рэнд указал на кресло:

— Устраивайся. А Грант нам сейчас откроет бутылочку. Найдешь для нас бутылочку, Грант?

— Вы же знаете, что у меня всегда есть запас,— ухмыльнулся посредник.— Разве иначе продержишься в такой дыре?

Блэйн уселся ближе к огню, а Рэнд сел перед ним и оживленно потер руки.

— Когда мы расставались, мы тоже сидели за бутылочкой,— напомнил он Блэйну.— А теперь за бутылочкой возобновляем знакомство.

Блэйн ощутил в себе растущее напряжение, чувство, что он в ловушке, но усмехнулся в ответ.

— А знаешь, сколько тогда было в моем распоряжении времени? — спросил он.— Каких-то восемь паршивых минут. И все.

— Ты ошибаешься, Шеп. У тебя было целых двенадцать минут. Ребята немного замешкались, вынимая пленку с записью.

— А Фредди! Ну кто бы мог подумать, что Фредди работает на тебя?

— Ты бы не поверил, если б тебе назвали еще кое-кого, кто на меня работает,— мягко произнес Рэнд.

Они грелись у камина, где трещали яблоневые дрова, и изучали друг друга.

— Рассказал бы ты мне, Шеп,— сказал наконец Рэнд.— Я не все еще понял. Концы с концами не сходятся. Ты влип в районе Плеяд и как-то ухитрился запереть эту штуку...

— Запереть?

— Конечно. Ты ее запер. Причем первоклассно запер. Мы знали, ты что-то нашел, и послали туда других. Твоя тварь сидит и глазеет на них, и больше ничего. С ней пытались разговаривать, но она не реагирует. Делает вид, что ничего не слышит. Это совершенно непонятно...

— Братство,— сказал Блэйн.— Мы с ним побратались. Тебе не понять.

— Думаю, что пойму. Насколько ты не человек, Шеп?

— Проверь меня и увидишь.

Рэнд передернул плечами:

— Нет, спасибо. Знаешь, я ведь все время шел по твоему следу. А он начался с Фредди и становился чем дальше, тем запутаннее.

— Ну а что дальше?

— Черт меня побери, если я знаю.

Посредник вошел, неся бутылку и два бокала.

— А сам не выпьешь? — спросил Рэнд.

Грант покачал головой:

— Надо еще разобрать товар. Так что, если вы позволите...

— Хорошо-хорошо,— разрешил Рэнд.— Можешь идти работать. Только скажи...

— Да, сэр?

— Нельзя ли мистеру Блэйну переночевать здесь сегодня?

— Буду рад. Правда, тут не слишком уютно.

— Ничего,— заверил его Блэйн.— Меня это устроит.

— Я должен был бы предложить вам свою постель, но, откровенно говоря...

— Об этом не может быть и речи.

— Я принесу вам несколько одеял, и вы сможете постелить себе на полу. Получится не хуже, чем на кровати.

— Все, что угодно. Буду только признателен.

Рэнд откупорил бутылку. Грант вышел, мягко прикрыв за собой дверь.

Рэнд налил в бокалы.

— Да,— заметил он,— в принципе, если ты не хочешь, можешь здесь не оставаться.

— Неужели?

— Я возвращаюсь в «Фишхук». Через трансо. Хочешь, присоединяйся.

Блэйн промолчал. Рэнд подал ему бокал.

— Ну, что скажешь? — спросил он.

Блэйн рассмеялся:

— Как у тебя все просто получается.

— А может, и в самом деле все просто,— ответил Рэнд.

Он осушил бокал и откинулся на спинку кресла.

— Ну ладно, неземной разум — это я понимаю. Профессиональный риск любого исследователя. Но как ты впутался в дело со звездной машиной? Наверняка ты связался со Стоуном.

— Ты же знаешь, что Стоун мертв.

— Впервые слышу,— неубедительно удивился Рэнд.

И вдруг, по каким-то ноткам в голосе Рэнда, интуитивно Блэйн понял, что Рэнду все равно, умер ли Стоун и в городе ли Финн. Для него это не имело никакого значения. Или более того. Возможно, Рэнда устраивала смерть Стоуна, равно как и политика Финна. Потому что монополия «Фишхука» зиждется на «непарапсихах», на «нормальном» мире, вынужденном обращаться к нему за инопланетными товарами. Так

что «Фишхук» и Рэнд, естественно, с горечью осознал Блэйн, могут даже быть заинтересованы в том, чтобы крестовый поход Финна состоялся и достиг поставленной цели.

А если так, то убийцей Стоуна вполне мог оказаться не Финн, а «Фишхук».

Блэйн ужаснулся пришедшей мысли и попытался отбросить ее, но она не уходила — ситуация вырисовывалась куда сложнее, чем просто борьба между Финном и Стоуном.

— А вы не так уж быстро меня нашли,— сказал Блэйн.— Теряешь хватку, Рэнд? Или играешь со мной в кошки-мышки?

— Мы почти потеряли твой след,— нахмурился Рэнд.— Ты оторвался от нас в том городке, где тебя чуть не повесили.

— Ты и там был в ту ночь?

— Не я. У меня там есть люди.

— И вы собирались позволить меня повесить?

— Честно говоря, мнения тогда разделились. Но ты избавил нас от необходимости принимать решение.

— А если бы...

— Думаю, скорей всего, мы дали бы тебя повесить. Конечно, был шанс взять тебя и попытаться с твоей помощью выйти на звездную машину. Но в тот момент мы не сомневались, что сами сумеем ее найти.

Он стукнул бокалом по столу.

— С ума сойти! — заорал он.— Такую машину везти в такой ржавой мышеловке! Как только...

— Все очень просто,— за Стоуна ответил Блэйн.— Никому бы и в голову не пришло. Ведь все живут по принципу: украл что-то очень ценное — тащи как можно быстрей, как можно дальше...

— И дураку ясно,— сказал Рэнд.

Он взглянул на Блэйна, увидел ухмылку на его лице и улыбнулся в ответ.

— Давай начистоту, Шеп,— предложил он.— Когда-то мы были друзьями. Я не исключаю, что мы и сейчас хорошие друзья.

— Что ты хочешь узнать?

— Только что ты перенес куда-то машину.

Блэйн кивнул.

— И ты можешь вернуть ее обратно?

— Нет. Уверен, что не смогу. Это своего рода шутка.

— Не надо мной ли?

— Над Ламбертом Финном.

— Ты его недолюбливаешь, а?

— Я с ним даже не знаком.

Рэнд снова наполнил бокалы. Отпил из своего половину и поставил его на стол.

— Мне пора,— он посмотрел на часы.— Очередной вечер у Шарлин. Не хочется лишать себя удовольствия. Уверен, что не хочешь со мной? Шарлин будет тебе рада.

— Спасибо, я лучше останусь. Передай привет Фредди.

— Фредди у нас больше не работает.

Блэйн встал и подошел с Рэндом к трансо. Рэнд открыл дверцу. Изнутри трансо походило на грузовой лифт.

— Как жаль, что их пока нельзя использовать в космосе. Столько рук освободилось бы.

— Наверняка над этим уже работают,— заметил Блэйн.

— Конечно. Осталось только отработать систему управления.

Он протянул руку:

— Счастливо, Шеп. До встречи.

— До свиданья, Кирби. Но я бы предпочел не встречаться.

Рэнд ухмыльнулся, вошел в аппарат и закрыл дверь. Не загорелись огни, ничто не загудело, машина будто бы не работала.

И в то же время Рэнд уже находился в «Фишхуке».

Блэйн повернулся к трансо спиной и направился назад, к креслу у камина.

В комнату вошел Грант, держа под мышкой полосатую накидку.

— То, что надо,— объявил он.— Совсем забыл о ней.

Он приподнял накидку и встряхнул ее.

— Потрясающе, а? — восторженно спросил он.

Накидка действительно была потрясающая. Из какого-то необыкновенного меха, она переливалась в отблесках камина, будто осыпанная алмазной пылью. Золотисто-желтого цвета, с черными полосами по диагонали, накидка казалась скорее не меховой, а шелковой.

— Уж сколько лет валяется без дела,— сообщил Грант.— Один турист, живший у реки, в свое время заказал ее. «Фишхук» ее сразу не сумел найти, а когда доставил мне, было поздно. У них всегда так, сэр, вы, наверное, знаете.

— Знаю,— подтвердил Блэйн.

— Тот человек так и не появился. А у меня рука не поднялась отослать такой чудесный мех обратно. Он у меня проходит по накладной, я делаю вид, что смогу его продать. Хотя, конечно, это не так. Такому задрипанному городишке этот мех не по карману.

— А что это?

— Самый теплый, легкий и мягкий мех во Вселенной. Туристы берут его вместо спальных мешков.

— Меня устроило бы обычное одеяло,— запротестовал Блэйн.— Мне неудобно...

— Прошу вас,— настаивал Грант.— Сделайте мне одолжение, сэр. Мне так неловко, что я не могу устроить вас как следует. Но если я буду знать, что вы укрыты этим роскошным мехом...

Блэйн рассмеялся и взял накидку. Она почти ничего не весила.

— Мне еще надо поработать,— сказал посредник.— Так что, с вашего позволения, я пойду. А вы устраивайтесь, где удобно.

— Спасибо,— поблагодарил Блэйн.— Сейчас выпью еще и лягу. Не выпьете со мной?

— Попозже,— сказал посредник.— Я всегда пропускаю рюмочку перед сном.

— Тогда я оставлю бутылку.

— Спокойной ночи, сэр. Утром я зайду к вам.

Блэйн уселся обратно в кресло, положив накидку на колени. Он провел по меху рукой — мех был такой нежный и теплый, что казался живым.

Потягивая виски, Блэйн пустился в размышления о Рэнде.

Рэнд, по всей видимости, был самым опасным человеком на всем земном шаре — хотя Стоун самым опасным человеком считал Финна. Рэнд был опасен как личность, гладкий бульдог с мертвой хваткой, человек-ищейка, претворяющий политику «Фишхука» как божественные предначертания. Каждому, кого «Фишхук» объявлял врагом, Рэнд становился смертельно опасен.

И все же он не стал заставлять Блэйна возвращаться с собой. Его приглашение было светским и мимолетным, а отказ Блэйна не вызвал у него ни раздражения, ни видимого неудовольствия. Он не попытался применить силу. Впрочем, решил Блэйн, причиной тому, скорее всего, то, что Рэнд просто не знал, с чем имеет дело. Идя по следу, он узнал достаточно для того, чтобы понять, что у того, кого он преследует, есть способности, «Фишхуку» совершенно не известные.

Поэтому каждый шаг он делал медленно и осторожно, стараясь изобразить незаинтересованность. Однако Блэйн знал, что Рэнд не такой человек, чтобы отступить.

Да, Рэнд припрятал какой-то козырь. Но какой?

В том, что ловушка уже готова, а приманка положена, сомнений не оставалось.

Тихо сидя в кресле, Блэйн допил бокал.

А не глупость ли — остаться на ночь в фактории? Может, лучше встать и уйти? Хотя Рэнд мог именно на такой шаг и рассчитывать и ловушка поджидает не здесь, а на улице. Возможно, эта комната — самое безопасное место сегодня ночью.

Ему нужен кров, но ведь спать необязательно. Что, если быть здесь, но не спать? Можно завернуться в накидку, лечь на пол и притвориться спящим. И в это же время следить за Грантом. Поскольку если западня именно в этой комнате, то захлопнуть ее должен только Грант.

Он опустил свой бокал на столик рядом с недопитым бокалом Рэнда. Затем пододвинул к ним бутылку — получился набор из двух бокалов и бутылки. Блэйн взял накидку под мышку, подошел к камину и кочергой пошевелил поленья, которые начали уже затухать.

«Я лягу здесь,— решил Блэйн,— у огня, чтобы свет падал за меня, в комнату».

Он аккуратно расстелил накидку, положил пиджак под голову и улегся, скинув туфли. Лежать на накидке было мягко и удобно, как на перине. Он завернул края на себя, и накидка плотно облегла его, как спальный мешок. Блэйн почувствовал себя так уютно, как в детстве, когда он нырял в теплую постель под одеяло, укрываясь в своей комнатке от ночного зимнего мороза.

Он лежал на полу, вглядываясь в темноту складского помещения, различая очертания бочек, мешков и коробок. И, лежа в тишине, нарушаемой лишь потрескиванием огня в камине, он вдруг уловил в воздухе какой-то слабый аромат — тот самый неописуемый словами запах, свойственный неземным вещам. Не резкий и не экзотический, ничем вроде бы не выделяющийся, и все же запах, которого на Земле нет: сочетание пряности и ткани, дерева и пищи, всего того, что привозится со звезд. И только малая толика — тут, на маленьком складе небольшой фактории. Но за этой факторией — грандиозные склады «Фишхука», откуда в считанные мгновения благодаря стоящему в углу трансо может быть доставлен любой товар.

Но это лишь часть привозимого со звезд — незначительная часть, которую можно купить, которой можно владеть.

Основная же доля операций «Фишхука» — сбор и хранение идей и знаний из глубин космоса — проходила почти незаметно для большинства. А в фишхуковских университетах ученые со всего света изучали эту информацию, пытаясь ее связать, обобщить и найти ей применение, с тем чтобы в будущем эти понятия и знания определили ход развития и даже судьбу всего человечества.

А кроме этой предоставленной ученым информации существовали еще секретные архивы, скрытые за дверцами неприступных сейфов, доступ куда имели в лучшем случае лишь самые доверенные группы людей и отдельные лица.

Позади, прогорев, с треском рассыпались обугленные поленья. Блэйн повернулся поглядеть на них...

Вернее, попытался повернуться.

И не смог.

Что-то было не так.

Каким-то образом он оказался закутанным в накидку слишком туго.

Он попробовал вытащить руки и ослабить ее, но не сумел сделать ни того ни другого.

Накидка держала его мягкой, но неослабевающей хваткой.

Никакой веревкой нельзя было связать его более надежно. Совсем неожиданно для него накидка превратилась в смирительную рубашку и намертво спеленала его.

Блэйн замер на спине, холодея от страха и чувствуя, как пот скатывается по лбу ему на глаза.

Да, ловушка была расставлена.

Он ждал ее.

Он был настороже.

И все же, не подозревая, что делает, он сам, собственными руками обернул ловушку вокруг себя!

Глава 25

Перед тем как войти в трансо, Рэнд сказал: «До встречи». Сказал весело и с уверенностью. У него были на то основания, с горечью подумал Блэйн, он все рассчитал. Рэнд предусмотрел каждый шаг и спланировал все до мельчайших деталей. Нашел идеальный способ арестовать человека, которого немного побаиваешься и от которого не знаешь, чего ожидать.

Вытянувшись, Блэйн лежал на полу без движений — лишенный возможности пошевелиться сковавшей его накидкой. Вернее, не накидкой — это было одно из тех открытий, которые «Фишхук» придерживает для особых случаев. Не сомневаясь, что такие случаи представятся.

Блэйн порылся в памяти, но ничего хотя бы отдаленно связанного с подобным созданием не нашел — а это, конечно, было какое-то существо-паразит, способное бесконечно долго лежать тихо и расслабленно, как накидка, и пробуждаться, ощутив под собой что-либо живое и теплое.

В данном случае добычей стал он, и, возможно, скоро этот мех начнет пожирать его или усваивать его любым другим образом. Что пытаться освободиться силой бесполезно, было ясно — при каждом его движении хватка становилась еще крепче.

Он снова заглянул в память и вдруг нашел — увидел: мрачная, хаотичная планета, переплетающаяся растительность, непонятные, колышущиеся, ползающие, вьющиеся обитатели. Жуткое место, смутно просматривающееся сквозь туман памяти. Но самое поразительное заключалось в другом: даже извлекая информацию из памяти, Блэйн точно знал, что эти воспоминания не его. Он никогда не был на той планете и никогда ни с кем о ней не разговаривал. Правда, он мог видеть это когда-то по дименсино и теперь вспомнить давно забытое.

Картина перед его мысленным взором становилась все четче, будто некий киномеханик у него в мозгу регулировал резкость изображения, и теперь он с необычайной ясностью мог разглядеть каждую леденящую кровь подробность из жизни обитателей инопланетных джунглей. Эти ползущие, извивающиеся существа были ужасны и омерзительны, и от них веяло лютой, холодной яростью, жестокостью безразличия и непонимания, руководимой только первобытными чувствами голода и ненависти.

Блэйн замер, пораженный тем, что увидел. Ему казалось, что он действительно там, будто часть его лежит на полу у камина, а другая половина в самом деле находится в этих жутких джунглях.

Ему послышался шорох, вернее, та половина в джунглях услышала шум и та половина поглядела на дерево, слишком, впрочем, уродливое, колючее и гадкое, чтобы называться деревом. Над ним, приготовившись упасть на него, висел мерцающий алмазной крошкой мех.

Блэйн закричал, или ему показалось, что он закричал, и планета с ее обитателями тут же растаяла, будто чья-то рука у него в мозгу вывела объектив проектора из фокуса.

Он опять — весь, полностью — лежал в своем мире, где были и камин, и склад, и трансо в углу. Дверь из склада открылась, и в комнату вошел Грант.

Он аккуратно прикрыл за собой дверь и, повернув свое массивное, широкое тело, уставился на лежащего на полу человека.

— Мистер Блэйн,— тихо позвал он.— Мистер Блэйн, вы спите?

Блэйн промолчал.

— У вас открыты глаза, мистер Блэйн. Что-нибудь случилось?

— Ничего,— ответил Блэйн.— Просто лежу и думаю.

— И приятные мысли, мистер Блэйн?

— Великолепные.

Двигаясь по-кошачьи осторожно, Грант подошел к столу, взял бутылку, вставил горлышко в рот и забулькал.

— Может, вы встанете, мистер Блэйн,— опустив бутылку, предложил он.— Посидим, поболтаем, выпьем. Мне не часто выпадает случай поговорить с кем-то. Конечно, сюда заходят

покупатели, но со мной они разговаривают не больше, чем необходимо.

— Спасибо, я лучше полежу. Мне удобно.

Грант отошел от окна и сел в одно из кресел у камина

— Как жаль,— сказал он,— что вы отказались вернуться в «Фишхук» вместе с мистером Рэндом. «Фишхук» — потрясающее место.

— Да-да, вы правы,— не слушая, автоматически ответил Блэйн.

Он понял — наконец понял,— откуда взялось воспоминание о планете. Он получил ее из систематизированного архива, подаренного ему Розовым. Конечно же, не он, а Розовый побывал на той планете.

В памяти были не только цветные картинки с видами планеты. Там также хранилась полная информация о ней и жизни на ее поверхности. Но данные эти еще не были разобраны, и подобраться к ним никак не удавалось.

Самодовольно улыбаясь, Грант откинулся на спинку кресла.

Он протянул руку и постучал пальцами по накидке. Раздался приглушенный барабанный звук.

— Как вам это нравится, мистер Блэйн? — осведомился он.

— Я тебе расскажу, когда освобожу руки,— пообещал Блэйн.

Грант встал с кресла и направился к столу, делая вид, что старается обойти Блэйна подальше Взяв бутылку, он сделал еще глоток.

— Вам не удастся освободить руки,— сообщил он,— потому что ровно через минуту я запихну вас в трансо, и вы окажетесь в «Фишхуке».

Он хлебнул еще и опустил бутылку.

— Не знаю, что вы натворили. И не знаю, зачем вы им понадобились. Но у меня есть приказ.

Он опять приподнял бутылку, затем передумал и поставил ее на середину стола. Потом подошел к Блэйну.

Блэйн увидел новую картину: другая планета, дорога, по которой идет существо, не похожее ни на что, им когда-либо виденное. Нечто вроде ходячего кактуса, только не кактус и вообще вряд ли растение. Но ни существо, ни дорога не имели

значения. Значение имело то, что по пятам за существом неуклюже припрыгивало с полдюжины «накидок».

Охотничьи собаки, подумал Блэйн. Кактус — охотник, а они — его охотничьи собаки. Или ловец и ловушка. «Накидки», вывезенные с планеты джунглей каким-то бродячим торговцем, выдержавшие космическую радиацию и нашедшие применение на этой планете.

В мозгу у него пульсировало еще что-то — какая-то фраза, фраза на неземном языке, возможно, на языке кактусовидного существа. Она казалась бессмысленной, можно было сломать язык, воспроизводя ее, однако, когда Грант еклонился над ним, чтобы поднять его, Блэйн что было сил выкрикнул эту фразу.

И сразу же мех отпустил его. Освободившись, Блэйн рывком катнулся под ноги наклонившемуся над ним посреднику.

Взревев от ярости, Грант рухнул лицом об пол. Блэйн вскочил на ноги и забежал за стол.

Грант медленно встал с пола. Кровь капала из разбитого носа и сочилась с ободранных костяшек руки.

Он сделал быстрый шаг вперед, и лицо его исказила гримаса двойного страха — страха перед человеком, который сумел освободиться от мертвых объятий «накидки», и страха за проваленное задание.

Наклонив голову, вытянув вперед руки с растопыренными пальцами, он бросился на Блэйна. Отчаяние удвоило его и без того достаточную силу и мощь, заставив его забыть о собственной безопасности.

Блэйн уклонился, но немного не рассчитал, и вытянутая рука Гранта скользнула по его плечу и толстые пальцы судорожно вцепились в его рубашку. Рывок чуть было не вывел Блэйна из равновесия, но тут материал не выдержал и с громким треском разорвался.

Грант пролетел мимо, затем, хрипло рыча, снова бросился на Блэйна. Вкладывая в удар весь свой вес, Блэйн взмахнул кулаком и услышал хрустящий лязг челюсти. По крупному телу Гранта пробежала дрожь, и он пошатнулся.

Блэйн наносил удар за ударом, чувствуя, как немеют руки, как перестающие ощущать боль кулаки сотрясают Гранта, отбрасывая его все дальше и дальше.

Хотя в нем был и гнев, вовсе не гнев заставлял его безжалостно избивать Гранта, и не страх, и не самоуверенность. Им руководил простой и трезвый расчет: или он добьет стоящего перед ним человека, или ему конец.

От беспощадного удара в голову Грант дернулся назад. Тело обмякло, как будто из него враз исчезли все кости и мышцы. С глухим стуком Грант рухнул на пол и так и остался лежать тряпичной куклой, из которой вытряхнули опилки.

Блэйн позволил рукам расслабленно повиснуть и тут же ощутил саднящую боль в костяшках пальцев и перенапряженных мускулах.

«Как же у меня получилось,— недоуменно подумал Блэйн,— голыми руками превратить такого громилу в окровавленное месиво? Просто повезло, и я нанес первый и точный удар. А то, что нашел ключ, отпирающий "накидку",— это тоже везение?»

Нет, то была не удача, а нужная и своевременная информация из архива, вложенного в его мозг за пять тысяч световых лет отсюда существом, обменявшимся с ним разумом.

Блэйн взглянул на Гранта. Тот по-прежнему не шевелился.

А что делать теперь?

Конечно, надо как можно скорее уходить. Еще немного — и из трансо выйдет какой-нибудь сотрудник «Фишхука», чтоб узнать, почему не приходит столь замечательно упакованная посылка.

«Ничего, я снова убегу,— с горечью подумал Блэйн.— Что-что, а убегать научился. Уже почти месяц бегу, и конца этому не видно». Но однажды, он знал это, бег придется прекратить. Где-то надо будет остановиться, пусть хотя бы для того, чтобы не потерять самоуважения.

Это время еще не пришло. Сегодня он снова убежит, но это будет побег во имя цели. Сегодня побег ему кое-что принесет.

Он шагнул к столу, чтобы взять бутылку, и наткнулся на валяющуюся на полу «накидку». Он со злостью пнул ее, и она, легко взмыв в воздух, упала бесформенным комом прямо в камин.

Схватив бутылку, Блэйн направился к сложенным кипам товаров.

Он потрогал один из мешков и убедился, что в нем что-то сухое и мягкое. Затем он вылил на него содержимое бутылки и отбросил ее на середину комнаты.

Из камина Блэйн совком достал горящие угли и высыпал их на смоченный виски мешок.

Заплясали маленькие синеватые язычки пламени. С треском огонь начал расти и расползаться.

Теперь не погаснет, подумал Блэйн.

Еще пять минут — и загорится фактория. Склад превратится в ад, и пожар уже никакими силами нельзя будет остановить. Трансо сплавится и деформируется, и дорога в «Фишхук» будет закрыта.

Наклонившись, он ухватил Гранта за воротник, подтащил его к двери и выволок во двор, футов за тридцать от здания.

Грант застонал, попытался встать на четвереньки, но снова рухнул на землю. Блэйн оттащил его еще на десяток футов и бросил. Грант что-то пробормотал и зашевелился, но встать не смог.

Блэйн вышел на дорогу и минуту постоял, приглядываясь. Окна фактории все больше озарялись красными отблесками.

Блэйн отвернулся и зашагал вперед.

А сейчас, сказал он себе, самое время нанести визит Финну. Скоро в городке заметят горящую факторию, начнется паника, и полиции будет не до нарушителей комендантского часа.

Глава 26

На ступеньках отеля, глядя на ревущее пламя пожара всего в двух кварталах от них, толпились люди. На Блэйна внимания никто не обратил. Полиции видно не было.

— Опять «гориллы» поработали,— обронил кто-то.

— Не понимаю их,— поддержал его другой.— Днем они идут туда и покупают, что им надо, а ночью возвращаются и устраивают пожар.

— Ума не приложу,— продолжил первый,— как «Фишхук» мирится с этим. Нельзя же просто смотреть и ничего не делать.

— «Фишхуку» наплевать,— возразил ему собеседник.— Я пять лет провел в «Фишхуке». Там вообще ничего нельзя понять.

Репортер, решил Блэйн. Завтра должна состояться проповедь Финна, и поэтому отель забит репортерами. Он поглядел на того, кто провел пять лет в «Фишхуке», но не узнал его.

Блэйн поднялся по ступеням и вошел в пустое фойе. Чтобы никто не обратил внимания на его ободранные кулаки, он засунул руки в карманы пиджака.

Отель явно был не из новых, а мебель в фойе, по всей видимости, не менялась с незапамятных времен. И вообще отель производил впечатление увядающего, старомодного заведения, кисловато попахивающего сотнями людей, которые провели недолгие часы под его крышей.

Несколько человек сидели в креслах, читая газеты или просто со скучающим видом глядя в пустоту.

Блэйн взглянул на часы над окошком администратора. Было одиннадцать тридцать.

Блэйн прошел мимо, направляясь к лифту.

— Шеп!

Блэйн резко повернулся.

С трудом подняв из огромного кожаного кресла грузное тело, через фойе к нему направился человек.

Блэйн стоял на месте, ожидая, пока тот подойдет к нему, и все это время по спине у него бегали мурашки.

Толстяк протянул ему руку.

Блэйн показал ему свою, вынув ее из кармана:

— Споткнулся впотьмах.

— Надо бы промыть ссадину,— посоветовал толстяк.

— Я как раз собирался этим заняться.

— Забыл меня, что ли? Боб Коллинз,— напомнил свое имя толстяк.— Мы несколько раз встречались в «Фишхуке». В баре «Красный призрак».

— Ну как же,— смущенно ответил Блэйн.— Вспомнил. А то смотрю — что-то знакомое. Как поживаешь?

— Нормально. Правда, злой как черт, что меня выдернули из «Фишхука» на эту ерунду, но — такое ремесло. Газетчик должен быть ко всему готов.

— Будешь писать про Финна?

Коллинз утвердительно кивнул.

— А ты?

— А я хочу поговорить с ним.

— Считай, что тебе дико повезло, если к нему прорвешься. Он в «двести десятом». А у его дверей сидит здоровенный мордоворот.

— Думаю, он меня примет.

Коллинз наклонил голову набок:

— Я слышал, ты сбежал. Пустили такую «утку».

— Все верно.

— Ты неважно выглядишь,— сказал Коллинз.— Не сочти за обиду, но если тебе нужно одолжить немного денег...

Блэйн рассмеялся.

— Ну, может, выпьем?

— Нет. Я спешу к Финну.

— Ты что, теперь с ним?

— Не совсем...

— Слушай, Шеп, в «Фишхуке» мы с тобой считались приятелями. Скажи, что тебе известно. Хотя бы что-то. Хороший репортаж — и я опять в «Фишхуке». А это для меня — все.

Блэйн отрицательно покачал головой.

— Шеп, я слышал много разных сплетен. Будто бы у реки под откос полетел фургон. Будто в этом фургоне везли нечто чрезвычайно для Финна важное. Он сам заявил, что сделает перед прессой сенсационное сообщение. И что-то продемонстрирует. Говорят, это будет звездная машина. Неужто звездная машина, Шеп? Никто не знает наверняка.

— Я тоже ничего не знаю.

Коллинз подошел к нему поближе и, снизив голос до хрипловатого шепота, сказал:

— Дело очень серьезное, Шеп. Если Финн получил то, что хотел. Он уверен, что теперь у него есть то, что поможет ему разгромить парапсихов, всех и каждого в отдельности, всю паракинетику вообще. Он ждал этого момента не один год. Не просто ждал, а делал свое дело. Подлое дело, конечно. Проповедуя повсюду ненависть. Это провокатор первого класса. Ему не хватало только этого «чего-то». Дай ему это «что-то», и он победит. А на то, как он это сделает, весь мир будет смотреть сквозь пальцы. Еще немного — и с парапсихов начнут живьем сдирать шкуры.

— Не забывай, что я тоже парапсих.

— И Ламберт Финн тоже. Был.

— Сколько же вокруг ненависти,— устало произнес Блэйн.— Сколько презрительных ярлыков и оскорблений. Реформисты называют паранормальных людей парапсихами, а те их, в свою очередь, зовут гориллами. А таким, как ты, плевать. Тебе все равно. Сам ты охотиться на людей не пойдешь, но напишешь об этом. И размажешь человеческую кровь по газетной странице. И тебе не важно, чья это кровь, лишь бы кровь.

— Господь с тобой, Шеп...

— Хорошо, я скажу тебе кое-что. Можешь написать, что Финну нечего показывать и нечего сказать. Можешь написать, что он трясется от страха. Напиши, что его как следует щелкнули по носу...

— Шеп, ты меня разыгрываешь!

— Он не осмелится показать то, что у него есть.

— А что это?

— Нечто такое, что превратит Финна в круглого идиота. Он ни за что этого не покажет. Завтра утром в мире не будет человека испуганней Ламберта Финна.

— Я не могу этого написать. Ты же знаешь, что не могу...

— Завтра в полдень,— сказал Блэйн,— об этом будут писать все. Если ты начнешь немедленно, то успеешь в последний утренний выпуск. Ты обскачешь всех — если у тебя хватит смелости.

— Ты абсолютно уверен? Ты не...

— Решайся. Я ручаюсь за каждое слово, которое сказал. Остальное — твое дело. А мне пора.

Но Коллинз еще колебался.

— Спасибо, Шеп,— поблагодарил он.— Огромное спасибо.

Блэйн обошел лифт и стал подниматься по лестнице пешком.

Выйдя на второй этаж, по левой стороне в конце коридора он увидел у двери номера сидящего в кресле человека.

Блэйн двинулся прямо к нему. Когда он приблизился, телохранитель встал.

— Минуточку, мистер,— преградил он рукой дорогу Блэйну.

— Мне срочно нужен Финн.

— Вам туда нельзя, мистер.

— Тогда передайте ему...

— Сейчас я ничего не передам.

— Скажите, что я от Стоуна.

— Но ведь Стоун...

— Просто скажите, от Стоуна.

Некоторое время телохранитель стоял в нерешительности, потом опустил руку.

— Ждите здесь,— сказал он.— Я пойду спрошу. И без фокусов.

— Не волнуйтесь. Я подожду.

Он остался один, размышляя, правильно ли поступил. В сумраке плохо освещенного коридора вновь всплыли старые сомнения. Не лучше ли, подумал он, дать задний ход, пока не поздно.

Появился телохранитель.

— Стойте спокойно,— приказал он.— Я должен вас обыскать.

Опытные руки быстро заскользили вдоль тела Блэйна в поисках ножа или пистолета.

Наконец охранник удовлетворенно кивнул:

— Все в порядке. Можете заходить. Я останусь за дверью.

Охранник открыл дверь, и Блэйн вошел.

Комната была обставлена как гостиная. Спальня располагалась за ней.

В углу комнаты стоял стол, за которым сидел высокий человек в одеждах траурно-черного цвета с белым шарфом на шее. Его по-лошадиному вытянутое, костлявое лицо могло бы показаться измученным, если б не пугающее выражение одержимости.

Блэйн твердой походкой шел вперед, пока не оказался у самого стола.

— Так ты Финн,— сказал он.

— Ламберт Финн,— поправил его тот низким голосом профессионального оратора, который, даже отдыхая, не может не быть оратором.

Блэйн достал руки из карманов и положил их на край стола. Он увидел, что Финн глядит на запекшуюся кровь и грязь.

— Тебя зовут,— произнес Финн,— Шепард Блэйн, и я знаю о тебе все.

— И даже то, что я собираюсь тебя убить?

— Даже и это,— подтвердил Финн.— По крайней мере, я это могу предположить.

— Но не сегодня,— сказал Блэйн,— потому что завтра я хочу посмотреть на твое лицо. Хочу видеть, как ты все завтра проглотишь и переваришь.

— И это все, зачем ты пришел? Больше тебе нечего сказать?

— Странно,— признался Блэйн,— но в данный момент никакого другого повода мне на ум не приходит. Я даже не могу объяснить, зачем, собственно, я пришел.

— Может, предложить сделку?

— Это мне и в голову не приходило. У тебя нет ничего, что бы ты мог мне дать.

— Может, и так, мистер Блэйн, но зато у вас есть то, что нужно мне. За что я готов прилично заплатить.

Не отвечая, Блэйн смотрел на него.

— Ты участвовал в похищении звездной машины,— сказал Финн.— Я хочу знать цели и задачи. Мне нужно сложить куски воедино. Твой рассказ может стать отличным свидетельством.

— Однажды я уже был в твоих руках,— хмыкнул Блэйн,— но ты дал мне ускользнуть.

— Все этот трусливый доктор! — яростно воскликнул Финн.— Испугался шума, побоялся за репутацию своей больницы.

— Лучше надо подбирать людей, Финн.

— Ты мне не ответил,— нахмурился Финн.

— Это насчет сделки? Дорого обойдется. Слишком дорого.

— Я могу заплатить. А тебе деньги необходимы. У тебя нет ни гроша, а «Фишхук» висит на пятках.

— Всего час назад,— сказал Блэйн,— «Фишхук» меня связал и собирался убить.

— Но ты убежал,— произнес Финн, кивая.— И убежишь в следующий раз. И еще раз, может быть. Но «Фишхук» никогда не остановится. При теперешнем положении вещей у тебя нет никакой надежды.

— Разве только у меня? А у кого она есть? Может быть, у тебя?

— Я говорю только о тебе. Ты знаком с некой Гарриет Квимби?

— Очень близко.

— Так вот,— ровным голосом сказал Финн,— она агент «Фишхука».

— Ты с ума сошел! — закричал Блэйн

— Успокойся и обдумай это. Думаю, ты согласишься, что это правда.

Они стояли, глядя через стол друг на друга, и молчание стояло между ними, словно живое существо.

Вдруг в мозгу Блэйна вспыхнула мысль: а не убить ли его сейчас?

Убить его будет совсем не трудно. Такого убивать легко. Не только за его убеждения, но и его самого как личность.

Для этого надо только вспомнить о расползающейся по земле ненависти. Для этого надо только закрыть глаза и представить качающееся среди ветвей тело, покинутый лагерь, где вместо крова — растянутое на кольях одеяло и на обед — рыба на сковородке; указывающие в небо обгорелые пальцы печных труб.

Он поднял руки со стола, затем опустил их обратно.

И, не задумываясь, неожиданно для себя, совершенно непредвиденно он сделал то, чего никогда не сделал бы. И уже делая это, он знал, что это делает не он, а тот, другой, спрятавшийся у него в мозгу.

Потому что то, что он сделал, никогда не сделал бы ни один человек на свете.

Очень спокойно Блэйн произнес:

— Меняюсь с тобой разумом.

Глава 27

Высоко в небе луна плыла над обрывами, а в речной долине беспокойно ухала сова, временами перемежая уханье с самодовольным хихиканьем, и ее крики гулко разносил свежий от начинающегося морозца ночной воздух.

На краю кедровой рощи Блэйн остановился. Деревья, вцепившись корнями в землю, скрючились, изогнулись и были похожи на старых, горбатых гномов. Блэйн замер, прислу-

шиваясь, но слышны было только уханье совы и слабый шелест упрямых листьев, никак не желающих облетать с ветвей стоящих под холмом тополей. И еще один звук, настолько слабый, что трудно было решить, действительно он слышится или нет,— далекий, едва различимый шепот эльфа, а на самом деле голос могучей реки, несущей свои воды вдоль подножий залитых лунным светом обрывов.

Блэйн присел на корточки, укрывшись под разлапистыми кедрами, и снова сказал сам себе, что погони за ним нет, что никто его не преследует. «Фишхук» временно выведен из строя, потому что сгорела фактория. А Ламберт Финн... В данный момент — кто угодно, только не Ламберт Финн.

Без малейшей жалости Блэйн вспомнил выражение глаз Финна, когда он обменялся с ним разумом, остекленевший, полный ужаса взгляд, ошеломленный этим непрошеным вторжением, этим сознательным осквернением могущественного жреца и великого пророка, рядящего свою ненависть в тогу религии или того, что Финн пытался выдать за религию.

— Что ты сделал! — закричал он тогда, охваченный страхом.— Что ты со мной сделал!

Потому что его коснулись и обжигающий холод чужого разума, и его абсолютная бесчеловечность, и ненависть, исходящая от самого Блэйна.

— Все! — объявил ему Блэйн.— Отныне ты уже не Финн. И человек ты тоже только отчасти. Теперь ты — частично я, частично — существо, которое я нашел в пяти тысячах световых лет отсюда. И я очень надеюсь, что теперь придет конец тебе и твоим проповедям.

Финн открыл рот и снова закрыл его, не произнеся ни звука.

— А сейчас я уйду,— сказал ему Блэйн,— и ты, во избежание недоразумений, меня проводишь. Ты обнимешь меня, как вновь обретенного брата. И по дороге будешь говорить со мной, как с наилюбимейшим другом детства, а если это у тебя не получится, я сумею объяснить, во что ты превратился.

Финн стоял в нерешительности.

— Во что ты превратился,— повторил Блэйн.— И репортеры внизу запишут каждое слово.

Этого довода для Финна оказалось достаточно, более чем достаточно.

И они вместе прошли по коридору, спустились по лестнице, пересекли фойе, а репортеры ошарашенно глядели на нежно держащих друг друга под руки, оживленно беседующих друзей.

Они вышли на улицу, озаренную все еще полыхающей факторией, и двинулись, будто прогуливаясь и обмениваясь пожеланиями напоследок, по тротуару.

А затем Блэйн скользнул в переулок и побежал в сторону обрывистого берега реки.

«И снова я бегу,— подумал Блэйн,— просто бегу, не имея никакого плана. Правда, были и передышки, и я все же нанес пару ударов по планам Финна. Лишил его наглядного пособия, с помощью которого он собирался доказать злонамеренность и вредоносность паракинетиков; влил в его разум новые сознания; и теперь, что бы Финн ни делал, он уже никогда не сможет быть узколобым эгоманьяком, как раньше».

Блэйн присел и прислушался, но, кроме голосов реки, совы и тополиных листьев, ничего не было слышно.

Он медленно встал на ноги и тут услыхал новый звук: вой хищника, голос клыков и когтей. Блэйн застыл, не в силах пошевельнуться. Этот вой разбудил в нем страх, который люди пронесли через столетия — из пещер каменного века до дней нынешних.

Собака, наверное, попытался он успокоить сам себя, или койот. Не оборотень же. Оборотней не бывает.

И все же инстинкт, которому он с трудом сопротивлялся, кричал ему: беги, не раздумывай, спрячься, спрячься, где угодно, лишь бы укрыться от крадущейся сквозь лунную ночь опасности.

Он стоял, напрягшись, в ожидании, что вой повторится, но больше тишину ничто не нарушало. Он расслабил окаменевшие мышцы и стянутые в узлы нервы и снова стал почти самим собой.

Если бы он верил, если хотя бы наполовину верил, он бы побежал. Что может быть проще — поверил и побежал. Это-то и делает людей наподобие Финна столь опасными. Они играют на инстинктах, которые лежат почти на поверхности, под самой кожей,— на страхе, следом за которым идет ненависть.

Выйдя из кедровой рощи, он осторожно пошел низом вдоль обрыва. Идти здесь при свете луны, как он вскоре понял, оказалось непросто. Он то и дело натыкался на камни, попадал в ямы, где ничего не стоило сломать ногу.

Он снова подумал о том, что не давало покоя с тех пор, как он поговорил с Финном.

Финн сказал, что Гарриет Квимби — агент «Фишхука».

Нет, этого не может быть — кто, как не Гарриет, помогла ему бежать из «Фишхука».

И все же... Она была с ним в том городке, где его чуть не повесили. Она была с ним, когда убили Стоуна. Она была, когда он залез в дорожный гараж, где его поймал Рэнд.

Блэйн пытался загнать эти мысли в подсознание, но они продолжали вылезать наружу, преследуя его.

Чепуха. Гарриет — и вдруг агент. Журналистка высшего класса; надежный товарищ; когда нужно, решительна и хладнокровна. Конечно, если б она захотела, из нее вышел бы отличный шпион — но ей это просто чуждо. Вероломство не в ее характере.

Берег пересекал глубокий овраг, уползающий вниз, к реке. На краю оврага росло несколько изогнутых деревьев.

Блэйн обогнул рощицу понизу и сел на землю.

Внизу под ним неслась река, и в ее черных водах поблескивали серебряные искры, а лес в долине казался еще чернее. По обоим берегам белесыми горбатыми призраками выстроились холмы.

Сова замолчала, но рокот стал громче, и, если прислушаться, можно было различить, как журчит вода, омывая песчаные отмели и прорываясь сквозь кроны рухнувших деревьев, чьи корни еще цеплялись за берег.

«А здесь неплохо будет заночевать,— подумал Блэйн.— Правда, у меня нет ни одеяла, ни пледа, но деревья и согреют меня, и спрячут. И потом, за весь день я впервые оказался действительно в безопасном месте».

Забравшись в густую поросль, он стал устраиваться. Пришлось вывернуть несколько камней, убрать в сторону обломленный сук. Потом, орудуя на ощупь в темноте, он сгреб в кучу несколько охапок листьев и, только закончив все приготовления, подумал о гремучих змеях. Хотя, сказал он себе, для гремучих змей стало слишком прохладно.

Он сжался в комок на куче листьев. Оказалось совсем не так удобно, как он рассчитывал. Впрочем, ему не так долго здесь лежать. Скоро взойдет солнце.

Блэйн тихо лежал в темноте, а его сознание, как на экране, снова и снова прокручивало события прошедшего дня — мысленно подводило итоги, чему он тщетно пытался положить конец.

Отдельные кадры и сюжеты истекших, наполненных событиями суток беспрерывно сменяли друг друга, теряя реальность, превращаясь в видения.

Как же их остановить, мучился Блэйн, как заставить себя думать о чем-то другом?

Но помимо воспоминаний в нем было еще нечто — разум Ламберта Финна.

Он осторожно попытался заглянуть в него и тут же отпрянул, словно наткнувшись на тугой змеиный клубок ненависти, страха и коварства. А в самом центре этой массы — голый ужас, превративший наблюдателя с Земли в визжащего маньяка, который вышел из своей звездной машины с пеной у рта, выпученными глазами и скрюченными пальцами,— ужас другой планеты.

Планета была отвратительной и мерзкой. Он увидел нечто абсолютно враждебное чему-либо человеческому. Оно кричало, выло, визжало. Оно жадно тянулось к нему своей мертвой головой. Все было нерезко, расплывчато; нельзя было разобрать деталей, и лишь волной накатывалось чувство всепоглощающего, бездонного зла.

Блэйн отшатнулся, вскрикнув, и его крик оттолкнул, заслонил это средоточие ужаса.

Но он успел ухватить другую, какую-то неуместную, мимолетную мысль.

Мысль о Дне всех святых.

Блэйн взялся за нее покрепче, стараясь отделить бесконечную ленту воспоминаний от дорожки с инопланетным кошмаром.

День всех святых — мягкий октябрьский вечер; по улицам, освещенным уличными фонарями или необычно огромной полной луной, будто специально подплывшей к Земле поближе, чтобы ничего не пропустить, стелется дым сжигаемых листьев.

Раздаются высокие, звонкие детские голоса и топот бегущих ног — будто веселые гоблины, пища и повизгивая от удовольствия, водят шумные хороводы. Огни над дверьми гостеприимно приглашают ряженых, и то заходят, то выходят закутанные в накидки фигуры, таща с собой все распухающие мешки с подношениями.

Все вспомнилось Блэйну до мельчайших деталей, будто это было только вчера, когда он, счастливый мальчишка, с криками носился по городу. И как же давно это было на самом деле, подумал он.

Это было еще до того, как страх загустел и разросся, когда к магии относились еще с улыбкой и находили ее забавной и когда еще умели веселиться в День всех святых. А родители не боялись вечером выпускать детей из дома.

Сегодня такое даже трудно себе представить. Теперь в День всех святых на двери ставят двойные запоры, закупоривают дымоход, а на окна вывешивают самые надежные заклинания против злых духов.

Жаль, подумал Блэйн. Сколько было радости! Однажды, в канун Дня всех святых, они с Чарли Джоунсом приделали постукалочку к окну старика Чендлера. Притворяясь донельзя разгневанным, старик выбежал с воплями на крыльцо и сделал вид, что заряжает свой дробовик. Они с такой скоростью помчались прочь, что свалились в канаву за домом Льюиса.

А еще был случай — такой случай... Больше ни о чем Блэйн подумать не успел...

Глава 28

Блэйн проснулся от холода и судорог в затекших мышцах и растерялся, не понимая, где он. Глядел на переплетенные над собой ветви, которые никак не мог вспомнить. И лишь постепенно начал осознавать, кто он и где находится.

И почему.

И то, что скоро День всех святых.

Он резко выпрямился и ударился головой о ветки.

С Днем всех святых была связана не просто случайная мысль.

С Днем всех святых был связан целый заговор!

Он застыл, обуреваемый негодованием и ужасом.

Как просто и в то же время дьявольски хитро — именно такой гамбит и должен был разыграть человек, подобный Ламберту Финну.

Нет, этого допустить нельзя. В противном случае произойдет очередная вспышка гнева против паранормальных, а когда схлынет первая волна террора и реакции, будут приняты новые ограничительные законы. Хотя законы, не исключено, уже и не понадобятся: погром может принять такой размах, что будут уничтожены тысячи паракинетиков. Операция «День всех святых» вызовет невиданную до сих пор бурю ярости против них.

Есть только одна надежда, решил Блэйн. Надо попасть в Гамильтон — ближайшее место, где можно рассчитывать на помощь. Там ему не могут не помочь, ведь в Гамильтоне живут только паракинетики и никто из них не может быть уверен в завтрашнем дне. Если случится то, чего он боится, Гамильтон будет уничтожен в первую очередь.

И если он не запутался в днях, то День всех святых — послезавтра. Хотя нет, «завтра» уже наступило. Значит, у него меньше двух дней, чтобы предотвратить несчастье.

Он выбрался из кустов и увидел, что солнце только-только показалось над холмами, просвечивая звонкий утренний воздух. Откос под ним, покрытый жухлой травой, плавно спускался к бурому речному потоку. Он поежился от холода и похлопал руками, чтобы согреться.

Он вышел на уходящую в реку песчаную косу. Коричневая от песка и глины стремнина с яростным бурлением перекатывалась через отмель. На краю косы Блэйн присел на корточки, зачерпнул в ладони воды и поднес к губам. Вода отдавала илом, глиной, гниющими водорослями. Когда он закрыл рот, на зубах у него захрустел песок.

Но все же это была вода. Он снова зачерпнул, но, как крепко он ни прижимал края ладоней, вода убегала между пальцев, едва оставляя ему маленький глоток.

Вокруг было покойно и мирно, и Блэйн подумал, что таким, наверное, был первый день после сотворения мира, когда Земля не была еще заражена алчностью, завистью и всем тем, что на протяжении стольких лет отравляет жизнь человечества.

Неожиданно тишину разорвал всплеск. Блэйн вскочил на ноги. Ни на берегу, ни в реке, ни на ивняковом островке за косой никого не было видно. Какой-нибудь зверек, решил Блэйн. Норка, или ондатра, или выдра, или бобр, а может, рыба.

Всплеск повторился, и из-за острова показалась лодка. На корме сидел закутанный в плащ человек, работая веслом так неуклюже, что на него было неловко смотреть. Нос лодки высоко торчал из воды, перевешенный тяжестью гребца и подвесного мотора на корме.

Когда лодка с трудом приблизилась к косе, Блэйн вдруг обнаружил, что фигура человека кажется ему удивительно знакомой. Где-то, когда-то их пути так или иначе пересекались.

Он прошел дальше на отмель, поймал лодку за борт и вытащил ее на песок.

— Благослови тебя Господь,— изрек сидящий в лодке.— Какое сегодня чудесное утро.

— Отец Фланаган! — воскликнул Блэйн.

Старый священник улыбнулся очень доброй, даже светлой, улыбкой.

— Вы далеко забрались от дома,— заметил Блэйн.

— Я иду туда, куда ведет меня Бог.— Отец Фланаган похлопал ладонью по сиденью перед собой: — Хочешь, посиди со мной немного. Да простит меня Господь, но я жутко устал.

Блэйн вытащил лодку еще дальше на берег, сел в нее и протянул священнику руку. Отец Фланаган взял ее в свои скрюченные артритом ладони и осторожно пожал ее.

— Рад видеть вас, святой отец.

— А я,— ответил священник,— повергнут в смущение. И, должен признать, искал тебя.

— Странно,— удивился Блэйн, отчасти озадаченный, отчасти напуганный этим признанием.— Такой человек, как вы, наверняка имеет более важные дела.

Священник выпустил его руку, не забыв успокаивающе погладить ее.

— Это не так, сын мой,— сказал он.— Для меня нет более важного дела, чем идти следом за тобой.

— Простите, святой отец, но я не понимаю.

Отец Фланаган наклонился вперед, уперевшись искалеченными руками в колени.

— Ты обязательно должен понять. Слушай меня внимательно. И не впадай в гнев. И не торопи меня.

— Конечно,— согласился Блэйн.

— Ты, наверное, слышал, что говорят о Святой Церкви. Что она косная и негибкая, что она придерживается старых правил и древнего образа мыслей, что она если и меняется, то очень медленно. Что она сурова и догматична...

— Да, я слышал все это.

— Дело в том, что это не так. Церковь не отстает от времени, она меняется. Ибо в противном случае она не смогла бы существовать во всем своем блеске и величии. Ей не страшны ветры и сквозняки людской молвы, она не боится потрясений меняющихся нравов. Она приспосабливается, хотя и не слишком быстро. И эта медлительность вызвана тем, что Церковь не должна ошибаться.

— Не хотите же вы сказать...

— Именно хочу. Если помнишь, я тебя спрашивал, оборотень ли ты, а тебе это показалось ужасно забавным.

— Но это действительно забавно.

— То был ключевой вопрос,— сказал священник,— упрощенный до предела, с тем чтобы на него можно было ответить простым «да» или «нет».

— Тогда я отвечу еще раз. Я не оборотень.

Старик вздохнул.

— Ты хочешь,— с обидой произнес он,— затруднить мне мой рассказ.

— Продолжайте,— сказал Блэйн.— Я постараюсь сдерживаться.

— Церковь должна знать, что такое паракинетика: естественная человеческая способность или колдовство? Когда-нибудь, может через много лет, ей придется принимать решение. Ей, как и по всем проблемам человеческой этики, придется определить свою позицию. И я не раскрою секрета, если скажу, что учрежден специальный комитет теологов, изучающих этот вопрос.

— И вы? — спросил Блэйн.

— Я лишь один из многих, которым поручено расследование. Мы только собираем факты, которые в должный момент будут представлены на рассмотрение теологам.

— И я — один из собранных вами фактов?

Отец Фланаган утвердительно наклонил голову.

— Мне только одно неясно,— произнес Блэйн.— Почему у вашей веры вообще возникают сомнения? У вас же есть доказательства «святых чудес». Ответьте мне, что такое любое ваше «чудо», как не проявление паракинетики?

— Ты так считаешь?

— Да, я в этом не сомневаюсь.

— Мне трудно согласиться с тобой. Это слишком похоже на ересь. Но я хотел спросить тебя вот о чем: в тебе есть что-то необычное, чего я не видел в других?

— Я — наполовину нечеловек,— с горечью ответил Блэйн.— Вряд ли кто еще может сказать о себе то же самое. Сейчас вы беседуете не только со мной, но и с созданием, даже отдаленно не похожим на человека,— существом, которое сидит на планете за пять тысяч световых лет отсюда. И оно живет там уже миллион лет, а может, больше. И проживет еще не один миллион лет. Оно отправляет свой разум путешествовать по другим мирам, но, несмотря на все путешествия, ему очень одиноко. Тайны времени для него не существует. И не знаю, есть ли для него вообще тайны. И все, что знает оно, знаю я. Мне надо только, если у меня будет время, все разобрать, пронумеровать и разложить по полочкам. У себя в мозгу.

Священник медленно втянул воздух:

— Нечто подобное я и предполагал.

— Так что можете приступать к работе,— сказал Блэйн.— Где у вас святая вода? Окропите меня, и я исчезну в облаке дыма.

— Ты неверно думаешь обо мне,— ответил отец Фланаган.— И о моей цели. И о моем отношении. Если не от дьявола сила, пославшая тебя к звездам, то не более чем несчастный случай то, что с тобой там стряслось.

Его скрюченная рука вдруг вцепилась в Блэйна с силой, которую в ней нельзя было предположить.

— Тебе даны великая сила,— сказал он,— и великое знание. Ты обязан применить их во славу Бога и на пользу человечеству. Нечасто бремя столь огромной ответственности ложится на человека. Не утрать дарованное тебе. И не используй его во зло. Но и не дай ему пролежать бесплодно. То, что ты

получил, пришло к тебе в силу Божественного умысла, который мы не можем ни понять, ни оценить. Я уверен, что это не простая случайность.

— Перст Божий,— вырвалось насмешливо у Блэйна.

— Да, перст Божий обратился на тебя.

— Я не просил его. И если б меня спросили заранее, я бы отказался.

— Расскажи мне,— попросил священник.— С самого начала. Прошу тебя.

— Хорошо. Если и вы мне расскажете кое-что.

— Что ты хочешь знать? — спросил отец Фланаган.

— Вы сказали, что шли за мной следом. Откуда вам было известно, где проходит мой след?

— Как же так, сын мой? — изумился отец Фланаган.— Я думал, ты давно понял. Видишь ли, я один из вас. У меня отличное паракинетическое чутье.

Глава 29

За рекой показался еще спящий Гамильтон. Несмотря на свой небольшой возраст, город в дымке легкого, мягкого тумана был похож на все соседние старые речные города. Над ним возвышались рыжевато-коричневые холмы, а под холмами, простираясь до самого города, тянулись шахматные клетки полей. Из дымоходов поднимался ленивый утренний дымок, и за каждой оградой обязательно рос розовый куст.

— Все выглядит очень мирно,— сказал отец Фланаган.— Ты уверен в том, что делаешь?

Блэйн кивнул:

— А вы, святой отец? Куда пойдете вы?

— Чуть дальше вниз по реке есть аббатство. Меня там примут.

— Я вас еще увижу?

— Может быть. Я должен вернуться в мой пограничный городок. На мой одинокий пост на границе с «Фишхуком».

— Поджидать других беглецов.

Священник кивнул, включил мотор и направил лодку к берегу. Когда днище зашуршало по песку и гальке, Блэйн выпрыгнул.

Отец Фланаган, повернув голову в сторону запада, принюхался.

— Меняется погода,— сообщил он,— я перемены чую, как овчарка.

По щиколотку в воде Блэйн приблизился к нему и протянул руку.

— Спасибо, что подбросили меня,— поблагодарил он.— Пешком мне бы еще идти и идти.

— Всего доброго, сын мой. Господь с тобой.

Блэйн столкнул лодку с мели. Священник завел мотор, круто развернулся и помчался вниз по течению, махнув Блэйну рукой. Блэйн помахал в ответ.

Затем Блэйн вышел на берег и направился в сторону городка.

Вскоре он шагал по улице, чувствуя, что пришел домой.

Не к себе домой, не домой к друзьям и даже не в дом, о котором он всю жизнь мечтал, а просто в дом, подходящий для всех живущих на земле. Тут было мирно и надежно, от городка веяло спокойствием и каким-то душевным уютом. В таком месте можно поселиться и жить, просто отсчитывая дни, принимая каждый новый день во всей его полноте и не думая о том, что будет завтра.

На улице, тянущейся меж аккуратных чистеньких домиков, никого не было, но Блэйн чувствовал, что на него устремлены взгляды из каждого окна и что в этих взглядах не настороженность или опаска, а обыкновенное любопытство.

Из одного из дворов выбежала собака — грустная, симпатичная гончая — и побежала рядом с ним, как старый добрый товарищ.

Блэйн вышел на перекресток и слева увидел группу небольших торговых зданий. У порога одного из них сидели несколько человек.

Он и гончая свернули в их сторону. Когда они приблизились, сидящие молча подняли на него глаза.

— Доброе утро, господа,— поздоровался он.— Не подскажете ли, где я могу найти человека по имени Эндрюс?

— Я Эндрюс,— ответил один из них после секундного молчания.

— Я хотел бы побеседовать с вами.

— Садись и разговаривай со всеми,— сказал Эндрюс.

— Меня зовут Шепард Блэйн.

— Кто ты, мы знаем,— остановил его Эндрюс.— Нам стало это известно, как только лодка причалила к берегу.

— Ну да, конечно,— согласился Блэйн,— я мог догадаться.

— Вон того зовут Томас Джексон, рядом с ним сидит Джонсон Картер, а вон тот — Эрни Эллис.

— Рад со всеми вами познакомиться,— сказал Блэйн.

— Присаживайся,— пригласил Томас Джексон.— Ты ведь пришел, чтобы нам что-то сказать.

— Наверное, мне следует начать с того, что я убежал с «Фишхука».

— Мы немного знаем о тебе,— произнес Эндрюс.— Моя дочь познакомилась с тобой несколько дней назад. Ты был с человеком по имени Райли. А прошлой ночью сюда принесли тело твоего друга...

— Его похоронили на холме,— сказал Джексон.— С похоронами пришлось поторопиться, но все же это были похороны. Видишь ли, мы его тоже немного знали.

— Спасибо вам,— поблагодарил Блэйн.

— А еще прошлой ночью,— продолжил Эндрюс,— что-то произошло в Бельмонте...

— Нам не нравится такой ход дел,— перебил Картер.— Нас слишком легко втянуть в любые беспорядки.

— Очень жаль, если это так,— ответил Блэйн.— Но, боюсь, я несу вам еще беспокойства. Вам знакомо имя Финн?

Все кивнули.

— Я говорил с ним вчера ночью. И узнал от него нечто, чего сам он, надо заметить, никогда в жизни мне бы не сообщил.

Все ждали, что он скажет дальше.

— Завтра ночью — канун Дня всех святых,— продолжил Блэйн.— Вот тогда-то все и должно начаться.

Он увидел, как люди напряглись, и быстро заговорил дальше:

— Не знаю, как ему это удалось, но тем или иным способом Финн создал среди паранормальных людей что-то вроде небольшого подполья. Те, конечно, не подозревают, кто за всем стоит. Для них это псевдопатриотическое движение, свое-

образный протест. Не слишком большого размаха, без особенных успехов. Но успехи Финну и не нужны. Все, что ему нужно,— это создать еще парочку прецедентов, продемонстрировать еще несколько «ужасных» примеров. Это его метод: с помощью примеров будить ярость у толпы. И это подполье, действуя через паранормальных подростков, готовит к этой ночи несколько паракинетических демонстраций. Удобный случай, сказали им, показать, что такое паракинетика. Удобный случай свести кое-какие счеты. Могу себе представить, сколько накопилось неоплаченных счетов.

Он сделал паузу и взглянул на окаменевшие от страха лица.

— Вы должны представлять, как подействует дюжина — всего дюжина — подобных демонстраций на воображение обывателей всего земного шара, если Финн преподнесет их должным образом.

— Их будет не дюжина,— тихо произнес Эндрюс.— По всему миру их могут быть сотни, а может, даже несколько тысяч. И на следующее утро нас сметут с лица земли.

— А как тебе это стало известно? — взволнованно наклонился к нему Картер.— Такое Финн мог рассказать только своему сообщнику.

— Я обменялся с ним разумом,— объяснил Блэйн.— Есть такой прием, я ему научился на другой планете. Я вложил в него матрицу моего разума, а взамен взял копию его. Вроде копировальной бумаги. Трудно себе представить, но это осуществимо.

— Вряд ли Финн тебе благодарен за это,— заметил Эндрюс.— Заполучить себе в мозг такой беспокойный разум, как твой!

— Да, Финн выглядел несколько огорченным,— согласился Блэйн.

— Подростки будут изображать из себя чертей,— произнес Картер.— Они будут распахивать двери. Переносить автомобили. Разломают какие-нибудь сараи. Ну и всякие потусторонние вопли, разумеется.

— На этом и строится расчет,— подтвердил Блэйн.— Вроде бы обычные, традиционные шалости на День всех святых. Но для пострадавших это будет не просто озорство. Они решат, что все силы ада вышли из тьмы и обрушились на мир. Повсюду им будут видеться призраки, черти и оборотни. И так

хорошего мало, а если учесть больное воображение напуганных обывателей... Наутро будут рассказывать о кишках, намотанных на забор, о перерезанных глотках, о похищенных девочках. И всякий раз это будет не там, где рассказывают, а где-то неподалеку. И люди будут верить. Верить в любую небылицу.

— Тем не менее,— заметил Джексон,— мы не можем слишком сурово осуждать наших детей, решившихся на это. Вы представить себе не можете, мистер, что им пришлось повидать. Их презирают и унижают. Едва вступив в жизнь, они уже знакомятся с сегрегацией и знают, что повсюду на них будут показывать пальцем...

— Я все понимаю,— прервал его Блэйн,— и тем не менее их необходимо остановить. Можно же им как-то помешать. Телепатически по телефону или еще как-нибудь... Вы же умеете.

— Телепатию по телефону открыли пару лет назад,— сказал Эндрюс.— Чрезвычайно просто и в то же время гениально.

— Так воспользуйтесь этим. Свяжитесь с кем только можно. Пусть они предупредят других. Пусть передают по цепочке...

Эндрюс покачал головой:

— Мы не сможем связаться со всеми.

— Но хоть попытайтесь! — закричал Блэйн.

— Естественно, попытаемся,— сказал Эндрюс.— Мы сделаем все от нас зависящее. Не сочти нас неблагодарными. Наоборот. Мы тебе очень признательны. Мы в неоплатном долгу перед тобой. Но...

— Что?

— Тебе нельзя здесь оставаться,— произнес Джексон.— За тобой гонится Финн. А может, и «Фишхук». Нетрудно догадаться, где ты станешь искать убежища.

— О господи! — воскликнул Блэйн.— Я пришел к вам...

— Нам очень жаль,— сказал Эндрюс.— Мы понимаем, что ты испытываешь сейчас. Мы могли бы попробовать тебя спрятать, но если тебя найдут...

— Что ж, хорошо. Вы дадите мне машину?

Эндрюс отрицательно покачал головой:

— Тоже рискованно. Финн будет контролировать дороги. А по номеру они смогут узнать, откуда машина.

— Тогда что же? В горы?

Эндрюс кивнул.

— Найдете мне еды?

Джексон поднялся на ноги:

— Пойду соберу чего-нибудь.

— Когда все успокоится, можешь приходить,— сказал Эндрюс.— Мы будем тебе рады.

— Спасибо и на этом,— ответил Блэйн.

Глава 30

Блэйн сидел под одиноким деревом на небольшом уступе одного из самых высоких холмов и смотрел на реку. По небу черным пунктиром чиркнула стайка спускающихся в долину уток.

А когда-то, подумал он, в это время года небо чернело от стай, улетающих с севера, от первых неистовых вестников зимних метелей. Теперь их осталось совсем мало — часть перебита охотниками, а многие погибли от голода, из-за того что места, где они обычно делали свои гнезда, пересохли и превратились в пустыню.

В свое время по этой земле ходили стада бизонов и в каждом ручье можно было поймать бобра. Сейчас же бобров почти нет, а бизоны исчезли вообще.

Вот так человек и истребляет жизнь, думал Блэйн, иногда делая это из ненависти и страха, иногда — просто ради забавы.

А если план Финна осуществится, все повторится, только истреблены будут не животные, а паранормальные люди. Конечно, в Гамильтоне приложат силы, чтобы сделать все от них зависящее, но много ли они успеют? У них есть тридцать шесть часов, чтобы передать предупреждение. Допустим, сократить число происшествий удастся, но предотвратить все случаи? Вряд ли.

«Впрочем, мне какое дело,— сказал себе Блэйн.— Что о них беспокоиться, когда они меня просто выгнали. Люди, которых я считал своим народом, город, где почувствовал себя дома,— они от меня отказались».

Он наклонился и подтянул лямки рюкзака, куда Джексон сложил еду и фляжку с водой.

Позади послышался шелест, и Блэйн, напружинившись, резко повернулся.

Над травой, приземляясь, зависла девушка, грациозная, как птица, и прекрасная, как утро.

Блэйн глядел на нее, захваченный ее красотой, потому что до этого он ее фактически не видел. Только однажды, в тусклом свете автомобильных фар, и еще раз, прошлой ночью, в полумраке гостиничного номера — не более минуты.

Вот ее ноги коснулись земли, и она подошла к нему.

— Я только что узнала,— произнесла она.— Мне так стыдно за них. Вы пришли к нам, чтобы помочь...

— Ничего,— сказал Блэйн.— Не стану спорить, это больно, но я могу их понять.

— Они всю жизнь старались, чтобы на нас не обращали внимания. Они мечтали жить по-человечески. Они не могут рисковать.

— Да, это так,— согласился Блэйн.— Но я видел и таких, кто не боится риска.

— Мы, молодежь, доставляем им столько беспокойства. Нам не следовало бы устраивать развлечения на День всех святых, но ничего нельзя поделать — мы и так почти не выходим из дома. А праздники бывают так редко.

— Я очень обязан тебе за ту ночь,— сказал Блэйн.— Если бы не ты, мы с Гарриет оказались бы в ловушке...

— Мы сделали все, что могли, для мистера Стоуна. Надо было торопиться, и мы не смогли соблюсти все формальности. Но на похороны пришли все. Он похоронен на вершине холма.

— Твой отец рассказал мне.

— Мы не могли сделать надпись или поставить плиту. Мы просто срезали дерн, а потом положили его на место. Догадаться невозможно. Но у всех нас место записано в памяти.

— В свое время мы со Стоуном были друзьями.

— Когда работали в «Фишхуке»?

Блэйн кивнул.

— Расскажите мне о «Фишхуке», мистер Блэйн.

— Меня зовут Шеп.

— Хорошо, Шеп. Расскажи.

— Это целый огромный город, огромный и высокий. *(Башни на холме, площади и тротуары, деревья и мощные здания, магазины, и лавки, и погребки, люди...)*

— Шеп, а почему нас туда не пускают?

— Не пускают?

— Некоторые из нас писали туда и в ответ получили бланки заявлений. Только бланки, и больше ничего. Мы их заполнили и отправили. На этом все кончилось.

— Тысячи людей хотят попасть в «Фишхук».

— Ну и что? Почему не пустить нас всех? Пусть «Фишхук» будет нашей страной. Где все униженные наконец найдут покой.

Блэйн не ответил. Он закрыл от нее свой мозг.

— Шеп! Шеп, что случилось? Я что-то сказала не то?

— Послушай, Анита. Вы не нужны «Фишхуку». «Фишхук» уже не тот, каким вы его считаете. Он изменился. Он превратился в корпорацию.

— Да, но мы же всегда...

— Знаю. Знаю. Знаю. Земля обетованная. Единственная надежда. Эльдорадо. Все совсем не так. «Фишхук» — это гигантская бухгалтерия. Там подсчитывают убытки и прибыли. О, он, несомненно, помогает человечеству: он дает ему прогресс. Теоретически и даже практически. «Фишхук» — самое грандиозное предприятие за всю историю. Но не надо искать там человечности. Или родственного чувства к остальным паранормальным. Если мы хотим обрести свою «землю обетованную», нам ее надо строить собственными руками. Нам надо драться и драться, чтобы останавливать финнов и срывать операции типа «Дня всех святых»...

— Собственно, я ведь для этого и пришла. Чтобы сказать, что ничего не получается.

— А телефон...

— Мы позвонили в два города — Детройт и Чикаго. Попробовали в Нью-Йорк, но нас не соединили. Можешь себе представить: не соединили с Нью-Йорком. Потом мы попытались связаться с Денвером, но нам сказали, что линия не работает. И мы испугались и прекратили попытки...

— Прекратили! Вы не можете прекращать!

— У нас есть несколько дальних телепатов, мы сейчас пытаемся наладить связь через них. Но у них пока не получается. В дальней телепатии нужда возникает редко, поэтому она не слишком отлажена.

Блэйн застыл, не веря собственным ушам.

Не могли дозвониться в Нью-Йорк! Нет связи с Денвером!

Неужели Финн держит все это в руках?

— Не держит в руках, — поправила его Анита, — *а только расставил своих людей в стратегических точках. Не исключено, что в его силах нарушить систему связи во всем мире. А поселения вроде нашего находятся под его постоянным наблюдением. В другие города мы звоним не чаще чем раз в месяц. А тут три звонка за пятнадцать минут. Финн почувствовал неладное и блокировал нас.*

Блэйн снял со спины рюкзак и опустил его на землю.

— Я возвращаюсь, — сказал он.

— Нет смысла. Все, что можно, мы уже делаем.

— Да, конечно. Возможно, ты права. Хотя есть один шанс, надо только успеть в Пьер.

— Пьер — это город, где жил Стоун?

— Да, но... Ты что, знала Стоуна?

— Только слышала о нем. Для паранормальных людей он был вроде Робин Гуда. Он боролся за них.

— Если я сумею связаться с его организацией, а мне кажется, это возможно...

— Та женщина тоже там живет?

— Гарриет? Только она может вывести меня на группу Стоуна. Но ее может там не оказаться. Я не знаю, где она.

— Если ты подождешь до вечера, мы сможем отвезти тебя по воздуху. Но днем это слишком опасно. Чересчур много глаз, даже в таком месте, как Гамильтон.

— Туда не больше тридцати миль. Дойду пешком.

— По реке было бы проще. Ты умеешь управлять каноэ?

— Когда-то умел. Надеюсь, еще не забыл.

— Так даже безопаснее, — сказала Анита. — Суда по реке сейчас почти не ходят. Выше по реке, недалеко от города, живет мой двоюродный брат. У него есть каноэ. Давай я тебе объясню.

Глава 31

Непогода пришла неожиданно. Ничто не предсказывало ее приближения, кроме постепенно сереющего неба. В полдень тучи лениво наползли на солнце, а к трем часам все небо от горизонта до горизонта было затянуто серыми барашками.

Блэйн изо всех сил налегал на весло, покрывая милю за милей. Много лет ему не приходилось грести, и много лет его тело не знало таких изнурительных нагрузок. Руки у него задеревенели и потеряли чувствительность, плечи ломило, а верх спины обхватило стальным обручем, который сжимался с каждым гребком. Ладони превратились в один сплошной волдырь.

Но он не снижал темп, зная, что дорога каждая минута. В Пьере ему еще предстояло найти группу паракинетиков, работавших со Стоуном, но, даже если он их найдет, те могут отказаться ему помочь. Они могут начать проверять его и его объяснения и вполне резонно станут подозревать в нем шпиона Финна. Если бы Гарриет была там, она смогла бы поручиться за него, хотя он и не знал, какое положение она занимает в организации и много ли весит ее слово. Да и там ли она?

Но это хоть и слабый, но единственный шанс. Последний, который нельзя упускать. Он должен приплыть в Пьер, он должен найти группу, он должен заставить их поверить себе.

А если он не сумеет, то это будет означать гибель Гамильтона и еще сотен таких гамильтонов по всему свету. И это будет означать гибель тех паранормальных, что живут не в гамильтонах, а обитают, боясь сделать лишний шаг, среди людей, считающих себя нормальными.

Обыкновенные люди считают их чокнутыми, колдунами, нечистой силой, и кто может на это возразить? У каждого народа для каждого поколения есть свои нормы, и эти нормы устанавливаются не законом и не по универсальному эталону. Они устанавливаются общественным мнением, которое, в свою очередь, складывается и из предубеждений, и из непонимания, и из извращенной логики, столь свойственных человеческому разуму.

«А сам ты кто? — спросил себя Блэйн.— Уж если называть кого-то чокнутым, то в первую очередь тебя самого. Потому что ты даже не человек».

Он вспомнил Гамильтон и Аниту Эндрюс, и его больно кольнуло в сердце: имел ли он право требовать, чтобы кто-либо, не важно, город или женщина, принял его как своего?

Он навалился на весло, стараясь оборвать невыносимые раздумья, прекратить в изнемогающем мозгу бешеную пляску вопросов.

Вместо легкого ветерка задул резкий северо-западный ветер, и на закручивающейся волнами поверхности реки стали появляться белые пенистые гребешки.

Небо, тяжелое и серое, навалилось на землю и темной крышей повисло над рекой. В прибрежном ивняке суетливо защебетали птицы, обеспокоенные ранним приходом сумерек.

Блэйн вспомнил старого священника, принюхивающегося к небу. Погода портится, предупредил он тогда. Нет, погода его не остановит, стиснул зубы Блэйн, яростно работая веслом. Его ничто не остановит. Никакая сила на земле.

Первые мокрые хлопья снега стегнули его по лицу, и всю реку ниже по течению накрыло приближающимся серым занавесом. Все скрылось из виду, и только снег шелестел, падая на воду, и ветер, словно огромный хищник, от которого ускользает добыча, зло скулил за спиной.

Берег был не более чем в сотне ярдов, и Блэйн решил, что продолжать путешествие придется пешком. Как бы он ни спешил, выгадывая время, плыть дальше было невозможно.

Он сделал резкий гребок, чтобы направить каноэ к берегу, и тут на него обрушился новый порыв ветра. Дальше вытянутой руки ничего нельзя было разглядеть. Вокруг метались лишь снежные хлопья, и река, объединившись с ветром, ритмично подбрасывала каноэ. И берег, и холмы над ним исчезли. Остались лишь вода, ветер и снег.

Каноэ резко дернуло и закружило, и Блэйн на мгновение потерял всякое чувство направления. Всего несколько секунд — и он безнадежно заблудился на реке, не имея ни малейшего представления, в какой стороне лежит берег. Все, что ему оставалось,— это стараться удерживать лодку от вращения.

Ветер стал еще резче и холоднее и ледяным ножом врезался в его вспотевшее тело. По лицу бежали струйки воды от запорошившего волосы и брови снега. Каноэ беспомощно приплясывало в волнах. Не зная, что делать дальше, подавленный этой пришедшей с реки атакой, Блэйн растерянно подгребал веслом.

Вдруг из серого тумана всего в нескольких метрах от него вынырнули заснеженные ивовые кусты; каноэ неслось прямо на них.

Блэйн только успел напрячься, ухватиться за борта и приготовиться к удару.

Каноэ со скрежетом, заглушаемым ветром, врезалось в кусты, приподнялось и опрокинулось.

Очутившись в воде, Блэйн ухватился за ветви, нащупал мягкое, скользкое дно и, отфыркиваясь, выпрямился. На каноэ рассчитывать больше не приходилось: подводная коряга разодрала полотно вдоль всего борта, и теперь лодка медленно погружалась.

Спотыкаясь и падая, Блэйн выбрался сквозь заросли ивняка на твердую землю и только тут понял, что в воде было теплее. Пронизывая мокрую одежду, ветер впился в него миллионом ледяных игл.

Весь дрожа, Блэйн уставился на сотрясаемые штормом кусты. Надо найти закрытое место. И там разжечь огонь. Иначе ночь не продержаться. Он поднес руку к самым глазам: часы показывали только четыре.

Светло будет еще не больше часа, прикинул он, и за это время надо успеть найти, где укрыться от бури и холода.

Он было двинулся вдоль берега и вдруг замер — он не сможет разжечь огонь. У него нет спичек. А может, есть? Все равно они мокрые. Впрочем, их можно бы высушить. Он лихорадочно обшарил промокшие карманы. Но спичек не нашел.

Блэйн зашагал дальше. Если он найдет хорошее укрытие, сумеет выжить и без костра. Какую-нибудь яму под корнями упавшего дерева или дупло, куда сможет втиснуться,— любое закрытое от ветра место, где тепло его тела хотя бы частично просушит одежду и не даст замерзнуть самому.

Деревьев не было. Одни только бесконечные ивы, хлопающие, как бичи, в порывах ветра.

Он пошел дальше, скользя и спотыкаясь на обломках и топляках, выброшенных на берег в половодье. От частых падений его костюм покрылся грязью и замерз, превратившись в ледяной панцирь, и все же он шел. Останавливаться было нельзя; ему необходимо было укрытие; если он перестанет двигаться, не сможет двигаться, то погибнет.

Он снова споткнулся, упал на колени. Там, у самого берега, в воде, зажатое ивовыми ветвями, плавало полузатопленное каноэ, тяжело покачиваясь в волнах наката.

Каноэ!

Он провел по лицу грязной ладонью, чтобы взглянуть получше.

Это было то же самое каноэ, другого и быть не могло!

Именно от этого каноэ он отправился вдоль берега.

И снова к нему вернулся!

Он напряг уставший разум в поисках ответа — ответ мог быть только один, один-единственный.

Он в западне — на крохотном речном островке.

И вокруг ничего, кроме ивняка. Ни одного нормального дерева — вывернутого, с дуплом или еще какого-либо. У него нет спичек, а если б они и были, то костер все равно не из чего было бы сделать.

Штанины стали «фанерными» и похрустывали всякий раз, как он сгибал колени. Казалось, что с каждой минутой становилось все холоднее — хотя он слишком замерз, чтобы судить о температуре.

Он медленно поднялся на ноги, выпрямился и пошел прямо на обжигающий ветер. По кустам шелестел падающий снег, разгневанно гудела исхлестанная бурей река, и наступающая темнота несла ответ пока еще не заданному вопросу.

Ночь на острове он не выдержит, а покинуть его нет возможности. Он понимал, что до берега не может быть более полусотни метров, но что толку? Десять против одного, что на берегу будет не легче, чем здесь.

«Я должен найти выход,— приказал себе Блэйн.— Я не умру на этом затхлом клочке недвижимого имущества, на этом идиотском островке. И не потому, что моя жизнь представляет великую ценность. Я единственный, кто может получить в Пьере помощь.

Какое издевательство! Ведь я никогда не попаду в Пьер. Я не выберусь с этого острова. Я так и останусь на этом месте, и, скорее всего, меня даже не найдут.

А когда начнется весеннее половодье, течение потащит меня вместе с прочим смытым с берегов мусором».

Он повернулся и отошел подальше от края воды. Нашел место, где ивы хоть немного защищали от ветра, и осторож-

но сел, вытянув ноги. Механическим жестом поднял воротник. Потом плотно сложил на груди руки, спрятал полузамерзшие пальцы в едва различимое тепло подмышек и уставился взглядом в призрачные сгущающиеся сумерки.

Но так нельзя, сказал он себе. В такой ситуации обязательно надо двигаться. Чтобы кровь не застыла в жилах. Надо отгонять сон. Махать руками. Топать ногами. Надо цепляться за жизнь.

Впрочем, зачем, подумал он. Можно пережить все унижения борьбы за жизнь и все же погибнуть в конце концов.

Нет, должен быть лучший путь.

Если у меня в голове мозги, а не солома, я обязан придумать что-то получше.

Главное, решил он, суметь отрешиться от ситуации, чтобы беспристрастно обдумать проблему: как перенести себя, свое тело, с этого острова, и не только с острова, но и в безопасное место.

Но разве есть для меня безопасное место?

И вдруг он понял, что есть.

Есть такое место. Он может вернуться в голубую комнату, где живет Розовый.

Но нет! Это то же самое, что остаться на острове, потому что к Розовому может полететь лишь его разум, а не тело. А когда он вернется, тело, скорее всего, будет уже непригодно к употреблению.

Вот если бы он мог взять с собой тело, то все было бы в порядке.

Но тело взять нельзя.

Он все же решил проверить это, но никак не находил нужных данных о той далекой планете. Когда же наконец нашел то, что искал, и заглянул в сведения, то ужаснулся.

Если бы он оказался там во плоти, он не прожил бы и минуты! Планета была абсолютно непригодна для человека.

Но должны же быть другие места. Конечно же, есть другие планеты, куда он мог бы отправиться и во плоти, если бы смог.

Он сидел, сгорбившись от холода и уже не ощущая ни стужи, ни сырости.

Он попробовал позвать Розового, но тот не откликался. Он звал его снова и снова, но безуспешно. Он пытался найти

его в себе, нащупать, поймать, но не нашел и следа его. И тогда до него дошло — будто чей-то голос сказал ему,— что искать бесполезно. Он никогда не найдет его, потому что существо превратилось в часть его самого. Они слились воедино, и больше не существовало ни Розового, ни человека, а был странный сплав их обоих.

Отныне ему самому предстоит делать все, что потребуется, используя навыки того, кем он стал.

В нем были все исходные данные, в нем было знание, в нем были способы и методы, и еще в нем было грязноватое пятно — Ламберт Финн.

Он углубился в свой разум, заглядывая во все укромные уголки, просматривая каждую полочку, не пропуская ни одного ящика, или пакета, или коробки, где были распиханы невероятные по объему и все еще не разобранные сведения — миллиарды обрывков информации, бестолково собранные безалаберным существом.

Он находил то, что озадачивало, и то, что вызывало в нем отвращение, и то, что восхищало, но ничто не могло быть применено в данном случае.

И все время под ногами у него назойливо путался разум Ламберта Финна, который еще не успел слиться и, возможно, никогда не сольется с его разумом, а будет постоянно бегать из угла в угол, мешая и отвлекая.

Блэйн оттолкнул его в сторону, сбросил с дороги, засунул под ковер и продолжил поиски, но грязные мысли, и планы, и представления Финна, порожденные средоточием ужаса, по-прежнему выскакивали на поверхность его сознания.

В сотый раз отбросив этот мусор прочь, он уловил что-то похожее на то, что ищет, и бросился за этим в погоню, продираясь через всю мерзость, гнездящуюся в разуме Финна. Потому что он нашел, что было нужно, но не на свалке знаний, унаследованных от Розового, а в мусорной куче, доставшейся от Финна.

Это было неземное, извращенное, гнусное знание, и Блэйн понял, что Финн получил его на той самой планете, откуда вернулся умалишенным. Мысленно держа это знание в руках, Блэйн рассмотрел совсем простое устройство, усвоил логику понятий, разобрался, как им пользоваться, и отчасти понял

чувство вины и страха, толкнувшие Финна на путь ненависти и преступлений.

Это знание раскрывало дорогу к звездам, физически открывало ее для всех жизненных форм во всей Вселенной. Но неустойчивая психика Финна сделала единственный вывод: Земля тоже досягаема. И прежде всего для планеты, которая владеет этим знанием. Он не подумал обо всех открывающихся возможностях, не понял, какую пользу это знание может принести человеческой расе, для него оно было лишь мостом между планетой, которую он открыл, и планетой, которую он считал родной. Он начал беспощадную борьбу за то, чтобы родная планета вернулась к доброму старому прошлому, чтобы она порвала всякую связь с космосом; он поставил себе цель обескровить и задушить «Фишхук», а для этого уничтожить всех паранормальных людей, тем самым лишая «Фишхук» будущего пополнения.

По логике Финна, Вселенная не обратит внимания на Землю, если Земля останется маленькой тихой планеткой и не станет привлекать к себе внимания, и тогда за человечество можно не опасаться.

Но как бы то ни было, в его разуме лежали сведения о том, как путешествовать по космосу во плоти, и эти сведения могли сейчас спасти Блэйну жизнь.

Блэйн снова заглянул в свой разум, и там на полочках, где стояли уже извлеченные из хаоса информации знания, нашел каталог тысяч планет, на которых побывал Розовый. Они были сотен различных типов и все — одинаково гибельны для незащищенного человеческого организма. Страх снова стал возвращаться к Блэйну: неужели теперь, зная, как перемещать не только разум, но и тело, он не найдет подходящей планеты?

Яростный вой ветра, прорываясь сквозь барьер его сконцентрированного на поиске сознания, сбивал с мысли и напоминал о холоде. Блэйн попробовал согнуть ногу, но едва сумел пошевелить ею. Буря злорадно хохотала над ним, кружась над рекой и барабаня сухими зернами снега по ивняку.

Он отрешился от ветра, и снега, и холода, и воя, и стука — и вдруг нашел, что искал.

Он дважды перепроверил данные и остался удовлетворенным. Он мысленно нарисовал сетку координат и располо-

жил там найденную планету. Затем медленно, этап за этапом, выполнил прием дальнего скачка. И стало тепло.

Он лежал лицом вниз, а под ним была трава, и пахло травой и землей. Исчезли завывания бури и всхлипы снегопада.

Он перевернулся на спину и сел.

И от того, что он увидел, у него перехватило дух.

Потому что если и существовало во Вселенной райское место, то это было оно!

Глава 32

Солнце уже перевалило через полуденную отметку и скатывалось на запад, когда Блэйн, хлюпая по раскисшей после первой осенней бури земле, спустился в городок Гамильтон.

Вот он снова здесь, подумал Блэйн, и опять почти поздно — надо было прийти раньше, потому что, как только солнце скроется за горизонтом, наступит канун Дня всех святых.

Интересно, сколько паранормальных городов успели предупредить гамильтонцы, спросил себя Блэйн. Не исключено, что они успели куда больше, чем он даже мог предположить. Возможно, им повезло, возможно, и нет.

На ум ему вдруг пришел старик священник: «Перст Божий обратился на тебя...»

Когда-нибудь мир оглянется назад и ему станет стыдно за сегодняшнее сумасшествие — за слепоту, глупость, нетерпимость. Когда-нибудь мир станет честным и мудрым. Когда-нибудь паранормальных людей перестанут считать исчадием ада. Когда-нибудь исчезнет барьер, отделяющий их от «нормальных» людей,— если таковые к тому времени еще останутся. Когда-нибудь станет ненужным «Фишхук». Может быть, даже Земля когда-нибудь станет ненужной.

Потому что он нашел выход. Он не дошел до Пьера, но нашел решение. Он был вынужден найти решение.

И его решение было лучше, чем решение Стоуна. Его метод путешествия превосходил что-либо известное в «Фишхуке». Этот метод полностью исключал любые механизмы. Он превращал человека в полного хозяина своего разума и своего тела и открывал перед ним всю Вселенную.

По небу все еще плыли обрывки облаков — арьергард пронесшейся над долиной бури. По обочинам стояли натаявшие из снега лужи, а ветер, несмотря на яркое солнце, еще не утратил своей порывистой остроты.

Блэйн поднялся по улице, ведущей в центр города; в нескольких кварталах, на площади перед магазинами, он увидел ожидающих его жителей — не группу людей, как в прошлый раз, а целую толпу народа. Наверное, большая часть Гамильтона, прикинул Блэйн.

Он пересек площадь и всмотрелся в молчащую толпу, стараясь найти Аниту, но ее там не было.

На ступеньках сидели четверо мужчин — все та же четверка. Блэйн остановился перед ними.

— Мы слышали, ты решил вернуться,— произнес Эндрюс.

— Я не добрался до Пьера,— сказал Блэйн.— Я хотел просить там помощи. Но на реке меня застигла буря.

— Они перекрыли телефонную связь,— сказал Джексон,— и мы использовали дальнюю телепатию. Нам удалось связаться с некоторыми группами, а те передадут дальше. Не знаю, далеко ли.

— Да и за четкость трудно ручаться,— добавил Эндрюс.

— Ваши телепаты все еще поддерживают связь? — спросил Блэйн.

Эндрюс кивнул.

Снова заговорил Джексон:

— Людей Финна так и не было. И это настораживает. У Финна что-то случилось...

— Они должны были прийти искать тебя и перевернуть здесь все вверх дном,— подтвердил Эндрюс.

— А может, они не хотят меня искать?

— А может,— холодно заметил Джексон,— ты не тот, за кого себя выдаешь?

Блэйн не выдержал.

— Да пропадите вы пропадом! — выкрикнул он.— А я-то чуть не подох ради вас. Все. Сами себя спасайте.

Он круто повернулся и пошел прочь, задыхаясь от гнева.

Нет, это не его война. Она чужая ему, как и эти люди. Но все же он считал ее своей войной. Он вступил в нее из-за Стоуна, из-за Рэнда и Гарриет, из-за гонявшегося за ним по

всей стране сыщика. И может быть, еще из-за чего-то неопределенного, неясного в нем самом — какого-то дурацкого идеализма, жажды справедливости, желания бросить вызов всем негодяям, мошенникам и реформистам.

Он пришел в этот город не с пустыми руками, он спешил вручить им удивительный дар. А его стали допрашивать, словно шпиона и самозванца.

Ну и черт с ними, сказал он себе. Он достаточно сделал. С него хватит.

Осталось единственное дело, которое ему предстоит закончить, а потом на все наплевать.

— Шеп!

Он продолжал идти.

— Шеп!

Блэйн остановился и посмотрел назад.

К нему шла Анита.

— Нет,— сказал он.

— Но они — это же еще не все,— произнесла она.— Нас здесь много, и мы готовы слушать тебя.

И она, конечно, была права.

Их было много.

Анита и все остальные. Женщины, и дети, и мужчины, не наделенные властью. Ибо власть делает людей подозрительными и мрачными. Власть и ответственность мешают людям быть самими собой и из личностей превращают их в коллективный орган.

И в этом паранормальный человек или сообщество паранормальных людей не отличаются от обыкновенного человека или сообщества обыкновенных людей. Собственно, паранормальность не меняет личности. Она только дает ей возможность стать полнее.

— У тебя ничего не получилось,— сказала Анита.— Трудно было рассчитывать на успех. Но ты старался, и этого достаточно.

Он сделал шаг в ее сторону.

— Ты не права. У меня все получилось.

Теперь они, вся толпа, медленно и безмолвно шли к нему.

А впереди всех шла Анита Эндрюс.

Она приблизилась к нему, остановилась и посмотрела ему в глаза.

— Где ты был? — тихо спросила она.— Мы искали тебя на реке и нашли каноэ.

Протянув руку, он поймал ее за локоть и крепко прижал к себе сбоку.

— Я расскажу тебе,— сказал он,— чуть позже. Чего хотят эти люди?

— Они напуганы. Они ухватятся за любую надежду.

В двух шагах от него толпа остановилась, и мужчина в переднем ряду спросил:

— Это ты человек из «Фишхука»?

Блэйн кивнул:

— Да. Раньше я служил в «Фишхуке», но не теперь.

— Как Финн?

— Как Финн,— согласился Блэйн.

— И как Стоун,— вмешалась Анита.— Стоун тоже был из «Фишхука».

— Вы боитесь,— сказал Блэйн.— Вы боитесь меня, и Финна, и всего света. Но я нашел место, где вы забудете, что такое страх. Я открыл для вас новый мир, и, если он вам нужен, берите его.

— А что это за мир? Чужая планета?

— Эта планета не хуже, чем лучшие уголки Земли. Я только что вернулся оттуда...

— Но ты же спустился с горы. Мы сами видели, как ты спускался...

— Да замолчите же вы, идиоты! — закричала Анита.— Дайте ему рассказать.

— Я нашел способ,— продолжал Блэйн,— или, скорее, украл способ путешествовать в космосе и разумом, и телом. Сегодня ночью я был на одной из планет. А утром прилетел обратно. Без всякой машины. Это нетрудно, стоит только понять.

— Но где гарантии...

— Их нет. Ваше дело — верить мне или нет.

— Но даже «Фишхук»...

— С этой ночи,— медленно произнес Блэйн,— «Фишхук» — это вчерашний день. «Фишхук» нам больше не нужен. Мы можем летать, куда нам вздумается. Без машин, только силой разума. А это и есть цель всех паракинетических исследований. Машина всегда была только костылем, на который опирался прихрамывающий разум. Теперь этот костыль можно отбросить.

Сквозь толпу протиснулась женщина с изможденным лицом.

— Давайте кончать болтовню,— сказала она.— Ты говоришь, что нашел планету?

— Нашел.

— И можешь взять нас туда?

— Мне незачем брать вас. Вы сами можете полететь.

— Ты один из нас, сынок. У тебя честные глаза. Ты же не станешь нам лгать?

— Я не стану вам лгать,— улыбнулся Блэйн.

— Тогда рассказывай, что надо делать.

— А что можно взять с собой? — выкрикнул кто-то.

— Немного,— покачал головой Блэйн.— Мать может взять на руки ребенка. Можно надеть на плечи рюкзак. Перебросить через спину узел. Захватите с собой вилы, топоры и еще какие-нибудь инструменты.

Из толпы вышел мужчина и произнес:

— Если уж лететь туда, то надо спешить. И нужно решать, что мы берем с собой. Нам понадобятся продукты, семена растений, одежда, инструменты...

— Вы в любой момент сможете вернуться,— сказал Блэйн.— В этом нет ничего сложного.

— Ладно,— остановила его женщина с измученным лицом.— Хватит терять время. Ближе к делу. Рассказывай, сынок.

— Погодите, еще момент. Есть среди вас дальние телепаты?

— Есть. Я, например, а вон Мертль, и Джим в том ряду, и...

— Вы должны все передавать. Всем, кому сможете. А те пусть передают другим и так далее. Пусть как можно больше людей узнают туда дорогу.

— Хорошо,— кивнула женщина,— можешь объяснять.

Шурша ногами по площади, люди плотным кольцом встали вокруг Блэйна и Аниты.

— Готовы? — спросил Блэйн.— Тогда смотрите.

И он почувствовал, как они смотрят, деликатно заглядывая в его разум и словно сливаясь с ним в одно целое.

И он тоже сливается с ними. Здесь, в этом кругу, десятки разумов объединились в один — один большой разум, полный теплоты, человечности и доброты. В нем был аромат весенней сирени, и запах речного тумана, нависшего ночью над землей, и осенние краски багряных холмов. В нем было потрескивание поленьев в очаге, рядом с которым дремлет старый пес, и пение ветра в карнизах. В нем было чувство дома и друзей, хорошего утра и добрых вечеров, соседа из дома напротив и перезвон колоколов маленькой церквушки.

Блэйн с сожалением отвернулся от этих ощущений, среди которых он мог жить бесконечно долго, и произнес:

— *А теперь запомните координаты планеты, куда вы отправитесь.*

Он передал им координаты, на всякий случай показав их им несколько раз.

— *А делается это вот так.*

И он извлек это омерзительное неземное знание и некоторое время держал перед ними, чтобы дать им привыкнуть, затем шаг за шагом объяснил им принцип и логику, хотя в этом практически не было нужды: раз увидев суть знания, они автоматически усвоили и принцип, и логику.

Чтобы быть уверенным до конца, он еще раз все им повторил.

И их разумы отшатнулись от него, и только Анита осталась рядом.

— *Что случилось?* — спросил он Аниту, увидев, с каким выражением глаз они отступились от него.

Анита повела плечами:

— *Это было ужасно.*

— *Естественно. Но я видел вещи и похуже.*

Ну конечно, в этом-то и дело. Он видел, а они — нет. Эти люди всю жизнь прожили на Земле и ничего, кроме Земли, не знали. Им никогда не приходилось сталкиваться с неземными понятиями. Знание, которое он им показал, собственно, не было мерзким. Оно было неземным. В чужих мирах много вещей, от которых волосы встают дыбом, но которые для своего мира вполне естественны и нормальны.

— *Они им воспользуются?* — спросил он.

И услышал голос изможденной женщины:

— *Я услыхала твой вопрос, сынок. То, что мы увидели, мерзко, но мы им воспользуемся. У нас нет выбора.*

— *Вы можете остаться здесь.*

— *Мы воспользуемся,* — повторила женщина.

— *И передадите информацию дальше?*

— *Сделаем все, что можем.*

Люди начали расходиться. Они выглядели смущенными и растерянными, словно кто-то рассказал непристойный анекдот на церковном собрании.

— *А ты что скажешь?* — спросил он Аниту.

Она медленно повернулась, чтобы встать с ним лицом к лицу:

— *Ты должен был сделать это, Шеп. Ты не мог поступить по-другому. Ты не знал, как они все воспримут.*

— *Да, я не знал. Я так долго общался с неземным. Я сам теперь отчасти неземной. Я не совсем человек...*

— *Тсс,* — остановила его Анита. — *Я знаю, кто ты.*

— *Ты уверена, Анита?*

— *Еще как уверена,* — ответила она.

Он привлек ее к себе и крепко обнял на минуту, затем отпустил и заглянул ей в лицо и за улыбкой в глазах увидел слезы.

— Я должен идти, — сказал он. — У меня осталось еще одно дело.

— Ламберт Финн?

Блэйн кивнул.

— Нет! — закричала она. — Ты не станешь!

— Не то, что ты подумала, — ответил Блэйн. — Хотя, бог свидетель, я бы сделал это с удовольствием. До этого момента я действительно хотел убить его.

— Но разве не опасно возвращаться туда?

— Не знаю. Посмотрим. Я попытаюсь выиграть время. Я единственный, кто может это. Финн меня боится.

— Возьмешь машину?

— Если можно.

— Мы начнем уходить, как только стемнеет. Успеешь вернуться?

— Не знаю, — ответил он.

— Ты ведь вернешься? Ты ведь поведешь нас?

— Я не могу обещать, Анита. Не заставляй меня обещать.

— Но если ты увидишь, что мы ушли, ты полетишь за нами?

Блэйн промолчал.

Он не знал, что ответить.

Глава 33

В фойе отеля было тихо и почти безлюдно. Один человек дремал в кресле. Другой читал газету. За окошечком клерк со скучающим видом глядел на улицу и рассеянно щелкал пальцами.

Блэйн пересек фойе и по короткому проходу направился к лестнице.

— Лифт, сэр? — услужливо предложил лифтер.

— Не стоит,— отказался Блэйн.— Мне всего один этаж.

Он обошел лифт и начал подниматься пешком, чувствуя, как на затылке дыбом встают волосы. Выйдет ли он отсюда живым, Блэйн не знал.

Но он вынужден был рискнуть.

Дорожка на каменных ступеньках заглушала его шаги, и он поднимался в полной тишине, в которой слышен был только нервный присвист его дыхания.

На втором этаже все было по-прежнему. Так же, прислонив кресло к стене, сидел охранник. Увидев Блэйна, он наклонился, не вставая с кресла и широко раскинув ноги, и стал ждать, когда он подойдет поближе.

— К нему сейчас нельзя,— сообщил он Блэйну.— Он только что всех выгнал. Сказал, постарается заснуть.

Блэйн сочувственно кивнул:

— Да, несладко ему приходится.

— Никогда не видел, чтобы люди так расстраивались,— доверительно шепнул телохранитель.— Кто его так, по-вашему?

— Опять это проклятое колдовство.

Охранник глубокомысленно кивнул:

— Правда, он и до того, как это случилось, был не в себе. Когда вы в тот раз пришли к нему, с ним было все нормально, а после вас его словно подменили.

— Я в нем перемен не заметил.

— Я же говорю, при вас он был еще в порядке. И вернулся нормально. А где-то через час я заглянул, вижу: он сидит в кресле и на дверь уставился. Странный такой взгляд. Как будто внутри что-то болит. Он даже меня не заметил, когда я вошел. И так и не замечал, пока я с ним не заговорил.

— Может, он думал?

— Наверное. Но вчера было ужасно. Собрался народ, все приготовились его слушать, репортеров полно, а когда пошли в гараж за звездной машиной...

— Меня там не было,— прервал Блэйн,— но я слышал. Для него это, должно быть, был удар.

— Я думал, он там на месте и кончится,— сказал охранник.— Он весь побагровел...

— А не заглянуть ли нам к нему? — предложил Блэйн.— Если он уже спит, я уйду. А если не спит, мне ему надо сказать пару слов. Крайне важных.

— Ну что ж, раз вы его друг... Давайте попробуем.

Вот как неожиданно оборачивается эта фантастическая игра, подумал Блэйн. Финн не осмелился сказать о нем ни слова. Он сделал вид, что Шеп его старый приятель, лишь бы самому отгородиться от подозрений. Поэтому его и не преследовали. Потому молодчики Финна и не перевернули вверх дном Гамильтон, разыскивая его.

Это хороший сюрприз — если не западня.

Он почувствовал, как невольно напрягаются мышцы, и заставил себя расслабиться.

Охранник уже стоял на ногах и перебирал ключи.

— Эй, погоди,— остановил его Блэйн.— Ты же меня не обыскал.

— Да ладно,— ухмыльнулся верзила.— Вы уже прошли проверку. Я видел, как вы выходили с Финном рука об руку. Он мне сказал, что вы его старый друг и не виделись много лет.

Он нашел нужный ключ и вставил его в замочную скважину.

— Я пойду вперед,— предупредил он,— и погляжу, не спит ли он.

Охранник осторожно открыл дверь и тихо шагнул через порог. Блэйн вошел за ним.

И вдруг натолкнулся на спину неожиданно остановившегося охранника. Изо рта у того раздавались странные, булькающие звуки.

Блэйн протянул руку и оттолкнул его в сторону.

Финн лежал на полу.

В его позе было что-то неестественное.

Тело Финна было невероятно изогнуто, словно его скрутили руки великана. На лице, прижатом к полу, было написано выражение человека, заглянувшего в ад и почувствовавшего запах поджариваемых на вечном огне грешников. Его черное одеяние отливало неприятным блеском в свете настольной лампы, которая стояла недалеко от тела. А около груди и головы по ковру расползлось темное пятно. На горло, перерезанное от уха до уха, было жутко смотреть.

Охранник по-прежнему стоял, застыв у дверей, только издаваемое им бульканье перешло в хрипы.

Блэйн подошел ближе к Финну и рядом с отброшенной рукой увидел инструмент смерти: старинную опасную бритву, которая могла бы вполне спокойно лежать где-нибудь на музейной полке.

Все, понял Блэйн, ушла последняя надежда. Договариваться больше не с кем. Ламберт Финн предпочел уйти от всех переговоров.

Он до последней минуты играл свою роль — роль жестокого, непреклонного аскета. И для собственного самоубийства выбрал самый тяжелый способ.

Но все-таки, с ужасом глядя на красную прорезь поперек горла, думал Блэйн, для чего он так старался, продолжая пилить себя бритвой, даже умирая?

На такое способен только человек, полный ненависти, больной ненавистью к себе — такому, каким он стал.

Блэйн повернулся и вышел из комнаты. В коридоре, в углу, стоял, перегнувшись пополам, охранник. Его рвало.

— Будь тут,— сказал Блэйн.— А я схожу за полицией.

Охранник вытер подбородок и широко раскрытыми глазами посмотрел на Блэйна.

— Господи,— выговорил он,— в жизни такого не видел...

— Сядь и успокойся,— велел Блэйн.— Я скоро вернусь.

Только не сюда, подумал он про себя. Довольно испытывать судьбу. Ему нужно несколько минут, чтобы скрыться,—

он их имеет. Охранник слишком потрясен, чтобы что-либо предпринимать какое-то время.

Но как только весть разойдется, начнется невообразимое.

Пощады парапсихам сегодня ночью не будет.

Он быстро пересек коридор и сбежал по ступеням. В фойе по-прежнему было пустынно, и он дошел до выхода незамеченным.

Но прежде чем он успел взяться за ручку двери, дверь распахнулась и кто-то быстро шагнул ему навстречу.

Звякнув, на пол упала дамская сумочка. Блэйн, расставив руки, перегородил женщине дорогу.

— *Гарриет! Быстрее уходи отсюда! Быстро!*

— *Моя сумочка!*

Блэйн нагнулся, взял сумочку, но тут у нее расстегнулся замок и что-то черное глухо стукнулось об пол. Блэйн быстро поднял тяжелый короткий предмет и спрятал его в ладони.

Гарриет уже повернулась и выходила. Блэйн поспешил за ней, взял за локоть и повел к своей машине.

Подойдя к машине, он открыл дверцу и втолкнул ее внутрь.

— *Но, Шеп... Моя машина за углом.*

— *Некогда. Надо быстрей убираться.*

Он обежал вокруг машины и сел за руль. Двигаясь куда медленнее, чем ему хотелось бы, Блэйн проехал квартал и свернул на перекрестке по направлению к шоссе.

Впереди стояло обгорелое здание фактории.

Сумочка все еще лежала у него на коленях.

— Зачем тебе пистолет? — спросил он, отдавая сумочку.

— Я хотела убить его! — выкрикнула она.— Пристрелить как собаку!

— Ты опоздала. Он мертв.

Она быстро повернулась к нему.

— Ты!

— Да, видимо, можно сказать, что я.

— Подожди, Шеп. Или ты убил его, или...

— Хорошо,— сказал он.— Я убил его.

И это было правдой. Чья бы рука ни убила Ламберта Финна, убийцей был он, Шепард Блэйн.

— У меня для этого был повод. А у тебя? — спросил он.

— Но он убил Годфри. Разве этого недостаточно?

— Ты любила Годфри?

— Я думаю, да. Ты знаешь, какой это был человек, Шеп.

— Знаю. В «Фишхуке» мы были с ним лучшими друзьями.

— Мне так больно, Шеп, так больно!

— Но в ту ночь...

— Тогда было не до слез. Вообще мне всегда было не до них.

— Ты все знала...

— Давно. Это моя работа — знать все.

Блэйн выехал на шоссе и двинулся в сторону Гамильтона. Солнце уже село. Сочились сумерки, и на востоке, над прерией, зажглась первая вечерняя звезда.

— И что теперь? — спросил Блэйн.

— Теперь у меня собран материал. Весь, какой смогла.

— Ты хочешь написать об этом. Думаешь, твоя газета напечатает?

— Не знаю,— ответила она.— Но написать я должна. Ты сам понимаешь, что я не могу не написать. Я возвращаюсь в Нью-Йорк...

— Нет. Ты возвращаешься в «Фишхук». И не машиной, а самолетом из ближайшего аэропорта.

— Но, Шеп...

— Здесь слишком опасно,— объяснил Блэйн.— Они будут срывать зло на всех, кто хоть немного паранормален. Даже на обычных телепатах вроде тебя.

— Я не могу, Шеп. Я...

— Послушай меня, Гарриет. Финн подготовил провокацию — выступление части паранормальных на День всех святых. Это дело рук его контрразведки. Остальные паракинетики, узнав об этом, попытались помешать этому. Некоторых им удалось остановить, но не всех. И неизвестно, что будет сегодня ночью. Если б он был жив, он использовал бы волнения, чтобы подтолкнуть репрессии, затянуть гайки законодательства. Конечно, были бы и убийства, но не они были главной целью Финна. Но теперь, со смертью Финна...

— Они же теперь нас уничтожат! — охнула Гарриет.

— По крайней мере, постараются. Но есть выход...

— И понимая все это, ты тем не менее убил Финна?

— Это не совсем убийство, Гарриет. Я пришел, чтобы договориться с ним. Я нашел способ увести паранормальных с Земли. Я собирался пообещать ему освободить всю Землю от паранормальных, если он еще неделю-другую продержит своих псов на цепи...

— Но ты сказал, что убил его.

— Наверное, будет лучше, если я тебе объясню все подробно. Чтобы, когда будешь писать, ты ничего не упустила.

Глава 34

В Гамильтоне было тихо. И пустынно — так пустынно, что пустота ощущалась физически.

Блэйн затормозил на площади и вышел из машины.

Не светило ни единого огонька, и мягкий шум реки монотонно отдавался у него в ушах.

— Они улетели,— сказал он.

Гарриет тоже вышла и подошла к нему.

— Все в порядке, дружище,— произнесла она,— забирайся на своего коня.

Он отрицательно покачал головой.

— Но ты должен. Ты обязан отправиться вслед за ними. Твое место — среди них.

— Не сейчас. Может, когда-нибудь, через несколько лет. А пока много дел на Земле. Есть еще много паранормальных, которые дрожат от страха и прячутся по своим норам. Я должен отыскать их. Я обязан спасти всех, кого смогу.

— Но тебя убьют раньше. Ты для них — главная мишень. Люди Финна не оставят тебя в покое...

— Если станет совсем туго, я полечу. Я не герой, Гарриет. Я в принципе трус.

Она уселась за руль и обернулась сказать ему «до свиданья».

— Погоди,— остановил ее Блэйн.— А что произошло тогда с тобой, когда я был в гараже?

Она засмеялась резковатым смехом:

— Когда появился Рэнд, я решила уехать. Чтобы вызвать подмогу.

— Но?

— Меня арестовала полиция. На следующее утро меня выпустили, и с тех пор я повсюду тебя разыскиваю.

— Храбрая девочка,— сказал Блэйн, и тут в воздухе раздался слабый пульсирующий звук, он доносился издалека.

Блэйн замер, прислушиваясь. Звук все усиливался, и Блэйн скоро узнал в нем шум приближающихся автомобилей.

— Быстро! — скомандовал он.— Свет не включай. Скатись под горку и выедешь на шоссе.

— А ты, Шеп?

— За меня не бойся. Поезжай.

Она включила зажигание.

— До встречи!

— Поезжай, Гарриет! И спасибо тебе. За все спасибо. Привет Шарлин!

— До свиданья, Шеп,— сказала она, и машина тронулась в сторону холмов.

Ничего, она доедет, сказал себе Блэйн. Тот, кто сумел перебраться через скалы вокруг «Фишхука», здесь затруднений не встретит.

Оставшись один на площади, он слушал приближающийся рев двигателей. Вдалеке уже засветились точки фар. С реки прилетел прохладный ветерок и забился ему в штанины и рукава.

И так повсюду, подумал он. Повсюду сегодня ночью гудят машины, ревет разъяренная толпа и бегут люди.

Он сунул руку в карман пиджака и ощутил тяжесть пистолета, выпавшего у Гарриет из сумочки. Он сжал рукоятку — понимая, что воевать с ними надо не оружием.

Против них нужна другая стратегия: изолировать их и дать им задохнуться от собственной посредственности. Пусть получают, что хотят,— планету, полную абсолютно нормальных людей. Пусть они разлагаются здесь, не зная космоса, не летая к другим мирам, вообще никуда не летая и ничего не делая. Как человек, всю жизнь просидевший в кресле-качалке на пороге своего дома в каком-нибудь старом, умирающем городке.

Без пополнения извне «Фишхук» разладится через какую-то сотню лет, а еще через сто рассыплется вообще. Наоборот, паралюди станут прилетать с других планет, чтобы забрать себе подобных из «Фишхука».

Впрочем, через сто лет это будет уже не важно, потому что человеческая раса к тому времени обоснуется на других планетах и станет строить такую жизнь и цивилизацию, которую ей помешали построить на Земле.

Но пора идти. Нужно покинуть город, пока не приехали машины.

«И снова я в одиночестве,— подумал Блэйн.— Но уже не так одинок — у меня есть цель. Цель,— с неожиданной гордостью повторил про себя Блэйн,— которую я сам создал».

Он расправил плечи, не обращая внимания на холодный ветер, и зашагал быстрее. У него еще есть дела. Много дел.

Слева от него, в тени деревьев, что-то шевельнулось, и Блэйн, уловив движение, резко повернулся.

— Это ты, Шеп? — раздался неуверенный голос.

— Анита! — воскликнул он.— Глупышка моя! Анита!

Она выбежала из темноты и бросилась к нему на грудь.

— Я не могла, не могла лететь без тебя. Я знала, что ты вернешься.

Он обнял ее изо всех сил и осыпал поцелуями, и не было силы в мире и во всей Вселенной, способной разъединить их. И не было ничего, только стремительный бег их крови, и сирень, и сверкающая звезда, и ветер с холмов, и они.

И еще — рев машин на шоссе.

Блэйн с трудом оторвал ее от себя.

— Бежим! — выкрикнул он.— Бежим, Анита!

— Как ветер! — отозвалась она.

И они побежали.

— Вверх, на гору,— сказала она.— Там машина. Я ее отогнала туда, как стемнело.

Поднявшись на холм до половины, они посмотрели назад.

Первые языки пламени лизнули густую черноту городка, и до них донеслись крики бессильной ярости. Глухо затрещали ружейные выстрелы.

— По теням стреляют,— сказала Анита.— Там никого не осталось, даже кошек и собак. Их взяли с собой дети.

Но в других городах, подумал Блэйн, остались не только тени. И там будут пожары, и дымящиеся стволы, и веревочные петли, и окровавленный нож. А может — и топот быстрых ног, и темный силуэт в небе, и жуткий вой в горах.

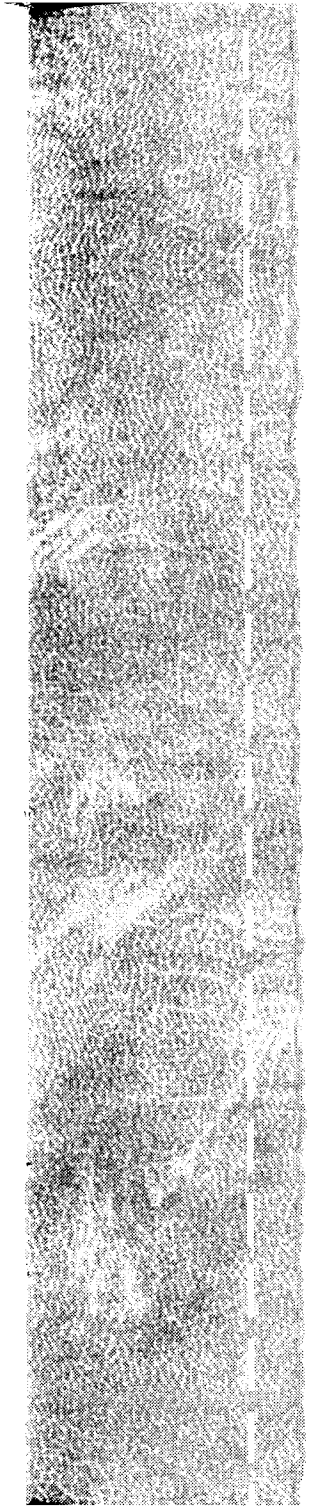
— Анита,— произнес он,— скажи, оборотни бывают?

— Да,— ответила она.— Оборотни сейчас там, внизу.

И она права, подумал Блэйн. Темнота разума, расплывчатость мыслей, мелкость целей — вот они, настоящие оборотни этого мира.

Они повернулись спиной к поселку и пошли дальше вверх.

Позади все жарче и яростнее разгоралось пламя ненависти. Но впереди, над вершиной холма, в блеске дальних звезд светилась надежда.

ГОРОД

Памяти Вихря (он же Нэтэниел)

Предисловие автора

«Город» был написан в результате крушения иллюзий. Возможно, людей, подобно мне утративших иллюзии, не так уж много, но они должны быть. Человечество прошло через войну, не только унесшую миллионы жизней и исковеркавшую миллионы других жизней, но и породившую новое оружие, способное уничтожить уже не армии, а целые народы.

Мало кто из нас ныне задумывается об угрозе ядерного оружия. Мы жили с ней так долго, что она стала одним из факторов нашего существования. Мы свыклись с ней и если подчас вспоминаем об этой угрозе, то лишь как об инструменте международной политики, а не как о реальной опасности. Даже в те дни, когда первые ядерные взрывы расцвели над Японией, основная масса людей не увидела в них ничего, кроме более мощных бомб. Но некоторые, в том числе писатели-фантасты, сразу поняли значение свершившегося. Я убежден, что эти писатели и их произведения, предрекающие миру гибель, служат орудием предостережения для общества — предостережения о том, чем чревато ядерное вооружение.

Меня лично потрясла не столько разрушительная сила нового оружия, сколько очевидный факт, что человек в своей безумной жажде власти не остановится ни перед чем. Похоже, нет предела жестокости, которую люди готовы обрушить на головы своих ближних. Какой бы страшной ни была Вторая мировая война, у меня все же теплилась робкая надежда, что люди сумеют как-то договориться друг с другом и сделать мирную жизнь возможной. Но теперь, осознав безмерность человеческой жестокости, я потерял и эту небольшую надежду.

Сейчас я уже не в силах восстановить в памяти строгую хронологическую последовательность написания рассказов, вошедших в сборник. Какие-то из них были созданы до начала

атомной эры, другие — на ее заре. Впрочем, хронология не имеет особого значения. Крушение иллюзий было вызвано войной; Хиросима и Нагасаки лишь довершили и углубили его.

«Город» не был задуман как протест (что толку от протестов?), это был поиск фантастического мира, способного противостоять миру реальному. Возможно, в глубине души мне хотелось создать такой мир, где я сам и другие разуверившиеся люди могли бы хоть ненадолго укрыться от жизни, в которой мы вынуждены жить. Кто-то назвал этот сборник «обвинительным актом человечеству»; такое определение не приходило мне в голову, когда я писал рассказы, но я с ним согласен — и считаю, что у меня были и есть причины предъявить человечеству обвинительный акт. А в то время я думал и не раз говорил друзьям, что населил свою Землю псами и роботами оттого, что потерял веру в человечество и в его способность жить в мире. Приговор, конечно, суровый, и, казалось бы, теперь, по прошествии стольких лет, я мог бы его смягчить, но, честно говоря, не вижу оснований. Наша собственная страна успела за это время ввязаться в две крупные войны, так что будущим историкам придется долго и упорно трудиться, если они захотят найти во второй половине нашего столетия более или менее устойчивый мирный период. Я, конечно, понимаю, что уже тридцать лет страны планеты стараются притерпеться друг к другу (хотя бы из боязни) и тем самым держат на поводке ядерные силы. Но это не такой уж многообещающий признак, как может показаться. Вот если ядерное оружие не будет спущено с поводка еще лет тридцать, тогда можно будет говорить о каких-то надеждах.

В сборнике «Город» я писал об увлечении людей механической цивилизацией. Другие писатели, да и сам я тоже, не оставляют этой темы и по сей день, только называют иначе — технологическим обществом. Нет ничего дурного в технике как таковой, дурно лишь наше бездумное увлечение ею. Мы обожествляем машины; в каком-то смысле мы продали им свои души. Уже в те годы, когда создавались рассказы «Города», я чувствовал, что существуют другие, высшие ценности помимо тех, что несет с собой технический прогресс. Я и поныне в этом уверен. Есть люди, которые ненавидят машины за то, что они поглощают невосполнимые земные ресурсы. Но, на мой взгляд, опасность гораздо шире. Меня больше всего

беспокоит то, что под влиянием техники наше общество и мировосприятие теряют человечность.

Действие в преданиях, составляющих сборник (в первых из них), разворачивается на фоне упадка и исчезновения городов. Я был убежден тогда и еще сильнее убежден теперь, что города — анахронизм, от которого нам пора избавляться. В последние годы кризис городов стал еще очевиднее. Типичный современный город — это блестящий центр, окруженный разрастающимися кольцами гетто. Когда-то давно, когда средства связи и транспорт были примитивны и медлительны, в существовании городов был свой смысл. Поначалу люди сбивались в них ради безопасности, позже — чтобы удобнее было вести дела. Теперь города утратили функцию защитного сооружения; большей частью за городом жить даже безопаснее, чем в его стенах. А современные средства связи упразднили необходимость жить по соседству со своим деловым партнером. Для деловых операций совершенно не важно, где находится ваш партнер — на соседней улице или за несколько тысяч миль. Город пережил свое предназначение; поддерживать в нем жизнь накладно, жить неуютно, а дышать нечем.

В этом смысле мои взгляды не изменились за тридцать лет, прошедших после написания сборника. Годы могли смягчить мое представление о будущем, но не изменили его.

Правда, хотя мои представления и составили философскую основу рассказов, я вовсе не уверен в том, что все они сбудутся. Я был бы разочарован, если бы они сбылись, поскольку как тогда, так и теперь полагаю себя отнюдь не предводителем на белом коне, но сочинителем развлекательных историй. Если слишком многое из того, что я насочинял, начнет сбываться в реальности, то я буду считать, что не состоялся как писатель,— а, уверяю вас, моим единственным желанием, ради которого я трудился искренне и настойчиво, было стать настоящим рассказчиком.

Как ни странно, из всех моих произведений именно «Город» завоевал самое продолжительное и широкое признание. Если какой-то из моих книг и суждена достаточно долгая жизнь, так это, несомненно, «Городу». Порой я не в силах сдержать раздражение, ибо уверен, что у меня есть книги и получше, но, похоже, никто этой уверенности со мной не разделяет. А ссориться с читающей публикой мне не к лицу,

поскольку ни один писатель не может быть компетентным критиком своих творений. Слишком близко он к ним стоит, чтобы претендовать на объективность.

Одно время я говорил себе, что успех «Города» — всего лишь результат счастливого попадания в яблочко: сборник просто вышел в нужный момент и отразил веяния своего времени. Но, к моему непреходящему изумлению, оказалось, что я ошибся. Последующие поколения читателей проявляли такую же преданную приверженность сборнику, как и первые его читатели. Студент колледжа сообщает мне в письме, что пишет работу по «Городу», и задает кучу вопросов, на которые я затрудняюсь ответить. Какой-то читатель присылает письмо с выражением благодарности за доставленное удовольствие. Стало быть, книга по-прежнему живет и питает умы. Как бы ни был я удивлен, я, конечно же, рад. Сознание того, что твоя работа, законченная так много лет назад, до сих пор служит людям, согревает душу.

Я посвятил свою сагу «Памяти Вихря (он же Нэтэниел)». Читатели по сей день спрашивают меня, кто такой Вихрь. Объясняю: Вихрь — это шотландский терьер, проживший с нами пятнадцать лет. Хотя я неправильно выразился: ни единой минуты он не считал, что живет с нами. Скорее, мы жили с ним. Он был хорошим другом и преданным товарищем. Мне нравится думать, что в какой-то собачьей Валгалле он по-прежнему гоняется за кроликами (и никак не может их поймать), яростно роет землю, охотясь за сусликами (которые сидят на безопасном расстоянии и посмеиваются над ним), а затем, утомившись от трудов, посапывает на коврике возле пылающего камина.

Писать о своих собственных произведениях — задача и деликатная, и утомительная. Отзываться о своей работе небрежно и непочтительно — значит поставить под сомнение свою писательскую искренность. А любая неловкая фраза может быть воспринята как бахвальство, что не только неприлично, но и не имеет под собою никаких оснований. Все, чего может желать писатель,— это спокойного удовлетворения, знакомого любому работяге, который выполнил свою работу на совесть и не стыдится показать ее людям.

Перечитывая «Город», я не стыжусь своей работы. Какой-то абзац кольнет порою глаз — сейчас я написал бы его совсем иначе. Но это быстро проходит, ведь я понимаю, что

сегодня вообще не написал бы такую книгу. Потому что для ее создания необходимо было особое сочетание условий, и пусть даже причины, побудившие меня к созданию этих историй, живы и поныне, а взгляды мои по существу не изменились, но непосредственный творческий импульс канул в прошлое.

От составителя

Перед вами предания, которые рассказывают Псы, когда ярко пылает огонь в очагах и дует северный ветер. Семьи собираются в кружок, и щенки тихо сидят и слушают, а потом рассказчика засыпают вопросами.

— А что такое Человек? — спрашивают они.

Или же:

— Что такое город?

Или:

— Что такое война?

Ни на один из этих вопросов нельзя дать удовлетворительный ответ. Есть предположения, гипотезы, есть много остроумных догадок, но положительных ответов нет.

Сколько сказителей вынуждены были прибегнуть к избитому объяснению: дескать, это все вымысел, на самом деле ни Человека, ни города никогда не существовало. И кто же ищет истины в обыкновенной сказке? Сказка должна быть увлекательной, и все тут.

Возможно, для щенков достаточно такого ответа, но мы не можем им довольствоваться. Потому что и в обыкновенных сказках сокрыто зерно истины.

Предлагаемый цикл из восьми преданий известен в устной передаче уже много столетий. Соотнести его начало с какими-либо исторически известными событиями не представляется возможным, и даже самое тщательное исследование не позволяет выявить те или иные стадии в его развитии. Не подлежит сомнению, что многократный пересказ должен был повлечь за собой стилизацию, однако проследить направление этой стилизации мы не можем.

О древности преданий и о том, что они, как утверждают некоторые авторы, не обязательно складывались Псами, гово-

рит обилие темных мест — слов и выражений (и, что хуже всего,— идей), в которых нет, а возможно, никогда и не было никакого смысла. От тысячекратного повторения эти слова и выражения стали привычными, им даже приписывают некий смысл в контексте. Но мы не располагаем средствами, чтобы определить, приближаются ли эти предположительные трактовки хоть в какой-то мере к подлинному значению толкуемых слов.

Настоящее издание цикла не следует понимать как попытку включиться в многочисленные специальные дискуссии о том, существовал ли Человек на самом деле, о загадочном понятии «город», о различных толкованиях слова «война» и обо всех прочих вопросах, которые неизбежно будут сверлить мозг исследователя, вознамерившегося привязать предания к каким-либо историческим явлениям или фундаментальным истинам.

Единственная цель этого издания — представить полный и неискаженный текст преданий в их нынешнем виде. Комментарий к каждой главе призван только познакомить с основными гипотетическими положениями без попытки подвести читателя к тому или иному выводу. Тем, кто хочет более основательно разобраться в преданиях или высказанных по этому предмету точках зрения, мы рекомендуем обратиться к развернутым исследованиям, вышедшим из-под пера куда более компетентных Псов, чем составитель данного сборника.

Обнаруженные недавно фрагменты объемистого, судя по всему, литературного произведения дали пищу для новых попыток приписать авторство хотя бы части преданий не Псам, а мифическому Человеку. Однако пока не доказан сам факт существования Человека, вряд ли есть смысл связывать с ним упомянутую находку.

Особенно знаменательно — или странно, в зависимости от точки зрения — то, что название (?) найденного произведения совпадает с названием одного из преданий представленного здесь цикла. Разумеется, само это слово лишено какого-либо смысла.

Естественно, все упирается в вопрос: жило ли вообще на свете такое существо — Человек? Поскольку на сегодняшний день нет положительных данных, будет разумнее исходить из того, что такого существа не было, что действующий в преда-

ниях Человек — плод вымысла, фольклорный персонаж. Вполне возможно, что на заре культуры Псов возник образ Человека как родового божества, к которому Псы обращались за помощью и утешением.

В противовес такому трезвому взгляду кое-кто склонен видеть в Человеке настоящего бога, пришельца из некой таинственной страны или из другого измерения, который явился в наш мир, чтобы помогать нам, а затем вернулся туда, откуда пришел.

И наконец, есть мнение, что Человек и Пес вместе вышли из животного царства, сотрудничали и дополняли друг друга в становлении единой культуры, но потом, в незапамятные времена, их пути разошлись.

Многое в преданиях вызывает недоумение, но больше всего озадачивает благоговейное отношение к Человеку. Обыкновенному читателю трудно поверить, чтобы речь шла всего лишь о сказительском приеме. Перед нами нечто гораздо большее, нежели зыбкое почтение к родовому божеству; чутье подсказывает, что это благоговение коренится в ныне забытом вероваании или ритуалах доисторической поры.

Конечно, теперь трудно рассчитывать на то, что удастся решить хоть один из множества связанных с преданиями спорных вопросов.

Итак, предания перед вами, можете читать их для развлечения, или как исторические свидетельства, или в поисках скрытого смысла. Но широкому читателю настоятельно советуем не принимать их слишком всерьез, иначе вам грозит полное замешательство, если не помешательство.

Комментарий к первому преданию

Из всего цикла первое предание, несомненно, самое трудное для неискушенного читателя. И не только из-за непривычной лексики: поначалу и ход мыслей, и сами мысли представляются совершенно чуждыми. Возможно, причина та, что ни в этом, ни в следующем предании Псы не участвуют и даже не упоминаются. С первой же страницы на голову читателя

обрушивается чрезвычайно странная проблема, и не менее странные персонажи занимаются ее решением. Зато когда одолеешь это предание, все остальные покажутся куда проще.

Через все предание проходит понятие «город». Что такое город и зачем он был нужен, до конца не выяснено, однако преобладает взгляд, что речь шла о небольшом участке земли, на котором обитало и кормилось значительное количество жителей. В тексте можно найти некие доводы, призванные обосновать существование города, однако Разгон, посвятивший всю жизнь изучению цикла, убежден, что мы тут имеем дело просто-напросто с искусной импровизацией древнего сказителя, попыткой сделать немыслимое правдоподобным. Большинство исследователей согласны с Разгоном, что приводимые в тексте доводы не сообразуются с логикой, а кое-кто, в частности Борзый, допускает, что перед нами древняя сатира, смысл которой теперь уже не восстановишь.

Большинство авторитетов в области экономики и социологии полагают организацию типа города немыслимой не только с экономической, но и с социологической и психологической точек зрения. Никакое существо с высокоразвитой нервной системой, необходимой для создания культуры, подчеркивают они, не могло бы выжить в столь тесных рамках. По мнению упомянутых авторитетов, такой опыт привел бы к массовым неврозам, которые в короткий срок погубили бы построившую город цивилизацию.

Борзый считает, что первое предание по сути является самым настоящим мифом, следовательно, ни одну ситуацию, ни одно утверждение нельзя понимать буквально, все предание насыщено символикой, ключ к которой давно утрачен. Но тут озадачивает такой факт: если перед нами и впрямь сугубо мифическая концепция, то почему же она не выражена посредством характерных для мифа символических образов. Обычному читателю трудно усмотреть в сюжете какие-либо признаки, по которым мы узнаем именно миф. Пожалуй, из всего цикла первое предание самое нескладное, неуклюжее, несуразное, в нем нет и намека на утонченные чувства и возвышенные идеалы, которые украшают изящными штрихами другие части цикла.

Весьма озадачивает язык предания. Обороты вроде классического «пропади он пропадом» не одно столетие ставят в тупик семантиков, и в толковании многих слов и оборотов мы по сей день не продвинулись ни на шаг дальше тех исследователей, которые впервые серьезно занялись публикуемым циклом.

Правда, терминология, связанная непосредственно с Человеком, в общих чертах расшифрована. Множественное число от слова «Человек» — люди; собирательное обозначение для всего этого мифического племени — род людской; она — женщина, или жена (возможно, некогда эти термины различались по смысловым оттенкам, но теперь их можно считать синонимическими); он — мужчина, или муж; щенки — дети, девочки и мальчики.

Кроме понятия «город» встречаются еще понятия, совершенно несовместимые с нашим укладом, противные самой нашей сути,— мы говорим о войне и убийстве. Убийство — процесс, обычно сопряженный с насилием, путем которого одно живое существо пресекает жизнь другого существа. Война, как явствует из контекста, представляла собой массовое убийство в масштабах, превосходящих всякое воображение.

Борзый в своем труде о настоящем цикле утверждает, что вошедшие в него предания намного древнее, чем принято считать. Он убежден, что такие понятия, как война и убийство, никак не сообразуются с нашей нынешней культурой, что они сопряжены с эпохой дикости, о которой нет письменных свидетельств.

Резон — один из немногих, кто полагает, что предания основаны на подлинных исторических фактах и что род людской действительно существовал, когда Псы еще находились на первобытной стадии,— утверждает, будто первое предание повествует о крахе культуры Человека. По его мнению, дошедший до нас вариант — всего лишь след более обширного сказания, величественного эпоса, который по объему был равен всему нынешнему циклу, а то и превосходил его. Трудно допустить, пишет он, чтобы такое грандиозное событие, как гибель могущественной машинной цивилизации, могло быть втиснуто сказителями той поры в столь тесные рамки. На самом деле, говорит Резон, перед нами лишь одно из многих преданий, посвященных этому предмету, и похоже, что до нас дошло далеко не самое значительное.

I

ГОРОД

Грэмп Стивенс сидел в шезлонге и смотрел на работающую косилку, чувствуя, как ласковое солнце прогревает его кости. Косилка дошла до края лужайки, поквохтала, словно довольная курица, аккуратно развернулась и покатила в обратную сторону. Мешок для скошенной травы заметно набух.

Внезапно косилка стала и возбужденно защелкала. Тотчас откинулась крышка сбоку и высунулась крановидная рука. Кривые стальные пальцы пошарили в траве, торжествующе подняли камень, бросили его в маленький ящик и вернулись под крышку. Косилка лязгнула, потом тихо загудела и пошла дальше окашивать ряд.

Грэмп проводил ее недовольным ворчанием.

В один прекрасный день, сказал он себе, эта штуковина, пропади она пропадом, возьмет да свихнется из-за какой-нибудь промашки.

Он откинулся на спину и перевел взгляд на выбеленное солнцем небо. В далекой выси мчался куда-то вертолет. В эту минуту в доме ожило радио и над лужайкой раскатилась дикая какофония. Грэмп вздрогнул и сжался в комок.

У юного Чарли, пропади он пропадом, очередной сеанс твича...

Косилка прогудела рядом с шезлонгом, и Грэмп метнул в нее злобный взгляд.

— Автоматика,— сообщил он небу.— Кругом одна сплошная автоматика. Скоро дойдет до того, что подзовешь машину, пошепчешь ей на ухо — и она помчится выполнять приказание.

Сквозь какофонию из окна пробился нарочито звонкий голос его дочери:

— Папа!

Грэмп поежился.

— Да, Бетти.

— Папа, ты уж будь любезен, отодвинься, когда косилка дойдет до тебя. Не пытайся ее переупрямить. Это ведь всегонавсего машина. Прошлый раз ты сидел как вкопанный, она то с одной, то с другой стороны заходила, а ты хоть бы пошевельнулся.

Он промолчал и несколько раз клюнул носом — пусть подумает, что он задремал, и оставит его в покое.

— Папа,— повторил пронзительный голос.— Ты меня слышишь?

Не помогла уловка...

— Слышу, слышу. Я как раз хотел отодвинуться.

Грэмп медленно поднялся, тяжело опираясь на трость. Пусть видит, какой он старый и дряхлый, может, совестно станет. Да только надо меру соблюдать. Если она поймет, что он вполне может обходиться без трости, ему сразу найдется работенка. Если же он переиграет, она опять напустит на него этого дурацкого врача.

Ворча себе под нос, он передвинул шезлонг на выкошенный участок. Косилка поравнялась с ним и злорадно фыркнула.

— Ты у меня когда-нибудь дождешься,— сказал ей Грэмп.— Врежу так, что все шестеренки полетят.

Косилка погудела в ответ и невозмутимо покатила дальше.

Только он хотел сесть, как в дальнем конце заросшей улицы что-то заскрежетало и закряхтело.

Грэмп поспешил выпрямиться и прислушался.

Опять... На этот раз более явственно — гулкое чихание норовистого мотора, лязг разболтанных металлических частей.

— Автомобиль! — завопил Грэмп.— Автомобиль, чтоб мне было пусто!

Он сорвался с места, но тут же вспомнил о своей немощности и сбавил ход.

— Небось Уле Джонсон,— говорил он себе, ковыляя к воротам.— Только у этого психа и остался еще автомобиль. Не желает с ним расставаться, чертов упрямец.

Это был Уле.

Грэмп подоспел к воротам как раз в ту минуту, когда из-за угла, подпрыгивая на ухабах, выехал древний, весь в ржавчине, разбитый рыдван. Из перегревшегося радиатора со свистом вырывался пар, а выхлопная труба, потерявшая глушитель лет пять или больше назад, извергала клубы синего дыма.

Уле важно восседал за рулем. Весь внимание, он старался обойти самые глубокие выбоины, но не так-то просто было высмотреть их сквозь завладевший улицей густой бурьян.

Грэмп помахал тростью.

— Привет, Уле!

Поравнявшись с ним, Уле дернул ручной тормоз, машина поперхнулась, лязгнула всеми частями, кашлянула и замолкла, издав напоследок сиплый вздох.

— Чем заправляешь? — спросил Грэмп.

— Всего помаленьку,— ответил Уле.— Керосин, спиртец, солярка — нашел остатки в старой бочке.

Грэмп восхищенно смотрел на бренную конструкцию.

— Да... было время, сам держал машину, сто миль в час развивала.

— И эта бегает,— отозвался Уле.— Было бы только горючее да запасные части. Года три-четыре назад я еще бензин доставал, теперь-то его давно уже не видно. Кончили производить, небось. Дескать, для чего бензин, когда есть атомная энергия.

— Во-во,— подхватил Грэмп.— И ничего не возразишь. Да только атомная, она ведь ничем не пахнет, а для меня нет на свете ничего слаще, чем запах бензина. Со всеми этими вертолетами и прочими премудростями путешествия совсем романтики лишились.

Он покосился на громоздящиеся на заднем сиденье корзины и ящики.

— Овощишками нагрузился?

— Ага,— подтвердил Уле.— Молочная кукуруза, молодая картошечка, три-четыре корзины помидоров. На продажу везу.

Грэмп покачал головой:

— Пустая затея, Уле. Никто не возьмет. Теперь все вбили себе в голову, что для стола одна только гидропоника годится. Гигиенично, мол, и вкус потоньше.

— А я так гроша ломаного не дал бы за ту дрянь, что они в своих банках выращивают,— воинственно объявил Уле.— В рот взять противно! Я Марте всегда так говорю: чтобы в еде настоящее свойство было, ее надо в земле выращивать.

Он опустил руку и повернул ключ зажигания.

— Не знаю даже, стоит ли пытаться ехать в город,— продолжал он.— Вон ведь как дороги запустили, то есть никакого глазу нет. Вспомни нашу автостраду двадцать лет назад: гладкая, ровная, чуть что — новый бетон клали, зимой непрестанно снег счищали. Ничего не жалели, большие деньги тратили, чтобы только движение не прерывалось. А теперь начисто о ней забыли. Бетон весь потрескался, местами и вовсе повыкрошился. Куманика растет. Сегодня на пути сюда пришлось

выходить из машины и распиливать дерево, прямо поперек шоссе лежало.

— Да уж чего хорошего,— кивнул Грэмп.

Мотор вдруг ожил, прокашлялся, закряхтел, откуда-то снизу вырвалось густое облако синего дыма, затем машина рывком стронулась с места и запрыгала по ухабам.

Грэмп проковылял обратно к шезлонгу и обнаружил, что полотно насквозь мокрое. Автоматическая косилка кончила подстригать газон и теперь, размотав шланг, поливала лужайку.

Бормоча ругательства, Грэмп зашел за дом и опустился на скамейку около заднего крыльца. Он не любил здесь сидеть, но ведь больше нигде нет спасения от этой механической уродины... Взять хоть этот вид: сплошь пустые, заброшенные дома, все палисадники бурьяном поросли.

Правда, одно преимущество есть: можно внушить себе, что ты туг на ухо, и забыть о каскадах твича, изрыгаемых приемником.

Из-за дома донесся чей-то голос:

— Билл! Билл, ты где?

Грэмп повернул голову:

— Здесь я, Марк, здесь. Прячусь от этой чертовой косилки.

Из-за угла появился Марк Бейли, он пыхтел сигаретой, которая грозила подпалить его косматые баки.

— Что-то ты рано сегодня,— заметил Грэмп.

— Сегодня не придется нам сыграть,— ответил Марк. Он доковылял до скамейки, сел рядом с Грэмпом и добавил: — Уезжаем...

Грэмп стремительно обернулся:

— Уезжаете?

— Ага. Перебираемся за город. Люсинда наконец уломала Герба. Всю голову ему продолбила, дескать, там такие чудесные участки, и все переезжают, зачем же нам от людей отставать.

Грэмп судорожно глотнул.

— А в какое место?

— Не знаю точно,— ответил Марк.— Еще не бывал там. Где-то на севере. На каком-то озере, что ли. Десять акров отмерили. Люсинда на сотню замахнулась, но тут Герб упер-

ся, мол, хватит и десяти. И то, столько лет городским палисадником обходились.

— Бетти тоже на Джонни наседает,— сообщил Грэмп.— Но он стоит насмерть. Не могу, говорит, и все тут. Дескать, на что это будет похоже, если он, секретарь Торговой палаты, и вдруг бросит город.

— И что это на людей нашло,— продолжал Марк.— Прямо помешательство какое-то.

— Уж это точно,— подтвердил Грэмп.— Помешались на деревне все как один. Вон, посмотри...

Он взмахнул рукой, показывая на ряды заброшенных домов.

— Давно ли тут все цвело, что ни дом — загляденье. И какие славные соседи были. Хозяйки бегали друг к другу за кулинарными рецептами. А мужчины выйдут траву подстригать — глядишь, косилки уже забыты, а они стоят все вместе, языки чешут. Дружно жили, чего там. А теперь — сам видишь...

Марк заторопился.

— Ну, мне пора, Билл. Я ведь только для того и заглянул, чтобы сказать тебе, что мы снимаемся. Люсинда велела мне вещи укладывать. Заметит, что меня нет, сразу надуется.

Грэмп тяжело поднялся и протянул ему руку.

— Забежишь еще? Сыграем разок напоследок?

Марк покачал головой:

— Нет, Билл, боюсь, уже не смогу забежать.

Они неловко обменялись рукопожатием.

— Да-а, там уж я не поиграю,— уныло произнес Марк.

— А я? — сказал Грэмп.— Мне без тебя тоже не с кем...

— Ну всего, Билл.

— Всего,— отозвался Грэмп.

Марк, прихрамывая, скрылся за углом, и Грэмп, проводив друга взглядом, почувствовал, как безжалостная рука одиночества коснулась его ледяными пальцами. Страшное одиночество... Одиночество старости, отжившей свой век. Да-да, так оно и есть — пора на свалку. Его место в другой эпохе, он превысил свой срок, зажился на свете.

С туманом в глазах он нащупал прислоненную к скамейке трость и поплелся к покосившейся калитке, за которой простиралась безлюдная улица.

Годы текли слишком быстро. Годы, которые принесли с собой семейные самолеты и вертолеты, предоставив забытым автомашинам ржаветь, дорогам — приходить в негодность. Годы, которые с развитием гидропоники положили конец земледелию. Годы, которые свели на нет хозяйственное значение ферм и сделали землю дешевой. Годы, которые изгнали горожан в сельскую местность, где добрая усадьба стоила меньше жалкого городского участка. Годы, которые внесли переворот в строительство, так что семьи преспокойно бросали старое жилье и переходили в новые, по индивидуальным проектам дома стоимостью вдвое меньше довоенных, а не понравилось что-нибудь или тесно показалось — за небольшую плату переделают, перекроят по своему вкусу.

Грэмп фыркнул. Дома, которые можно перестраивать каждый год, словно мебель переставил... Что это за жизнь?

Он медленно брел по пыльной тропинке. Всего несколько лет назад тут была оживленная улица, а теперь? Улица призраков, сказал он себе, маленьких, неуловимых призраков, шелестящих в ночи. Призраки резвящихся детей, призраки опрокинутых тележек и трехколесных велосипедов. Призраки судачащих домохозяек. Призраки приветственных возгласов. Призраки пылающих каминов и коптящих в зимнюю ночь дымоходов...

Облачка пыли вились вокруг его башмаков и белили отвороты брюк.

Вот и дом старины Адамса, на той стороне. Как Адамс им гордился! Широченные окна, облицовка из серого дикого камня... Теперь камень зеленый от ползучего мха, разбитые окна — словно ощеренные пасти. Бурьян заполонил лужайку, забрался на крыльцо; высокий вяз уперся ветвями во фронтон. Грэмп еще помнил тот день, когда Адамс посадил его.

Он остановился посреди заросшей улицы — ноги по щиколотку в пыли, руки сжимают трость, глаза плотно закрыты...

Через дымку лет донеслись до него крики играющих детей, тявканье ворчливой дворняжки с соседнего двора, где жили Конрады. А вот и Адамс, голый по пояс, орудует лопатой — яму готовит, и рядом лежит на траве деревце, корни мешковиной обернуты.

Май 1946 года. Сорок четыре года назад. Они с Адамсом только что вернулись домой с войны...

Звук шагов, приглушенных пылью, заставил Грэмпа испуганно открыть глаза.

Перед ним стоял молодой мужчина лет тридцати или около того.

— Доброе утро,— поздоровался Грэмп.

— Надеюсь, я вас не напугал? — сказал незнакомец.

— Вы видели, как я стою тут болван болваном, с закрытыми глазами?

Молодой человек кивнул.

— Я вспоминал,— объяснил Грэмп.

— Вы тут живете?

— Да, на этой самой улице. Последний здешний обитатель, можно сказать.

— Тогда вы, может быть, поможете мне.

— Постараюсь,— ответил Грэмп.

Молодой человек замялся.

— Понимаете... Дело в том... Ну, в общем, я совершаю, как бы это сказать, что-то вроде сентиментального паломничества...

— Понятно,— сказал Грэмп.— Я тоже.

— Моя фамилия Адамс,— продолжал незнакомец.— Мой дед жил где-то здесь. Может быть...

— Вот этот дом,— показал Грэмп.

Они постояли молча.

— Славный уголок был,— заговорил наконец Грэмп.— Вон то дерево ваш дедушка посадил сразу после того, как с войны приехал. Мы с ним всю войну вместе прошли и вместе вернулись. И погуляли же мы в тот день...

— Жаль,— произнес молодой Адамс.— Жаль...

Но Грэмп словно и не слышал его реплики.

— Так вы говорите, ваш дед! Я что-то потерял его из виду.

— Умер,— ответил молодой Адамс.— Уже много лет назад.

— Помнится, он влез в атомные дела,— сказал Грэмп.

— Совершенно верно,— с гордостью подтвердил Адамс — Сразу подключился, как только началось промышленное применение. После Московского соглашения.

— Это когда они порешили, что воевать больше невозможно.

— Вот именно.

— В самом деле,— продолжал Грэмп,— как воевать, когда не во что целиться.

— Вы подразумеваете города? — сказал Адамс.

— Ну да. И ведь как все чудно вышло... Сколько ни пугали атомными бомбами — хоть бы что, все равно за город все держались. А стоило предложить им дешевую землю и семейные вертолеты, так и кинулись врассыпную, чисто кролики, чтоб им...

Джон Дж. Вебстер решительно поднимался по широким ступеням ратуши, когда его догнал и остановил оборванец с ружьем под мышкой.

— Привет, мистер Вебстер.

Несколько секунд Вебстер озадаченно рассматривал ходячее огородное пугало, потом лицо его расплылось в улыбке.

— А, это ты, Леви. Ну, как дела?

Леви Льюис осклабился, обнажив щербатые зубы.

— Ничего, так себе. Сады все гуще, молодые кролики нагуливают вес.

— Ты случайно не причастен к этой заварухе с брошенными домами? — спросил Вебстер.

— Никак нет, ваша честь,— отчеканил Леви.— Мы, скваттеры, ни в чем дурном не замешаны. Мы все люди богобоязненные, законопослушные. А дома эти занимаем только потому, что нам ведь больше негде жить. И кому вред от того, что мы селимся там, где все равно никто не живет. Полиция знает, что мы не можем за себя постоять, вот и валит на нас все кражи и прочие безобразия. Делает из нас козлов отпущения.

— Ну, тогда ладно,— ответил Вебстер.— А то ведь начальник полиции хочет сжечь заброшенные дома.

— Пусть попробует,— сказал Леви.— Только как бы сам не обжегся. Развели огороды в банках, заставили нас фермы бросить, но уж дальше мы ни на шаг не отступим.

Сплюнув на ступеньку, он продолжал:

— Случайно у вас нет при себе какой-нибудь мелочи? У меня совсем патронов не осталось, а тут эти кролики...

Вебстер сунул два пальца в жилетный карман и выудил полдоллара.

Леви ухмыльнулся:

— Вы сама щедрость, мистер Вебстер. Доживем до осени, я вас белками завалю.

Скваттер козырнул на прощание и зашагал вниз по ступенькам; ствол ружья поблескивал на солнце. Вебстер повернулся и вошел в здание.

Заседание муниципального совета было в полном разгаре.

Начальник полиции Джим Максвелл стоял около стола, мэр Пол Картер говорил, обращаясь к нему:

— Тебе не кажется, Джим, что с твоей стороны несколько опрометчиво настаивать на таких мерах?

— Нет, не кажется,— ответил начальник полиции.— Изо всех домов только два или три десятка заняты законными владельцами, точнее первоначальными хозяевами, ведь на самом деле дома эти давно уже принадлежат муниципалитету. И никакого толку от них, одни только неприятности. Хоть бы ценность какую-то представляли, не как жилье — как утиль, но ведь и того нет. Строительный лес? Мы больше не употребляем дерево, пластики лучше. Камень? Его заменила сталь. Короче говоря, ничего такого, что можно было бы реализовать. А между тем они становятся пристанищем мелких преступников и нежелательных элементов. Да там теперь такие заросли образовались, лучшего укрытия для всевозможных правонарушителей и не придумаешь. Как что-нибудь натворил — прямым ходом туда, в заброшенные кварталы, там преступнику ничего не грозит: я могу хоть тысячу человек послать, все равно он от них ускользнет. Сносить — слишком дорого обойдется. И оставлять нельзя: они как бельмо на глазу. В общем, надо от них избавляться, и самый простой и дешевый способ — огонь. Все необходимые меры предосторожности будут приняты.

— А как с юридической стороной? — спросил мэр.

— Я выяснил: всякий человек вправе уничтожить свое имущество удобным для него способом, если при этом не подвергается угрозе имущество других лиц. Очевидно, это правило применимо и к имуществу муниципалитета.

Олдермен Томас Гриффин вскочил на ноги.

— Вы только ожесточите людей! — воскликнул он.— Там ведь много таких домов, которые переходили из рода в род, а люди еще не освободились от сентиментальности...

— Если они так дорожат своими домами,— перебил его начальник полиции,— почему не платили налог, почему не следили за ними? Почему бежали за город, а дома бросили на произвол судьбы? Спросите-ка Вебстера, он расскажет вам,

как пытался пробудить в них любовь к отчему дому и что из этого вышло.

— Вы говорите про этот фарс под названием «Неделя отчего дома»? — спросил Гриффин.— Да, он провалился. И не мог не провалиться. Вебстер так пересластил свою стряпню, что она людям поперек горла встала. А чего еще ждать, когда за дело берется Торговая палата.

— При чем тут Торговая палата, Гриффин? — сердито вмешался олдермен Форрест Кинг.— Если вам в делах не везет, это еще не повод...

Но Гриффин его не слушал.

— Время нахального натиска прошло, джентльмены, прошло раз и навсегда. Приемы ярмарочного зазывалы безнадежно устарели, их место на кладбище. «Дни высокой кукурузы», «Дни доллара», всякие там липовые праздники с пестрыми флажками на площадях и прочие трюки, назначение которых собрать толпу и заставить ее раскошелиться,— все это быльем поросло. И только вы, други мои, этого, похоже, не заметили. Отчего такие фокусы удавались? Да оттого, что они спекулировали на психологии толпы и гражданских чувствах. Но откуда взяться гражданским чувствам, когда город на глазах умирает? И как спекулировать на психологии толпы, когда толпы нет, у каждого, или почти у каждого, свое царство величиной в сорок акров?

— Джентльмены,— взывал мэр,— джентльмены, прошу придерживаться регламента!

Кинг рывком встал и грохнул кулаком по столу:

— Нет уж, давайте начистоту! Вот и Вебстер тут, может быть, он поделится с нами своими мыслями?

Вебстер поежился.

— Боюсь,— ответил он,— мне нечего сказать.

— Ладно, хватит об этом,— резко подытожил Гриффин и сел.

Но Кинг продолжал стоять, лицо его налилось краской, губы дрожали от ярости.

— Вебстер! — крикнул он.

Вебстер покачал головой.

— Вы пришли сюда по поводу вашей очередной великой идеи! — не унимался Кинг.— Собирались представить ее на рас-

смотрение муниципалитета. Так чего сидите? Давайте выкладывайте!

Вебстер поднялся с хмурым видом.

— Не знаю, может, тупость помешает вам уразуметь,— обратился он к Кингу,— почему меня возмущает ваша деятельность.

Кинг на секунду опешил, потом взорвался:

— Тупость? И это вы говорите мне! Мы работали вместе, я вам помогал. Вы никогда не позволяли себе... никогда не...

— Да, я никогда не позволял себе говорить ничего подобного,— бесстрастно произнес Вебстер.— Еще бы. Мне не хотелось вылететь со службы.

— Так вот, вы уже вылетели! — рявкнул Кинг.— Уволены! С этой самой секунды!

— Заткнитесь,— сказал Вебстер.

Кинг ошалело уставился на него, словно получил пощечину.

— И сядьте.— Голос Вебстера кинжалом прорезал напряженную тишину.

У Кинга подкосились ноги, и он шлепнулся на стул. Все молчали.

— Я хочу сказать вам кое-что,— продолжал Вебстер,— о том, что давно уже пора сказать вслух. О том, что всем вам давно следовало бы знать. Странно только, что именно мне приходится говорить вам об этом. А может быть, ничего тут странного и нет, кому, как не мне, сказать правду, все-таки почти пятнадцать лет служу интересам города. Олдермен Гриффин сказал, что город умирает на глазах. Верно сказал, с одной только небольшой поправкой: он выразился слишком мягко. Город — этот город, любой город — уже умер. Город стал анахронизмом. Он изжил себя. Гидропоника и вертолеты предопределили его кончину. Первоначально город был попросту пристанищем того или иного племени, которое собиралось вместе, чтобы обороняться от врагов. Со временем его обнесли стеной, чтобы усилить оборону. Потом стена исчезла, а город остался как центр торговли и ремесла. И просуществовал до нашего времени, потому что люди были привязаны к месту работы, которое находилось в городе. Теперь условия изменились. В наше время, при семейном вертолете, сто миль — меньше, чем пять миль в тридцатых годах. Утром вылетел на

работу, отмахал несколько сот миль, а вечером — домой. Теперь нет больше необходимости жаться в городе. Начало положил автомобиль, а семейный вертолет довершил дело. Уже в первой четверти столетия люди потянулись за город, подальше от духоты, от всяких налогов, на свой, отдельный участочек в предместье. Конечно, многие оставались: не был налажен загородный транспорт, денег не хватало. Но теперь, когда все выращивают на искусственной среде и цены на землю упали, большой загородный участок стоит меньше, чем клочок земли в городе сорок лет назад. И транспорт перестал быть проблемой, после того как самолеты перешли на атомную энергию.

Он остановился. Тишина. Мэр был явно потрясен. Кинг беззвучно шевелил губами. Гриффин улыбался.

— К чему мы пришли в итоге? — спросил Вебстер.— Сейчас я скажу к чему. Кварталы, целые улицы пустых, заброшенных домов. Люди взяли да уехали. А зачем им оставаться? Что мог дать им город? Предыдущим поколениям он что-то давал, а вот нынешнему — ничего, потому что прогресс свел на нет все плюсы города. Конечно, что-то они потеряли, ведь какие-то деньги были вложены в старое жилье. Но все это с лихвой возмещалось, поскольку они могли купить дом, который был вдвое лучше и вдвое дешевле; могли жить так, как им хотелось, обзавестись, так сказать, фамильной усадьбой вроде тех, которые всего несколько десятилетий назад были привилегией богачей. Что же нам осталось? Несколько кварталов под конторами фирм и компаний. Несколько акров под промышленными предприятиями. Муниципалитет, назначение которого заботиться о миллионе горожан, да только горожан-то больше нет. Бюджет с такими высокими налогами, что скоро и фирмы из города уберутся, чтобы не платить столько. Конфискованный жилой фонд, которому грош цена. Вот что нам осталось... Только болван может думать, что ответ дадут Торговые палаты, шумные кампании да идиотские проекты. Потому что на все наши вопросы есть один-единственный простой ответ: город как таковой мертв, он может кое-как протянуть еще несколько лет, но не больше.

— Мистер Вебстер...— начал мэр.

Но Вебстер далее ухом не повел.

— Если бы не сегодняшний случай,— говорил он,— я продолжал бы вместе с вами играть в кукольные домики. Делать

вид, будто город еще действующее предприятие. Продолжал бы морочить голову себе и вам. Но все дело в том, господа, что на свете есть нечто, именуемое человеческим достоинством.

Ледяную тишину раздробило шуршание бумаг, чье-то озадаченное покашливание.

Однако Вебстер еще не кончил.

— Город приказал долго жить. И слава богу! Чем сидеть здесь и лить слезы над его останками, лучше встали бы и прокричали «спасибо». Ведь если бы этот город, как и все города на свете, не изжил себя, если бы люди не бросили городов, они были бы разрушены. Разразилась бы война, господа, атомная война. Вы забыли пятидесятые, шестидесятые годы? Забыли, как просыпались ночью и слушали, не летит ли бомба? Хотя знали, что все равно не услышите, когда она прилетит, вообще больше ничего и никогда не услышите. Но люди покинули города, промышленность рассредоточилась, и обошлось без войны. Многие из вас, господа, живы сегодня только потому, что люди ушли из вашего города. Да, живы потому, что город мертв! Так пусть же, черт побери, он остается мертвым. Вам надо радоваться, что он умер. Это самое счастливое событие во всей истории человечества.

Джон Дж. Вебстер круто повернулся и вышел из зала.

На широкой наружной лестнице он остановился и посмотрел на безоблачное небо. Над шпилями и башенками ратуши кружили голуби.

Джон Вебстер мысленно встряхнулся, словно пес, который выскочил из пруда на берег.

Глупо он поступил, чего там. Теперь надо искать новое место, и когда еще найдешь, ведь возраст уже не тот.

Но тут в душе его сама собой родилась какая-то песенка, потеснила мрачные мысли, он сложил губы трубочкой и, беззвучно насвистывая, бодро зашагал прочь от ратуши.

Не надо больше лицемерить. Не надо больше ночи напролет думать над тем, как жить дальше, зная, что город мертв, что ты занимаешься никчемным делом, презирая себя за то, что даром ешь хлеб, борясь с тягостным чувством, преследующим труженика, который понимает, что трудится вхолостую.

Он направлялся к стоянке, где ждал его вертолет.

Может быть, теперь и они уедут из города, исполнится желание Бетти. И будет он вечерами бродить по собственной

земле. Свой участок с речушкой! Непременно с речушкой, чтобы можно было развести форель.

Кстати, надо будет сходить на чердак и проверить удочки.

Марта Джонсон стояла и ждала у въезда на скотный двор, когда древняя колымага пропыхтела по дорожке и Уле неуклюже выбрался из кабины, посеревший от усталости.

— Ну как, что-нибудь продал? — спросила Марта.

Он покачал головой:

— Гиблое дело. Деревенского не берут. Еще и смеются. Показывают мне кукурузу: початки вдвое больше моих, ровнехонькие и такие же сладкие. На дынях кожуры почитай что и нет. И повкуснее наших будут, коли не врут.

Он поддал ногой ком земли, так что пыль полетела.

— Да что там говорить, разорили нас эти искусственные среды.

— Может, нам лучше уж продать ферму? — сказала Марта.

Уле промолчал.

— Наймешься в гидропонное хозяйство. Вон Гарри поступил. И как еще доволен.

Уле мотнул головой.

— Или в садовники наймись. У тебя очень даже хорошо получится. Всем этим барам с большими усадьбами только садовника подавай, машин не признают, не тот шик.

Уле снова мотнул головой.

— Душа не лежит с цветочками возиться,— объяснил он.— Как-никак, двадцать лет с лишком кукурузе отдал.

— А может, и нам вертолет завести, какой поменьше? — сказала Марта.— И провести воду в дом? И ванну поставить, чем в старом корыте на кухне мыться?

— Не справлюсь я с вертолетом,— возразил Уле.

— Еще как справишься. Невелика хитрость. Вон погляди на андерсеновских ребятишек: от горшка два вершка, а уже летают почем зря. Правда, один из них тут затеял дурачиться и вывалился из кабины, но...

— Ладно, я подумаю,— перебил Уле с отчаянием в голосе.— Подумаю.

Он повернулся, перемахнул через ограду и зашагал в поле. Марта стояла у машины и глядела ему вслед. По припорошенной пылью щеке скатилась слеза.

— Мистер Тайлер ждет вас,— сказала девушка.

Джон Дж. Вебстер опешил.

— Но ведь я у вас еще не бывал. И не договаривался с ним о встрече.

— Мистер Тайлер ждет вас,— настойчиво повторила она и указала кивком на дверь с надписью:

«ОТДЕЛ ПЕРЕСТРОЙКИ»

— Но я пришел сюда узнать насчет работы,— возразил Вебстер.— А не затем, чтобы меня перестраивали. Здесь ведь бюро найма Всемирного комитета, или я ошибся?

— Нет, не ошиблись,— ответила девушка.— Так доложить о вас мистеру Тайлеру?

— Если вы так настаиваете...

Девушка нажала рычажок и сказала в микрофон:

— Мистер Вебстер здесь, сэр.

— Пусть войдет,— ответил мужской голос.

Вебстер вошел в кабинет, держа шляпу в руке.

Седой мужчина с молодым лицом жестом предложил ему сесть.

— Вы хотите устроиться на работу?

— Да,— подтвердил Вебстер,— но я...

— Да вы садитесь,— продолжал Тайлер.— Если вас смутила надпись на двери, забудьте о ней. Мы отнюдь не собираемся вас перестраивать.

— Я никак не могу найти себе место,— объяснил Вебстер.— Которую неделю хожу, и всюду отказ. Вот и пришел сюда к вам.

— Не хотелось к нам обращаться?

— Откровенно говоря, не хотелось. Бюро найма... В этом есть что-то... В общем, что-то неприятное.

Тайлер улыбнулся:

— Возможно, название не совсем удачное. Вы думали, это нечто вроде бывшей биржи труда, куда обращались отчаявшиеся люди. Государственное учреждение, которое старается определить людей на работу, чтобы они не были в тягость обществу...

— Ну что ж, я тоже отчаялся,— признался Вебстер.— Но гордость еще сохранил, оттого и трудно было заставить себя прийти к вам. Но что поделаешь, другого выхода нет. Понимаете, я оказался изменником...

— Другими словами,— перебил его Тайлер,— вы предпочитали говорить правду. Хотя бы это стоило вам места. Деловые круги, и не только здесь, во всем мире, еще не доросли до вашей правды. Бизнесмен еще цепляется за миф о городе, миф о коммерческой хватке. Придет время — и он поймет, что можно обойтись без города, что честное служение обществу даст ему куда больше, чем всякие коммерческие штучки. А скажите, Вебстер, что вас все-таки заставило поступить так, как вы поступили?

— Мне стало тошно,— ответил Вебстер.— Тошно глядеть, как люди тычутся туда-сюда с зажмуренными глазами. Тошно глядеть, как лелеют старую традицию, которой давно место на свалке. Мне опротивел Кинг с его пустопорожним энтузиазмом.

Тайлер кивнул:

— А как вы думаете, не смогли бы вы помочь нам с перестройкой людей?

Вебстер вытаращил глаза.

— Нет, я серьезно,— продолжал Тайлер.— Всемирный комитет уже который год этим занимается ненавязчиво, незаметно. Многие из тех, кто прошел перестройку, даже сами об этом не подозревают. С того времени, как на смену Объединенным нациям пришел Всемирный комитет, на свете многое изменилось, и далеко не все сумели приспособиться к этим изменениям. Когда начали широко применять атомную энергию, сотни тысяч остались без места. Их надо было переучивать и направлять на другую работу. Одних на атомные предприятия, других куда-нибудь еще. Гидропоника ударила по фермерам. Пожалуй, с ними нам пришлось особенно трудно, ведь они ничего не умели, только выращивать хлеб и смотреть за скотом. И большинство из них вовсе не стремились ни к чему другому. Они возмущались, что их лишили источника существования, унаследованного от предков. Индивидуалисты по самой своей природе, они оказались для нас, так сказать, самым твердым психологическим орешком.

— Многие из них,— вмешался Вебстер,— до сих пор не устроены. Больше сотни вселились без разрешения в заброшенные дома, живут впроголодь, там кролика подстрелят, там белку, рыбу ловят, растят овощи, собирают дикие плоды.

Иногда приворовывают, иногда собирают подаяние в жилых кварталах...

— Вы знаете этих людей? — спросил Тайлер.

— Знаю кое-кого. Один из них, случается, приносит мне белок или кроликов. Когда ему нужны деньги на патроны.

— По-вашему, они будут противиться перестройке?

— Еще как,— ответил Вебстер.

— Вам не знаком фермер по имени Уле Джонсон? Который все держится за свою ферму и ничего менять не хочет?

Вебстер кивнул.

— Если бы вы занялись им?

— Он меня тут же выставит за дверь.

— Такие люди, как Уле и эти скваттеры,— объяснил Тайлер,— нас сейчас особенно заботят. Большинство благополучно приспособились к новым условиям, вошли, так сказать, в современную колею. Правда, кое-кто еще оплакивает старину, но это больше для вида. Их теперь силой не заставишь жить по-старому. Когда много лет назад всерьез начали развивать атомную энергетику, Всемирный комитет столкнулся с нелегкой проблемой. Перемены, прогресс нужны, но как их вводить — постепенно, чтобы люди исподволь приноравливались, или полным ходом и принять все меры, чтобы люди перестраивались поскорее? И решили — может быть, верно, может быть, нет — дать полный ход, а люди пусть поспевают, как могут. В общем, это решение оправдалось. Конечно, мы понимали, что не всегда можно будет проводить перестройку в открытую. В некоторых случаях затруднений не было — скажем, когда какие-то категории промышленных рабочих целиком переводили на новое производство. Но в некоторых случаях, как, например, с нашим другом Уле, нужен особый подход. Этим людям надо помочь найти свое место в новом мире, но так, чтобы они не чувствовали, что им помогают. Иначе можно подорвать их веру в свои силы, чувство человеческого достоинства, а ведь это чувство — краеугольный камень всякой цивилизации.

— Насчет перестройки в промышленности я, конечно, знал,— сказал Вебстер.— А вот про индивидуальные случаи впервые слышу.

— Мы не можем трубить об этом,— ответил Тайлер.— Дело, можно сказать, секретное.

— Зачем же вы тогда мне рассказали?

— Потому что мы хотим, чтобы вы у нас работали. Помогите для начала Уле. А потом подумайте, что можно сделать для скваттеров.

— Не знаю даже...— начал Вебстер.

— Мы ведь ждали вас,— продолжал Тайлер.— Знали, что в конце концов вы придете к нам. Кинг позаботился о том, чтобы вас нигде не приняли. Всюду дал знать, так что теперь все Торговые палаты, все муниципальные органы занесли вас в черный список.

— Судя по всему, у меня нет выбора.

— Не хотелось бы, чтобы вы так это восприняли,— сказал Тайлер.— Лучше не спешите, обдумайте все и приходите еще раз. Не согласитесь на мое предложение — найдем вам другую работу наперекор Кингу.

Выйдя из бюро, Вебстер увидел знакомого оборванца с ружьем под мышкой. Но сегодня Леви Льюис не улыбался.

— Ребята сказали мне, что вы сюда зашли,— объяснил он.— Вот я и жду.

— Беда какая-нибудь? — спросил Вебстер, глядя на озабоченное лицо Леви.

— Да полиция...— ответил Леви и презрительно сплюнул в сторону.

— Полиция...— У Вебстера замерло сердце, он сразу понял, какая беда стряслась.

— Ага. Хотят нас выкурить.

— Так, значит, муниципалитет все-таки поддался.

— Я сейчас был в полицейском управлении,— продолжал Леви.— Сказал им, чтобы не очень-то петушились. Предупредил, что мы им кишки выпустим, если сунутся. Я расставил своих ребят и велел стрелять только наверняка.

— Но ведь так же нельзя, Леви,— строго произнес Вебстер.

— Нельзя? — воскликнул Леви.— Можно, и уже сделано. Нас согнали с земли, заставили продать ее, потому что она нас уже не кормит. Но больше мы не отступим, хватит. Будем насмерть стоять, до последнего, но выкурить себя не дадим.

Леви поддернул брюки и снова плюнул.

— И не только мы, скваттеры, так думаем,— добавил он,— Грэмп с нами заодно.

— Грэмп?

— Он самый. Ваш старик. Он у нас как бы за генерала. Говорит, еще не совсем забыл военное дело, полиция только ахнет. Послал ребят, и они увели пушечку из мемориала. Говорит, в музее для нее и снаряды найдутся. Оборудуем, говорит, огневую точку, а потом объявим, мол, если полиция сунется, мы откроем огонь по деловому центру.

— Послушай, Леви, ты можешь сделать для меня одну вещь?

— Натурально могу, мистер Вебстер.

— Зайди в эту контору и спроси там мистера Тайлера, хорошо? Добейся, чтобы он тебя принял, и скажи ему, что я уже приступил к работе.

— Натурально, а вы сейчас куда?

— Я пойду в ратушу.

— Не хотите, чтоб я с вами пошел?

— Нет,— ответил Вебстер.— Я один справлюсь. И еще, Леви...

— Да...

— Попроси Грэмпа, чтобы попридержал свою артиллерию. Пусть не стреляет без крайней надобности. Ну, а уж если придется стрелять, так чтобы не мазал.

— Мэр занят,— сказал секретарь Реймонд Браун.

— А вот мы сейчас посмотрим,— ответил Вебстер, направляясь к двери в кабинет.

— Вам туда нельзя, Вебстер! — завопил Браун.

Он вскочил на ноги и обогнул стол, бросаясь наперехват. Вебстер развернулся и толкнул его локтем в грудь прямо на стол. Стол поехал. Браун взмахнул руками, потерял равновесие и сел на пол. Вебстер рванул дверь кабинета.

Мэр сдернул ноги со стола.

— Я же сказал Брауну...— начал он.

Вебстер кивнул:

— А Браун сказал мне. В чем дело, Картер? Боитесь, Кинг узнает, что я у вас был? Боитесь развращающего действия порядочных идей?

— Что вам надо? — рявкнул Картер.

— Мне стало известно, что полиция собирается сжечь заброшенные дома.

— Точно,— подтвердил мэр.— Эти дома представляют опасность для общины.

— Для какой общины?

— Послушайте, Вебстер...

— Вы отлично знаете, что никакой общины нет. Есть несколько вшивых политиканов, которые нужны только затем, чтобы вы могли претендовать на престол, могли каждый год избираться и загребать свой оклад. Вам скоро никаких других дел не останется, кроме как голосовать друг за друга. Ни служащие, ни рабочие даже самой низкой квалификации — никто из них не живет в черте города. А бизнесмены давно уже разъехались кто куда. Дела свои здесь вершат, но живут-то в других местах.

— Все равно город есть город,— заявил мэр.

— Я пришел не для того, чтобы попытаться убедить вас, что нельзя сжигать эти дома. Вы должны понять: заброшенные дома — пристанище людей, которые остались без своего угла. Людей, которых поиски убежища привели в наш город, и они нашли у нас кров. В каком-то смысле мы за них отвечаем.

— Ничего подобного, мы за них не отвечаем,— прорычал мэр.— И что бы с ними ни случилось, пусть пеняют на себя. Мы их не звали. Они нам не нужны. Общине от них никакого проку. Скажете, что они неудачники. Ну а я тут при чем? Скажете, у них нет работы. А я отвечу: нашли бы, если бы поискали. Работа есть, работа всегда есть. А то наслушались о новом мире и вбили себе в голову, что кто-то другой должен о них позаботиться, найти работу, которая их устроит.

— Вы рассуждаете как закоренелый индивидуалист,— усмехнулся Вебстер.

— Вам это кажется забавным? — огрызнулся мэр.

— Забавно,— сказал Вебстер.— Забавно и печально, что в наши дни человек способен так рассуждать.

— Добрая доза закоренелого индивидуализма ничуть не повредила бы нашему миру. Возьмите тех, кто преуспел в жизни...

— Это вы о себе? — спросил Вебстер.

— А хоть бы и о себе. Я трудился как вол, не упускал благоприятных возможностей, заглядывал вперед. Я...

— Вы хотите сказать, что знали, чьи пятки лизать и чьи кости топтать,— перебил Вебстер.— Так вот, вы блестящий образчик человека, не нужного сегодняшнему миру. От вас

плесенью несет, до того обветшали ваши идеи. Если я был последним из секретарей Торговых палат, то вы, Картер, последний из политиканов. Только вы этого еще не уразумели. А я уразумел. И вышел из игры. Мне это даром не далось, но я вышел из игры, чтобы не потерять к себе уважение. Деятели вашей породы отжили свое. Отжили, потому что раньше любой хлыщ с луженой глоткой и нахальной рожей мог играть на психологии толпы и пробиться к власти. А теперь психологии толпы больше не существует. Откуда ей взяться, если ваша система рухнула под собственной тяжестью и народу плевать на ее труп.

— Вон отсюда! — заорал Картер.— Вон, пока я не позвал полицейских и не велел вас вышвырнуть.

— Вы забываете,— возразил Вебстер,— что я пришел поговорить о заброшенных домах.

— Пустая затея,— отрезал Картер.— Можете разглагольствовать хоть до судного дня, все равно эти дома будут сожжены. Это вопрос решенный.

— Вам хочется увидеть развалины на месте делового центра? — спросил Вебстер.

— О чем вы толкуете? — вытаращился мэр.— При чем тут центр?

— А при том, что в ту самую секунду, когда первый факел коснется домов, ратушу поразит первый снаряд. А второй ударит по вокзалу. И так далее, сперва все крупные мишени.

У Картера отвисла челюсть. Потом лицо его залила краска ярости.

— Бросьте, Вебстер,— прохрипел он.— Меня не проведешь. С этими вашими баснями...

— Это не басня,— возразил Вебстер.— У них там есть пушки. Около мемориала взяли и в музеях. И есть люди, которые умеют с ними обращаться. Да тут и не нужен большой знаток. Прямая наводка, все равно что в упор по сараю стрелять.

Картер потянулся к передатчику, но Вебстер жестом остановил его.

— Подумайте, подумайте хорошенько, Картер, прежде чем в петлю лезть. Стоит вам дать ход вашему плану — и начнется сражение. Допустим, вам удастся сжечь заброшенные дома, но ведь и от центра ничего не останется. Бизнесмены снимут с вас скальп за это.

Картер убрал руку с тумблера.

Издалека донесся резкий звук ружейного выстрела.

— Лучше отзовите их,— посоветовал Вебстер.

На лице Картера отразилось смятение.

Снова выстрел... второй, третий.

— Еще немного,— сказал Вебстер,— и будет поздно, вы уже ничего не сможете сделать.

Глухой взрыв потряс оконные стекла. Картер вскочил на ноги.

Вебстер вдруг ощутил противную слабость, однако виду не показал.

Картер с каменным лицом смотрел в окно.

— Похоже, что уже поздно,— произнес Вебстер, стараясь придать голосу твердость.

Радио на столе требовательно запищало, мигая красным огоньком.

Картер дрожащей рукой нажал тумблер.

— Картер,— звал чей-то голос.— Картер, Картер!

Вебстер узнал луженую глотку начальника полиции Джима Максвелла.

— Что там случилось? — спросил Картер.

— Они выкатили пушку,— доложил Максвелл.— Взорвалась при первом же выстреле. Должно быть, снаряд с дефектом.

— Пушка? Только одна пушка?

— Других пока не видно.

— Я слышал ружейные выстрелы,— сказал Картер.

— Так точно, они нас обстреляли. Двоих-троих ранили. Но теперь отошли. Прячутся в зарослях. Больше не стреляют.

— Ясно,— сказал Картер.— Валяйте, начинайте поджигать.

Вебстер бросился к нему.

— Спросите его... Спросите...

Но Картер уже щелкнул тумблером, и радио смолкло.

— Что вы хотели у него спросить?

— Нет, ничего,— ответил Вебстер.— Ничего существенного.

Он не мог сказать Картеру, что один только Грэмп знал, как стреляют из пушки, что Грэмп был там, где произошел взрыв.

Уйти отсюда — и туда, к пушке, возможно скорее!

— Недурно было задумано, Вебстер,— сказал Картер.— Недурно, да только сорвался ваш блеф.

Он снова подошел к окну.

— Все, кончилась стрельба. Быстро сдались.

— Скажите спасибо, если из ваших полицейских хотя бы шестеро живьем вернутся,— огрызнулся Вебстер.— Там, в зарослях, засели люди, которые за сто шагов бьют белку в глаз.

В коридоре послышался топот, две пары ног стремительно приближались к двери.

Мэр отпрянул от окна. Вебстер повернулся на каблуках.

— Грэмп! — крикнул он.

— Привет, Джонни,— выдохнул ворвавшийся в кабинет Грэмп.

За его спиной стоял молодой человек, он размахивал в воздухе чем-то шелестящим, какими-то бумагами.

— Что вам угодно? — спросил мэр.

— Нам много чего угодно,— ответил Грэмп, помолчал, переводя дух, и добавил: — Познакомьтесь: мой друг Генри Адамс.

— Адамс? — переспросил мэр.

— Вот именно, Адамс,— подтвердил Грэмп.— Его дед когда-то жил здесь. На Двадцать седьмой улице.

— А-а...— У мэра был такой вид, словно его стукнули кирпичом.— А-а... Вы говорите про Ф. Дж. Адамса?

— Во-во, он самый,— сказал Грэмп.— Мы с ним вместе воевали. Он мне целыми ночами рассказывал про сына, который дома остался.

Картер взял себя в руки и коротко поклонился Генри Адамсу.

— Разрешите мне,— важно начал он,— как мэру этого города приветствовать...

— Горячее приветствие, ничего не скажешь,— перебил его Адамс.— Я слышал, вы сжигаете мою собственность.

— Вашу собственность?

Мэр осекся, озадаченно глядя на бумаги в руке Адамса.

— Вот именно, его собственность! — отчеканил Грэмп.— Он только что купил этот участок. Мы сюда прямиком из казначейства. Задолженность по налогам покрыта, пени уплачены — словом, конец всем увертками, которыми вы, легальные жулики, хотели оправдать свое наступление на заброшенные дома.

— Но... но...— Мэр никак не мог подобрать нужные слова.— Но ведь не все же, надо думать, а только дом старика Адамса.

— Все, все как есть,— торжествовал Грэмп.

— И я был бы вам очень обязан,— сказал молодой Адамс,— если бы вы попросили ваших людей прекратить уничтожение моей собственности.

Картер наклонился над столом и взялся непослушными руками за радио.

— Максвелл! — крикнул он.— Максвелл! Максвелл!

— В чем дело? — рявкнул в ответ Максвелл.

— Сейчас же прекратите поджигать дома! Тушите пожары! Вызовите пожарников! Делайте что хотите, только потушите пожары!

— Вот те на! — воскликнул Максвелл.— Вы уж решите что-нибудь одно.

— Делайте, что вам говорят! — орал мэр.— Тушите пожары!

— Ладно,— ответил Максвелл.— Хорошо, не кипятитесь. Только ребята вам спасибо не скажут. Они тут головы под пули подставляют, а вы то одно, то другое.

Картер выпрямился.

— Позвольте заверить вас, мистер Адамс, произошла ошибка, прискорбная ошибка.

— Вот именно,— сурово подтвердил Адамс.— Весьма прискорбная ошибка. Самая прискорбная ошибка в вашей жизни.

С минуту они молча мерили взглядом друг друга.

— Завтра же,— продолжал Адамс,— я подаю заявление в суд, ходатайствую об упразднении городской администрации. Если не ошибаюсь, как владелец большей части земель, подведомственных муниципалитету, я имею на это полное право.

Мэр глотнул воздух, потом выдавил из себя:

— На каком основании?..

— А на таком,— ответил Адамс,— что я больше не нуждаюсь в услугах муниципалитета. Думаю, суд не станет особенно противиться.

— Но... но... ведь это означает...

— Во-во,— подхватил Грэмп.— Вы отлично разумеете, что это означает. Вы получили нокаут, вот что это означает.

— Заповедник.— Грэмп взмахнул рукой, указывая на заросли на месте жилых кварталов.— Заповедник, чтобы люди не забывали, как жили их предки.

Они стояли втроем на холме среди торчащих из густой травы массивных стальных опор старой ржавой водокачки.

— Не совсем заповедник,— поправил его Генри Адамс,— а скорее мемориал. Памятник городской эре, которая лет через сто будет всеми забыта. Этакий музей под открытым небом для всякого рода диковинных построек, которые отвечали определенным условиям среды и личным вкусам хозяев. Подчиненных не каким-то единым архитектурным принципам, а стремлению жить удобно и уютно. Через сто лет люди будут входить в эти дома там, внизу, с таким же благоговейным чувством, с каким входят в нынешние музеи. Для них это будет что-то первобытное, так сказать, одна из ступеней на пути к лучшей, более полной жизни. Художники будут посвящать свое творчество этим старым домам, переносить их на свои полотна. Авторы исторических романов будут приходить сюда, чтобы подышать подлинной атмосферой прошлого...

— Но вы говорили, что хотите восстановить все постройки, расчистить сады и лужайки, чтобы все было как прежде,— сказал Вебстер.— На это нужно целое состояние. И еще столько же на уход.

— А у меня чересчур много денег,— ответил Адамс.— Честное слово, куры не клюют. Не забудьте, дед и отец включились в атомный бизнес, когда он только зарождался.

— Дед ваш лихо в кости играл,— сообщил Грэмп.— Бывало, как получка — непременно меня обчистит.

— В старое время,— продолжал Адамс,— когда у человека было чересчур много денег, он мог найти им другое употребление. Скажем, вносил в благотворительные фонды, или на медицинские исследования, или еще на что-нибудь. Теперь нет благотворительных фондов. Некому их поддерживать. И с тех пор, как Всемирный комитет вошел в силу, хватает денег на все исследования, медицинские и прочие. У меня ведь не было никаких планов, когда я решил побывать на родине деда. Просто захотелось поглядеть на его дом, больше ничего. Он мне столько про него рассказывал. Как сажал дерево на лужайке... Какие розы развел за домом... И вот я увидел этот дом. И он был словно манящий призрак прошлого. Вот он брошен, брошен навсегда, а ведь был кому-то очень дорог... Мы стояли с Грэмпом и смотрели, и вдруг я подумал, что могу сделать большое дело, если сохраню для потомства как бы срез прошлого, чтобы могли видеть, как жили их предки.

Над деревьями внизу взвился столбик голубого дыма.

— А как же с ними? — спросил Вебстер, показывая на дым.

— Пусть остаются, если хотят,— ответил Адамс.— Для них найдется работа. И жилье найдется. Меня только одно заботит. Я не могу сам быть здесь все время. Мне нужен человек, который руководил бы этим делом. Посвятил бы ему всю жизнь.

Он посмотрел на Вебстера.

— Валяй, Джонни, соглашайся,— сказал Грэмп.

Вебстер покачал головой.

— Бетти уже присмотрела дом за городом.

— А вам не надо жить тут постоянно,— заметил Адамс.— Будете прилетать каждый день.

Кто-то окликнул их снизу.

— Это Уле! — Грэмп помахал тростью.— Эй, Уле! Поднимайся сюда!

Они молча глядели, как Уле взбирается вверх по склону.

— Потолковать надо, Джонни,— заговорил Уле, подойдя к ним.— Мыслишка есть. Ночью осенило, до утра не спал.

— Выкладывай,— сказал Вебстер.

Уле покосился на Адамса.

— Все в порядке,— успокоил его Вебстер.— Это Генри Адамс. Может, помнишь его деда, старика Ф. Дж.?

— Ну как же, помню,— подтвердил Уле.— Он еще полез в эти атомные дела. Что-нибудь это ему дало?

— И совсем немало,— ответил Адамс.

— Рад слышать. Стало быть, я ошибался, когда говорил, что из него не выйдет толку. Он все мечтал да грезил.

— Так что за идея? — спросил Вебстер.

— Вы, конечно, слышали про туристские ранчо?

Вебстер кивнул.

— Туда городские приезжали, чтобы ковбоев разыгрывать,— продолжал Уле.— Уж так им это нравилось! Они ведь понятия не имели, что настоящее ранчо — это тяжелый труд, им представлялась одна сплошная романтика, скачки на лошадях и...

— Постой,— перебил его Вебстер,— ты что же, задумал свою ферму превратить в такое туристское ранчо?

— Ранчо не ранчо, а вот насчет туристской фермы стоит помозговать. Теперь ведь настоящих ферм почитай что и не осталось, люди все равно не знают толком, что это такое. А уж мы им распишем — про тыквы с кружевами на корке и всякие прочие красоты...

Вебстер внимательно посмотрел на Уле.

— А знаешь, Уле, ведь клюнут. Драться будут, убивать друг друга, только дай им провести отпуск на самой настоящей, неподдельной старинной ферме!

Внезапно из кустов на склоне, мелькая кривыми лезвиями и помахивая длинной металлической рукой, с визгом, рокотом и скрежетом вырвалась какая-то блестящая штуковина.

— Это еще...— начал Адамс.

— Косилка, чтоб ей было пусто! — воскликнул Грэмп.— Я всегда говорил, что она когда-нибудь свихнется и пойдет куролесить!

Комментарий ко второму преданию

Второе предание, при всей его чужеродности, все-таки нам как-то ближе. Здесь впервые читатель ловит себя на чувстве, что это предание могло родиться у лагерного костра Псов. Для первого предания такое предположение немыслимо.

Тут провозглашаются какие-то высокие морально-этические принципы, которые святы для Псов. Далее происходит понятная для Пса борьба, пусть даже в ней обнаруживается моральное и умственное оскудение главного действующего лица.

И появляется близкий нам персонаж — робот. В роботе Дженкинсе, впервые предстающем здесь перед читателем, мы узнаем персонаж, который уже не одну тысячу лет является любимцем щенков. Резон полагает Дженкинса подлинным героем всего цикла. Он видит в Дженкинсе олицетворение авторитета Человека, который продолжал влиять и после того, как исчез сам Человек; видит механическое устройство, посредством которого человеческая мысль еще много столетий направляла Псов, хотя сам Человек ушел.

У нас и теперь есть роботы, приятные и полезные маленькие аппараты, единственное назначение которых — служить нам руками. Впрочем, Псы уже настолько свыклись со своими роботами, что мысленно не отделяют их от себя.

Утверждение Резона, будто робот изобретен Человеком и представляет собой наследие эпохи Человека, решительно опровергается большинством других исследователей цикла.

По мнению Разгона, мысль о том, будто робот сделан и дарован Псам, чтобы они могли создать свою культуру, тотчас отпадает в силу своей романтичности. Он утверждает, что перед нами просто литературный прием, который никак нельзя воспринимать всерьез.

Остается невыясненным, как Псы могли прийти к конструкции робота. Немногие из исследователей, занимавшихся проблемой развития робототехники, отстаивают мнение, что узкоспециальное назначение робота говорит в пользу его изобретения Псом. Такую специализацию, заявляют они, можно объяснить лишь тем, что робот был придуман и изготовлен именно теми существами, для которых он предназначен. Только Пес, утверждают они, мог столь успешно решить такую сложную задачу.

Ссылка на то, что никто из Псов сегодня не сумел бы изготовить робота, ничего не доказывает. Псы сегодня не сумеют изготовить робота потому, что в этом нет нужды, поскольку роботы сами себя изготовляют. Несомненно, когда возникла надобность, Пес создал робота, и, наделив роботов способностью к воспроизводству, которое выразилось в изготовлении себе подобных, он избрал решение, типичное для самих Псов.

И наконец, в этом предании впервые появляется проходящая затем через весь цикл идея, которая давно уже изумляет всех исследователей и большинство читателей. Речь идет о возможности физически покинуть наш мир и достичь заоблачных высей других миров. Почти все рассматривают эту идею как чистую фантастику (вполне допустимую в преданиях и легендах), тем не менее она тоже внимательно изучалась. Большинство исследований подтвердили вывод, что такое путешествие немыслимо. Иначе пришлось бы допустить, что звезды, которые мы видим ночью,— огромные миры, удаленные на чудовищные расстояния от нашего мира. Но ведь всякий знает,

что на самом деле звезды — всего-навсего висящие в небе огни, и многие из них висят совсем близко.

Пожалуй, наиболее удачное объяснение, откуда могла возникнуть идея о заоблачных мирах, предложено Разгоном. Все очень просто, говорит он: древний сказитель по-своему изобразил исстари известные Псам миры гоблинов.

II

БЕРЛОГА

Мелкий дождик из свинцовых туч плыл серыми космами среди оголенных деревьев. Он обволакивал живую изгородь, сглаживал утлы построек, скрадывал даль. Он поблескивал на металлической оболочке безмолвных роботов и серебрил плечи трех людей, слушающих человека в черном облачении, который держал в руках книгу и читал нараспев:

— Я есмь воскресение и жизнь...

Замшелая статуя над входом в крипту словно стремилась ввысь, всеми своими частицами напряженно тянулась к чему-то незримому. Тянулась с того самого далекого дня, когда ее высекли из гранита и водрузили на фамильном склепе как символ, столь близкий сердцу первого Джона Дж. Вебстера в последние годы его жизни.

— И всякий живущий и верующий в меня...

Джером А. Вебстер чувствовал, как его руку стискивают пальцы сына, слышал тихий плач матери, видел неподвижных роботов, почтительно склонивших головы над прахом своего хозяина, возвращающегося в лоно, которое служит конечным пристанищем всего сущего.

Понимают ли они происходящее?.. Понимают ли, что такое жизнь и смерть?.. Почему Нельсон Ф. Вебстер лежит в ящике, почему человек с книгой что-то читает над ним?..

Нельсон Ф. Вебстер, четвертый из обосновавшихся на этих землях Вебстеров, жил и умер тут, почти никуда не выезжая, и теперь его ожидал вечный покой в прибежище, которое первый из них устроил для всех последующих, для долгой призрачной череды потомков, которые будут здесь обитать, лелея установленные Джоном Дж. Вебстером обычаи, нравы и образ жизни.

...Челюсти напряглись, по телу пробежала дрожь. Защипало веки, и гроб расплылся, и голос человека в черном слился с шепотом ветра в соснах, обступивших покойного почетным караулом. В мозгу Джерома А. Вебстера чередовались воспоминания — воспоминания о седом человеке, который бродил по холмам и полям, вдыхая свежий утренний воздух, стоял с рюмкой бренди перед пылающим камином, широко расставив ноги.

Гордость... Гордость, которую дарует человеку власть над землей и бытием. Смирение и благородство, которые прививает человеку покойная жизнь. Отсутствие всякой гонки, сознание, что ты нужен людям, уют привычного окружения, широкое приволье...

Томас Вебстер дергал его за локоть.

— Отец,— шептал он,— отец.

Служба кончилась. Человек в черном облачении закрыл свою книгу. Шестеро роботов шагнули вперед, подняли гроб.

Следом за ними медленно вошли в склеп люди и молча смотрели, как роботы поместили гроб в нишу, затворили дверцу и укрепили дощечку с надписью:

НЕЛЬСОН Ф. ВЕБСТЕР
2034–2117

Все. Только фамилия и дата. И вполне достаточно, подумал Джером А. Вебстер. Больше ничего не надо. То же, что у других членов рода, начиная с Уильяма Стивенса, 1920–1999. Помнится, его прозвали Грэмп Стивенс. На его дочери был женат первый Джон Дж. Вебстер, который тоже здесь покоится: 1951–2020. За ним последовал его сын, Чарлз Ф. Вебстер, 1980–2060. И сын Чарлза, Джон Дж. второй, 2004–2086. Вебстер хорошо помнил своего деда, Джона Дж. второго, любителя подремать у камина с трубкой в зубах, которая вечно грозила подпалить ему баки.

Его глаза обратились к следующей дощечке. Мери Вебстер, мать мальчугана, который стоит рядом с ним. Впрочем, какой там мальчуган! Он все забывает, что Томасу уже двадцать лет и дней через десять он, как и сам Джером А. Вебстер в молодости, отправится на Марс.

Все здесь собраны... Вебстеры, жены Вебстеров, дети Вебстеров. Вместе при жизни, вместе после смерти, спят чинно

и благородно среди бронзы и мрамора, и сосны снаружи, и символическая фигура над позеленевшей дверью...

Роботы молча ждали, закончив свое дело.

Мать посмотрела на него.

— Теперь ты глава семейства, сын мой,— сказала она.

Он прижал ее к себе одной рукой. Глава семейства, от которого кроме него остались двое; его мать и сын. К тому же сын скоро уедет, полетит на Марс. Но он вернется. Вернется с женой, надо думать, и род продолжится. Но будет их всего трое. Большинство комнат усадьбы не будут, как теперь, пустовать. Было время, в усадьбе бурлила жизнь, под одной большой крышей, каждый в своих апартаментах, жили десятки членов семьи. Это время еще вернется, непременно вернется...

Трое Вебстеров повернулись, вышли из склепа и направились обратно к едва различимой во мгле серой громаде дома.

В камине пылал огонь, на столе лежала открытая книга. Джером А. Вебстер протянул руку, взял книгу и еще раз прочел заглавие:

«ФИЗИОЛОГИЯ
И НЕЙРОФИЗИОЛОГИЯ МАРСИАНИНА».
ДЖЕРОМ А. ВЕБСТЕР,
ДОКТОР МЕДИЦИНСКИХ НАУК.

Толстая, солидная — труд целой жизни, пожалуй не имеющий равных в этой области. Основан на данных, собранных за пять лет борьбы с эпидемией на Марсе. Пять лет, когда он день и ночь трудился не покладая рук вместе с товарищами по бригаде, которую Всемирный комитет послал на помощь соседней планете.

Раздался стук в дверь.

— Войдите,— сказал он.

Дверь отворилась, показался робот.

— Ваше виски, сэр.

— Благодарю, Дженкинс.

— Священник уехал, сэр,— сообщил Дженкинс.

— Да-да, конечно... Надеюсь, ты о нем позаботился.

— Так точно, сэр. Вручил ему положенный гонорар и предложил рюмочку спиртного. От рюмочки он отказался.

— Ты допустил оплошность,— объяснил Вебстер.— Священники не пьют.

— Простите, сэр. Я не знал. Он просил меня передать вам, что будет рад видеть вас в церкви.

— Что?..

— Я ответил, сэр, что вы никуда не ходите.

Дженкинс направился к двери, но затем повернулся.

— Простите, сэр, но я хотел сказать, что служба у склепа была очень трогательная. Ваш отец был превосходный, исключительный человек. Все роботы говорят, что служба удалась. Очень благородно получилось. Ему было бы приятно, если бы он знал.

— Ему было бы еще приятнее услышать твои слова, Дженкинс.

— Благодарю, сэр.

Дженкинс вышел.

Виски, книга, горящий камин. Обволакивающий уют привычной комнаты, мир и покой...

Родной дом. Родной дом всех Вебстеров с того самого дня, когда сюда пришел первый Джон Дж. и построил первую часть пространного сооружения. Джон Дж. выбрал это место из-за ручья с форелью, во всяком случае, так он сам говорил. Но дело не только в ручье, не может быть, чтобы дело было только в ручье...

А впрочем, не исключено, что вначале все сводилось к ручью. Ручей, деревья, луга, скалистый гребешок, куда по утрам уползал туман с реки. Все же остальное складывалось постепенно, из года в год. Из года в год семья обживала этот уголок, пока сама земля, что называется, не пропиталась пусть не традицией, но, во всяком случае, чем-то вроде традиции. И теперь каждое дерево, каждый камень, каждый клочок земли стали вебстерскими.

Джон Дж.— первый Джон Дж.— пришел сюда после распада городов, после того как человек раз и навсегда отказался от этих берлог двадцатого века, избавился от древнего инстинкта, под действием которого племена забивались в пещеру или скучивались на прогалине в лесу, соединяясь против общего врага, против общей опасности. Инстинкт этот изжил себя, ведь больше не стало врагов и опасностей. Человек восстал против стадного инстинкта, навязанного ему в далеком прошлом эко-

номическими и социальными условиями. И помогло ему в этом сознание безопасности и достатка.

Начало новому курсу было положено в двадцатом веке, больше двухсот лет назад, когда люди стали переселяться за город ради свежего воздуха, простора и благодатного покоя, которого они никогда не знали в городской толчее.

И вот конечный итог: безмятежная жизнь, мир и покой, возможные только тогда, когда царит полное благополучие. То, к чему люди искони стремились,— поместный уклад, правда, в новом духе, родовое имение и зеленые просторы, атомная энергия и роботы взамен рабов.

Вебстер улыбнулся, глядя на камин с пылающими дровами. Пережиток пещерной эпохи, анахронизм, но прекрасный анахронизм... Практически никакой пользы, ведь атомное отопление лучше. Зато сколько удовольствия! Перед атомной печью не посидишь, не погрезишь, любуясь языками пламени.

А этот склеп, куда сегодня поместили прах отца... Тоже часть — неотъемлемая часть — поместного уклада. Покой, простор, сумрачное благородство. В старину покойников хоронили на огромных кладбищах как попало, бок о бок с чужаками.

«Он никуда не ходит».

Так ответил Дженкинс священнику.

Так оно и есть на самом деле. А для чего ходить куда-то? Все, что тебе нужно, тут, только руку протяни. Достаточно покрутить диск — и можно поговорить с кем угодно лицом к лицу, можно перенестись в любое место, только что не телесно. Можно посмотреть театральный спектакль, послушать концерт, порыться в библиотеке на другом конце света. Совершить любую сделку, не вставая с кресла.

Вебстер проглотил виски, затем повернулся к стоящему возле письменного стола аппарату.

Он набрал индекс по памяти, не заглядывая в справочник. Не в первый раз...

Пальцы нажали рычажок, и комната словно растаяла. Осталось кресло, в котором он сидел, остался угол стола, часть аппарата — и все.

Кресло стояло на горном склоне среди золотистой травы, из которой тут и там торчали искривленные ветром деревца.

Склон спускался к озеру, зажатому в объятиях багряных скал. Крутые скалы, исчерченные синевато-зелеными полосками сосен, ярус за ярусом вздымались вплоть до тронутых голубизной снежных пиков, вонзивших в небо неровные зубья.

Хриплый ветер трепал приземистые деревца, яростно мял высокую траву. Лучи заходящего солнца воспламенили далекие вершины.

Величавое безлюдье, изрытый складками широкий склон, свернувшееся клубком озеро, иссеченные тенями гряды...

Вебстер сидел в покойном кресле и смотрел, прищурившись, на вершины.

Чей-то голос произнес чуть ли не над ухом:

— Можно?

Мягкий, свистящий, явно не человеческий голос. И тем не менее хорошо знакомый. Вебстер кивнул:

— Конечно, конечно, Джуэйн.

Повернув голову, он увидел изящный низкий пьедестал и сидящего на корточках мохнатого марсианина с кроткими глазами. За пьедесталом смутно вырисовывались другие странные предметы — вероятно, обстановка марсианского жилища.

Мохнатая рука марсианина указала на горы.

— Вам нравится этот вид,— произнес он.— Он говорит что-то вашему сердцу Я представляю себе ваше чувство, но во мне эти горы вызывают скорее ужас, чем восторг. На Марсе такой ландшафт немыслим.

Вебстер протянул руку к аппарату, но марсианин остановил его.

— Не надо, оставьте. Я знаю, почему вы здесь уединились. И если я позволил себе явиться в такую минуту, то лишь потому, что подумал: может быть, общество старого друга...

— Спасибо,— сказал Вебстер.— Я вам очень рад.

— Ваш отец,— продолжал Джуэйн,— был замечательный человек. Я помню, вы мне столько рассказывали о нем в те годы, когда работали на Марсе. А еще вы тогда обещали когда-нибудь снова у нас побывать. Почему до сих пор не собрались?

— Дело в том, что я вообще никуда..

— Не надо объяснять,— сказал марсианин.— Я уже понял.

— Мой сын через несколько дней вылетает на Марс. Я скажу ему, чтобы навестил вас.

— Мне будет очень приятно,— ответил Джуэйн.— Я буду ждать его.

Он помялся, потом спросил:

— Ваш сын пошел по вашим стопам?

— Нет,— сказал Вебстер.— Он хочет стать конструктором. Медицина его никогда не привлекала.

— Что ж, он вправе самостоятельно выбирать дорогу в жизни. Но вообще-то хотелось бы...

— Конечно хотелось бы,— согласился Вебстер.— Но тут уже все решено. Может быть, из него выйдет крупный конструктор. Космос... Он думает о звездных кораблях.

— И ведь ваш род сделал достаточно для медицинской науки. Вы, ваш отец...

— И его отец тоже,— добавил Вебстер.

— Марс в долгу перед вами за вашу книгу,— сказал Джуэйн.— Может быть, теперь станет больше желающих специализироваться по Марсу. Из марсиан не получаются хорошие врачи. У нас нет нужной традиции. Странно, как различается психология обитателей разных планет. Странно, что марсиане сами не додумались... Да-да, нам просто в голову не приходило, что болезни можно и нужно лечить. Медицину у нас заменял культ фатализма. Тогда как вы еще в древности, когда люди жили в пещерах...

— Зато вы додумались до многого, чего не было у нас,— сказал Вебстер.— И нам теперь странно, как это мы прошли мимо этих вещей. У вас есть свои таланты, есть области, в которых вы намного опередили нас. Взять хотя бы вашу специальность, философию. Вы сделали ее подлинной наукой, а у нас она была только щупом, которым действовали наугад. Вы создали стройную, упорядоченную систему, прикладную науку, действенное орудие.

Джуэйн открыл рот, помешкал, потом все-таки заговорил:

— У меня складывается одна концепция, совсем новая концепция, которая может дать поразительный результат. Она обещает стать действенным орудием не только для марсиан, но и для вас, людей. Я уже много лет работаю в этом направлении, а основой послужили кое-какие идеи, которые возникли у меня, когда земляне впервые прибыли на Марс. До сих пор я ничего не говорил, потому что не был убежден в своей правоте.

— А теперь убеждены?

— Не совсем, не окончательно. Почти убежден.

Они посидели молча, глядя на горы и озеро. Откуда-то прилетела птица и запела, сев на корявое дерево. Над гребнями вспухли темные тучи, и снежные пики стали похожи на мраморные надгробья. Алое зарево поглотило солнце и потускнело. Еще немного — и костер заката догорит...

Кто-то постучался в дверь, и Вебстер весь напрягся, возвращаясь к действительности, к своему кабинету и креслу. Джуэйн исчез. Разделив с другом минуты раздумья, старый философ тихо удалился.

Снова стук в дверь.

Вебстер наклонился, щелкнул рычажком, и горы исчезли, кабинет снова стал кабинетом. За высокими окнами сгущались сумерки, в камине розовели подернутые пеплом головешки.

— Войдите,— сказал Вебстер.

Дженкинс отворил дверь.

— Обед подан, сэр,— доложил он.

— Спасибо.

Вебстер медленно поднялся на ноги.

— Ваш прибор во главе стола, сэр,— добавил Дженкинс.

— Да-да... Спасибо, Дженкинс. Большое спасибо, что напомнил.

Стоя на краю смотровой площадки, Вебстер провожал взглядом тающий в небе круг, отороченный красными вспышками, которые не могло затмить тусклое зимнее солнце.

Круг исчез, а он все стоял, сжимая пальцами перила, и глядел вверх.

Губы его зашевелились и беззвучно вымолвили: «До свидания, сынок».

Постепенно он очнулся. Заметил людей кругом, увидел теряющееся вдали летное поле с разбросанными по нему конусами космических кораблей. У одного из ангаров сновали тракторы, сгребая остатки выпавшего ночью снега.

Вебстер зябко поежился. Удивился, с чего бы это: полуденное солнце грело хорошо,— и снова поежился.

С трудом оторвавшись от перил, он двинулся к зданию космопорта. Внезапно его обуял дикий страх, нелепый, необъяснимый страх перед бетонной плоскостью смотровой площадки. Страх сковал холодом его душу и заставил ускорить шаг.

Навстречу, помахивая портфелем, шел мужчина. «Только бы не заговорил со мной»,— лихорадочно подумал Вебстер.

Мужчина не сказал ни слова, даже не посмотрел на него, и Вебстер облегченно вздохнул.

Быть бы сейчас дома... Час отдыха после ленча, в камине пылают дрова, на железной подставке мелькают красные блики... Дженкинс приносит ликер, что-то говорит невпопад...

Он прибавил шагу, торопясь поскорее уйти с холодной, голой бетонной площадки.

Странно, отчего ему так тяжело далось прощание с Томасом. Конечно, разлука — вещь неприятная, это естественно. Но чтобы в последние минуты расставания им овладел такой ужас, это никак не естественно. Ужас при одной мысли о предстоящем сыну путешествии через космос, ужас при мысли о чужом, марсианском мире, хотя Марс теперь вряд ли можно назвать чужим: земляне больше ста лет знают его, осваивают, живут на нем, некоторые даже полюбили его.

И однако, лишь величайшее напряжение воли помешало ему в последние секунды перед стартом корабля выскочить на летное поле, взывая к Томасу: «Вернись! Не улетай!»

Это был бы, конечно, совершенно недопустимый поступок. Унизительная, позорная демонстрация чувств, никак не подобающая одному из Вебстеров.

В самом деле, что такое путешествие на Марс? Ничего особенного, во всяком случае теперь. Когда-то полет на Марс был событием, но это время давно миновало. Он сам туда летал, провел на Марсе пять долгих лет. Это было... Он мысленно ахнул... Да, это было около тридцати лет назад.

Дежурный робот распахнул перед ним дверь зала ожидания, и в лицо ему ударил гул и рокот многих голосов. В этом гуле было что-то такое жуткое, что он на миг остановился. Потом вошел, и дверь мягко закрылась за ним.

Прижимаясь к стене, чтобы ни с кем не столкнуться, он прошел в уголок к свободному креслу и съежился в нем, глядя на толчею в зале.

Люди, шумные, суетливые, с чужими, замкнутыми лицами... Чужаки, сплошь чужаки. Ни одного знакомого лица. Всем куда-то надо. Направляются на другие планеты. Спешат. В последнюю минуту что-то вспоминают, мечутся туда-сюда...

В толпе мелькнуло знакомое лицо. Вебстер подался вперед.

— Дженкинс! — крикнул он и почувствовал неловкость, хотя никто не обратил внимания на его возглас.

Робот остановился перед ним.

— Передай Раймонду,— продолжал Вебстер,— что мне надо немедленно возвращаться домой. Пусть сейчас же подаст вертолет.

— К сожалению, сэр,— сказал Дженкинс,— мы не можем вылететь сейчас. Механики обнаружили неисправность в атомной камере и теперь заменяют ее. На это уйдет несколько часов.

— Уверен, что с этим можно подождать до другого раза,— нетерпеливо возразил Вебстер.

— Механики говорят — нельзя. Камеру может прорвать в любую минуту. И вся энергия...

— Ладно, ладно,— перебил его Вебстер,— нельзя так нельзя.

Он мял в руках свою шляпу.

— Срочное дело,— заговорил он опять.— Я только что вспомнил. Мне нужно попасть домой, я не могу ждать несколько часов.

Вебстер сидел как на иголках, глядя на мельтешащих людей. Лица... лица...

— Может быть, вы свяжетесь по видеофону? — предложил Дженкинс.— И дадите поручение кому-нибудь из роботов. Тут есть будка...

— Погоди, Дженкинс.— Вебстер помялся, потом продолжал: — Нет у меня никаких срочных дел. Но мне непременно надо вернуться домой. Я не могу здесь оставаться. Еще немного — и я потеряю рассудок. Мне стало вдруг страшно там, на площадке. И здесь мне тоже не по себе. У меня такое чувство... странное, ужасное чувство. Дженкинс, я...

— Я понимаю вас, сэр,— ответил Дженкинс.— У вашего отца было то же самое.

— У отца?!

— Да-да, сэр, вот почему он никуда не выезжал. И началось это у него примерно в вашем возрасте. Он задумал поехать в Европу, но так и не доехал. Вернулся с полпути. Он это как-то называл.

Вебстер молчал, ошеломленный услышанным.

— Называл...— вымолвил он наконец.— Ну конечно, есть какое-то название. Значит, и отец этим страдал... А дед как?

— Не могу знать, сэр,— ответил Дженкинс.— Когда меня создали, ваш дед был в преклонных летах. А вообще это вполне возможно. Он тоже никуда не выезжал.

— Значит, ты меня понимаешь. Знаешь, что это такое. Мне невмоготу, я заболеваю. Постарайся нанять другой вертолет, придумай что-нибудь, чтобы нам поскорее добраться до дома.

— Слушаюсь, сэр,— сказал Дженкинс, трогаясь с места, но Вебстер остановил его.

— Дженкинс, а кто-нибудь еще об этом знает? Кто-нибудь...

— Нет, сэр,— ответил Дженкинс.— Ваш отец никогда об этом не говорил. И не хотел, чтобы я говорил, я это чувствовал.

— Благодарю, Дженкинс,— сказал Вебстер.

Он снова съежился в кресле. Ему было тоскливо, одиноко, неуютно, одиноко в гудящем зале, битком набитом людьми. Нестерпимое, выматывающее душу одиночество.

Тоска по дому — вот как это называется. Самая настоящая, не приличествующая взрослому мужчине тоска по дому. Чувство, простительное подростку, который впервые покидает отчий дом и оказывается один в незнакомом мире.

Есть у этого явления мудреное название — агорафобия, что означает боязнь пространства, а если буквально перевести с греческого — страх перед рыночной площадью.

Может быть, пройти через зал к будке видеофона, соединиться с домом, поговорить с матерью или с кем-нибудь из роботов? Или еще лучше: просто посидеть и посмотреть на усадьбу, пока Дженкинс не придет за ним.

Он привстал, но тут же опять опустился в кресло. Какой смысл? Говорить, смотреть — это все не то. Не вдохнешь морозный воздух с привкусом сосны, не услышишь, как скрипит под ногами снег на дорожке, не погладишь рукой стоящие вдоль нее могучие дубы. Не согреет тебя тепло очага, и не будет душа пронизана благодатным, покойным чувством неразделимого единства с принадлежащим тебе клочком земли и всем, что на нем стоит.

А может, все-таки станет легче? Хотя бы чуть-чуть. Он снова привстал, и опять его сковало бессилие. Мысль о двух-трех десятках шагов, отделявших его от будки, вызывала в нем ужас, нестерпимый ужас. Чтобы одолеть это пространство, придется бежать. Бежать, спасаясь от устремленных на тебя глаз, от чуждых звуков, от мучительного соседства чужих лиц.

Он поспешно сел.

Пронзительный женский голос рассек гудение в зале, и он сжался, как от удара. До чего же скверно, до чего отвратительно на душе. И что это Дженкинс копается...

Через открытое окно в кабинет струилось первое дыхание весны, оно сулило таяние снегов, зеленую листву и цветы, клинья перелетных птиц в голубых небесах, таящихся в заводях прожорливых лососей.

Вебстер поднял взгляд от бумаг на столе, легкий ветерок пощекотал ему ноздри, погладил щеку холодком. Рука потянулась за коньячной рюмкой, но рюмка была пуста, и он поставил ее на место.

Снова наклонился над бумагой, взял карандаш и вычеркнул какое-то слово.

Потом придирчиво прочел заключительные абзацы главы:

«Тот факт, что из двухсот пятидесяти человек, приглашенных мной для обсуждения достаточно важных вопросов, приехали только трое, еще не означает, что все остальные страдают агорафобией. Вполне возможно, что уважительные причины помешали многим принять мое приглашение. И все же есть основание говорить о растущем нежелании людей, быт которых определяется укладом, возникшим после распада городов, покидать привычные места, об усиливающемся стремлении не расставаться с окружением, ассоциирующимся с представлением об уюте и полном довольстве. Сейчас нельзя точно предсказать, чем чревата такая тенденция, ведь пока она коснулась только малой части обитателей Земли. В больших семьях материальные обстоятельства вынуждают кого-то из сыновей искать счастья в других краях, даже на других планетах. Многих манит космос с его приключениями и возможностями, а многие избирают такое занятие, которое само по себе исключает сидячий образ жизни».

Он перевернул страницу и пробежал всю статью до конца.

Стоящая статья, несомненно, но публиковать ее нельзя, сейчас нельзя. Может быть, после его смерти. Насколько он мог судить, еще никто не подметил этой тенденции, все воспринимают домоседство как нечто естественное. В самом деле, зачем куда-то ездить?

«Чревато определенными угрозами...» — пробормотал телевизор рядом с ним, и он протянул руку к переключателю.

Кабинет растаял, и он увидел прямо перед собой человека, сидящего за рабочим столом, который казался продолжением стола Вебстера.

Седые волосы, печальные глаза за толстыми линзами очков. Удивительно знакомое лицо...

— Неужели...— заговорил наконец Вебстер.

Его собеседник угрюмо улыбнулся.

— Да, я изменился,— сказал он.— Вы тоже. Моя фамилия Клейборн. Вспомнили? Марс, медицинская бригада...

— Клейборн. Я о вас часто думал. Вы остались на Марсе.

Клейборн кивнул:

— Я прочел вашу книгу, доктор. Первоклассный труд, очень нужный. Я много раз сам собирался сесть и написать такую книгу, но все некогда. И очень хорошо, что не собрался. Вы справились с задачей гораздо лучше. Особенно хорош раздел о мозге.

— Марсианский мозг всегда меня занимал,— сказал Вебстер.— Есть некоторые специфические особенности. Боюсь, я тогда уделял ему больше времени, чем имел на это право. Нас ведь не за тем посылали.

— Вы поступили правильно,— ответил Клейборн.— Я потому и обратился к вам теперь. У меня тут есть пациент — операция на мозге. Только вы можете справиться.

— Вы доставите его сюда? — У Вебстера перехватило дыхание, задрожали руки.

Клейборн покачал головой:

— Его нельзя перевозить. Да вы его, наверно, знаете, это философ Джуэйн.

— Джуэйн? Он один из моих лучших друзей. Мы же с ним разговаривали два дня назад.

— Внезапный приступ,— сказал Клейборн.— Он хотел вас видеть.

Вебстер онемел, скованный холодом — непостижимым холодом, от которого лоб его покрылся испариной, пальцы сжались в кулак.

— Вы можете успеть, если отправитесь немедленно,— продолжал Клейборн.— Я уже договорился с Всемирным комитетом, чтобы вам тотчас предоставили корабль. Сейчас все решает быстрота.

— Но...— заговорил Вебстер.— Но... я не могу прилететь...

— Не можете прилететь?!

— Это не в моих силах,— сказал Вебстер.— И вообще, почему непременно я? Вы прекрасно...

— Нет, я не справлюсь,— перебил его Клейборн.— Только вы, только у вас есть необходимые знания. Жизнь Джуэйна в ваших руках. Если вы прилетите, он будет жить. Не прилетите — умрет.

— Я не могу отправиться в космос.

— Космические полеты всем доступны,— отрезал Клейборн.— Это не то, что прежде. Вас подготовят, создадут любые условия.

— Вы не понимаете,— взмолился Вебстер.— Вы...

— Не понимаю,— подтвердил Клейборн.— Мне совершенно не понятно, чтобы человек мог отказаться спасти другу жизнь...

Они долго смотрели в упор друг на друга, не произнося ни слова.

— Я передам в комитет, чтобы ракету подали прямо к вашему дому,— сказал наконец Клейборн.— Надеюсь, к тому времени вы решитесь.

Клейборн пропал, и стена вернулась на свое место. Стена и книги, камин и картины, милая сердцу мебель, дыхание весны из открытого окна.

Вебстер сидел неподвижно в кресле, глядя на стену перед собой.

Джуэйн... Мохнатое лицо в морщинах, свистящий шепот. Дружелюбный, проницательный Джуэйн. Познавший вещество, из которого сотканы грезы, и вылепивший из него логику, нормы жизни и поведения. Джуэйн, для которого философия — прикладная наука, орудие, средство усовершенствовать жизнь.

Вебстер спрятал лицо в руках, борясь с нахлынувшим на него отчаянием.

Клейборн не понял его. Да и откуда ему понять, ведь он не знает, в чем дело. А хотя бы и знал... Разве он, Вебстер, сумел бы понять другого человека, не испытай он сам неодолимый ужас при мысли о том, чтобы покинуть родной очаг, родной край, свои владения — эту кумирню, которую он себе воздвиг? Впрочем, не он один, ее воздвигали все Вебстеры Начиная с первого Джона Дж. Мужчины и женщины, созидавшие привычный уклад, священную традицию.

В молодости он, Джером А. Вебстер, летал на Марс и не подозревал о гнездящейся в его жилах психологической отраве. Как улетел Томас несколько месяцев назад. Но тридцать лет безмятежного бытия в логове, которое стало Вебстерам родным домом, привели к тому, что эта отрава достигла пагубной концентрации незаметно для него. Да у него просто не было случая заметить ее.

Теперь-то ясно, как это вышло, абсолютно ясно. Привычка и умственный стереотип, понятие о счастье, обусловленное определенными вещами, которые сами по себе не обладают вещественной ценностью, но твой род — пять поколений Вебстеров — сообщил им вполне конкретную, определенную ценность.

Неудивительно, что в других местах тебе неуютно, неудивительно, что тебя оторопь берет при одной мысли о чужих горизонтах.

И ничего тут не поделаешь Разве что кто-нибудь срубит все деревья до одного, спалит дом и изменит течение рек и ручьев. Да и то еще неизвестно...

Телевизор зажужжал, Вебстер поднял голову и нажал рукой рычажок.

Кабинет озарился белым сиянием, но изображения не было Чей-то голос сказал:

— Секретный вызов. Секретный вызов.

Вебстер отодвинул филенку в аппарате, покрутил два диска и услышал гудение тока в экранирующем устройстве.

— Есть секретность,— сказал он.

Белое сияние погасло, и по ту сторону стола возник человек, которого он видел не раз в телевизионных выпусках извес-

тий, на страницах газеты. Гендерсон, председатель Всемирного комитета.

— Ко мне обратился Клейборн,— начал Гендерсон.

Вебстер молча кивнул.

— Он говорит, вы наотрез отказываетесь лететь на Марс.

— Ничего подобного,— возразил Вебстер — Мы не договорили, когда он отключился. Я сказал ему, что не в силах лететь, но он стоял на своем, не хотел меня понять

— Вебстер, вы должны лететь,— сказал Гендерсон.— Только вы достаточно изучили мозг марсиан и можете провести эту операцию. Если бы не такой серьезный случай, возможно, справился бы кто-нибудь другой. Но тут такое дело...

— Может быть, вы и правы,— сказал Вебстер,— но .

— Речь идет не просто о спасении жизни,— продолжал Гендерсон,— пусть даже жизни такого видного деятеля, как Джуэйн. Тут все гораздо сложнее. Джуэйн ваш друг. Вероятно, он вам говорил о своем открытии

— Да,— подтвердил Вебстер.— Он говорил о какой-то новой философской концепции.

— Эта концепция исключительно важна для нас,— объяснил Гендерсон.— Она преобразит Солнечную систему, за несколько десятков лет продвинет человечество вперед на сто тысячелетий. Речь идет о совсем новой перспективе, о новой цели, которой мы и не представляли до сих пор Совершенно новая истина, понимаете? Которая еще никому не приходила в голову.

Вебстер стиснул руками край стола так, что суставы побелели.

— Если Джуэйн умрет,— сказал Гендерсон,— концепция умрет вместе с ним. И возможно, будет утрачена навсегда.

— Я постараюсь,— ответил Вебстер.— Постараюсь .

Глаза Гендерсона посуровели.

— Это все, что вы можете сказать?

— Да, все.

— Но, помилуйте, должна же быть какая-то причина! Какое-то объяснение!

— Это уж мое дело,— сказал Вебстер.

Решительным движением он нажал выключатель.

Сидя у рабочего стола, Вебстер рассматривал свои руки. Искусные, знающие руки. Руки, которые могут спасти больного, если он их доставит на Марс. Могут спасти для человечества, для марсиан, для всей Солнечной системы идею, новую идею, которая за несколько десятков лет продвинет их вперед на сто тысячелетий.

Но руки эти скованы фобией, следствием тихой, безмятежной жизни. Регресс, по-своему пленительный и... гибельный.

Двести лет назад человек покинул многолюдные города, эти коллективные берлоги. Освободился от древних страхов и суеверий, которые заставляли людей жаться к костру, распростился с нечистью, которая вышла вместе с ним из пещер.

Но вот поди ж ты...

Опять берлога. Берлога не для тела, а для духа. Психологический родовой костер со своим световым кругом, переступить который нет сил.

Но он должен, он обязан переступить круг. Подобно тому как люди двести лет назад покинули города, так и он обязан сегодня выйти из этого дома. И не оглядываться назад.

Он должен лететь на Марс. Хотя бы сесть в ракету. Никаких «но», он обязан отправиться в путь.

Выдержит ли он полет, сможет ли провести операцию, если благополучно прибудет на место, этого он не знал. Может ли агорафобия стать причиной смерти? В острой форме, пожалуй, может...

Он протянул руку к колокольчику, но остановился. Зачем беспокоить Дженкинса? Лучше самому собрать вещи. Будет какое-то занятие, пока придет ракета.

Сняв с верхней полки стенного шкафа в спальне чемодан, он обнаружил на нем пыль. Подул, однако пыль не хотела отставать. Слишком много лет она копилась.

Пока он собирал вещи, комната спорила с ним.

«Ты не можешь уехать,— говорила она, как говорят с человеком неодушевленные предметы, с которыми его связывает давняя привычка.— Не можешь меня бросить».

«Я должен ехать,— виновато оправдывался Вебстер.— Как ты не понимаешь? Речь идет о друге, моем старом друге. Я вернусь».

Покончив со сборами, он прошел в кабинет и тяжело опустился в кресло.

Он должен ехать, но не в силах... Ничего, когда придет ракета, когда настанет время, он сможет, он выйдет из дома и направится к ожидающему кораблю.

Вебстер упорно настраивал себя на нужный лад, зажимая ум в тиски одной-единственной мысли: он уезжает.

А окружающие вещи не менее упорно вторгались в сознание, точно сговорились удержать его дома. Он смотрел на них так, словно видел впервые. Старые, привычные предметы вдруг стали новыми. Хронометр, показывающий земное время, марсианское время, дни недели и фазы Луны. Фотография умершей жены. Школьные награды. Сувенирный доллар в рамке — память о полете на Марс — стоимостью в десять обыкновенных долларов.

Он рассматривал их сперва нехотя, потом жадно, запечатлевая в памяти каждый предмет. Теперь он видел их отдельно от комнаты, с которой все эти годы они составляли нечто неразделимое для него. Он даже не представлял, как много единиц составляет это единство.

Сгущались сумерки, сумерки ранней весны, сумерки, пахнущие пушистой вербой.

...Где же ракета? Он поймал себя на том, что напрягает слух, хотя знал, что ничего не услышит. Атомные двигатели гудят только в те минуты, когда корабль наращивает скорость. А садится и взлетает он бесшумно, как пушинка.

Ракета скоро прилетит. Она должна прилететь скоро, иначе он никуда не поедет. Если ожидание затянется, его вымученная решимость растает, как снег под дождем. Он не сможет устоять в поединке с настойчивым призывом комнаты, с переливами огня в камине, с бормотанием земли, на которой прожили свою жизнь и нашли вечный покой пять поколений Вебстеров.

Он закрыл глаза, подавляя озноб. Не поддаваться, ни в коем случае не поддаваться! Надо выдержать. Когда придет ракета, он должен найти в себе силы встать и выйти из дома...

Послышался стук в дверь.

— Войдите,— сказал Вебстер.

Это был Дженкинс; его металлический кожух переливался блестками в свете пылающего камина.

— Вы не звали меня, сэр? — спросил он.

Вебстер отрицательно покачал головой.

— Я боялся, вы меня позовете и будете удивляться, почему я не иду. Меня отвлекло нечто из ряда вон выходящее, сэр. Два человека прилетели на ракете и заявили, что должны отвезти вас на Марс.

— Прилетели... Почему ты меня сразу не позвал?

Он тяжело поднялся на ноги.

— Я не видел причины беспокоить вас, сэр,— ответил Дженкинс.— Такая нелепость! Мне удалось втолковать им, что вы и не помышляете о том, чтобы лететь на Марс.

Вебстер оцепенел, сердце его похолодело от ужаса. Руки нащупали край стола, он опустился в кресло и ощутил, как стены кабинета смыкаются вокруг него — смыкается западня, из которой ему никогда не вырваться.

Комментарий к третьему преданию

Для полюбивших это предание тысяч читателей оно примечательно тем, что здесь впервые выступают Псы. Исследователю видится в нем гораздо больше. По существу это повесть о вине и суетности. Продолжается распад рода людского. Человека преследует чувство вины, а присущие ему метания и неустойчивость приводят к тому, что появляются люди-мутанты.

Предание пытается рационалистически объяснить мутации, и доходит до того, что Псы изображаются как некая модификация исходной расы. Согласно преданию, без мутаций невозможно совершенствование вида, однако ничего не говорится о том, что для устойчивости общества необходим определенный статический фактор. Весь цикл отчетливо свидетельствует, что род людской недооценивал устойчивость.

Резон, который тщательно проштудировал цикл, чтобы подкрепить свое утверждение, будто предания на самом деле созданы Человеком, считает, что ни один Пес не стал бы выдвигать мутационную гипотезу, как совершенно несовместимую с убеждениями его народа. Подобное воззрение, заявляет он, могло родиться только в каком-то ином разуме.

Однако Разгон отмечает, что цикл изобилует примерами, когда суждения, прямо противоположные Псовой логике, излагаются сочувственно. Перед нами, говорит он, всего лишь типичный прием искусного рассказчика, который смещает ценности, добиваясь разительного драматического эффекта.

В том, что Человек намеренно выведен как персонаж, осознающий свои изъяны, нет никакого сомнения. Одно из действующих лиц комментируемого предания, Грант, мечтает об уме, «свободном от шор», и совершенно ясно, что он подразумевает какие-то изъяны человеческого мышления. Он говорит Нэтэниелу, что люди всегда чем-то озабочены. С каким-то инфантильным простодушием он уповает на теорию Джуэйна как на средство, которое еще может спасти род людской.

И тот же Грант, видя, что наклонность к разрушению заложена в самой сути его сородичей, в конце поручает Нэтэниелу продолжать начинания человечества.

Из всех персонажей цикла Нэтэниел, вероятно, единственный, у кого есть реальный исторический прообраз. Имя Нэтэниел часто встречается в других родовых преданиях. Конечно, Нэтэниел заведомо не мог совершить всего того, что приписывают ему эти предания. Тем не менее принято считать, что он жил на самом деле и играл видную роль. Естественно, теперь за давностью нельзя установить, в чем именно заключалась эта роль.

Род Вебстеров, с которым мы познакомились еще в первом предании, занимает важное место и во всех остальных частях цикла. Можно видеть в этом дополнительное подтверждение выводов Резона, однако не исключено, что и здесь речь идет о приеме искусного сказителя: род Вебстеров нужен лишь для того, чтобы нанизать на один стержень предания, которые в остальном довольно слабо связаны между собой.

Того, кто склонен все читаемое понимать буквально, наверно, возмутит намек на то, что Псы представляют собой продукт вмешательства Человека. Борзый, для которого весь цикл не что иное, как миф, считает, что тут перед нами стародавняя попытка объяснить происхождение нашего рода. Отсутствие подлинного знания прикрывается толкованием, подразумевающим этакое вмешательство свыше. Простой и для неразвитого ума вполне приемлемый и убедительный способ объяснить то, о чем совсем ничего не известно.

III

ПЕРЕПИСЬ

Ричард Грант сидел, отдыхая, у журчащего ручья, который стремительно скатывался вниз по склону и пересекал извилистую тропу. Вдруг мимо него прошмыгнула белка и мигом взбежала вверх по стволу могучего гикори. Следом за белкой в вихре сухих листьев из-за поворота выскочил маленький черный пес.

Заметив Гранта, пес круто остановился; глаза его сверкали веселым озорством.

Грант усмехнулся.

— Здорово,— сказал он.

— Привет,— отозвался пес, виляя хвостом.

Грант сел прямо и удивленно разинул рот. Пес стоял и смеялся, вывесив язык красной тряпкой.

Грант показал большим пальцем на дерево.

— Твоя белка там, наверху.

— Спасибо,— ответил пес.— Я знаю. Слышу запах.

Грант быстро оглянулся. Розыгрыш? Кто-то балуется чревовещанием? Однако он никого не увидел. Лес был пуст, если не считать его самого, пса, бурлящий ручей и возбужденно цокающую белку.

Пес подошел ближе.

— Меня зовут Нэтэниел,— сказал он.

Сам сказал. Никакого сомнения. Речь почти как у человека, только очень тщательно выговаривает слова, как обучающийся чужому языку. И необычное произношение, какой-то неуловимый акцент...

— Я живу тут, за горой,— сообщил Нэтэниел.— У Вебстеров.

Он сел и застучал хвостом по сухим листьям. Его морда выражала полное блаженство.

Внезапно Грант щелкнул пальцами.

— Брюс Вебстер! Ну конечно. Как я сразу не сообразил. Рад познакомиться, Нэтэниел.

— А вы кто? — спросил Нэтэниел.

— Я? Ричард Грант, счетчик.

— А что такое счет... счет...

— Счетчик считает людей,— объяснил Грант.— Я занимаюсь переписью.

— Я еще многих слов не знаю,— сказал Нэтэниел.

Он встал, подошел к ручью, шумно полакал, потом распластался на земле рядом с человеком.

— Стрельнете белку? — спросил он.

— А тебе этого хочется?

— Конечно.

Но белка уже исчезла. Они обошли вокруг дерева, придирчиво осматривая почти голые ветви. Ни торчащего из мячика пушистого хвоста, ни устремленных на них бусинок-глаз... Пока они разговаривали, белка улизнула.

Нэтэниел был явно обескуражен, но долго унывать не стал.

— Останьтесь на ночь у нас! — предложил он.— А утром пойдем на охоту. Весь день будем охотиться!

Грант рассмеялся.

— Зачем же вас затруднять. Я привык спать на воле.

— Брюс будет вам рад,— настаивал Нэтэниел.— И Дед не станет возражать. Он все равно плохо соображает.

— А кто это Дед?

— Его настоящее имя Томас,— сказал Нэтэниел.— Но мы все зовем его Дедом. Он отец Брюса. Ужасно старый. Весь день сидит и думает про одно дело, которое было давным-давно.

— Знаю,— кивнул Грант.— Джуэйн...

— Вот-вот,— подтвердил Нэтэниел.— А что это такое?

Грант покачал головой:

— Боюсь, Нэтэниел, я не сумею объяснить. Сам толком не знаю.

Он вскинул на плечо вещевой мешок, потом нагнулся и почесал псу за ухом. Нэтэниел осклабился от удовольствия.

— Спасибо,— сказал он и побежал по тропе.

Грант последовал за ним.

Томас Вебстер сидел на лужайке, глядя вдаль на вечерние холмы.

Завтра мне исполнится восемьдесят шесть, думал он. Восемьдесят шесть... Чертова уйма лет. Пожалуй, даже чересчур много для одного человека. Особенно когда он не способен больше ходить и глаза начинают отказывать. Элси испечет какой-нибудь дурацкий торт с кучей свечек, роботы преподнесут мне подарок, и Брюсовы собаки придут поздравить меня с

днем рождения и повилять хвостами. Будут также поздравления по видеофону — надо думать, не так уж много. Я буду пыжиться и твердить, что доживу до ста лет, и все будут хихикать в кулак и говорить: «Ну, расхвастался старый дурень». Восемьдесят шесть лет, и было у меня в жизни два заветных замысла, один удалось осуществить, другой — нет.

Из-за гребня, каркая, вылетела ворона, скользнула вниз, в долину, и пропала в тени. На реке далеко-далеко крякали дикие утки.

Скоро появятся звезды. Теперь рано темнеет. Томас Вебстер любил смотреть на них. Звезды!.. Он довольно погладил ладонями подлокотники качалки. Видит бог, звезды — его конек. Навязчивая идея? Допустим. Но и средство стереть давнишнее пятно, щит, который оградит их род от сплетников, называющих себя историками. И Брюс тоже молодец. Эти его псы...

Кто-то прошел по траве за его спиной.

— Ваше виски, сэр,— сказал голос Дженкинса.

Томас Вебстер уставился на робота, потом взял с подноса рюмку.

— Благодарю, Дженкинс.

Он покрутил пальцем рюмку.

— Скажи, Дженкинс, сколько лет ты у нас подаешь виски?

— Вашему отцу подавал... А еще раньше — его отцу.

— Новости есть? — спросил старик.

Дженкинс покачал головой:

— Никаких.

Томас Вебстер сделал маленький глоток.

— Значит, они вышли далеко за пределы Солнечной системы. Так далеко, что даже станция на Плутоне не может их ретранслировать. Прошли полпути до альфы Центавра, если не больше. Мне бы только дожить...

— Доживете, сэр,— сказал Дженкинс.— Я печенкой чувствую.

— Откуда у тебя печенка? — возразил старик.

Он медленно потягивал виски, придирчиво проверяя вкус языком. Опять воды слишком много. Говори не говори... На Дженкинса злиться нет смысла, это все доктор, чтоб его! Каждый раз заставляет Дженкинса разбавлять чуть больше. Тут жить всего-то ничего осталось, а тебе даже выпить не дают по-человечески...

— Что это там? — спросил он, показывая на взбирающуюся на бугор тропу.

Дженкинс повернулся и посмотрел.

— Похоже, сэр, Нэтэниел к нам гостя ведет.

Псы дружно пожелали спокойной ночи и ушли.

Брюс Вебстер улыбнулся, провожая их взглядом.

— Славная компания,— сказал он и продолжал, обращаясь к Гранту: — Представляю, как Нэтэниел напугал вас сегодня.

Грант поднял рюмку с бренди, поглядел на свет.

— Что правда, то правда. Напугал. Но тут же я вспомнил, что читал про ваши занятия. Конечно, это не по моей части, но о вашей работе написано немало популярных статей, язык там вполне доступный.

— Не по вашей части? — удивился Вебстер.— Но разве...

Грант рассмеялся.

— Я понимаю: переписчик... Счетчик, так сказать. Это я, никуда не денешься.

Вебстер смешался, самую малость.

— Простите, мистер Грант, я не хотел вас...

— Что вы, что вы,— успокоил его Грант,— я привык. Для всех я человек, который записывает фамилию, имя, возраст обитателей усадьбы и отправляется дальше. Естественно, так проводились переписи в старину. Чистый подсчет, только и всего. Статистическое мероприятие. Но не забудьте: последняя перепись проводилась больше трехсот лет назад. С тех пор многое на свете произошло, немало перемен.

— Интересно,— сказал Вебстер.— У вас этот массовый учет выглядит даже как-то зловеще.

— Чего там зловещего,— возразил Грант.— Все вполне логично. Мы занимаемся анализом. Важно не количество людей, а что за люди живут на свете, о чем они помышляют, чем занимаются.

Вебстер сел глубже в кресле, вытянул ноги к пылающему камину.

— Другими словами, вы собираетесь подвергнуть меня психоанализу, мистер Грант? — Вебстер опустошил рюмку и поставил ее на стол.

— В этом нет необходимости. Всемирный комитет знает все, что ему надо знать о таких людях, как вы. Речь идет о

других, у вас здесь их называют горянами, на севере — дикими лесовиками, на юге — еще как-то. Тайное, позабытое племя, люди, которые ушли в дебри, задали стрекача, как только Всемирный комитет ослабил государственные узы.

Вебстер прокашлялся.

— Ослабить государственные узы было необходимо,— сказал он.— История это докажет. Пережитки отягощали государственную структуру еще до появления Всемирного комитета. Как триста лет назад не стало смысла в городских властях, так теперь нет надобности в национальных правительствах.

— Вы совершенно правы,— согласился Грант.— Но ведь с ослаблением авторитета государства ослабла и его власть над отдельным человеком. Стало проще простого устроить свою жизнь вне рамок государства, отречься от его благ и от обязательств перед ним. Всемирный комитет не противился этому. Ему было не до того, чтобы заниматься недовольными и безответственными элементами. А их набралось предостаточно. Взять хотя бы фермеров, у которых гидропоника отняла кусок хлеба. Как они поступили? Откололись. И вернулись к примитивному быту. Что-то выращивали, охотились, ставили капканы и силки, заготавливали дрова, помаленьку воровали. Лишенные средств к существованию, они повернули вспять, возвратились к земле, и земля их кормила.

— Это было триста лет назад,— сказал Вебстер.— Всемирный комитет махнул рукой на них. Не совсем, конечно, для них делали, что могли, но и не особенно беспокоились, это верно, если кто-то ударялся в бега. С чего же вдруг такой интерес?

— Да просто теперь наконец руки дошли, надо думать.

Грант пытливо посмотрел на хозяина дома. Вебстер сидел перед камином в непринужденной позе, но в лице его чувствовалась сила, и контрастная игра светотеней на суровых чертах создавала почти сюрреалистический портрет.

Грант порылся в кармане, достал трубку, набил ее табаком.

— Есть еще одна причина,— произнес он.

— Что?

— Я говорю, есть еще причина, почему затеяли перепись. Вообще-то ее все равно провели бы, общая картина населения земного шара всегда пригодится. Но не только в этом дело.

— Мутанты,— сказал Вебстер.

Грант кивнул:

— Совершенно верно. А как вы догадались?

— Я работаю с мутациями,— объяснил Вебстер.— Вся моя жизнь связана с ними.

— Появляются образцы совсем необычного художественного творчества,— продолжал Грант.— Нечто совершенно новое: свежие, новаторские литературные произведения, музыка, которая не признает традиционных выразительных средств, живопись, не похожая ни на что известное. И все это анонимно или подписано псевдонимами.

Вебстер усмехнулся:

— И конечно, тайна не дает покоя Всемирному комитету.

— Дело даже не в этом,— говорил Грант.— Комитет волнуют не столько литература и искусство, сколько другие, менее очевидные вещи. Само собой, если где-то подспудно возникает ренессанс, он должен прежде всего выразиться в новых формах искусства и литературы. Но ведь этим ренессанс не исчерпывается...

Вебстер сел еще глубже в кресле и подпер подбородок ладонями.

— Кажется, я понимаю, куда вы клоните,— произнес он.

Они долго сидели молча, только огонь потрескивал да осенний ветер о чем-то хмуро шептался с деревьями за окном.

— И ведь была возможность,— заговорил Вебстер, словно размышляя вслух,— возможность открыть дорогу новым взглядам, расчистить мусор, который накопился за четыре тысячи лет в сознании людей. Но один человек все смазал.

Грант поежился, тут же спохватился — не заметил Вебстер его реакцию? — и замер.

— Этот человек,— продолжал Вебстер,— был мой дед...

Грант почувствовал, что надо что-то сказать, дальше молчать просто нельзя.

— Но Джуэйн мог и ошибиться,— произнес он.— Может быть, на самом деле никакой новой философии вовсе и не было.

— Как же, мы хватаемся за эту мысль как за соломинку. Да только вряд ли это так. Джуэйн был великий философ, пожалуй, величайший из всех философов Марса. Если бы он тогда выжил, он создал бы новое учение, я в этом не со-

мневаюсь. Но он не выжил. Не выжил, потому что мой дед не мог вылететь на Марс.

— Ваш дед не виноват,— сказал Грант.— Он хотел, он пытался лететь. Но человек бессилен против агорафобии.

Вебстер взмахом руки отмел его слова.

— Что было, то было. Тут уж ничего не воротишь, и мы вынуждены из этого исходить. И так как мой род, мой дед...

У Гранта округлились глаза, его вдруг осенило:

— Псы! Вот почему вы...

— Вот именно, псы,— подтвердил Вебстер.

Издалека, с реки, вторя плачу ветра в листве, донесся жалобный звук.

— Енот,— заметил Вебстер.— Сейчас псы начнут рваться на волю.

Звук повторился вроде бы ближе, а может быть, это только показалось. Вебстер выпрямился в кресле, потом наклонился вперед, глядя на огонь в камине.

— И в самом деле, почему бы не попробовать? — рассуждал он.— У пса есть индивидуальность. Это сразу чувствуется, какого ни возьми. Что ни пес — свой нрав, свой темперамент. И все умные, пусть в разной степени. А больше ничего и не требуется: толика разума и осмысливающая себя индивидуальность. Все дело в том, что природа с самого начала поставила их в невыгодные условия, создала им две помехи: они не могли говорить и не могли ходить прямо, а значит, не было возможности развиться рукам. Если бы отнять у нас речь и руки и отдать им, мы могли стать псами, а псы — людьми.

— Для меня это совсем ново, я как-то никогда не представлял себе ваших псов мыслящими созданиями,— сказал Грант.

— Еще бы! — В голосе Вебстера был оттенок горечи.— Иначе и быть не могло. Вы смотрели на них так же, как большинство людей до сих пор смотрят. Ученые собачки, домашние животные, забавные зверюги, которые теперь еще могут даже разговаривать с вами. Но разве этим дело исчерпывается? Вовсе нет, Грант, клянусь вам. До сих пор человек шел путями разума один-одинешенек, обособленный от всего живого. Так представьте себе, насколько дальше мы могли бы продвинуться и насколько быстрее, будь на свете два сотрудничающих между собой мыслящих, разумных вида. Ведь они мыслили

бы по-разному! И сверялись бы друг с другом. Один спасует — другой додумается. Как в старину говорили: ум хорошо, а два лучше. Представляете, Грант? Другой разум, отличный от человеческого, но идущий с ним рука об руку. Разум, способный заметить и осмыслить вещи, не доступные человеку, способный, если хотите, создать философские системы, каких не смог создать человек.

Он протянул к огню руки, растопырив длинные властные пальцы с узловатыми суставами.

— Они не могли говорить, и я дал им речь. Это было нелегко, ведь язык и гортань собаки не приспособлены для членораздельной речи. Но хирургия сделала свое — не сразу, конечно, через промежуточные этапы,— хирургия и скрещивание. Зато теперь... теперь, надеюсь... Конечно, утверждать что-нибудь рано...

Грант взволнованно наклонился к нему:

— Вы хотите сказать, что перемены, которые вы внесли, передаются по наследству? Хирургические коррективы закрепились в генах?

Вебстер покачал головой:

— Сейчас еще рано что-нибудь утверждать. Но лет через двадцать я, пожалуй, смогу вам ответить.

Он взял со стола бутылку с бренди и вопросительно поглядел на Гранта.

— Благодарю,— кивнул тот.

— Я плохой хозяин,— извинился Вебстер.— Вы распоряжайтесь сами.

Он поглядел на огонь через рюмку.

— У меня был хороший материал. Собаки — сметливый народ. Сметливее, чем вы думаете. Обыкновенная дворняга различает полсотни слов, больше, вплоть до ста. Добавьте вторую сотню — вот вам уже и обиходная лексика. Может быть, вы обратили внимание на речь Нэтэниела? Самые простые, необходимые слова.

Грант кивнул:

— Простые и короткие. Он сам сказал мне, что многое еще не может выговорить.

— В общем, работы еще непочатый край,— продолжал Вебстер.— Главное впереди. Взять хотя бы чтение. Собака видит не так, как мы с вами. Я экспериментировал с линзами,

они корректируют зрение собак, так что оно приближается к нашему. Не поможет — есть другой способ. Пусть человек подлаживается. Научимся печатать такие книги, чтобы псы могли их читать.

— А сами псы, они что об этом думают?

— Псы? — повторил Вебстер.— Хотите верьте, хотите нет, Грант, они в восторге. И дай им Бог...— добавил он, уставившись на пламя.

Следом за Дженкинсом Грант поднялся на второй этаж, где помещались спальни, но в коридоре его окликнул скрипучий голос из-за приоткрытой двери:

— Это вы, приятель?

Грант озадаченно остановился.

— Это старый хозяин, сэр,— прошептал Дженкинс.— Ему часто не спится.

— Да! — отозвался Грант.

— Устали? — спросил голос.

— Не очень.

— Тогда зайдите ко мне,— пригласил старик.

Томас Вебстер сидел в постели, обложенный подушками, в полосатом ночном колпаке. Он перехватил удивленный взгляд Гранта.

— Лысею... Зябко без головного убора. А шляпу в постель не наденешь.

Потом прикрикнул на Дженкинса:

— А ты что стоишь? Не видишь, гостю выпить надо.

— Слушаюсь, сэр.— Дженкинс удалился.

— Садитесь,— предложил Томас Вебстер.— Садитесь и приготовьтесь слушать. Я как наговорюсь, потом лучше засыпаю. Да и не каждый день мы новые лица видим.

Грант сел.

— Ну как вам мой сын? — спросил старик.

— Ваш сын?..— Необычный вопрос озадачил Гранта.— Ну, по-моему, он просто молодец. То, чего он добился с собаками...

Старик усмехнулся:

— Ох уж этот Брюс со своими собаками! Я вам не рассказывал, как Нэтэниел сцепился со скунсом? Конечно, не рассказывал. Мы с вами еще двумя словами не перемолвились.

Его руки скользнули по простыням, длинные пальцы нервно теребили ткань.

— У меня ведь еще сынок есть, Ален. Я его просто Алом зову. Он сейчас далеко от Земли, так далеко еще ни один человек не забирался. К звездам летит.

Грант кивнул:

— Знаю. Читал. Экспедиция на альфу Центавра.

— Мой отец был хирургом,— продолжал Томас Вебстер.— Хотел и меня врачом сделать. Должно быть, сильно переживал, что я не пошел по его следам. Но если бы он дожил до этого дня, он сейчас гордился бы нами.

— Вам не надо бояться за сына,— сказал Грант.— Он...

Взгляд старика остановил его.

— Я сам построил корабль. Конструировал, наблюдал за сборкой. Космос сам по себе ему не страшен, он дойдет до цели. И парень у меня молодчина. Если надо, сквозь ад эту колымагу проведет.

Он сел попрямее, при этом подушки сдвинули его колпак набекрень.

— У меня есть еще одна причина верить, что он достигнет цели и благополучно вернется домой. Тогда я не придал этому особенного значения, но в последнее время все чаще вспоминаю и задумываюсь... Может быть, на самом деле... уж не...

Он перевел дух.

— Только не подумайте, я не религиозный.

— Ну конечно же,— сказал Грант.

— То есть ничего похожего,— твердил Вебстер.

— Какая-нибудь примета? — спросил Грант.— Предчувствие? Озарение?

— Ни то, ни другое, ни третье,— заявил старик.— А почти полная уверенность, что фортуна за меня. Что именно мне было предначертано построить корабль, который решит эту задачу. Кто-то где-то надумал, что пора уже человеку достичь звезд и не худо бы ему немного подсобить.

— Можно подумать, что вы подразумеваете какой-то случай,— сказал Грант.— Какое-то реальное событие, которое дает вам право верить в успех экспедиции.

— Провалиться мне на месте! — подхватил Вебстер.— Я это самое и подразумевал. А случилось это событие двадцать лет назад на лужайке перед этим самым домом.

Он сел еще прямее, в груди у него сипело.

— Понимаете, я тогда был совершенно выбит из седла. Рухнуло все, о чем я мечтал. Годы потрачены впустую. Основной принцип, как достичь необходимых для межзвездных полетов скоростей, никак не давался мне в руки. И, что хуже всего, я знал, что не хватает пустяка. Осталось сделать маленький шажок, внести в проект какую-то ничтожную поправку. Но какую? И вот сижу я на лужайке, настроение хуже некуда, чертеж лежит на траве передо мной. Я с ним не расставался, всюду носил с собой и смотрел на него, все надеялся, что меня вдруг осенит. Вы знаете, иногда так бывает...

Грант кивнул.

— Ну вот, сижу и вижу: идет человек. Из этих, горян. Вы знаете, кто такие горяне?

— Конечно,— сказал Грант.

— Да... Идет он развинченной походочкой, с таким видом, словно в жизни никаких забот не знал. Подошел, остановился за спиной у меня, поглядел на чертеж и спрашивает, чем это я занят. «Космический движитель»,— говорю. Он нагнулся и взял чертеж. Я подумал, пусть берет, все равно он в этом ничего не смыслит. Да и чертеж-то никчемный. А он поглядел на него, потом возвращает мне и показывает пальцем: «Вот,— говорит,— где загвоздка». Повернулся — и ходу. А я сижу и гляжу ему вслед, не то чтобы окликнуть его — слова вымолвить не могу, так он меня огорошил.

Старик сидел очень прямо в сбившемся набок ночном колпаке, вперив взгляд в стену. За окном гулкий ветер ухал под застрехами. Казалось, в ярко освещенную комнату вторглись призраки, хотя Грант твердо знал, что их нет.

— А потом вам удалось найти его? — спросил он.

Старик покачал головой:

— Нет, он словно сквозь землю провалился.

Вошел Дженкинс, поставил рюмку на столик возле кровати.

— Я еще приду, сэр,— обратился он к Гранту.— Покажу вам вашу спальню.

— Не беспокойтесь,— ответил Грант.— Только объясните, я сам найду.

— Как изволите, сэр. Это третья дверь по коридору. Я включу свет и оставлю дверь открытой.

Они посидели молча, слушая, как удаляются шаги робота.

Старик поглядел на виски и прокашлялся.

— Эх, жаль, не попросил я Дженкинса принести рюмочку на мою долю,— сказал он.

— Ничего, берите мою,— отозвался Грант.— Я вполне могу обойтись.

— Правда?

— Честное слово.

Старик взял рюмку, сделал глоток, вздохнул.

— Совсем другое дело,— сказал он.— А то мне Дженкинс все время водой разбавляет.

Чем-то этот дом действовал на нервы... Тихо перешептываются стены, а ты здесь посторонний, и тебе зябко, неуютно.

Сидя на краю постели, Грант медленно расшнуровал ботинки и сбросил их на ковер.

Робот, который служит уже четвертому поколению и говорит о давно умерших людях так, будто вчера подавал им виски... Старик, мысли которого заняты кораблем, скользящим во мраке глубокого космоса за пределами Солнечной системы... Ученый, который мечтает о другой расе — расе, способной идти по дорогам судьбы лапа об руку с человеком...

И над всем этим вроде бы и неосязаемая, но в то же время явственная тень Джерома А. Вебстера — человека, который предал друга... Врача, который не выполнил своего долга.

Джуэйн, марсианский философ, умер накануне великого открытия, потому что Джером А. Вебстер не мог оставить этот дом, потому что агорафобия приковала его к клочку земли в несколько квадратных километров.

В одних носках Грант прошел к столу, на который Дженкинс положил его котомку. Расстегнул ремни, поднял клапан, достал толстый портфель. Вернулся к кровати, сел, вынул из портфеля кипу бумаг и стал перебирать их.

Анкеты, сотни анкет... Запечатленная на бумаге повесть о жизни сотен людей. Не только то, что они сами ему рассказали, не только ответы на его вопросы — десятки других подробностей, все, что он подметил за день или час, наблюдая, более того, общаясь с ними как свой.

Да, скрытные обитатели этих горных дебрей принимают его как своего. А без этого ничего не добьешься. Принимают

как своего, потому что он приходит пешком, усталый, исцарапанный колючками, с котомкой на спине. Никаких новомодных штучек, которые могли бы насторожить их, вызвать отчуждение. Утомительный способ проводить перепись, но ведь иначе не выполнишь того, что так нужно, так необходимо Всемирному комитету.

Потом где-то кто-то, исследуя вот такие листки, которые он разложил на кровати, найдет искомое, отыщет приметы жизни, отклонившейся от общепринятых человеческих канонов. Какую-нибудь особенность в поведении, по которой сразу отличишь жизнь другого порядка.

Конечно, мутации среди людей не такая уж редкость. Известно много мутантов, ставших выдающимися личностями. Большинство членов Всемирного комитета — мутанты, но их особые качества и таланты обтесаны господствующим укладом, мысли и восприятие безотчетно направляются по тому же руслу, в которое втиснуты мысли и восприятие других людей.

Мутанты были всегда, иначе род людской не двигался бы вперед. Но до последнего столетия их не умели распознавать. Видели в них замечательных организаторов, великих ученых, гениальных плутов. Или же оригиналов, которые возбуждали когда презрение, когда жалость массы, не признающей отклонения от нормы.

Преуспевал в мире тот из них, кто приспосабливался, держал свой могучий разум в рамках общепринятого. Но это сужало их возможности, снижало отдачу, вынуждая держаться колеи, проложенной для менее одаренных.

Да и теперь способности действующих в обществе мутантов подсознательно тормозились устоявшимися канонами, шорами узкого мышления.

Грант достал из портфеля тоненькую папку и с чувством, близким к благоговению, прочел заглавие:

«НЕОКОНЧЕННЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ ТРУД
И ДРУГИЕ ЗАМЕТКИ ДЖУЭЙНА».

Нужен разум, свободный от шор, не скованный четырехтысячелетними канонами человеческого мышления, чтобы нести дальше факел, поднятый было рукой марсианского философа. Факел, освещающий подходы к новому взгляду на жизнь и ее назначение, указывающий человечеству более про-

стые и легкие пути. Учение, которое за несколько десятилетий продвинет человечество на тысячи лет вперед.

Джуэйн умер, и в этом самом доме, хоронясь от суда обманутого человечества, дожил свою горькую жизнь человек, который до последнего дня слышал голос мертвого друга.

Кто-то тихонько поскребся в дверь. Грант оцепенел, прислушиваясь. Опять... А теперь вкрадчивое повизгивание.

Грант быстро убрал бумаги в портфель и подошел к двери. И только приотворил ее, как в комнату черной тенью просочился Нэтэниел.

— Оскар не знает, что я здесь,— сообщил он.— Оскар мне задаст, если узнает.

— Кто такой Оскар?

— Робот, он смотрит за нами.

— Ну и что тебе надо, Нэтэниел? — усмехнулся Грант.

— Хочу говорить с тобой,— сказал Нэтэниел.— Ты со всеми говорил. С Брюсом, с Дедом. Только со мной не говорил, а ведь я тебя нашел.

— Ладно,— согласился Грант.— Валяй, говори.

— Ты озабочен,— заявил Нэтэниел.

Грант нахмурился:

— Верно, озабочен... Люди постоянно чем-нибудь озабочены. Пора тебе это знать, Нэтэниел.

— Тебя гложет мысль о Джуэйне. Как Деда нашего.

— Не гложет,— возразил Грант.— Просто я очень интересуюсь этим делом. И надеюсь.

— А что с Джуэйном? — спросил Нэтэниел.— И кто он такой, и...

— Его нет, понимаешь? — ответил Грант.— То есть был когда-то, но умер много лет назад. Осталась идея. Проблема. Задача. Нечто такое, о чем нужно думать.

— Я умею думать,— торжествующе сообщил Нэтэниел.— Иногда подолгу думаю. Но я не должен думать как люди. Это Брюс мне так говорит. Он говорит, мое дело думать по-собачьему, не стараться думать как люди. Говорит, собачьи мысли ничуть не хуже людских, может, даже намного лучше.

Грант серьезно кивнул:

— В этом что-то есть, Нэтэниел. В самом деле, ты не должен думать как человек. Ты...

— Собаки знают много, чего не знают люди,— хвастался Нэтэниел.— Мы такое видим и слышим, чего человек не может видеть и слышать. Иногда мы воем ночью, и люди гонят нас на двор. Но если бы они могли видеть и слышать то же, что мы, они бы от страха с места не двинулись. Брюс говорит, что мы... мы...

— Медиумы?

— Вот-вот,— подтвердил Нэтэниел.— Никак не запомню все слова.

Грант взял со стола пижаму.

— Как насчет того, чтобы переночевать здесь, Нэтэниел? Можешь устроиться у меня в ногах.

Нэтэниел недоверчиво воззрился на него.

— Нет, правда ты так хочешь?

— Конечно. Если нам, человеку и псу, суждено быть наравне, зачем откладывать, начнем сейчас.

— Я не испачкаю постель,— сказал Нэтэниел.— Честное слово. Оскар купал меня вечером.

Он поскреб лапой ухо.

— Разве что одну-две блохи оставил.

Грант растерянно смотрел на атомный пистолет. Удобнейшая штука, пригодна для всего на свете: хоть сигарету прикурить, хоть человека убить. Рассчитан на тысячу лет, не боится ни сырости, ни тряски — во всяком случае, так утверждает реклама. Никогда не отказывает. Вот только сейчас почему-то не слушается...

Направив дуло в землю, он как следует встряхнул пистолет. Никакого эффекта. Легонько постучал по камню — хоть бы что.

Над беспорядочным нагромождением скал спускался сумрак. Где-то в дальнем конце долины раскатился несуразный хохот филина. На востоке незаметно проклюнулись первые звездочки, на западе ночь поглощала прозрачную зелень заката.

Около большого камня лежит кучка хвороста, рядом припасена еще целая гора, хватит до утра. Но с испорченным пистолетом костра не разжечь...

Грант тихо выругался при мысли о холодной ночевке и холодном ужине.

Еще раз постучал пистолетом по камню, теперь уже посильнее. Пустой номер...

В тени между деревьями хрустнула ветка, и Грант рывком выпрямился. У могучего ствола, уходящего в сумеречное небо, стоял человек, высокий, угловатый.

— Привет,— сказал Грант.

— Что-нибудь не ладится, приятель?

— Да пистолет...— начал Грант и осекся: незачем этой темной личности знать, что он безоружен.

Незнакомец шагнул вперед с протянутой рукой.

— Что, не работает?

Грант почувствовал, как у него забирают из рук пистолет.

Незнакомец присел на корточки, посмеиваясь. Как ни силился Грант рассмотреть, что он делает, в сгущающемся мраке были видны лишь размытые контуры рук, мелькающие тени над блестящим металлом.

Что-то звякнуло, скрипнуло. Чужак шумно втянул носом воздух и рассмеялся. Снова звякнул металл, чужак встал и протянул пистолет Гранту.

— Полный порядок,— сказал он.— Лучше прежнего будет работать.

Хрустнула ветка, Грант закричал:

— Эй, погодите!..

Но незнакомец уже пропал, меж призрачных стволов растаял черный призрак. По телу Гранта от пяток вверх пополз холодок — не от ночного воздуха... Зубы застучали во рту, короткие волосы на затылке поднялись дыбом, от плеча к пальцам побежали мурашки.

Тишина... Лишь чуть слышно журчит вода в ручейке за камнем.

Дрожа, он опустился на колени возле кучки хвороста и нажал спуск пистолета. Выплеснулся язычок голубого пламени, и вот уже костер пылает вовсю.

Когда Грант подошел к изгороди, старик Дэйв Бэкстер восседал на верхней жерди, дымя коротенькой трубочкой, почти и не видной в густой бороде.

— Здорово, приятель,— сказал Дэйв.— Лезь сюда, присаживайся рядышком.

Грант примостился на изгороди. Перед ним простиралось поле, среди кукурузных снопов пестрели золотистые тыквы.

— Просто так шатаешься? — спросил старик Дэйв.— Или что вынюхиваешь?

— Вынюхиваю,— признался Грант.

Дэйв вынул трубочку изо рта, плюнул, потом воткнул ее на место. Борода нежно обвила ее с опасностью для себя.

— Раскопки?

— Да нет,— ответил Грант.

— А то лет пять тому рыскал тут один,— сообщил Дэйв.— В земле копался, что твой крот. Откопал место, где прежде город стоял, так все вверх дном перевернул. И осточертел же он мне расспросами: расскажи ему про город, и все тут. Да ведь я ничего толком и не помню. Слышал однажды, как мой дед говорил название этого города, так и то позабыл, провалиться мне на этом месте. У этого молодчика были с собой какие-то старые карты, он их и так и этак крутил, все чего-то дознаться хотел, да так, должно, и не дознался.

— Охотник за древностями,— предположил Грант.

— Он самый, видать,— согласился старик Дэйв.— Я уж от него хорониться стал. А то еще один явился, такой же мудрец. Тот какую-то старую дорогу искал: дескать, здесь проходила. Тоже все с картами носился. Ушел от нас довольный такой — нашел, дескать, а у меня духу не стало втолковать ему: мол, не дорога то была, а тропа старая, коровы протоптали.

Он хитро поглядел на Гранта:

— Случаем ты не старые дороги ищешь, а?

— Нет, что вы,— ответил Грант.— Я переписчик.

— Чего-чего?

— Переписчик,— повторил Грант.— Вот запишу, как вас звать, сколько лет, где живете.

— Это еще зачем?

— Правительству надо знать.

— Нам от правительства ничего не надобно,— заявил старик Дэйв.— Чего же ему от нас нужно?

— Правительству от вас ничего не нужно,— объяснил Грант.— Напротив, глядишь, надумает вам деньжонок подбросить. Всякое может быть.

— Коли так,— сказал Дэйв,— это другое дело.

Сидя на жерди, они смотрели на простирающийся за полем ландшафт. Над позолоченной осенним пламенем берез лощиной вился дымок из незримой трубы. Ручей ленивыми петлями пересекал бурый осенний луг, дальше один над другим высились пригорки, ярусы пожелтевших кленов.

Солнце пригревало согнутую спину Гранта, воздух был наполнен запахом жнивья. Благодать, сказал он себе. Урожай хороший, дрова припасены, дичи хватает. Что еще надо человеку...

Он поглядел на притулившегося рядом старика, на избороздившие его лицо мягкие морщины безмятежной старости и попробовал представить жизнь наподобие этой — простую сельскую жизнь, что-то вроде далекой поры, когда шло освоение Америки, со всеми ее прелестями, но без ее опасностей.

Старик Дэйв вынул изо рта трубку, указал ею на поле.

— Вон сколько еще делов,— сказал он.— А кому их делать-то? От молодых никакого проку, пропади они пропадом. Им бы все охотиться. Да рыбачить. А машины только и знают, что ломаются. Мастак машины чинить этот Джо.

— Ваш сын?

— Нет. Живет тут в лесу один чудила. Придет, наладит все — и прощайте, только его и видели. Иной раз и слова не вымолвит. Спасибо сказать не успеешь, его уже след простыл. Который год ходит. Дед говорил, первый раз пришел, когда он еще молодой был. И до сих пор ходит.

— Как же так? — ахнул Грант.— Все один и тот же?

— Ну! А я о чем толкую. Не поверишь, приятель, с первого раза, как я его увидел, вот столько не постарел. Да-а, странный малый... Чего только о нем тут не услышишь. Дед все рассказывал, как он мудрил с муравьями.

— С муравьями?

— То-то и оно. Накрыл муравейник стеклом, вроде как дом построил, и отапливал зимой. Так мне дед рассказывал. Мол, своими глазами видел. Да только брехня все это. Дед мой был во всей округе первый враль. Сам прямо так и говорил.

Из солнечной ложбины, над которой курился дымок, донесся по воздуху звонкий голос колокола.

Старик слез с изгороди и выколотил трубочку, щурясь на солнце.

В осенней тишине снова раскатился гулкий звон.

— Это мать,— сообщил Дэйв.— Обедать зовет. Небось печеные яблоки в тесте. Вкуснятина, язык проглотишь. Давай пошли живей.

Чудила, который чинит сломанные вещи и уходит, не дожидаясь благодарности. Человек, внешность которого за сто лет ничуть не изменилась. Странный малый, который накрыл стеклянным колпаком муравейник и зимой отапливал его.

Бессмыслица какая-то, и, однако, чувствуется, что старик Бэкстер не сочиняет. Тут не просто очередная небылица, родившаяся в лесной глуши, не плод, так сказать, народной фантазии.

Фольклор сразу распознаешь, у него свое лицо есть и своя примета — особый, характерный юморок. А здесь совсем другое дело. Что забавного, хоть бы и для жителей лесной глуши, в том, чтобы накрыть муравейник стеклянным куполом и отапливать его? Юмор подразумевает эффектную концовку, а тут ничего похожего нет.

Подтянув ватное одеяло к самому подбородку, Грант беспокойно ворочался на матрасе, набитом обертками кукурузных початков.

Чудно, подумал он, где только мне не приходится спать: сегодня — на кукурузном матрасе, вчера — в лесу у костра, позавчера — на пружинах и чистых простынях в усадьбе Вебстеров...

Ветер прошелся по ложбине снизу доверху, попутно подергал отставшую дранку, вернулся и снова подергал ее. Во мраке чердака шуршала мышь. Ровное дыхание доносилось с другой кровати, где спали двое младших Бэкстеров.

Человек, который чинит сломанные вещи и уходит, не дожидаясь благодарности... Так было с пистолетом. Так уже много лет происходит с отбившимися от рук машинами Бэкстера. Чудак по имени Джо, которого годы не берут и который с любой поломкой справляется...

В голове Гранта родилась одна мысль, он поспешил отогнать ее. Не надо тешить себя надеждой. Знай присматривайся, задавай невинные с виду вопросы, держи ушки на макушке... Да поосторожнее выспрашивай, не то сразу замкнутся, что твоя устрица.

Непонятный народ эти горяне. Сами для прогресса ничего не делают и себе ничего от него не желают. Распростились с цивилизацией, только лес и поле, солнце и дождь над ними хозяева.

Места для них на Земле хватает, на всех хватает. Ведь за последние двести лет население сильно поредело, пионеры полчищами отправлялись осваивать другие планеты Солнечной системы, насаждать в других мирах земные порядки.

Вдоволь места, земли и дичи...

А может быть, правда на их стороне? Помнится, за те месяцы, что он бродит по здешним горам, эта мысль посещала его не раз, в такие минуты, как сейчас, под теплым домашним одеялом, на удобном шершавом кукурузном матрасе, когда ветер шепчется в драночной кровле. Или когда Грант, примостившись на изгороди, глядел, как золотистые тыквы греют бока на солнце.

Что-то зашуршало во мраке: матрас, на котором спали мальчуганы. Потом по доскам тихо прошлепали босые ноги.

— Вы не спите, мистер? — шепотом.

— Никак нет. Забирайся ко мне.

Мальчуган нырнул под одеяло и воткнул ему в живот холодные подошвы.

— Дедушка вам говорил про Джо?

Грант кивнул в темноте:

— Он сказал, что Джо давно уже здесь не показывался.

— И про муравьев говорил?

— Говорил. А ты что знаешь про муравьев?

— Мы с Биллом недавно нашли их, это наш секрет. Никому не говорили, вы первый. Вам небось можно сказать, вы от правительства к нам присланный.

— И что, муравейник на самом деле стеклянным колпаком накрыт?

— Ага, накрыт... Да это... это...— Мальчуган захлебывался от возбуждения.— Это еще что! У муравьев этих самых тележки есть, а из муравейника трубы торчат, а из труб дым идет. А потом... а потом...

— Ну, что потом было?

— Потом мы с Биллом оробели. Не стали больше глядеть. Оробели и дали тягу.

Мальчишка поерзал на матрасе, устраиваясь удобнее.

— Нет, это же надо, а? Муравьи тележки волокут!

Муравьи и в самом деле тащили тележки. Из муравейника в самом деле торчали трубы, и они извергали крохотные клубы едкого дыма — признак плавки металлов.

С колотящимся от волнения сердцем Грант присел подле муравейника, глядя на тележки, которые сновали по дорожкам, теряющимся среди кочек. Туда идут пустые, обратно — груженные семенами, а то и расчлененными насекомыми. Знай себе катят, весело подпрыгивая, малюсенькие тележки, запряженные муравьями!

Плексигласовый купол, некогда защищавший муравейник, стоял на месте, но он весь потрескался и выглядел так, словно исчерпал свою роль и нужда в нем пропала.

Муравейник стоял на изрезанном склоне, спадающем к утесам над рекой; огромные камни чередовались с крохотными лужайками и купами могучих дубов. Глухое место — должно быть, здесь редко звучит голос человека, только ветер шелестит листвой да попискивают зверушки, снующие по своим потайным тропкам.

Место, где муравьи могли существовать, не опасаясь ни плуга, ни ноги странника, продолжая линию жизни без разума, которая началась за миллионы лет до того, как появился человек, и до того, как на планете Земля родилась первая абстрактная мысль. Ограниченная, застойная жизнь, весь смысл которой сводился к существованию муравьиного рода.

И вот кто-то перевел стрелку, направил муравьев по другой стезе, открыл им тайну колеса, тайну выплавки металлов. Сколько помех для развития культуры, для прогресса убрано тем самым с пути этого муравейника?

Угроза голода, надо думать, одна из них. Избавленные от необходимости непрерывно добывать пищу, муравьи получили досуг, который можно было использовать на что-то другое.

Еще одно племя ступило на путь к величию, развивая свое общество, заложенное в седой древности, задолго до того, как тварь, именуемая человеком, начала осознавать свое предназначение.

Куда приведет этот путь? Чем станет муравей еще через миллион лет? Найдут ли, смогут ли найти человек и муравей общий знаменатель, чтобы вместе созидать свое будущее, как сейчас находят этот знаменатель пес и человек?

Грант покачал головой. Сомнительно... Ведь в жилах пса и человека течет одна кровь, а муравей и человек — небо и земля. Этим двум организмам не дано понимать друг друга. У них нет той общей основы, которая для пса и человека сложилась в палеолите, когда они вместе дремали у костра и вместе настораживались при виде хищных глаз в ночи.

Грант скорее почувствовал, чем услышал, шелест шагов в высокой траве за своей спиной. Живо встал, повернулся и увидел перед собой мужчину. Долговязого мужчину с покатыми плечами и огромными ручищами, которые оканчивались чуткими белыми пальцами.

— Это вы Джо? — спросил Грант.

Незнакомец кивнул:

— А вы субъект, который охотится за мной.

— Что ж, пожалуй,— оторопело признался Грант.— Правда, не за вами лично, но за такими людьми, как вы.

— Не такими, как все,— сказал Джо.

— Почему вы тогда не остались? Почему убежали? Я не успел поблагодарить вас за починку пистолета.

Джо смотрел на Гранта, не произнося ни слова, но было видно, что он от души веселится.

— И вообще,— продолжал Грант,— как вы догадались, что пистолет неисправен? Вы за мной следили?

— Я слышал, как вы об этом думали.

— Слышали, как я думал?

— Да,— подтвердил Джо.— Я и сейчас слышу ваши мысли.

Грант натянуто усмехнулся. Не очень кстати, но вполне логично. Этого следовало ожидать, и не только этого...

Он показал на муравейник:

— Это ваши муравьи?

Джо кивнул, и Гранту снова показалось, что он с трудом удерживается от смеха.

— А что тут смешного? — рассердился Грант.

— Я не смеюсь,— ответил Джо, и Грант почему-то ощутил жгучий стыд, словно он был ребенком, которого нашлепали за плохое поведение.— Вам следовало бы опубликовать свои

записи,— сказал он.— Можно будет сопоставить их с тем, что делает Вебстер.

Джо пожал плечами:

— У меня нет никаких записей.

— Нет записей?

Долговязый подошел к муравейнику и остановился, глядя на него.

— Вероятно, вы сообразили, почему я это сделал? — спросил он.

Грант глубокомысленно кивнул:

— Во всяком случае, пытался понять. Скорее всего, вам было любопытно посмотреть, что получится. А может быть, вами руководило сострадание к менее совершенной твари. Может быть, вы подумали, что преимущество на старте еще не дает человеку единоличного права на прогресс.

Глаза Джо сверкнули на солнце.

— Любопытство, пожалуй. Мне это не приходило в голову.

Он присел подле муравейника.

— Вы никогда не задумывались, почему это муравей продвинулся так далеко, потом остановился? Создал почти безупречную социальную организацию и на том успокоился? Что его осадило?

— Ну хотя бы существование на грани голода,— ответил Грант.

— И зимняя спячка,— добавил долговязый.— Ведь зимняя спячка что делает — стирает все, что отложилось в памяти за лето. Каждую весну начинай все с самого начала. Муравьи не могли учиться на ошибках, собирать барыш с накопленного опыта.

— Поэтому вы стали их подкармливать...

— ...и отапливать муравейник,— подхватил Джо,— чтобы избавить их от спячки. Чтобы им не надо было каждую весну начинать все сначала.

— А тележки?

— Я смастерил две-три штуки и подбросил им. Десять лет присматривались, наконец все же смекнули, что к чему.

Грант кивком указал на трубы.

— Это они уже сами,— сказал Джо.

— Что-нибудь еще?

Джо досадливо пожал плечами:

— Откуда мне знать?

— Но ведь вы за ними наблюдали! Пусть даже не вели записей, но ведь наблюдали.

Джо покачал головой:

— Скоро пятнадцать лет, как не приходил сюда. Сегодня пришел только потому, что вас услышал. Не забавляют меня больше эти муравьи, вот и все.

Грант открыл рот и снова закрыл его. Произнес:

— Так вот оно что. Вот почему вы это сделали. Для забавы.

Лицо Джо не выражало ни стыда, ни желания дать отпор, только досаду, дескать, хватит, сколько можно говорить о муравьях. Вслух он сказал:

— Ну да. Зачем же еще?

— И мой пистолет, очевидно, он тоже вас позабавил.

— Пистолет— нет,— возразил Джо.

Пистолет — нет... Конечно, балда, при чем тут пистолет? Ты его позабавил, ты сам. И сейчас забавляешь.

Наладить машины старика Дэйва Бэкстера, смотаться, не говоря ни слова,— для него это, конечно, была страшная потеха. А как он, должно быть, ликовал, сколько дней мысленно покатывался со смеху после случая в усадьбе Вебстеров, когда показал Томасу Вебстеру, в чем изъян его космического движителя!

Словно ловкий фокусник, который поражает своими трюками какого-нибудь тюфяка.

Голос Джо прервал его мысли:

— Ведь вы переписчик, верно? Почему не задаете мне ваши вопросы? Раз уж нашли меня, валяйте записывайте все как положено. Возраст, например. Мне сто шестьдесят три, а я, можно сказать, еще и не оперился. Считайте, мне тысячу лет жить, не меньше.

Он обнял свои узловатые колени и закачался с пятки на носок.

— Да-да, тысячу лет, а если я буду беречь себя...

— Разве все к этому сводится? — Грант старался говорить спокойно.— Я могу предложить вам еще кое-что. Чтобы вы сделали кое-что для нас.

— Для нас?

— Для общества. Для человечества.

— Зачем?

Грант опешил.

— Вы хотите сказать, что вас это мало волнует?

Джо кивнул, и в этом жесте не было ни вызова, ни бравады. Он просто констатировал факт.

— Деньги? — предложил Грант.

Джо широким взмахом указал на окружающие горы, на просторную долину.

— У меня есть это. Я не нуждаюсь в деньгах.

— Может быть, слава?

Джо не плюнул, но лицо его было достаточно выразительным.

— Благодарность человечества?

— Она недолговечна,— насмешливо ответил Джо, и Гранту опять показалось, что он с трудом сдерживает хохот.

— Послушайте, Джо...— Против воли Гранта в его голосе звучала мольба.— То, о чем я хочу вас попросить... это очень важно, важно для еще не родившихся поколений, важно для всего рода людского, это такая веха в нашей жизни...

— Это с какой же стати,— спросил Джо,— должен я стараться для кого-то, кто еще даже не родился? С какой стати думать дальше того срока, что мне отмерен? Умру — так умру ведь, и что мне тогда слава и почет, флаги и трубы! Я даже не буду знать, какую жизнь прожил, великую или никудышную.

— Человечество,— сказал Грант.

Джо хохотнул:

— Сохранение рода, прогресс рода... Вот что вас заботит. А зачем вам об этом беспокоиться? Или мне?..

Он стер с лица улыбку и с напускной укоризной погрозил Гранту пальцем.

— Сохранение рода — миф. Миф, которым вы все перебиваетесь, убогий плод вашего общественного устройства. Человечество умирает каждый день. Умер человек — вот и нет человечества, для него-то больше нет.

— Вам попросту наплевать на всех,— сказал Грант.

— Я об этом самом и толкую,— ответил Джо.

Он глянул на лежащую на земле котомку, и по его губам опять пробежала улыбка.

— Разве что это окажется интересно...

Грант развязал котомку и достал портфель. Без особой охоты извлек тонкую папку с надписью «Неоконченный философский...», передал ее Джо и, сидя на корточках, стал смотреть, как тот пробегает глазами текст. Джо еще не кончил читать, а душу Гранта уже пронизало мучительное ощущение чудовищного провала.

Когда он в усадьбе Вебстеров представлял себе разум, свободный от шор, не скованный канонами обветшалого мышления, ему казалось, что достаточно найти такой ум — и задача будет решена.

И вот этот разум перед ним. Но выходит, что этого мало. Чего-то недостает — чего-то такого, о чем не подумал ни он, ни деятели в Женеве. Недостает черты человеческого характера, которая до сих пор всем представлялась обязательной.

Общественные отношения — вот что много тысяч лет сплачивало род людской, обусловливало его цельность, точно так же как борьба с голодом вынуждала муравьев действовать сообща.

Присущая каждому человеку потребность в признании собратьев, потребность в некоем культе братства, психологическая, едва ли не физиологическая потребность в одобрении твоих мыслей и поступков. Сила, которая удерживала людей от нарушения общественных устоев, которая вела к общественной взаимовыручке и людской солидарности, сближала членов большой человеческой семьи.

Ради этого одобрения люди умирали, приносили жертвы, вели ненавистный им образ жизни. Потому что без общественного одобрения человек был предоставлен самому себе, оказывался отщепенцем, животным, изгнанным из стаи.

Конечно, не обошлось и без страшных явлений: самосуды, расовое гонение, массовые злодеяния под флагом патриотизма или религии. И все же именно общественное одобрение служило цементом, на котором держалось единство человечества, который вообще сделал возможным существование человеческого общества.

А Джо не признает его. Ему плевать. Его ничуть не трогает, как о нем судят. Ничуть не трогает, будут его поступки одобрены или нет.

Солнце припекало спину, ветер теребил деревья. Где-то в зарослях запела пичуга.

Так что же, это определяющая черта мутантов? Отмирание стержневого инстинкта, который сделал человека частицей человечества?

Неужели этот человек, который сейчас читает Джуэйна, сам по себе живет, благодаря своим качествам мутанта, настолько полной, насыщенной жизнью, что может обходиться без одобрения собратьев? Неужели он в конце концов достиг той ступени цивилизации, когда человек становится независимым и может пренебречь условностями общества?

Джо поднял глаза:

— Очень интересный труд,— заключил он.— А почему он не довел его до конца?

— Он умер,— ответил Грант.

Джо прищелкнул языком.

— Он ошибся в одном месте...— Найдя нужную страницу, он показал пальцем.— Вот тут. Вот откуда ошибка идет. Тут-то он и завяз.

— Но... но об ошибке не было речи,— промямлил Грант.— Просто он умер. Не успел дописать, умер.

Джо тщательно сложил рукопись и сунул в карман.

— Тем лучше. Он вам такого наковырял бы...

— Значит, вы можете завершить этот труд? Беретесь?..

Глаза Джо сказали Гранту, что продолжать нет смысла.

— Вы в самом деле думаете,— сухо, неторопливо произнес мутант,— что я поделюсь этим с вашей кичливой шатией?

Грант отрешенно пожал плечами:

— Значит, не поделитесь. Конечно, мне следовало предвидеть... Человек вроде вас...

— Эта штука мне самому пригодится,— сказал Джо.

Он медленно встал и ленивым взмахом ноги пропахал борозду в муравейнике, сшибая дымящиеся трубы и опрокидывая груженые тележки.

Грант с криком вскочил на ноги, его обуяла слепая ярость, она бросила его руку к пистолету.

— Не сметь! — приказал Джо.

Грант замер, держа пистолет дулом вниз.

— Остынь, крошка,— сказал Джо.— Я понимаю, что тебе не терпится убить меня, но я не могу тебе этого позволить. У меня есть еще кое-какие задумки, ясно? И ведь убьешь ты меня не за то, о чем сейчас думаешь.

— Не все ли равно, за что? — прохрипел Грант.— Главное, что мертвый вы останетесь здесь и не сможете распорядиться по-своему учением Джуэйна.

— И все-таки не за это тебе хочется меня убить,— мягко произнес Джо.— А просто ты злишься на меня за то, что я растрошил муравейник.

— Может, это была первая причина. Но теперь...

— Лучше и не пытайся,— сказал Джо.— Не успеешь нажать курок, как сам превратишься в труп.

Грант заколебался.

— Если думаешь, я тебя на пушку беру,— продолжал Джо,— давай проверим, кто кого.

Минуту-другую они мерили друг друга взглядом; пистолет по-прежнему смотрел вниз.

— Почему бы вам не поладить с нами? — заговорил наконец Грант.— Мы нуждаемся в таком человеке, как вы. Ведь это вы показали старику Тому Вебстеру, как сконструировать космический движитель. А то, что вы сделали с муравьями...

Джо быстро шагнул вперед. Грант вскинул пистолет и увидел мотнувшийся к нему кулак — могучий кулачище, который чуть не со свистом рассек воздух.

Кулак опередил палец, лежащий на курке.

Что-то горячее, влажное, шершавое ползало по лицу Гранта, и он поднял руку — стряхнуть.

Все равно ползает...

Он открыл глаза, и Нэтэниел радостно подпрыгнул.

— Вы живы! Я так испугался...

— Нэтэниел! — проскрипел Грант.— Ты откуда?

— Я убежал,— объяснил Нэтэниел.— Хочу пойти с вами.

— Я не могу взять тебя с собой. Мне еще идти и идти. Меня ждет одно дело.

Он поднялся на четвереньки, пошарил рукой по земле. Нащупал холодный металл, подобрал пистолет и сунул в кобуру.

— Я упустил его,— продолжал он, вставая,— но он не должен ускользнуть. Я отдал ему одну вещь, которая принадлежит всему человечеству, и я не могу допустить, чтобы он ею воспользовался.

— Я умею выслеживать,— сообщил Нэтэниел.— Белку шутя выслежу.

— Тебе найдется дело поважнее,— сказал Грант.— Понимаешь, сегодня я узнал... Обозначился один путь — путь, по которому может пойти все человечество. Не сегодня, не завтра и даже не через тысячу лет. Может быть, этого вообще не случится, но совсем исключить такую вероятность нельзя. Возможно, Джо всего-то самую малость опередил нас, и мы идем по его стопам быстрее, чем нам это представляется. Может быть, в конечном счете все мы станем такими, как Джо. И если дело к тому идет, если этим все кончится, вас, псов, ждет большая задача.

Нэтэниел озабоченно смотрел вверх на Гранта.

— Не понимаю,— виновато произнес он.— Вы говорите незнакомые слова.

— Послушай, Нэтэниел. Может быть, люди не всегда будут такими, как теперь. Они могут измениться. И если они изменятся, придется вам занять их место, перенять мечту и не дать ей погибнуть. Придется вам делать вид, что вы люди.

— Мы, псы, не подведем,— заверил Нэтэниел.

— До того часа еще не одна тысяча лет пройдет,— продолжал Грант.— У вас будет время приготовиться. Но вы должны помнить. Должны передавать друг другу наказ. Чтобы ни в коем случае не забыть.

— Я понимаю,— ответил Нэтэниел.— Мы, псы, скажем своим щенкам, а они скажут своим щенкам.

— Вот именно,— сказал Грант.

Он наклонился и почесал у Нэтэниела за ухом, и пес стоял и махал хвостом, пока Грант не исчез за гребнем.

Комментарий к четвертому преданию

Из всех преданий это особенно удручало тех, кто искал в цикле ясности и смысла.

Даже Резон признает, что здесь перед нами явный, несомненный миф. Но если это миф, то что он означает? Если это миф, то не мифы ли и все остальные части цикла?

Юпитер, где развертывается действие этого предания, видимо, является одним из тех миров, на которые будто бы можно

попасть через космос. Выше уже говорилось, что наука исключает возможность существования таких миров. Если же принять гипотезу Разгона, что другие миры, о которых говорится в цикле, есть не что иное. как наш множественный мир, то разве не очевидно, что мы уже должны были обнаружить мир, изображенный в предании? Конечно, некоторые миры гоблинов закрыты, это всякому известно, но столь же хорошо известна причина, почему они закрыты,— во всяком случае не в силу тех обстоятельств, которые описаны в четвертом предании.

Некоторые исследователи считают четвертое предание вставным, будто бы оно вовсе не из этого цикла и целиком заимствовано. С этим выводом трудно согласиться, поскольку предание вполне вяжется с циклом и служит одной из главных осей всего действия.

О персонаже этого предания Байбаке неоднократно писалось, якобы он унижает честь нашего рода.

Возможно, у некоторых щепетильных читателей Байбак и впрямь вызывает брезгливость, однако он выразительно контрастирует с выведенным в предании Человеком. Не Человек, а Байбак первым осваивается в новой ситуации, не Человек, а Байбак первым постигает суть происходящего. И как только разум Байбака освобождается от власти Человека, становится очевидно, что он ни в чем не уступает человеческому разуму.

Словом, Байбак, при всех его блохах,— персонаж, которого нам отнюдь не надо стыдиться.

Как ни кратко четвертое предание, оно, пожалуй, дает читателю больше, чем остальные части цикла. Несомненно, это предание заслуживает того, чтобы его читали вдумчиво, не торопясь.

IV

ДЕЗЕРТИРСТВО

Четыре человека — двое, потом еще двое — ушли в ревущий ад Юпитера и не вернулись. Ушли туда, где свирепствовал непрекращающийся ураган, даже не ушли, а ускакали на четырех конечностях, поблескивая влажными от дождя боками. Потому что они уходили не в человечьем обличье.

Теперь перед столом Кента Фаулера, руководящего Куполом № 3 Службы изучения Юпитера, стоял пятый.

Под столом Фаулера старина Байбак шумно почесался, потом снова задремал.

С болью в душе Фаулер вдруг осознал, что Гарольд Ален молод, чересчур молод. У него юный доверчивый взгляд и лицо человека, который еще никогда не испытывал страха. Странно... Странно, потому что обитатели куполов на Юпитере хорошо знали, что такое страх. Страх и смирение. Очень уж неуместна тщедушная особа человека на этой чудовищной планете с ее могучими стихиями.

— Вам известно, что это чисто добровольное дело? — сказал Фаулер.— Вы вовсе не обязаны идти.

Непременная формула, не больше. Эти же слова были сказаны остальным четверым, но все равно они пошли. Пойдет и пятый, Фаулер в этом не сомневался. Но в душе его вдруг шевельнулась смутная надежда, что Ален откажется.

— Когда выходить? — спросил Ален.

Прежде Фаулер воспринял бы такой ответ с тайной гордостью. Прежде, но не теперь. Он насупился.

— В течение часа.

Ален спокойно ждал.

— Мы проводили уже четверых, и ни один не вернулся,— продолжал Фаулер.— Вы это, конечно, знаете. Нам нужно, чтобы вы вернулись. Никаких героических спасательных операций. Нам нужно одно, самое главное,— чтобы вы вернулись, доказали, что человек может жить в обличье юпитерианского существа. Дойдете до первой вешки, не дальше, и сразу возвращайтесь. Никакого риска. Никаких исследований. Сразу обратно.

Ален кивнул:

— Понимаю.

— У пульта преобразователя будет мисс Стенли. Тут вам опасаться нечего. Преобразование все перенесли благополучно. Вышли из аппарата в безупречном состоянии. Мы передаем вас в руки квалифицированного специалиста. Мисс Стенли — лучший оператор преобразователей во всей Солнечной системе. Она работала почти на всех планетах. Поэтому ее и назначили к нам.

Ален улыбнулся мисс Стенли, и Фаулер прочел на ее лице какое-то неясное чувство: то ли жалость, то ли гнев, а может

быть, просто страх. Но это выражение тотчас исчезло, и она ответила юноше, который стоял перед столом, улыбкой — типичной для нее чопорной улыбкой классной дамы, как будто ей было противно улыбаться

— Жду с нетерпением моего преобразования,— сказал Ален.

Сказал шутейно, словно речь шла о чем-то крайне потешном.

Однако потехой тут и не пахло.

Дело было серьезное, серьезнее некуда. От этих опытов зависело будущее человека на Юпитере. Если они увенчаются успехом, станут доступными ресурсы исполинской планеты. Человек подчинит себе Юпитер подобно тому, как он уже подчинил себе другие, правда, не такие крупные, планеты. Если же опыты провалятся...

Если они провалятся, человек и впредь будет обременен и скован чудовищным давлением, огромной силой тяготения, предельно чуждой химией. Он так и останется пленником куполов, не сможет сам шагать по планете, видеть ее своими глазами, будет всецело зависеть от телевидения и громоздких вездеходов, неуклюжих инструментов и механизмов или не менее неуклюжих роботов.

Потому что без средств защиты, в своем естественном облике человек здесь будет тотчас раздавлен колоссальным давлением в пятнадцать тысяч фунтов на квадратный дюйм — давлением, рядом с которым дно земного океана покажется вакуумом.

Даже самые прочные сплавы, изобретенные землянами, не выдерживали юпитерианского давления и непрерывно хлещущих планету щелочных ливней. Они либо крошились и шелушились, либо превращались в ручейки и лужицы солей аммония. Только особая обработка металла, перестройка электронной структуры позволяли ему выдерживать вес тысячемильного слоя бушующих едких газов атмосферы Юпитера. И даже после такой обработки его еще надо было покрывать кварцевой пленкой против все разъедающих аммониевых дождей.

Из подвального этажа доносился гул моторов — моторов, которые работали непрерывно, не умолкая ни на миг. Так положено, ведь если они остановятся, подача тока на металличе-

ские стены купола прекратится, исчезнет электронное поле, а это конец.

Снова под столом проснулся Байбак и почесался, стуча об пол ногой.

— Что-нибудь еще? — спросил Ален.

Фаулер покачал головой.

— Может быть, у вас есть какое-нибудь желание, может быть...— Он чуть не сказал «напишете письмо», но, слава богу, вовремя спохватился.

Ален поглядел на часы.

— Так, значит, в течение часа,— сказал он.

Повернулся и вышел.

Фаулер знал, что мисс Стенли смотрит на него. Не желая встречаться с ней взглядом, он принялся листать бумаги.

— И до каких пор это будет продолжаться? — спросила мисс Стенли, чеканя слова.

Он нехотя повернулся и посмотрел на нее. Прямые тонкие губы и гладкая — чуть ли не глаже обычной — прическа придавали ее лицу странное, даже пугающее сходство с посмертной маской.

— До тех пор, пока это будет необходимо.— Он старался говорить спокойно и бесстрастно.— Пока есть хоть какая-то надежда.

— Вы намереваетесь и впредь приговаривать их к смерти,— сказала она.— Намереваетесь и впредь снаряжать их на неравный бой с Юпитером. Намереваетесь сидеть тут в полной безопасности и посылать их на верную гибель.

— Ваша сентиментальность неуместна, мисс Стенли,— произнес Фаулер, превозмогая ярость.— Вам не хуже моего известно, для чего мы это делаем. Вам ясно, что в своем обличье человек бессилен против Юпитера. Единственный выход — превращать людей в таких тварей, которые могут существовать на Юпитере. Этот способ проверен на других планетах.

Несколько человеческих жизней — не слишком высокая цена, если мы в конце концов добьемся успеха. Сколько раз в прошлом люди жертвовали жизнью ради ерунды и всякого вздора. Так неужели нас в таком великом деле должна смущать мысль о минимальных жертвах?

Мисс Стенли сидела очень прямо, сложив руки на коленях, седеющие волосы серебрились на свету, и, глядя на

нее, Фаулер попытался представить ее чувства, ее мысли. Не то чтобы он ее боялся, но ему было с ней как-то не по себе. Эти проницательные голубые глаза слишком много видят, эти руки чересчур искусны. Быть бы ей чьей-нибудь тетушкой и сидеть с вязанием в качалке. Но она не тетушка, она первейший в Солнечной системе оператор преобразователей, и она недовольна его действиями.

— Здесь что-то не так, мистер Фаулер,— заявила она.

— Совершенно верно,— согласился он.— Именно поэтому я посылаю юного Алена одного. Может быть, ему удастся выяснить, в чем дело.

— А если не удастся?

— Пошлю еще кого-нибудь.

Она медленно встала и пошла к двери, но около его стола остановилась.

— Быть вам великим человеком. Уж вы своего не упустите. Сейчас вам такой случай представился! Вы это сразу сообразили, когда ваш купол выбрали для опытов. Справитесь с заданием — сразу подниметесь на ступеньку-другую. Сколько бы людей ни погибло, вы все равно пойдете в гору.

— Мисс Стенли,— сухо произнес он,— Алену скоро выходить. Будьте любезны, удостоверьтесь, что ваш аппарат...

— Мой аппарат,— холодно ответила она,— тут ни при чем. Он выполняет программу, которую разработали биологи.

Сгорбившись над столом, Фаулер слушал, как ее шаги удаляются по коридору.

Все правильно. Программу разработали биологи. Но биологи могли ошибиться. Достаточно промахнуться чуть-чуть, отклониться на волосок — и преобразователь будет выпускать не то, что нужно. Каких-нибудь мутантов, которые в определенных ситуациях от непредвиденного стечения обстоятельств могут не выдержать, расклеиться, потерять голову.

Потому что человек довольно смутно представлял себе, что происходит за стенами купола. Он мог полагаться только на показания своих приборов. А что могут рассказать случайные данные приборов, когда куполов раз-два и обчелся, а планета невообразимо велика?

Только на то, чтобы собрать данные о скакунцах, представляющих собой, судя по всему, высшую форму юпитерианской жизни, биологи потратили три года упорного труда, да еще

два года ушло на дотошную проверку данных. На Земле для такого исследования понадобилась бы неделя, от силы две. Да вот беда: такого исследования на Земле вообще не проведешь, потому что юпитерианский организм нельзя перенести на Землю. За пределами Юпитера не воссоздашь такое давление, а при земной температуре и земном давлении скакунец тотчас обратится в облачко газа.

А исследование было необходимо, если человек собирался выйти на поверхность Юпитера в обличье скакунца. Чтобы преобразовать человека в другое существо, нужно знать все параметры, знать точно, знать наверняка.

Ален не вернулся.

Вездеходы, прочесав окрестности купола, не нашли никаких следов, разве что улепетывающий скакунец, замеченный одним из водителей, был пропавшим землянином.

Биологи только усмехнулись с вежливой снисходительностью специалистов, когда Фаулер предположил, что в программу, возможно, вкралась погрешность. Они учтиво подчеркнули, что с программой все в порядке. Если поместить в преобразователь человека и включить рубильник, человек превращается в скакунца. После чего он выходит из аппарата и пропадает в гуще здешней атмосферы.

Может, неувязочка какая? Микроскопическое отклонение от параметров скакунца, маленький дефектик? Если есть дефект, ответили биологи, понадобится не один год, чтобы найти его.

И Фаулер знал, что они правы.

Итак, теперь уже не четверо, а пятеро, и опыт с Гарольдом Аленом ничего не дал, не продвинул их ни на шаг в изучении Юпитера. Словно и не посылали парня.

Фаулер протянул руку и взял со стола аккуратно сколотые листки — список личного состава. Взял с тягостным чувством, да ведь никуда не денешься, как-то надо выяснить причину всех этих таинственных исчезновений. А способ только один: посылать еще людей.

Он прислушался к вою ветра под куполом, к непрестанно бушующему над планетой яростному вихрю...

Может быть, там притаилась не известная им опасность, неведомая угроза? Какая-нибудь пакость устроила засаду и

жрет подряд всех скакунцов, не отличая настоящих от тех, которые вышли из преобразователя... В самом деле, какая ей разница?

А может быть, ошиблись в корне те, кто выбрал скакунцов как наиболее высокоорганизованных представителей юпитерианской жизни? Фаулер знал, что одним из решающих факторов было наличие интеллекта. Без этого человек после преобразования не смог бы сохранить свой разум в новом обличье.

Может быть, биологи сделали слишком большой упор на этот фактор и это повлекло за собой неблагоприятный, даже катастрофический сдвиг? Да нет, вряд ли. Хоть биологи порой и чванятся не в меру, но дело свое они знают.

А если вся эта затея с самого начала обречена на провал? Пусть на других планетах преобразование оправдало себя, это еще не значит, что на Юпитере этому методу тоже обеспечен успех. Может быть, разум человека не может функционировать нормально, получая сигналы от органов восприятия, которыми оснащен юпитерианский организм. Может быть, скакунцы настолько отличны от людей, что их понятия и категории просто не сочетаются с человеческим сознанием?

Или же все дело в самом человеке, в органически присущих ему чертах? Какой-нибудь изъян психики вместе с воздействием здешней среды мешает человеку вернуться в купол. Впрочем, по земным меркам, может быть, никакого изъяна нет, а есть свойство психики, которое на Земле вполне обычно и уместно, но настолько не гармонирует с условиями Юпитера, что человеческий рассудок не выдерживает этого противоречия.

В коридоре дробно застучали когти, и Фаулер тускло улыбнулся. Байбак возвращается с кухни — ходил проведать своего друга-повара...

Байбак вошел, держа в зубах кость. Помахал Фаулеру хвостом и плюхнулся на пол возле стола. Зажав кость между лапами, он долго смотрел на хозяина слезящимися старческими глазами, наконец Фаулер опустил руку и потрепал косматое ухо.

— Ты еще любишь меня, Байбак? — спросил он.

Байбак постучал хвостом по полу.

— Один ты и любишь,— сказал Фаулер и выпрямился.

Повернувшись к столу, он снова взял в руки папку.

Беннет?.. Беннета на Земле ждет невеста.

Эндрюс?.. Эндрюс мечтает вернуться в Марсианский технологический институт, как только накопит денег на год учебы.

Олсон?.. Олсону скоро пора на пенсию. Все уши прожужжал ребятам рассказами о том, как уйдет на покой и будет выращивать розы.

Фаулер бережно положил папку на место.

Приговаривает людей к смерти... Бледные губы на пергаментном лице мисс Стенли едва шевелились, когда она произносила эти слова. Посылает их на верную гибель, а сам сидит тут в полной безопасности.

Можно не сомневаться, что все в куполе так говорят, особенно теперь, когда еще и Ален не вернулся. Нет, в лицо-то не скажут. Не скажет даже следующий, кого он вызовет сюда, чтобы сообщить, что пришла его очередь.

Но их глаза будут достаточно выразительными.

Он опять взял папку. Беннет, Эндрюс, Олсон. Есть и другие, да что толку от этого.

Все равно он больше не в силах, не в силах смотреть им в глаза и посылать их на смерть.

Кент Фаулер наклонился и щелкнул рычажком связного устройства.

— Слушаю, мистер Фаулер.

— Пожалуйста, дайте мисс Стенли.

Дожидаясь соединения, он слушал, как Байбак вяло гложет кость. Бедняга, все зубы сточились...

— Мисс Стенли слушает.

— Я только хотел сказать вам, мисс Стенли, чтобы вы приготовили все к отправке еще двоих.

— Вы не боитесь, что у вас скоро совсем никого не останется? — спросила мисс Стенли.— Уж лучше посылать по одному, так экономичнее, и удовольствие растянете.

— Один из них — пес,— сказал Фаулер.

— Пес!

— Да, Байбак.

Ярость сделала его голос ледяным.

— Своего собственного пса! Который столько лет с вами...

— Вот именно,— ответил Фаулер.— Байбак расстроится, если я его брошу.

Это был не тот Юпитер, который он знал по телевизору. Он ожидал, что Юпитер окажется другим, но не настолько. Ожидал, что очутится в аду, где хлещет аммиачный ливень, курятся ядовитые пары, ревет и лютует ураган. Где мчатся, крутятся облака, ползет туман и темное небо секут чудовищные молнии.

Он никак не предполагал, что ливень окажется всего-навсего легкой пурпурной мглой, стремительно летящей над пунцовым ковром травы. Ему в голову не приходило, что зигзаги громовых разрядов будут ликующим фейерверком в ярком небе.

Ожидая Байбака, Фаулер поочередно напрягал свои мышцы и дивился их упругой силе. Совсем недурное тело... Он усмехнулся, вспомнив, с каким состраданием смотрел на скакунцов, изредка мелькавших на экране телевизора.

Очень уж трудно было представить себе живой организм, основу которого взамен воды и кислорода составляют аммиак и водород, трудно поверить, чтобы такой организм мог испытывать ту же радость и полноту жизни, что человек. Трудно вообразить жизнь в бурлящем котле Юпитера тому, кто не подозревает, что для здешних существ Юпитер отнюдь не бурлящий котел.

Ветер теребил его ласковыми пальцами, и Фаулер оторопело подумал, что, на земную мерку, этот ветерок — свирепый ураган, ревущий поток смертоносных газов силой в двадцать баллов.

Сладостные запахи пронизывали его плоть. Запахи?.. Но ведь он совсем не то привык понимать под обонянием. Словно каждая клеточка его пропитывается лавандой. Нет, не лавандой, конечно, а чем-то другим, чего он не может назвать. Несомненно, это лишь первая в ряду многих, ожидающих его терминологических проблем. Потому что известные ему слова — воплощение мысленных образов землянина — отказывались служить юпитерианину.

Люк в куполе открылся, и оттуда выскочил Байбак. То есть преображенный Байбак.

Он хотел окликнуть пса, нужные слова уже сложились в уме. Но он не смог их вымолвить. Он вообще не мог сказать ни слова: говорить-то нечем!

На миг всю душу Фаулера обуял сосущий ужас, панический испуг, потом он схлынул, но в сознании еще вспыхивали искорки страха.

Как разговаривают юпитериане? Как...

Вдруг он физически ощутил присутствие Байбака, остро ощутил теплое, щедрое дружелюбие косматого зверя, который был рядом с ним и на Земле, и на многих других планетах. Такое чувство, словно пес на секунду сам целиком переселился в его мозг.

И на бурлящем гребне вторгшейся в сознание волны дружелюбия всплыли слова:

— Здорово, дружище.

Нет, не слова — лучше слов. Мысленные образы, транслировались мысленные образы, несравненно богаче оттенками, чем любые слова.

— Здорово, Байбак,— отозвался он.

— До чего же мне хорошо,— сказал Байбак.— Будто я снова щенком стал. Последнее время мне было так паршиво. Ноги не сгибаются, зубы почти совсем сточились. Попробуй погрызи кость такими зубами. И блохи вконец одолели. Раньше, в молодости, я их и не замечал. Одной больше, одной меньше...

— Но... постой...— В голове у Фаулера все смешалось.— Ты разговариваешь со мной!

— Само собой,— ответил Байбак.— Я всегда с тобой разговаривал, да ты меня не слышал. Я много раз пытался тебе что-нибудь сказать, но у меня ничего не получалось.

— Иногда я понимал тебя,— возразил Фаулер.

— Не очень-то,— сказал Байбак.— Понимал, когда я просил есть или пить, когда просился гулять, но не больше того.

— Прости меня.

— Уже простил. Спорим, я первый до скалы добегу.

Только сейчас Фаулер увидел вдали, в нескольких милях, скалу. Она переливалась какой-то удивительной хрустальной красотой под сенью многоцветных облаков.

Он заколебался.

— Так далеко...

— Да ладно, чего там.— И Байбак сорвался с места, не дожидаясь ответа.

Фаулер побежал за ним вдогонку, испытывая силу своих ног, выносливость нового тела. Сперва нерешительно, но нерешительность тотчас сменилась изумлением, и он помчался во всю прыть, исполненный ликования, которое вобрало в себя и пунцовую траву, и летящий по воздуху мелкий дождь.

На бегу он услышал музыку, она будоражила все его тело, пронизывала волнами плоть, влекла его вперед на серебряных крыльях скорости; такая музыка льется в солнечный день с колокольни на весеннем пригорке.

Чем ближе скала, тем мощнее мелодия. Вся Вселенная наполнилась брызгами волшебных звуков. И он понял, что музыку рождает пенный водопад, скатывающийся по ослепительным граням скалы.

Только не водопад, конечно, а аммиакопад, и скала такая белая потому, что состоит из твердого кислорода.

Он остановился рядом с Байбаком там, где водопад рассыпался на сверкающую стоцветную радугу. Нет, не сто, а сотни цветов видел он, потому что здесь не было привычного человеческому глазу плавного перехода между основными цветами, а спектр с изумительной четкостью делился на элементарные линии.

— Музыка...— заговорил Байбак.

— Да, что ты хочешь о ней сказать?

— Музыку создают акустические колебания,— сказал Байбак.— Колебания падающей воды.

— Постой, Байбак, откуда ты знаешь про акустические колебания?

— А вот знаю,— возразил Байбак.— Меня только что осенило.

— Осенило! — изумился Фаулер.

И тут в его мозгу неожиданно возникла формула — формула процесса, позволяющего металлу выдерживать юпитерианское давление.

Пока он удивленно смотрел на водопад, сознание мгновенно расположило все цвета в их спектральной последовательности. И все это ни с того ни с сего — само по себе; ведь он ровным счетом ничего не знал ни о металлах, ни о цветах.

— Байбак! — воскликнул он.— Байбак, с нами что-то происходит!

— Ага,— ответил Байбак,— я уже заметил.

— Все дело в мозге,— продолжал Фаулер.— Он заработал на полную мощность, все до единой клеточки включились. И мы соображаем то, что нам давно следовало бы знать. Может быть, мозг землян от природы работает туго, со скрипом. Может быть, мы дебилы Вселенной. Может, так устроены, что нам все дается трудно.

А внезапно проясненный разум уже говорил ему, что дело не ограничится цветовой гаммой водопада или металлом неслыханной прочности. Сознание предвосхищало что-то еще, великие откровения, тайны, недосягаемые для человеческого ума, недоступные обыкновенному воображению. Тайны, факты, умозаключения... Все, что может постичь рассудок, до конца использующий свою мощь.

— Мы все еще земляне, более всего земляне,— заговорил он.— Мы только-только начинаем прикасаться к тому, что нам предстоит познать, к тому, что было скрыто от нас, пока мы оставались землянами. Потому что наш организм, человеческий организм, несовершенен. Он плохо оснащен для мыслительной работы, свойства, необходимые для того, чтобы достичь подлинного знания, у нас недостаточно развиты. А может быть, у нас их вовсе нет...

Он оглянулся на купол — игрушечный черный бугорок вдали.

Там остались люди, которым недоступна красота Юпитера. Люди, которым кажется, что лик планеты закрыт мятущимися тучами и хлещущим дождем. Незрячие глаза. Никудышные глаза... Глаза, не видящие красоту облаков, не видящие ничего из-за шторма. Тела, не способные радостно трепетать от трелей звонкой музыки над клокочущим потоком.

Люди, странствующие в одиночестве, и речь их подобна речи мальчишек, намеренно коверкающих слова для таинственности, и не дано им общаться так, как он общается с Байбаком, безмолвно, совмещая два сознания. Не дана им способность читать в душе друг друга.

Он, Фаулер, настраивался на то, что в этом чуждом мире его на каждом шагу будут подстерегать ужасы, прикидывал, как укрыться от незнаемых опасностей, готовился бороться с отвращением, вызванным непривычной средой.

И вместо всего этого обрел нечто такое, перед чем блекнет все, что когда-либо знал человек. Быстроту движений, совершенство тела. Восторг в душе и удивительно полное восприятие жизни. Более острый ум. И мир красоты, какого не могли вообразить себе величайшие мечтатели Земли.

— Ну, пошли? — позвал его Байбак.

— А куда мы пойдем?

— Все равно куда. Пошли, там видно будет. У меня такое чувство... или предчувствие...

— Я все понял,— сказал Фаулер.

Потому что им владело такое же чувство. Чувство высокого предназначения. Чувство великой цели. Сознание того, что за горизонтом тебя ждет что-то небывало увлекательное и значительное.

И остальные пятеро чувствовали то же самое. Властное стремление увидеть, что там, за горизонтом, неодолимый зов яркой, насыщенной жизни.

Вот почему они не вернулись.

— Я не хочу возвращаться,— сказал Байбак.

— Но мы не можем их подводить,— возразил Фаулер.

Он сделал шаг-другой к куполу, потом остановился.

Возвращаться в купол... Возвращаться в пропитанное ядами, ноющее тело. Прежде он вроде бы и не замечал, как все тело ноет, но теперь-то знает его пороки.

Снова мутное сознание. Туго соображающий мозг. Рты, которые открываются и закрываются, испуская сигналы для собеседника. Глаза, которым он теперь предпочел бы откровенную слепоту. Унылое, мешкотное, тупое существование.

— Как-нибудь в другой раз,— пробурчал он, обращаясь к самому себе.

— Мы столько сделаем, столько увидим,— говорил Байбак.— Мы столько узнаем, откроем...

Да, их ждут открытия... Может быть, новые цивилизации. Перед которыми цивилизация человека покажется жалкой. Встречи с прекрасным и — что еще важнее — способность его постичь. Ждет товарищество, какого еще никто — ни человек, ни пес — не знал.

И жизнь. Полнокровная жизнь вместо былого тусклого существования.

— Не могу я возвращаться,— сказал Байбак.

— Я тоже,— отозвался Фаулер.

— Они меня снова в пса превратят.

— А меня — в человека,— сказал Фаулер.

Комментарий к пятому преданию

Шаг за шагом, по мере того как развертывается действие, читатель получает все более полное представление о роде людском. И все больше убеждается, что этот род, скорее всего,

вымышлен. Не могло такое племя пройти путь от скромных ростков до высокой культуры, которая приписывается ему преданиями. Слишком многого ему недостает.

Мы уже видели, что ему не хватает устойчивости. Увлечение машинной цивилизацией в ущерб культуре, основанной на более глубоких и значимых жизненных критериях, говорит об отсутствии фундаментальных качеств.

А пятое предание показывает нам к тому же, что это племя располагало ограниченными средствами общения — обстоятельство, которое отнюдь не способствует движению вперед. Неспособность Человека по-настоящему понять и оценить мысли и взгляды своих собратьев — камень преткновения, какого никакая инженерная премудрость не могла бы преодолеть.

Что сам Человек отдавал себе в этом отчет, видно из того, как он стремился овладеть учением Джуэйна. Однако следует отметить, что им руководила не надежда вооружить свой разум новым качеством, а погоня за властью и славой. В учении Джуэйна Человек видел средство за несколько десятков лет продвинуться вперед на сто тысячелетий.

От предания к преданию становится все яснее, что Человек бежал наперегонки то ли с самим собой, то ли с неким воображаемым преследователем, который мчался за ним по пятам, дыша в затылок. Он исступленно домогался познания и власти, но остается совершенной загадкой, на что он намеревался их употребить.

Согласно преданию, Человек расстался с пещерами миллион лет назад. И однако, он всего лишь за сто с небольшим лет до описанного в пятом предании времени нашел в себе силы отринуть убийство, составлявшее одну из фундаментальных черт его образа жизни. Это ли не подлинное мерило дикости Человека: миллион лет понадобился ему, чтобы избавиться от наклонности к убийству, и он считает это великим достижением.

После знакомства с этим преданием большинству читателей покажется вполне убедительной гипотеза Борзого, что Человек введен в повествование намеренно, как антитеза всему, что олицетворяет собой Пес, как этакий воображаемый противник, персонаж социологической басни.

В пользу такого вывода говорят и многократные свидетельства отсутствия у Человека осознанной цели, его непрестанных метаний и попыток обрести достойный образ жизни, который упорно не дается ему в руки потому, быть может, что Человек никогда сам не знает точно, чего хочет.

V

РАЙ

...И вот перед ним купол. Приникшее к земле чужеродное тело, которое решительно не сочеталось с пурпурной мглой Юпитера, испуганное творение, сжавшееся в комок от страха перед огромной планетой. Существо, бывшее некогда Кентом Фаулером, смотрело на купол, широко расставив крепкие ноги.

Чужеродное тело... Как же сильно я отдалился от людей. Ведь оно совсем не чужеродное. В этом куполе я жил, мечтал, думал о будущем. Его я покинул со страхом в душе. К нему возвращаюсь со страхом в душе.

Меня обязывает к этому память о людях, которые были подобны мне до того, как я стал другим, до того, как обрел жизнерадостность, бодрость, счастье, недоступные человеку.

Байбак коснулся его боком, и душу Фаулера согрело веселое дружелюбие бывшего пса, осязаемое дружелюбие, и товарищество, и любовь, которые, надо думать, существовали все время, но о которых Фаулер не подозревал, пока он оставался человеком, а Байбак — псом.

Мозг уловил мысли пса.

— Не делай этого, дружище,— говорил Байбак.

— Я обязан, Байбак, понимаешь,— ответил Фаулер чуть ли не со стоном.— Для чего я вышел из купола? Чтобы выяснить, что же такое на самом деле Юпитер. Теперь я могу рассказать им об этом, могу принести долгожданный ответ.

«Ты обязан был сделать это давным-давно,— произнес мысленный голос, неясный, далекий человеческий голос откуда-то из недр его юпитерианского сознания.— Но из трусости ты все откладывал и откладывал. Ты бежал, потому что боялся возвращаться. Боялся, что тебя снова превратят в человека».

— Мне будет одиноко,— сказал Байбак, сказал, не произнеся ни слова, просто Фаулеру передалось чувство одиночества, послышался раздирающий душу прощальный звук. Как будто его сознание и сознание Байбака на миг слились воедино.

Он стоял молча, в нем поднималось отвращение. Отвращение при мысли о том, что его снова превратят в человека, вернут ему неполноценное тело, неполноценный разум.

— Я пошел бы с тобой,— сказал Байбак,— но ведь я не выдержу, могу при этом умереть. Ты же знаешь, я совсем одряхлел. И блохи заели меня, старика. От зубов пеньки остались, желудок не варил. А какие ужасные сны мне снились! Щенком я любил гоняться за кроликами, теперь же во сне кролики за мной гонялись.

— Ты останешься здесь,— сказал Фаулер.— Я еще вернусь сюда.

«Если смогу убедить их,— подумал он.— Если получится... Если сумею им объяснить».

Он поднял широкую голову и проследил взглядом череду холмов, переходящих в высокие горы, окутанные розовой и пурпурной мглой. Молния прочертила в небе зигзаг, озаряя мглу и облака ликующим светом. Медленно, неохотно он побрел вперед. На крыльях ветра прилетел какой-то тонкий запах, и он вобрал его всем телом, точно кот, катающийся по кошачьей мяте. Нет, не запах, конечно, просто он не мог подобрать лучшего, более точного слова. Пройдут годы, и люди разработают новую терминологию.

Как рассказать им о летучей мгле, что стелется над холмами? О чистой прелести этого запаха? Какие-то вещи они, конечно, поймут. Что здесь не ощущаешь потребности в еде и никогда не хочется спать, что нет ничего похожего на терзающие человека неврозы. Это они поймут, потому что тут вполне годятся обыкновенные слова, годится существующий язык.

Но как быть с остальным — со всем тем, что требует новой лексики? С чувствами, которых человек еще никогда не испытывал? С качествами, о которых он и не мечтал? Как рассказать о небывалой ясности ума и остроте мысли, о способности использовать весь мозг до последней клеточки? Обо всем том, что здесь само собой разумеется, но чего человек никогда не знал и не умел, потому что его организм лишен необходимых свойств.

«Я напишу об этом,— сказал он себе.— Сяду и не торопясь все опишу».

А впрочем, слово, запечатленное на бумаге, тоже далеко не совершенное орудие...

Над кварцевой шкурой купола выступал телевизионный иллюминатор, и Фаулер доковылял до него. По иллюминатору бежали струйки сгустившейся мглы, поэтому он выпрямился перед ним во весь рост.

Сам-то он все равно ничего не разглядит, зато люди внутри купола увидят его. Люди, которые ведут непрерывные наблюдения, следят за бушующей стихией Юпитера, за неистовыми ураганами и аммиачными дождями, за стремительно летящими облаками смертоносного метана. Ведь людям Юпитер представляется только таким.

Подняв переднюю лапу, он быстро начертил на влажной поверхности иллюминатора буквы, написал задом наперед свою фамилию.

Они должны знать, кто пришел, чтобы не было ошибки. Должны знать, какую программу закладывать. Иначе его могут преобразовать в чужое тело. Возьмут не ту матрицу, и выйдет из аппарата кто-то другой: юный Ален, или Смит, или Пелетье. И ошибка может оказаться роковой.

Аммиачный дождь сначала размазал, потом вовсе смыл буквы. Фаулер написал их снова.

Уж теперь-то разберут. Прочтут и поймут, что вернулся с отчетом один из тех, кого преобразовали в скакунцов.

Он опустился на траву и быстро повернулся к двери преобразовательного отсека. Она медленно отворилась ему навстречу.

— Прощай, Байбак,— тихо вымолвил Фаулер.

Тотчас в мозгу зазвучало тревожное предупреждение: «Еще не поздно! Ты еще не вошел. Еще можешь передумать. Повернуться кругом и бежать».

Мысленно скрипя зубами, он решительно пошел вперед. Ощутил металлический пол под ногами. почувствовал, как позади него закрылась дверь. Уловил напоследок обрывок мыслей Байбака, потом воцарился мрак.

Перед ним была камера преобразователя, и он направился к ней вверх по наклонному ходу.

«Человек и пес уходили вдвоем,— подумал он,— и вот теперь человек возвращается».

Пресс-конференция проходила успешно. Текущая информация содержала одни приятные новости.

Да-да, сообщил репортерам Тайлер Вебстер, недоразумение на Венере полностью улажено. Достаточно было пред-

ставителям сторон встретиться и побеседовать вместе. Эксперименты по жизнеобеспечению в холодных лабораториях на Плутоне протекают нормально. Экспедиция к альфе Центавра стартует, как было предусмотрено, вопреки всем слухам о том, что она будто бы срывается. Коммерческий совет скоро выпустит новый прейскурант на ряд предметов межпланетной торговли, устраняющий некоторые несоответствия.

Ничего сенсационного. Никаких броских заголовков. Ничего потрясающего для «Последних известий».

— Тут Джон Калвер попросил меня напомнить вам, господа,— продолжал Вебстер,— что сегодня исполняется сто двадцать пять лет с того дня, как в Солнечной системе было совершено последнее убийство. Сто двадцать пять лет без единого случая преднамеренного лишения жизни.

Он откинулся в кресле, изобразив улыбку, хотя в душе с содроганием ждал вопроса, который неминуемо должен был последовать.

Однако они еще не были готовы задать этот вопрос, сперва полагалось выполнить некий ритуал, без которого не обходилась ни одна пресс-конференция.

Берли Стефан Эндрюс, заведующий отделом печати «Межпланетных новостей», прокашлялся, словно собираясь сообщить нечто важное, и спросил с наигранной торжественностью:

— А как наследник?

Лицо Вебстера просияло.

— На уикенд полечу домой, к нему,— ответил он.— Вот игрушку купил.

Он взял со стола что-то вроде маленькой трубы.

— Старинная выдумка... Говорят, точно старинная. Совсем недавно начали выпускать. Подносите к глазу, крутите и видите прелестные узоры. Там перекатываются цветные стеклышки. У этой штуки есть специальное название...

— Калейдоскоп,— живо вставил один из репортеров.— Я про него читал. В одном историческом труде об обычаях и нравах начала двадцатого века.

— Вы уже смотрели в него, мистер председатель? — поинтересовался Эндрюс.

— Нет,— ответил Вебстер.— По правде говоря, только сегодня приобрел, да и занят был.

— И где же вы его приобрели, мистер председатель? — спросил кто-то.— Я тоже не прочь подарить моему отпрыску такую штуковину.

— Да тут, за углом. Магазин игрушки, вы его знаете. Как раз сегодня поступили.

Ну вот, можно и закругляться... Еще несколько шутливых замечаний, потом пора бы вставать и расходиться.

Однако они не уходили. И он знал, что так просто они не уйдут. Ему сказали об этом внезапная тишина и громкое шуршание бумаг, призванное смягчить ее натянутость.

А затем Стефан Эндрюс задал вопрос, которого Вебстер так опасался. Хорошо еще, что Эндрюс, а не кто-нибудь другой... Он всегда держится более или менее доброжелательно, и его агентство предпочитает объективную информацию, не переиначивает сказанное, как это делают некоторые любители интерпретировать.

— Мистер председатель,— начал Эндрюс,— поговаривают, будто на Землю возвратился человек, который подвергался преобразованию на Юпитере. Нам хотелось бы услышать от вас, верно ли это сообщение?

— Верно,— сухо ответил Вебстер.

Все ждали, и Вебстер тоже ждал, сидя неподвижно в своем кресле.

— Вы не хотите комментировать его? — спросил наконец Эндрюс.

— Нет,— сказал Вебстер.

Он обвел взглядом лица собравшихся. Напряженные, угадывающие причину его решительного отказа обсуждать эту тему. Довольные, маскирующие мысль о том, как можно переиначить его скупой ответ. Сердитые — эти возмущенно выскажутся о праве народа знать истину.

— Прошу прощения, господа,— сказал Вебстер.

Эндрюс тяжело поднялся.

— Благодарим вас, мистер председатель,— заключил он.

Откинувшись в кресле, Вебстер смотрел, как расходятся репортеры, а когда они разошлись, остро ощутил холод опустевшего помещения.

«Они распнут меня,— думал он.— Разделают под орех, и я не смогу дать сдачи. Не смогу рта раскрыть».

Он встал, подошел к окну и посмотрел в сад, освещенный косыми лучами уходящего на запад солнца.

Нет, он просто не мог сказать им правду.

Рай!.. Царство небесное для тех, кто искал его! И конец человечества... Конец всем мечтам и идеалам, конец самого рода людского.

На столе замигал зеленый огонек, пискнул звуковой сигнал, и он поспешил вернуться на свое место.

— Что случилось?

На маленьком экране возникло лицо.

— Псы сейчас доложили, сэр, что мутант Джо пришел в вашу усадьбу и Дженкинс впустил его.

— Джо?! Вы уверены?

— Так говорят псы. А они никогда не ошибаются.

— Верно,— медленно произнес Вебстер.— Они не ошибаются.

Лицо на экране растаяло, и Вебстер опустился в кресло.

Дотянулся негнущимися пальцами до пульта и не глядя набрал нужный индекс.

На экране выросла усадьба, приземистое строение на открытом ветру холме в Северной Америке. Строение, которому скоро тысяча лет. Место, где жили, мечтали и умирали многие поколения Вебстеров.

В голубой выси над домом летела ворона, и Вебстер услышал — или вообразил, что услышал,— донесенное ветром «кар-р-р»...

Все в полном порядке. Во всяком случае, с виду. Усадьба дремлет в лучах утреннего солнца, на просторной лужайке замерла статуя — изображение давно умершего предка, который пропал на звездной тропе. Ален Вебстер, он первым покинул Солнечную систему, направляясь к той самой альфе Центавра, куда через день-другой вылетает экспедиция с Марса.

Никакого переполоха, вообще никакого движения.

Рука Вебстера нажала рычажок, экран погас.

«Дженкинс справится,— сказал он себе.— Лучше, чем справился бы любой человек на его месте. Что ни говори, эта металлическая коробка начинена почти тысячелетней мудростью. Скоро сам позвонит и скажет, в чем там дело».

Он набрал другую комбинацию.

Прошло несколько долгих секунд, прежде чем на экране появилось лицо.

— Что стряслось, Тайлер?

— Мне только что сообщили, что Джо...

Джон Калвер кивнул:

— Мне тоже сообщили. Я как раз проверяю.

— Ну и что ты скажешь об этом визите?

Начальник Всемирной службы безопасности задумчиво наморщил лоб.

— Может, он сдался. Ведь мы ему и прочим мутантам вздохнуть не даем. Псы потрудились на славу.

— Но до сих пор не было никаких данных, ничего, что говорило бы об их готовности уступить.

— Подумай сам,— сказал Калвер.— Вот уже больше ста лет они шагу шагнуть не могут без нашего ведома. Все, что они делают, записывается на наши ленты. Что ни затеют, мы блокируем. Вначале они думали, что им просто не везет, но теперь-то убедились, что это не так. Вот и признали, что мы загнали их в угол.

— Вряд ли,— строго произнес Вебстер.— Когда эти парни почуют, что их загоняют в угол, гляди, как бы самого не припечатали к ковру.

— Постараюсь оказаться сверху,— обещал Калвер.— И буду держать тебя в курсе.

Изображение погасло, но Вебстер продолжал уныло глядеть на стеклянный прямоугольник.

Черта с два их загонишь в угол. Калвер знает это не хуже его. И все-таки...

Почему Джо пришел к Дженкинсу? Почему не обратился сюда, в Женеву? Самолюбие не позволяет? Предпочитает переговоры через робота?.. Как-никак, Джо с незапамятных времен знает Дженкинса.

Вебстер невольно ощутил прилив гордости. Ему было лестно, что Джо пришел к Дженкинсу (если они верно угадали причину). Ведь Дженкинс, пусть у него металлическая шкура, тоже из Вебстеров...

«Гордость...— думал Вебстер.— Были свершения, были и промахи... Но ведь все — незаурядные личности. Кого ни возьми. Джером, из-за которого мир не получил учения Джуэйна. Томас, который даровал миру усовершенствованный теперь принцип тяги для космических кораблей. Сын Томаса — Ален, который попытался долететь до звезд, но не смог. Брюс, ко-

торый первым пришел к мысли о двойной цивилизации человека и пса. Наконец, он сам, Тайлер Вебстер, председатель Всемирного комитета...»

Он поставил локти на стол и сплел пальцы, глядя на струящийся в окно свет вечернего солнца.

Исповедью он заполнял ожидание. Он ждал писклявого сигнала, который скажет ему, что звонит Дженкинс, чтобы доложить, зачем пришел Джо.

Если бы...

Если бы наконец удалось достичь взаимопонимания... Если бы люди и мутанты могли поладить между собой... Если бы можно было забыть зашедшую в тупик подспудную войну, то вместе, втроем, человек, пес и мутант, пошли бы далеко.

Вебстер покачал головой. Нет, на это не приходится рассчитывать. Слишком велико различие, слишком широка брешь. Подозрительность человека, снисходительные усмешки мутантов — *неодолимая преграда. Потому что мутанты — особое* племя, боковая ветвь, которая намного ушла вперед. Это люди, которые стали законченными индивидуалистами, общество им не нужно, признание других людей не нужно, они совершенно лишены сплачивающего род стадного инстинкта, на них не действуют социальные факторы.

И ведь это из-за мутантов небольшой отряд мутированных псов до сих пор практически не принес почти никакой пользы своему старшему брату, человеку. Потому что псы больше ста лет заняты слежкой, выполняют роль полицейских отрядов, которые держат под наблюдением мутантов.

Поглядывая на видеофон, Вебстер оттолкнул назад кресло, выдвинул ящик стола, достал папку.

Потом нажал рычажок, вызывая секретаря.

— Слушаю, мистер Вебстер.

— Я пойду к мистеру Фаулеру,— сказал Вебстер.— Если будет вызов...

— Если будет вызов, сэр, я вам тотчас сообщу.— Голос секретаря чуть дрожал.

— Благодарю.

Вебстер опустил рычажок.

«Уже прослышали,— сказал он себе.— Все до единого на всех этажах навострили уши, ждут новостей».

Кент Фаулер сидел, развалившись в кресле, под окном своей комнаты и смотрел, как маленький черный терьер ретиво копает землю в поисках воображаемого кролика.

— Учти, Пират,— сказал Фаулер,— меня ты не обманешь.

Пес остановился, глянул на него, весело оскалясь, ответил возбужденным лаем, потом снова принялся копать.

— Рано или поздно все равно не выдержишь, проговоришься,— объявил Фаулер.— И я тебя выведу на чистую воду.

Пират продолжал рыть землю.

«Хитрый чертенок,— подумал Фаулер.— Умен не по летам. Вебстер напустил его на меня, и он играет свою роль на совесть. Ищет кроликов, пачкает в кустах, чешется — обыкновенный пес, да и только. Но меня-то ему не провести. Никто из них не проведет меня».

Хрустнул камешек под чьей-то ногой, и Фаулер поднял голову.

— Добрый вечер,— поздоровался Тайлер Вебстер.

— Я уже заждался вас,— сухо ответил Фаулер.— Садитесь и выкладывайте. Без экивоков. Вы мне не верите?

Вебстер опустился в кресло рядом, положил на колени папку.

— Я понимаю ваши чувства,— сказал он.

— Сомневаюсь,— отрезал Фаулер.— Я прибыл сюда с сообщением, которое казалось мне очень важным. Прибыл с отчетом, который дался мне дорогой ценой, вы и не представляете, чего мне это стоило.

Он сгорбился в кресле.

— Да поймите вы, все то время, пока я нахожусь в человеческом обличье, для меня духовная пытка.

— Сожалею,— ответил Вебстер,— но мы должны были удостовериться, должны были проверить ваш отчет.

— И проверить меня?

Вебстер кивнул.

— Пират тоже в этом участвует?

— Он не Пират,— мягко сказал Вебстер.— Вы его обидели, если назвали Пиратом. Теперь у всех псов человеческие имена. Этого зовут Эльмер.

Пес перестал копать землю и подбежал к ним. Сел возле Вебстера и потер грязной лапой вымазанные глиной усы.

— Ну, что ты скажешь, Эльмер? — спросил Вебстер.

— Он человек, никакого подвоха,— ответил пес,— но не совсем человек. Только не мутант. Что-то еще. Что-то чужое.

— Ничего удивительного,— сказал Фаулер.— Я пять лет был скакунцом.

Вебстер кивнул:

— Какой-то след должен был остаться. Это естественно. И пес не мог не заметить этого. Они на этот счет чуткие. Прямо-таки медиумы. Мы потому и поручили им мутантов: как бы ни прятались, все равно выследят.

— Значит, вы мне верите?

Вебстер перелистал лежащие на коленях бумаги, потом осторожно разгладил их.

— Боюсь, что да.

— Почему «боюсь»?

— Потому что вы величайшая из опасностей, которые когда-либо угрожали человечеству.

— Опасность?! Да вы что! Я предлагаю вам... предлагаю...

— Знаю,— ответил Вебстер.— Вы предлагаете рай.

— И это вас пугает?

— Ужасает. Да вы попробуйте представить себе, что будет, если мы объявим об этом народу и люди поверят. Каждому захочется улететь на Юпитер и стать скакунцом. Хотя бы потому, что скакунцы, похоже, живут по нескольку тысяч лет. Все жители Солнечной системы потребуют, чтобы их немедленно отправили на Юпитер. Никто не захочет оставаться человеком. Кончится тем, что люди исчезнут, все превратятся в скакунцов. Вы об этом подумали?

Фаулер нервно облизнул пересохшие губы.

— Конечно. Другого я и не ожидал.

— Человечество исчезнет,— ровным голосом продолжал Вебстер.— Исчезнет накануне своих самых великих свершений. Испарится. Все, чего удалось достичь за многие тысячелетия, насмарку.

— Но вы не знаете...— возразил Фаулер.— Вам не понять. Вы не были скакунцом. А я был.— Он ткнул себя пальцем в грудь.— Я знаю, что это такое.

Вебстер покачал головой:

— Так ведь я не об этом спорю. Вполне допускаю, что скакунцом быть лучше, чем человеком. Но я никак не могу согласиться с тем, что мы вправе разделаться с человечеством,

променять все, что было и будет совершено человеком, на то, что способны совершить скакунцы. Человечество продвигается вперед. Может быть, не с такой легкостью, не так мудро и блистательно, как ваши скакунцы, зато мне сдается, что в конечном счете мы продвинемся намного дальше. У нас есть свое наследие, есть свои предначертания, нельзя же все это просто взять да отправить за борт.

Фаулер наклонился вперед.

— Послушайте,— сказал он.— Я все делал честь по чести. Пришел прямо к вам, во Всемирный комитет. А ведь мог обратиться к печати и радио, чтобы припереть вас к стене, но я не стал этого делать.

— Вы хотите сказать, что Всемирный комитет не вправе решать этот вопрос. Что народ тоже должен участвовать.

Фаулер молча кивнул.

— Так вот, по чести говоря,— продолжал Вебстер,— я не полагаюсь на мнение народа. Существуют такие вещи, как реакция плебса, как эгоизм. Что им до рода человеческого? Каждый будет думать только о себе.

— То есть вы говорите мне, что я прав, но вы тут ничего не можете поделать?

— Не совсем так. Что-нибудь придумаем. Юпитер может стать чем-то вроде дома для престарелых. Придет пора человеку уходить на заслуженный отдых...

У Фаулера вырвалось рычание.

— Награда,— презрительно бросил он.— Пастбище для старых лошадей. Рай по путевкам.

— Зато мы и человечество спасем,— подчеркнул Вебстер,— и Юпитер используем.

Фаулер порывисто встал.

— Это черт знает что! — вскричал он.— Я прихожу к вам с ответом на вопрос, который вы поставили. С ответом, который обошелся вам в миллиарды долларов. А сотни людей, которыми вы были готовы пожертвовать? Расставили по всему Юпитеру преобразователи, пропускали через них людей пачками, они не возвращались, вы считали их мертвыми и все равно продолжали слать других! Ни один не вернулся, потому что они не хотели, не могли вернуться, их пугала мысль снова стать людьми. И вот я вернулся. А что проку? Трескучие фразы, словесные ухищрения, допросы, проверки... И наконец

мне объявляют, что я есть я, да только мне не надо было возвращаться.

Фаулер опустил руки и понурился.

— Полагаю, я свободен,— произнес он.— Не обязан здесь оставаться.

Вебстер медленно кивнул:

— Конечно свободны. С самого начала вы были свободны. Я только просил побыть здесь, пока шла проверка.

— И я могу возвращаться на Юпитер?

— Учитывая все обстоятельства,— ответил Вебстер,— это, пожалуй, совсем неплохая мысль.

— Удивляюсь, почему вы сразу мне этого не предложили,— с горечью сказал Фаулер.— Такой удобный выход. Сдали отчет в архив, забыли об этом деле, и продолжай распоряжаться Солнечной системой, словно фишками в детской игре. Ваш род уже не первый век отличается, сколько дров наломали — так нет же, люди предоставили вам новую возможность... По милости одного из ваших предков мир лишился учения Джуэйна, другой сорвал попытки наладить сотрудничество с мутантами...

— Оставьте в покое меня и мой род! — резко произнес Вебстер.— Это серьезнее, чем...

Однако Фаулер перекричал его:

— Но это дело я вам не позволю загубить! Хватит, мир и так достаточно потерял из-за вас, Вебстеров. А теперь такая возможность открывается! Я расскажу людям про Юпитер. Пойду в газеты, на радио. Буду кричать со всех крыш. Я...

Он вдруг осекся, и у него задрожали плечи.

— Я принимаю ваш вызов, Фаулер,— с холодной яростью сказал Вебстер.— По-вашему не будет. Я не позволю, чтобы вы сделали такую вещь.

Фаулер уже встал и, повернувшись к нему спиной, решительно зашагал к калитке.

Сидя на месте, будто скованный, Вебстер вдруг почувствовал, как его ногу тронула собачья лапа.

— Догнать его, хозяин? — спросил Эльмер.— Задержать?

Вебстер покачал головой:

— Пусть идет. У него такое же право, как у меня, поступать по своему разумению.

Прохладный ветерок, перевалив через ограду, теребил плащ на плечах Вебстера.

А в мозгу упорно отдавались слова... Произнесенные здесь, в саду, несколько секунд назад, они словно вышли из глубины веков.

«По милости одного из ваших предков мир лишился учения Джуэйна. По милости одного...»

Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони.

«От нас одни только несчастья,— сказал себе Вебстер.— Всему человечеству несчастья. Учение Джуэйна... Мутанты... Да, но мутанты вот уже несколько веков как овладели учением Джуэйна, а ни разу его не применили. Джо отобрал его у Гранта, и Грант всю жизнь потратил на то, чтобы вернуть пропажу, да так и не вернул.

А может быть, в этом учении ничего такого нет,— попытался утешить себя Вебстер.— Иначе мутанты непременно пустили бы его в ход. Или — кто знает? — мутанты нам просто голову морочат, а на самом деле не лучше нашего разобрались?»

Тихий металлический кашель заставил Вебстера поднять глаза. На крыльце стоял маленький серый робот.

— Вызов, сэр,— доложил робот.— Вызов, которого вы ждали.

На экране возникло лицо Дженкинса — старое, уродливое, архаичное лицо. Никакого сравнения с гладкими, будто живыми лицами, которыми щеголяют роботы новейших моделей.

— Простите, что беспокою вас, сэр,— сказал Дженкинс,— но случилось нечто из ряда вон выходящее. Пришел Джо и просит разрешения воспользоваться вашим видеофоном, чтобы связаться с вами, сэр. А в чем дело, не говорит. Дескать, просто захотелось побеседовать с давним соседом.

— Включи его,— сказал Вебстер.

— Не пойму я его поведение, сэр,— продолжал Дженкинс.— Пришел и больше часа переливал из пустого в порожнее, прежде чем попросил соединить с вами. С вашего позволения, сэр, мне это кажется очень странным.

— Понятно,— ответил Вебстер.— Он вообще со странностями, этот Джо.

Лицо Дженкинса исчезло, его сменило другое — лицо мутанта Джо. Волевые черты, морщинистая, обветренная кожа, серо-голубые живые глаза, серебрящиеся на висках волосы.

— Дженкинс мне не доверяет, Тайлер,— сказал Джо с затаенной усмешкой, от которой Вебстера всегда коробило.

— Коли на то пошло, я вам тоже не доверяю,— отрубил он.

Джо прищелкнул языком.

— Полно, Тайлер, разве мы вам хоть когда-нибудь чем-нибудь досадили? Хоть один из нас? Вы следите за нами, нервничаете, покоя не знаете, а ведь мы вам не сделали ничего дурного. Столько собак к нам приставили, что мы на каждом шагу на них натыкаемся, завели дела на нас, изучаете, обсуждаете, разбираете — как только самим до сих пор не тошно!

— Да, мы вас знаем,— сурово произнес Вебстер.— Знаем про вас больше, чем вы сами знаете. Знаем, сколько вас, и каждого в отдельности держим на примете. Хотите услышать, чем любой из вас был занят по минутам за последние сто лет? Спросите, мы вам скажем.

— А мы все это время печемся о вас,— ответил Джо елейным голосом.— Все прикидываем, как бы вам со временем помочь.

— За чем же дело стало? — огрызнулся Вебстер.— Мы с самого начала были готовы сотрудничать с вами. Даже после того, как вы украли у Гранта записки Джуэйна...

— Украли? Честное слово, Тайлер, тут какое-то недоразумение. Мы только взяли их, чтобы доработать. Он там такого нагородил...

— Уверен, вам и двух дней не понадобилось, чтобы разобраться,— отпарировал Вебстер.— Что же вы тянули так долго? Приди вы к нам с ответом, сразу было бы ясно, что вы хотите сотрудничать, и шли бы мы дальше вместе. Мы отозвали бы собак, признали бы вас.

— Потеха,— сказал Джо.— Как будто нас когда-нибудь волновало ваше признание.

И Вебстер услышал смех — смех человека, который ни в ком не нуждается, для которого все потуги человеческого общества — уморительный анекдот. Который идет по жизни в одиночку и вполне этим доволен. Который считает род людской потешным и, возможно, чуть-чуть опасным, но именно это делает его еще потешнее. Который не испытывает по-

требности в братстве людей, отвергает это братство как нечто предельно трогательное и провинциальное, вроде клубов болельщиков двадцатого века.

— Ладно,— жестко произнес Вебстер.— Если вас больше устраивают такие отношения — пожалуйста. Я-то надеялся, что вы предложите какую-нибудь сделку, надеялся на примирение. Мы недовольны теперешними отношениями, мы за то, чтобы изменить их. Дело за вами.

— Погоди, Тайлер,— остановил его Джо,— не выходи из себя. Я думал, тебе будет интересно узнать, в чем же соль учения Джуэйна. О нем теперь почитай что забыли, а ведь было время, вся Солнечная система бурлила.

— Ладно, рассказывайте,— сказал Вебстер с явным недоверием в голосе.

— По сути, вы, люди,— одинокое племя,— начал Джо.— Никто из вас по-настоящему не знает своих собратьев. Не знает потому, что между вами нет нужного взаимопонимания. Конечно, у вас есть дружба, но дружба-то эта основана всецело на эмоциях, а не на глубоком взаимопонимании. Да, вы можете ладить между собой. Но опять же за счет терпимости, а не за счет понимания. Вы умеете согласованно решать проблемы, но что это за соглашения — кто посильнее духом, подавляет того, кто послабее.

— При чем тут все это?

— Так ведь именно в этом все дело! Учение Джуэйна позволит вам по-настоящему понимать друг друга.

— Телепатия?

— Что-то вроде. Мы, мутанты, владеем телепатией. Но тут речь о другом. Учение Джуэйна наделяет вас способностью воспринять точку зрения другого человека. Вы не обязаны с ней соглашаться, но сможете отдать ей должное. Вы будете воспринимать не только смысл того, что вам говорит собеседник, но и степень его убежденности. Учение Джуэйна позволяет всесторонне оценить идею и ее обоснование, не только слова человека, но и смысл, который он в них вкладывает.

— Семантика,— сказал Вебстер.

— Называйте как хотите, а вся суть в том, что вам понятна не только формулировка, но и подразумеваемая мысль собеседника. Это почти телепатия, но не совсем. Кое в чем даже получше телепатии.

— Ну хорошо, а как это достигается? Как вы...

Снова язвительный смех.

— Нет, ты сперва подумай как следует, Тайлер... Реши, так ли уж вам это нужно. Потом можно и потолковать.

— Сделку предлагаете? — спросил Вебстер.

Джо кивнул.

— С подвохом небось?

— Даже с двумя. Найдете, потолкуем и об этом.

— Ну, а что вы хотите получить взамен?

— Много чего,— ответил Джо.— Но ведь и вы внакладе не останетесь.

Экран погас, а Вебстер все еще глядел на него невидящими глазами. Подвох? Разумеется. Ясно как день.

Он плотно зажмурился и услышал стук крови в мозгу.

Что там говорили про учение Джуэйна в те далекие дни, когда оно было утеряно? Будто за несколько десятилетий оно продвинуло бы человечество вперед на сотню тысяч лет. Что-то вроде этого...

Допустим, гипербола, но не такая уж большая. Так сказать, позволительное преувеличение.

Человек по-настоящему понимает другого человека, воспринимает его мысли не искаженно, видит не только слова, но и вложенный в них смысл, оценивает точку зрения другого как свою собственную. И включает ее в мерки, с которыми подходит к тому или иному вопросу. Конец недоразумениям, конец предвзятости, подозрительности, препирательствам — ясное, полное осознание всех спорных сторон всякой проблемы. Применимо в любой области человеческой деятельности. В социологии, в психологии, в технике — какую грань цивилизации ни возьми. Конец раздорам, конец нелепым ошибкам, честная и разумная оценка наличных фактов и идей.

Сто тысячелетий за несколько десятков лет? Что ж, пожалуй, не так уж и невероятно.

А подвох?.. Или никакого подвоха нет? Действительно ли мутанты решили уступить? В обмен на что-нибудь? Или это кошелек на веревочке, а за углом мутанты со смеху покатываются?..

Сами они не использовали учение. Естественно, они-то в нем не нуждаются. У них есть телепатия, их она вполне устраивает. Для чего индивидуалистам средство понимать друг друга, когда они отлично обходятся без такого понимания. Мутанты в своих взаимоотношениях довольствуются теми контактами, которые необходимы, чтобы обеспечить их интересы, но не больше того. Они сотрудничают для спасения своей шкуры, но радости им это не доставляет.

Предложение от души? Приманка, чтобы отвлечь внимание и тем временем незаметно провернуть какую-то махинацию? Розыгрыш? Подвох?..

Вебстер покачал головой. Пойди разберись. Разве угадаешь побуждения и мотивы мутанта!

С приближением вечера стены и потолок кабинета пропитались мягким скрытым светом, он становился все ярче, по мере того как сгущалась темнота. Вебстер поглядел на окно — черный прямоугольник с редкими вспышками реклам, озаряющих контуры зданий.

Он нажал рычажок, соединяясь с секретарем.

— Простите, я вас задержал. Совсем забыл про время.

— Ничего, сэр,— ответил секретарь.— Вас тут ждет посетитель. Мистер Фаулер.

— Фаулер?

— Тот джентльмен, который прилетел с Юпитера.

— Да-да,— тоскливо произнес Вебстер.— Пусть войдет.

Он едва не забыл про Фаулера и его угрозы.

Вебстер рассеянно поглядел на стол, задержал свой взгляд на калейдоскопе.

«Забавная игрушка... Оригинальная вещица. Бесхитростная забава для простодушных умов далекого прошлого. Но для сынишки это будет целое событие».

Он протянул руку, взял калейдоскоп, поднес его к глазу. Преображенный трубою свет создал буйную комбинацию красок, какую-то геометрическую фантасмагорию. Вебстер слегка повернул трубу — узор изменился. Повернул еще...

Внезапно мозг пронизала щемящая мука, краски обожгли сознание ни с чем не сравнимой болью.

Калейдоскоп со стуком упал на столешницу. Вебстер ухватился руками за край стола.

«Вот так детская игрушка!» — подумал он с содроганием.

Недомогание прошло, сознание прояснилось, дыхание успокоилось, а он все сидел, будто каменный.

«Странно... Странно, почему эта штука так на меня подействовала? Или калейдоскоп тут вовсе и ни при чем? Приступ? Сердце шалит? Да нет, вроде бы рановато. И ведь он совсем недавно проверялся».

Щелкнула дверь, и Вебстер поднял взгляд на посетителя.

Фаулер степенно, не торопясь, подошел к столу и остановился.

— Слушаю вас, Фаулер.

— Я вспылил тогда в саду,— начал Фаулер,— и зря. Мне казалось, вы меня обязаны понять, хотя почему, собственно, обязаны? И меня такая досада взяла... Судите сами: возвращаюсь с Юпитера, чувствую, что все-таки не напрасно столько лет провел там, в куполах, все, что я пережил, когда посылал людей на эксперимент, окупилось, что ли. Да, возвращаюсь с известием, которого ждал весь мир, с таким известием, что лучшего и представить невозможно! И мне казалось, вы это сразу поймете, все люди поймут! У меня было такое чувство, словно я принес им ключи от рая. Ведь это так и есть, Вебстер... Так и есть, другого слова не подберешь.

Фаулер оперся ладонями о стол и наклонился вперед.

— Неужели вы меня не понимаете, Вебстер? — произнес он шепотом.— Хоть сколько-нибудь?..

У Вебстера дрожали руки, он опустил их на колени и сжал кулаки до боли в суставах.

— Понимаю,— прошептал он в ответ,— кажется, понимаю.

Он в самом деле понял.

Понял больше того, что ему сказали слова. Он физически ощутил кроющуюся за словами тревогу, мольбу, горькое разочарование. Ощутил так, будто сам на минуту стал Фаулером и говорил за него.

— Что с вами, Вебстер? — испуганно воскликнул Фаулер.— Что случилось?

Вебстер пытался заговорить, но слова не давались ему. Горло словно закупорило пробкой боли.

Он сделал новое усилие и с натугой тихо заговорил:

— Скажите, Фаулер... Вы там приобрели много новых качеств. Много такого, чего человек совсем не знает или представляет себе очень смутно. Вроде мощной телепатии... Или, скажем...

— Да,— подтвердил Фаулер,— я многое там приобрел. Но ничего не сохранил. Как только снова стал человеком, так и вся натура стала прежней, человеческой. Ничего не прибавилось. Остались только смутные воспоминания и... Ну, и тоска какая-то, что ли.

— Значит, вы не сохранили ничего из качеств, которыми обладали, когда были скакунцом?

— Ничего.

— А не осталось у вас способности внушить мне какую-нибудь важную для вас мысль? Сделать так, чтобы я воспринял что-то так же, как вы воспринимаете?

— Увы..

Вебстер вытянул руку, подтолкнул пальцем калейдоскоп. Он откатился и снова замер.

— Почему вы сейчас вернулись? — спросил Вебстер.

— Чтобы найти общий язык с вами. Сказать, что я совсем не обижаюсь. И попытаться объяснить вам свою позицию. Просто мы по-разному глядим на вещи, только и всего. Стоит ли из-за этого ссориться...

— Понятно. И вы по-прежнему твердо намерены обратиться к народу?

Фаулер кивнул:

— Я обязан это сделать. Уверен, вы меня понимаете, Вебстер. Это для меня... это... ну, в общем, что-то вроде религии. Я в это верю и обязан рассказать другим, что существует лучший мир и лучшая жизнь. Должен указать им дорогу.

— Мессия,— произнес Вебстер.

Фаулер выпрямился.

— Ну вот, так я и знал. Насмешка не...

— Я вовсе не насмехаюсь,— мягко объяснил Вебстер.

Он поставил калейдоскоп торчком и принялся его поглаживать, размышляя: «Не готов... Еще не готов... я должен в себе разобраться. Хочу ли я, чтобы он понимал меня так же хорошо, как я его понимаю?»

— Послушайте, Фаулер,— сказал он,— подождите день-два. Потерпите немного. Два дня, не больше. А потом побеседуем с вами еще раз.

— Я прождал достаточно долго.

— Но мне нужно, чтобы вы поразмыслили вот о чем... Человек появился миллион лет назад, он был тогда просто

животным. Потом он шаг за шагом взбирался вверх по лестнице. Шаг за шагом одолевал трудности и созидал свой образ жизни, созидал свою философию, вырабатывал свой подход к решению практических проблем. Можно даже говорить о геометрической прогрессии. Сегодняшние возможности человека намного выше вчерашних. Завтра они будут больше сегодняшних. Впервые за всю историю своего племени человек, что называется, начинает осваивать технику игры. Можно сказать, он только-только пересек стартовую черту. Дальше он в более короткий срок пройдет куда больше, чем прошел до сих пор. Может быть, такого блаженства, как на Юпитере, не будет, может быть, нас ждет нечто совсем другое. Возможно, человечество — серенький воробушек рядом с юпитерианами. Но это наша жизнь. То, за что боролся человек. То, что он построил своими руками. Предначертание, которое он сам выполнял. Страшно подумать, Фаулер, неужели мы в ту самую минуту, когда из нас начинает получаться толк, променяем свою судьбу на другую, о которой ровным счетом ничего не знаем, не знаем, чем она чревата?

— Я подожду,— сказал Фаулер.— Подожду день-два. Но я предупреждаю. Вам от меня не отделаться. Не удастся меня переубедить.

— Большего я и не прошу.— Он встал и протянул ему руку.— По рукам?

Но пожимая руку Фаулера, Вебстер уже знал, что все это понапрасну. Джуэйн не Джуэйн — человечество стоит перед решающей проверкой. И учение Джуэйна только усугубляет все дело. Потому что мутанты своего никогда не упустят... Если он верно угадал, если они задумали таким способом избавиться от человечества, то у них все предусмотрено. К завтрашнему утру, так или иначе, не останется ни одного мужчины, ни одной женщины, ни одного ребенка, которые не посмотрели бы в калейдоскоп. Да и почему непременно калейдоскоп? Один бог ведает, сколько еще способов они знают...

Проводив взглядом Фаулера, он подошел к окну. Очертания домов озарялись новой световой рекламой, какой не было прежде. Какой-то диковинный узор озарял ночь многоцветными вспышками. Вспыхнет — погаснет, вспыхнет — погаснет, словно кто-то крутил огромный калейдоскоп.

Вебстер стиснул зубы. Этого следовало ожидать.

Мысль о Джо наполнила его душу лютой ненавистью. Так вот для чего он вызывал его к видеофону — лишний раз втихую посмеяться над людьми... Очередной жест трюкача, который снизошел до того, чтобы намекнуть простакам, в чем хитрость, когда их уже обвели вокруг пальца и поздно что-то предпринимать.

«Надо было перебить их всех до одного,— сказал себе Вебстер и подивился тому, как трезво и бесстрастно его мозг пришел к такому умозаключению.— Искоренить, как искореняют опасную болезнь».

Но человек отверг насилие как средство решать общественные и личные конфликты. Вот уже сто двадцать пять лет, как люди не ходят стенка на стенку.

«Во время разговора с Джо учение Джуэйна лежало на моем столе. Достаточно потом было протянуть руку, чтобы...— Вебстер остолбенел, осененный догадкой.— Достаточно было протянуть за ним руку... И я это сделал!»

Это даже не телепатия, не чтение мыслей. Джо знал, что он возьмет в руки калейдоскоп, конечно знал! Особое предвидение, умение заглянуть в будущее. Хотя бы на час-другой вперед, а больше и не требовалось.

Джо, и не только Джо, все мутанты знали про Фаулера. Мозг, наделенный даром проникать в чужие мысли, может легко выведать все, что нужно.

Но это не все, тут кроется еще что-то.

Глядя на цветные вспышки, он представил, как тысячи людей сейчас видят их. Видят, и сознание их поражает внезапный шок.

Вебстер нахмурился, соображая, в чем сила этих мелькающих узоров. Возможно, они действуют особым образом на какой-то центр в мозгу... До сих пор центр этот не работал, время не приспело, а тут его подхлестнули, и он включился.

Учение Джуэйна, наконец! Веками искали — и вот обрели. Но обрели в такую минуту, когда человеку лучше бы вовсе не знать его.

В своем отчете Фаулер написал:

«Я не могу сообщить объективные данные, потому что у меня нет для этого нужных определений».

У него и теперь, разумеется, нет нужных слов, зато есть кое-что получше: слушатели, способные почувствовать искренность и убежденность тех слов, которыми он располага-

ет. Слушатели, наделенные новым свойством, позволяющим хотя бы отчасти уловить величие того, что принес им Фаулер.

Джо все предусмотрел. Он ждал этой минуты. И превратил учение Джуэйна в учение против человечества.

Потому что само это учение приведет к тому, что человек улетит на Юпитер. Сколько его ни вразумляй, он все равно улетит на Юпитер. Во что бы то ни стало улетит.

Единственная надежда победить в поединке с Фаулером заключалась в том, что он был бессилен описать виденное, рассказать о пережитом, не мог довести до сознания людей то, что его волновало. Выраженная заурядными земными словами, его мысль прозвучала бы тускло, неубедительно. Даже если бы ему поверили в первую минуту, эта вера была бы непрочной, людей можно было бы переубедить.

Теперь надежда рухнула, ведь слова Фаулера уже не покажутся тусклыми и неубедительными. Люди ощутят, что такое Юпитер, так же явственно, так же живо, как это ощущает Фаулер.

И земляне переберутся на Юпитер, отдав предпочтение юпитерианской жизни.

А Солнечная система, вся Солнечная система, кроме Юпитера, будет в распоряжении нового племени, племени мутантов, они будут создавать культуру по своему вкусу, и вряд ли эта культура пойдет по тому же пути, что цивилизация предков.

Вебстер отвернулся от окна, быстро подошел к столу. Нагнулся, выдвинул ящик, сунул внутрь руку. И вынул предмет, которым никогда в жизни не собирался пользоваться,— реликвию, музейный экспонат, много лет пролежавший в забвении.

Он протер носовым платком металлическую поверхность пистолета, потом дрожащими пальцами проверил механизм.

Все упирается в Фаулера. Если Фаулер умрет...

Если Фаулер умрет и станции на Юпитере демонтируют и покинут, затея мутантов сорвется. В активе человека будет учение Джуэйна и свой, ему предначертанный путь. «Экспедиция Центавр» отправится к звездам. Будут продолжаться эксперименты по освоению Плутона. Человек пойдет дальше по курсу, проложенному его цивилизацией. Пойдет быстрее, чем когда-либо. Превосходя все самые дерзкие мечты.

Два великих завоевания... Отказ от насилия как средства решать противоречия между людьми. И дарованное учением Джуэйна взаимопонимание. Два могучих ускорителя на путях в будущее.

Отказ от насилия и...

Вебстер уставился на зажатый в руке пистолет, а в мозгу у него словно ураган гудел.

Два великих завоевания — и он собирается перечеркнуть первое из них.

Сто двадцать пять лет не было убийства человека человеком, и вот уже больше тысячи лет, как убийство отвергнуто как способ разрешения общественных конфликтов.

Тысяча лет мира — и один смертный случай может все свести на нет. Одного выстрела в ночи довольно, чтобы рухнуло все здание, чтобы человек вернулся к прежним, звериным суждениям.

«Вебстер убил — почему мне нельзя? Если уж на то пошло, кое-кого не мешало бы прикончить. Правильно Вебстер сделал, только надо было не останавливаться на этом. И не вешать его надо, а наградить. Вешать надо мутантов. Если бы не они...»

Именно так будут рассуждать люди.

«Вот о чем гудит ураган в моем мозгу».

...Вспышки пестрых узоров рождали призрачный отсвет на стенах и полу.

«Фаулер видит эти узоры. Он тоже глядит на диковинные вспышки, а если и не глядит, так ведь у меня есть еще калейдоскоп. Он придет сюда, мы сядем и потолкуем. Сядем и потолкуем...»

Вебстер швырнул пистолет обратно в ящик и пошел к двери.

Комментарий к шестому преданию

Если о происхождении других преданий цикла еще можно спорить, то здесь все очевидно. Шестое предание отмечено явственной печатью псовой сказительской традиции. В нем есть и глубокие эмоциональные ценности, и пристальное внимание

к этическим проблемам, которое присуще всем прочим сказаниям Псов.

И однако, Резон, как ни странно, именно в этом предании видит наиболее веское свидетельство того, что человечество якобы существовало на самом деле. Перед нами, утверждает он, доказательство, что эти самые предания рассказывали Псы, сидя у пылающих костров и толкуя о Человеке, погребенном в Женеве или улетевшем на Юпитер. Перед нами, говорит он также, сообщение о первом исследовании Псами миров гоблинов и о первых шагах к созданию братства животных.

И он видит здесь свидетельство того, что Человек представлял племя, которое одно время шло вместе с Псами по пути развития культуры. По мнению Резона, нет оснований утверждать, что именно описанная в предании катастрофа сокрушила Человека. Он допускает, что предание в том виде, в каком мы знаем его сегодня, за сотни лет было дополнено и приукрашено. При всем при том он видит в нем веские и убедительные доказательства того, что на род людской была наслана какая-то кара.

Борзый, который не усматривает в предании фактических свидетельств, будто бы обнаруженных Резоном, полагает, что сказитель просто доводит до логического финала культуру, якобы созданную Человеком. Без широкой перспективы, без элементов органической стабильности не может выжить ни одна культура — вот, по мнению Борзого, урок настоящего предания.

В отличие от других частей цикла, это предание говорит о Человеке с какой-то нежностью. Он одновременно одинок и несчастен, но и по-своему величествен. Как типичен для него гордый жест, когда под конец ценой самопожертвования он обретает божественный ореол.

И все-таки в преклонении Эбинизера перед Человеком есть какие-то странные оттенки, давшие пищу для особенно ожесточенных споров среди исследователей цикла.

В своей книге «Миф о Человеке» Разгон спрашивает: «Если бы Человек пошел по другому пути, может быть, со временем он достиг бы такого же величия, как Пес?»

Вероятно, многие читатели цикла уже перестали задавать себе этот вопрос.

VI

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Кролик свернул за куст, маленький черный пес метнулся за ним и с разбегу остановился. На тропке перед ним стоял волк, в его зубах трепетала окровавленная тушка кролика.

Эбинизер застыл на месте, вывесив язык красной тряпкой, он тяжело дышал, и его слегка мутило от увиденного.

«Кролик был такой славный!»

Чьи-то ноги простучали по тропе за спиной Эбинизера, из-за куста опрометью выскочил Сыщик и остановился рядом с ним.

Волк быстро перевел взгляд с пса на карликового робота, потом обратно на пса. Бешеное янтарное пламя в его глазах постепенно потухло.

— Зря ты так сделал, волк,— мягко произнес Эбинизер.— Кролик знал, что я его не трону, что все это понарошку. Он нечаянно наскочил на тебя, а ты его сразу схватил.

— Нашел с кем разговаривать,— прошипел Сыщик.— Он же ни слова не понимает. Смотри, как бы тебя не сожрал.

— Не бойся, при тебе он меня не тронет,— возразил Эбинизер.— К тому же он меня знает. С прошлой зимы помнит. Он из той стаи, которую мы подкармливали.

Медленно переступая, волк крадучись двинулся вперед, в двух шагах от пса остановился, тихо, нерешительно положил кролика на землю и подтолкнул его носом к Эбинизеру.

Сыщик не то пискнул, не то ахнул.

— Он отдает его тебе!

— Вижу,— спокойно ответил Эбинизер.— Я же говорю, что он помнит. У него еще ухо было обморожено, а Дженкинс его подлечил.

Вытянув морду и виляя хвостом, пес шагнул вперед. Волк на миг оцепенел, потом наклонил свою уродливую голову, принюхиваясь. Еще секунда — и они коснулись бы друг друга мордами, но тут волк отпрянул.

— Пойдем лучше отсюда,— позвал Сыщик.— Ты давай улепетывай, а я прикрою тебя с тыла. Если попробует...

— Ничего он не попробует,— перебил его Эбинизер.— Он наш друг. И за кролика его винить нельзя. Он же не понимает. Он так привык. Для него кролик просто кусок мяса.

«Так же как это когда-то было для нас,— подумал он.— Как было для нас, пока первый пес не сел рядом с человеком у костра перед входом в пещеру. Да и после еще долго так было... Даже теперь иной раз, как увидишь кролика...»

Медленно, как бы извиняясь, волк дотянулся до кролика и взял его зубами. При этом он помахивал хвостом, только что не вилял им.

— Ну что! — воскликнул Эбинизер, и в ту же секунду волк метнулся прочь.

Серым пятном мелькнул среди деревьев, серой тенью растаял в лесу.

— Забрал, вот что,— возмутился Сыщик.— Этот мерзкий...

— Но сперва он отдал его мне,— торжествующе возразил Эбинизер.— Просто очень голодный был, оттого и не выдержал. А ведь такое сделал, чего не делал еще ни один волк. На мгновение зверь в нем отступил...

— Он хотел подарок за подарок.

Эбинизер покачал головой:

— Ему же стыдно было, когда он его забирал. Видел, как он хвостом помахивал? Это он объяснял, что хочет есть, что кролик ему нужен. Нужнее, чем мне.

Скользя глазами по зеленым просветам в волшебном лесу, пес втягивал носом запах перегноя, пьянящее благоухание изящных подснежников и фиалок, бодрящий, острый аромат молодой листвы, пробуждающегося весеннего леса.

— Смотришь, когда-нибудь...— заговорил он.

— Знаю-знаю,— вступил Сыщик.— Смотришь, когда-нибудь и волки станут цивилизованными. И кролики, и белки, и все остальные дикие твари. Вы, псы, все томитесь...

— Не томимся, а мечтаем,— поправил его Эбинизер.— У людей было заведено мечтать. Бывало, сидят и что-нибудь придумывают. И мы так появились. Нас придумал человек по имени Вебстер. И повозился же он с нами! Горло переделал, чтобы мы говорить могли. Сделал нам контактные линзы, чтобы читали. Еще...

— Много проку было людям от их мечтаний,— ехидно произнес Сыщик.

«Святая правда,— подумал Эбинизер.— Сколько людей на Земле осталось? Одни мутанты, которые невесть чем заняты в своих башнях, да маленькая колония взаправдашних людей в

Женеве. Остальные давно уже перебрались на Юпитер и превратились там из людей во что-то совсем другое».

Опустив хвост, Эбинизер повернул кругом и медленно поплелся по тропе.

«Жаль кролика,— думал он.— Такой был славный... Так здорово улепетывал. И совсем не от страха. Я за ним столько раз гонялся, он знал, что я не собираюсь его ловить».

Но все равно Эбинизер не винил волка. Волк за кроликом не для потехи бегает. У волков нет скота, который дает мясо и молоко, нет посевов, дающих муку для галет.

— А ведь мне придется сказать Дженкинсу, что ты убежал,— ворчал жестокосердный Сыщик, топая за ним по пятам.— Знаешь ведь, что тебе сейчас положено слушать.

Пес продолжал молча трусить по тропе. Сыщик прав... Эбинизеру полагалось не гоняться за кроликами, а сидеть в усадьбе Вебстеров и слушать. Ловить звуки и запахи и все время быть готовым почуять, когда вблизи что-то появится. Как будто сидишь у стены и слушаешь, что за ней делается, а слышно еле-еле. Хорошо, если хоть что-то уловишь, а понять, что именно, и того труднее.

«Это зверь во мне сидит и никак меня не отпускает,— думал Эбинизер.— Древний пес, который сражался с блохами, глодал кости, раскапывал суслиные норы. Это он заставляет меня убегать из дома и гоняться за кроликом, когда мне положено слушать, заставляет рыскать по лесу, когда мне положено читать старые книги с длинных полок в кабинете.

Слишком быстро... Мы слишком быстро продвигались. Так было нужно.

Человеку понадобились тысячи лет, чтобы из нечленораздельных звучаний развились зачатки речи. Тысячи лет ушли на то, чтобы приручить огонь, и еще столько, чтобы изобрести лук и стрелы. Тысячи лет, чтобы научиться возделывать землю и собирать урожай, тысячи лет, чтобы сменить пещеру на жилище, построенное своими руками.

А мы всего какую-нибудь тысячу лет как научились говорить и уже во всем предоставлены самим себе. Конечно, если не считать Дженкинса».

Лес поредел, дальше только узловатые дубы тяжело карабкались вверх по склону, будто заплутавшиеся старики.

Усадьба распласталась на бугре. Прильнув к земле, пустив глубокие корни, стояло размашистое сооружение, такое старое, что оно стало под цвет всему окружающему — деревьям, траве, цветам, небу, ветру, дождю. Усадьба, построенная людьми, которые были привязаны к ней и к земле кругом так же, как теперь к ней привязались псы. Усадьба, в которой жили и умирали члены легендарного рода, оставившего в веках след яркий, как метеор. Люди, что вошли в предания, которые теперь рассказывали у пылающего камина в ненастные ночи, когда ветер с воем тормошил крышу... Предания о Брюсе Вебстере и первом псе Нэтэниеле; о человеке по имени Грант, который велел Нэтэниелу передать потомкам наказ; о другом человеке, который хотел долететь до звезд, и о старике, который сидел и ждал его на лужайке. И еще предания об ужасных мутантах, за которыми псы много лет следили.

И вот теперь люди ушли, но имя Вебстеров не забыто, и псы не забывали наказ, который Грант дал Нэтэниелу в тот давно минувший день.

«Как будто вы — люди, как будто пес стал человеком».

Вот наказ, который десять столетий передавался из поколения в поколение. И настало время выполнять его.

Когда люди ушли, псы возвратились домой, со всех концов света вернулись туда, где первый пес произнес первое слово, где первый пес прочел первую печатную строку. Вернулись в усадьбу Вебстеров, где в незапамятные времена жил человек, мечтавший о двойной цивилизации, о том, чтобы человек и пес шли в веках вместе, лапа об руку.

— Мы старались, как могли,— сказал Эбинизер вслух, словно обращаясь к кому-то.— И продолжаем стараться.

Из-за бугра донесся звон колокольчика, потом неистовый лай. Щенки гнали коров домой на вечернюю дойку.

В подземелье отложилась вековая пыль, серой пудрой лежала пыль не откуда-то извне, а неотъемлемая часть самого подземелья, та его часть, которая со временем обратилась в прах.

Пряный запах пыли перебивал влажную затхлость, в голове жужжанием отдавалась тишина. Радиевая лампочка тускло освещала пульт с маховичком, рубильником и пятью-шестью шкалами.

Опасаясь нарушить спящую тишину, придавленный источаемым сводами грузом веков, Джон Вебстер медленно подошел к пульту. Протянул руку и тронул рубильник, словно проверяя, настоящий ли он, словно ему нужно было ощутить пальцем сопротивление, чтобы удостовериться, что рубильник на месте.

Рубильник был на месте. Рубильник, и маховичок, и шкалы, освещенные одинокой лампочкой. И все. Больше ничего. В тесном подземелье с голыми стенами больше ничего не было.

Все так, как обозначено на старом плане.

Джон Вебстер покачал головой... Как будто могло быть иначе. План верен. План помнит. Это мы забыли — забыли, а может быть, никогда и не знали, а может быть, и знать не хотели. Пожалуй, это вернее всего: знать не хотели.

Впрочем, с самого начала, наверно, лишь очень немного людей знали про это подземелье. Мало кто знал, потому что так было лучше для всех. С другой стороны, то, что сюда никто не приходил, еще не залог полной тайны. И не исключено...

Он в раздумье смотрел на пульт. Снова рука протянулась вперед, но тут же он ее отдернул. Не надо, лучше не надо! Ведь план ничего не говорит о назначении подземелья, о действии рубильника.

«Оборона» — вот и все, что написано на плане.

Оборона! Тогда, тысячу лет назад, естественно было предусмотреть оборону. Она так и не пригодилась, но ее держали на всякий пожарный случай. Потому что даже тогда братство людей было настолько зыбким, что одно слово, один поступок могли его разрушить. Даже после десяти веков мира жила память о войне, и Всемирный комитет неизменно считался с ее возможностью, думал о ней и о том, как ее избежать.

Застыв на месте, Вебстер слушал биение пульса истории. Истории, которая завершила свой ток. Истории, которая зашла в тупик, и вот уже вместо полноводной реки — заводь, несколько сот бесплодных человеческих жизней, стоячий пруд, не питающий родников человеческой энергии и дерзаний.

Вытянув руку, он коснулся ладонью стены и ощутил липучий холод, щекочущий ворс пылинок.

Фундамент империи... погреб... Нижний камень могучего сооружения, гордо возвышавшегося над поверхностью земли, величавого здания, куда в древности сходились живые нити Солнечной системы. Империя не как символ захватничества, а как торжество упорядоченных человеческих взаимоотношений, построенных на взаимном уважении и мудрой терпимости.

Резиденция правительства, которое черпало психологическую уверенность в мысли о том, что есть верная, надежная оборона. И можно положиться на то, что она в самом деле верная, непременно надежная. Люди той поры не оставляли случаю никаких лазеек. Они прошли суровую школу и кое-что соображали.

Вебстер медленно повернулся, поглядел на следы, оставленные в пыли его ногами. Бесшумно, аккуратно ступая след в след, он вышел из подземелья, закрыл за собой тяжелую дверь и повернул замок, тщательно охраняющий тайну.

Идя вверх по ступенькам потайного хода, он думал: «Теперь можно садиться и писать свой исторический обзор. Наброски в основном сделаны, композиция ясна. Это будет превосходное, всестороннее исследование, вполне заслуживающее того, чтобы его прочли».

Но Вебстер знал, что никто не прочтет его труд. Не найдется желающих тратить на то время и силы.

На широком мраморном крыльце своего дома Вебстер остановился и окинул взглядом улицу. Красивая улица, самая красивая во всей Женеве: зеленый бульвар, ухоженные клумбы, доведенные до блеска неугомонными роботами пешеходные дорожки. Ни души на улице, и в этом ничего удивительного. Роботы рано заканчивают уборку, а людей в городе очень мало.

На высоком дереве пела птица — эта песенка вобрала в себя и солнце, и цветы, она рвалась из переполненного счастьем горлышка, пританцовывая от неиссякаемой радости.

Чистая улица, прикорнувшая в солнечных лучах, и большой прекрасный город. А какой в них смысл? Такую улицу должны заполнять смеющиеся дети, влюбленные пары, отдыхающие на солнце старики. Такой город — последний город на Земле, единственный город на Земле — должен быть полон движения и жизни.

Пела птица, и человек стоял на ступеньках, и тюльпаны блаженно кивали реющему по улице душистому ветерку.

Вебстер повернулся к двери, толкнул ее и переступил через порог.

Комната была тихая и торжественная, похожая на собор. Витражи, мягкие ковры... Старое дерево рдело паутиной веков, медь и серебро искрились в свете лучей стрельчатых окон. Над очагом висела выполненная в спокойных тонах большая картина: усадьба на бугре, усадьба, которая пустила корни в землю и ревниво льнула к ней. Из трубы вился дым — жидкая струйка, размазанная ветром по ненастному небу.

Вебстер прошел через комнату, не слыша своих шагов.

«Ковры,— подумал он,— ковры стерегут здесь тишину. Рендолл и тут хотел все переиначить на свой лад, но я ему не позволил — и хорошо сделал. Человек должен сохранять что-нибудь старинное, быть верным чему-то, в чем слиты былые голоса и будущие надежды».

Подойдя к рабочему столу, он нажал кнопку, и над столом зажегся свет. Он медленно опустился в кресло, протянул руку за папкой с черновиками. Открыл ее и прочел заглавие:

«ИССЛЕДОВАНИЕ
ФУНКЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
ГОРОДА ЖЕНЕВЫ».

Превосходное заглавие. Солидное, ученое. А сколько труда вложено... Двадцать лет. Двадцать лет он рылся в пыльных архивах, двадцать лет читал и сопоставлял, взвешивал слова и суждения предшественников, двадцать лет просеивал, отсеивал, отбирал факты, выявляя параметры не только города, но и людей. Никакого культа героев, никаких легенд, одни факты. А факты добыть далеко не просто.

Что-то прошелестело в комнате. Не шаги — просто шелест. И ощущение, что рядом кто-то стоит. Вебстер повернулся. Сразу за световым кругом от лампы стоял робот.

— Простите, сэр,— сказал робот,— но мне поручено вам доложить. Мисс Сара ждет в морской.

Вебстер вздрогнул.

— Что, мисс Сара? Давно она здесь не появлялась.

— Совершенно верно, сэр,— отозвался робот.— Когда она вошла, сэр, мне показалось, что вернулись былые времена.

— Благодарю, Оскар,— сказал Вебстер.— Я сейчас. Принесите нам что-нибудь выпить.

— Она принесла с собой, сэр,— ответил Оскар.— Одну из этих смесей мистера Бэлентри.

— Бэлентри! Надеюсь, это не отрава?

— Я наблюдал за ней,— доложил Оскар.— Она уже пила, и с ней пока ничего не случилось.

Вебстер встал, вышел из кабинета и прошел по коридору. Толчком отворил дверь, и его встретил плеск прибоя. Он невольно прищурился от яркого света на раскаленном песке пляжа, белой чертой уходящего вправо и влево за горизонт. Перед ним простирался океан, голубые волны с солнечными блестками и с белыми мазками бурлящей пены.

Он двинулся вперед по шуршащему песку, постепенно глаза его освоились с разлитым в воздухе солнцем, и он увидел Сару.

Она сидела в пестром шезлонге под пальмами, рядом на песке стоял элегантный, пастельных тонов кувшин.

Воздух был с привкусом соли, и дыхание океана разбавляло прохладой зной на берегу.

Заслышав шаги, женщина встала и протянула руки навстречу Вебстеру. Он подбежал, стиснул протянутые руки и посмотрел на нее.

— Нисколько не состарилась. Такая же прекрасная, как в день нашей первой встречи.

Она улыбнулась, ее глаза лучились.

— И ты, Джон... Немного поседели виски. Это тебе даже к лицу. Вот и все.

Он рассмеялся:

— Мне скоро шестьдесят, Сара. Зрелость подкрадывается.

— Я тут принесла... Один из последних шедевров Бэлентри. Сразу станешь вдвое моложе.

Он крякнул.

— И как только Бэлентри не угробил половину Женевы своим зельем.

— Но этот напиток ему удался.

Она была права. Пьется легко, и вкус необычный — пьянящe-звонкий.

Вебстер пододвинул к себе шезлонг и сел, не отрывая глаз от Сары.

— Красиво у тебя здесь,— сказала она.— Рендолл?

Вебстер кивнул:

— Уж он отвел душу, так разошелся, что я его еле остановил. А эти его работы! На что он шальной, так они еще хлестче!

— Зато какие великолепные вещи делает! Оборудовал для Квентина марсианскую комнату — это что-то неземное!

— Слышал,— сказал Вебстер.— Мне он непременно хотел отделать кабинет под уголок космоса. Дескать, самая лучшая обстановка, чтобы посидеть, поразмышлять. Даже обиделся, когда я сказал, что не надо.

Глядя в голубую даль, он потер левую руку большим пальцем правой. Сара наклонилась и отвела палец в сторону.

— До сих пор не избавился от бородавок,— заметила она.

— Ага,— ухмыльнулся он.— Можно свести, да все никак не соберусь. Очень я занятой человек. Да и свыкся с ними.

Она выпустила его палец, и он опять принялся машинально скрести бородавки.

— Занятой человек,— повторила она.— То-то тебя давно не видно. Как книга подвигается?

— Можно садиться и писать. Уже размечаю главы. Сегодня проверял последний пункт. Хочется ведь, чтобы все было точно. Побывал в одном месте глубоко под землей, это под старым зданием Управления Солнечной системы. Какая-то оборонительная установка. Оперативный центр. Включаешь рубильник — и...

— И что?

— Не знаю,— ответил Вебстер.— Надо думать, что-нибудь достаточно эффективное. Не мешало бы выяснить, да не могу себя заставить. Столько копался в пыли последние двадцать лет, больше сил нет.

— Я смотрю, ты что-то приуныл, Джон. Как будто устал. С чего бы это? Не вижу причин, ты у нас такой энергичный. Налить еще?

Он покачал головой:

— Нет, Сара, спасибо. Не то настроение. Мне страшно, Сара, *страшно*.

— Страшно?

— Эта комната... Иллюзии. Зеркала, которые создают иллюзию простора. Вентиляторы, которые насыщают воздух

брызгами соленой воды, насосы, которые нагоняют воду. Искусственное солнце. А не хочется солнца — щелкни рычажком, и вот тебе луна.

— Иллюзии,— произнесла Сара.

— Вот именно. Вот все, что у нас есть. Нет настоящего дела, нет настоящей работы. К чему стремиться, для чего стараться? Вот я проработал двадцать лет, а закончу книгу — кто ее прочтет? Потратить на нее немного времени — вот все, что от них требуется. Куда там! Зайдите, попросите у меня экземпляр, а если недосуг, я и сам буду рад принести, лишь бы прочли. Никто и не подумает. И стоять ей на полке рядом со всеми прочими книгами. Так какой мне от этого толк? Что ж, я тебе отвечу. Двадцать лет труда, двадцать лет самообмана, двадцать лет умственного здоровья.

— Знаю,— мягко сказала Сара.— Все это мне известно, Джон. Последние три картины...

Он живо повернулся к ней:

— Как, неужели...

Она покачала головой.

— Нет, Джон. Они никому не нужны. Мода не та, реализм — это старо. Сейчас в чести импрессионизм. Мазня...

— Мы слишком богаты,— сказал Вебстер.— У нас слишком много всего. Мы получили все, все и ничего. Когда человечество перебралось на Юпитер, Землю унаследовали те немногие, которые на ней остались, и оказалось, что наследство для них чересчур велико. Они не могли с ним справиться, не могли осилить. Думали, что обладают им, а вышло наоборот. Над ними возобладало, их подчинило себе, их подавило все то, что им предшествовало.

Она протянула руку, коснулась его руки.

— Бедный Джон.

— От этого не отвертишься,— продолжал он.— Настанет день, когда кому-то из нас придется взглянуть правде в глаза, придется начинать сначала, с первой буквы.

— Я...

— Да, что ты хотела сказать?

— Я ведь пришла проститься.

— Проститься?

— Я выбрала Сон.

Он быстро, испуганно вскочил на ноги.

— Что ты, Сара!

Она рассмеялась, но смех был насильственный.

— Присоединяйся, Джон. Несколько сот лет... Может быть, когда проснемся, все будет иначе.

— Только потому, что никто не берет твоих картин. Только потому...

— Потому самому, о чем ты сам сейчас говорил. Иллюзии, Джо. Я знала, чувствовала, просто не умела до конца осмыслить.

— Но ведь Сон — тоже иллюзия.

— Конечно. Но ты-то об этом не будешь знать. Ты будешь воспринимать его как реальность. Никаких тормозов и никаких страхов, кроме тех, которые запрограммированы. Все очень натурально, Джо, натуральнее, чем в жизни. Я ходила в Храм, мне там все объяснили.

— А потом, когда проснешься?

— Проснешься вполне приспособленным к той жизни, к тем порядкам, которые будут тогда царить. Словно ты родился в той эре. А ведь она может оказаться лучше. Как знать? Вдруг окажется лучше.

— Не окажется,— сурово возразил Джон.— Пока или если никто не примет мер. А народ, который ищет спасения в Сне, уже ни на что не отважится.

Она вся сжалась, и ему вдруг стало совестно.

— Прости меня, Сара. Я ведь не о тебе... Вообще ни о ком в частности. А обо всех нас, вместе взятых.

Хрипло шептались пальмы, шурша жесткими листьями. Блестели на солнце лужицы, оставленные схлынувшей волной.

— Я не стану тебя переубеждать,— добавил Вебстер.— Ты все продумала и знаешь, чего тебе хочется.

«Люди не всегда были такими,— подумал он.— В прошлом, тысячу лет назад, человек стал бы спорить, доказывать. Но джуэйнизм положил конец мелочным раздорам. Джуэйнизм многому положил конец».

— Мне все кажется,— мягко заговорила Сара,— если бы мы не разошлись...

Он сделал нетерпеливый жест:

— Вот тебе еще один пример того, что нами потеряно, что упущено человечеством. Да, многого мы лишились, если вдуматься... Нет у нас ни семейных уз, ни деловой жизни, нет осмысленного труда, нет будущего.

Он повернулся и посмотрел на нее в упор.

— Сара, если ты хочешь вернуться...

Она покачала головой:

— Ничего не получится, Джон. Слишком много лет прошло.

Он кивнул. Что верно, то верно.

Она встала и протянула ему руку.

— Если ты когда-нибудь предпочтешь Сон, найди мой шифр. Я скажу, чтобы оставили место рядом со мной.

— Не думаю, чтобы я захотел,— ответил он.

— Нет так нет. Всего доброго, Джон.

— Постой, Сара. Ты ничего не сказала о нашем сыне. Прежде мы с ним часто встречались, но...

Она звонко рассмеялась:

— Том почти уже взрослый, Джон. И только представь себе, он...

— Я его давно не видел,— снова начал Вебстер.

— Ничего удивительного. Он почти не бывает в городе. Видно, в тебя пошел. Хочет стать каким-то первооткрывателем, что ли, не знаю, как это называется. Это его хобби.

— Ты подразумеваешь какие-нибудь новые исследования? Что-нибудь необыкновенное?

— Это точно, необыкновенное, но не исследование. Просто он уходит в лес и живет там сам по себе. Он и несколько его друзей. Мешочек соли, лук со стрелами... Странно, что говорить, но он очень доволен. Уверяет, будто там есть чему поучиться. И вид у него здоровый. Что твой волк: сильный, поджарый, глаза такие яркие...

Она повернулась и пошла к двери.

— Я провожу,— сказал Вебстер.

Она покачала головой:

— Нет, лучше не надо.

— Ты забыла кувшин.

— Возьми его себе, Джон. Там, куда я иду, он мне не понадобится.

Вебстер надел «мыслительный шлем» из пластика и включил пишущую машинку на своем рабочем столе.

«Глава двадцать шестая»,— подумал он, и тотчас машинка защелкала, застучала, появились буквы:

«ГЛАВА XXVI».

На минуту Вебстер отключился, перебирая в уме данные и намечая план, затем продолжил изложение. Стук литер слился в ровное жужжание:

«Машины продолжали работать, как прежде, под присмотром роботов производя все то, что производили прежде.

И роботы, зная, что это их право — право и долг,— продолжали трудиться, делая то, для чего их сконструировали.

Машины все работали, и роботы все работали, производя материальные ценности, словно было для кого производить, словно людей были миллионы, а не каких-нибудь пять тысяч.

И эти пять тысяч — кто сам остался, кого оставили — неожиданно оказались хозяевами мира, соразмеренного с потребностями миллионов, оказались обладателями ценностей и услуг, которые всего несколько месяцев назад предназначались для миллионных масс.

Правительства не было, да и зачем оно, если все преступления и злоупотребления, предотвращаемые правительством, теперь столь же успешно предотвращались внезапным изобилием, выпавшим на долю пяти тысяч. Кто же станет красть, когда можно без воровства получить все, что тебе угодно. Кто станет тягаться с соседом из-за земельного участка, когда весь земной шар — сплошная незанятая делянка. Право собственности почти сразу стало пустой фразой в мире, где для всех всего было в избытке.

Насильственные преступления в человеческом обществе давно уже фактически прекратились, и, когда с исчезновением самого понятия материальных проблем право собственности перестало порождать трения, надобность в правительстве отпала. Вообще отпала надобность в целом ряде обременительных обычаев и условностей, которые человек начал вводить, едва появилась торговля. Стали ненужными деньги: ведь финансы потеряли всякий смысл в мире, где и так можно было получить все, что нужно,— хоть попроси, хоть сам возьми.

С исчезновением экономических уз начали ослабевать и социальные. Человек больше не считал для себя обязательным подчиняться обычаям и нормам, игравшим столь важную роль в насквозь пронизанном коммерцией доюпитерианском мире. Религия, которая из столетия в столетие теряла свои позиции, теперь совсем исчезла. Семья, которую скрепляли традиция и экономическая потребность в кормильце и защитнике, рас-

палась. Мужчины и женщины жили друг с другом без оглядки на экономические и социальные обстоятельства, которые перестали существовать».

Вебстер снова отключился, и машинка умиротворенно замурлыкала. Он поднял руки, снял шлем, перечитал последний абзац.

«Вот оно,— подумал,— вот корень. Если бы не распались семьи. Если бы мы с Сарой не разошлись...»

Он потер бородавки на руке.

«Интересно, чья у Тома фамилия — моя или ее? Обычно они берут фамилию матери. Вот и я так поступил сперва, но потом мать попросила меня взять отцовскую. Сказала, что отцу будет приятно, а она не против. Сказала, что он гордится своей фамилией и я у него единственный ребенок. А у нее были еще дети.

Если бы мы не разошлись... Тогда было бы ради чего жить. Если бы не разошлись, Сара не выбрала бы Сон, не лежала бы сейчас в забытьи с "шлемом грез" на голове.

Интересно, какие сны она выбрала, на какой искусственной жизни остановилась? Хотел спросить ее, но не решился. Да и не пристало спрашивать о таких вещах...»

Он снова взял шлем, надел на голову и привел в порядок свои мысли. Машинка сразу защелкала:

«Человек растерялся. Но ненадолго. Человек пытался что-то сделать. Но недолго.

Потому что пять тысяч не могли заменить миллионы, которые отправились на Юпитер, чтобы в ином обличье начать лучшую жизнь. У оставшихся пяти тысяч не было ни сил, ни идей, ни стимула.

Сыграли свою роль и психологические факторы. Традиция — она тяжелым грузом давила на сознание тех, кто остался. Джуэйнизм — он принудил людей быть честными с собой и с другими, принудил людей осознать наконец тщетность их потуг. Джуэйнизм не признавал превратной доблести. А между тем оставшиеся пять тысяч больше всего нуждались именно в превратной, бездумной доблести, не отдающей себе отчета в том, что ей противостоит.

Все их усилия выглядели жалкими перед тем, что было совершено до них, и в конце концов они поняли, что пяти тысячам не под силу осуществить мечту миллионов.

Всем жилось хорошо. Так зачем терзаться? Есть еда, есть одежда, есть кров, есть дружеское общение, развлечения, всяческие удобства. Есть все, чего только можно себе пожелать.

И человек прекратил попытки что-то сделать. Он наслаждался жизнью. Стремление достичь чего-то ушло в небытие, вся жизнь людей превратилась в рай для пустоцветов».

Вебстер снова снял шлем, протянул руку и нажал кнопку, выключая машинку.

«Если бы нашелся хоть один желающий прочесть то, что я напишу,— думал он.— Хоть один желающий прочесть и осознать. Хоть один, способный уразуметь, куда идет человек.

Конечно, можно им рассказывать об этом. Выйти на улицу, хватать каждого за рукав и держать, пока все не выскажу. И ведь они меня поймут, на то и джуэйнизм. Поймут, но вдумываться не станут, отложат впрок где-нибудь на задворках памяти, а извлечь оттуда потом будет лень или недосуг.

Будут предаваться все тем же дурацким занятиям, развлекаться все теми же бессмысленными хобби, которые заменили им труд. Рендолл с его отрядом шалых роботов ходит и упрашивает соседей, чтобы позволили переоборудовать их дома. Бэлентри часами изобретает новые алкогольные напитки. Ну, а Джон Вебстер убивает двадцать лет, копаясь в истории единственного города Земли».

Тихо скрипнула дверь, и Вебстер обернулся. В комнату неслышно вошел робот.

— Да, в чем дело, Оскар?

Робот остановился — туманная фигура в полумраке кабинета.

— Пора обедать, сэр. Я пришел узнать...

— Что придумаешь, то и годится,— сказал Вебстер.— Да, Оскар, положи-ка дров в камин.

— Дрова уже положены, сэр.

Оскар протопал к камину, наклонился, в его руке мелькнуло пламя, и щепки загорелись.

Понурившись в кресле, Вебстер глядел, как огонь облизывает поленья, слушал, как они тихо шипят и потрескивают, как в дымоходе просыпается тяга.

— Красиво, сэр,— сказал Оскар.

— Тебе тоже нравится?

— Очень нравится.

— Генетическая память,— сухо произнес Вебстер.— Воспоминание о кузнице, в которой тебя выковали.

— Вы так думаете, сэр?

— Нет, Оскар, я пошутил. Просто мы с тобой оба анахронизмы. Теперь мало кто держит камины. Незачем. А ведь есть в них что-то, что-то чистое, умиротворяющее.

Он поднял глаза на картину над камином, озаряемую колышущимся пламенем. Оскар проследил его взгляд.

— Как жаль, сэр, что с мисс Сарой все так вышло,— сказал он.

Вебстер покачал головой:

— Нет, Оскар, она сама так захотела. Покончить с одной жизнью и начать другую. Будет лежать там, в Храме, и спать много лет, и будет у нёе другая жизнь. Причем счастливая жизнь, Оскар. Потому что она ее сама задумала.

Его мысли обратились к давно минувшим дням в этой самой комнате.

— Это она писала эту картину, Оскар. Долго работала, все старалась поточнее передать то, что ее занимало. Иной раз смеялась и говорила мне, что я тоже здесь изображен.

— Я не вижу вас, сэр,— сказал Оскар.

— Верно, меня там нет. А впрочем, может быть, и есть. Не весь, так частица. Частица моих корней. Этот дом на картине — усадьба Вебстеров в Северной Америке. А я тоже Вебстер, но как же я далек от этой усадьбы, как далек от людей, которые ее построили.

— Северная Америка не так уж далеко, сэр.

— Верно, Оскар. Недалеко, если говорить о расстоянии. В других отношениях далеко.

Он почувствовал, как тепло камина, наполняя кабинет, коснулось его.

...Далеко. Слишком далеко — и не в той стороне.

Утопая ступнями в ковре, робот тихо вышел из комнаты.

«Она долго работала, все старалась поточнее передать то, что ее занимало».

А что ее занимало? Он никогда не спрашивал, и она ему никогда не говорила. Помнится, ему всегда казалось, что, вероятно, речь идет о дыме — как ветер гонит его по небу; об усадьбе — как она приникла к земле, сливаясь с деревьями и травой, укрываясь от надвигающегося ненастья.

Но, может быть, что-нибудь другое? Какая-нибудь символика, какие-нибудь черты, роднящие дом с людьми, которые его строили.

Он встал, подошел ближе и остановился перед камином, запрокинув голову. Теперь он различал мазки, и картина смотрелась не так, как на расстоянии. Видно технику, основные мазки и оттенки — приемы, которыми кисть создает иллюзию.

Надежность. Она выражена в самом облике крепкого, добротного строения. Стойкость. Она в том, что здание словно вросло в землю. Суровость, упорство, некоторая сумрачность...

Целыми днями она просиживала, настроив видеофон на усадьбу, прилежно делала эскизы, писала не спеша, часто сидела и просто смотрела, не прикасаясь к кистям. Видела собак, по ее словам, видела роботов, но их она не изобразила, ей нужен был только дом. Одно из немногих сохранившихся поместий. Другие, веками оставшиеся в небрежении, разрушились, вернули землю природе.

Но в этой усадьбе были собаки и роботы. Один большой робот, по ее словам, и множество маленьких.

Вебстер тогда не придал этому значения — был слишком занят.

Он повернулся, прошел обратно к столу.

Странно, если вдуматься. Роботы и собаки живут вместе. Один из Вебстеров когда-то занимался собаками, мечтал помочь им создать свою культуру, мечтал о двойной цивилизации человека и пса.

В мозгу мелькали обрывки воспоминаний. Смутные обрывки сохранившихся в веках преданий об усадьбе Вебстеров. Что-то о роботе по имени Дженкинс, который с первых дней служил семье Вебстеров. Что-то о старике, который сидел на лужайке перед домом в своей качалке, глядя на звезды и ожидая исчезнувшего сына. Что-то о довлеющем над домом проклятии, которое выразилось в том, что мир не получил учения Джуэйна.

Видеофон стоял в углу комнаты, словно забытый предмет обстановки, которым почти не пользуются. Да и зачем им пользоваться — весь мир сосредоточился здесь, в Женеве.

Вебстер встал, сделал несколько шагов, потом остановился. Номера-то в каталоге, а где каталог? Скорее всего, в одном из ящиков стола.

Он вернулся к столу, начал рыться в ящиках. Охваченный возбуждением, он рылся нетерпеливо, словно терьер, ищущий кость.

Дженкинс, робот-патриарх, потер металлический подбородок пальцами. Он всегда так делал, когда задумывался,— бессмысленный жест, нелепая привычка, заимствованная у людей, с которыми он так долго общался.

Его взгляд снова обратился на черного песика, сидящего на полу рядом с ним.

— Так ты говоришь, волк вел себя дружелюбно? — сказал Дженкинс.— Предложил тебе кролика?

Эбинизер взволнованно заерзал.

— Это один из тех, которых мы кормили зимой. Из той стаи, которая приходила к дому и мы пытались ее приручить.

— Ты смог бы его узнать?

Эбинизер кивнул:

— Я запомнил его запах. Я узнаю.

Сыщик переступил с ноги на ногу.

— Послушай, Дженкинс, задай ты ему взбучку! Ему положено было слушать тут, а он убежал в лес. Что это он вдруг вздумал гоняться за кроликами...

— Это ты заслужил взбучку, Сыщик,— строго перебил его Дженкинс.— За такие слова. Тебя придали Эбинизеру, ты его часть. Не воображай себя индивидом, ты всего-навсего руки Эбинизера. Будь у него свои руки, он обошелся бы без тебя. Ты ему не наставник и не совесть. Только руки, запомни.

Сыщик возмущенно зашаркал ногами.

— Я убегу,— сказал он.

— К диким роботам, надо думать.

Сыщик кивнул:

— Они меня с радостью примут. У них такие дела затеяны... Я им пригожусь.

— Пригодишься как металлолом,— язвительно произнес Дженкинс.— Ты же ничему не обучен. ничего не знаешь, где тебе с ними равняться.

Он повернулся к Эбинизеру:

— Подберем тебе другого.

Эбинизер покачал головой:

— По мне, и Сыщик хорош. Я с ним как-нибудь полажу. Мы друг друга знаем. Он не дает мне лениться, заставляет все время быть начеку.

— Вот и прекрасно,— заключил Дженкинс.— Тогда ступайте. И если тебе, Эбинизер, случится опять погнаться за кроликом и ты снова встретишь этого волка, попробуй с ним подружиться.

Сквозь окна в старинную комнату струились лучи заходящего солнца, они несли с собой тепло весеннего вечера.

Дженкинс спокойно сидел в кресле, слушая звуки снаружи. Там звякали коровьи колокольчики, тявкали щенки, гулко стучал колун.

«Бедняжка,— думал он,— улизнул и погнался за кроликом, вместо того чтобы слушать. Слишком много, слишком быстро... Это надо учитывать. А то как бы не надорвались. Осенью устроим передышку на неделю-другую, поохотимся на енотов. Это пойдет им только на пользу.

А там, глядишь, настанет день, когда и вовсе прекратится охота на енотов, гонка за кроликами. День, когда псы уже всех приручат, когда все дикие твари научатся мыслить, говорить, трудиться. Дерзкая мечта, и сбудется она не скоро, а впрочем, не более дерзкая, чем иные человеческие мечты.

Может быть, их мечта даже лучше, ведь в ней нет и намека на взращенную людьми черствость, нет тяги к машинному бездушию, творцом которого был человек.

Новая цивилизация, новая культура, новое мышление. Возможно, с оттенком мистики и фантазерства, но разве человек не фантазировал? Мышление, стремящееся проникнуть в тайны, на которые человек не желал тратить время, считая их чистейшим суеверием, лишенным какой-либо научной основы.

Что стучит по ночам?.. Что бродит около дома, заставляя псов просыпаться и рычать,— и никаких следов на снегу? Отчего псы воют к покойнику?..

Псы знают ответ. Они знали его задолго до того, как получили речь, чтобы говорить, и контактные линзы, чтобы читать. Они не зашли в своем развитии так далеко, как люди,— не успели стать циничными скептиками. Они верили в то,

что слышали, в то, что чуяли. Они не избрали суеверие как форму самообмана, как средство отгородиться от незримого».

Дженкинс снова повернулся к столу, взял ручку, наклонился над лежащим перед ним блокнотом. Перо скрипело под нажимом его руки.

«Эбинизер наблюдал дружелюбие у волка. Рекомендовать Совету, чтобы Эбинизера освободили от слушания и поручили ему наладить контакт с волком».

«С волками полезно подружиться. Из них выйдут отменные разведчики. Лучше, чем собаки. Более выносливые, быстрые, ловкие. Можно поручить им вместо псов слежку за дикими роботами за рекой, поручить наблюдение за замками мутантов».

Дженкинс покачал головой.

«Теперь никому нельзя доверять. Те же роботы... Вроде бы ничего плохого не делают. Держатся дружелюбно, заходят в гости и в помощи не отказывают. Соседи как соседи, ничего не скажешь. Да разве наперед угадаешь... И ведь они машины изготавливают.

Мутанты никому не докучают, они вообще почти не показываются. Но и за ними лучше присматривать. Кто знает, какая у них чертовщина на уме. Как они с человеком поступили, какой подлый трюк выкинули: подсунули джуэйнизм в такое время, когда он погубил род людской.

Люди... Они были для нас богами, а теперь ушли, бросили нас на произвол судьбы. Конечно, в Женеве еще есть сколько-то людей, но разве можно их беспокоить, им до нас дела нет».

Сидя в сумерках, он вспоминал, как приносил виски, как выполнял разные поручения, вспоминал дни, когда в этих стенах жили и умирали Вебстеры.

Теперь он выполняет роль духовного отца для псов. Славный народец, умные, смышленые. И стараются вовсю.

Негромкий звонок заставил Дженкинса подскочить в кресле. Снова звонок, одновременно на пульте видеофона замигала зеленая лампочка. Дженкинс встал и оцепенел, не веря своим глазам.

Кто-то звонит! Кто-то звонит после почти тысячелетнего молчания!

Пошатываясь, он добрел до видеофона, опустился в кресло, дотянулся дрожащими пальцами до тумблера и нажал его.

Стена перед ним растаяла, и он оказался лицом к лицу с человеком, сидящим за письменным столом. За спиной человека пылающий камин озарял комнату с цветными стеклами в стрельчатых окнах.

— Вы Дженкинс,— сказал человек, и в его лице было нечто такое, от чего у Дженкинса вырвался крик.

— Вы!.. Вы!..

— Я Джон Вебстер,— представился человек.

Дженкинс уперся ладонями в верхнюю кромку видеофона и замер, испуганный непривычными для робота эмоциями, которые бурлили в его металлической душе.

— Я вас где угодно узнал бы,— произнес он.— Та же внешность. Любого из вас узнал бы. Я вам столько прислуживал! Виски приносил и... и...

— Как же, как же,— сказал Вебстер.— Ваше имя передавалось от старших к младшим. Мы вас помнили.

— Вы ведь сейчас в Женеве, Джон? — Дженкинс спохватился: — Я хотел сказать — сэр...

— Зачем так торжественно? Джон, и все. Да, я в Женеве. Но мне хотелось бы с вами встретиться. Вы не против?

— Вы хотите сказать, что собираетесь приехать?

Вебстер кивнул.

— Но усадьба кишит псами, сэр.

Вебстер усмехнулся:

— Говорящими псами?

— Ну да,— подтвердил Дженкинс,— и они будут рады вас видеть. Они ведь все знают про ваш род. По вечерам на сон грядущий слушают рассказы про былые времена и... и...

— Ну, что еще, Дженкинс?

— Я тоже буду рад увидеть вас, а то все один да один!

Бог прибыл.

От одной мысли об этом притаившегося во мраке Эбинизера бросало в дрожь.

«Если бы Дженкинс знал, что я здесь,— думал он,— шкуру с меня содрал бы. Дженкинс велел, чтобы мы хоть на время оставили гостя в покое».

Перебирая мягкими лапами, Эбинизер дополз до двери кабинета и понюхал. Дверь была открыта — чуть-чуть!..

Он прислушался, вжимаясь в пол,— ни звука. Только запах, незнакомый резкий запах, от которого по всему телу пробежала волна блаженства и шерсть на спине поднялась дыбом.

Он быстро оглянулся — никого. Дженкинс в столовой, наставляет псов, как им надлежит себя вести, а Сыщик ходит где-то по делам роботов.

Осторожно, тихонько Эбинизер подтолкнул носом дверь. Щель стала шире. Еще толчок, и дверь отворилась наполовину.

Человек сидел в мягком кресле перед камином, скрестив свои длинные ноги, сплетя пальцы на животе.

Эбинизер еще плотнее вжался в пол, из его глотки невольно вырвался слабый визг.

Джон Вебстер сел прямо.

— Кто там? — спросил он.

Эбинизер оцепенел, только сердце отчаянно колотилось.

— Кто там? — снова спросил Вебстер, заметил пса и произнес уже гораздо мягче: — Входи, дружище. Давай входи.

Эбинизер не двигался.

Вебстер щелкнул пальцами.

— Я тебя не обижу. Входи же. А где все остальные?

Эбинизер попытался встать, попытался ползти, но кости его обратились в каучук, кровь — в воду. А человек уже шагал через кабинет прямо к нему.

Эбинизер увидел, как человек нагибается над ним, ощутил прикосновение сильных рук, потом вознесся в воздух. И запах, который он уловил из-за двери,— одуряющий запах бога — распирал его ноздри.

Руки прижали его к незнакомой материи, которая заменяла человеку мех, затем послышался ласковый голос. Эбинизер не разобрал сразу слов, только почувствовал: все в порядке.

— Пришел познакомиться,— говорил Джон Вебстер.— Улизнул, чтобы познакомиться со мной.

Эбинизер робко кивнул:

— Ты не сердишься?.. Не скажешь Дженкинсу?

Вебстер покачал головой.

— Нет, не скажу Дженкинсу.

Он сел, и Эбинизер устроился на его коленях, глядя на его лицо, волевое, изборожденное складками, которые казались еще глубже в неровном свете каминного пламени.

Рука Вебстера поднялась и стала гладить голову Эбинизера, и Эбинизер заскулил от восторга, переполнявшего его псиную душу.

— Все равно что вернуться на родину,— говорил Вебстер, обращаясь к кому-то другому.— Как будто ты надолго куда-то уезжал и наконец вернулся домой. Так долго дома не был, что ничего не узнаешь. Ни обстановку, ни расположение комнат. Но чувство родного дома владеет тобой, и ты рад, что вернулся.

— Мне здесь нравится,— сказал Эбинизер, подразумевая колени Вебстера, но человек понял его по-своему.

— Еще бы,— отозвался он.— Для тебя это такой же родной дом, как для меня. Даже больше, ведь вы оставались здесь и следили за домом, а я о нем позабыл.

Он гладил голову Эбинизера, теребил его уши.

— Как тебя звать? — спросил он.

— Эбинизер.

— И чем же ты занимаешься, Эбинизер?

— Я слушаю.

— Слушаешь?

— Ну да, это моя работа. Ловить слухом гоблинов.

— И ты их в самом деле слышишь?

— Иногда. Я не очень хороший слухач. Начинаю думать про кроликов и отвлекаюсь.

— Какие же звуки издают гоблины?

— Когда какие. Когда ходят, когда просто тюкают. Иногда говорят. Только они чаще думают.

— Постой, Эбинизер, а где же находятся эти гоблины?

— А нигде,— ответил Эбинизер.— Во всяком случае, не на нашей Земле.

— Не понимаю.

— Это как большой дом. Большой дом, в котором много комнат. Между комнатами двери. Из одной комнаты тебе слышно, есть ли кто в других комнатах, но попасть к ним ты не можешь.

— Почему же не можешь? — возразил Вебстер.— Открыл дверь и вошел.

— Но ты не можешь открыть дверь. Ты даже не знаешь про нее. Тебе кажется, что твоя комната — одна во всем доме. И даже если бы ты знал про дверь, все равно не смог бы ее открыть.

— Ты говоришь про разные измерения.

Эбинизер озабоченно наморщил лоб.

— Я не знаю такого слова — «измерение». Я объяснил тебе так, как Дженкинс нам объяснял. Он говорил, что на самом деле никакого дома нет, и комнат на самом деле нет, и те, кого мы слышим, наверно, совсем не такие, как мы.

Вебстер кивнул своим мыслям. Вот так и надо действовать. Не торопясь. Не обескураживать их трудными словами. Пусть сперва схватят суть, потом можно вводить более точную, научную терминологию. И скорее всего, она окажется искусственной. Ведь уже есть название. Гоблины — то, что за стеной, то, что слышишь, а определить не можешь, жители соседней комнаты.

«Гоблины.

Берегись, не то гоблин тебя заберет».

Такой подход у человека. Он чего-то не может понять. Не может увидеть. Не может пощупать. Не может проверить. Все — значит, этого нет. Не существует. Значит, это призрак, вурдалак, гоблин.

«Тебя гоблин заберет...»

Так проще, удобнее. Страшно? Да, но при свете дня можно про них забыть. И ведь они тебя не преследуют, не донимают. Если очень постараться, можно внушить себе, что их нет. Назови их призраками, гоблинами, и можно даже посмеяться над ними. При свете дня.

Горячий шершавый язык лизнул подбородок Вебстера, и Эбинизер заерзал от восторга.

— Ты мне нравишься,— сказал он.— Дженкинс никогда меня так не держал. Никто так не держал.

— У Дженкинса много дел,— ответил Вебстер.

— Конечно,— подтвердил Эбинизер.— Он сидит и все записывает в книгу. Что мы услышали, псы, и что нам нужно сделать.

— Ты что-нибудь знаешь про Вебстеров? — спросил человек.

— Конечно. Мы про них все знаем. Ты тоже Вебстер. Мы думали, их уже не осталось.

— Остались. И один все время здесь был. Дженкинс тоже Вебстер.

— Он нам никогда об этом не говорил.

— Еще бы.

Дрова прогорели, и в комнате стало совсем темно. Язычки пламени, фыркая, озаряли стены и пол слабыми сполохами.

И было что-то еще. Тихий шорох, тихий шепот, вобравший в себя нескончаемые воспоминания и долгий ток жизни — две тысячи лет. Дом, который строился на века и простоял века, который должен был стать родным очагом и до сих пор остается родным. Надежный приют, который обнимает тебя теплыми руками и ревниво прижимает к сердцу.

В мозгу отдались шаги — шаги из далекого прошлого, шаги, отзвучавшие навсегда много столетий назад. Поступь Вебстеров. Тех, которые ему предшествовали, тех, которым Дженкинс прислуживал со дня их рождения до смертного часа.

История. Его окружала история. Она шелестела гардинами, стлалась по половицам, хоронилась в углах, глядела со стен. Живая история, которую чувствуешь нутром, воспринимаешь кожей,— пристальный взгляд давно угасших глаз, вернувшихся из ночи.

«Что, еще один Вебстер? Дрянцо. Пустышка. Выдохлась порода. Разве мы такими были? Последыш».

Джон Вебстер поежился.

— Нет, не последыш,— возразил он.— У меня есть сын.

«Ну и что из того? Сын, говорит. А много ли он стоит, этот сын...»

Вебстер вскочил с кресла, уронив Эбинизера на пол.

— Неправда! — закричал он.— Мой сын...

И снова опустился в кресло.

Его сын — в лесу, играет луком и стрелами, забавляется.

«Хобби»,— сказала Сара, прежде чем подняться в Храм, чтобы сто лет смотреть сны.

Хобби. А не деятельность. Не профессия. Не насущная необходимость.

Развлечение. Ненастоящее занятие. Ни то ни се. В любую минуту брось, никто даже и не заметит.

Вроде изобретения разных напитков.

Вроде писания никому не нужных картин.

Вроде переделки комнат с помощью отряда шальных роботов.

Вроде составления истории, которая никого не интересует.

Вроде игры в индейцев, или пионеров, или дикарей с луком и стрелами.

Вроде сочинения длящихся веками снов для людей, которые пресытились жизнью и жаждут вымысла.

Человек сидел в кресле, уставившись в простертую перед ним пустоту, ужасающую, жуткую пустоту, поглотившую и завтра, и все дни.

Он рассеянно переплел пальцы, и большой палец правой руки потер левую.

Эбинизер подобрался к человеку через озаряемый тусклыми сполохами мрак, оперся передними лапами о его колени и заглянул в лицо.

— Повредил руку? — спросил он.

— Что?

— Повредил руку? Ты ее трешь.

Вебстер усмехнулся.

— Да нет, просто бородавки.— Он показал их псу.

— Надо же, бородавки! — сказал Эбинизер.— Разве они тебе нужны?

— Нет.— Вебстер помялся.— Пожалуй, не нужны. Все никак не соберусь пойти, чтобы мне их свели.

Эбинизер опустил морду и поводил носом по руке Вебстера.

— Вот так,— торжествующе произнес он.

— Что — вот так?

— Погляди на бородавки.

Вспыхнула обвалившаяся головешка. Вебстер поднял руку к глазам и присмотрелся.

Нет бородавок. Гладкая, чистая кожа.

Дженкинс стоял во мраке, слушая тишину, податливую сонную тишину, которая уступала дом теням, полузабытым шагам, давно произнесенным фразам, бормотанию стен и шелесту гардин.

Стоило пожелать — и ночь превратилась бы в день, линзы переключить очень просто, но старик робот не стал изменять

зрение. Ему нравилось размышлять в темноте, он дорожил этими часами, когда спадала пелена настоящего и возвращалось, оживая, прошлое.

Остальные спали, но Дженкинс не спал. Ведь роботы никогда не спят. Две тысячи лет бдения, двадцать веков непрерывной деятельности, и сознание не отключалось ни на миг.

«Большой срок,— думал Дженкинс.— Большой даже для робота. Ведь еще до того, как люди перебрались на Юпитер, почти всех старых роботов деактивировали, умертвили, отдали предпочтение новым моделям. Новые модели больше походили на человека, мягче двигались, лучше говорили, быстрее соображали своим металлическим мозгом...»

Но Дженкинс остался, потому что он был старым верным слугой, потому что без него усадьба Вебстеров не была бы родным очагом.

— Они меня любили,— сказал себе Дженкинс.

В этих трех словах он черпал утешение в мире, скупом на утешение, в мире, где слуга стал предводителем и остро желал снова стать слугой.

Стоя у окна, он смотрел через двор на ковыляющие вниз по склону черные глыбы дубов. Сплошной мрак. Ни одного огонька. А ведь когда-то были огни. В заречном краю приветливо лучились окна.

Но человек исчез, и огни пропали. Роботам огни не нужны, они видят в темноте, как и Дженкинс может видеть, если захочет. А замки мутантов, что днем, что ночью, одинаково сумрачные, одинаково зловещие.

Теперь человек появился опять — один человек. Появился, да только вряд ли останется. Переночует несколько дней в господской спальне на втором этаже, потом вернется в Женеву. Обойдет старое, забытое поместье, поглядит на заречные дали, полистает книги на полках в кабинете — и в путь.

Дженкинс повернулся.

«Проверить, как он там,— подумал он.— Спросить, не нужно ли чего-нибудь. Может, виски принести? Боюсь только, что виски теперь никуда не годится. Тысяча лет — большой срок даже для бутылки доброго виски».

Идя через комнату, он ощутил благодатный покой, глубокую умиротворенность, какой не испытывал с тех давних пор, когда счастливый, как терьер, носился по дому, выполняя всевозможные поручения.

Подходя к лестнице, он напевал про себя что-то ласковое.

Он только заглянет и, если Джон Вебстер уснул, уйдет, а если не уснул, спросит: «Вам удобно, сэр? Может быть, чего-нибудь пожелаете? Может, горячего пунша?»

Он шагал через две ступеньки. Ведь он снова прислуживал Вебстеру.

Джон Вебстер полусидел в постели, обложившись подушками. Кровать была жесткая и неудобная, комната — тесная и душная, не то что его спальня в Женеве, где лежишь на травке у журчащего ручья и глядишь на мерцание искусственных звезд в искусственном небе. И вдыхаешь искусственный запах искусственной сирени, цветы которой долговечнее человека. Ни тебе бормотания незримого водопада, ни мигающих в заточении светлячков. А тут... Просто-напросто кровать и спальня.

Вебстер вытянул руки поверх одеяла и согнул пальцы, размышляя.

Эбинизер только коснулся бородавок, и бородавки пропали. И это не было случайностью, он все проделал намеренно. Это было не чудо, а сознательный акт. Чудеса не всегда удаются, а Эбинизер был уверен в успехе.

Быть может, тут способность, добытая в соседней комнате, похищенная у гоблинов, которых слушает Эбинизер.

Способность исцелять без лекарств, без хирургии, нужно только некое знание, особое знание.

Были же в древние непросвещенные века люди, уверявшие, будто могут сводить бородавки. Они «покупали» их за монетку, «выменивали» за какую-нибудь вещь, заговаривали — и случалось, бородавки постепенно сами пропадали.

Может быть, эти необычные люди тоже слушали гоблинов?

Чуть слышно скрипнула дверь, и Вебстер сел прямо.

Из темноты прозвучал голос:

— Вам удобно, сэр? Может быть, чего-нибудь пожелаете?

— Дженкинс?

— Он самый, сэр.

Темный силуэт крадучись вошел в спальню.

— Пожелаю,— сказал Вебстер.— Мне хочется поговорить с тобой.

Он пристально посмотрел на металлическое существо, стоящее возле кровати.

— Насчет собак,— добавил он.

— Они стараются изо всех сил,— сказал Дженкинс.— Нелегко им приходится. Ведь у них никого нет. Ни души.

— У них есть ты.

Дженкинс покачал головой:

— Но ведь этого мало. Я же только... ну, только наставник, и все. А им люди нужны. Потребность в людях у них в крови. Тысячи лет человек и пес были рядом. Человек и пес вместе охотятся. Человек и пес вместе пасут стада. Человек и пес вместе сражаются с врагами. Пес караулит, пока человек спит, человек отдает псу последний кусок. Сам голодный, а пса накормит.

Вебстер кивнул:

— Что ж, пожалуй, ты и прав.

— Они каждый вечер перед сном говорят о людях,— продолжал Дженкинс.— Садятся в кружок, и кто-нибудь из старйков рассказывает какое-нибудь старинное предание, а все остальные сидят и дивятся, сидят и мечтают.

— Но какая у них цель? Чего они хотят добиться? Как представляют себе будущее?

— Какие-то черты намечаются,— ответил Дженкинс.— Смутно, правда, но все-таки видно. Понимаете, они ведь медиумы. От роду медиумы. Никакого расположения к механике. Вполне естественно, у них же нет рук. Где человека выручал металл, псов выручают призраки.

— Призраки?

— То, что вы, люди, называете призраками. На самом деле это не призраки. Я в этом убежден. Это жители соседней комнаты. Какая-то иная форма жизни на другом уровне.

— Ты допускаешь, что на Земле одновременно существует жизнь на разных уровнях?

Дженкинс кивнул:

— Я начинаю в это верить, сэр. У меня целый блокнот исписан тем, что видели и слышали псы, и вот теперь многолетние наблюдения складываются в какой-то узор.— Он поспешно добавил: — Возможно, я ошибаюсь, сэр. Ведь у меня нет никакого опыта. В старые времена я был всего лишь слугой, сэр. После... после Юпитера я попытался что-то наладить, но это было не так-то просто. Один робот помог мне смастерить нескольких маленьких роботов для псов, а теперь маленькие сами мастерят себе подобных, когда нужно.

— Но ведь псы только сидят и слушают.

— Что вы, сэр! Они много чего еще делают. Стараются подружиться с животными, следят за дикими роботами и мутантами...

— А много их, этих диких роботов?

Дженкинс кивнул:

— Много, сэр. По всему свету разбросаны в небольших лагерях. Это те, которых бросили хозяева, сэр. Которые больше не нужны были человеку, когда он отправился на Юпитер. Объединились в группы и работают...

— Работают? Над чем же?

— Не знаю, сэр. Чаще всего машины изготовляют. Помешались на механике. Хотел бы я знать, что они будут делать со всеми этими машинами. Для чего они им нужны.

— Да, хотелось бы знать,— сказал Вебстер.

Устремив взгляд в темноту, он дивился — дивился, до какой же степени люди, запершись в Женеве, потеряли всякую связь с остальным миром. Ничего не знают о том, чем заняты псы, не знают о лагерях деловитых роботов, о замках страшных и ненавистных мутантов.

«Мы потеряли связь,— говорил он себе.— Мы отгородились от внешнего мира. Устроили закуток и забились в него — в последний город на свете. И ничего не знали о том, что происходит за пределами города. Могли знать, должны были знать, но нас это не занимало.

Пора бы и нам что-то предпринять.

Мы растерялись, мы были подавлены, но первое время еще пытались что-то сделать, а потом окончательно пали духом.

Те немногие, которые остались, впервые осознали величие рода человеческого, впервые рассмотрели грандиозный механизм, созданный рукой человека. И они пытались держать его в исправности и не смогли. И они искали рационалистических объяснений — человек почти всегда ищет рационалистических объяснений. Внушает себе, что на самом деле никаких призраков нет, называет то, что стучит в ночи, первым пришедшим в голову обтекаемым словом.

Мы не смогли держать механизм в исправности и занялись рационалистическими объяснениями, хоронились за словесным занавесом, и джуэйнизм помогал нам в этом. Мы подо-

шли вплотную к культу предков. Мы принялись возвеличивать род людской. Не могли продолжать деяния человека, тогда мы попытались его возвеличить, попытались поднять на пьедестал тех, кому задача была по плечу. Мы ведь все хорошее стремимся возвеличить, вознести на пьедестал посмертно.

Мы превратились в племя историков, копались грязными пальцами в руинах рода человеческого и прижимали каждый случайный фактик к груди, словно бесценное сокровище. Это была первая стадия, хобби, которое поддерживало нас, пока мы не осознали, что мы есть на самом деле: муть на дне опрокинутой чаши человечества.

Но мы пережили это. Разумеется, пережили. Достаточно было смениться одному поколению. Человек легко приспосабливается, он все, что угодно, переживет. Ну не сумели построить звездные корабли; ну не долетели до звезд; ну не разгадали тайну жизни — ну и что?

Мы оказались наследниками, все досталось нам, мы были обеспечены лучше, чем кто-либо до нас и после нас. И мы опять предались рационалистическим объяснениям, а величие рода выбросили из головы: хоть и лестная штука, но, с другой стороны, несколько обременительная, даже унизительная».

— Дженкинс,— трезво сказал Вебстер,— мы разбазарили целых десять столетий.

— Не разбазарили, сэр,— возразил Дженкинс.— Просто передохнули, что ли. А теперь, может быть, опять займете свое место... Вернетесь к нам.

— Мы вам нужны?

— Вы нужны псам,— сказал Дженкинс.— И роботам тоже. Ведь и те и другие всегда были только слугами человека. Без вас они пропадут. Псы строят свою цивилизацию, но дело подвигается медленно.

— Быть может, их цивилизация окажется лучше нашей,— заметил Вебстер.— Может, больше преуспеет. Наша ведь не преуспела, Дженкинс.

— Возможно, она будет подобрее,— согласился Дженкинс,— зато не особенно предприимчивая. Цивилизация, основанная на братстве животных, на сверхчувственном восприятии, может быть, в конечном счете и дойдет до общения и обмена с сопряженными мирами. Цивилизация большой и чуткой души, но не очень конструктивная. Никаких конк-

ретных задач, и лишь самая необходимая техника. Просто поиски истины, притом в направлении, которым человек совершенно пренебрег.

— И ты считаешь, что человек тут мог бы помочь?

— Человек мог бы направлять.

— Направлять так, как надо?

— Мне трудно ответить.

Лежа в темноте, Вебстер вытер об одеяло вспотевшие ладони.

— Ты мне правду скажи,— угрюмо произнес он.— Вот ты говоришь, что человек мог бы направлять. А если он снова начнет верховодить? Отвергнет как непрактичное то, чем занимаются псы. Выловит всех роботов и направит их технические способности по старому, заезженному руслу. Ведь и псы, и роботы подчинятся человеку.

— Конечно,— согласился Дженкинс.— Однажды они ведь уже были слугами. Но человек мудр, человек лучше знает.

— Спасибо, Дженкинс,— сказал Вебстер.— Большое спасибо.

И, устремив глаза в темноту, он прочел там правду.

Его следы по-прежнему были запечатлены на полу, и воздух был пряный от запаха пыли. Радиевая лампочка рдела над пультом, и рубильник, шкалы и маховичок ждали — ждали того дня, когда они понадобятся.

Стоя на пороге, Вебстер вдыхал смягчающий пыльную горечь запах влажных стен.

«Оборона,— думал он, глядя на рубильник.— Оборона — мера против вторжения, средство защитить то или иное место от всех действительных и воображаемых видов оружия, которые может пустить в ход предполагаемый враг».

Но защита, не пропускающая врага внутрь, очевидно, не пропустит обороняющегося наружу. Конечно, поручиться нельзя, но все-таки...

Он пересек помещение, и остановился перед рубильником, и протянул руку, и сжал рукоятку, стронул ее с места и понял, что механизм действует.

Тут рука его быстро метнулась вперед, и контакт замкнулся. Откуда-то снизу, глубоко-глубоко, донеслось глухое жужжание — заработали какие-то машины. На шкалах стрелки вздрогнули и оторвались от штифта.

Пальцы Вебстера нерешительно коснулись маховичка, повернули его, и стрелки, вздрогнув опять, поползли дальше. Вебстер решительно, быстро продолжал крутить маховичок, и стрелки ударились в противоположный штифт.

Вебстер круто повернулся, вышел из подземелья, закрыл за собой дверь, зашагал вверх по крошащимся ступенькам.

«Только бы он работал,— думал он.— Только бы работал».

Ноги быстрее пошли по ступеням, в висках стучала кровь.

«Только бы он работал!»

Когда включился рубильник, глубоко-глубоко внизу сразу же загудели машины... Значит, оборонительный механизм — во всяком случае часть его — еще работает.

Но даже если так, сделает ли он то, что надо? Что, если защита не пропускает врагов внутрь, а человека наружу пропустит?

Что, если...

Выйдя на улицу, он увидел, что небо изменилось. Свинцово-серая пелена скрыла солнце, и город погрузился в потемки, лишь наполовину разбавленные светом автоматических уличных фонарей. Слабый ветерок погладил щеку Вебстера.

Серый сморщенный пепел сожженных заметок и плана, который он нашел, по-прежнему лежал в очаге, и Вебстер, быстро подойдя к камину, схватил кочергу и яростно мешал ею пепел до тех пор, пока не уничтожил все следы.

«Все,— сказал он себе.— Последний ключ уничтожен. Без плана, не зная про город того, что выведал он за двадцать лет, никто и никогда не найдет тайник с рубильником, и маховичком, и шкалами под одинокой лампочкой.

Никто не поймет толком, что произошло. Даже если станут догадываться, все равно удостовериться не смогут. Даже если удостоверятся, все равно ничего не смогут изменить.

Тысячу лет назад было бы иначе. В те времена человек, только дай зацепку, решил бы любую задачу.

Но человек изменился. Нет прежних знаний, нет прежней сноровки. Ум стал дряблым. Человек живет лишь сегодняшним днем, без каких-либо лучезарных целей. Зато остались старые пороки — пороки, которые он полагал достоинствами, считая, что они поставили его на ноги. Осталась незыблемая уверенность, что только его жизнь, только его племя чего-то

стоит,— самодовольный эгоизм, сделавший человека властелином мироздания».

С улицы донесся звук бегущих ног, и Вебстер, отвернувшись от камина, посмотрел на темные стрельчатые окна.

«Зашевелились... Забегали. Волнуются. Ломают голову, что произошло. Сотни лет их не тянуло за город, а теперь, когда путь закрыт, с пеной у рта рвутся».

Улыбка растянула его губы.

«Глядишь, до того взбодрятся, что придумают какой-нибудь выход. Крысы в крысоловке способны на самые неожиданные хитрости, если только раньше не сойдут с ума.

И если люди выберутся на волю — что ж, значит, у них есть на это право. Если выберутся на волю, значит, заслужили право снова верховодить».

Он пересек комнату, в дверях на минуту остановился, глядя на картину над очагом. Неловко поднял руку и отдал честь — мученический прощальный жест... Потом вышел из дома и зашагал по улице вверх — туда же, куда всего несколько дней назад ушла Сара.

Храмовые роботы держались учтиво и приветливо, ступали мягко и величественно. Они проводили его туда, где лежала Сара, и показали соседний отсек, который она попросила оставить для него.

— Может быть, вам угодно выбрать себе сон? — сказал старший.— Мы можем показать различные образцы. Можем составить смесь по вашему вкусу. Можем...

— Благодарю,— ответил Вебстер.— Я не хочу снов.

Робот кивнул:

— Понятно, сэр. Вы хотите просто переждать, провести время.

— Да,— подтвердил Вебстер.— Пожалуй, что так.

— И сколько же?

— Сколько?..

— Ну да. Сколько вы хотите ждать?

— А, понятно... Предположим, бесконечно.

— Бесконечно?!

— Вот именно, бесконечно,— подтвердил Вебстер.— Я мог бы сказать — вечно, но какая, в сущности, разница. Нет смысла финтить из-за двух слов, которые означают примерно одно и то же.

— Так точно, сэр,— сказал робот.

Нет смысла финтить. Разумеется, нет. Он не может рисковать. Скажешь — тысячу лет, а когда они пройдут, вдруг передумаешь, спустишься в тайник и выключишь рубильник.

А этого случиться не должно. Пусть псы используют возможность. Пусть без помех попробуют добиться успеха там, где род людской потерпел крушение. Пока сохраняется человеческий фактор, у них такой возможности не будет. Потому что человек непременно захочет верховодить, непременно влезет и все испортит, высмеет гоблинов, которые разговаривают за стеной, выступит против приручения и цивилизации диких тварей.

Новая модель... Новый образ жизни и мыслей... Новый подход к извечной проблеме общества... Нельзя допустить, чтобы все это было искажено чуждым духом человеческого мышления.

Вечерами, закончив свои дела, псы будут сидеть и говорить о человеке. Мешая быль и небылицы, будут рассказывать древние предания, и человек превратится в бога.

Лучше уж так. Ведь боги непогрешимы.

Комментарий к седьмому преданию

Несколько лет назад были обнаружены фрагменты древнего литературного произведения. Судя по всему, сочинение было объемистое, и хотя до нас дошла только малая часть, содержание позволяет предположить, что это был сборник басен, повествующих о различных членах братства животных. Басни архаичны, содержащиеся в них мысли и стиль изложения сегодня звучат для нас странно. Ряд исследователей, изучавших эти фрагменты, согласны с Резоном в том, что они, скорее всего, сочинены не Псами.

Заглавие упомянутых фрагментов — «Эзоп». Следующее, седьмое, предание тоже озаглавлено «Эзоп» — это исконное заглавие, дошедшее до нас из седой древности вместе с самим преданием.

Что это значит? — спрашивают себя исследователи. Резон, естественно, видит здесь еще один довод в пользу своей гипотезы, что авторство всего цикла принадлежит Человеку. Боль-

шинство остальных исследователей цикла не согласны с ним, однако до сих пор не выдвинуто взамен никаких других объяснений.

Резон указывает также на седьмое предание как на свидетельство того, что Человека намеренно предали забвению, память о нем стерли, чтобы обеспечить развитие Псовой цивилизации в наиболее чистом виде,— этим-де объясняется полное отсутствие исторических свидетельств существования Человека.

В этом предании Человек окончательно забыт Псами. Немногочисленных представителей рода людского, которые живут вместе с ними, Псы не воспринимают как людей, называя эти странные создания Вебстерами по фамилии древнего рода. Однако слово «Вебстер» из собственного существительного стало нарицательным. Люди стали для Псов вебстерами, только для Дженкинса они по-прежнему остаются Вебстерами.

— Что такое люди? — спрашивает Лупус, и Мишка оказывается не в состоянии ответить на этот вопрос.

Дженкинс говорит в этом предании, что Псам незачем знать о Человеке. В главной части повествования он перечисляет нам меры, которые принял, чтобы стереть память о Человеке.

Старые родовые предания забыты, говорит Дженкинс. Резон толкует это как сознательный заговор молчания, призванный оградить достоинства Псов, и, пожалуй, не такой уж альтруистический заговор, как старается изобразить Дженкинс. Предания забыты, говорит Дженкинс, и не надо их извлекать из забвения. Однако же мы видим, что они не были забыты. Где-то, в каком-то отдаленном уголке земного шара, их по-прежнему рассказывали, потому-то они и сохранились до наших дней.

Но если предания сохранялись, то сам Человек исчез или почти исчез. Дикие роботы продолжали существовать — если только они не были плодом воображения,— однако ныне и они тоже исчезли. Исчезли Мутанты, а они с Человеком из одного племени. Если существовал Человек, вероятно, существовали и Мутанты.

Всю развернувшуюся вокруг цикла полемику можно свести к одному вопросу: существовал ли Человек на самом деле? Если читатель, знакомясь с преданиями, станет в тупик, он окажется в превосходной компании: ученые и специалисты, всю жизнь посвятившие исследованию цикла, пусть даже у них больше информации, пребывают в таком же тупике.

VII

ЭЗОП

Серая тень скользила вдоль скальной полки к логову, поскуливая от досады и разочарования, потому что заклинание не подействовало.

Косые лучи вечернего солнца высвечивали лицо, голову, туловище, расплывчатые, смутные, подобно утренней мгле над ущельем.

Внезапно полка оборвалась, и тень растерянно присела, прижимаясь к стенке: логова не было! На месте логова — обрыв!

Тень стремительно повернулась, окинула взглядом долину. И река совсем не та. Ближе к утесам течет, чем прежде текла. И на скале появилось ласточкино гнездо, там, где раньше никакого ласточкиного гнезда не было.

Тень замерла, и ветвистые щупальца на ее ушах развернулись, исследуя воздух.

Жизнь! В воздухе над пустынными распадками среди череды холмов реял едва уловимый запах жизни.

Тень зашевелилась, встала, поплыла вдоль полки.

Логова нет, и река другая, и к скале прилепилось ласточкино гнездо.

Тень затрепетала от вожделения. Заклинание подействовало, не подвело. Она проникла в другой мир.

Другой, и не только с виду. Мир, до того насыщенный живностью, что сам воздух ею пахнет. И может быть, эта живность не умеет так уж быстро бегать и так уж ловко прятаться.

Волк и медведь встретились под большим дубом и остановились поболтать.

— Говорят, убийства происходят,— сказал Лупус.

— Непонятные убийства, брат,— пробурчал Мишка.— Убьют и не съедают.

— Символические убийства,— предположил волк.

Мишка покачал головой:

— Вот уж никогда не поверю, что могут быть символические убийства. Эта новая психология, которую псы нам преподают, совсем тебе голову заморочила. Убийства могут про-

исходить либо из ненависти, либо от голода. Стану я убивать то, чего не могу съесть.

Он поспешил внести ясность:

— Да я вообще не занимаюсь убийством, брат. Ты ведь это знаешь.

— Конечно,— подтвердил волк.

Мишка лениво зажмурил свои маленькие глазки, потом открыл их и подмигнул.

— Нет, вообще-то случается иногда перевернуть камень и слизнуть муравьишку-другого.

— Не думаю, чтобы псы посчитали это убийством,— серьезно заметил Лупус.— Одно дело — зверь или птица, другое дело — насекомое. Никто нам не говорил, что нельзя убивать насекомых.

— А вот и неверно,— возразил Мишка.— В канонах на этот счет ясно сказано: «Не губи жизнь. Не лишай другого жизни»

— Вообще-то, кажется, ты прав, брат,— ханжески произнес волк.— Кажется, там так и сказано. Но ведь и сами псы не больно-то церемонятся с насекомыми. Слышал небось, они все стараются придумать блохомор посильнее. А что такое блохомор, спрашивается? Средство морить блох. Убивать их, понял? А ведь блохи — живность, блохи — живые твари.

Мишка яростно взмахнул передней лапой, отгоняя зеленую мушку, которая жужжала у него над носом.

— Пойду на пункт кормления,— сказал волк.— Ты не идешь со мной?

— Я еще не хочу есть,— ответил медведь.— И вообще сейчас рано. До обеда еще далеко.

Лупус облизнулся.

— А я иногда зайду туда как бы невзначай, и дежурный вебстер обязательно что-нибудь найдет для меня.

— Смотри,— предостерег его Мишка.— Просто так он тебя не станет подкармливать. Не иначе что-нибудь замыслил. Не верю я этим вебстерам.

— Этому верить можно,— возразил волк.— Он дежурит на пункте кормления, а ведь совсем не обязан. Любой робот справится с этим делом, а он попросил ему поручить. Мол, надоело торчать в этих душных домах, где, кроме игр, никаких занятий. Зайдешь к нему — смеется, разговаривает, все равно как мы. Славный парень этот Питер.

— А я вот слышал от одного пса,— пророкотал медведь,— будто Дженкинс говорил, что на самом деле их вовсе не вебстерами зовут. Мол, никакие они не вебстеры, а люди...

— А что такое люди? — спросил Лупус.

— Ведь я же тебе толкую: это Дженкинс так говорит...

— Дженкинс,— объявил Лупус,— до того старый стал, что у него ум за разум заходит. Столько надо всего в голове держать! Ему небось уже тысяча лет с лишком.

— Семь тысяч,— отозвался медведь.— Псы задумали ему на день рождения большой праздник устроить. Готовят в подарок новое туловище. Старое уже совсем износилось, чуть не каждый месяц в починке.

Он глубокомысленно покачал головой:

— Что ни говори, Лупус, а все-таки псы для нас немало сделали. Взять хотя бы пункты кормления... А медицинские роботы, а всякие прочие вещи. Да вот в прошлом году у меня зуб зверски разболелся...

— Ну, кормить-то можно было бы получше,— перебил его волк.— Они все твердят, дескать, дрожжи — все равно что мясо, такие же питательные и так далее. Но разве вкус с мясом сравнишь...

— А ты-то откуда знаешь? — спросил Мишка.

Волк замялся только на секунду.

— То есть... как откуда? Мне дед говорил. Такой разбойник был — нет-нет да закусит олениной. Он и рассказал мне, какой вкус у сырого мясца. Правда, тогда не было столько охранников, сколько их теперь развелось.

Мишка зажмурился, потом снова открыл глаза.

— Кто бы мне рассказал, какой вкус у рыбки... В Сосновом ручье форель водится. Я уже приметил. Проще простого: сунул лапу в ручей да выловил штучку-другую.— Он поспешно добавил: — Конечно, я себе не позволю.

— Ну конечно,— подхватил волк.

Один мир, а за ним другой, цепочка миров. Один наступает на пятки другому, шагающему впереди. Завтрашний день одного мира — сегодняшний день другого. Вчера — это завтра, и завтра — это тоже прошлое.

С той небольшой поправкой, что прошлого нет. Нет, если не считать воспоминаний, которые порхают на ночных кры-

льях в тени сознания. Нет прошлого, в которое можно проникнуть. Никаких фресок на стене времени. Никакой киноленты, которую прокрутил назад и увидел былое.

Джошуа встал, встряхнулся, снова сел и почесался задней лапой. Икебод сидел как вкопанный, постукивая металлическими пальцами по столу.

— Все верно,— сказал робот.— Мы тут бессильны. Все сходится. Мы не можем отправиться в прошлое.

— Не можем,— подтвердил Джошуа.

— Зато мы знаем, где находятся гоблины,— продолжал Икебод.

— Да, мы знаем, где находятся гоблины,— сказал Джошуа.— И может быть, сумеем к ним проникнуть. Теперь мы знаем путь.

Один путь открыт, а другой закрыт. Нет, не закрыт, конечно, ведь его и не было. Потому что прошлого нет, прошлого никогда не было, ему негде быть. На месте прошлого оказался другой мир.

Словно два пса, которые идут след в след. Один вышел, другой вошел. Словно длинный, бесконечный ряд шариковых подшипников, которые катятся по желобу, почти соприкасаясь, почти, но не совсем. Словно звенья бесконечной цепи на вращающейся шестеренке с миллиардами зубцов.

— Опаздываем,— сказал Икебод, глянув на часы.— Нам надо еще приготовиться, чтобы пойти на день рождения Дженкинса.

Джошуа опять встряхнулся.

— Да, не мешает. Сегодня у Дженкинса такой день! Ты только подумай, Икебод, семь тысяч лет!

— Я уже готов,— гордо сообщил Икебод.— Еще утром отполировал себя, а тебе надо бы причесаться. Вон какой лохматый.

— Семь тысяч лет,— повторил Джошуа.— Не хотел бы я столько жить.

Семь тысяч лет — семь тысяч миров, ступающих след в след. Да нет, куда больше. Каждый день — мир. Семь тысяч на триста шестьдесят пять. А может быть, каждый час или каждая минута — мир. Или даже что ни секунда, то мир. Секунда — вещь плотная, достаточно плотная, чтобы разделить два мира, достаточно емкая, чтобы вместить два мира. Семь тысяч

на триста шестьдесят пять, на двадцать четыре, на шестьдесят раз шестьдесят...

Вещь плотная и окончательная. Ибо прошлого нет. Назад пути нет. Нельзя вернуться и проверить рассказы Дженкинса: то ли это правда, то ли покоробившиеся за семь тысяч лет воспоминания. Нельзя вернуться и проверить туманные предания, повествующие о какой-то усадьбе, каком-то роде вебстеров, каком-то непроницаемом куполе небытия в горах далеко за морями.

Икебод подошел со щеткой и гребешком, и Джошуа отскочил в сторону.

— Не дури,— сказал Икебод.— Я не сделаю тебе больно.

— В прошлый раз чуть всю шкуру с меня не содрал,— пожаловался Джошуа.— Поосторожней там, где шерсть запуталась.

Волк пришел, надеясь подкрепиться, но ему ничего не предложили, а просить — учтивость не позволяла, и теперь он сидел, аккуратно обвив лапы косматым хвостом, и смотрел, как Питер скоблит ножом прут.

Белка Поня прыгнула с развесистого дерева прямо на плечо Питера.

— Что это у тебя? — спросила она.

— Метательная палка,— ответил Питер.

— Метать любую палку можно,— заметил волк.— Зачем тебе такая отделка? Бери какую попало и бросай.

— Это совсем новая штука,— объяснил Питер.— Я придумал и сделал. Только еще не знаю, что это такое.

— У нее нет названия? — спросила Поня.

— Пока нет,— сказал Питер.— Надо будет придумать.

— Но ведь любую палку можно бросить,— твердил волк.— Какую захотелось, ту и бросил.

— Не так далеко,— ответил Питер.— И не так сильно.

Он покрутил прут между пальцами — гладкий, круглый, потом поднес к глазу, проверяя, не криво ли получилось.

— Я его не рукой мечу,— объяснил он,— а другой палкой и веревкой.

Он взял вторую палку, прислоненную к дереву.

— А мне вот еще что непонятно,— сказала Поня.— Зачем тебе вообще понадобилось метать палки?

— Сам не знаю,— ответил Питер.— Интересно, вот и бросаю.

— Вы, вебстеры, странные твари,— строго произнес волк.— Иногда мне кажется, что вы не в своем уме.

— Можно в любую цель попасть,— сказал Питер.— Только надо, чтобы метательная палка была прямая и веревка хорошая. Первая попавшаяся деревяшка тут не годится. Пока подберешь...

— Покажи мне,— попросила Поня.

— Гляди.— Питер поднял повыше ореховое древко.— Видишь, крепкая, упругая. Согни ее — тут же опять выпрямляется. Я связываю оба конца веревкой, кладу вот так метательную палку, упираю ее одним концом в веревку и оттягиваю...

— Вот ты говоришь, можно в любую цель попасть,— сказал волк.— Попробуй попади.

— А во что? Выбирайте, а я...

Поня взволнованно показала:

— Вон, вон на дереве малиновка сидит.

Питер быстро прицелился, оттянул веревку, и древко изогнулось дугой. Метательная палка просвистела над поляной. Малиновка закувыркалась в воздухе, роняя перышки. Она упала на землю с глухим, мягким стуком и застыла, маленькая, жалкая, согнутые коготки смотрят вверх... Кровь из клювика окрасила листья под головой.

Белка оцепенела на плече у Питера, волк вскочил на ноги.

Тишина, притихла листва, беззвучно плывут облака в голубом полуденном небе...

— Ты ее убил! — закричала вдруг Поня, захлебываясь ужасом.— Она мертвая! Ты ее убил!

— Я не знал,— промямлил ошеломленный Питер.— Я еще никогда не целился ни во что живое. Только в метки бросал...

— Все равно ты убил малиновку. А убивать запрещается.

— Знаю,— сказал Питер.— Знаю, что запрещается. Но ведь вы сами меня попросили попасть в нее. Вы мне показали. Вы...

— Я не говорила, чтобы ты ее убивал! — кричала Поня.— Я думала, ты просто дашь хорошего тычка. Напугаешь ее как следует. Она всегда такая важная, надутая была...

— Я же сказал вам, что палка сильно бьет.

Страх пригвоздил Вебстера к месту.

«Далеко и сильно,— думал он.— Далеко и сильно — быстро».

— Не тревожься, дружище,— мягко произнес волк.— Мы знаем, что ты не нарочно. Это останется между нами. Мы никому не скажем.

Поня прыгнула на дерево и запищала с ветки:

— Я скажу! Скажу вот Дженкинсу!

Волк рыкнул на нее с лютой ненавистью:

— Ты доносчица паршивая! Подлая сплетница!

— Скажу, скажу! — не унималась Поня.— Вот увидите! Скажу Дженкинсу.

Она стремглав поднялась по стволу, добежала до конца ветки и перескочила на другое дерево.

Волк сорвался с места.

— Куда? — осадил его Питер.

— Всю дорогу по деревьям ей не пробежать,— торопливо объяснил волк.— На лугу придется спуститься на землю. Ты не тревожься.

— Нет,— сказал Питер.— Не надо больше убийств. Хватит одного.

— Но ведь она в самом деле скажет.

Питер кивнул:

— Не сомневаюсь.

— А я могу ей помешать.

— Кто-нибудь увидит и донесет на тебя,— сказал Питер.— Нет, Лупус, я тебе не разрешаю.

— Тогда улепетывай поскорей. Я знаю место, где ты можешь спрятаться. Тысячу лет искать будут, не найдут.

— Ничего не выйдет. В лесу глаза есть. Слишком много глаз. Они скажут, куда я пошел. Прошли те времена, когда можно было спрятаться.

— Наверно, ты прав,— медленно произнес волк.— Да, наверно, прав.

Он повернулся и посмотрел на убитую малиновку.

— Ну а как насчет того, чтобы изъять доказательство? — спросил он.

— Доказательство?..

— Вот именно...

Волк быстро сделал несколько шагов, опустил голову. Послышался хруст. Лупус облизал усы и сел, обвив лапы хвостом.

— Сдается мне, мы с тобой могли бы поладить,— сказал он.— Честное слово, могли бы. У нас так много общего.

На носу его предательски трепетало перышко.

Туловище было хоть куда.

Нержавеющее, крепкое — никакой молот не возьмет. А всевозможных приспособлений и не счесть.

Это был подарок Дженкинсу ко дню рождения. Изящная гравировка на груди так и гласила:

«Дженкинсу от псов».

«Все равно я не смогу им воспользоваться,— сказал себе Дженкинс.— Оно слишком роскошное для меня, для такого старого робота. Я себя буду неловко чувствовать в этаком убранстве».

Покачиваясь в кресле, он слушал, как воет ветер под застрехой.

«Но ведь подарок сделан от души... А обижать их нельзя ни за что на свете. Так что изредка придется все же пользоваться новым туловищем — просто так, для вида, чтобы сделать приятное псам. Нельзя совсем не пользоваться им, ведь они столько хлопотали, чтобы его изготовить. Конечно, это туловище не на каждый день, только для исключительных случаев.

Таких как вебстерский пикник. На пикник стоит принарядиться. Торжественный день... День, когда все Вебстеры на свете, все Вебстеры, которые еще живы, собираются вместе. И меня приглашают. Да-да, всякий раз меня приглашают. Ведь я вебстерский робот. Вот именно, всегда был и буду вебстерским».

Опустив подбородок на грудь, он прислушался к шепоту комнаты и повторил за ней слова. Слова, которые он и комната помнили. Слова из давно минувшего.

Качалка поскрипывала, и звук этот был неотделим от пропитанной настоем времени комнаты, неотделим от воя ветра и бормотания дымохода.

«Огонь,— подумал Дженкинс.— Давно мы огня не разводили. Людям нравилось, чтобы в камине был огонь. Бывало, сидят перед ним, и смотрят, и представляют себе разные картины. И мечтают...

Но мечты людей — да, где вы, мечты людей? Улетели на Юпитер, погребены в Женеве, и теперь только-только начинают пробиваться хилые ростки у нынешних Вебстеров.

Прошлое... Я чересчур занят прошлым. Поэтому от меня мало проку. Мне столько надо помнить, так много, что очередные дела отходят на второе место. Я живу в прошлом, а это неправильно.

Ведь Джошуа говорит, что прошлого нет, а уж кому об этом знать, как не ему. Из всех псов только он один и может знать. Он так старался найти прошлое, чтобы отправиться туда, отправиться назад во времени и проверить то, что я ему рассказывал. Он думает, что у меня маразм, считает мои рассказы старыми роботскими побасенками, полуправдой, полувымыслом, причесанным для гладкости.

Спроси его — ни за что не признается, но ведь думает именно так, плутишка. И думает, что я не знаю этого, да не тутто было».

Дженкинс усмехнулся про себя.

«Где ему провести меня. Меня никто из них не проведет. Я их насквозь вижу, знаю, чем они дышат. Я помогал Брюсу Вебстеру переделывать самых первых из них. Слышал самое первое слово, какое было ими произнесено. Они-то, может быть, забыли, да я помню каждый взгляд, каждый жест, каждое слово.

А может быть, это только естественно, что они забыли. И ведь они немалого достигли. Я старался поменьше вмешиваться, так оно было лучше. Так мне велел и Джон Вебстер в ту далекую ночь. Потому Джон Вебстер и сделал то, что ему пришлось сделать, чтобы закрыть наглухо город Женеву. Конечно, Джон Вебстер. Кто же еще. Кроме него некому.

Он думал, что всех людей запер там и освободил Землю для псов. Но он забыл одну вещь. Вот именно, забыл. Он забыл про своего собственного сына с его компанией лучников, которые с утра пораньше отправились в лес играть в дикарей и дикарок.

И ведь игра обратилась горькой действительностью почти на тысячу лет. Пока мы их не нашли и не доставили домой. В усадьбу Вебстеров — туда, откуда все пошло».

Наклонив голову и сложив руки на коленях, Дженкинс продолжал медленно качаться. Поскрипывало кресло, и ветер гулял под стрехой, и дребезжало окно. И камин, с его прокопченной глоткой, толковал что-то про былые дни, про других людей, про давно отшумевшие западные ветры.

«Прошлое,— думал Дженкинс.— Вздор. Безделица, когда впереди еще столько дел. Еще столько проблем ожидает псов.

Например, перенаселение. Уж сколько мы о нем думаем, сколько говорим. Слишком много кроликов, потому что ни волкам, ни лисам не разрешается их убивать. Слишком много оленей, потому что койотам и волкам запрещается есть оленину. Слишком много скунсов, слишком много мышей, слишком много диких кошек. Слишком много белок, дикобразов, медведей.

Запрети убийство — этот могучий регулятор,— и разведется слишком много живности. Укроти болезни, обрати на борьбу с травмами быстроходных медицинских роботов — еще одним регулятором меньше.

Человек заботился об этом. Уж он заботился... Люди убивали всех на своем пути, будь то животное или другие люди.

Человек никогда не помышлял о великом обществе животных, не мечтал о том, чтобы скунс, енот и медведь, оставляя в стороне природные различия, вместе шли по дорогам жизни, вместе смотрели вперед, помогали друг другу.

А псы мечтали об этом. И добились этого.

Все равно как в сказке про братца Кролика... Как в детских фантазиях минувших времен. Или как в библейской притче про льва и агнца, которые лежали рядом друг с другом. Или как на картинках Уолта Диснея, с той поправкой, что картинки всегда отдавали фальшью, потому что воплощали человеческий образ мыслей».

Скрипнула дверь, кто-то переступил с ноги на ногу. Дженкинс повернулся.

— Привет, Джошуа,— сказал он.— Привет, Икебод. Прошу, входите. Я тут немножко задумался.

— Мы проходили мимо и увидели свет,— объяснил Джошуа.

— Я думал про свет.— Дженкинс глубокомысленно кивнул.— Думал про ту ночь пять тысяч лет назад. Из Женевы прибыл Джон Вебстер — первый человек, который навестил нас за много столетий. Он лежал в спальне наверху, и все псы спали, и я стоял вон там у окна и смотрел за реку. А там — ни одного огня, ни единого. В какую сторону ни погляди — сплошной кромешный мрак. Я стоял и вспоминал то время,

когда там были огни, и спрашивал себя, увижу ли я их когда-нибудь снова.

— Теперь там есть огни,— мягко произнес Джошуа.— Сегодня ночью по всему миру светят огни. Даже в логовах и пещерах.

— Знаю-знаю,— сказал Дженкинс.— Сейчас стало даже лучше, чем было прежде.

Икебод протопал в угол, где стояло сверкающее туловище, поднял руку и почти нежно погладил металлический кожух.

— Я очень благодарен псам, что они подарили мне туловище,— сказал Дженкинс.— Да только зачем это? Достаточно подлатать немного старое, и оно еще вполне послужит.

— Просто мы тебя очень любим,— объяснил Джошуа.— Псы в таком долгу перед тобой. Мы и раньше пытались что-нибудь сделать для тебя, но ведь ты нам никогда не позволял. Хоть бы ты разрешил нам построить тебе новый дом, современный дом со всякими новинками.

Дженкинс покачал головой:

— Это совершенно бесполезно, ведь я все равно не смогу там жить. Понимаешь, для меня дом — здесь. Усадьба всегда была моим домом. Только латайте ее время от времени, как мое туловище, и мне ничего другого не надо.

— Но ты совсем одинок.

— Ничего подобного,— возразил Дженкинс.— Здесь полно народу.

— Полно народу? — переспросил Джошуа.

— Люди, которых я знал.

— Ух ты, какое туловище! — восхищался Икебод.— Вот бы примерить.

— Икебод! — завопил Джошуа.— Сейчас же пойди сюда. Не смей трогать...

— Оставь ты этого юнца в покое,— вмешался Дженкинс.— Пусть зайдет, когда я буду посвободнее...

— Нет,— отрезал Джошуа.

Ветка поскреблась о застреху, тонкими пальцами постучалась в стекло. Брякнула черепица, ветер прошелся по крыше легкой танцующей походкой.

— Хорошо, что вы заглянули,— произнес Дженкинс.— Мне надо вам кое-что сказать.

Он покачивался в кресле взад-вперед, и один полоз поскрипывал.

— Меня не хватит навечно,— продолжал Дженкинс.— Семь тысяч лет тяну, как еще до сих пор не рассыпался.

— С новым туловищем тебя еще на трижды семь тысяч лет хватит,— возразил Джошуа.

Старый робот покачал головой:

— Я не о туловище, а о мозге говорю. Как-никак, машина. Хорошо сработан, на совесть, но навечно его не хватит. Рано или поздно что-нибудь поломается, и тогда конец моему мозгу.

Кресло поскрипывало в притихшей комнате.

— А это значит смерть,— продолжал Дженкинс,— значит, что я умру. Все правильно. Все как положено. Все равно от меня уже никакого толку. Был я когда-то нужен.

— Ты нам всегда будешь нужен,— мягко сказал Джошуа.— Без тебя нам не справиться.

Но Дженкинс продолжал, словно и не слышал его:

— Мне надо рассказать вам про Вебстеров. Надо вам объяснить. Чтобы вы поняли.

— Я постараюсь понять,— ответил Джошуа.

— Вы, псы, называете их вебстерами — это ничего. Называйте как хотите, лишь бы вы знали, кто они такие.

— Иногда ты называешь их людьми, а иногда называешь вебстерами,— заметил Джошуа.— Не понимаю.

— Они были люди, и они правили Землей. И среди них был один род по фамилии Вебстер. Вот эти самые Вебстеры и сделали для вас такое замечательное дело.

— Какое замечательное дело?

Дженкинс крутнулся вместе с креслом и остановил его.

— Я стал забывчивым,— пробурчал он.— Все забываю. Чуть что — сбиваюсь.

— Ты говорил о каком-то замечательном деле, которое сделали для нас вебстеры.

— Что? Ах, да. Вот именно. Вы должны присматривать за ними. Главное — присматривать.

Он медленно раскачивался в кресле, а мозг его захлестнули мысли, перемежаемые скрипом качалки.

«Чуть не сорвалось с языка,— говорил он себе.— Чуть не погубил мечту...

Но я вовремя вспомнил. Да, Джон Вебстер, я вовремя спохватился. Я сдержал слово, Джон Вебстер.

Я не сказал Джошуа, что псы когда-то были у людей домашними животными, что они обязаны людям своим сегодняшним положением. Ни к чему им об этом знать. Пусть держат голову высоко. Пусть продолжают свою работу. Старые родовые предания забыты, и не надо извлекать их из забвения.

А как хотелось бы рассказать им. Видит бог, хотелось бы рассказать. Предупредить их, чего надо остерегаться. Рассказать им, как мы искореняли старые представления у дикарей, которых привезли сюда из Европы. Как отучали их от того, к чему они привыкли. Как стирали в их мозгу понятие об оружии, как учили их миру и любви.

И как мы должны быть начеку, чтобы не прозевать тот день, когда они примутся за старое, когда возродится старый человеческий образ мыслей».

— Но ты же сказал...— не унимался Джошуа.

Дженкинс сделал отрицательный жест.

— Пустяки, не обращай внимания, Джошуа. Мало ли что плетет старый робот. У меня иной раз все путается в мозгу, и я начинаю заговариваться. Слишком много о прошлом думаю, а ведь ты сам говоришь, что прошлого нет.

Икебод присел на корточках, глядя на Дженкинса.

— Конечно же нет,— подтвердил он.— Мы проверяли и так и сяк — все данные сходятся, все говорят одно. Прошлого нет.

— Ему негде быть,— сказал Джошуа.— Когда идешь назад по временной оси, тебе встречается не прошлое, а совсем другой мир, другая категория сознания. Хотя Земля та же самая или почти та же самая. Те же деревья, те же реки, те же горы, и все-таки мир не тот, который мы знаем. Потому что он по-другому жил, по-другому развивался. Предыдущая секунда — вовсе не предыдущая секунда, а совсем другая, особый сектор времени. Мы все время живем в пределах одной и той же секунды. Двигаемся в ее рамках, в рамках крохотного отрезка времени, который отведен нашему миру.

— Наш способ мерить время никуда не годится,— подхватил Икебод.— Это он мешал нам верно представить себе время. Мы все время думали, что перемещаемся во времени, а фактически было иначе, и ничего похожего. Мы двигались вместе со временем. Мы говорили: еще секунда прошла, еще минута прошла, еще час, еще день — а на самом деле ни се-

кунда, ни минута, ни час никуда не делись. Все время оставалась одна и та же секунда. Просто она двигалась — и мы двигались вместе с ней.

Дженкинс кивнул:

— Понятно. Как бревна в реке. Как щепки, которые несет течением. На берегу одна картина сменяется другой, а поток все тот же.

— В этом роде,— сказал Икебод.— С той разницей, что время — твердый поток и разные миры зафиксированы крепче, чем бревна в реке.

— И как раз в этих других мирах живут гоблины?

Джошуа кивнул:

— А где же им еще жить?

— И ты теперь, надо думать, соображаешь, как проникнуть в эти миры,— заключил Дженкинс.

Джошуа легонько почесался.

— Конечно соображает,— подтвердил Икебод.— Мы нуждаемся в пространстве.

— Но ведь гоблины. .

— Может быть, они не все миры заняли,— сказал Джошуа.— Может быть, есть еще свободные. Если мы найдем незанятые миры, они нас выручат. Если не найдем — нам туго придется. Перенаселение вызовет волну убийств. А волна убийств отбросит нас к тому месту, откуда мы начинали.

— Убийства уже происходят,— тихо произнес Дженкинс.

Джошуа наморщил лоб и прижал уши.

— Странные убийства. Убьют, но не съедают. И крови не видно. Как будто шел-шел — и вдруг упал замертво. Наши медицинские роботы скоро с ума сойдут. Никаких изъянов. Никаких причин для смерти.

— Но ведь умирают,— сказал Икебод.

Джошуа подполз поближе, понизив голос:

— Я боюсь, Дженкинс. Боюсь, что...

— Чего же тут бояться?

— В том-то и дело, что есть чего. Ангес сказал мне об этом. Ангес боится, что кто-то из гоблинов... кто-то из гоблинов проник к нам.

Порыв ветра потянул воздух из дымохода, прокатился кубарем под застрехой. Другой порыв поухал совой в темном закоулке поблизости. И явился страх, заходил туда и обратно по крыше, глухо, сторожко ступая по черепицам.

Дженкинс вздрогнул и весь напрягся, укрощая дрожь. У него сел голос.

— Никто еще не видел гоблина,— проскрежетал он.

— А его, может, вообще нельзя увидеть.

— Возможно,— согласился Дженкинс.— Возможно, его нельзя увидеть.

Разве не это самое говорил человек? Призрак нельзя увидеть, привидение нельзя увидеть, но можно ощутить их присутствие. Ведь вода продолжает капать, как бы туго ни завернули кран, и кто-то скребется в окно, и ночью псы на кого-то воют, и никаких следов на снегу.

Кто-то поскребся в окно.

Джошуа вскочил на ноги и замер. Статуя собаки — лапа поднята, зубы оскалены, обозначая рычание. Икебод весь превратился в слух, выжидая.

Кто-то поскребся опять.

— Открой дверь,— сказал Икеботу Дженкинс.— Там кто-то просится в дом.

Икебод прошел через сгусток тишины. Дверь скрипнула под его рукой. Он отворил, тотчас в комнату юркнула белка, серой тенью прыгнула к Дженкинсу и опустилась на его колени.

— Это же Поня! — воскликнул Дженкинс.

Джошуа сел и спрятал клыки. Металлическая физиономия Икебода расплылась в дурацкой улыбке.

— Я видела, как он это сделал! — закричала Поня.— Видела, как он убил малиновку. Он попал в нее метательной палкой. И перья полетели. И на листике была кровь.

— Успокойся,— мягко произнес Дженкинс.— Не торопись так, расскажи все по порядку. Ты слишком возбуждена. Ты видела, как кто-то убил малиновку.

Поня всхлипнула, стуча зубами.

— Это Питер убил.

— Питер?

— Вебстер, которого зовут Питером.

— Ты видела, как он метнул палку?

— Он метнул ее другой палкой. Оба конца веревкой связаны, он веревку потянул, палка согнулась...

— Знаю,— сказал Дженкинс.— Знаю.

— Знаешь? Тебе все известно?

— Да,— подтвердил Дженкинс.— Мне все известно. Это лук и стрела.

И было в его тоне нечто такое, отчего они все притихли, и комната вдруг показалась им огромной и пустой, и стук ветки по стеклу превратился в потусторонний звук, прерывающийся замогильный голос, причитающий, безутешный.

— Лук и стрела? — вымолвил наконец Джошуа.— Что такое лук и стрела?

«Да, что это такое? — подумал Дженкинс.— Что такое лук и стрела?

Это начало конца. Это извилистая тропка, которая разрастается в громовую дорогу войны.

Это игрушка, это оружие, это триумф человеческой изобретательности.

Это первый зародыш атомной бомбы.

Это символ целого образа жизни.

И это слова из детской песенки:

Кто малиновку убил?
Я, ответил воробей.
Лук и стрелы смастерил
И малиновку убил!

То, что было забыто. То, что теперь воссоздано. То, чего я опасался».

Он выпрямился в кресле, медленно встал.

— Икебод,— сказал он,— мне понадобится твоя помощь.

— Разумеется,— ответил Икебод.— Только скажи.

— Туловище,— продолжал Дженкинс.— Я хочу воспользоваться моим новым туловищем. Тебе придется отделить мою мозговую коробку...

Икебод кивнул.

— Я знаю, как это делается, Дженкинс.

Голос Джошуа зазвенел от испуга:

— В чем дело, Дженкинс? Что ты задумал?

— Я пойду к мутантам,— раздельно произнес Дженкинс.— Настало время просить у них помощи.

Тень скользила вниз через лес, сторонясь прогалин, озаренных лунным светом. В лунном свете она мерцала, ее могли заметить, а этого допустить нельзя. Нельзя срывать охоту другим, которые последуют за ней.

Потому что другие последуют. Конечно, не сплошным потоком, все будет тщательно рассчитано. По три, по четыре — и

в разных местах, чтобы не всполошить живность этого восхитительного мира.

Ведь если они всполошатся — все пропало.

Тень присела во мраке, приникла к земле, исследуя ночь напряженными, трепещущими нервами. Выделяя знакомые импульсы, она регистрировала их в своем бдительном мозгу и откладывала в памяти для ориентировки.

Кроме знакомых импульсов были загадочные — совсем или наполовину. А в одном из них улавливалась страшная угроза...

Тень распласталась на земле, вытянув уродливую голову, отключила восприятие от наполняющих ночь сигналов и сосредоточилась на том, что поднималось вверх по склону.

Двое, притом отличные друг от друга. Она мысленно зарычала, в горле застрял хрип, а ее разреженную плоть пронизало острое предвкушение пополам с унизительным страхом перед неведомым.

Тень оторвалась от земли, сжалась в комок и поплыла над склоном, идя наперехват двоим.

Дженкинс был снова молод, силен, проворен, проворен душой и телом. Проворно шагал он по залитым лунным светом, открытым ветру холмам. Мгновенно улавливал шепот листвы и чириканье сонных птиц. И еще кое-что.

Да, и еще кое-что!

Ничего не скажешь, туловище хоть куда. Нержавеющее, крепкое — никакой молот не возьмет. Но не только в этом дело.

«Вот уж никогда не думал,— говорил он себе,— что новое туловище так много значит! Никогда не думал, что старое до такой степени износилось и одряхлело. Конечно, оно с самого начала было так себе, да ведь в то время и такое считалось верхом совершенства. Что ни говори, механика может творить чудеса.

Роботы, конечно, постарались — дикие роботы. Псы договорились с ними, и они смастерили туловище. Вообще-то псы не очень часто общаются с роботами. Нет, отношения хорошие, все в порядке, но потому и в порядке, что они не беспокоят друг друга, не навязываются, не лезут в чужие дела».

Дженкинс улавливал все, что происходило кругом. Вот кролик повернулся в своей норке. Вот енот вышел на ночную

охоту — Дженкинс тотчас уловил вкрадчивое, вороватое любопытство в мозгу за маленькими глазками, которые глядели на него из орешника. А вон там, налево, свернувшись калачиком, под деревом спит медведь и видит сны, сны обжоры: дикий мед и выловленная из ручья рыба с приправой из муравьев, которых можно слизнуть с перевернутого камня.

Это было поразительно — и, однако, вполне естественно. Так же естественно, как ходить, поочередно поднимая ноги. Так же естественно, как обычный слух. Но ни слухом, ни зрением это не назовешь. И воображение тут ни при чем. Потому что сознание Дженкинса вполне вещественно и четко воспринимало и кролика в его норе, и енота в кустах, и медведя под деревом.

«И у самих диких роботов теперь такие же туловища,— сказал он себе,— ведь если они сумели смастерить такое для меня, так уж себе и подавно изготовили.

Они тоже далеко продвинулись за семь тысяч лет, как и псы, прошедшие немалый путь после исхода людей. Но мы не обращали внимания на них, потому что так было задумано. Роботы идут своим путем, псы — своим и не спрашивают, кто чем занят, не проявляют любопытства. Пока роботы собирали космические корабли и посылали их к звездам, пока мастерили новые туловища, пока занимались животными, ковали братство всех тех, кого во времена человека преследовали как дичь, слушали гоблинов и зондировали пучины времени, чтобы установить, что времени нет.

Но если псы и роботы продвинулись так далеко, то мутанты, конечно же, ушли еще дальше. Они выслушают меня, говорил себе Дженкинс, должны выслушать, ведь я предложу задачу, которая придется им по нраву. Как-никак, мутанты — люди, несмотря на все свои причуды, они сыны человека. Оснований для злобы у них не может быть, ведь имя человек теперь не больше чем влекомая ветром пыль, чем шелест листвы в летний день.

И кроме того, я семь тысяч лет их не беспокоил, да и вообще никогда не беспокоил. Джо был моим другом, насколько это вообще возможно для мутанта. С людьми иной раз не разговаривал, а со мной разговаривал. Они выслушают меня и скажут, что делать. И они не станут смеяться.

Потому что дело нешуточное. Пусть только лук и стрела — все равно нешуточное. Возможно, когда-то лук и стрела были

потехой, но история заставляет пересматривать многие оценки. Если стрела — потеха, то и атомная бомба — потеха, и шквал смертоносной пыли, опустошающей целые города,— потеха, и ревущая ракета, которая взмывает вверх, и падает за десять тысяч миль, и убивает миллион людей...

Правда, теперь миллиона не наберется. От силы несколько сот, обитающих в домах, которые построили им псы, потому что тогда псы еще помнили, кто такие люди, помнили, что их связывало с ними, и видели в людях богов. Видели в людях богов, и зимними вечерами у очага рассказывали древние предания, и надеялись, что наступит день, когда человек вернется, погладит их по голове и скажет: "Молодцом, верный и надежный слуга".

И зря,— говорил себе Дженкинс, шагая вниз по склону,— совершенно напрасно. Потому что люди не заслуживали преклонения, не заслуживали обожествления. Господи, я ли не любил людей? Да и сейчас люблю, если на то пошло, но не потому, что они люди, а ради воспоминаний о некоторых из великого множества людей.

Несправедливо это было, что псы принялись работать на человека. Ведь они строили свою жизнь куда разумнее, чем человек свою. Вот почему я стер в их мозгу память о человеке. Это был долгий и кропотливый труд, много лет я искоренял предания, много лет наводил туман, и теперь они не только называют, но и считают людей вебстерами.

Я сомневался, верно ли поступил. Чувствовал себя предателем. И были мучительные ночи, когда мир спал, окутавшись мраком, а я сидел в качалке и слушал, как ветер стонет под застрехой. И думал: вправе ли я был так поступить? А может быть, Вебстеры не одобрили бы мои действия? До того сильна была их власть надо мной, так сильна она до сих пор, через тысячи лет, что сделаю что-нибудь и переживаю: вдруг это им не понравилось бы?

Но теперь я убедился в своей правоте. Лук и стрелы это доказывают. Когда-то я допускал, что человек просто пошел не по тому пути, что некогда, во времена темной дикости, которая была его колыбелью и детской комнатой, он свернул не в ту сторону, шагнул не с той ноги. Теперь я вижу, что это не так. Человек признает только один-единственный путь — путь лука и стрел.

Уж как я старался! Видит бог, я старался.

Когда мы выловили этих шатунов и доставили их в усадьбу Вебстеров, я изъял их оружие, изъял не только из рук — из сознания тоже. Я переделал все книги, какие можно было переделать, а остальные сжег. Я учил их заново читать, заново петь, заново мыслить. И в книгах не осталось и намека на войну и оружие, на ненависть и историю — ведь история есть ненависть,— не осталось намека на битвы, подвиги и фанфары.

Да только попусту старался... Теперь я вижу, что попусту старался. Потому что, сколько ни старайся, человек все равно изобретет лук и стрелы».

Закончив долгий спуск, он пересек ручей, скачущий вниз к реке, и начал карабкаться вверх, к мрачным, суровым контрфорсам, венчающим высокий бугор.

Кругом что-то шуршало, и новое туловище сообщило сознанию, что это мыши — мыши снуют в ходах, которые проделали в густой траве. И на мгновение он уловил незатейливое счастье резвящихся мышек, незатейливые, простенькие, легкие мысли счастливых мышек.

На стволе упавшего дерева притаилась ласка — ее душу переполняло зло, вызванное мыслью о мышах и воспоминанием о тех днях, когда ласки кормились мышами. Жажда крови — и страх, страх перед тем, что сделают псы, если она убьет мышь, страх перед сотней глаз, следящих за тем, чтобы убийство больше не шествовало по свету.

Но ведь человек убил. Ласка убивать не смеет, а человек убил. Пусть даже не со зла, не намеренно. Но ведь убил. А каноны запрещают лишать жизни.

Случались и прежде убийства, и убийц наказывали. Значит, человек тоже должен быть наказан. Нет, мало наказывать. Наказание проблемы не решит. Проблема-то не в одном человеке, а во всех людях, во всем человеческом роде. Ведь что один сделал — могут сделать и остальные.

Замок мутантов высился черной громадой на фоне неба, до того черной, что она мерцала в лунном свете. И никаких огней, но в этом не было ничего удивительного, потому что никто еще не видел в замке огней. И никто не помнил, чтобы отворялись двери замка. Мутанты выстроили замки в разных концах света, вошли в них, и на том все кончилось. Прежде они вмешивались в людские дела, даже вели с людьми нечто

вроде саркастической войны, когда же люди исчезли, мутанты тоже перестали показываться.

У широкой каменной лестницы Дженкинс остановился. Запрокинув голову, он глядел на возвышающееся перед ним сооружение.

«Джо, наверное, умер,— сказал он себе.— Он был долгожитель, но ведь не бессмертный. Вечно жить он не мог. Странно будет теперь встретиться с мутантом и знать, что это не Джо».

Он начал подниматься по ступенькам, шел медленно-медленно, все нервы на взводе, готовый к тому, что вот-вот на него обрушится первая волна сарказма.

Однако ничего не произошло.

Он одолел лестницу и остановился перед дверью, размышляя, как дать мутантам знать о своем приходе.

Ни колокольчика. Ни звонка. Ни колотушки. Гладкая дверь, обыкновенная ручка. И все.

Он нерешительно поднял кулак и постучал несколько раз, потом подождал. Никакого отклика. Дверь оставалась немой и недвижимой.

Он постучал еще, на этот раз погромче. И опять никакого ответа.

Медленно, осторожно он взялся за дверную ручку и нажал на нее. Ручка подалась, дверь отворилась, и Дженкинс ступил внутрь.

— Дурень ты, дурень,— сказал Лупус.— Я заставил бы их поискать меня. Заставил бы погоняться за мной. Я бы так просто им не поддался.

Питер покачал головой:

— Может быть, ты так и поступил бы, Лупус, может быть, для тебя это годится. Но для меня это не подходит. Вебстеры никогда не убегают.

— Откуда ты это взял? — не унимался волк.— Чушь какую-то порешь. До сих пор ни одному вебстеру не надо было убегать, а раз ни одному вебстеру еще не приходилось убегать, откуда ты можешь знать, что они никогда. .

— Ладно, заткнись,— отрезал Питер.

Они продолжали молча подниматься по каменистой тропе, взбираясь на холм.

— За нами кто-то следует,— вдруг сказал Лупус.

— Тебе померещилось,— возразил Питер.— Кому это нужно следовать за нами?

— Не знаю, но...

— Что, запах чуешь?

— Нет...

— Что-нибудь услышал? Или увидел?

— Нет, но .

— Значит, никто за нами не следует,— решительно заявил Питер.— Теперь вообще никто никого не выслеживает.

Свет луны, струясь между деревьями, испестрил серебром черный лес. В ночной долине, на реке, утки о чем-то сонно спорили вполголоса. Слабый ветерок снизу принес с собой дыхание речной мглы.

Тетива зацепилась за куст, и Питер остановился, чтобы освободить ее. При этом он уронил на землю несколько стрел и нагнулся, чтобы поднять их.

— Придумал бы какой-нибудь другой способ носить эти штуки,— пробурчал Лупус.— Без конца то зацепишься, то уронишь, то...

— Я уже думал об этом,— спокойно ответил Питер.— Пожалуй, сделаю что-нибудь вроде сумки, чтобы можно было повесить на плечо.

Подъем продолжался.

— Ну и что ты собираешься сделать, когда придешь в усадьбу Вебстеров? — спросил Лупус.

— Я собираюсь найти Дженкинса,— ответил Питер.— Собираюсь рассказать ему, что я сделал.

— Поня уже рассказала.

— Может быть, она не так рассказала. Может быть, что-нибудь напутала. Поня очень волновалась.

— Да она вообще ненормальная.

Они пересекли лунную прогалину и снова нырнули во мрак.

— Что-то у меня нервишки разгулялись,— сказал Лупус.— Затеял ты ерунду какую-то. Я тебя до сих пор проводил и...

— Ну и возвращайся,— сердито ответил Питер.— У меня нервы в порядке. Я...

Он круто обернулся, волосы на голове у него поднялись дыбом.

Что-то было не так... Что-то в воздухе, которым он дышал, что-то в его мозгу... Тревожное, жуткое ощущение опасности,

но еще сильнее — чувство омерзения, оно вонзило когти ему в лопатки и поползло по спине миллионами цепких ножек.

— Лупус! — вскричал он.— Лупус!

Возле тропы внизу вдруг сильно качнулся куст, и Питер стремглав бросился туда. Обогнув кусты, он круто остановился. Вскинул лук и, мгновенно выхватив из левой руки стрелу, упер ее в тетиву.

Лупус распростерся на траве — половина туловища в тени, половина на свету. Его пасть оскалилась клыками, одна лапа еще царапала землю.

А над ним наклонилась какая-то тень. Тень, силуэт, призрак. Тень шипела, тень рычала, в мозгу Питера отдался целый поток яростных звуков. Ветер отодвинул ветку, пропуская лунный свет, и Питер рассмотрел нечто вроде лица — смутные очертания, словно полустертый рисунок мелом на пыльной доске. Лицо мертвеца, и воющий рот, и щели глаз, и отороченные щупальцами уши.

Тренькнула тетива, и стрела вонзилась в лицо — вонзилась, и прошла насквозь, и упала на землю. А лицо все так же продолжало рычать.

Еще одна стрела уперлась в тетиву и поползла назад, дальше, дальше, почти до самого уха. Стрела, выброшенная упругой силой крепкой прямослойной древесины, выброшенная ненавистью, страхом, отвращением человека, который натягивал тетиву.

Стрела поразила размытое лицо, замедлила полет, закачалась — и тоже упала.

Еще одна стрела — и сильнее натянуть тетиву. Еще сильнее, чтобы летела быстрее и убила наконец эту тварь, которая не желает умирать, когда ее поражает стрела. Тварь, которая только замедляет полет стрелы, и заставляет ее качаться, и пропускает насквозь.

Сильнее, сильнее — еще сильнее. И... лопнула тетива.

Секунду Питер стоял, опустив руки: в одной никчемный лук, в другой никчемная стрела. Стоял, измеряя взглядом просвет, отделяющий его от призрачной нечисти, присевшей над останками серого.

В душе его не было страха. Не было страха, хотя он лишился оружия. Была только бешеная ярость, от которой его тряс-

ло, и был голос в мозгу, который чеканил одно и то же звенящее слово:

— Убей... убей... убей...

Он отбросил лук и пошел вперед: руки согнуты в локтях, пальцы — словно кривые когти. Жалкие когти...

Тень попятилась — попятилась под напором волны страха, внезапно захлестнувшей ей мозг, страха и ужаса перед лицом лютой ненависти, излучаемой идущим на нее созданием. Властная, свирепая ненависть...

Ужас и страх ей и прежде были знакомы — ужас, и страх, и отчаяние, но здесь она столкнулась с чем-то новым. Как будто мозг ожгло карающей плетью.

Это была ненависть.

Тень заскулила про себя — заскулила, захныкала, попятилась, лихорадочно копаясь мысленными пальцами в помутившемся мозгу в поисках формулы бегства.

Комната была пустая — пустая, заброшенная, гулкая. Комната, которая, поймав скрип открывающейся двери, потолкла его в глухих углах, потом возвратила. Комната, воздух которой загустел от пыли забвения, пропитался торжественным молчанием праздных столетий.

Дженкинс стоял, держась за дверную ручку, стоял, прощупывая все углы и темные ниши обостренным чутьем новой аппаратуры, составляющей его туловище. Ничего. Ничего, кроме тишины, и пыли, и мрака. И похоже, тишина, пыль и мрак безраздельно царят здесь уже много лет. Никакого намека на дыхание хоть какой-нибудь бросовой мыслишки, никаких следов на полу, никаких каракуль, начертанных небрежным пальцем на столе.

Откуда-то из тайников мозга просочилась в сознание старая песенка, старая-престарая — она была старой уже тогда, когда ковали первое туловище Дженкинса. Его поразило, что она существует, поразило, что он вообще ее знал. А еще ему стало не по себе от разбуженного ею шквала столетий, не по себе от воспоминания об аккуратных белых домиках на миллионе холмов, не по себе при мысли о людях, которые любили свои поля и мерили их уверенной, спокойной хозяйской поступью.

«Энни больше нет здесь.

Нелепо,— сказал себе Дженкинс.— Нелепо, что какой-то вздор, сочиненный племенем, которое почти перевелось, вдруг пристал ко мне и не дает покоя. Нелепо.

Кто малиновку убил? Я, ответил воробей».

Он закрыл дверь и пошел через комнату.

Пыльная мебель ждала человека, который так и не вернулся. Пыльные инструменты и аппараты лежали на столах. Пылью покрылись названия книг, выстроенных рядами на массивных полках.

«Ушли,— сказал себе Дженкинс.— И никому не ведомо, когда и почему ушли. И куда, тоже неведомо. Никому ничего не говоря, ночью незаметно ускользнули. И теперь, как вспомнят, конечно же веселятся — веселятся при мысли о том, что мы стережем и думаем — они еще там, думаем,— как бы не вышли».

В стенах были еще двери, и Дженкинс подошел к одной из них. Взявшись за ручку, он сказал себе, что открывать нет смысла, продолжать поиски нет смысла. Если эта комната пуста и заброшена, значит, и все остальные такие же.

Он нажал на ручку, и дверь отворилась, и его обдало зноем, но комнаты он не увидел. Перед ним была пустыня, золотистая пустыня простерлась до подернутого маревом ослепительного горизонта под огромным голубым солнцем.

Нечто зеленое и пурпурное — вроде ящерицы, но совсем не ящерица,— семеня ножками, с мертвящим свистом молнией проскользнуло по песку.

Дженкинс захлопнул дверь, оглушенный и парализованный.

Пустыня. Пустыня и что-то скользящее по песку. Не комната, не зал и не терраса — пустыня.

И солнце было голубое. Голубое и палящее.

Медленно, осторожно он снова отворил дверь, сперва самую малость, потом пошире.

По-прежнему пустыня.

Захлопнув дверь, Дженкинс уперся в нее спиной, словно требовалась вся сила его металлического туловища, чтобы не пустить пустыню внутрь, преградить путь тому, что эта дверь и пустыня означали.

«Да, здорово у них голова варила,— сказал он себе.— Здорово и быстро, куда там обыкновенным людям за ними гнаться. Мы и не представляли, как у них здорово варила голова.

Но теперь-то я вижу, что она у них варила лучше, чем мы думали.

Эта комната — всего лишь прихожая, мост через немыслимые дали к другим мирам, другим планетам, вращающимся вокруг безвестных солнц. Средство покинуть Землю, не покидая ее, ключ, позволяющий, открыв дверь, пересечь пустоту».

В стенах были другие двери, и Дженкинс посмотрел на них, посмотрел и покачал головой.

Он медленно прошел через комнату к выходу. Тихо, чтобы не нарушить безмолвия пыльного помещения, нажал дверную ручку, и вышел, и увидел знакомый мир. Мир луны и звезд, ползущей между холмами речной мглы, перешептывающихся через распадок древесных крон.

Мыши все так же сновали по своим травяным ходам, и в голове у них роились радостные мышиные мысли или что-то вроде мыслей. На дереве сидела сова, думая кровожадную думу.

«Рядом,— думал Дженкинс,— совсем еще рядом таится она — древняя лютая ненависть, древняя жажда крови. Но мы с самого начала обеспечили им преимущество, какого не было у человека, а впрочем, человечество, скорее всего, при любом начале осталось бы таким же.

И вот мы снова видим искони присущую человеку жажду крови, стремление выделиться, быть сильнее других, утверждать свою волю посредством своих изобретений — предметов, которые позволяют его руке стать сильнее любой другой руки или лапы, позволяют его зубам впиваться в плоть глубже любого клыка, которые достают и поражают на расстоянии.

Я думал получить помощь. Я пришел сюда за помощью. А помощи не будет.

Не будет помощи. Ведь только мутанты могли мне помочь, а они ушли.

Теперь вся ответственность на тебе, говорил себе Дженкинс, идя вниз по ступеням. Ты отвечаешь за людей. Ты должен их как-то остановить. Должен их как-то изменить. Ты не можешь позволить им погубить дело, начатое псами. Не можешь позволить им опять превратить этот мир в мир лука и стрел».

Он шел по темной лощине под лиственным сводом и ощущал запах гниющих прошлогодних листьев, скрытых под новой зеленью. Ничего подобного он прежде не испытывал.

Его старое туловище не обладало обонянием.

Обоняние, обостренное зрение, восприятие мыслей других существ — способность читать мысли енотов, угадывать мысли мышей, жажду крови в мозгу ласок и сов...

И еще кое-что: отголосок чьей-то ненависти в дыхании ветра и какой-то чужеплеменной крик ужаса.

Эта ненависть, этот крик пронизали его сознание и приковали его к месту, потом заставили сорваться с места и бежать, мчаться вверх по склону, не так, как человек бежал бы в темноте, а как бежит робот, видящий во мраке и наделенный железным организмом, которому неведомы тяжелое дыхание и задыхающиеся легкие.

Ненависть — и он знал лишь одну ненависть, равную этой.

Чувство становилось все сильнее, все острее, по мере того как он бежал по тропе скачками, и мысль его стонала от мучительного страха — страха перед тем, что он увидит.

Он обогнул кустарник и круто остановился.

Человек шел вперед, согнув руки в локтях, и на траве лежал сломанный лук. Волк распростерся на земле — половина серого туловища на свету, половина в тени, и от волка пятилась какая-то призрачная тварь, наполовину тень, наполовину свет, то ли видно, то ли не видно, будто фантом из кошмара.

— Питер! — крикнул Дженкинс, но крик его был беззвучным.

Потому что он уловил исступление в мозгу полупрозрачной твари — исступление и панический ужас пробились сквозь ненависть человека, который наступал на сжавшуюся в комок, брызгающую слюной тень. Панический ужас и отчаянное стремление — стремление что-то найти, что-то вспомнить.

Человек почти настиг ее. Он шел прямо, решительно — тщедушное тело, нелепые кулачки. И отвага.

«Отвага,— сказал себе Дженкинс,— с такой отвагой ему сам черт не страшен. С такой отвагой он сойдет в преисподнюю, и разворотит дрожащую брусчатку, и выкрикнет злую, скабрезную остроту в лицо князю тьмы».

Но тень уже нашла — нашла искомое, вспомнила заветное. Дженкинс ощутил волну облегчения, которая пронизала его плоть, услышал магическую формулу — то ли слово, то ли образ, то ли мысль. Что-то вроде ворожбы, заклинания, ча-

родейства, но не всецело. Мысленное усилие, мысль, подчиняющая себе тело,— так, пожалуй, вернее.

Потому что формула помогла. Тварь исчезла. Исчезла, улетучилась из этого мира. Никакого намека, ни малейшего признака. Словно ее никогда и не было.

А то, что она произнесла, то, что подумала? Сейчас. Вот оно...

Дженкинс осекся. Формула запечатлена в его мозгу, он помнит ее, помнит слово, помнит мысль, помнит нужную интонацию, но не должен пускать ее в ход, должен забыть о ней, хранить ее в тайниках сознания.

Ведь она подействовала на гоблина. Значит, подействует и на него. Непременно подействует.

Человек тем временем повернулся кругом и теперь стоял, уставившись на Дженкинса,— плечи опущены, руки повисли.

На белом пятне лица зашевелились губы:

— Ты... ты...

— Я Дженкинс,— сказал ему Дженкинс.— У меня новое туловище.

— Здесь что-то было,— произнес Питер.

— Гоблин,— ответил Дженкинс.— Джошуа мне сказал, что к нам проник гоблин.

— Он убил Лупуса.

Дженкинс кивнул:

— Да, он убил Лупуса. Он и многих других убил. Это он занимался убийством.

— А я убил его,— сказал Питер.— Убил его... или прогнал... или...

— Ты его испугал,— объяснил Дженкинс.— Ты оказался сильнее его. Он испугался тебя. Страх перед тобой прогнал его обратно в тот мир, откуда он пришел.

— Я мог его убить,— похвастался Питер,— но веревка лопнула...

— В следующий раз,— спокойно заметил Дженкинс,— постарайся сделать более прочную тетиву. Я тебя научу. И сделай стальной наконечник для стрелы...

— Для чего?

— Для стрелы. Метательная палка — стрела. А палка с веревкой, которой ты ее метаешь, называется луком. Все вместе называется лук и стрела.

Питер сник.

— Значит, не я первый? Еще до меня додумались?

Дженкинс покачал головой:

— Нет, не ты первый.

Он пересек поляну и положил руку на плечо Питера.

— Пошли домой, Питер.

Питер мотнул головой.

— Нет. Я посижу здесь около Лупуса, пока не рассветет. Потом позову его друзей, и мы похороним его.— Он поднял голову и добавил, глядя в глаза Дженкинсу: — Лупус был мой друг, Дженкинс. Очень хороший друг.

— Иначе и быть не могло,— ответил Дженкинс.— Но мы еще увидимся?

— Конечно. Я приду на пикник. Вебстерский пикник. До него осталось около недели.

— Верно,— произнес Дженкинс, думая о чем-то.— Через неделю. И тогда мы с тобой увидимся.

Он повернулся и медленно пошел вверх по склону.

Питер сел около мертвого волка ждать рассвета. Раз или два его рука поднималась, чтобы вытереть щеки.

Они сидели полукругом лицом к Дженкинсу и внимательно слушали его.

— Теперь сосредоточьтесь,— говорил Дженкинс.— Это очень важно. Сосредоточьтесь, думайте, думайте как следует и представьте себе вещи, которые принесли с собой: корзины с едой, луки и стрелы и все остальное.

— Это новая игра, Дженкинс? — прыснула одна из девочек.

— Да,— сказал Дженкинс,— что-то вроде игры. Вот именно, новая игра. Увлекательная игра. Захватывающая.

— Дженкинс всегда к пикнику Вебстеров придумывает какую-нибудь новую игру,— заметил кто-то.

— А теперь,— продолжал Дженкинс,— внимание. Смотрите на меня и постарайтесь угадать, что я задумал...

— Это игра в угадайку! — взвизгнула смешливая девочка.— Угадайка — моя любимая игра!

Дженкинс растянул рот в улыбке.

— Ты права. Совершенно верно: это игра в угадайку. А теперь все сосредоточьтесь и смотрите на меня...

— Мне хочется испытать лук и стрелы,— сказал один из мужчин.— Потом, когда кончится игра, можно будет испытать их, Дженкинс?

— Можно,— терпеливо произнес Дженкинс.— Когда кончится игра, можете испытать их.

Он закрыл глаза и стал мысленно включаться в сознание каждого из них, проверяя всех поочередно и улавливая трепетное предвкушение в направленных к нему мыслях, ощущая, как его мозг тихонько щупают пытливые мысленные пальцы.

«Сильней! — говорил он про себя.— Сильней! Сильней!»

На экране его сознания появилась легкая рябь, и он поспешил разгладить ее.

Не гипноз, даже не телепатия, но что-то похожее, что-то очень похожее... Сосредоточить, слить воедино души собравшихся — вот в чем заключается его игра.

Медленно, осторожно он извлек из тайника формулу — слово, мысленный образ, интонацию. Потом передал все это в мозг, исподволь, не спеша — так разговаривают с ребенком, стараясь научить его верно произносить слова, правильно держать губы, двигать языком.

Подождал секунду, чувствуя, как другие ощупывают формулу, простукивают ее мысленными пальцами. А затем подумал громко — так, как думал гоблин.

И ничего не произошло. Ровным счетом ничего. Ни щелчка в мозгу. Ни такого чувства, словно падаешь. Ни головокружения. Вообще никаких ощущений.

Значит, провал. Значит, все кончено. Значит, игра проиграна.

Он открыл глаза и увидел тот же склон. И солнце так же светило в бирюзовом небе.

Он сидел молча, сидел как истукан, ощущая устремленные на него взгляды.

Кругом все осталось по-прежнему.

Если не считать...

Там, где прежде алел кустик иван-чая, теперь покачивалась маргаритка. А рядом с ней появился колокольчик, которого не было, когда он закрыл глаза.

— Уже все? — Смешливая девочка была заметно разочарована.

— Все, все,— ответил Дженкинс.

— Можно нам теперь проверить луки и стрелы? — спросил один из юношей.

— Можно, только поосторожней. Не цельтесь друг в друга. Это опасная штука. Питер вам покажет, как ими пользоваться.

— А мы пока разберем припасы,— сказала одна женщина.— Ты захватил свою корзину, Дженкинс?

— Захватил,— ответил Дженкинс.— Она у Эстер. Я дал ей подержать на время игры.

— Чудесно,— отозвалась женщина.— Не было года, чтобы ты нас чем-нибудь не удивил.

«И в этом году удивлю, еще как удивлю,— сказал себе Дженкинс.— Вас поразят пакетики с ярлычками, в каждом пакетике — семена.

Да, нам понадобятся семена. Они понадобятся, чтобы вновь появились сады, вновь зеленели поля, чтобы люди вновь растили урожай. Нам понадобятся луки и стрелы, чтобы добывать мясо. Понадобятся остроги и рыболовные крючки».

Постепенно он стал примечать еще кое-какие отличия. Другой наклон дерева на краю поляны. Новый изгиб реки в долине внизу.

Дженкинс сидел на солнце, прислушиваясь к возгласам мужчин и подростков, которые испытывали луки и стрелы, слушая болтовню женщин, которые расстелили скатерть и теперь раскладывали еду.

«Скоро придется сказать им,— думал он.— Придется предупредить, чтобы не очень налегали на еду — не уписывали все в один присест. Эти припасы нужны нам, чтобы перебиться день-два, пока мы не накопаем корней, не наловим рыбы, не соберем плодов.

Да, сейчас придется созвать их и сообщить, что произошло. Объяснить, что отныне они могут полагаться только на свои собственные силы. Объяснить — почему. Объяснить, чтобы брались за дело и действовали по своему разумению. Потому что здесь их окружает девственный мир.

Предупредить их насчет гоблинов.

Впрочем, это не самое важное. Человек знает способ — жестокий способ. Способ одолеть любого, кто станет на его пути».

Дженкинс вздохнул.

— Господи, помоги гоблинам,— произнес он.

Комментарий к восьмому преданию

Существует подозрение, что восьмое, заключительное, предание — фальсификация, что оно не входило в древний цикл; перед нами позднее сочинение, состряпанное сказителем, жаждавшим публичной похвалы.

Композиция не вызывает особых возражений, но слог заметно уступает словесному мастерству других преданий.

Кроме того, бросается в глаза литературная конструкция. Очень уж ловко организован материал, слишком плавно совмещены здесь контуры, сходятся сюжетные линии предыдущих частей цикла.

А между тем если ни в одном из остальных преданий нет ничего похожего на историческую подоплеку, если в них явно преобладает мифическое начало, то восьмое предание зиждется на исторической основе.

Досконально известно, что один из закрытых миров закрыт потому, что он принадлежит муравьям. Он является муравьиным миром, причем стал таким еще в незапамятные времена.

Нет никаких данных о том, что мир муравьев был исконной родиной Псов, но и обратное не доказано. Тот факт, что до сих пор науке не удалось обнаружить какого-либо иного мира, который мог считаться родиной Псов, как будто указывает на то, что мир муравьев, возможно, и есть так называемая Земля.

Если это так, придется, видимо, оставить все надежды на обнаружение новых данных о происхождении цикла, ведь только в первом мире Псов можно было бы найти остатки материальной культуры, позволяющие неопровержимо установить происхождение цикла. Только там можно было бы получить ответ на основной вопрос: существовал Человек или не существовал? Если планета муравьев — Земля, тогда закрытый город Женева и усадьба на Вебстер-хилл для нас утрачены навсегда.

VIII

ПРОСТОЙ СПОСОБ

Енот Арчи, маленький беглец, припал к земле, стараясь поймать одну из снующих в траве крохотных тварей. Его робот Руфес обратился к нему, но енот был слишком занят и не отозвался.

Хомер сделал нечто такое, чего до него не делал ни один пес. Он пересек реку и затрусил к лагерю диких роботов, борясь со страхом: ведь невозможно было предугадать, как с ним поступят дикие роботы, когда обернутся и увидят его. Но то, что его беспокоило, перевесило страх, и он побежал быстрей.

В недрах уединенного муравейника муравьи мечтали и рассчитывали, как овладеть миром, недоступным их разумению. И наступали на этот мир с надеждой на успех и с верой в дело, недоступное разумению ни псов, ни роботов, ни людей.

В Женеве Джон Вебстер округлил десятое тысячелетие своего забытья и продолжал спать, лежа без движения. На бульваре блуждающий ветерок тормошил листву, но этого никто не слышал и никто не видел.

Дженкинс мерил шагами склон, не глядя ни налево, ни направо, потому что с обеих сторон были вещи, которые ему не хотелось видеть. Дерево, стоящее на том же месте, где в другом мире стояло другое дерево. Откос, запечатлевшийся в его мозгу с миллиардом шагов через десять тысячелетий.

И если хорошенько вслушаться, можно было услышать отдающийся в веках хохоток — сардонический хохоток человека по имени Джо.

Арчи поймал одну снующую тварь и крепко зажал ее в лапе. Осторожно поднял лапу и разжал ее: вот она, исступленно мечется, норовит убежать.

— Арчи,— сказал Руфес,— ты меня не слушаешь.

Снующая тварь нырнула в мех Арчи и устремилась вверх по лапе.

— Похоже на блоху.— Арчи сел и почесал себе брюхо.— Новый род блох. Вот было бы некстати. Они и старые-то осточертели.

— Ты не слушаешь,— повторил Руфес.

— Я занят,— отозвался Арчи.— Вся трава кишит этими тварями. Мне надо выяснить, что это такое.

— Я ухожу от тебя, Арчи.

— Что?..

— Ухожу от тебя. Пойду к Зданию.

— Ты рехнулся,— вспылил Арчи.— Ты не можешь меня бросить. Ты какой-то психованный с тех самых пор, как шлепнулся на муравейник...

— Меня позвал Голос,— сказал Руфес.— Я не могу не пойти.

— Я тебя берег,— умоляюще продолжал енот.— Никогда не перегружал работой. Обращался с тобой как с товарищем, а не как с роботом. Так, как будто ты зверь.

Руфес упрямо мотал головой.

— И не пробуй меня удержать. Все равно я не могу остаться, что бы ты ни делал. Меня позвал Голос, и я не могу не пойти.

— Но ведь я так окажусь совсем без робота,— не унимался Арчи.— Они вытащили мой номер, и я убежал. Теперь я дезертир, и ты это знаешь. Знаешь, что я не могу добыть себе другого робота, потому что за мной следят.

Руфес никак не реагировал на его слова.

— Ты мне нужен,— настаивал Арчи.— Ты должен остаться и помогать мне таскать корм. Мне нельзя подходить к пунктам кормления, сторожа сразу схватят меня и поволокут на Вебстер-хилл. Ты должен помочь мне выкопать нору. Скоро зима, и мне понадобится логово. Пусть без света и отопления, но логово нужно. И ты должен...

Руфес уже повернулся и шагал вниз по склону к тропе, вьющейся по берегу реки. Вот вышел на тропу, взял курс на темное пятно вдали над горизонтом.

Арчи сидел, обвив хвостом лапы и ежась от ветра, который ворошил его мех. Какой студеный ветер, всего час назад он не был таким студеным... И не погода сделала его холодным, а что-то еще.

Яркие глаза-бусинки обрыскали весь склон: нет Руфеса...

Без корма, без логова, без робота. И стража его разыскивает. И блохи нещадно едят.

А тут еще это Здание — темная клякса на дальних холмах за рекой.

Сто лет назад (так записано в книгах) Здание было не больше усадьбы Вебстеров.

Но с тех пор оно выросло, раздалось во все стороны, этому строительству не видно конца. Сначала Здание занимало один акр. Потом квадратную милю. Теперь оно целый уезд захватило. И продолжает расти, расползается вширь, тянется ввысь.

Клякса над холмами... И гроза для суеверного лесного народца, который наблюдает за ней. Слово, которым стращают расшумевшихся козлят, щенят и котят.

Потому что Здание воплощало зло, как все непонятное воплощает зло... Зло скорее угадываемое и предполагаемое, чем слышимое, зримое, обоняемое. Угадываемое чутьем — особенно темной ночью, когда погашен свет, и ветер скулит у входа в логово, и все звери спят, только один не спит и слушает плывущий между мирами *другой* Голос.

Арчи моргнул, взглянув на осеннее солнце, украдкой почесал бок.

«Возможно, когда-нибудь,— сказал он себе,— кто-нибудь придумает способ совладать с блохами. Какое-нибудь средство, чтобы натер мех — и ни одна блоха не сунется. Или придумают способ общаться с ними, чтобы можно было потолковать и урезонить их. Возможно, учредят для них заповедник, где бы они жили и получали пищу, а зверей оставили бы в покое. Или что-нибудь в этом роде».

А пока что же остается?.. Чешись. Попроси своего робота, чтобы выловил блох, да только робот больше шерсти надергает, чем блох поймает. Катайся в песке или пыли. Искупайся, чтобы утопить несколько штук... Нет, не утопить, конечно, а просто смыть, если же при этом какая-нибудь из них захлебнется, пусть на себя пеняет.

Попроси робота... Но робота больше нет.

Нет робота, который ловил бы твоих блох.

Нет робота, который помогал бы добывать пищу.

Постой, ведь внизу, в долине, стоит куст боярышника, и ягоды, наверно, уже тронуты ночным морозцем. При мысли о ягодах Арчи облизнулся. А за горой — кукурузное поле. Тому, кто легок на ногу, кто умеет выбирать подходящую минуту и незаметно подкрадываться, ничего не стоит раздобыть початочек. На худой конец, всегда найдутся коренья, желуди, а на песчаной косе дикий виноград растет.

— Пусть Руфес уходит,— пробурчал Арчи себе под нос.— Пусть псы кичатся своими пунктами кормления. Пусть сторожа сторожат.

Он будет жить сам по себе. Будет есть плоды, и выкапывать коренья, и устраивать набеги на кукурузные поля, как его далекие предки ели плоды, выкапывали коренья, устраивали набеги на кукурузные поля.

Будет жить, как все еноты жили, прежде чем явились псы со своими идеями насчет братства животных. Как жили все звери до того, как научились говорить словами, научились

читать печатные книги, полученные от псов, до того, как обзавелись роботами, выполняющими роль рук, до того, как в норах появились отопление и свет.

И до того, как появилась лотерея, распоряжающаяся, оставаться тебе на Земле или отправляться в другой мир.

Ничего не скажешь, псы все это излагали очень убедительно, очень рассудительно и деликатно. Некоторым животным, говорили они, придется перебираться в другие миры, иначе на Земле будет слишком много животных. Земля, говорили они, недостаточно велика, чтобы всех поместить. И лотерея, указывали они,— самый справедливый способ решить, кому именно переправляться в другие миры.

И ведь другие миры, говорили они, мало чем отличаются от Земли. Потому что они всего лишь пристройка к Земле. Это просто другие миры, которые идут по пятам за Землей. Может быть, не совсем так, но что-то очень похожее. Почти никакой разницы. Может быть, нет дерева там, где на Земле растет дерево. Может быть, стоит дуб там, где на Земле растет орешник. Может быть, бьет источник с холодной чистой водой там, где на Земле никакого источника нет.

— Может быть,— говорил ему Хомер, воодушевляясь,— может быть, мир, куда ты попадешь, окажется даже лучше Земли.

Арчи припал к земле, чувствуя, как теплые лучи осеннего солнца пробиваются сквозь знобкий холод осеннего ветра. Он думал о боярышнике, о мягких и сочных ягодах. Некоторые даже упали на землю. Сперва он съест те, которые лежат на земле, потом залезет на деревце и сорвет еще несколько штук, потом слезет и подберет те, которые осыпались, пока он лазил.

Он будет есть их, и брать лапами, и растирать по мордочке. Можно даже покататься на них.

Уголком глаза он видел, как копошатся в траве снующие твари. Совсем как муравьи, хотя это вовсе не муравьи. Во всяком случае, не похожи на тех муравьев, которых он видел до сих пор.

Может быть, блохи? Новая порода блох.

Его лапа метнулась вперед и схватила одну тварь. Он почувствовал, как она копошится в ладони. Разжал пальцы и посмотрел, как она мечется, и снова сжал пальцы.

Поднес лапу к уху и прислушался.

Тварь, которую он поймал, тикала!

Лагерь диких роботов оказался совсем не таким, каким его представлял Хомер. Он не увидел никаких зданий. Только пусковые установки, и три космических корабля, и пять или шесть роботов, которые трудились над одним из кораблей.

Впрочем, если вдуматься, он мог бы заранее сообразить, что в лагере роботов не будет зданий. Ведь роботы не нуждаются в убежище, а что такое дом, как не убежище.

Хомеру было страшно, но он изо всех сил старался не показывать этого: хвост крючком, голову выше, уши вперед — и решительно затрусил прямо к роботам. Около них он сел и вывесил язык, ожидая, когда кто-нибудь обратит на него внимание.

Но никто не обратил на него внимания, тогда Хомер собрался с духом и сам заговорил.

— Меня зовут Хомер,— сказал он,— я представляю псов. Если у вас есть старший робот, я хотел бы с ним поговорить.

С минуту роботы продолжали работать, наконец один из них повернулся, подошел к Хомеру и присел на корточках, так что его голова оказалась вровень с головой пса. Остальные роботы продолжали работать как ни в чем не бывало.

— Я робот по имени Эндрю,— сказал робот, присевший на корточках рядом с Хомером.— Меня нельзя назвать старшим роботом, потому что у нас таких вообще нет. Но я могу поговорить с тобой.

— Я пришел к вам насчет Здания,— сообщил Хомер.

— Насколько я понимаю,— ответил робот по имени Эндрю,— ты говоришь о постройке, что к северо-востоку от нас. О постройке, которую ты можешь увидеть отсюда, если повернешься кругом.

— Вот именно, о ней,— подтвердил Хомер.— Я пришел спросить, зачем вы ее строите.

— Мы не строим ее,— сказал Эндрю.

— Мы видели, как там работают роботы.

— Да, там работают роботы. Но мы не строим ее.

— Вы кому-то помогаете?

Эндрю покачал головой:

— Некоторых из нас призвали... призвали пойти и работать там. И мы их не стали задерживать, потому что каждый из нас волен распоряжаться собой.

— Но кто же строит ее? — спросил Хомер.

— Муравьи.

У Хомера отвисла нижняя челюсть.

— Муравьи? Вы про насекомых говорите? Маленьких таких, которые в муравейниках живут?

— Вот именно,— подтвердил Эндрю.

Его пальцы пробежали по песку, изображая встревоженного муравья.

— Но они на это не способны,— возразил Хомер.— Они тупые.

— Теперь уже нет,— сказал Эндрю.

Хомер сидел неподвижно, будто примерз к песку, и холодные мурашки бежали у него по телу.

— Теперь уже нет,— повторил про себя Эндрю.— Теперь не тупые. Понимаешь, жил-был на свете человек по имени Джо...

— Человек? Что это такое? — спросил Хомер.

Робот прищелкнул с мягкой укоризной.

— Это были такие животные,— объяснил он.— Животные, которые ходили на двух ногах. Очень похожие на нас, с той разницей, что они были из живой плоти, а мы металлические.

— Ты, наверное, про вебстеров говоришь. Мы слышали про таких тварей, только зовем их вебстерами.

Робот медленно кивнул.

— Вебстеры — люди?.. Пожалуй. Помнится, был один род с такой фамилией. Как раз за рекой жили.

— Там находится усадьба Вебстеров,— сказал Хомер.— На макушке Вебстер-хилл.

— Она самая,— подтвердил Эндрю.

— Мы смотрим за этим домом,— продолжал Хомер.— Он считается у нас святыней, хотя нам не совсем понятно почему. Такой наказ передается из поколения в поколение: смотреть за усадьбой Вебстеров.

— Это вебстеры научили вас, псов, говорить,— сообщил Эндрю.

Хомер внутренне ощетинился.

— Никто нас не учил говорить. Мы сами научились. Мы постепенно совершенствовались. И других животных научили.

Сидя на корточках, робот Эндрю качал головой, словно кивал собственным мыслям.

— Десять тысяч лет,— сказал он.— Если не двенадцать. Что-нибудь около одиннадцати.

Хомер ждал, и, ожидая, он ощутил тяжелое бремя лет, давящее на холмы... Годы реки и солнца, годы песка, и ветра, и неба.

Годы Эндрю.

— Ты старый,— произнес он.— И ты помнишь то, что было столько лет назад?

— Помню,— ответил Эндрю.— Хотя я один из последних роботов, сделанных людьми Меня изготовили за несколько лет до того, как они отправились на Юпитер

Хомер притих, он был в полном смятении.

Человек... Новое слово.

Животное, которое ходило на двух ногах.

Животное, которое изготавливало роботов, которое научило псов говорить.

Эндрю словно прочитал его мысли:

— Напрасно вы нас сторонились. Нам надо было сотрудничать. Когда-то мы сотрудничали. Для обеих сторон был бы выигрыш, если бы мы продолжали сотрудничать.

— Мы вас боялись,— сказал Хомер.— Я и теперь вас боюсь.

— Ну да. Конечно, так и должно быть. Конечно, Дженкинс позаботился о том, чтобы вы нас боялись. Он был башковитый, этот Дженкинс. Он понимал, что вам надо начинать с чистой страницы. Понимал, что незачем вам таскать на себе мертвым грузом память о человеке.

Хомер сидел молча.

— А мы,— продолжал робот,— не что иное, как память о человеке. Мы делаем то же, что он делал, только более научно. Ведь мы машины, значит, в нас больше науки. Делаем более терпеливо, чем человек, потому что у нас сколько угодно времени, а у него были всего какие-то годы.

Эндрю начертил на песке две параллельные линии, потом еще две поперёк. Нарисовал крестик в левом верхнем углу.

— Ты думаешь, я сумасшедший,— сказал он.— Думаешь, чушь горожу.

Хомер поерзал на песке.

— Я не знаю, что и думать,— ответил он.— Все эти годы...

Эндрю нарисовал пальцем нолик в клетке посередине.

— Понятно,— сказал он.— Все эти годы вас поддерживала мечта. Мысль о том, что псы были застрельщиками. Факты

иной раз трудно признать, трудно переварить. Пожалуй, лучше тебе забыть то, что я сказал. Факты иной раз ранят душу. Робот обязан оперировать фактами, ему больше нечем оперировать. Мы ведь не можем мечтать. У нас нет ничего, кроме фактов.

— Мы давно уже перешагнули через факт,— сообщил Хомер.— Это не значит, что мы совсем пренебрегаем фактами, нет, иногда мы ими пользуемся. Но вообще-то мы действуем иначе. У нас главное интуиция, гоблинство, слушание.

— Вы не мыслите механически,— заметил Эндрю.— Для вас дважды два не всегда четыре, для нас — всегда. Иногда я спрашиваю себя, не слепит ли нас традиция. Спрашиваю себя, может быть, дважды два бывает больше или меньше четырех.

Они посидели молча, глядя на реку — ленту из расплавленного серебра на цветном поле.

Эндрю нарисовал крестик в верхнем правом углу, нолик над центральной клеткой, крестик в средней клетке внизу. Потом стер все ладонью.

— Никак не могу выиграть у себя. Слишком сильный противник.

— Ты говорил про муравьев,— сказал Хомер.— Что они уже не тупые.

— А, да-да,— подтвердил Эндрю.— Я говорил про человека по имени Джо...

Дженкинс мерил шагами склон, не глядя ни налево, ни направо, потому что с обеих сторон были вещи, которые ему не хотелось видеть, которые вызывали слишком волнующие воспоминания. Дерево, стоящее там же, где в другом мире стояло другое дерево. Откос, запечатлевшийся в его мозгу с миллиардом шагов через десять тысячелетий.

В зимнем небе тускло мерцало вечернее солнце, мерцало, будто свеча на ветру, потом перестало мерцать, и это был уже не солнечный свет, а лунный.

Дженкинс остановился, обернулся и увидел усадьбу... Она распласталась на холме, приникла к холму, словно спящее юное существо, льнущее к матери-земле.

Дженкинс нерешительно шагнул вперед, и сразу же его металлическое туловище засверкало, заискрилось в лунном свете, который мгновение назад был солнечным.

Из долины донесся крик ночной птицы, а в кукурузном поле под гребнем скулил енот.

Дженкинс сделал еще шаг, заклиная небо, чтобы усадьба не исчезла, хотя знал, что усадьба не может исчезнуть, потому что ее и так нет. Ведь он шел по пустынному холму, на котором никогда не было никакой усадьбы. Он находился в другом мире, где вообще не существовало домов.

Дом продолжал стоять на месте, темный, безмолвный, без дыма над трубами, без огней в окнах, но знакомые очертания, ошибиться невозможно.

Дженкинс ступал медленно, осторожно, боясь, что дом скроется, боясь спугнуть его.

Но дом не двигался с места. И ведь есть еще приметы. Вон там стояла ольха, а теперь дуб стоит, как и тогда. И вместо зимнего солнца светит осенняя луна. И ветер дует с запада, а не с севера.

«Что-то произошло,— сказал себе Дженкинс.— Что-то зрело во мне. Я чувствовал, но не мог понять, что именно. Новое свойство развилось? Новое чувство прорезалось? Новая сила, о которой я не подозревал? Способность переходить по своему желанию из одного мира в другой. Способность переноситься в любое место кратчайшим путем, какой только могут измыслить для меня закрученные нужным образом силовые линии».

Он зашагал смелее, и дом никуда не делся, продолжал стоять, реальный, вещественный.

Он пересек двор, заросший травой, и остановился перед дверью.

Неуверенно поднял руку и взялся за щеколду. Щеколда была настоящая. Нет, не иллюзия, реальный металл.

Он медленно поднял ее, и дверь отворилась внутрь, и он переступил через порог.

Через пять тысяч лет Дженкинс вернулся домой... Вернулся в усадьбу Вебстеров.

Итак, был некогда человек по имени Джо. Не вебстер, а человек. Потому что вебстер — это человек. И не псы были застрельщиками.

Хомер — рыхлый ком шерсти, костей и мышц — лежал перед очагом, вытянув лапы вперед и положив на них голову.

Сквозь щелочки глаз он видел пламя и тени, и тепло от горящих поленьев, достав его, распушило шерсть.

Но внутреннему взгляду Хомера рисовался песок, и сидящий на корточках робот, и холмы с гнетущим грузом лет.

Эндрю сидел на корточках на песке и рассказывал, и плечи его озаряло осеннее солнце... Рассказывал про людей, и про псов, и про муравьев. Об одном деле, которое произошло еще во времена Нэтэниела, и было это давным-давно, ведь Нэтэниел был первым псом.

Жил-был человек по имени Джо, человек-мутант, человек-титан, который двенадцать тысяч лет назад обратил внимание на муравьев. И задумался, почему остановилось их развитие, почему их стезя зашла в тупик.

Может быть, голод, рассуждал Джо, беспрестанная необходимость запасать пищу, чтобы выжить. Может быть, спячка, зимний застой, когда рвется цепочка памяти. И начинай все сначала, что ни год — муравьи словно заново на свет появляются.

И тогда, говорил Эндрю, поблескивая на солнце металлической лысиной, Джо выбрал один муравейник и назначил себя богом, чтобы изменить судьбы муравьев. Он кормил их, так что им не надо было бороться с голодом. Он накрыл муравейник куполом и подогревал его так, что отпала надобность в зимней спячке.

И вмешательство помогло. Муравьи делали успехи. Они мастерили тележки и плавили металл. Это были зримые успехи, ведь тележки катили поверху, а торчащие из муравейника трубы исторгали едкий дым. Чего еще они достигли, чему еще научились в глубине подземных ходов, никто не знал и не ведал.

Джо был сумасшедший, говорил Эндрю. Сумасшедший... А может быть, и не такой уж сумасшедший.

Потому что однажды он разбил плексигласовый купол и ударом ноги распахал муравейник, а затем повернулся и ушел, потеряв всякий интерес к будущему муравьев.

Но муравьи не потеряли интерес.

Рука, разбившая купол, нога, распахавшая муравейник, толкнули муравьев на путь к величию. Заставили их бороться, бороться, чтобы отстоять завоеванное, чтобы стезя их снова не уперлась в тупик.

Встряска, говорил Эндрю. Муравьи получили встряску. И она придала им ускорение в нужном направлении.

Двенадцать тысяч лет назад разрушенный, разваленный муравейник — сегодня могучее здание, растущее с каждым годом. Здание, которое за какую-нибудь сотню лет заняло целый уезд, а еще через сотню лет займет сотню уездов. Здание, которое будет разрастаться, занимая землю. Землю, которая принадлежит не муравьям, а зверям.

Здание. Не совсем это верно, просто с самого начала повелось называть его Зданием. Ведь по-настоящему здание — это убежище, место, где можно укрыться от холода и ненастья. А зачем оно муравьям, когда у них есть подземные ходы и муравейники? Зачем понадобилось муравью воздвигать сооружение, которое за сто лет простерлось на целый уезд и все еще продолжает расти? Какая муравью польза от такого сооружения?

Хомер зарылся подбородком в шерсть между лапами, из горла его вырвалось ворчание.

Это невозможно понять. Ведь сперва надо понять, как мыслит муравей. Надо понять, к чему он стремится, чего добивается. Надо получить понятие о его знаниях.

Двенадцать тысяч лет познания. Двенадцать тысяч лет, считая от начального уровня, который сам по себе непознаваем.

Но понять нужно. Должен быть способ понять.

Потому что из года в год Здание будет разрастаться. Миля в поперечнике, потом шесть, потом сто. Сто миль и еще сто, а затем весь мир.

«Отступать,— сказал себе Хомер.— Да, можно отступать. Можно переселиться в другие миры, те самые миры, которые плывут за нами в потоке времени, те самые миры, которые наступают на пятки друг другу. Можно отдать Землю муравьям, нам все равно найдется место.

Но ведь это наш дом. Здесь возникли псы. Здесь мы научили животных говорить, и мыслить, и действовать сообща. Здесь мы создали братство зверей.

Не так уж важно, кто был застрельщиком — вебстер или пес. Здесь наша родина. В такой же мере наша, как и вебстера. В такой же мере наша, как и муравья.

И мы должны остановить муравьев.

Должен быть какой-то способ остановить их. Способ переговорить с ними, выяснить, чего они хотят. Способ урезонить их. Должна найтись какая-то основа для переговоров. И путь к соглашению».

Хомер лежал неподвижно перед очагом, слушая наполняющие дом шорохи, мягкую, приглушенную поступь хлопочущих роботов, неразборчивый говор псов где-то этажом выше, треск пламени, обгрызающего полено.

«Неплохая жизнь,— пробормотал про себя Хомер.— Неплохая жизнь, и мы думали, что это все сделано нами. А вот Эндрю говорит — не нами. Эндрю говорит, что мы ни грана не добавили к оставленному нам в наследство инженерному искусству и машинной логике и что нами многое утрачено. Он толковал о химии и пробовал что-то объяснить, но я ничего не понял. Толковал об изучении элементов и каких-то атомов и молекул. И электроники... Правда, он сказал, что мы без электроники умеем делать такие чудеса, каких не сумел бы сделать человек со всеми его знаниями. Сказал, что можно миллион лет изучать электронику и не добраться до других миров, даже не знать про них... А мы с этим справились, сделали то, чего вебстер не смог бы сделать.

Потому что мы мыслим не так, как вебстер. Нет, это называется человек, а не вебстер.

Или взять наших роботов. Наши роботы не лучше тех, которые нам оставил человек. Небольшие изменения... очевидные изменения, но никаких существенных улучшений.

Да и кому могла прийти в голову мысль о более совершенном роботе?

Кукурузный початок покрупнее — это понятно. Или грецкий орех поразвесистей. Или водяной рис с колосками потяжелее. Или лучший способ производить дрожжи, заменяющие мясо.

Но более совершенный робот... Зачем, когда робот и так выполняет все, что от него требуется. Зачем его совершенствовать?

А впрочем... Роботы слышат призыв и отправляются работать к Зданию, отправляются строить махину, которая сгонит нас с Земли.

Мы не можем разобраться. Конечно, не можем разобраться. Если бы мы лучше знали наших роботов, мы, быть может,

разобрались бы, в чем дело. И, разобравшись, может быть, сумели бы сделать так, чтобы роботы не получали призыва или, услышав призыв, оставляли его без внимания.

А это, конечно, решило бы проблему. Если роботы не будут трудиться, строительство прекратится. Одни муравьи, без помощи роботов, не смогут продолжать стройку».

По голове Хомера пробежала блоха, и он дернул ухом.

«Но ведь Эндрю может ошибаться. У нас есть легенда о рождении братства зверей, а у диких роботов есть легенда о падении человека. Кто теперь скажет, которая из легенд верна?

Вообще-то рассказ Эндрю звучит правдоподобно. Были псы, и были роботы, и, когда пал человек, их пути разошлись... Правда, мы оставили себе роботов, которые служили нам руками. Несколько роботов остались с нами, но ни один пес не остался с роботами».

Из какого-то угла вылетела осенняя муха и ошалело заметалась перед пламенем. Пожужжав над головой Хомера, она села ему на нос, Хомер свирепо уставился на нее, а она подняла задние лапки и нахально принялась чистить крылышки. Хомер взмахнул лапой, и муха улетела.

Раздался стук в дверь.

Хомер поднял голову и несколько раз моргнул.

— Войдите,— сказал он наконец.

Это был робот Хезикайя.

— Они поймали Арчи,— сказал Хезикайя.

— Арчи?

— Енота Арчи.

— Ах да, это он убежал.

— Они привели его сюда. Хочешь с ним поговорить?

— Пусть войдут,— сказал Хомер.

Хезикайя сделал знак пальцем, и Арчи трусцой вбежал в комнату. Шерсть его была вся в репьях, хвост волочился по полу. Следом за ним вошли два робота-сторожа.

— Он подбирался к кукурузе,— доложил один из сторожей,— и тут мы его застали, но нам пришлось побегать за ним.

Нехотя сев, Хомер уставился на Арчи. Арчи ответил тем же.

— Они меня ни за что не поймали бы,— сказал он,— будь у меня Руфес. Руфес был мой робот, и он меня предупредил бы.

— А куда же делся Руфес?

— Его сегодня позвал Голос, и он бросил меня, пошел к Зданию.

— Скажи-ка, а с Руфесом ничего не случилось, прежде чем он ушел? Ничего необычного? Ничего из ряда вон выходящего?

— Ничего,— ответил Арчи.— Если не считать, что он шлепнулся на муравейник. Он был очень неуклюжий. Настоящий раззява... Все время спотыкался, в собственных ногах путался. С координацией что-то неладно. Какого-то винтика не хватало.

С носа Арчи соскочила крохотная черная тварь и помчалась по полу. Молниеносным движением лапы енот поймал ее.

— Лучше отойди от него подальше,— предостерег Хезикайя Хомера.— С него блохи так и сыплются.

— Это не блоха.— Арчи возмущенно надул щеки.— Это что-то другое. Я эту тварь сегодня поймал. Она тикает, и она похожа на муравья, но это не муравей.

Тикающая тварь протиснулась между пальцами Арчи и упала на пол. Приземлившись на ноги, она снова ринулась наутек. Арчи выбросил вперед лапу, но тварь увернулась. Мигом добежала до Хезикайи и устремилась вверх по его ноге.

Хомер вскочил, осененный внезапной догадкой.

— Скорей! — вскричал он.— Хватайте ее! Ловите! Не давайте ей...

Но тварь уже исчезла.

Хомер медленно сел опять.

— Стража,— он говорил спокойно, спокойно и сурово,— отведите Хезикайю в тюрьму. Не отходите от него ни на шаг, не давайте ему убежать. Докладывайте обо всем, что он будет делать.

Хезикайя попятился

— Но я ничего не сделал.

— Верно,— мягко произнес Хомер.— Верно, ты ничего не сделал. Но ты сделаешь. Ты услышишь Голос, и ты попытаешься уйти от нас, уйти к Зданию. И прежде чем отпустить тебя, мы выясним, что заставляет тебя уходить. Что это за штука и как она действует.

Хомер повернулся, оскалив зубы в псиной улыбке.

— Ну так, Арчи...

Но Арчи не было.

Было открытое окно. И никакого Арчи.

Хомер поежился на мягкой постели, ему не хотелось просыпаться, из глотки вырвалось ворчание.

«Старею,— думал он.— Годы гнетут не только холмы, но и меня, их слишком много. А бывало, только заслышу шум за дверью, тотчас вскочу, весь в сене, и лаю как оглашенный, оповещаю роботов».

Снова послышался стук, и Хомер заставил себя встать.

— Входите! — крикнул он.— Сколько можно барабанить, входите!

Дверь отворилась, и вошел робот, такого огромного робота Хомер еще никогда не видел. Блестящий, могучий, тяжелый, полированное туловище даже во мраке светилось, как угли в очаге. А на плече робота восседал енот Арчи.

— Я Дженкинс,— сказал робот.— Я вернулся сегодня ночью.

Хомер судорожно глотнул и сел.

— Дженкинс,— вымолвил он.— У нас есть предания... легенды... старинные легенды.

— Только легенды, и все? — спросил Дженкинс.

— И все,— ответил Хомер.— Есть легенда о роботе, который смотрел за нами. Хотя Эндрю сегодня говорил о Дженкинсе так, словно сам его знал. Есть еще предание о том, как псы подарили вам новое туловище в день вашего семитысячелетия, и это было потрясающее туловище, оно...

У него перехватило дыхание, потому что туловище робота, который стоял перед ним с енотом на плече... это туловище... ну конечно, это и есть тот подарок.

— А усадьба Вебстеров? — спросил Дженкинс.— Вы смотрите за усадьбой Вебстеров?

— Да, мы смотрим за усадьбой Вебстеров,— сказал Хомер.— Следим, чтобы все было в порядке. Это так положено.

— А вебстеры?

— Вебстеров нет.

Дженкинс кивнул. Необычно острое чутье уже сказало ему, что вебстеров нет. Не было вебстеровских излучений, не было мыслей о вебстерах в сознании тех, с кем он общался.

Что ж, так и должно быть.

Он медленно прошел через комнату, ступая мягко, как кошка, несмотря на огромный вес, и Хомер ощутил, как он движется, ощутил дружелюбие и доброту этого металлического существа, ощутил заключенную в могучей силе надежную защиту.

Дженкинс присел на корточки перед ним.

— У вас неприятности,— сказал он.

Хомер молча смотрел на него.

— Муравьи,— продолжал Дженкинс.— Арчи рассказал мне. Рассказал, что вам досаждают муравьи.

— Я хотел спрятаться в усадьбе Вебстеров,— объяснил Арчи.— Я боялся, что вы меня опять настигнете, и я подумал, что усадьба Вебстеров...

— Помолчи, Арчи,— остановил его Дженкинс.— Ты ничего не знаешь об усадьбе. Ты сам сказал мне, что не знаешь. Ты просто рассказал, что у псов неприятности с муравьями, и все.

Он снова перевел взгляд на Хомера.

— Я подозреваю, что это муравьи Джо,— сказал он.

— Значит, тебе известно про Джо? — отозвался Хомер.— Значит, на самом деле был человек по имени Джо?

— Да, был такой смутьян,— рассмеялся Дженкинс.— Хотя временами ничего парень. С огоньком.

— Они строят,— сказал Хомер.— Заставляют работать на себя роботов и воздвигают Здание.

— Ну и что,— ответил Дженкинс,— у муравьев тоже есть право строить.

— Но они строят чересчур быстро. Они вытеснят нас с Земли. Еще тысяча лет — и они всю Землю займут, если и дальше будут строить в таком духе.

— А вам некуда деться? Вот что вас заботит.

— Почему же, нам есть куда деться. Места много. Все остальные миры. Миры гоблинов.

Дженкинс важно кивнул.

— Я был в мире гоблинов. Первый мир после этого. Переправил туда несколько вебстеров пять тысяч лет назад. И только сегодня ночью вернулся оттуда. Я понимаю, что вы чувствуете. Никакой другой мир не заменит родного. Я тосковал по Земле все эти пять тысяч лет. Я вернулся в усадьбу Вебстеров и застал там Арчи. Он рассказал мне про муравьев, и тогда я пришел сюда. Надеюсь, вы не против?

— Мы рады тебе,— мягко произнес Хомер.

— Эти муравьи,— продолжал Дженкинс.— Очевидно, вам хотелось бы их остановить.

Хомер кивнул.

— Способ есть,— сказал Дженкинс.— Я знаю, что способ есть. У вебстеров был способ, надо только вспомнить. Но это было так давно. Я помню только, что простой способ. Очень простой способ.

Рука его поднялась и поскребла подбородок.

— Почему ты так делаешь? — спросил Арчи.

— Что?

— Лицо вот так трешь. Почему ты это делаешь?

Дженкинс опустил руку.

— Просто привычка, Арчи. Вебстерская манера. У них был такой способ думать. Я у них перенял.

— И тебе это помогает думать?

— Не знаю, может быть. А может быть, нет. Вебстерам как будто помогало. Ну, хорошо, как поступил бы вебстер в таком случае? Вебстеры могли бы нас выручить. Я знаю, что могли бы...

— Те вебстеры, которые в мире гоблинов? — сказал Хомер.

Дженкинс покачал головой.

— Но ведь ты сказал, что переправил туда...

— Верно. Но теперь их там нет. Я почти четыре тысячи лет как живу один в мире гоблинов.

— Но тогда вебстеров совсем нигде нет. Остальные отправились на Юпитер. Так мне Эндрю сказал. Дженкинс, где находится Юпитер?

— Как же, есть,— ответил Дженкинс.— Я хочу сказать, есть здесь вебстеры. Во всяком случае, были. Те, которые остались в Женеве.

— А дело-то непростое,— заметил Хомер.— Даже для вебстера. Эти муравьи хитрющие. Арчи ведь рассказал тебе про блоху, которую он поймал?

— Это была вовсе не блоха,— возразил Арчи.

— Да, он мне рассказал,— подтвердил Дженкинс.— Сказал, что она залезла на Хезикайю.

— Не совсем так,— сказал Хомер.— Она внутрь залезла. Это была не блоха... это был робот, крохотный робот. Он просверлил дырочку в черепе Хезикайи и забрался в его мозг. А дырочку за собой заделал.

— И чем же теперь занят Хезикайя?

— Ничем,— ответил Хомер.— Но мы наперед знаем, что он сделает, как только робот-муравей изменит настройку. Его позовет Голос. Он услышит призыв и отправится строить Здание.

Дженкинс кивнул.

— Берут управление на себя. Самим такая работа не по силам, поэтому они подчиняют себе тех, кому она по силам.

Он опять поднял руку и поскреб подбородок.

— Интересно, Джо это предвидел? — пробормотал он.— Предвидел, когда выступал в роли бога для муравьев?

Да нет, ерунда. Джо не мог это предвидеть. Даже такой гигант, как Джо, не мог заглянуть на двенадцать тысяч лет вперед.

«Так давно это было,— подумал Дженкинс.— Так много всего произошло с тех пор. Тогда Брюс Вебстер только-только начинал опыты с псами, только начал осуществлять свою мечту о говорящих, мыслящих псах, которые будут идти по дорогам судьбы лапа об руку с человеком... И не подозревал, что всего через несколько столетий человечество разбредется по Вселенной и оставит Землю роботам и псам. Не знал, что само имя человека утонет в прахе веков. Что все племя будут называть фамилией одного рода.

Что же, род Вебстеров того заслуживал. Помню их, словно это было вчера. И ведь было время, когда я о себе самом думал как о Вебстере.

Видит бог, я старался быть Вебстером. Изо всех сил старался. Продолжал помогать вебстерским псам, когда род людской исчез, и наконец переправил последних суматошных представителей этого племени сорвиголов в другой мир, чтобы расчистить путь для псов, чтобы псы могли преобразить Землю по своему разумению.

А теперь и эти последние непоседы исчезли... исчезли куда-то... невесть куда. Нашли убежище в какой-то из причуд человеческой мысли. Что до людей на Юпитере, так они ведь не люди, а что-то другое. И Женева закрыта... отгорожена от всего мира.

А впрочем, вряд ли она более далека или более надежно отгорожена, чем мир, из которого я пришел. Мне бы только разобраться, как это у меня вышло, что я из отшельничества в мире гоблинов вернулся в усадьбу Вебстеров. Тогда, может быть, я так или иначе нашел бы способ проникнуть в Женеву.

Новое свойство, сказал себе Дженкинс. Новая способность. Которая постепенно развивалась незаметно для меня самого. Которой любой человек, любой робот... возможно, даже любой пес... мог бы воспользоваться, суметь бы только разгадать, в чем тут хитрость.

Хотя, может быть, все дело в моем туловище, этом самом туловище, которое псы подарили мне в день семитысячелетия. Туловище, с которым никакая плоть и кровь не сравнятся, которому открыты мысли медведя, и мечты лисы, и снующая в траве крохотная мышиная радость.

Исполнение желаний. Возможно. Реализация странного, нелогичного стремления во что бы то ни стало получить то, чего вовсе нет или редко бывает, и что вполне достижимо, если взлелеешь, или разовьешь, или привьешь себе новую способность, которая направляет тело и дух на исполнение желаний.

Я каждый день ходил через этот холм, вспоминал он. Ходил, потому что не мог удержаться, потому что меня неодолимо влекло к нему, но я старался не приглядываться, не хотел видеть всех различий.

Я ходил через него миллион раз, пока сокровенная способность не достигла нужной силы.

Ведь я был в западне. Слово, мысль, образ, которые перенесли меня в мир гоблинов, оказались билетом в один конец, формула доставила меня туда, а в обратную сторону она не работала. Но был еще другой способ, которого я не знал. Да я и теперь его не понимаю».

— Ты сказал что-то про способ,— нетерпеливо произнес Хомер.

— Способ?

— Да, способ остановить муравьев.

Дженкинс кивнул:

— Я выясню. Я отправлюсь в Женеву.

Джон Вебстер проснулся.

«Странно,— подумал он,— ведь я сказал — вечно. Сказал, что хочу спать бесконечно, а у бесконечности нет конца».

Все остальное тонуло в серой мгле сонного забытья, но эта мысль четко отпечаталась в сознании: вечно, а это не вечность.

Какое-то слово стучалось в мозг, словно кто-то далеко-далеко стучался в дверь.

Он лежал, прислушиваясь к стуку, и слово превратилось в два слова... два слова, имя и фамилия, его имя и его фамилия.

— Джон Вебстер, Джон Вебстер.

Снова и снова, снова и снова два слова стучались в его мозг.

— Джон Вебстер, Джон Вебстер.

— Да,— сказал мозг Вебстера, и слова перестали звучать.

Безмолвие и редеющая мгла забытья. И струйка воспоминаний. Капля за каплей.

Был некогда город, и назывался он Женева.

В городе жили люди, но люди без идеалов.

За пределами города жили псы... Они населяли весь мир за его пределами. У псов был идеал и была мечта.

Сара поднялась на холм, чтобы на сто лет перенестись в мир мечты.

А я... Я поднялся на холм и сказал: вечно. Это не вечность.

— Это Дженкинс, Джон Вебстер.

— Слушаю, Дженкинс,— сказал Джон Вебстер, но сказал не ртом, и не языком, и не губами, потому что чувствовал, как его тело в капсуле облегает жидкость, которая питала его и не давала ему обезвоживаться. Жидкость, которая запечатала его губы, и уши, и глаза.

— Слушаю, Дженкинс,— мысленно ответил Вебстер.— Я тебя помню. Теперь вспомнил. Ты был с нами с самого начала. Ты помогал нам обучать псов. Ты остался с ними, когда кончился наш род.

— Я и теперь с ними,— ответил Дженкинс.

— Я укрылся в вечность,— сказал Вебстер.— Закрыл город и укрылся в вечность.

— Мы часто думали об этом,— сказал Дженкинс.— Зачем вы закрыли город?

— Псы,— отозвался мозг Вебстера.— Чтобы псы использовали возможность.

— Псы развернулись вовсю,— сообщил Дженкинс.

— А город теперь открыт?

— Нет, город по-прежнему закрыт.

— Но ведь ты здесь.

— Да, но я один знаю путь. И других не будет. Во всяком случае, до тех пор еще много времени пройдет.

— Время,— произнес Вебстер.— Я уже забыл про время. Сколько времени прошло, Дженкинс?

— С тех пор, как вы закрыли город? Около десяти тысяч лет.

— А здесь еще кто-нибудь есть?

— Есть, но они спят.

— А роботы? Роботы по-прежнему бдят?

— Роботы по-прежнему бдят.

Вебстер лежал спокойно, и в душе его воцарился покой. Город по-прежнему закрыт, и последние люди спят. Псы развернулись, и роботы бдят.

— Напрасно ты меня разбудил,— сказал он.— Напрасно прервал сон.

— Мне нужно узнать одну вещь. Я знал когда-то, но забыл, а дело совсем простое. Простое, но страшно важное.

Вебстер мысленно рассмеялся.

— Ну что у тебя за дело, Дженкинс?

— Это насчет муравьев,— сказал Дженкинс.— Муравьи, бывало, досаждали людям. Как вы тогда поступали?

— Очень просто, мы их травили,— ответил Вебстер.

Дженкинс ахнул.

— Травили?!

— Ну да,— сказал Вебстер.— Это очень просто. Мы приманивали муравьев на сироп, сладкий сироп. А в сироп был добавлен яд, смертельный яд для муравьев. Но яд добавляли в меру, чтобы не сразу убивал. Он действовал медленно, по-

нимаешь, так что они успевали его донести до муравейника. Таким способом мы убивали сразу много муравьев, а не двух или трех.

В голове Вебстера жужжала тишина... ни мыслей, ни слов.

— Дженкинс,— окликнул он,— Дженкинс, ты...

— Да, Джон Вебстер, я здесь.

— Это все, что тебе надо?

— Да, это все, что мне надо.

— Мне можно снова уснуть?

— Да, Джон Вебстер. Можете снова уснуть.

Стоя на холме, Дженкинс ощутил летящее над краем первое суровое дыхание зимы. Склон спадал к реке черными и серыми штрихами, торчали скелеты оголившихся деревьев.

На северо-востоке возвышался призрачный силуэт, зловещее предзнаменование, нареченное Зданием. Неуклонно растущее порождение муравьиного мозга, и никто, кроме муравьев, даже представить не может, для чего и зачем оно строится.

Но с муравьями можно бороться, есть способ.

Человеческий способ.

Способ, про который Джон Вебстер рассказал ему, проспав десять тысяч лет. Простой и надежный способ, жестокий, но действенный способ. Взять сиропа, сладкого сиропа, чтобы пришелся по вкусу муравьям, и добавить в него яду... Такого яду, чтобы не сразу подействовал.

«Простой способ — яд,— сказал себе Дженкинс.— Простейший способ».

Да только тут нужна химия, а химия псам не известна.

Да только тут нужно убивать, а убийства прекращены.

Даже блох не убивают, а блохи отчаянно донимают псов. Даже муравьев... и муравьи грозят отнять у зверей их родной мир.

Уже пять тысяч лет, если не больше, как не было убийства. Сама мысль об убийстве искоренена из сознания тварей.

«И так-то оно лучше,— сказал себе Дженкинс.— Лучше потерять этот мир, чем снова убивать».

Он медленно повернулся и пошел вниз по склону.

Хомер огорчится.

Страшно огорчится, когда услышит, что вебстеры не знали способа борьбы с муравьями...

Комментарий автора

«Эпилог» — это история, которую я писать не собирался. Будь моя воля, «Город» завершился бы рассказом «Простой способ».

Когда в 1971 году умер Джон У. Кэмпбелл, группа писателей, сотрудничавших с ним в сороковые и пятидесятые годы, решила выпустить в его честь мемориальный сборник. В книгу должны были войти новые произведения, написанные авторами, которые публиковали свои работы в журнале «Эстаундинг», несколько лет назад переименованном в «Аналог». Памятный сборник призван был воссоздать и дух, и внешний вид тогдашнего журнала «Эстаундинг».

Поскольку все рассказы «Города», за одним исключением, впервые появились в журнале «Эстаундинг», издаваемом Кэмпбеллом, Гарри Гаррисон, ответственный редактор мемориального сборника, попросил меня написать еще одну историю из цикла «Город». Просьба привела меня в замешательство. Я считал свою сагу законченным целым и сомневался, что смогу написать девятое предание через двадцать с лишним лет после первых восьми. В конце концов, я теперь уже совсем другой писатель, и у меня мало общего с молодым человеком, придумавшим эти рассказы. Но мне очень хотелось написать историю в память Джона, и я понимал, что если уж писать ее, то нужно писать продолжение «Города». Так появился «Эпилог». Главное действующее лицо в нем — Дженкинс, поскольку из всех созданных мною персонажей только он один и остался. Вебстеры давно уже сошли со сцены.

По-моему, «Эпилог» у меня получился. И все же я не вполне уверен, что «Город» выиграл от такого дополнения. Я, конечно, могу понять желание издателей включить в сборник последний, девятый, рассказ хотя бы ради полноты издания. Что же до меня лично — мне кажется, он вносит в сагу, которую я вообще не собирался трогать, ноту печали и бесповоротности.

Эпилог

Дженкинс шел по лугу пообщаться с луговыми мышками — поиграть с ними, побегать наперегонки по туннелям, проложенным ими в траве. Конечно, это не ахти какое удовольствие. Мыши — глупый народ, бестолковый и бесчувственный. И все же от них исходит какое-то тепло, скорее всего, от их уверенности в собственной безопасности и благополучии — ведь они одни живут на лугу, никто и ничто им не угрожает. Некому угрожать: никого, кроме них, не осталось, если не считать насекомых да червей, которыми питаются мыши.

Раньше, вспомнил Дженкинс, он частенько задумывался о том, почему мыши остались, когда все звери ушли за псами в один из миров гоблинов. Разумеется, они тоже могли уйти. Псы взяли бы их с собой, но мыши не захотели: то ли были вполне довольны жизнью здесь, то ли слишком привязаны к родному миру.

Мыши и я, подумал Дженкинс. Он ведь тоже мог уйти, даже сейчас, было бы желание. Он мог уйти в любую минуту. Но, как и мыши, остался. Не смог бросить усадьбу Вебстеров. Это же все равно что разрезать себя пополам.

Поэтому он остался, и дом Вебстеров по-прежнему стоял. Стоял исключительно благодаря заботе Дженкинса. Он поддерживал в доме чистоту и порядок, тщательно латал прорехи. Когда какой-то камень начинал крошиться, Дженкинс подыскивал ему замену, подгонял по размеру и втискивал на место. Пусть даже поначалу новый камень выглядел чужеродным, время брало свое — время, ветер, солнце, непогода и ползучие мхи да лишайники.

Дженкинс подстригал траву на лужайке, ухаживал за кустами и клумбами, подрезал живую изгородь. На деревянной мебели ни пылинки, полы и стенные панели выскоблены до блеска — усадьба была жива, как прежде. В таком доме не стыдно принять хозяев, с некоторой даже гордостью сказал себе Дженкинс. Если, конечно, кто-то из них когда-нибудь здесь объявится. Правда, надежды на это мало. Вебстеры, улетевшие на Юпитер, перестали быть Вебстерами, а те, что в Женеве, по-прежнему спят. Если только Женева и Вебстеры вообще еще существуют.

Потому что в мире хозяйничают теперь муравьи. Они превратили Землю в одно огромное Здание, по крайней мере, Дженкинс так предполагал, хоть и не знал наверняка. Но насколько он знал, насколько воспринимали его органы чувств (а воспринимали они многое), на Земле ничего не осталось, кроме исполинского и никчемного Здания, построенного муравьями. Хотя считать его никчемным не совсем честно. Просто невозможно узнать, какой цели может служить это Здание. Никто на свете не в состоянии догадаться, что на уме у муравьев.

Муравьи покрыли Зданием весь земной шар, кроме усадьбы Вебстеров, но почему они не тронули усадьбу, оставалось для Дженкинса загадкой. Дом Вебстеров и прилегающие к нему несколько акров земли стали чем-то вроде открытого внутреннего дворика внутри муравьиного здания. Пятимильный круг, в центре которого на холме возвышается дом Вебстеров.

Дженкинс шел в лучах осеннего солнца, осторожно переставляя ноги, чтобы не наступить случайно на мышку. Все его покинули, кроме мышей. А с мышей какой спрос? Вебстеры ушли, ушли псы и другие звери. Роботы тоже ушли — одни давным-давно исчезли в лабиринтах муравьиного Здания, помогая его возводить, другие подались к звездам. Вероятно, они уже достигли места назначения, улетели-то невесть когда. Впервые за много веков Дженкинс попытался определить, как давно это было. И обнаружил, что не знает, а значит, теперь уже никогда не узнает, ибо в один прекрасный момент он стер из своего мозга способность к счету времени. Стер умышленно, решив, что не будет больше вести счет столетиям, поскольку мир застыл без изменений и время потеряло смысл. Позже он сообразил, что на самом деле пытался обрести способность к забвению. Но он ошибся. Забыть ничего не удалось, он помнил все, только воспоминания перемешались и утратили былую последовательность.

Да, остались лишь мыши да он, Дженкинс. Ну и муравьи, естественно, но муравьи не в счет, с ними не пообщаешься. Несмотря на обостренные и разнообразные органы чувств, встроенные в его тело (теперь уже не новое), подаренное ему в далеком прошлом псами на день рождения, Дженкинс не в

состоянии был проникнуть за стены огромного муравьиного Здания и выяснить, что там творится. Хотя нельзя сказать, чтобы он не пытался.

Шагая по лугу, Дженкинс вспоминал тот день, когда ушли последние псы. Они оставались здесь дольше, чем требовали преданность или здравый смысл, и хотя он ласково журил их за это, но воспоминания согревали душу.

Он сидел тогда, греясь на солнце во внутреннем дворике, а псы гуськом взобрались на холм и встали перед ним с видом нашкодивших ребятишек.

— Мы уходим, Дженкинс. Наш мир все сужается и сужается, нам не осталось тут места.

Он кивнул. Он давно уже был готов к этому, удивлялся лишь, чего они тянут.

— А ты, Дженкинс? — спросил пес.

Робот покачал головой.

— Я должен остаться,— сказал он.— Здесь мой дом. Я должен остаться с Вебстерами.

— Но здесь нет больше Вебстеров.

— Они есть. Возможно, для вас их нет. Но для меня... Они живут в стенах этого дома. Живут в деревьях и склонах холма. Эта крыша укрывала их от непогоды, по этой земле они ходили. Они никогда не покинут свой дом.

Глупо звучит, конечно, подумал Дженкинс, но псам, похоже, это не казалось глупым. Они понимали Дженкинса. Много веков прошло, но они все еще понимали.

Он сказал тогда, что Вебстеры все еще здесь. В то время так оно и было. Но теперь он засомневался. Сколько столетий уже не слышно шагов на этой лестнице? Ему по-прежнему слышатся голоса в большой гостиной с камином, но, как ни вглядывайся, там никогда никого не увидишь.

Дженкинс шел лугом в лучах осеннего солнца — и вдруг в миле-другой от него здоровая трещина располосовала стену, окружавшую муравьиное Здание. Трещина зазмеилась, поползла вниз, расширяясь и пуская во все стороны отростки. Куски материала, из которого состояла стена, отваливались, падали и катились по лугу. А потом стена по обе стороны от трещины, словно разом утратив устойчивость, рухнула вниз. Облако пыли взвилось в воздух, и Дженкинс увидел большую рваную дыру.

Сквозь дыру просматривалось массивное здание, подобное высокогорному плато с отдельными, тут и там вздымающимися к небу пиками.

Дыра зияла в стене — и ничего больше не происходило. Оттуда не хлынули полчища муравьев, не выбежали взбудораженные роботы. Словно муравьи не знали, а если и знали, то не обращали внимания, словно им не было дела до того, что их Здание дало трещину.

Надо же — что-то случилось! Эта мысль вызвала у Дженкинса легкое удивление. Наконец-то в мире Вебстеров произошло какое-то событие.

Он пошел вперед, направляясь к дыре,— неторопливо, спешить было некуда. Пыль оседала медленно, от стены то и дело отваливался очередной кусок. Дженкинс перелез через обломки и вошел в Здание.

Внутри было темнее, чем снаружи, но тусклый свет все же просачивался сквозь то, что можно было назвать потолком. Здание не разделялось на этажи, оно беспрепятственно просматривалось вплоть до самого верха — океан воздушного пространства, уходящий ввысь, в парящие под небесами островерхие башни.

Дженкинс застыл от удивления: здание, по крайней мере на первый взгляд, казалось совершенно пустым. Затем он увидел, что это не совсем так. Стены и впрямь были голыми, но пол покрывали какие-то холмики. Приглядевшись, Дженкинс понял, что холмики эти — не что иное, как муравейники, и каждый из них увенчан какой-то странной металлической конструкцией, поблескивающей в полумраке. Холмики крест-накрест пересекали крошечные дороги, но все они выглядели полуразрушенными, кое-где их завалили миниатюрные оползни, избороздившие муравейники. Там и сям торчали дымовые трубы, но дым не курился над ними, и сами трубы где покосились, а где и вовсе попадали.

И ни одного муравья.

Дженкинс осторожно пробирался по проходам, разделяющим муравейники, все дальше углубляясь в Здание. Но муравейники везде были одинаковые: трубы уныло перекошены, дорожки разрушены, и никакого намека на жизнь.

Разобрав наконец, что за конструкция венчает каждый муравейник, Дженкинс — наверное, впервые в жизни — затрясся

от смеха. Если и случалось ему когда-то смеяться, он такого не помнил, так как робот он был серьезный и ответственный. Но сейчас он стоял посреди мертвых муравейников, держась за бока в точности как человек и ощущая, как хохот сотрясает все его туловище.

Потому что конструкция представляла собой скульптуру, изображающую человеческую ногу — от середины бедра и до кончиков пальцев,— согнутую в колене и с оттянутой ступней, словно схваченную в момент, когда она с силой дает кому-то пинка.

Нога Джо! Пинающая нога сумасшедшего мутанта Джо!

Так давно это было, что Дженкинс уже и забыл — он даже немного обрадовался тому, что забыл, что он способен забыть, ведь он был уверен, что ничего не забывает.

Но теперь он вспомнил эту почти легендарную историю, вспомнил с самого начала, хотя уж кто-кто, а он-то знал, что история была вовсе не легендой, а самой настоящей былью. Человек-мутант по имени Джо существовал на самом деле. Интересно, что случилось с мутантами? Внешне ничего особенного вроде как и не случилось. Жили когда-то на Земле мутанты, возможно, их было слишком мало, а потом они куда-то делись, и мир продолжал жить так, будто их никогда и не было.

Впрочем, не совсем так — ведь благодаря Джо появился муравьиный мир. Джо, как гласило предание, экспериментировал с муравейником. Накрыл его куполом, обогрел, сделал, наверное, что-то еще, о чем никто, кроме него, не знает. Он изменил среду обитания муравьев и каким-то странным образом заронил в них искру величия, и со временем они создали разумную цивилизацию, если к муравьям вообще применимо понятие разума. А потом Джо наподдал муравейнику ногой, опрокинул купол, распахал холмик и ушел прочь, заливаясь своим странным, визгливым, почти безумным и таким характерным для него смехом. Разрушил муравейник и забыл о нем. Но своим пинком он подтолкнул муравьев к развитию. Претерпев неожиданный удар, они не вернулись назад к своему прежнему безмозглому существованию, а начали бороться, стараясь сохранить все, чего успели достичь. Как ледниковый период во время плейстоцена подтолкнул эволюцию человеческой расы, так и мутант Джо толчком ноги направил муравьев на путь истинный.

И вдруг размышления Дженкинса прервал отрезвляющий вопрос: как муравьи-то об этом узнали? Как они умудрились почувствовать или увидеть исходивший ниоткуда пинок? Может, какой-то муравьишка-астроном разглядел ногу Джо в телескоп? Да ну, ерунда какая-то, откуда там взяться астроному? Но как-то они все же сумели связать непонятную, расплывчатую субстанцию, на миг зависшую над их домом, с началом собственной цивилизации.

Дженкинс покачал головой. Видимо, тайна сия так и останется тайной. Факт остается фактом: муравьи каким-то образом прознали об истоках своего величия и водрузили на каждом муравейнике символ той загадочной субстанции. Памятник или объект религиозного поклонения? А может, что-то совсем другое, имеющее какой-то таинственный, ни для кого, кроме муравьев, не постижимый смысл?

В голове мелькнула мысль: быть может, муравьи потому и не тронули усадьбу Вебстеров, что знали об источнике своего величия? Но мысль показалась Дженкинсу слишком туманной, чтобы ломать над ней голову.

Он углублялся в Здание все дальше, лавируя в узких проходах между муравейниками и пытаясь разумом нащупать хоть какой-нибудь признак жизни, но ничего не находил. Здесь не осталось ничего живого, ни малейшего проблеска жизни, ни малейшего движения, указывающего на присутствие крошечных существ, которые должны были кишмя кишеть в почве.

Тишина и запустение, царившие кругом, объяли Дженкинса волной ужаса, но он заставил себя продолжить путь. Возможно, если пройти еще немного, картина изменится? А может, стоит крикнуть, попытаться привлечь к себе внимание... Но рассудок говорил ему, что муравьи, даже если они здесь есть, не услышат его крика. И вообще ему как-то не хотелось нарушать безмолвие этого места. Словно он понимал, что здесь положено вести себя тихо и незаметно.

Все кругом мертво.

Даже робот, которого он нашел.

Робот лежал в одном из проходов, приткнувшись спиной к муравейнику. Дженкинс столкнулся с ним, когда огибал

очередной муравьиный холм. Робот безвольно обмяк, если можно сказать так о роботе, и Дженкинс, увидев его, застыл на тропинке как вкопанный. В том, что робот мертв, не было никаких сомнений. Никакого движения жизни не ощущалось под черепом, и Дженкинсу вдруг показалось, что сам шар земной прекратил свое вращение.

Потому что роботы не умирают. Изнашиваются, это да, или ломаются настолько сильно, что уже не поддаются починке, но даже тогда в мозгу продолжает что-то тикать. За свою жизнь Дженкинс ни разу не слыхал об умерших роботах, а он-то уж услышал бы, если б такое приключилось.

Роботы не умирают. Но вот перед ним лежит мертвый робот — и что-то говорило Дженкинсу, что это не единственный покойник, что умерли все роботы, служившие муравьям. Все роботы и все муравьи, а Здание осталось стоять — пустой символ несбывшихся амбиций или же цивилизации, зашедшей в тупик. Где-то муравьи допустили ошибку, но кто в этом виноват? Уж не Джо ли, накрывший муравейник куполом? Может, купол стал для муравьев единственным и конечным смыслом бытия? Может, они решили, что обретут величие, воздвигнув себе купол — необходимое условие для достижения еще большего величия?

Дженкинс повернул обратно. И в ту же минуту высоко над головой треснул потолок. Трещина со скрежетом и скрипом побежала вперед.

Дженкинс вынырнул из дыры и очутился на лугу. За спиной с грохотом обвалилась часть крыши. Он обернулся и увидел, как здание, расползаясь по швам, рушится вниз, как падают обломки на мертвые муравейники, погребая под собой изображения человеческой ноги, венчавшие холмики.

Он медленно побрел через луг наверх, к дому Вебстеров. Добравшись до внутреннего дворика, он заметил, что разрушение муравьиного здания ненадолго приостановилось. Большая часть стены уже обвалилась, огромная дыра зияла в Здании, ранее защищенном стеной.

Этот обычный осенний день, подумалось Дженкинсу, знаменует собой начало конца. Он был свидетелем того, как зарождалась цивилизация, а теперь он наблюдает ее конец. И снова он задал себе вопрос: как же долго она просуществовала? И снова пожалел, но как-то вяло, вскользь, о том, что перестал вести счет времени.

Люди ушли, и псы ушли, и все роботы, кроме него, тоже. А теперь и муравьи ушли. Все покинули Землю, кроме одного неуклюжего старика-робота и маленьких луговых мышек. Может, рыба еще осталась и прочие морские твари? Разум, подумал Дженкинс. Разум давался с трудом и существовал недолго. Придет день, подумал Дженкинс, и новый разум может возникнуть из моря. Но в глубине души он в это не верил.

Муравьи сами себя замуровали. Их мир был закрытым миром. Может, они потерпели крах, потому что им не осталось куда идти? Или их мир был закрытым с самого начала? Муравьи появились на Земле в юрский период, 180 миллионов лет назад, если не раньше. За миллионы лет до появления первобытных предков человека муравьи уже установили определенный общественный порядок. И на этом остановились. То ли их вполне удовлетворял их образ жизни, то ли они неспособны были к развитию? Муравьи обеспечили себе безопасность — и этого им явно хватало и тогда, в юрский период, и миллионы лет спустя. Купол Джо обеспечил муравьям более надежную защиту и позволил им направить усилия на дальнейшее развитие, если, конечно, у них достало бы на это способностей. Способностей-то у них хватило, сказал себе Дженкинс, но старая идея безопасности по-прежнему доминировала. Муравьи оказались не в силах ее перебороть. А может, они и не пробовали с ней бороться и не считали, что должны сбросить ее бремя со своих плеч? Уж не эта ли старая привычная безопасность их и сгубила?

С гулким треском, эхом, прокатившимся до самого горизонта, обвалилась еще одна секция крыши.

Интересно, подумал Дженкинс, к чему могли стремиться муравьи? Ну, обеспечить безопасность, а еще? Может быть, накопить запасы? Заграбастать все земные ценности и припрятать на черный день? В принципе это другая сторона фетиша безопасности. Нечто вроде религии, что ли,— изображения пинающей ноги, водруженные на муравейники, вполне могли быть религиозными символами. И опять все та же безопасность: обеспечение безопасности муравьиной души. Покорение космического пространства? Но муравьи, похоже, по-

корили его: для таких малюсеньких существ шар земной — настоящая Галактика. Они завоевали ее, не подозревая, что за ее пределами лежит еще более безбрежная Галактика. Но даже покорение пространства может быть еще одним средством достижения безопасности.

Да нет, все это чепуха. Он приписывает муравьям человеческий образ мышления и тем самым, наверное, многое упрощает. Не исключено, что муравьиное сознание имеет свою, самобытную закваску, непостижимую направленность и неизвестный этический кодекс, который никогда не был частью — или не мог быть частью — человеческого сознания.

Размышляя об этом, Дженкинс с ужасом понял, что, рисуя портрет муравья, он нарисовал портрет человека.

Он подошел к креслу и уселся, устремив взгляд за луг, к муравьиному Зданию. Здание продолжало валиться внутрь самого себя.

Но человек, вспомнил Дженкинс, оставил после себя кое-что. Псов оставил и роботов тоже. А что оставили после себя муравьи? На первый взгляд вроде бы ничего — хотя как знать?

Человеку этого знать не дано, сказал себе Дженкинс, и роботу не дано, ибо робот тоже человек, пусть не из крови и плоти, но во всех других отношениях. Муравьи создали свою социальную структуру в юрский период или раньше и существовали в ее рамках миллионы лет... Возможно, именно в этом кроется причина их неудачи — они были слишком связаны своей структурой, впечатаны в нее так жестко, что не могли от нее освободиться.

А сам я? — спросил себя Дженкинс. Как насчет меня самого? Я так же неотделим от социальной структуры человечества, как муравьи от муравейника. Конечно, он, Дженкинс, прожил меньше миллиона лет, но все равно прожил долго, слишком долго — если не в самом человеческом обществе, то в воспоминаниях о нем. И жил он так долго благодаря тому, что воспоминания о прошлом давали ему чувство безопасности.

Он сидел не шевелясь, пораженный этой мыслью,— вернее, тем фактом, что позволил себе такую мысль.

— Никогда нам не познать,— сказал он вслух.— Никогда не познать самих себя.

Он откинулся на спинку кресла и подумал о том, насколько нетипично для робота такое занятие — сидеть в кресле. Раньше он никогда не сидел. Видно, человеческое начало в нем дает о себе знать. Он прислонил голову к мягкой спинке и опустил оптические фильтры, чтобы не видеть света. Заснуть, подумал он. Интересно, как себя чувствуешь во сне? А может, робот в муравьином Здании... Да нет, робот был мертв, он не спал. Все пошло наперекосяк, сказал себе Дженкинс. Роботы не спят и не умирают.

До него доносились звуки рушащегося Здания, осенний ветерок шуршал на лугу травой. Дженкинс напрягся, чтобы услышать, как бегают по туннелям мышки, но они затаились. Притихли и выжидали. Он чувствовал, как они замерли в ожидании, инстинктивно подозревая что-то неладное.

И тут до него донесся совершенно чуждый, новый звук — тихий свист, неслыханный, непривычный.

Дженкинс открыл фильтры, резко выпрямил спину и увидел прямо перед собой корабль, приземляющийся на лугу.

Мыши засуетились, забегали, напуганные до смерти, и корабль легко, словно перышко, уселся на траву.

Дженкинс вскочил, направил на корабль все свои органы чувств, но не смог проникнуть сквозь обшивку, как раньше не мог проникнуть в муравьиное Здание, пока оно не начало разрушаться.

Он стоял во внутреннем дворике, совершенно выбитый из колеи появлением корабля. Неудивительно, что это потрясло его так сильно, ведь на Земле давно уже не случалось ничего неожиданного. Дни сливались в один бесконечный день — дни, годы, века, такие однообразные, что различить их не было никакой возможности. Время неспешно катило вперед, подобное полноводной реке без порогов. А сегодня вдруг обвалилось муравьиное Здание и приземлился корабль.

В корабле открылся люк, оттуда высунулся трап. По трапу спустился робот и поспешил через луг к дому Вебстеров. У входа во внутренний дворик он остановился.

— Привет, Дженкинс,— сказал робот.— Я так и знал, что найду тебя здесь.

— Ты ведь Эндрю, верно?

Эндрю хихикнул:

— Стало быть, ты меня не забыл.

— Я ничего не забываю,— сказал Дженкинс.— Ты улетел последним. Ты и еще двое — вы закончили строительство последнего корабля и покинули Землю. Я стоял и смотрел вам вслед. Что вы нашли там, в космосе?

— Ты называл нас дикими роботами. Похоже, ты считал нас чокнутыми.

— Скажем, необычными.

— А что для тебя обычно? Жить в грезах? Жить воспоминаниями? Ты, должно быть, порядком устал от такой жизни.

— Не то чтобы устал...— голос Дженкинса дрогнул.— Эндрю, муравьи потерпели поражение. Они мертвы. Их Здание рушится.

— Стало быть, конец мутанту Джо. И Земле конец. Больше ничего не осталось.

— Остались мыши,— сказал Дженкинс.— И дом Вебстеров.

Он опять вспомнил тот день, когда псы подарили ему на день рождения новенькое, с иголочки, тело. Замечательное тело. Не ржавеет, и кувалдой его не пробьешь, и такая в нем чувствительная начинка, о какой только можно мечтать. Дженкинс до сих пор носил его, и тело было как новое. Стоило лишь чуть-чуть отполировать грудные пластины, как проступала четкая гравировка: «Дженкинсу от Псов».

Он был свидетелем того, как люди улетали на Юпитер, чтобы стать там чем-то большим, нежели человек; как Вебстеры погрузились в Женеве в беспробудный, вечный сон; как псы и другие звери ушли в мир гоблинов и как теперь наконец исчезли с лица Земли муравьи.

Дженкинс поразился, осознав, как много значит для него гибель муравьев. Будто кто-то пришел и поставил последнюю точку в писаной истории Земли.

Мыши, подумал он. Мыши и усадьба Вебстеров. Хватит ли этого, чтобы перевесить корабль на лугу? Воспоминания — осталось от них еще что-нибудь или они уже совсем поблекли? Можно ли сказать, что он отдал все свои долги? Истратил всю свою преданность, всю до последней капельки?

— Там есть другие планеты,— сказал Эндрю.— И жизнь на некоторых встречается, даже разумная. Там есть чем заняться.

Он не может уйти в мир гоблинов вслед за псами. В свое время Вебстеры ушли с дороги, чтобы не мешать псам развиваться самостоятельно, без человеческого вмешательства. Если

так поступили Вебстеры, то ему негоже поступать иначе. В конце концов, он тоже Вебстер. Он не имеет права навязывать псам свое общество, он не должен вмешиваться.

Да, он хотел обрести забвение, отказавшись от счета времени, но потерпел неудачу, ибо роботы не умеют забывать.

Муравьев он всегда считал бессмысленными созданиями. Не любил их, порой даже ненавидел — ведь не захвати они Землю, псы остались бы здесь. Но теперь он понимал, что всякая жизнь имеет смысл.

Конечно, есть еще мыши, но мышей лучше оставить в покое. Они последние теплокровные на Земле, и не следует им мешать. Им никто не нужен, они ничего не хотят, им и так хорошо. Они должны быть предоставлены своей собственной судьбе, и если им суждено так и остаться просто мышами, то ничего дурного в этом нет.

— Мы пролетали мимо,— сказал Эндрю.— Может, никогда больше и не появимся поблизости.

Еще два робота вылезли из корабля и зашагали по лугу. Обвалилась очередная часть стены вместе с крышей. Здесь, на холме, шум падения казался приглушенным, словно Здание рушилось гораздо дальше, чем на самом деле.

Значит, все, что у него осталось,— это усадьба Вебстеров, но усадьба давно уже только символ той жизни, что кипела когда-то под крышей дома. Обыкновенные камни, дерево и металл, и ничего более. Лишь в его сознании, сказал себе Дженкинс, они обретают какое-то значение, чисто психологическое значение.

Загнанный в угол, Дженкинс признал и последнюю горькую истину. Он никому не нужен здесь. Он оставался тут исключительно ради себя самого.

— У нас приготовлено местечко для тебя,— сказал Эндрю,— и ты нам нужен.

Пока жили муравьи, Дженкинс даже не помышлял о том, чтобы оставить Землю. Но муравьев больше нет. Хотя, если честно, какая разница? Он не любил муравьев.

Дженкинс повернулся и слепо, спотыкаясь, побрел из дворика в дом. Стены взывали к нему. И голоса взывали — тени из прошлого. Он стоял и слушал их и вдруг с изумлением заметил, что голоса-то он слышит, но слов уже не разбирает. Когда-то он слышал слова, но теперь они растаяли, как,

наверное, со временем растают и голоса. Дом опустеет, притихнет, а воспоминания совсем поблекнут. Они и сейчас уже не такие живые, как прежде; годы стерли яркие краски.

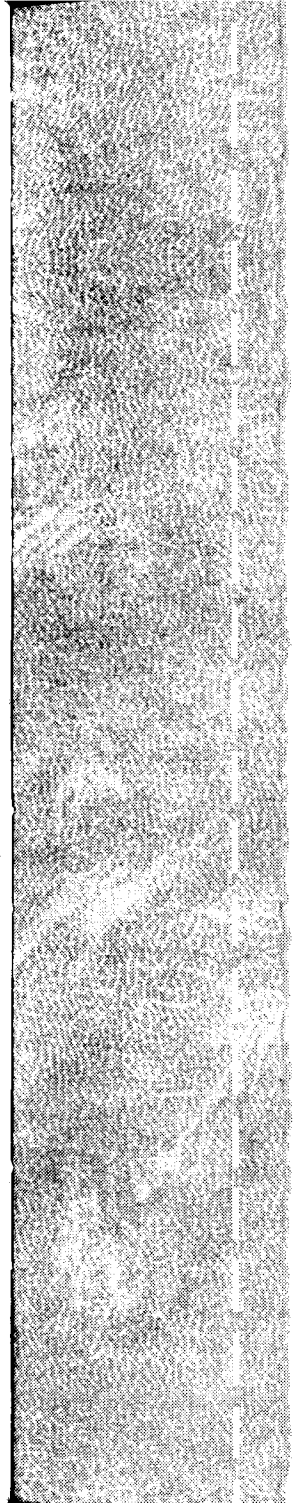
Когда-то здесь царило веселье, ныне же поселилась печаль. И не только печаль опустевшего дома — печаль осиротевшей Земли, печаль поражений и бесплодных побед.

Дерево сгниет с годами, металл рассыплется, камни обратятся в прах. Пройдет время — и дом исчезнет, останется только холм — могильный курган на месте бывшей усадьбы.

Все оттого, что он живет слишком долго, подумал Дженкинс. Слишком долго живет и ничего не забывает. Вот что будет труднее всего: он никогда ничего не сумеет забыть.

Он повернулся, прошел обратно во внутренний дворик. Эндрю ждал его, стоя на нижних ступеньках трапа.

Дженкинс попытался сказать: «До свидания» — и не смог. Если бы только он мог заплакать, подумал он. Но роботы не умеют плакать.

ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ

Глава 1

Грохот стих. Дым, словно тонкие серые пряди тумана, плыл над истерзанным полем, разваленными изгородями и персиковыми деревьями, которые артиллерийский огонь превратил в торчащие из земли щепки. Над огромной равниной, где в порыве застарелой ненависти сошлись в битве непримиримые враги, где совсем недавно люди рубились насмерть, а затем, истощив все силы, отползли назад, на какое-то мгновение воцарилось — нет, не успокоение — безмолвие.

Казалось, целую вечность перекатывался от горизонта до горизонта пушечный гром, взметалась в небо земля, ржали кони, хрипло кричали люди. Свист металла и тупые удары пуль, настигающих жертву, вспышки обжигающего огня, блеск клинков, яркие боевые знамена, реющие на ветру.

А затем все это кончилось и наступила тишина.

Но тишина в этот день и над этой равниной звучала фальшиво, и вот она уже нарушается стонами и криками: кто-то просит воды, кто-то молит о смерти — крики, стоны, призывы о помощи будут звучать под безжалостным летним солнцем еще долгие часы. Позже распростертые фигуры умолкнут и замрут, а над полем поплывет удушливый, тошнотворный запах, и могилы павших будут совсем не глубоки...

Много пшеницы останется неубранной, и не зацветут весной неухоженные сады; а на равнине, плавно поднимающейся к каменистому хребту, останутся несказанные слова, недоделанные дела и набухшие от влаги кучки тряпья, кричащие о бессмысленной расточительности смерти.

Железная Бригада, 5-й Нью-Гемпширский, 1-й Миннесотский, 2-й Массачусетский, 16-й Мэнский — то были славные имена, откликающиеся эхом в туннелях веков.

Еще одно имя — Инек Уоллис.

Он так и держал в мозолистой руке свой разбитый мушкет. Лицо почернело от пороховой гари. Сапоги покрылись коркой спекшейся крови и пыли.

Он все еще был жив.

Глава 2

Доктор Эрвин Хардвик в раздражении перекатывал карандаш между ладонями и оценивающе разглядывал человека, что сидел напротив него.

— Я никак не могу понять,— произнес он,— почему вы пришли именно к нам.

— Ну, вы — это все-таки Национальная академия, и я подумал...

— А вы — разведка.

— Послушайте, доктор, если это устроит вас больше, давайте считать мой визит неофициальным, а меня просто частным лицом. Предположим, я столкнулся с необычной проблемой и зашел узнать, можно ли рассчитывать на вашу помощь.

— Я не против того, чтобы помочь вам, но не вижу, чем могу быть полезен. Все это настолько туманно и гипотетично...

— Но тем не менее,— сказал Клод Льюис,— вы не можете опровергнуть даже те немногие имеющиеся у меня доказательства.

— Ладно,— произнес Хардвик,— давайте начнем все с начала и по порядку. Вы утверждаете, что этот человек...

— Его зовут Инек Уоллис,— сказал Льюис.— По документам ему уже давно перевалило за сто. Он родился на ферме близ небольшого городка Милвилл в штате Висконсин двадцать второго апреля тысяча восемьсот сорокового года. Единственный ребенок в семье Джедедии и Аманды Уоллис. Когда Эйб Линкольн стал собирать добровольцев, Инек Уоллис вступил в армию одним из первых и воевал в Железной Бригаде, которую уничтожили практически целиком у Геттисберга в тысяча восемьсот шестьдесят третьем году. Но Уоллис был переведен в другое подразделение, с которым он сражался в Виргинии под предводительством Гранта до самого конца, до Аппоматтокса...

— Я смотрю, вы не поленились проверить.

— Пришлось разыскивать его документы. Свидетельство о зачислении в армию в архиве законодательного собрания штата

в Мэдисоне. Все остальное, включая запись о демобилизации, здесь, в Вашингтоне.

— Вы говорите, что он выглядит на тридцать?

— От силы на тридцать. Если не моложе.

— Но вы с ним не разговаривали?

Льюис покачал головой.

— Может быть, это не тот человек? Если бы у вас были отпечатки пальцев...

— Во времена Гражданской войны,— сказал Льюис,— до этого еще не додумались.

— Последний из ветеранов Гражданской войны,— произнес Хардвик,— умер несколько лет назад. Если не ошибаюсь, барабанщик из армии южан. Должно быть, тут какая-то ошибка.

Льюис снова покачал головой:

— Поначалу, когда мне поручили это дело, я тоже так думал.

— Кстати, как это вообще произошло? С каких пор разведка занимается подобными делами?

— Должен признать,— ответил Льюис,— случай действительно не совсем обычный. Но тут кроются серьезные перспективы...

— Вы имеете в виду бессмертие?

— И это тоже. Возможность такого явления. Однако тут есть и другие соображения. Сама эта странная история требовала расследования.

— Но при чем здесь разведка?

— Вы, очевидно, думаете, что этим следовало бы заняться какой-нибудь научной группе? — Льюис улыбнулся.— Пожалуй, это было бы логично. Но дело в том, что Уоллиса случайно обнаружил наш человек. Он был в отпуске, гостил у своих родных в штате Висконсин, милях в тридцати от того места, где живет Уоллис. До него дошел слух об этом человеке. Скорее, даже не слух — просто кто-то упомянул о нем в разговоре. После чего наш сотрудник попытался выяснить кое-какие подробности самостоятельно. Ему не очень-то много удалось узнать, но и этих крох хватило, чтобы он заинтересовался.

— Меня вот что удивляет,— сказал Хардвик.— Как мог человек прожить на одном месте сто двадцать четыре года без того, чтобы не прославиться на весь мир? Вы представляете,

какой шум подняли бы газетчики, узнай они о подобном случае?

— При мысли об этом,— сказал Льюис,— меня бросает в дрожь.

— Однако вы не объяснили мне, как ему удалось остаться в безвестности.

— Не так-то просто это объяснить,— ответил Льюис.— Нужно знать те места и людей, которые там живут. Юго-западная часть штата Висконсин ограничена двумя реками: на западе течет Миссисипи, на севере — Висконсин. В глубине территории раскинулись бескрайние прерии: земли там богатейшие, фермеры и города процветают. Но вдоль берегов места холмистые, много оврагов, скал, обрывов, и кое-где образовались совсем уединенные, отрезанные от мира уголки. Дороги в этих районах неважные, на маленьких примитивных фермах живут люди, которые по духу ближе к первым годам освоения этих земель, чем к двадцатому веку. У них, конечно, есть машины, радиоприемники и скоро, видимо, будет телевидение. Но они консервативны по натуре и держатся друг друга — не все, конечно, и даже не то чтобы большая часть, зато это в полной мере относится к тем людям, которые живут в тех забытых богом местах. Когда-то там было немало ферм, но в наши дни едва ли можно заработать что-то, хозяйствуя по старинке, и экономические обстоятельства постепенно вытесняют людей из этих медвежьих углов. Они продают свои фермы за гроши и уезжают. По большей части в города, где еще можно устроиться на работу.

Хардвик кивнул:

— А те, кто остается, как раз наиболее консервативны и не жалуют чужаков.

— Вот именно. Земли в основном перешли к людям, которые не живут там и даже не пытаются делать вид, что используют их для сельскохозяйственных нужд. Иногда пускают на выпас скот — очень небольшие стада,— и на этом дело кончается. Совсем неплохой способ получения скидки с налогов для тех, кому это выгодно. Кроме того, во времена земельных банков им тоже было сдано немало участков.

— Хотите сказать, что эти «лесные жители» — так, что ли, их можно назвать — участвуют в заговоре молчания?

— Не то чтобы они делали это сознательно или намеренно,— сказал Льюис.— Это просто их образ жизни, мораль, унаследованная от старой крепкой философии первопроходцев Запада. Они занимаются своими делами. Им не нравится, когда люди суются в их жизнь, а сами они не лезут в чужую. Если человеку хочется жить тысячу лет, это, может быть, и удивительно, но это его личное дело — черт с ним, пусть живет. И если он хочет жить один, хочет, чтобы его оставили в покое,— это тоже его дело. Они, возможно, обсуждают Уоллиса между собой, но ни в коем случае ни с кем из посторонних. И, скорее всего, им не понравится, если кто-то чужой будет пытаться разговорить их на эту тему. Мне кажется, они уже просто привыкли к тому, что Уоллис остается молодым, хотя их самих годы не щадят. Удивление прошло, и, видимо, даже между собой они не очень-то его обсуждают. Новые поколения принимают это как должное, потому что их родители не видят тут ничего необычного. Да и самого Уоллиса люди встречают редко — ведь он живет очень обособленно. А чуть дальше от тех мест если кто и думал об этом чуде, то скорее как об очередной «утке». Еще, мол, одна байка, выдумка, которая гроша ломаного не стоит. Может, всего лишь шутка, понятная разве что жителям какого-нибудь медвежьего угла вроде Дарк-Холлоу. Как легенда про Рип ван Винкля — легенда, где нет ни слова правды. Скорее всего, люди просто посмеются над человеком, который воспримет эту историю всерьез и попытается в ней разобраться.

— Однако ваш человек заинтересовался.

— Да. И, убей меня бог, не знаю почему.

— Тем не менее ему это дело не поручили.

— Он был нужен в другом месте. Кроме того, его там знали.

— И вы...

— Мне потребовалось два года работы.

— И теперь вы знаете всю его историю.

— Не всю. Надо сказать, теперь вопросов у меня стало еще больше.

— Вы видели его самого?

— Неоднократно,— ответил Льюис.— Но я никогда с ним не разговаривал. И думаю, меня он не видел ни разу. Каждый день, перед тем как забрать почту, Уоллис совершает прогул-

ку, но никогда не уходит далеко от дома. Все, что ему бывает нужно, приносит почтальон: то пакет муки, то фунт бекона, дюжину яиц, иногда спиртное.

— Надо полагать, в нарушение правил почтового ведомства.

— Разумеется. Но почтальоны делали это годами. Всех такая ситуация устраивает — по крайней мере до тех пор, пока кто-нибудь не устроит скандал. Но там скандалов не устраивают. Возможно, кроме почтальонов, Уоллис ни с кем никогда дружеских отношений и не поддерживал.

— Насколько я понял, хозяйством он практически не занимается.

— Совсем не занимается. У него есть небольшой огород, но это все. Земля пришла в полное запустение.

— Но должен же он на что-то жить. Где-то он берет деньги?

— Да,— ответил Льюис.— Раз в пять или десять лет он отсылает одной фирме в Нью-Йорке горсть драгоценных камней.

— Как на это смотрит закон?

— Вы имеете в виду, что они могут быть краденными? Нет, не думаю. Хотя если бы кто-то захотел найти к чему прицепиться, это было бы несложно. Давным-давно, когда Уоллис только начал отправлять им камни, возможно, все было в порядке. Но время шло, законы менялись, и, я подозреваю, теперь и он сам, и покупатель кое-какие из них нарушают.

— Но вы не вмешиваетесь?

— Я проверил фирму,— сказал Льюис,— и они здорово забеспокоились. Прежде всего потому, что все эти годы безбожно обдирали Уоллиса. Но я сказал им, чтобы они покупали, как и раньше. А если кто-то еще будет их проверять, чтобы сразу отсылали этих людей ко мне. Короче, посоветовал им держать язык за зубами и ничего не менять.

— Вы не хотите, чтобы кто-нибудь его спугнул? — спросил Хардвик.

— Совершенно верно. Мне нужно, чтобы почтальон по-прежнему продолжал доставлять продукты, а нью-йоркская фирма по-прежнему покупала у него драгоценные камни. Я хочу, чтобы все оставалось как есть. И если вы спросите меня, откуда берутся эти камни, я сразу вам скажу: не знаю.

— Может быть, у него там свой прииск?

— Хорош прииск. Алмазы, изумруды и рубины — все в одном и том же месте?

— Надо полагать, что даже при тех ценах, по каким с ним рассчитывались, Уоллис получает неплохой доход.

Льюис кивнул:

— Видимо, он посылает им новую партию, только когда кончаются деньги. А денег Уоллис тратит не так уж много, поскольку живет довольно просто, если судить хотя бы по тем продуктам, что он закупает. Правда, он выписывает множество газет, еженедельников и более десятка научных журналов. Кроме того, заказывает по почте много книг.

— Технических?

— Отчасти — да, но большинство из них — просто популярные издания, которые держат читателя в курсе последних достижений науки. Физика, химия, биология и все такое прочее.

— Но я не...

— Вот именно. Я тоже. Он вовсе не ученый. По крайней мере, настоящего образования Уоллис не получил. В те далекие годы, когда он ходил в школу, не очень-то многому там учили — сейчас, во всяком случае, естественнонаучным дисциплинам уделяется гораздо больше внимания. Кроме того, все, что он мог тогда узнать, давно уже обесценилось. Уоллис посещал начальную школу — типичную для тех времен школу, где все занимались в одной комнате,— а затем провел зиму в так называемой «академии», что просуществовала год или два в городке Милвилл. Если вы в курсе, могу сообщить, что для пятидесятых годов прошлого века это относительно высокий уровень образования. Так что он наверняка был очень способным юношей.

Хардвик покачал головой:

— Невероятно! Вы все это проверили?

— Насколько было возможно. Приходилось действовать очень осторожно. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь догадался о том, что меня интересует на самом деле. Да, забыл упомянуть: Уоллис много пишет. Он покупает толстые тетради для дневниковых записей дюжинами. И чернила — пинтами.

Хардвик поднялся из-за стола и прошелся по комнате.

— Льюис,— произнес он,— если бы вы не предъявили мне свои документы и если бы я не проверил их подлинность,

честно говоря, я бы решил, что все это просто бездарный розыгрыш.

Он вернулся к столу и сел, потом взял карандаш и снова принялся перекатывать его между ладонями.

— Вы занимаетесь этим делом уже два года. У вас есть какие-нибудь предположения?

— Никаких,— ответил Льюис.— Я в полном недоумении. Именно поэтому я здесь.

— Расскажите мне, что вы знаете о нем еще. Я имею в виду — о его жизни после войны.

— Его мать умерла, когда Уоллис был в армии. Отец с соседями похоронили ее там же, на ферме. В те годы многие так поступали. Молодой Уоллис получил отпуск, но слишком поздно: на похороны он не успел. Никакого замораживания попросту не было, а дорога отнимала много времени. Потом он вернулся в действующие войска. Отец Уоллиса остался холостяком, в одиночку работал на ферме и жил в достатке. По тем сведениям, что мне удалось собрать, он был хорошим фермером, даже исключительно хорошим для своего времени. Выписывал кое-какие сельскохозяйственные журналы и вводил у себя всякие новшества. Уже тогда он использовал севооборот и боролся с эрозией почвы. По современным стандартам это была не бог весть какая ферма, но жил он с нее совсем неплохо и даже сумел кое-что отложить. Затем с войны вернулся Инек, и они больше года работали на ферме вместе. Старый Уоллис купил косилку для лошадиной тяги — этакая цилиндрическая конструкция с острыми длинными резаками, чтобы убирать сено и зерновые. Весьма прогрессивный шаг по тем временам. Вручную за такой штукой и не угонишься. Но однажды хозяин отправился на косьбу и лошадей что-то испугало: они рва ли, и старого Уоллиса бросило вперед, прямо под косилку. Далеко не самый лучший способ уйти из жизни...

Хардвик передернулся и пробормотал:

— Ужасно...

— Инек нашел отца и перенес его тело в дом. Затем взял ружье и пошел искать лошадей. Отыскал их в дальнем конце пастбища, пристрелил на месте да там и оставил. Это действительно так и произошло. Долгие годы на пастбище лежали два лошадиных скелета, запряженные в косилку,— до тех пор,

пока не сгнила сбруя. Инек вернулся домой и занялся приготовлениями к похоронам. Обмыл отца, одел его в выходной черный костюм и положил на стол, потом сколотил в сарае гроб. Могилу он выкопал рядом с могилой матери. Закончил уже при свете фонаря и всю ночь просидел возле отца. Когда наступило утро, он отправился к ближайшему соседу, тот сообщил другим соседям, и кто-то позвал священника. Под вечер состоялись похороны, и Инек вернулся домой. С тех пор он там и жил, но никогда больше не возделывал землю. Только огород, и все.

— Вы говорили, что эти люди не любят разговаривать с чужаками, однако вам удалось узнать много подробностей.

— У меня ушло на это два года. Я, можно сказать, внедрился к ним. Купил побитую машину и, остановившись в Милвилле, пустил слух, что ищу женьшень.

— Что ищете?

— Женьшень. Это такое растение.

— Я знаю. Но на него уже долгие годы нет спроса.

— Ну, небольшой спрос все-таки есть. Время от времени женьшень скупают экспортеры. Но я собирал и другие лекарственные травы и вообще делал вид, что хорошо знаю народную медицину. Впрочем, «делал вид» — не совсем те слова: за два года я это дело неплохо освоил.

— Понятно, этакая простая душа,— сказал Хардвик,— тамошние таких понимают. Чудак, мол, травы какие-то ищет — это в наше-то время. Да и безобидный совсем. Может, даже немного чокнутый.

Льюис кивнул:

— Да, вышло даже лучше, чем я предполагал. Я просто шатался по окрестностям, и иногда люди со мной разговаривали. Мне, кстати, и женьшень удалось найти, правда немного. Особенно я подружился там с одной семьей, с Фишерами. Они живут ниже по реке, а ферма Уоллиса стоит на возвышенности у крутого берега. Причем живут они там почти столько же, сколько Уоллисы, но занимаются совсем другими делами. Фишеры всегда охотились на енотов, ловили рыбу-зубатку и гнали самогон. В моем лице они, видимо, нашли родственную душу. Я был столь же беспечен и склонен к безделью, как они сами. Я им даже помогал с самогоном: и гнать помогал, и пить, а пару раз и продавать. Ходил с ними ловить рыбу, охотился, разговоры разговаривал, и они показали мне

несколько мест, где искать женьшень — «шань», как они его называют. Наверное, для социологов эта семейка — золотое дно. У Фишеров есть дочь — глухонемая, но очень хорошенькая,— так вот, она умеет заговаривать бородавки..

— Мне это все очень знакомо,— отозвался Хардвик.— Я сам родился и вырос в горах на юге.

— Они-то и рассказали мне про сенокосилку. Я выбрал денек, отправился в дальний конец пастбища Уоллисов и произвел кое-какие раскопки. Нашел лошадиный череп и кости.

— Но тут вряд ли докажешь, что это лошади Уоллиса.

— Пожалуй,— согласился Льюис.— Однако я нашел еще и обломки косилки. Осталось от нее не так много, но определить, что это такое, все же можно.

— Давайте вернемся к истории Уоллиса,— предложил Хардвик.— После смерти отца он остался на ферме. И никогда ее не покидал?

Льюис покачал головой:

— Инек живет в том же самом доме. Там абсолютно ничего не изменилось. И похоже, дом состарился ничуть не больше, чем его хозяин.

— Вам удалось побывать в доме?

— В доме — нет. Только возле дома. Сейчас я и об этом расскажу.

Глава 3

В его распоряжении был час. Льюис знал это совершенно точно: последние десять дней он следил за Уоллисом с хронометром в руках, и от момента, когда тот выходил из дома, до возвращения с почтой почти каждый раз получалось около часа. Иногда чуть больше, когда почтальон опаздывал или они останавливались поговорить. Но час, говорил себе Льюис,— это все, на что он может твердо рассчитывать.

Уоллис скрылся за холмом, направляясь к каменистой гряде, что поднималась над отвесным берегом реки Висконсин. Там он, зажав винтовку под рукой, заберется на скалу и остановится, задумчиво глядя на дикую долину реки. Затем спустится по камням вниз и пойдет по лесной тропе, вдоль которой в положенное время года цветут розовые башмачки. А оттуда — снова вверх по холму, к роднику, что выбивается из земли чуть ниже старого поля, не паханного, может, уже сотню лет, потом дальше, до почти заросшей дороги, и вниз к почтовому ящику.

За те десять дней, что Льюис наблюдал за ним, его маршрут не менялся ни разу. Возможно, он не менялся годами. Уоллис никогда не торопился. Прогуливался он с таким видом, словно времени у него было хоть отбавляй. Останавливался по пути, чтобы пообщаться со своими давними знакомыми — с деревом, с белкой, с цветком. Выглядел Уоллис крепким, здоровым, да и во всей его повадке еще чувствовался бывалый солдат — старые привычки и маленькие хитрости, оставшиеся с тех суровых лет, что он провел в боях под началом многих полководцев. Подняв голову и расправив плечи, Уоллис всегда двигался легкой походкой человека, познавшего в свое время долгие изнурительные переходы.

Льюис выбрался из своего укрытия за густой завесой ветвей деревьев, которые когда-то давно были садом: на кривых, узловатых, серых от старости ветвях кое-где еще родились крохотные кислые яблоки.

Остановившись у края зарослей, он окинул взглядом жилище Уоллиса, стоящее на вершине холма, и на мгновение ему показалось, что дом освещен каким-то особым сиянием, словно некий чистейший концентрат солнечного света преодолел разделяющую два небесных тела бездну и пролился только на один этот дом, чтобы выделить его среди всех других домов мира. Залитый солнечным сиянием, дом казался неземным, словно он и в самом деле был каким-то необыкновенным. Но затем это сияние исчезло — как будто оно просто привиделось,— и дом снова вернулся в освещенный привычным солнечным светом мир лесов и полей.

Льюис потряс головой, уверяя себя, что это просто игра воображения или оптический обман. Потому что особого солнечного света не бывает и этот дом — самый обыкновенный дом, хотя он и прекрасно сохранился.

Такой дом в наши дни нечасто увидишь. Прямоугольное, длинное, узкое строение с высокой крышей и старомодными резными карнизами. Какая-то в нем чувствовалась суровость, не имеющая ничего общего с возрастом: таким он, видимо, был уже в тот день, когда его закончили строить. Простой, суровый, крепкий дом, под стать людям, которые в нем жили.

Однако же, несмотря на эту вековую суровость, аккуратный и ухоженный: везде ровная, неободранная краска; ни малейшего намека, что где-то что-то подгнило; и даже непогода не оставила на нем своей печати.

С одной стороны от дома стояла пристройка, скорее даже просто сарай, и выглядел он тут совсем не на месте, словно его привезли откуда-то целиком и приставили к стене, закрыв боковую дверь. Может быть, дверь, ведущую на кухню, подумал Льюис. Сарай, без сомнения, использовался для того, чтобы вешать там плащи и куртки, оставлять калоши и сапоги; наверняка есть там скамьи для ведер и молочных бидонов и стоит плетеная корзина для сбора яиц. Над крышей сарая торчала невысокая печная труба.

Льюис приблизился к дому, обогнул пристройку и увидел, что дверь туда приоткрыта. Он поднялся по ступенькам, открыл дверь пошире и застыл в изумлении.

Это был не просто сарай. Судя по всему, именно тут Уоллис и жил.

В одном углу стояла печь, от которой уходила под крышу труба. Обыкновенная древняя печь, размерами немного меньше, чем старомодные кухонные плиты; на печи — кофейник, кастрюля и сковорода. На крюках, прибитых к доске за печкой, висела другая кухонная утварь. Напротив — полуторная кровать на четырех ножках, покрытая пестрым одеялом с орнаментом из множества цветных лоскутков, вроде тех, что были популярны у хозяек лет сто назад. В другом углу стояли стол и стул, над столом в небольшом открытом стенном шкафчике — тарелки. Керосиновая лампа на столе — старая, обшарпанная, но стекло чистое, словно его вымыли и отполировали сегодня утром.

Однако никакой двери, ведущей из сарая в дом, и никаких признаков, что она тут когда-то была. Просто ровная, обшитая дощечками стена дома, где полагалось быть четвертой стене пристройки.

Невероятно, сказал себе Льюис, как это — нет двери? И почему Уоллис живет здесь, в этом сарае, а не в самом доме? Возможно, есть какая-то причина, по которой он не живет там, но тем не менее остается поблизости. Может быть, Уоллис всю жизнь несет за что-то покаяние, словно средневековый отшельник, поселившись в лесной хижине или в пещере где-нибудь в пустыне.

Льюис стоял посреди помещения и оглядывался вокруг, надеясь, что ему удастся обнаружить какую-то зацепку, ключ к пониманию этой необычной ситуации. Но в сарае не было абсолютно ничего, помимо самых элементарных, необходимых для жизни вещей: печи, чтобы готовить пищу и обогревать жилище, кровати, чтобы спать, стола, на котором есть, лампы для освещения. Ни даже лишней шляпы (хотя, если подумать, Уоллис вообще не носил шляп) или лишней куртки.

Ни журналов, ни бумаг, хотя Уоллис никогда не возвращался от почтового ящика с пустыми руками. Он выписывал «Нью-Йорк таймс», «Уолл-стрит джорнэл», «Крисчен сайенс монитор», «Вашингтон стар» и еще множество научных и технических журналов. Но в сарае не было ни журналов, ни книг, что он покупал. Ни, если на то пошло, толстых дневников. Там вообще не было ничего, на чем можно писать.

Возможно, сказал себе Льюис, этот сарай не больше чем маскировка, место, которое по совершенно неизвестной причине Уоллис тщательно обставил, чтобы создалось впечатление, будто он именно здесь и живет. Не исключено, что на самом деле он живет в доме. Но если дело действительно обстоит так, то зачем этот маскарад — не очень, кстати, убедительный?

Льюис повернулся к двери и вышел из сарая. Обогнул дом и приблизился к крыльцу. На первой ступеньке он остановился и осмотрелся. Кругом стояла тишина. Солнце взобралось уже высоко, день обещал быть теплым, и весь этот уединенный уголок земли словно успокоился и затих в ожидании полуденной жары.

Взглянув на часы и убедившись, что у него есть еще сорок минут, Льюис поднялся по ступенькам, взялся за круглую дверную ручку и повернул — но она не повернулась, лишь скользнули по ней обхватившие ее пальцы.

Льюис удивился, попробовал еще раз, и снова у него ничего не получилось. Как будто дверная ручка была покрыта чем-то твердым и скользким, словно пленкой льда, по которой пальцы скользили, не оказывая на ручку никакого давления.

Он наклонился, стараясь разглядеть, есть ли там какое-нибудь покрытие, однако ничего не обнаружил. Ручка выглядела совершенно нормально, даже, может быть, слишком нормально. Она была такая чистая, словно кто-то совсем недавно

протер ее и отполировал: ни пыли, ни оставленных непогодой отметин или пятен ржавчины.

Льюис попробовал царапнуть ее ногтем, однако ноготь скользнул, не оставив на ней никакого следа. Он провел рукой по поверхности двери — дерево оказалось таким же скользким. Ладонь совсем не чувствовала трения, как будто дверь намазали маслом. Однако никакой смазки там не было. Вообще не было ничего, что объясняло бы это непонятное скольжение.

Льюис отошел от двери и потрогал обшитую досками стену — стена была тоже скользкая. Он провел по ней сначала ладонью, затем ногтем — результат тот же. Весь дом, казалось, покрыт чем-то скользким и гладким, настолько гладким, что даже пыль не садилась на его поверхность и непогода не оставляла на нем никаких следов.

Льюис подошел к окну и только тут заметил странность, которую не заметил раньше, и понял, отчего дом производил такое суровое впечатление. Все окна были черными. Ни занавесок, ни штор, ни жалюзи — просто черные прямоугольники, похожие на пустые глазницы голого черепа здания.

Он приник к стеклу, закрывшись с обеих сторон ладонями от света, но все равно ничего не разглядел за окном. Перед глазами застыл черный омут, и, что странно, в этой черноте ничего не отражалось. Не отражалось даже его лицо. Ничего, кроме черноты, словно свет падал на стекло и тут же поглощался, всасывался и оставался там навсегда. Ни единого отблеска.

Льюис спустился с крыльца и медленно обошел вокруг дома, внимательно его разглядывая. Все окна до единого — те же черные прямоугольники, впитывающие свет без остатка, все стены такие же скользкие и твердые, как возле крыльца.

Он ударил по стене кулаком — все равно что скала. Обследовав каменный фундамент, Льюис убедился, что и там все гладко и скользко. Раствор между камнями лежал неровно, да и в самих камнях были трещины, но рука не чувствовала никаких шероховатостей.

Что-то невидимое покрывало камень — ровно настолько, чтобы заполнить щербины и неровности. Но что это, он не понимал. Казалось, оно было бесплотно.

Выпрямившись, Льюис взглянул на часы. В его распоряжении оставалось всего десять минут. Пора уходить.

Он спустился по холму к старому заброшенному саду и уже под деревьями остановился, чтобы взглянуть на жилище Уоллиса еще раз. Теперь дом выглядел иначе. Теперь это было не просто здание. В его ожившем облике появилось что-то насмешливое, даже издевательское, как будто внутри дома зрело, готовое вот-вот вырваться наружу, зловещее хихиканье.

Льюис поднырнул под низкие ветки и двинулся через сад, пробираясь между деревьями. Тропинки там, конечно, не было, а трава и сорняки вымахали выше колен. Он снова пригнулся, потом обошел дерево, которое много лет назад вырвало с корнем во время бури.

Время от времени он протягивал руку и срывал яблоки — мелкие горькие дички,— откусывал кусочек и тут же выбрасывал; ни одного съедобного среди них так и не нашлось, словно они всосали из заброшенной земли горечь запустения.

В дальнем конце сада Льюис наткнулся на забор, поставленный вокруг могил. Здесь трава разрослась не так сильно, а на заборе можно было заметить следы недавнего ремонта. В изножье каждой могилы, напротив трех простых надгробий из местного известняка, росло по кусту пионов — большие, разросшиеся кусты, посаженные, видимо, много лет назад. Поняв, что он наткнулся на семейное кладбище Уоллисов, Льюис остановился у ветхой изгороди.

Но тут должно быть только два надгробных камня. Откуда взялся третий?

Он двинулся вдоль изгороди к осевшей калитке, прошел внутрь и остановился у могил, читая надписи на надгробьях. Угловатые, неровные буквы свидетельствовали о том, что надписи сделаны неопытной рукой. Тут не было ни сентиментальных фраз, ни стихотворных строк, ни изображений ангелов, ягнят или других символических образов, характерных для шестидесятых годов прошлого века,— только имена и даты.

На первом камне: Аманда Уоллис, 1821–1863.

На втором: Джедедия Уоллис, 1816–1866.

А на третьем...

Глава 4

— Дайте мне, пожалуйста, карандаш,— сказал Льюис.

Хардвик перестал катать его между ладонями и протянул Льюису.

— Лист бумаги? — спросил он.

— Да, если можно.

Льюис склонился над столом, и карандаш быстро забегал по бумаге.

— Вот,— произнес он, передавая лист Хардвику.

— Это какая-то бессмыслица,— сказал тот, сдвинув брови.— Кроме вот этого символа внизу.

— Восьмерка, лежащая на боку. Я знаю. Символ бесконечности.

— А все остальное?..

— Не имею понятия,— ответил Льюис.— Так начертано на надгробье. Я просто скопировал.

— И теперь знаете на память?

— Ничего удивительного, если учесть, сколько времени я провел, пытаясь понять, что это такое.

— Никогда в жизни не видел ничего подобного,— сказал Хардвик.— Впрочем, я не специалист и в таких вещах ничего не смыслю.

— Пусть вас это не смущает. Об этих символах никто не имеет ни малейшего понятия. Тут нет никакого сходства, даже отдаленного, с каким-то языком или с известными нам письменами. Я консультировался со специалистами. Опросил с десяток ученых. Говорил им, что обнаружил эту надпись на скале, и, думаю, большинство из них решили, что я чокнутый фанатик. Вроде тех людей, которые постоянно пытаются доказать, что в доколумбову эпоху в Америке были поселения римлян, финикийцев, ирландцев или еще что-нибудь в таком же духе.

Хардвик положил лист на стол.

— Я понимаю, что вы имели в виду, когда сказали, что сейчас у вас вопросов стало больше, чем вначале. Тут и молодой человек, которому больше ста лет, и гладкий, скользкий дом, и третье надгробье с непостижимой надписью. Вы ни разу не говорили с Уоллисом?

— С ним никто не говорил. Кроме почтальона. Когда Уоллис выходит на свою ежедневную прогулку, он берет с собой ружье.

— И что, люди боятся заговаривать с ним?

— Вы имеете в виду, из-за ружья?

— Да, пожалуй. Почему он всегда при оружии?

Льюис покачал головой:

— Не знаю. Я пытался найти этому какое-то объяснение, понять, почему он всегда берет с собой ружье. Насколько мне известно, он не сделал из него ни одного выстрела. Однако я не думаю, что местные жители не вступают с ним в разговоры, потому что он вооружен. Уоллис для них — анахронизм, нечто из прошлого века. Я уверен, его никто не боится. Он слишком долго жил там. Слишком привычен. Он просто часть этих мест — такой же привычный, как деревья или скалы. Но при этом особого расположения к нему тоже никто не испытывает. Подозреваю, что, встретившись с ним лицом к лицу, большинство местных жителей будут чувствовать себя не очень уютно. Он не такой, как все,— нечто большее и одновременно нечто меньшее. Как человек, утративший свое человеческое естество. Я думаю, втайне многие соседи даже слегка стыдятся его, потому что он каким-то образом, может быть невольно, обошел стороной старость — одно из наших наказаний, но в то же время и одно из неотъемлемых прав человека. Может быть, этот затаенный стыд в какой-то степени объясняет и их нежелание рассказывать об Уоллисе.

— Вы наблюдали за ним долго?

— Поначалу — да. Но теперь у меня группа. Мои сотрудники следят за ним посменно. У нас больше десятка наблюдательных постов, и их мы тоже периодически меняем. Но каждый день и каждый час дом Уоллиса находится под наблюдением.

— Я смотрю, вас эта ситуация заинтересовала всерьез.

— И не без оснований,— ответил Льюис.— Я хочу показать вам еще кое-что.

Он наклонился, поднял кейс, стоявший у кресла, раскрыл его и, достав пачку фотографий, передал их Хардвику.

— Что вы на это скажете?

Хардвик взял фотографии. И внезапно застыл. Лицо его побледнело, руки затряслись. Затем он принялся аккуратно раскладывать фотографии на столе, но взгляд его удерживала первая — та, что лежала сверху. Льюис увидел в его глазах вопрос и сказал:

— В могиле. В той самой, где надгробье с непонятными закорючками.

Глава 5

Аппарат связи пронзительно засвистел. Инек Уоллис отложил дневник и встал из-за стола. Прошел через комнату к аппарату, нажал кнопку и вставил ключ. Свист прекратился.

Из аппарата донеслось гудение, и на экране появились слова — сначала едва различимые, но с каждой секундой все более отчетливые:

«Номер 406301 станции 18327. Путешественник в 16 097.38. Житель планеты Тубан-VI. Багажа нет. Жидкостный контейнер номер 3. Смесь 27. Отправление на станцию 12892 в 16 439.16. Прошу подтверждения».

Инек взглянул на большой галактический хронометр, закрепленный на стене. До прибытия гостя оставалось еще три часа.

Он коснулся другой кнопки, и из щели на боку аппарата выполз тонкий металлический лист с текстом сообщения. Дубликат автоматически поступил в архив. Послышался щелчок, и экран опустел до следующего послания.

Инек вытащил металлическую пластинку с двумя дырочками и подколол в досье, затем опустил руки на клавиатуру и напечатал:

«Номер 406301 получен. Подтверждение готовности в ближайшее время».

Текст высветился на экране, и Инек не стал его стирать.

Тубан-VI? Интересно, кто-нибудь оттуда уже бывал здесь? Уоллис решил, что, закончив дела, непременно заглянет в картотеку и проверит.

Путешественнику требовался жидкостный контейнер, и такие гости, как правило, оказывались наименее интересными. Завязать с ними разговор удавалось далеко не всегда, поскольку их языковые концепции часто вызывали слишком много трудностей для понимания. А нередко и сами мыслительные процессы этих существ столь значительно отличались от человеческих, что с ними невозможно было найти точки соприкосновения.

Хотя так случалось не всегда. Уоллис вспомнил, как несколько лет назад к нему попал такой вот обитатель жидкой среды откуда-то из созвездия Гидры (или Гиад?), с которым они проговорили всю ночь, и так было интересно, что Инек

едва не пропустил время отправки гостя на станцию назначения. Это довольно путаное общение (едва ли его можно было назвать беседой) продолжалось всего несколько часов, но оставило у него ощущение товарищеской, даже братской близости.

Он, а может быть, она или оно, поскольку у них как-то не возникло необходимости прояснить этот вопрос, больше на станции не появлялся. Впрочем, так случалось часто. Очень немногие из гостей останавливались на его станции на обратном пути. Большинство из них просто следовали к своей цели.

Но он (она или оно) остался в его записях. Черным по белому. Как и все остальные. Черным по белому. Ему потребовался, вспоминал Уоллис, почти весь следующий день, чтобы, сгорбившись за столом, описать услышанное: все рассказанные истории, все впечатления о далеких, прекрасных и манящих планетах (манящих, потому что так много было там непонятного), все тепло товарищеских отношений, возникших между ним и этим странным, уродливым по земным меркам существом с другой планеты. И теперь в любой день по желанию он мог вытащить из длинного ряда стоящих на полке дневников тот самый и вновь пережить памятную ночь. Хотя он ни разу этого не делал. Странно, отчего-то ему всегда не хватает времени — или кажется, что не хватает,— на то, чтобы перелистать или перечитать хоть что-то из записанного за долгие годы...

Он отвернулся от аппарата связи и подкатил жидкостный контейнер номер три под материализатор, установил его точно на место и закрепил. Затем вытянул из стены шланг, нажал на селекторе кнопку номер 27 и заполнил контейнер. Шланг, когда он его отпустил, сам уполз обратно в стену.

Уоллис вернулся к клавиатуре, убрал текст с экрана и послал подтверждение о полной готовности к приему путешественника с Тубана, в свою очередь получил двойное подтверждение с центральной станции и перевел аппарат в состояние готовности для новых сообщений.

Затем прошел к картотечному шкафу, расположенному у письменного стола, и вытянул ящик, заполненный карточками. Действительно: Тубан-VI. И число: 22 августа 1931 года. Инек прошел через комнату к стене, от пола до потолка заставленной полками с книгами, журналами, его дневниками, и, выбрав нужную тетрадь, вернулся к столу.

22 августа 1931 года, как он обнаружил, открыв соответствующую страницу, выдалось совсем мало работы: всего один путешественник с Тубана-VI. И хотя записи о том дне занимали целую страницу, исписанную его мелким неразборчивым почерком, гостю он посвятил всего один абзац:

«Сегодня прибыл сгусток с Тубана-VI. По-другому, пожалуй, и не скажешь. Просто масса живой материи, и эта масса меняла форму, то превращаясь в шар, то растекаясь по дну контейнера, словно блин. Потом она сжималась, втягивая края внутрь, и снова превращалась в шар... Перемены происходили медленно, и в них был заметен определенный ритм, но только в том смысле, что они повторялись. По времени каждый цикл отличается от предыдущего. Я пробовал хронометрировать их, но не смог установить четкой периодичности. Самое короткое время до полного завершения цикла составило семь минут, самое долгое — восемнадцать. Может быть, за более длительный срок можно было бы уловить повторяемость и по времени, но у меня не хватило терпения. Семантический транслятор не сработал, но существо издало несколько резких щелчков — как будто хлопнуло клешнями, хотя никаких клешней я у него не заметил. И только проверив по пазимологическому справочнику, я понял смысл этого обращения. Гость сообщал, что с ним все в порядке, что внимания ему не требуется и что он просит не беспокоить его. Я так и поступил».

В конце абзаца на оставшемся пустом месте было приписано: «Смотри 16 октября 1931 года».

Инек перелистнул несколько страниц и добрался до 16 октября. До одного из тех дней, когда Улисс прибыл на станцию с инспекторской проверкой.

Разумеется, его звали не Улисс. И, строго говоря, у него вообще не было имени. У его народа просто не возникало необходимости в именах, поскольку они выработали иную идентификационную терминологию, гораздо более выразительную. Однако эта терминология и даже ее общая концепция были настолько сложны для человека, что ни понять, ни тем более использовать ее Уоллис не мог.

— Я буду звать тебя Улисс,— сказал он ему, когда они встретились впервые.— Должен же я как-то тебя называть.

— Согласен,— ответило незнакомое существо (тогда еще незнакомое, но вскоре ставшее другом).— Но могу ли я спросить, почему ты выбрал имя Улисс?

— Потому что это имя великого человека моей расы.

— Я рад, что ты выбрал такое имя,— произнесло существо, только что получившее крещение.— Оно звучит, как мне кажется, возвышенно и благородно. Между нами говоря, я буду счастлив носить это имя. А тебя я буду звать Инек, поскольку нам предстоит работать вместе много-много твоих лет.

И действительно, прошло много-много лет, подумал Инек, стоя с открытым дневником в руках и глядя на запись, сделанную несколько десятилетий назад. Десятилетий, удивительно обогативших его, оставивших такой след в душе, что это и представить себе невозможно было до тех пор, пока он их не прожил.

И все это будет продолжаться. Гораздо дольше, чем тот небольшой отрезок времени, что уже прожит. Века, а может быть, целое тысячелетие. Чего он только не узнает к концу этого тысячелетия!

Хотя, думалось Инеку, может быть, знания — не самое главное.

К тому же он понимал, что прежнее положение долго не сохранится, поскольку теперь ему могут помешать. В окрестностях появились наблюдатели или по крайней мере один наблюдатель. Вполне возможно, что скоро они начнут сжимать кольцо поисков. Пока Уоллис не имел ни малейшего понятия, что делать и как готовиться к надвигающейся опасности. Но рано или поздно это должно было случиться, и, во всяком случае внутренне, он уже приготовился... Странно только, что этого не произошло раньше.

О такой опасности Инек рассказал Улиссу еще в тот день, когда они встретились впервые. И теперь, размышляя о своих проблемах, он снова вспоминал события многолетней давности — прошлое вставало перед его внутренним взором с такой ясностью, словно все это случилось только вчера.

Глава 6

Инек сидел на ступеньках крыльца. Вечерело. Над далекими холмами в штате Айова, за рекой, собирались грозовые тучи. День был жаркий, душный, ни дуновения ветерка. У сарая вяло ковырялись в земле несколько кур — скорее, наверное,

по привычке, чем в надежде найти что-нибудь съедобное. Стайка воробьев то срывалась вдруг с крыши амбара и неслась к кустам жимолости, что у поля за дорогой, то летела обратно, и крылья их сухо потрескивали, словно от жары перья стали жесткими и твердыми.

Вот сижу, думал Инек, и гляжу на тучи, а ведь еще столько работы: и поле кукурузное надо перепахать, и убрать сено, и скопнить пшеницу...

Но что бы там ни случилось, как бы тяжело ему ни было, надо жить дальше и по возможности с толком. Это станет ему уроком, напоминал себе Инек, хотя за последние годы он должен был в полной мере познать всю тщету земную. Однако на войне все было по-другому. На войне знаешь, чего ожидать, готовишься, но сейчас-то не война. Сейчас мирная жизнь, к которой он вернулся с такими надеждами. Человек вправе ожидать, что в мире без войны действительно будет покой, что он будет огражден от жестокости и страха.

Теперь он одинок. Одинок, как никогда раньше. Теперь и вправду надо начинать новую жизнь, другого выбора нет. Но будь то здесь, на родной земле, или в каком-то другом месте — эта новая жизнь начинается с горечи и печали.

Инек сидел на крыльце, уронив руки на колени, и все смотрел на собиравшиеся на западе тучи. Может, пойдет дождь, и это хорошо, потому что земле нужна влага, но, может, и не пойдет: воздушные течения над сходящимися речными долинами — штука капризная, никогда не скажешь наверняка, куда двинутся облака...

Путника он заметил, когда тот уже свернул к воротам. Высокий сухопарый человек в запыленной одежде, судя по всему проделавший долгий путь. Гость шел по тропе к дому, но Инек сидел и ждал, не трогаясь с места.

— Добрый день, сэр,— произнес он наконец.— Сегодня жарко, и вы, должно быть, устали. Присаживайтесь, отдохните.

— С удовольствием,— ответил незнакомец.— Но сначала, прошу вас, глоток воды.

— Идемте,— сказал Инек, поднимаясь со ступеней.— Я накачаю прямо из колодца.

Он прошел через двор к насосу, снял с крюка ковш и дал его незнакомцу. Потом взялся за рукоятку и принялся качать.

— Пусть немного стечет,— сказал он.— Холодная вода идет не сразу.

Инек продолжал качать, и вода, выплескиваясь из крана неровными порциями, сбегала по доскам, закрывавшим колодец.

— Думаете, пойдет дождь? — спросил незнакомец.

— Трудно сказать,— ответил Инек.— Подождем, посмотрим.

Что-то неуловимое вызывало у него беспокойство, когда он глядел на своего гостя. Ничего явного, конкретного, но тем не менее какая-то мелочь не давала ему успокоиться. Качая воду, он еще раз посмотрел на незнакомца и подумал, что, должно быть, это его уши, чуть более острые вверху, чем положено, но, когда он через некоторое время взглянул на него снова, уши оказались нормальными, и Инек решил, что его подвело воображение.

— Ну вот, наверное, уже холодная,— сказал он.

Путник подставил ковш под кран и, подождав, когда он наполнится, предложил Инеку. Тот покачал головой:

— Сначала — вы. Вам больше нужно.

Гость приложился к ковшу и жадно выпил его до дна, раздругой пролив воду на себя.

— Еще? — спросил Инек.

— Нет, спасибо,— ответил гость.— Но я подержу ковш, теперь качайте для себя.

Инек снова взялся за насос и, когда ковш наполнился до краев, принял его из рук незнакомца. Вода была холодная, и Инек, только в эту минуту поняв, что его тоже мучает жажда, осушил ковш почти целиком. Затем повесил его на место и сказал:

— Ну а теперь можно и посидеть.

Незнакомец улыбнулся:

— Пожалуй, мне это не повредит.

Инек достал из кармана красный платок и вытер лицо.

— Воздух плотный, как перед дождем...— произнес он и тут понял, что его все-таки беспокоило.

Одежда на госте несвежая, башмаки покрылись слоем пыли — ясно было, что он одолел неблизкий путь, да еще эта предгрозовая духота, а между тем его гость совсем не вспо-

тел. Выглядел он таким свежим, словно была весна и он весь день пролежал, отдыхая, под деревом.

Инек засунул платок обратно в карман, и они уселись на ступенях.

— Видимо, вы проделали неблизкий путь,— сказал он, пытаясь незаметно навести разговор на нужную тему.

— О да. Я забрался довольно далеко от дома.

— И, как видно, дорога предстоит еще дальняя?

— Нет,— сказал незнакомец.— Похоже, я оказался там, куда стремился.

— Вы имеете в виду...— начал было Инек, но не договорил.

— Я имею в виду — вот здесь, на этих вот ступенях. Я давно искал одного человека и думаю, этот человек именно вы. Имени его я не знал, не знал и где искать, но никогда не сомневался, что найду того, кого ищу.

— Вы искали меня? — ошарашенно спросил Инек.— Но почему меня?

— Я искал человека, которому присуще много различных черт. Одной из них является то, что этот человек наверняка заглядывался на звезды и размышлял, что они собой представляют.

— Да,— признался Инек,— иногда я это делаю. Не раз, бывало, ночуя в поле, я лежал без сна, завернувшись в одеяло, и глядел на небо, на звезды, пытаясь понять, что это такое, как они там оказались и — самое главное — зачем. Я слышал от людей, что каждая звезда — это такое же солнце, что светит над землей, только до сих пор не знаю, верно это или нет. Как видно, не больно-то много люди о них знают.

— Есть и такие, кто знает много,— сказал незнакомец.

— Уж не вы ли? — спросил Инек с легкой усмешкой, потому что его гость совсем не походил на человека, который много знает.

— Да, я,— ответил тот.— Хотя есть и другие, которые знают несравненно больше меня.

— Я иногда задумывался...— сказал Инек.— Если звезды — это солнца, то, возможно, там, наверху, есть и планеты, а может быть, и люди тоже...

Он вспомнил, как сидел однажды у костра, коротая вечер за разговорами со своими приятелями, и упомянул о том,

что, мол, на других планетах, которые вертятся вокруг других солнц, живут другие люди; приятели тогда здорово посмеялись над ним и еще долго потом отпускали в его адрес шуточки, поэтому Инек никогда больше не делился с ними своими догадками. Впрочем, он и сам не особенно в них верил — мало ли что придет в голову ночью у костра.

А вот сейчас вдруг опять заговорил об этом да еще с совершенно незнакомым человеком. С чего бы это?..

— Вы в самом деле верите, что там тоже живут люди? — спросил путник.

— Да так, пустые домыслы...— ответил Инек.

— Ну, не такие уж и пустые,— сказал незнакомец.— Другие планеты и вправду есть, и на них живут другие люди. Я один из них.

— Но вы...— начал было Инек и тут же умолк.

Кожа на лице незнакомца лопнула и начала сползать в стороны, а под ней Инек увидел другое лицо, не похожее на человеческое. И в ту минуту, когда маска сползла с этого другого лица, через все небо полыхнула огромная молния, тяжелый грохот сотряс землю, а издалека донесся шум дождя, обрушившегося на холмы,— он все близился и нарастал.

Глава 7

Вот так это и началось, думал Инек, больше века назад. Фантазия, родившаяся у горящего в ночи костра, обернулась реальностью, и теперь Земля отмечена на всех галактических картах как пересадочная станция для многочисленных путешественников, добирающихся от звезды до звезды. Когда-то все они были чужаками, но это давно уже не так. Просто для Уоллиса такой категории не существовало: в любом обличье и какую бы цель они ни преследовали — все они для него люди.

Он взглянул на запись от 16 октября 1931 года и быстро ее перечитал. То, что его интересовало, оказалось в самом конце:

«Улисс сказал, что жители шестой планеты Тубана, возможно, самые выдающиеся математики во всей Галактике. Похоже, они создали новую систему счисления, превосходящую любую из существовавших ранее, и она особенно полезна для обработки статистических данных».

Инек захлопнул дневник и сел в кресло. Интересно, подумал он, знают ли статистики с Мицара-X о достижениях жителей Тубана? Возможно, знают, поскольку и они применяют порой для обработки информации нетрадиционные методы.

Он отодвинул дневник в сторону и, покопавшись в ящике стола, извлек свою таблицу, расстелил ее на столе, проглядел еще раз и погрузился в раздумья. Если бы он только был уверен... Если бы он знал мицарскую систему лучше... Последние десять лет Инек работал над этой таблицей, проверяя и перепроверяя все известные ему факторы по системе, выработанной на Мицаре, снова и снова пытаясь определить, те ли факторы он использует, что нужны для анализа...

Инек крепко стиснул кулак и ударил им по столу. Если бы только быть уверенным до конца. Если бы можно было с кем-нибудь поговорить. Но именно этого он пытался избежать, поскольку такой ход очень ясно показал бы обнаженность, беспомощность человечества.

А он все еще был человеком. Странно, подумал он, что ничего не изменилось, что за сто с лишним лет общения с существами из множества других миров он по-прежнему остается человеком с планеты Земля.

Ибо связи его с Землей во многих отношениях давно уже прервались. Он теперь общался с одним-единственным человеком, со старым Уинслоу Грантом. Соседи его сторонились, а больше тут никто не бывал, если не считать наблюдателей, которых он видел довольно редко, скорее мельком, а то и вообще просто их следы.

Только старый Уинслоу Грант да Мэри и другие люди-тени время от времени скрашивали его одинокие часы.

Вот и вся его Земля — старик Уинслоу, люди-тени да акры принадлежавшей семье фермы, раскинувшиеся вокруг дома. Но не сам дом, поскольку дом уже принадлежал Галактике.

Он закрыл глаза и принялся вспоминать, как выглядел дом в те давние времена. Здесь вот, где он сидит, была кухня с железной плитой, огромной черной плитой, сверкающей своими огненными зубами в щели решетки для поддува. У самой стены стоял стол, где они втроем ели, и он даже помнил, что на нем стояло: графинчик с уксусом, стакан с ложками и судок с горчицей, хреном и соусом из красного перца — в центре

стола, на красной скатерти в клеточку, точно какое-то украшение.

Зимний вечер. Инеку года три или четыре. Мама у плиты готовит ужин. Он сидит на полу, играет в кубики и деревянные дощечки, а снаружи доносится приглушенное завывание ветра. Отец только что вернулся из хлева, доил коров, и вместе с ним в дом ворвался порыв ветра, несущий вихрь снежинок. Дверь тотчас захлопнулась, ветер и снег остались снаружи, в ночном мраке и непогоде. Отец поставил ведро с молоком в раковину. Инек смотрит на него: на бороде и на бровях отца налип снег, в усах поблескивают мелкие льдинки.

Эта картина все еще перед ним, словно три восковых манекена, застывших на стенде исторического музея: отец с примерзшими к усам льдинками, в больших валенках до колен, раскрасневшаяся у жаркой плиты мать в кружевном чепце и он сам с кубиками на полу.

Помнилось ему и еще кое-что, может быть отчетливее, чем все остальное. На столе стояла большая лампа, а на стене за ней висел календарь, и свет от лампы падал на картинку, словно луч прожектора. На ней был изображен Санта-Клаус в санях, несущихся по просеке в лесу, и весь лесной народец высыпал на обочины полюбоваться им. В небе висела большая луна, а землю укрывал толстый слой снега. Два зайца глядели на Санта-Клауса во все глаза, рядом стоял олень, чуть дальше — закутавшийся в собственный хвост енот, а на низко свисающей ветке рядышком сидели белка с синицей. Старый Санта-Клаус приветственно вскинул руку со свернутым кнутом, щеки у него раскраснелись, он весело улыбался, а сани тянули гордые, сильные, неутомимые северные олени.

Сквозь все эти годы Санта-Клаус из девятнадцатого столетия мчался по заснеженным дорогам времени, весело приветствуя лесных жителей. И вместе с ним мчался золотой свет настольной лампы, по-прежнему ярко освещавшей стену и скатерть в клеточку.

Да, думал Инек, что-то всегда остается навечно — хотя бы воспоминание об уютной теплой кухне в студеную зимнюю ночь из детства.

Но это лишь воспоминание, память души, потому что в жизни ничего такого не сохранилось. Кухни уже нет, и нет общей комнаты со старинным диваном и креслом-качалкой,

нет гостиной со старомодными парчовыми занавесами и шелковыми шторами. Не сохранились ни гостевая спальня на первом этаже, ни семейные спальни на втором.

Вместо всего этого появился один большой зал. Пол на втором этаже и все перегородки убрали, и получился зал, одну сторону которого занимает галактическая пересадочная, а на другой живет ее смотритель. В углу стоит кровать, у противоположной стены — плита, работающая на неизвестном Земле принципе, и холодильник — тоже инопланетного происхождения. Все свободное место вдоль стен занято шкафами и полками, заставленными журналами, книгами и дневниками.

В доме сохранилась только одна примета тех давних времен — старый массивный камин, сложенный из кирпича и местного камня, у стены общей комнаты,— единственное, что Инек не разрешил убрать инопланетным рабочим, которые устанавливали аппаратуру станции Камин стоял на месте, напоминая о далеких днях прошлого, словно последняя частичка Земли в доме, а над ним выступала из стены дубовая каминная полка, которую отец Инека сам вырубил из толстого бревна и потом обтесал рубанком и стругом.

На каминной и на книжной полках, на столе стояли и лежали различные предметы внеземного происхождения, для многих из которых даже не существовало земных названий,— подарки от дружелюбных путешественников — их много накопилось за долгие годы. Некоторым из них находилось применение, на другие можно было смотреть, но попадались и совершенно бесполезные вещи — эти либо не могли быть использованы человеком, либо просто не работали в земных условиях, либо созданы были для каких-то целей, о которых Инек не имел ни малейшего понятия. Несколько смущаясь, он принимал эти дары, потому что люди, дарившие их, всегда делали это от души, и долго, путано благодарил.

В другой половине дома размещался сложный комплекс аппаратуры, переносившей странников от звезды до звезды, он занимал все пространство до самого потолка.

Постоялый двор. Пересадочная станция. Галактический перекресток.

Инек свернул таблицу и убрал в ящик стола. Дневник поставил на место среди других таких же дневников. Потом взглянул на галактический хронометр: пора было идти.

Он придвинул кресло вплотную к столу, снял с крюков винтовку и, повернувшись к стене лицом, произнес одно-единственное слово. Дверь бесшумно отъехала в сторону, и Инек перешел в свой скудно обставленный сарайчик. Секция стены за его спиной так же бесшумно скользнула на место, и даже следа разъема не осталось.

Инек вышел во двор. День был изумительный, один из последних дней уходящего лета. Еще неделя-другая, подумал он, и появятся первые признаки осени, начнутся заморозки. Уже зацвел золотарник, а днем раньше начали распускаться в канаве у забора первые астры.

Он завернул за угол дома, прошел через большое запущенное поле, поросшее орешником и редкими деревьями, и направился к реке.

Вот она, Земля, размышлял он, планета, созданная для Человека. Но не для него одного, ведь на ней живут лисы, совы, горностаи, змеи, кузнечики, рыбы и множество других существ, что населяют воздух, почву и воду. И даже не только для них, для здешних обитателей. Она создана и для странных существ, что называют домом другие миры, удаленные от Земли на многие световые годы, но в общем-то почти такие же, как Земля. Для «улиссов», и «сиятелей», и для всех других инопланетян, если у них вдруг возникнет необходимость или желание поселиться на этой планете и если они смогут жить тут вполне комфортно, без всяких искусственных приспособлений.

Наши горизонты, думал Инек, так узки, и мы так мало видим. Даже сейчас, когда, разрывая древние путы силы тяжести, поднимаются на столбе огня ракеты с мыса Канаверал, мы так мало задумываемся о том, что лежит за этими горизонтами.

Душевная боль не оставляла его и только усиливалась — боль, вызванная стремлением поведать человечеству все то, что он узнал. Не только передать какие-то конкретные технические сведения — хотя что-то Земле обязательно пригодилось бы,— но, самое главное, рассказать о том, что во Вселенной есть разум, что человек не одинок, что, избрав верный путь, он уже никогда не будет одинок.

Инек миновал поле, перелесок и поднялся на большой каменный уступ на вершине скалы, возвышающейся над рекой.

Он стоял там, как стоял уже тысячи раз по утрам, и глядел на реку, величественно несущую серебристо-голубые воды через заросшую лесом долину.

Старая, древняя река, мысленно обращался к ней Инек, ты смотрела в холодные лица ледников высотой в милю, которые пришли, побыли и ушли, отползая назад, к полюсу, и цепляясь за каждый дюйм; с этих самых ледников ты уносила талую воду, заливавшую долину невиданными доселе потопами, ты видела мастодонтов, саблезубых тигров, бобров величиной с медведя, что бродили по этим вековым холмам, оглашая ночь рыком и ревом; ты знала небольшие тихие племена людей, которые ходили по здешним лесам, забирались на скалы или плавали по твоей глади, людей, познавших и лес, и реку, слабых телом, но сильных волей и настойчивых, как никакое другое существо; а совсем недавно на эти земли пришло другое племя людей: с красивыми мечтами, жестокими руками и непоколебимой уверенностью в успехе. Но прежде чем все это случилось — ибо это древний материк, очень древний,— ты видела многих других существ, и много перемен климата, и перемены на самой Земле. Что ты обо всем этом думаешь? Ведь у тебя есть и память, и ощущение перспективы, и даже время — ты уже должна знать ответы, пусть не все, пусть хоть какие-то.

Человек, проживи он несколько миллионов лет, знал бы их и, может быть, еще узнает, когда пройдут эти несколько миллионов лет. Если до тех пор Человек не покинет Землю.

«Я мог бы помочь,— думал Инек.— Я не способен дать никаких ответов, но я мог бы помочь человечеству в его поисках. Я мог бы дать человечеству веру, и надежду, и цель, какой у него не было еще никогда».

Но Инек знал, что не решится на это.

Далеко внизу, над гладкой дорогой реки, лениво кружил ястреб. Воздух был так чист и прозрачен, что Инеку казалось, будто, вглядевшись чуть-чуть пристальнее, он сможет различить каждое перо в распростертых крыльях.

Место это обладало каким-то странным, почти сказочным свойством. Дали, открывающиеся отсюда взору, кристально чистый воздух — все рождало чувство отрешенности, навевало мысли о величии духа. Словно это некое особенное место, одно из тех, что каждый человек обязательно должен отыскать для себя и считать за счастье, если ему это удалось,— ведь на свете столько людей, которые искали и не нашли. Но хуже того, есть люди, которые никогда даже и не искали.

Инек стоял на вершине скалы, наблюдая за ленивым полетом ястреба, окидывая взором речной простор и зеленый ковер деревьев, а мысли его уносились все выше и дальше, к другим мирам, и от этих мыслей начинала кружиться голова. Но пора было возвращаться на Землю.

Он медленно спустился со скалы и двинулся по вьющейся меж деревьев тропе, пробитой им за долгие годы.

Сначала Инек хотел пройтись к подножию холма, чтобы взглянуть на полянку, где летом цвели розовые башмачки, и представить себе красоту, которая вернется к нему в следующем июне, но затем решил, что в этом нет смысла, поскольку цветы росли в уединенном месте и с ними вряд ли что могло случиться. Было время, лет сто назад, когда они цвели на каждом холме и он приходил домой с огромными охапками. Мама ставила цветы в большой коричневый кувшин, и на день-два дом наполнялся их густым ароматом. Однако теперь они почти перестали встречаться. Скот, что пасли на холмах, и охочие до цветов люди почти свели их на нет.

Как-нибудь в другой раз, сказал себе Инек. Перед первыми заморозками он сходит туда и удостоверится, что весной они появятся вновь.

По дороге он остановился полюбоваться белкой, игравшей в ветвях дуба, потом присел на корточки, когда заметил переползающую тропу улитку. Постоял у дерева-гиганта, рассматривая узоры облепившего ствол мха, затем долго следил взглядом за птицей, то и дело перелетавшей с ветки на ветку.

Тропа вывела Инека из леса, и он пошел по краю поля, пока не дошел до родника, бьющего из земли у подножия холма.

У самой воды сидела девушка, и он сразу узнал Люси Фишер, глухонемую дочь Хэнка Фишера, который жил на берегу реки.

Инек остановился. Сколько в ней грации и красоты, подумал он, глядя на девушку,— естественной грации и красоты простого, одинокого существа.

Она сидела у родника, протянув вперед руку, и у самых кончиков ее чувствительных пальцев трепетало что-то яркое.

Люси замерла, выпрямив спину и высоко подняв голову; в лице девушки ощущалась какая-то обостренная настороженность, как, впрочем, и во всем ее нежном облике.

Инек подошел и, остановившись в трех шагах позади нее, увидел, что это яркое пятно — бабочка, большая золотисто-красная бабочка, какие появляются под конец лета. Одно крыло у нее было ровное и гладкое, но другое — помятое, и кое-где с него стерлась пыльца, которая придает окраске золотистый блеск.

Инек заметил, что Люси не удерживает бабочку, та просто сидела на кончике пальца и время от времени взмахивала здоровым крылом, чтобы удержать равновесие.

Но неужели ему померещилось? Теперь второе крыло было лишь чуть-чуть изогнуто, а еще через несколько секунд оно медленно выпрямилось и на нем снова появилась пыльца (а может, она там и была). Бабочка подняла оба крыла, сложила их вместе.

Инек обошел девушку сбоку, и, заметив его, Люси не испугалась и не удивилась. Наверное, подумал он, для нее это естественно, она давно привыкла, что кто-нибудь может беззвучно подойти сзади и неожиданно оказаться рядом.

Глаза ее блестели, а лицо излучало внутренний свет, словно она только что испытала какое-то радостное душевное потрясение. И он в который раз подумал о том, каково это — жить в мире полного молчания, без общения с людьми. Может быть, не совсем без общения, но, во всяком случае, в стороне от тех свободных потоков информации, которыми все остальные люди обмениваются просто по праву рождения.

Он слышал, что ее несколько раз пытались определить в государственную школу для глухих, но ничего из этого не получилось. В первый раз она убежала и бродила по окрестностям несколько дней, прежде чем сумела найти свой дом. Позже просто устраивала «забастовки», отказывалась слушаться и вообще участвовать в любой форме обучения.

Глядя, как она сидит с бабочкой на пальце, Инек решил, что знает, почему это происходило: Люси жила в своем собственном мире, в мире, к которому она привыкла, в котором она знала, как себя вести. В этом мире она не чувствовала себя ущербной, что наверняка случилось бы, если ее насильно втянуть в нормальный человеческий мир.

Зачем ей язык жестов и умение читать по губам, если у нее отнимут чистоту души?

Она принадлежала этим лесам и холмам, весенним цветам и осенним перелетам птиц. Она была частью этого мира, мира близкого и понятного ей. Она жила в старом, затерянном уголке природы, занимая то жилище, которое человечество давно оставило,— если оно вообще когда-либо им владело.

Вот она — с золотисто-красной бабочкой на кончике пальца, встревоженная, полная ожидания, лицо светится от сознания исполненного долга. Она, именно она живет такой полной жизнью, какой не доводилось жить никому из тех, кого Инек знал.

Бабочка расправила крылья, взлетела с вытянутого пальца и запорхала без забот и страха над ковром диких трав и цветов золотарника.

Люси следила взглядом за ее полетом, пока бабочка не скрылась из виду у вершины холма, на который взбиралось старое поле, затем обернулась к Инеку и улыбнулась. Она свела и развела ладони, точно взмахнула золотисто-красными крыльями, но что-то в этом жесте чувствовалось еще: ощущение счастья, покоя, словно она говорила, что в мире все прекрасно.

«Если бы,— думал Инек,— я мог обучить ее пазимологии — науке моих галактических друзей, тогда мы смогли бы разговаривать почти так же легко, как с помощью человеческой речи, правда только друг с другом. Когда времени достаточно, это совсем не трудно, ведь галактический язык жестов настолько прост и логичен, что им можно пользоваться почти инстинктивно после того, как освоишь основные принципы».

В давние времена на Земле тоже существовало множество языков жестов, но ни один из них не был развит настолько хорошо, как язык жестов, распространенный среди аборигенов Северной Америки. Независимо от того, на каком языке говорил американский индеец, он всегда мог объясниться с представителями других племен.

Однако даже индейский язык жестов можно сравнить в лучшем случае с костылем, помогающим человеку идти, когда он не в состоянии бежать. А галактический — это такой язык, который годится для любых средств и методов самовыражения.

Он развивался не одно тысячелетие, с участием многих рас разумных существ, и за столь долгое время язык усовершенствовали, утрясли, отшлифовали до такой степени, что теперь он стал вполне самостоятельным средством общения.

А оно было крайне необходимо, поскольку Галактика — это своеобразный Вавилон. Но даже галактическая пазимология, отшлифованная до совершенства, не каждый раз могла преодолеть все препятствия и надежно гарантировать хотя бы минимальную возможность общения. Потому что кроме миллионов языков, на которых Галактика говорила, существовало еще множество других, основанных не на звуках,— далеко не все способны их производить. Да и звуки не всегда оказывались эффективными, если какая-нибудь раса общалась с помощью ультразвука, неразличимого для остальных. Конечно же, существует телепатия, но на одну расу телепатов приходилась тысяча других, не способных к обмену мыслями. Многие обходились одним только языком жестов, другие могли общаться лишь при помощи письменности и пиктографических систем, причем среди них встречались и такие, которые создавали изображения прямо на участках тела, представляющих собой нечто вроде химического экрана. А еще была раса слепых, глухих, немых существ с загадочных звезд на дальнем конце Галактики, которые пользовались, наверное, самым сложным из всех галактических языков — кодированными сигналами, передаваемыми непосредственно в нервную систему.

Инек занимался своей работой уже больше века, но тем не менее даже при помощи универсального языка жестов и семантического транслятора — а это всего лишь механическое приспособление, пусть и довольно сложное — он иной раз с трудом понимал, что пытаются сообщить ему гости...

Люси Фишер подобрала с земли берестяной черпачок, зачерпнула воды и протянула Инеку. Тот подошел ближе, взял черпачок в руки и, опустившись на колени, приник к нему губами. Вода протекала через тонкие щели в стенках и дне, и он замочил рукав рубашки и куртки.

Выпив воду, Инек отдал черпачок Люси. Она приняла его одной рукой, а другую протянула вперед и легко коснулась лба Инека кончиками пальцев — наверное, ей представлялось, что она благословила его.

Инек промолчал. Он уже давно не пытался говорить при ней, чувствуя, что движения губ, сопровождающие звуки, которые она не способна слышать, приводят ее в замешательство.

Вместо этого он дружеским жестом прикоснулся широкой ладонью к ее щеке. Потом поднялся на ноги и снова посмотрел на нее. На мгновение их взгляды встретились.

Он перебрался через ручей, берущий свое начало из родника, и направился к вершине холма по тропе, что выходила из леса и бежала через поле. На полпути Инек обернулся — Люси смотрела ему вслед. Он помахал на прощанье рукой, и она ответила тем же.

Прошло уже двенадцать лет с тех пор, как он увидел ее впервые — сказочную фею, которой исполнилось тогда, может быть, чуть больше десяти, маленькую лесную дикарку. Друзьями они стали далеко не сразу, вспоминал Инек, хотя он часто встречал ее во время прогулок: Люси бродила по окрестным холмам, по долине реки, словно это ее площадка для игр. Да собственно, так оно и было.

Люси росла на его глазах. Они часто встречались, и постепенно между ними, одинокими изгоями, возникло взаимопонимание. Но не только это сближало их. Еще и то, что у каждого из них был свой собственный мир и эти миры дарили им понимание, недоступное другим. Хотя ни он, ни она ни разу не говорили друг другу о своих мирах и даже не пытались, но каждый это чувствовал, оттого-то они потянулись друг к другу, оттого-то их дружба и становилась все крепче.

Ему вспомнился день, когда он застал ее на поляне, где росли розовые башмачки. Она стояла на коленях и просто глядела на них, не сорвав ни одного цветка. Инека тогда очень обрадовало, что Люси их не тронула. Им двоим уже только вид этих цветов дарил радость и красоту — чувства куда более возвышенные, чем стремление обладать.

Инек дошел до вершины холма и стал спускаться вниз по заросшей травой дороге, что вела к почтовому ящику. И он не ошибся там, у родника, сказал он себе, пусть даже это кажется невероятным. Крыло у бабочки и вправду было порванное, смятое и блеклое. Сначала он действительно увидел покалеченную бабочку, а потом вдруг крыло стало целехоньким и она улетела прочь.

Глава 8

Уинслоу Грант не опоздал.

Добравшись до почтового ящика, Инек увидел вдали облако пыли, поднятое его развалюхой, подпрыгивающей на ухабах дороги. В этом году вообще пыльно, подумал Инек, поджидая Уинслоу. Дождей выпало мало, и это сказалось на урожае. Хотя, по правде говоря, не так уж много осталось обработанных земель в здешних местах. Было время, вдоль дороги одна за другой тянулись небольшие фермы, на которые приятно было поглядеть: красные сараи, белые дома. Но теперь почти все они стояли заброшенные и опустевшие. Краска на сараях и домах облезла, и теперь постройки были не красные или белые, а одинаково серые от непогоды. Крыши просели, люди ушли.

До прибытия Уинслоу осталось совсем немного; Инек ждал. Почтальон, может быть, остановится у ящика Фишеров, сразу за поворотом, хотя Фишеры, как правило, почти не получали писем — разве что рекламные проспекты и прочую ерунду, которая рассылается всем без разбору сельским жителям. Фишеров, впрочем, такая корреспонденция мало волновала: иногда они не забирали почту по нескольку дней. И если бы не Люси, которая обычно бегала к ящику, они бы вообще ее не брали.

Таких лодырей, как Фишеры, думал Инек, еще надо поискать. И дом, и все их постройки столько лет уже держатся на честном слове, что, того и гляди, рухнут. На своем запущенном участке они высаживали кукурузу, которую заливало каждый раз, когда поднималась вода в реке. Сено Фишеры косили на заливном лугу в долине. Из живности держали двух костлявых лошадей, с полдюжины тощих коров и несколько кур. Машина-развалюха да спрятанная где-то в зарослях у реки самогонная установка — вот, пожалуй, и все хозяйство. Они, конечно, охотились, ловили рыбу, ставили капканы, но от случая к случаю — в общем, совершенно безалаберный народ. Хотя, если поразмыслить, соседи они вроде бы и неплохие. Занимаются своими делами и никого особенно не беспокоят, разве что изредка выбираются всем кланом и ходят по окрестностям, раздавая брошюры никому не известной секты фундаменталистов, в которую Ма Фишер записалась несколько лет назад на ярмарке в Милвилле.

Уинслоу не остановился у ящика Фишеров и в облаке пыли вылетел из-за поворота. Подъехав к Инеку, он резко затормозил и выключил двигатель.

— Пусть остынет немного,— сказал он.

Мотор, охлаждаясь, начал пощелкивать.

— Ты сегодня прямо минута в минуту,— сказал Инек.

— Почты было мало,— ответил Уинслоу.— Проезжал мимо ящиков, даже не останавливаясь.

Он полез в сумку, стоявшую рядом с ним на сиденье, и достал перевязанную бечевкой пачку для Инека: несколько ежедневных газет и два журнала.

— Ты, я смотрю, много всякого выписываешь,— сказал он,— а писем почти не получаешь.

— Да кто же мне напишет? У меня никого не осталось.

— Но сегодня тебе пришло письмо.

Инек, не скрывая удивления, взглянул на пачку корреспонденции и тут только заметил уголок конверта, торчащего между журналами.

— Личное письмо,— добавил Уинслоу, причмокнув губами.— Не деловое. И не реклама.

Инек сунул пачку под руку, рядом с прикладом ружья.

— Наверное, какая-нибудь ерунда.

— А может, и нет,— сказал Уинслоу, и глаза его блеснули.

Он достал из кармана трубку, затем извлек кисет и неторопливо набил ее табаком. Мотор все еще пощелкивал. На безоблачном небе сияло солнце. Пыльная листва вдоль дороги источала душный, едкий запах.

— Я слышал, этот тип, что ищет женьшень, опять вернулся в наши места,— сказал Уинслоу, стараясь, чтобы фраза прозвучала обыденно, но в голосе его все равно послышались заговорщицкие нотки.— Дня три или четыре его не было.

— Может быть, уезжал продавать женьшень.

— Сдается мне, что он вовсе не женьшень ищет,— сказал почтальон.— Что-то другое.

— Он уже довольно давно тут...

— Начнем с того,— сказал Уинслоу,— что на женьшень теперь почти нет спроса, но даже если бы и был, так нет самого женьшеня. Вот раньше его хорошо покупали. Китайцы им

вроде лечатся, но сейчас торговли с Китаем почти что нет. Помню, когда я был мальчишкой, мы тоже ходили искать корешки. Они в ту пору нечасто попадались, но все же попадались...

Уинслоу откинулся на спинку сиденья, сосредоточенно потягивая трубку.

— Странно все это,— сказал он.

— Я ни разу этого человека не видел,— ответил Инек.

— Бродит по лесам,— продолжал Уинслоу,— собирает всякие растения. Я одно время думал, он какой-нибудь знахарь или колдун. Травы для разных там снадобий и все такое. И к Фишерам зачастил, хлещут там это их пойло да все о чем-то разговаривают. Колдовство сейчас не в почете, но я в эти вещи верю. На свете полно такого, что наука объяснить не в состоянии. Взять хотя бы дочку Фишера, глухонемую,— так вот она умеет заговаривать бородавки.

— Я тоже слышал,— сказал Инек и подумал: «Не только это. Она еще умеет лечить бабочек».

Уинслоу наклонился вперед:

— Чуть не забыл. У меня для тебя еще кое-что есть.

Он поднял с пола машины коричневый бумажный сверток и протянул Инеку:

— Не посылка. Это я сам для тебя сделал.

— Да? Спасибо.— Инек взял сверток из его рук.

— Можешь развернуть,— сказал Уинслоу.— Посмотришь, что там такое.

Инек медлил.

— Стесняешься, что ли? Открывай.

Инек разорвал бумагу и увидел деревянную статуэтку двенадцати дюймов высотой, изображавшую его самого. Светлое, медового цвета дерево сияло на солнце, словно золотистый кристалл. Он шагал, удерживая винтовку под рукой и чуть наклонившись против ветра, морщившего куртку и брюки.

Инек даже дар речи потерял, так его поразила статуэтка.

— Уинс,— сказал он наконец,— я такой красоты в жизни не видывал.

— Я ее вырезал из того полешка, что ты дал мне прошлой зимой,— сказал почтальон.— Материал, скажу тебе, отменный, первый раз такой попался. Твердое дерево, почти без волокон. Не колется, не ломается. Режешь по нему, и получается то, что надо. А полируется, считай, само, пока режешь: просто руками потереть, и больше ничего не требуется.

— Ты не представляешь себе, как много это для меня значит.

— За эти годы ты мне много всяких чурбачков надарил. Дерево, какого здесь никто никогда не видел. Все — высочайшего качества и очень красивое. Так что я подумал, пора мне что-то и для тебя сделать.

— Ты и так для меня много делаешь,— сказал Инек.— Возишь из города все, что ни попрошу...

— Инек,— сказал Уинслоу,— я к тебе очень хорошо отношусь. Не знаю, кто ты, и не собираюсь спрашивать, но, кто бы ты ни был, отношусь я к тебе очень хорошо.

— Я бы рад рассказать тебе, но нельзя.

— Ну и ладно,— сказал Уинслоу, усаживаясь поудобнее за рулем.— Пока мы ладим друг с другом, не так уж и важно знать, кто каждый из нас. Если бы некоторые страны брали пример с таких вот маленьких общин, как наша,— пример того, как жить в согласии,— мир был бы куда лучше.

— А пока в мире не очень-то спокойно,— с серьезным видом поддержал его Инек.

— Да уж куда там,— ответил почтальон и завел мотор.

Машина двинулась вниз по холму, волоча за собой шлейф пыли. Инек долго смотрел ей вслед, потом перевел взгляд на деревянную статуэтку.

Человек, похоже, шел по гребню холма, открытому ветру, и чуть пригнулся, чтобы выдержать его бешеный напор.

«Почему Уинслоу изобразил меня именно так? — недоумевал Инек.— Что он такое разгадал во мне, изобразив шагающим навстречу ветру?»

Глава 9

Положив винтовку и почту на пыльную траву, Инек снова аккуратно завернул статуэтку. Он поставит ее на каминную полку или, еще лучше, на кофейный столик, что у его любимого кресла, рядом с письменным столом. Хочется, признавался он самому себе немного смущенно, чтобы статуэтка всегда стояла рядом, чтобы можно было смотреть на нее или

подержать в руке, когда захочется. Подарок почтальона согревал душу, вызывая у него глубокое радостное чувство. Отчего это, почему он так разволновался?

Вовсе не потому, что редко получал подарки. Практически ни одна неделя не проходила без того, чтобы кто-то из инопланетных путешественников не оставил ему подарка. Они стояли и лежали по всему дому, а в похожем на пещеру подвале занимали целую стену, от пола до потолка. Может быть, говорил он себе, дело в том, что это подарок жителя Земли, такого же, как он сам?

Инек сунул сверток со статуэткой под руку, другой подхватил винтовку, пачку газет и журналов и направился домой по изрядно заросшей тропе — когда-то она была дорогой до фермы и по ней свободно проезжала повозка.

Между колеями буйно разрослась густая трава, но сами колеи так глубоко врезались в глинистую почву, так плотно утрамбовали их окованные железом колеса старинных фургонов, что там до сих пор не могло укорениться ни одно растение. Кусты по обеим сторонам дороги, расползшиеся от края леса по всему полю, вымахали в рост человека, а кое-где и выше, и получилось вроде зеленого коридора.

Но в некоторых местах, непонятно почему,— может, почва другая, да и мало ли какие еще бывают капризы у природы — кустарник редел и сходил на нет, оставляя большие окна, откуда с гребня холма можно было увидеть всю речную долину.

В одном из таких просветов Инек и уловил блик среди деревьев на краю старого поля, неподалеку от ручья, где он повстречал Люси. Он нахмурился и остановился на тропе, ожидая повторения, но больше там ничего не мелькнуло.

Видимо, один из наблюдателей с биноклем. И этот блик — просто отраженное от линзы солнце.

Кто они? И почему следят за ним? Это ведь продолжается довольно долго, но, как ни странно, они только наблюдают, не предпринимая никаких действий, и ни один из них даже не пытался к нему приблизиться, познакомиться с ним, хотя это было бы вполне естественно и так просто сделать. Если им — кто бы это ни был — хотелось поговорить с ним, они могли устроить вроде бы совершенно случайную встречу во время одной из его утренних прогулок.

Но, как видно, у них пока такого желания не возникло.

Чего же, гадал Инек, они хотят? Наверное, изучают его привычки. Но для этого, подумал он, криво усмехнувшись, им вполне хватило бы первых десяти дней наблюдений.

А возможно, они ждут какого-то события, которое поможет им понять, чем он занимается. Хотя тут их наверняка постигнет разочарование: они могут наблюдать хоть тысячу лет подряд и все равно ни о чем не догадаются.

Инек отвел взгляд от просвета в зеленой стене и зашагал по дороге, озадаченный и обеспокоенный своими наблюдениями.

Может быть, думал Инек, они не пытались вступить в контакт из-за разных историй, которые им могли рассказать. Историй, о которых никто, даже Уинслоу, ему не говорит. Интересно, что напридумывали за долгие годы люди, жившие по соседству? Всякие небылицы, что рассказывают у камина и слушают, затаив дыхание?

Возможно, это и к лучшему, что он не знает, какие о нем рассказывают байки, хотя они наверняка существуют. И то, что наблюдатели не вступают с ним в разговор, тоже, может быть, к лучшему. Пока контактов нет, он все еще в безопасности. Пока нет вопросов, не надо на них и отвечать.

Вы действительно, спросят они, тот самый Инек Уоллис, что в 1861 году отправился сражаться за Эйба Линкольна? И на этот вопрос есть только один ответ. Да, скажет он, я именно тот человек.

Но это, пожалуй, единственный вопрос, на который он сможет ответить правдиво. Во всех остальных случаях обязательно придется вилять или отмалчиваться.

Они спросят, почему он с тех пор не изменился? Почему он остается молодым, когда все люди стареют? Не может же он объяснить им, что стареет только вне станции; что стареет только час, когда выходит на прогулку, час или около того, когда работает на огороде, и пятнадцать минут, когда сидит на ступенях крыльца, любуясь закатом. Но едва он возвращается на станцию, процесс старения прекращается и его организм возвращается в прежнее состояние.

Конечно же, он не может им этого рассказать. Как не может рассказать и многое другое. Возможно, наступит день, когда они придут к нему с вопросами, и тогда, он знал, придется бежать от них и скрыться в стенах станции, полностью отрезав себя от мира.

Такой поворот событий не вызовет осложнений, поскольку он может жить внутри станции, не испытывая никаких неудобств. Недостатка у него не будет ни в чем: инопланетяне предоставят ему все удобства для жизни. Время от времени Инек, конечно, покупал земные продукты через Уинслоу, который привозил его заказы из города, но только потому, что ему иногда хотелось простой земной пищи, памятной с детства или со времен военных походов.

Но даже и такие продукты он мог бы получать с помощью дубликации. Для этого достаточно отправить кусок бекона или дюжину яиц на другую станцию, где они останутся в качестве образцов, а копии ему будут высылаться по мере необходимости.

Инопланетяне не могут предоставить ему только одного: общения с человечеством, которое он поддерживает через Уинслоу и почту. Оставшись внутри станции, он будет полностью отрезан от знакомого мира, поскольку газеты и журналы — единственная ниточка, которая связывает его с Землей. Радио на станции просто не работает из-за помех, создаваемых аппаратурой.

Он не будет знать, что происходит вокруг, не будет знать, как идут дела во всем мире. Это конечно же отразится на работе над таблицей, но кому она тогда будет нужна? Впрочем, сказал он себе, она и сейчас почти бесполезна, поскольку он не уверен, что правильно учитывает все факторы.

Но самое главное — ему будет недоставать той маленькой части окружающего мира, что знакома ему до последнего камушка, того маленького уголка планеты, где он совершает свои прогулки. Может быть, эти самые прогулки более, чем все остальное, позволяли ему оставаться человеком, жителем Земли.

Он никак не мог решить для себя, насколько это важно — оставаться жителем Земли со всеми его мыслями и чувствами, оставаться частичкой человечества. Может быть, это и ни к чему. Может быть, он ведет себя слишком провинциально, цепляясь так долго за старую родную планету,— ведь ему открыта вся Галактика. Не исключено, что из-за этого провинциализма он даже что-то теряет.

Однако Инек знал, что не в силах будет отвернуться от родной Земли. Он слишком любит свою планету, сильнее, может быть, чем те люди, которым не довелось, как ему, соприкоснуться с далекими загадочными мирами. Человек, говорил он себе, должен быть к чему-то привязан, должен быть верен чему-то, должен себя с чем-то отождествлять. Галактика слишком велика, чтобы остаться с ней один на один, без опоры и поддержки.

Над поросшей высокими травами поляной пронесся жаворонок и взмыл в небо. Инек прислушался, ожидая, что с высоты польются стремительные переливчатые трели, но птица молчала: весна уже давно прошла.

Инек двинулся дальше по дороге, и вскоре впереди показалось строгое здание станции, оседлавшее холм.

Странно, что он воспринимает это здание не как дом, а только как станцию, подумал Инек. Хотя на самом деле ничего удивительного тут, может быть, и нет: станцией оно прослужило дольше, чем домом. Что-то в нем чувствовалось вызывающе-непоколебимое, словно здание уселось на холме навсегда. Но, собственно говоря, если понадобится, оно простоит там целую вечность, ибо ничто не может причинить станции вред.

Если он будет вынужден когда-нибудь остаться в стенах станции, она выдержит любые попытки узнать ее природу. Ни отколоть кусочек, ни оцарапать, ни разрушить ее просто невозможно. Люди не смогут сделать ровным счетом ничего. Любые наблюдения, предположения, попытки анализа не принесут им ничего нового, кроме понимания, что на вершине холма стоит в высшей степени необычное строение. Потому что оно в состоянии выдержать любое воздействие, кроме, пожалуй, термоядерного взрыва, а может, и его тоже.

Зайдя во двор, Инек обернулся и взглянул в сторону рощицы, где он заметил блик, но не увидел ничего такого, что выдавало бы наблюдателя.

Глава 10

В помещении станции жалобно свистел аппарат связи.

Инек повесил ружье на место, положил почту и статуэтку на стол и подошел к аппарату в другом конце комнаты. Нажал

кнопку, передвинул рычажок, и свист прекратился. На экране возник текст:

«Номер 406303 станции 18327. Прибуду рано вечером по твоему времени. Приготовь горячий кофе. Улисс».

Инек улыбнулся. Улисс и его кофе! Он оказался единственным инопланетянином, которому понравилось хотя бы что-то из земной еды и напитков. Другие тоже пробовали разок-другой, но им ничего не нравилось.

У них с Улиссом вообще сложились странные отношения. Они с самого начала прониклись друг к другу теплыми чувствами, еще с того дня, когда сидели вдвоем на ступенях крыльца перед началом грозы и с лица Улисса сползла человеческая маска, скрывавшая его истинный облик.

Под ней оказалось ужасное лицо — некрасивое, даже отталкивающее. Лицо, как подумалось Инеку, жестокого клоуна. Хотя еще в тот момент он удивился возникшему сравнению, потому что жестоких клоунов не бывает. Однако вот он — лицо в цветных пятнах, плотно сжатые тяжелые челюсти, узкая щель рта.

Потом Инек увидел глаза, и это сразу изменило впечатление. Большие добрые глаза, светившиеся пониманием,— существо словно тянулось к нему взглядом, как земной человек протянул бы руку дружбы.

Стремительно налетел дождь, прошелестел по траве, потом забарабанил по крыше сарая, а потом косая пелена придвинулась еще ближе и дождевые капли ожесточенно застучали по участку, вколачивая в землю пыль, а перепачканные куры испуганно бросились под навес.

Инек вскочил и, схватив гостя за руку, втащил под крышу. Они стояли, глядя друг на друга, и Улисс потянул за обвисшие края маски, обнажая лысую голову, похожую на тупую пулю, и расцвеченное лицо, словно у разъяренного индейца, что вышел на тропу войны, хотя в нем все же было что-то клоунское, какие-то нелепые мазки тут и там, точно лицо это являло собой гротескный образ войны, нелепого и бессмысленного занятия. Но мгновение спустя Инек понял, что это не грим, а естественная пигментация существа, прилетевшего из невообразимой звездной дали.

Конечно, он был удивлен, растерян, но ни на минуту не усомнился, что перед ним и вправду неземное существо. Не

человек. Фигура человеческая: две руки, две ноги, голова, лицо. И в то же время было в нем что-то нечеловеческое, отталкивающее, чуждое.

В древности, подумал Инек, его, возможно, приняли бы за демона, но давно уже минуло то время (хотя, как знать, может, еще не везде), когда люди верили в демонов, призраков и прочую нечисть, что в представлении людей некогда обитали на Земле.

Пришелец со звезд, значит. Может, так оно и есть. Хотя это просто не укладывалось у Инека в голове. Такое не представить даже самой смелой фантазии. Не знаешь, что и делать,— ни примеров, ни правил для такой ситуации нет. В голове пустота, полная пустота! Может, со временем и осенит какая-нибудь мысль, но пока одно безмерное, бесконечное удивление.

— Не торопитесь,— произнес пришелец.— Я понимаю, вам нелегко. Только не знаю, чем вам помочь. Я даже не могу убедительно доказать, что действительно прилетел оттуда.

— Но вы так хорошо говорите...

— Вы имеете в виду, на вашем языке? Это совсем несложно. Если бы вы знали, как много во всей Галактике различных языков, то поняли бы, насколько несложно. Ваш язык относительно прост. В нем отсутствует множество понятий — с какими-то явлениями людям просто не приходилось еще сталкиваться.

Возможно, так оно и есть, подумал Инек.

— Если вы хотите,— сказал пришелец,— я могу уйти дня на два, чтобы дать вам время поразмыслить. А потом, когда вы все обдумаете, вернусь.

Инек улыбнулся и почувствовал, что улыбка у него получилась натянутая, деревянная.

— Мне как раз хватит времени, чтобы разнести новость по всей округе. И когда вы возвратитесь, тут будет ждать засада.

Пришелец покачал головой:

— Уверен, что вы этого не сделаете, и готов рискнуть. Если вы хотите...

— Нет,— ответил Инек спокойно и сам удивился своему спокойствию.— Если уж на тебя что свалилось, то решать надо сразу. Это я еще на войне понял.

— Отлично,— сказал пришелец.— Просто отлично. Я не ошибся в вас и могу этим гордиться.

— Не ошиблись?..

— Не думаете же вы, что я пришел сюда наугад? Я много знаю о вас, Инек. Почти столько же, сколько знаете о себе вы сами. А может быть, и больше.

— Вы знаете, как меня зовут...

— Конечно.

— Ладно,— сказал Инек.— А как зовут вас?

— Этот вопрос вызывает у меня крайнее смущение,— ответил пришелец,— потому что у меня нет имени как такового. Есть опознавательный признак, соответствующий предназначению моей расы, но его невозможно передать словами.

Непонятно почему, но Инек вдруг вспомнил сутулую фигуру человека, сидящего на верхней перекладине ограды с палкой в одной руке и складным ножом в другой. Человек спокойно обстругивал палку. Над головой его свистели пушечные ядра, а всего в полумиле от него трещали мушкеты, изрыгая свинец и клубы порохового дыма, поднимавшегося над рядами солдат...

— Вам нужно имя,— сказал Инек.— Пусть это будет имя Улисс. Должен же я как-то вас называть.

— Согласен,— ответил пришелец.— Но могу я спросить, почему именно Улисс?

— Потому что это имя великого представителя моего народа.

Дико, конечно. Они нисколько не были похожи — сутуловатый американский генерал времен Гражданской войны и это существо, что стояло напротив Инека на крыльце.

— Вот мы и познакомились. Я рад, что теперь у меня есть имя,— произнес Улисс.— Мне кажется, оно звучит возвышенно и благородно, и, между нами говоря, я буду даже счастлив носить это имя. А тебя я буду звать просто Инеком, как водится между друзьями,— ведь нам предстоит работать вместе много твоих лет.

Мало-помалу к Инеку возвращалось трезвое понимание происходящего, и ему стало немного не по себе. Может быть, и к лучшему, подумал он, что сначала меня все это так ошарашило. Я даже не мог понять, в чем дело.

— Что ж, может, и так,— сказал он, инстинктивно сопротивляясь подсказываемому сознанием выводу, уж слишком быстро теснящему привычный ход мыслей.— Я могу предложить тебе перекусить. И приготовлю кофе.

— Кофе...— Улисс причмокнул тонкими губами.— У тебя есть кофе?

— Я сделаю большой кофейник. И разобью туда сырое яйцо, чтобы осела гуща.

— Замечательно! — воскликнул Улисс.— Сколько я напитков перепробовал на разных планетах, но кофе мне понравился больше всего.

Они прошли на кухню. Инек поворошил угли в печке и подбросил еще несколько поленьев. Затем налил в кофейник воды и поставил его на огонь. Принес из кладовой яйца и слазил в подпол за окороком. Улисс сидел неподвижно в кресле и наблюдал за его действиями.

— Ты ешь ветчину и яйца? — спросил Инек.

— Я ем все,— ответил Улисс.— Моя раса очень легко приспосабливается к чему угодно. По этой причине меня и послали на твою планету в качестве... Как это называется?.. Высматривателя?

— Разведчика,— подсказал Инек.

— Да, верно. Разведчика.

Инек удивился, что с ним так легко разговаривать — почти как с обычным человеком, хотя, видит бог, на человека Улисс совсем не походил. Скорее на какую-то дикую карикатуру человека.

— Ты уже так долго живешь здесь,— сказал Улисс,— и, наверное, любишь свой дом?

— Я тут родился. Правда, отсутствовал четыре года, но родной дом всегда родной.

— Я тоже жду не дождусь, когда смогу вернуться домой. Давно я там не был. Но такие задания, как это, всегда отнимают много времени.

Инек положил на стол нож, которым резал ветчину, и тяжело опустился на стул, глядя на Улисса, сидящего по другую сторону стола.

— Ты отправишься домой?

— Конечно,— ответил Улисс.— Я почти закончил свою работу, и у меня тоже есть дом. А ты как думал?

— Не знаю,— тихо произнес Инек.— Я еще ничего об этом не думал.

Вот оно как... Ему и в голову не пришло, что у такого существа тоже может быть дом. Дом в его представлении мог быть только у человека.

— При случае,— сказал Улисс,— я расскажу тебе о своем доме, и, возможно, ты даже будешь когда-нибудь моим гостем.

— Там, среди звезд...

— Сейчас тебе все кажется странным,— сказал Улисс.— Ты не сразу привыкнешь. Но, узнав нас лучше — всех нас,— ты многое поймешь. И я надеюсь, мы понравимся тебе. Галактику населяет множество самых разных существ. И все мы, право же, неплохие соседи.

Звезды, застывшие в одиночестве космоса... Инек даже представить не мог, насколько они далеки, и что они такое, и для чего существуют. Другой мир — нет, неверно! — много других миров. И там живут люди. Много других людей. Самые разные люди на каждой из этих звезд. И один из них сидит у него в кухне, ждет, когда закипит вода в кофейнике и поджарится яичница с ветчиной.

— Но почему?..— спросил Инек.— Зачем я тебе нужен?

— Мы все — путешественники. И нам нужна здесь пересадочная станция. Мы хотели бы превратить этот дом в станцию, а ты стал бы ее смотрителем.

— Этот дом?

— Мы не можем построить новую станцию, потому что твои люди начнут задавать вопросы: кто строит, для чего? Мы вынуждены использовать уже существующие строения и переделывать их для наших целей. Но только внутри. Снаружи мы оставляем все как есть. Я хочу сказать, внешний вид остается прежним. Мы не хотим, чтобы кто-то задавал вопросы. Это важно...

— А путешествия?

— Мы путешествуем от звезды до звезды быстрее, чем ты можешь об этом подумать,— сказал Улисс.— Быстрее, чем ты моргнешь. У нас есть то, что ты назвал бы машинами. Но это не машины, во всяком случае не те, которые ты знаешь.

— Извини,— произнес Инек в замешательстве,— но все это кажется совершенно невероятным.

— Ты помнишь, когда в Милвилл пришла железная дорога?

— Помню Я тогда был совсем еще мальчишкой.

— Тогда представь себе: это просто еще одна железная дорога, и Земля на ней — просто городок, а твой дом — станция для новой, необычной дороги. Разница только в одном: никто на Земле, кроме тебя, не будет знать о существовании новой дороги. И этой станции. Совсем маленькая станция — место, где можно немного отдохнуть и пересесть на другой поезд. Однако на Земле никто не сможет купить на него билет.

В таком виде, конечно, это звучало просто, но Инек чувствовал, что на самом деле все несравненно сложнее.

— Вагоны в космосе? — спросил он.

— Не вагоны,— ответил Улисс.— Это нечто совсем иное, и я даже не знаю, как тебе объяснить...

— Может, тебе стоит подыскать кого-то другого. Кого-то, кто сможет понять.

— Пока что на этой планете нет никого, кто сумел бы понять меня пусть даже приблизительно. Так что, Инек, ты устраиваешь нас так же, как любой другой. И во многих отношениях даже больше, чем любой другой.

— А знаешь...

— Ты что-то хотел сказать?

— Нет, ничего.

Он просто вспомнил, как сидел на крыльце и думал о том, что остался совсем один и надо начинать новую жизнь. Да, ничего не поделаешь, надо строить свою жизнь сначала.

И вдруг вот оно, начало, удивительное, пугающее. Такое не привиделось бы ему даже в самом безумном сне!

Глава 11

Инек отправил сообщение в архив и послал подтверждение: «Номер 406302 получен. Кофе на плите. Инек».

Убрав текст с экрана, он подошел к приготовленному перед уходом жидкостному контейнеру номер три. Проверил температуру и уровень раствора, еще раз убедился, что контейнер надежно закреплен под материализатором.

После этого Инек прошел ко второму материализатору, стоявшему в углу,— для официальных визитов и аварийных ситуаций — и внимательно проверил приборы. Как всегда, все было

в порядке, но Инек обязательно осматривал материализатор перед каждым визитом Улисса. Сам он, конечно, починить его не мог, и в случае поломки ему полагалось просто послать срочное сообщение в Галактический Центр, после чего на станцию через рейсовый материализатор явился бы кто-нибудь, кто в состоянии справиться с этой задачей.

Такой порядок объяснялся тем, что материализатор для официальных визитов и аварийных ситуаций предназначался только для тех целей, какие предполагало название: для визитов сотрудников Галактического Центра и для возможных непредвиденных обстоятельств. И управление осуществлялось не со станции, а из Галактического Центра.

В качестве инспектора этой и нескольких других станций Улисс имел право пользоваться материализатором в любое время и без уведомления. Но за все годы их дружбы, вспоминал Инек с гордостью, Улисс ни разу не забыл предупредить его о предстоящем визите. Своего рода знак внимания, и, как Инек знал, его заслужили далеко не все станции огромной транспортной сети Галактики, хотя наверняка есть смотрители, к которым в Галактическом Центре относятся с таким же уважением.

Сегодня, подумал Инек, он, может быть, расскажет Улиссу о начавшейся слежке. Наверное, следовало сделать это раньше, но очень уж не хотелось все это объяснять — ведь тем самым он признал бы, что человечество может создать для галактической системы какие-то сложности.

Безнадежное дело, конечно, эта его одержимость, стремление доказать, что люди Земли добры и разумны. Потому что они довольно часто бывают и недобры, и неразумны. Человечество, наверное, просто еще не повзрослело. Да, земляне стремительно прогрессируют, они, случается, проявляют друг к другу сострадание и даже способны понять друг друга, но как же жалки их достижения во многих других областях...

Если бы только появился у людей шанс, говорил себе Инек, если бы как-то помочь им, если дать понять, какой огромный мир там, в космосе, тогда бы они спохватились, поумнели, и со временем их приняли бы в огромное братство звездных народов.

А когда их примут, они докажут, что достойны его, и многое смогут свершить, потому что люди — еще молодая раса, энергичная. Порой даже слишком энергичная.

Инек тряхнул головой, прошел через комнату и сел за стол, затем освободил пачку газет и журналов от бечевки, которой их перевязал Уинслоу, и разложил почту на столе: несколько ежедневных газет, еженедельник новостей, два журнала — «Природа» и «Наука» — и письмо.

Отодвинув газеты в сторону, он взял в руки письмо: авиа, на штемпеле — Лондон, а над обратным адресом — незнакомое ему имя. Странно, с чего это вдруг незнакомый человек пишет ему из Лондона? Впрочем, напомнил он себе, любой человек из Лондона или еще откуда-нибудь будет для него незнакомым. Ни в Лондоне, ни где-то еще он никого не знает.

Инек разрезал конверт, развернул листок и пододвинул лампу поближе, чтобы свет падал прямо на письмо.

«Уважаемый сэр,— прочел он,— *я подозреваю, что Вы меня не знаете, но я один из редакторов британского журнала "Природа", который Вы выписываете много лет подряд. Я не воспользовался редакционным бланком, поскольку это письмо личное, неофициальное и, возможно, даже несколько бестактное.*

Вам, быть может, будет небезынтересно узнать, что Вы являетесь нашим старейшим подписчиком. Уже более восьмидесяти лет мы высылаем Вам наш журнал.

Понимая, что это, строго говоря, меня не касается, мне все же хотелось бы спросить у Вас, выписываете ли Вы весь этот срок журнал сами или его выписывал в свое время Ваш отец (или кто-то из близких), а Вы просто оставили подписку на его имя?

Мой вопрос, безусловно, свидетельствует о непрошеном и непростительном любопытстве, поэтому, если Вы, сэр, предпочтете оставить его без ответа — это, разумеется, Ваше право и Вы поступите вполне естественно. Однако если Вы все же сочтете возможным ответить мне, я буду Вам чрезвычайно признателен.

В свое оправдание могу только сказать, что я проработал в журнале очень долгое время и испытываю определенную гордость оттого, что кто-то считал его достойным внимания более восьмидесяти лет подряд. Честно говоря, я сомневаюсь, что многие издания могут похвастаться столь продолжительным интересом со стороны одного человека.

Позвольте заверить Вас в моем бесконечном уважении.

Искренне Ваш».

И подпись.

Инек отодвинул письмо в сторону.

Вот оно, снова, подумал он. Еще один наблюдатель. Впрочем, вежливый и корректный. Никаких осложнений здесь, скорее всего, не будет.

Но тем не менее это еще один наблюдатель, который его заметил, который заинтересовался, обнаружив, что один и тот же человек выписывает журнал в течение восьмидесяти с лишним лет.

С годами таких любопытствующих будет все больше и больше. Видимо, ему следует беспокоиться не только из-за наблюдателей, засевших вокруг станции,— ведь сколько еще будет других! Человек, как бы он ни старался, не может спрятаться от мира. Рано или поздно мир его заметит и соберется у порога его жилища сгорающей от любопытства толпой, чтобы узнать, почему он прячется.

Инек отдавал себе отчет в том, что времени у него почти не осталось. Толпа уже подступала к порогу.

«Что им от меня нужно? — думал он.— Может быть, они отстанут, если объяснить им, в чем дело?» Но объяснить-то он как раз и не мог. Даже если рассказать им правду, все равно найдутся такие, что не уйдут, не отвяжутся...

Материализатор в другом конце комнаты подал сигнал, и Инек обернулся.

Прибыл путешественник с Тубана. В контейнере плавала темная шарообразная масса, а над ней покачивался на поверхности раствора какой-то прямоугольный предмет.

Видимо, багаж, подумал Инек. Хотя в сообщении говорилось, что путешественник будет без багажа. Он заторопился к контейнеру и на полпути услышал доносящиеся из него частые щелчки — гость с Тубана заговорил:

— Подарок. Для тебя. Мертвое растение.

Инек уставился на плавающий в контейнере куб.

— Возьми,— прощелкал инопланетянин.— Это тебе.

В ответ Инек неуверенно простучал пальцами по прозрачной стенке контейнера:

— Благодарю тебя, милостивый странник.

Назвав это шарообразное существо «милостивым странником», он тут же засомневался, правильное ли выбрал обращение. За долгие годы он так и не разобрался до конца в тонкостях галактического этикета и иногда допускал ошибки. С некоторыми существами полагалось разговаривать таким вот цветистым стилем (само обращение тоже зависело от каждого конкретного случая), с другими можно было общаться при помощи вполне обычных, простых слов.

Инек склонился над контейнером, извлек куб и увидел, что это кусок тяжелой древесины — черной, как эбеновое дерево, и такой плотной, что поверхность ее казалась гладкой, будто камень. Инек усмехнулся про себя: благодаря Уинслоу он уже стал в некотором роде экспертом, понимает толк в дереве.

Положив куб на пол, он повернулся к контейнеру.

— Не объяснишь ли ты мне,— обратился к нему инопланетянин,— для чего оно вам нужно? У нас это совершенно бесполезная вещь.

Инек помедлил, тщетно пытаясь отыскать в памяти код, соответствующий слову «вырезать».

— Для чего же? — повторил гость.

— Прошу прощения, милостивый странник. Я не очень часто пользуюсь этим языком. Мне не хватает слов.

— Пожалуйста, не называй меня «милостивым странником». Я самое обычное существо.

— Мы придаем ему форму,— простучал Инек.— Другую форму. Если ты обладаешь способностью видеть, я могу показать тебе такую вещь.

— Нет, я не обладаю этой способностью,— ответил гость.— Мы можем многое другое, но видеть нам не дано.

Прибыл путешественник с Тубана в форме шара, но теперь он начал медленно растекаться в стороны.

— Ты,— прощелкал он,— существо двуногое?

— Да.

— Твоя планета твердая?

Твердая? А, твердая или жидкая — вот что интересует гостя, догадался Инек.

— Поверхность на одну четверть твердая. Оставшаяся часть покрыта жидкостью.

— Моя планета почти вся жидкая. Совсем мало тверди. Очень удобный мир.

— Я хотел задать тебе вопрос,— прощелкал Инек.

— Спрашивай.

— Ты математик? Я имею в виду, вы все математики?

— Да,— ответило существо.— Занятие математикой — превосходный отдых.

— Ты хочешь сказать, что вы не используете математику в практических областях?

— Когда-то использовали. Но теперь в этом нет необходимости. Все, что нам нужно, у нас уже есть. Теперь это отдых.

— Я слышал о вашей системе счисления...

— Она сильно отличается от тех, что распространены на других планетах. Наша система гораздо лучше.

— Ты можешь рассказать мне о ней?

— А ты знаком с системой счисления, которой пользуются жители Полариса-VII?

— Нет,— ответил Инек.

— Тогда это бессмысленно. Сначала нужно изучить их систему.

Вот так, подумал Инек. Этого следовало ожидать. В Галактике накоплено так много знаний, а он ознакомился лишь с крохотной их частью и при этом понял только малую долю того, с чем ознакомился.

Однако на Земле есть люди, которые способны понять гораздо больше. Люди, которые отдадут последнее даже за то немногое, что стало доступно ему, и наверняка найдут способ употребить эти знания в дело.

Там, среди звезд, накопился колоссальный запас знаний — и новые открытия в развитие тех, что уже известны человечеству, и такие науки, о которых человечество еще даже не догадывается. Может быть, так и не догадается, если по-прежнему будет предоставлено самому себе.

Ну хорошо, пройдет еще лет сто... Сколько нового узнает он за сто лет? За тысячу?

— Теперь я хочу отдохнуть,— прощелкал гость с Тубана.— Приятно было с тобой поговорить.

Глава 12

Повернувшись к контейнеру спиной, Инек поднял с пола брусок. На полу осталась маленькая блестящая лужица натекшей с него жидкости.

Он отнес подарок к окну в противоположном конце комнаты и принялся внимательно его разглядывать: черная тяжелая древесина с очень плотной структурой, в одном месте остался кусок коры. Видно было, что куб опилен со всех сторон. Кто-то подгонял размеры, чтобы он тут, на станции, поместился в контейнер.

Инеку вспомнилась статья, которую он прочел в одной газете всего день или два назад. Автор этой статьи, ученый, утверждал, что на планетах, не имеющих суши, разумная жизнь возникнуть не может.

Разумеется, ученый ошибался, потому что цивилизация Тубана-VI возникла именно на такой планете, и в галактическое содружество входило много других миров, поверхность которых сплошь покрыта жидкостью. Человечеству, если оно когда-нибудь узнает о существовании галактической культуры, предстоит не только учиться, но во многом еще и переучиваться.

Например, представление о том, что скорость света — это предел...

Если бы ничто не могло двигаться быстрее света, галактическая транспортная система была бы просто невозможна.

Однако не стоит слишком строго судить за это человечество, напомнил себе Инек. Наблюдения — это единственный способ получения данных, посредством которого человек — или, если на то пошло, кто угодно — может делать выводы о природе Вселенной. И поскольку человечество пока не обнаружило ничего такого, что движется быстрее света, оно вправе предположить, что ничто и в самом деле не может двигаться быстрее. Но только предположить. Не больше.

Потому что импульсная система, переносившая путешественников от звезды к звезде, работала почти мгновенно независимо от расстояния...

Размышляя об этом, Инек признался себе, что даже ему самому порой с трудом в это верится.

Секунду назад существо, плавающее в контейнере, находилось в таком же контейнере на другой станции, где материализатор скопировал его целиком — не только тело, но и то неуловимое нечто, делавшее его существом одушевленным,— а затем практически мгновенно перенес в виде импульса через бездну пространства в материализатор этой станции, воссоз-

давший и тело, и разум, и память, и жизнь существа, оставшегося за много световых лет отсюда и теперь уже мертвого. В контейнере возникло новое тело с новым разумом, памятью, жизнью — совершенно новое существо, но точно такое же, как и прежде. Его личность, его сознание остались неизменными, и лишь на ничтожно малое мгновение прервалось течение мысли — так что существо это осталось во всех отношениях прежним.

Разумеется, возможности импульсной системы были не безграничны, но не скорость накладывала ограничения, поскольку импульс мог пересечь всю Галактику практически мгновенно. Проблема заключалась в том, что при определенных условиях характеристики импульса нарушались и, чтобы воспрепятствовать этому, требовалось много пересадочных станций — многие тысячи станций. Пылевые облака, скопления межзвездного газа, области с высокой ионизацией — все это могло разрушить импульс, и в тех районах Галактики, где встречались подобные опасности, станции строились гораздо ближе друг к другу. Нередко их строителям приходилось прокладывать маршруты в обход больших концентраций газа или пыли, способных исказить сигнал.

Сколько уже безжизненных тел, подумал Инек, оставило это существо позади, на других станциях, расположенных вдоль пути его следования? Таких же безжизненных, каким станет это тело, плавающее в контейнере, спустя несколько часов, когда существо в виде импульса отправится дальше.

Длинная цепочка безжизненных тел, протянувшаяся среди звезд,— каждое из них должно быть уничтожено кислотой и смыто в глубинный резервуар, а само существо тем временем продолжает свой путь от станции к станции, пока не доберется туда, куда влечет его цель путешествия.

Но что, какие задачи влекут в дорогу жителей Галактики от станции к станции, через космическую бездну? Их так много, этих существ, а значит, и цели у них разные. Иногда из разговоров с гостями Инек узнавал о целях путешествия, но по большей части оставался в неведении, да и не считал он себя вправе вмешиваться.

Хозяин постоялого двора, думал Инек, хотя многим существам он и в такой роли не всегда нужен. Но во всяком случае, человек, который следит за надежностью станции, работает

здесь, готовит, что надо, к приему путешественников и отправляет их дальше, когда подходит время. А также выполняет мелкие просьбы и поручения, если в этом возникает необходимость.

Инек взглянул на деревянный куб и представил, как обрадуется Уинслоу. Такое дерево — черное и плотное — попадалось крайне редко.

Как бы повел себя Уинслоу, если бы узнал, что его статуэтки вырезаны из дерева, выросшего на неизвестной планете за много световых лет от Земли? Должно быть, он не раз задавал себе вопрос, откуда берется такое дерево и как Инеку удается его добывать. Но он никогда не спрашивал напрямую. Конечно же, Уинслоу чувствовал, что в этом человеке, который каждый день встречает его у почтового ящика, есть что-то странное. Но он ни о чем его не расспрашивал, никогда.

Видимо, потому, что они друзья, говорил себе Инек.

И этот кусок древесины, что он держал в руке, тоже свидетельство дружбы — дружбы, установившейся между жителями звезд и обычным, незаметным смотрителем станции, затерявшейся в одном из спиральных рукавов Галактики, далеко-далеко от ее центра.

Очевидно, с годами по Галактике разнесся слух, что на этой станции есть смотритель, который коллекционирует экзотические породы дерева,— и он стал получать подарки. Не только от тех существ, которых он считал своими друзьями, но и от незнакомцев вроде этого, что отдыхал сейчас в контейнере.

Инек положил полешко на стол и подошел к холодильнику. Достал кусок выдержанного сыра, что привез Уинслоу несколько дней назад, и пакетик фруктов, который днем раньше подарил ему путешественник с Сирра-Х.

— Проверено,— сказал он Инеку.— Ты можешь употреблять это в пищу без всякого вреда. Никакой опасности для метаболизма. Может быть, ты уже пробовал их раньше? Нет? Жаль. Восхитительный вкус. Если тебе понравится, я в следующий раз привезу еще.

Из шкафа рядом с холодильником Инек достал небольшую плоскую буханку хлеба — часть рациона, ежедневно предоставляемого Галактическим Центром. Хлеб, испеченный из

неизвестной на Земле муки, слегка отдавал орехами и какими-то инопланетными специями.

Инек разложил все на кухонном столе — так он его называл, хотя на самом деле кухни как таковой в доме не было,— затем поставил на плиту кофейник и вернулся к письменному столу.

Раскрытое письмо все еще лежало посередине. Он сложил его и убрал в ящик.

Сняв коричневые обертки с газет, он отобрал «Нью-Йорк таймс» и сел читать в свое любимое кресло.

«ДОГОВОРЕННОСТЬ О НОВОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ» — значилось на первой же странице.

Кризис назревал уже больше месяца — последний из серии кризисов, что уже несколько лет подряд угрожали миру и спокойствию на Земле. И хуже всего, говорил себе Инек, это то, что большинство из них созданы искусственно,— то одна сторона, то другая пытается добиться преимуществ в бесконечном шахматном матче силовой политики, начавшемся сразу после Второй мировой войны.

В посвященных конференции статьях «Таймс» ощущался какой-то отчаянный, почти фаталистический подтекст, словно авторы, а может быть, и дипломаты, и все остальные непосредственные участники событий уже знали, что конференция ни к чему не приведет и, возможно, даже углубит кризис еще больше.

«Столичные обозреватели (писал один из сотрудников вашингтонского бюро «Таймс») отнюдь не убеждены, что конференция оттянет конфликт, как случалось на прошлых конференциях, или послужит продвижению вперед в спорных вопросах. Многие источники почти не скрывают, что конференция может вместо этого еще сильнее раздуть пламя вражды, так и не выработав в качестве компенсации каких-либо решений, которые откроют пути к компромиссу. Конференция предположительно должна предоставить возможность для трезвой оценки фактов и спорных доводов, однако сейчас мало кто верит, что предстоящая встреча послужит этой цели в полной мере».

Кофейник закипел, и Инек, отложив газету, бросился к плите, чтобы успеть его снять. Потом достал из шкафа чашку и поставил ее на стол.

Но прежде чем приняться за еду, он снова достал из ящика таблицу и развернул ее на письменном столе. В который раз уже его посетили сомнения, имеет ли она какую-либо практическую ценность, хотя временами ему казалось, что в определенных случаях таблица все же себя оправдывает.

Таблица основывалась на статистической теории, выработанной на Мицаре, но в силу природы изучаемого объекта он был вынужден заменить кое-какие величины и сместить влияние определенных факторов.

Поэтому Инек в тысячный раз задавал себе вопрос: не сделал ли он где-нибудь ошибку? Может быть, эти подстановки и замены свели достоверность результатов на нет? И если так, то каким образом он может исправить ошибки, чтобы восстановить объективность метода?

Вот они, факторы, думал Инек, все здесь: скорость прироста и численность населения Земли, смертность, официальные курсы денежных единиц, рост стоимости жизни, сведения о числе исповедующих различные религии, успехи медицины, прогресс технологии, темпы роста промышленного производства, состояние рынка рабочей силы, тенденции в мировой торговле и многие другие, включая даже то, что на первый взгляд может показаться не слишком важным,— цены, назначаемые на аукционах за произведения искусства, передвижение населения во время отпусков и предпочитаемые районы отдыха, скорости транспортных средств и количества психических расстройств.

Он знал, что статистические методы, созданные математиками Мицара, пригодны для любых условий и для любых ситуаций — но только если они применены правильно. Ему же пришлось подгонять модель ситуации на чужой планете к тому, что происходит здесь, на Земле. Не сказалась ли эта подгонка на работоспособности метода?

Инек снова взглянул на таблицу и вздрогнул. Если он нигде не ошибся, если все факты учтены правильно, если подгонка не нанесла ущерба самой концепции оценки, то Земля движется к еще одной большой войне, к уничтожительной ядерной катастрофе...

Он отпустил края листа, и таблица сама свернулась в трубку.

Протянув руку, Инек взял плод, подаренный ему гостем с Сирра, и откусил. Покатал на языке, наслаждаясь необычным вкусом, и решил, что он действительно выше всяких похвал, как утверждало это странное, похожее на птицу существо.

Было время, когда он надеялся, что таблица, созданная на основе мицарской теории, подскажет ему если не способ покончить с войнами, то хотя бы путь к тому, как продлить мир. Но таблица ничем не могла ему помочь. Путь, который она указывала, неумолимо вел к войне.

Сколько войн смогут еще вынести люди Земли?

Никто, конечно, не ответит с уверенностью, но, вполне возможно, это будет последняя война. Сила оружия, которое люди готовятся пустить в ход, никем еще не проверена в полной мере, и ни один человек не знает точно, каковы могут быть последствия.

Когда-то люди сражались, держа все свое оружие в руках, и уже тогда война была достаточно страшна, но в любой современной войне смертоносный груз будет обрушиваться с небес, сметая с лица земли сразу целые города — не скопления войск, а города со всем их населением.

Инек протянул руку к таблице, но остановился. Какой смысл просматривать ее еще раз? Он и так помнит все наизусть. Никакого проблеска надежды! Он может корпеть над таблицей до второго пришествия, и это ничего не изменит. Никакой надежды. Над миром снова сгущались грозовые тучи, и человечество неумолимо скатывалось к войне.

Он откусил еще кусочек — плод показался ему даже вкуснее. «В следующий раз,— сказало существо с Сирра,— я привезу тебе еще». Но, видимо, пройдет немало времени, прежде чем оно сюда вернется. А может быть, они никогда больше не увидятся. Многие путешественники показывались тут лишь единожды, хотя было и несколько таких, которые объявлялись чуть ли не каждую неделю,— постоянные посетители, они уже стали близкими друзьями.

Ему вспомнилась небольшая группа сиятелей, навестивших его много лет назад. В те далекие годы они заранее договаривались о длительных остановках на станции, чтобы можно было вволю посидеть за столом, поговорить с Инеком. Прибывали сиятели всегда словно на пикник — с огромными плетеными корзинами, полными всякой снеди и напитков.

Но в конце концов они перестали появляться. Инек уже давно не видел никого из них и грустил: с ними всегда было весело и интересно.

Инек выпил еще одну чашку кофе и все сидел за столом, вспоминая старые добрые времена, когда его посещала эта маленькая компания сиятелей.

Тут послышался легкий шорох, и, вскинув взгляд, он увидел на диване женщину в скромной юбке с кринолином, какие носили в шестидесятых годах прошлого века.

— Мэри! — удивленно воскликнул он, вскакивая на ноги.

Мэри улыбалась ему, как умела улыбаться только она одна. Какая она красивая, подумал Инек, с ней просто никто не сравнится.

— Мэри,— сказал он,— я так рад тебя видеть!

Тут Инек заметил, что в комнате появился еще один его друг: у камина стоял мужчина с пушистыми черными усами, в синей военной форме и с саблей на поясе.

— Привет, Инек! — сказал Дэвид Рэнсом.— Надеюсь, мы не помешали?

— Что ты! Как могут помешать двое лучших друзей!

Он стоял у стола, а вокруг него возникало прошлое, доброе, понятное прошлое, напоенное ароматом роз, прошлое, которое он не так уж часто вспоминал, но которое никогда его не покидало.

Откуда-то издалека доносились звуки флейты и барабана, бряцание оружия и амуниции, юноши уходили на войну под предводительством славного полковника при всех регалиях, гарцующего на великолепном черном скакуне; на порывистом июньском ветру реяли полковые знамена.

Инек прошел через комнату и остановился у дивана.

— Ты не возражаешь? — спросил он с легким поклоном.

— Садись, пожалуйста,— ответила она.— И если у тебя дела...

— Никаких дел. Я так надеялся, что вы придете.

Инек опустился на диван, но чуть поодаль от нее. Он смотрел на ее руки, чинно сложенные на коленях, и ему хотелось взять их хоть на мгновение, подержать в своих руках, но он знал, что не может этого сделать.

Потому что Мэри здесь не было.

— Прошла почти неделя с тех пор, как мы виделись в последний раз,— сказала Мэри.— Как твоя работа, Инек?

Он покачал головой:

— Все те же проблемы. За мной по-прежнему следят. А таблица предсказывает войну.

Дэвид прошел по комнате и, опустившись в кресло, положил саблю на колени.

— Война, если судить по тому, как сейчас воюют,— заявил он,— будет страшна и безжалостна. Мы в свое время воевали совсем не так.

— Да,— сказал Инек,— мы воевали не так. Но хотя война ужасна сама по себе, сейчас может произойти нечто еще более ужасное. Если на Земле разразится еще одна война, мы закроем себе дорогу к галактическому братству — навсегда или по крайней мере на многие века.

— Может быть, это и не так плохо,— предположил Дэвид.— Мы пока еще не готовы присоединиться к жителям Галактики.

— Может быть, и не готовы,— произнес Инек.— Я тоже такого же мнения. Но когда-нибудь это должно произойти. А если у нас начнется война, этот день отодвинется далеко в будущее. Чтобы объединиться с другими расами, нужно хотя бы делать вид, что мы цивилизованны.

— А если они не узнают? — спросила Мэри.— Я имею в виду, про войну. Они ведь нигде, кроме этой станции, не бывают.

Инек покачал головой:

— Узнают. Я думаю, они за нами наблюдают. И уж во всяком случае, прочтут в газетах.

— В тех, что ты выписываешь?

— Я их сохраняю для Улисса. Вон та стопка в углу. Он каждый раз забирает их в Галактический Центр: за годы, что Улисс провел здесь, Земля очень заинтересовала его. И я подозреваю, эти газеты, после того как он их прочтет, попадают в самые разные уголки Галактики.

— Представляешь,— сказал Дэвид,— как бы удивились в отделах подписки, узнай они, сколь широко распространяются их газеты?

Инек улыбнулся.

— В Джорджии выходит одна газета,— добавил Дэвид — Так вот, они пишут в своих рекламных объявлениях, что появляются «каждое утро так же регулярно и повсеместно, как роса на траве». Придется им придумать что-нибудь в таком же духе, только про всю Галактику.

— «Наша "Перчатка" годится для всей Галактики!» — живо отозвалась Мэри.— Каково?

— Вот-вот.

— Бедный Инек! — произнесла Мэри с сожалением.— Мы тут сидим и развлекаемся шуточками, а у него столько проблем.

— Не мне их, конечно, решать,— ответил Инек,— но все-таки они меня беспокоят. Впрочем, чтобы избавиться от них, достаточно не выходить из дома, и все проблемы исчезнут. Когда дверь дома захлопывается, проблемы Земли остаются снаружи.

— Но ты не можешь так поступить.

— Не могу.

— Я думаю, ты прав, полагая, что другие расы наблюдают за нами,— сказал Дэвид.— Может быть, с намерением в один прекрасный день пригласить человечество присоединиться к ним. Иначе зачем бы им понадобилась станция здесь, на Земле?

— Они расширяют транспортную сеть постоянно. И станция в нашей Солнечной системе была нужна им, чтобы продлить маршрут в этом спиральном рукаве Галактики.

— Да, верно,— согласился Дэвид,— но почему именно на Земле? Они могли построить станцию на Марсе. Назначили бы смотрителем кого-нибудь из своих, и все было бы прекрасно.

— Я об этом часто думаю,— сказала Мэри.— Им понадобилась станция именно на Земле и смотритель — землянин. Должно быть, для этого есть какая-то серьезная причина.

— Я тоже надеялся, но, боюсь, они пришли слишком рано. Слишком рано для человечества. Мы еще не повзрослели. Мы все еще подростки.

— А как жаль! — вздохнула Мэри.— Мы могли бы многому у них научиться. Ведь они знают куда больше нас. Взять, например, их концепцию религии...

— Я не думаю,— сказал Инек,— что это на самом деле религия. У них нет тех привычных ритуалов, что мы ассоциируем с религией. И основано их мироощущение не на вере. В ней нет необходимости. Их понимание основано на знании. Они просто знают.

— Ты имеешь в виду энергию духовности...

— Да, и это такая же сила, как и все другие, из которых складывается Вселенная. Энергия духовности существует точно так же, как время, пространство, гравитация и все те факторы, что характеризуют нематериальную сторону Вселенной. Она просто есть, и люди галактического содружества научились ее использовать.

— Но, видимо, люди Земли тоже ее ощущают? — спросил Дэвид.— Они не знают о ее существовании, но чувствуют что-то. И тянутся к ней. Поскольку точного знания нет, людям остается только вера, которая имеет давнюю историю. Может быть, еще с пещерных времен. Это грубая, примитивная вера, но тоже вера, поиск, попытка.

— Очевидно, да,— ответил Инек.— Но на самом деле я думал не об энергии духовности. Я имел в виду другое: практические достижения, научные методы, философские концепции, которые человечество могло бы использовать. Назови любую отрасль науки — и у них наверняка найдется что-то для нас новое, потому что они знают гораздо больше нас.

Однако мысли Инека возвращались к удивительной концепции энергии духовности и еще более удивительной машине, построенной много тысячелетий назад, с помощью которой жители Галактики черпали эту энергию. У машины было название, но подобрать близкое по значению на родном языке оказалось трудно. Ближе всего подходило слово «талисман», но Инек считал его слишком неточным, хотя именно такое слово употребил Улисс, когда они впервые разговаривали об этом много лет назад.

Там, в Галактике, существовало столько удивительного, столько различных концепций, и многие из них просто нельзя ни изложить, ни объяснить ни на одном из языков Земли. Талисман — это не просто талисман, и машина, которую так назвали,— не просто машина. Помимо определенных механических принципов в нее заложили принципы духовные, может быть, некий резонатор психической энергии, неизвестной на

Земле. Это и еще многое другое. В свое время он знакомился с литературой, посвященной энергии духовности и Талисману, и, читая, осознавал, насколько далек от истинного понимания, насколько далеко от понимания все человечество.

Привести Талисман в действие могли лишь некоторые существа с определенными особенностями мышления и еще некими свойствами (может быть, думал он, это особые качества души?). Термин, которым этих существ называли, Инек перевел для себя как «восприимцы», хотя его и здесь не оставляли сомнения в точности соответствия. Хранился Талисман у наиболее способного, или наиболее умелого, или наиболее преданного из галактических восприимцев, который переносил его от звезды к звезде,— этакое бесконечное шествие. Через Талисман и его хранителя обитатели каждой планеты черпали вселенскую энергию духовности.

Мысль об этом буквально потрясала, наполняя душу восторгом. Мысль о возможности соприкоснуться с духовностью, заполняющей Галактику и, без сомнения, Вселенную целиком. Как это, должно быть, замечательно, думал он, и сколько рождает уверенности в том, что жизнь занимает особое место в великой схеме бытия, что даже один-единственный человек, независимо от того, сколь он мал, слаб и незначителен, все же наделен важной ролью в грандиозном действе, развертывающемся в пространстве и времени.

— Что-то случилось, Инек? — спросила Мэри.

— Нет, ничего,— ответил он.— Я просто задумался. Прошу прощения.

— Ты говорил о том, какие великие открытия ждут нас в Галактике,— сказал Дэвид.— Вот тот, например, раздел математики, о котором ты когда-то нам рассказывал...

— Ты имеешь в виду математику Арктура? Я и сейчас знаю не больше, чем тогда. Слишком для меня сложно. Этот раздел математики основан на поведенческом символизме.

Трудно даже назвать эту дисциплину математикой, думал он, хотя, если вдуматься, «математика» — самый подходящий термин. Это именно то, чего, без сомнения, не хватает ученым Земли, чтобы их социальные исследования оказывались эффективными и логичными в такой же степени, как эффективны и логичны механизмы, создаваемые на планете с помощью традиционных разделов математики.

— А вспомни биологию, созданную расой из созвездия Андромеды, которая заселила все эти непокорные планеты,— сказала Мэри.

— Да, я помню. Но Земля должна развиться и интеллектуально, и морально, прежде чем мы сможем рискнуть по их примеру использовать такие знания. Хотя, я думаю, даже сейчас им нашлось бы применение.

При воспоминании о том, как андромедяне использовали свои знания, его охватывала дрожь. Видимо, это доказывало, что он все еще гражданин Земли, которому по-прежнему близки все пристрастия, предубеждения и привычки человеческого разума. Потому что андромедяне поступили в полном соответствии со здравым смыслом. Если ты не можешь колонизировать планету, оставаясь самим собой, в том виде, в каком существуешь, тогда ты просто изменяешься. Превращаешь себя в существо, которое способно на этой планете жить, и подчиняешь ее себе. Если надо стать червем, становишься червем. Или насекомым, или моллюском, или чем-то еще — чем или кем нужно. И меняешь ты при этом не только тело, но и разум, меняешь до такой степени, какая необходима, чтобы выжить на этой планете.

— А все их лекарства? — продолжала Мэри.— Все медицинские знания, которые можно было бы использовать на Земле. Хотя бы тот маленький набор, что прислали тебе из Галактического Центра.

— Да, набор лекарств, которые могли бы вылечить практически любую болезнь на Земле. Это мучит меня, пожалуй, сильнее всего. Знать, что они вот там, в шкафу, то есть уже на этой планете, где в них нуждается так много людей...

— Ты мог бы отправить образцы каким-нибудь медицинским организациям или производителям лекарств,— сказал Дэвид.

Инек покачал головой:

— Я уже думал об этом. Но я должен помнить и о Галактике, о своих обязательствах перед Галактическим Центром. Они так старались, чтобы станция осталась незамеченной. Мне нужно думать об Улиссе и обо всех моих друзьях. Я не могу разрушить их планы. Не могу предать их. И вообще, если вдуматься, Галактический Центр и работа, которую они выполняют,— все это гораздо важнее, чем одна только Земля.

— И нашим и вашим, значит,— произнес Дэвид с легкой издевкой в голосе.

— Вот именно. Одно время — много лет назад — я хотел написать несколько статей для научных журналов. Не медицинских, разумеется, потому что я ничего не смыслю в медицине. Лекарства у меня есть, лежат себе на полке, и к ним даже приложены инструкции по использованию, но эти таблетки, порошки, мази или что-то там еще — все уже готовое. Однако я все же набрался кое-каких знаний в других областях, что-то понял. Не очень много, но, во всяком случае, достаточно, чтобы намекнуть, в каком направлении надо двигаться. Для людей сведущих это вполне могло бы послужить толчком.

— Вряд ли из этого что-нибудь вышло бы,— заметил Дэвид.— У тебя нет практического опыта исследования. Ты нигде не учился и не связан ни с одним из колледжей или научных центров. Тебя бы просто не напечатали, если бы ты не представил каких-либо доказательств.

— Это я понимаю, конечно. Потому и не стал никуда писать. Я знал, что это безнадежно. Да и какие могут быть претензии к научным журналам — они ведь должны отвечать за то, что печатают. Их страницы открыты отнюдь не для любого желающего. Но даже если бы редакторы отнеслись к моим статьям уважительно и захотели их опубликовать, они непременно захотели бы узнать, кто я такой. А это привело бы их на станцию.

— Но даже если бы ты сумел остаться в тени,— добавил Дэвид,— не только в этом все дело. Вот ты говорил о своей лояльности к Галактическому Центру...

— Если бы на меня никто не обращал внимания, все было бы в порядке. Если бы я мог просто подбрасывать земным ученым идеи, чтобы они сами разрабатывали их дальше, это не принесло бы вреда Галактическому Центру. Главная проблема в том, чтобы не раскрывать источник идей.

— Видимо, даже в этом случае ты все равно не смог бы слишком много,— сказал Дэвид.— У тебя нет достаточно подробных данных, чтобы на их основе можно было сделать что-то значительное. Галактическая наука слишком далека от привычных, наезженных дорог.

— Это я понимаю,— ответил Инек.— Например, психотехника Манкалинена-III. Если бы Земля располагала этими знаниями, люди наверняка нашли бы способы лечения нервных и умственных расстройств. Мы освободили бы бесчисленные заведения для нервнобольных, а потом снесли бы их или стали использовать для чего-то другого. Они просто стали бы ненужными. Но кроме жителей Манкалинена-III, нас некому научить. Сам я знаю только, что они достигли в психотехнике невероятных успехов, но больше мне ничего не известно. Но ведь я ничего не смыслю в этой науке. Точные знания можно получить только от них, от жителей звезд.

— Ты все время говоришь о неизвестных науках,— сказала Мэри.— Люди еще даже не подозревают об их существовании.

— И не только люди — мы тоже,— добавил Дэвид.

— Дэвид! — воскликнула Мэри.

— Нам незачем прикидываться людьми,— ответил Дэвид рассерженно.

— Но вы — люди,— сказал Инек с усилием.— Для меня вы — люди. Кроме вас, у меня никого нет. В чем дело, Дэвид?

— Мне кажется, пришло время сказать, кто мы на самом деле,— ответил тот.— Мы — иллюзии, плод воображения. Мы созданы тобой с единственной целью: появляться и разговаривать с тобой, заменяя тебе настоящих людей, общения с которыми ты лишен.

— Но ты ведь так не думаешь, Мэри! — крикнул Инек.— Ты не можешь так думать!

Он потянулся к ней и тут же безвольно уронил руки, с ужасом осознав, что хотел сделать. Впервые в жизни Инек попытался дотронуться до нее, впервые за все эти годы он забылся.

— Извини, Мэри. Мне не следовало этого делать.

В ее глазах заблестели слезы.

— Если бы это было возможно! — вздохнула она.— Я так хотела бы, чтобы это было возможно!

— Дэвид,— позвал Инек, не поворачивая головы.

— Дэвид ушел,— сказала Мэри.— Он не вернется.— Мэри медленно покачала головой.

— В чем дело, Мэри? Что происходит? Что я такое наделал?

— Ничего,— ответила она,— если не считать, что ты сделал нас слишком похожими на людей. Настолько похожими, что у нас появились все человеческие качества. И теперь мы уже не марионетки, не красивые куклы, мы — люди! Мне кажется, именно это мучило Дэвида больше всего — не то, что он человек, а то, что, став человеком, он по-прежнему остается тенью. Раньше, когда мы были куклами, это не имело значения. У нас не было тогда человеческих чувств.

— Прости меня, Мэри,— произнес Инек.— Прошу тебя, прости!

Она наклонилась к нему, и лицо ее озарилось нежностью.

— Ты ни в чем не виноват. Скорее мы должны благодарить тебя. Ты создал нас, потому что любил, и это прекрасно — знать, что ты любима и нужна.

— Но теперь все по-иному,— молил Инек.— Теперь вы приходите ко мне сами, по собственной воле.

Сколько лет уже прошло? Должно быть, все пятьдесят. Мэри стала первой, Дэвид — вторым. Из всех, кого воскрешало его воображение, они были ближе и дороже других.

А сколько лет минуло с тех пор, как он попытался сделать это впервые? Сколько лет провел он, изучая безымянную науку, созданную чудотворцами Альфарда-XXII?

Когда-то, в прежние дни, при его прежнем отношении к жизни, все это могло показаться ему черной магией, хотя черная магия была тут ни при чем. Скорее упорядоченные манипуляции некими естественными характеристиками Вселенной, о которых человечество еще не подозревает. Может быть, оно никогда их не откроет. Потому что на Земле просто не существовало — по крайней мере в настоящее время — направления научной мысли, необходимого для появления исследований, которые могли бы привести к такому открытию.

— Дэвид чувствовал,— сказала Мэри,— что так не может продолжаться вечно. Эти наши благочинные визиты... Рано или поздно должно было наступить время, когда нам пришлось бы признаться себе, кто мы такие.

— И остальные тоже так решили?

— К сожалению, да, Инек. Остальные тоже...

— А ты? Ты сама, Мэри?

— Не знаю,— ответила она.— Для меня все это по-другому... Я люблю тебя.

— И я тебя.

— Нет, ты не понимаешь! Я и вправду влюблена в тебя.

Инек застыл, глядя на нее, и ему почудилось, что весь мир заполнился грохотом, словно он сам остановился, а пространство и время все так же несутся мимо него.

— Если бы все оставалось по-прежнему, как вначале...— произнесла Мэри.— Тогда мы радовались своему существованию, эмоции наши были не столь глубоки, и нам казалось, что мы счастливы. Как маленькие беспечные дети, что играют на улице под яркими лучами солнца. Но потом мы повзрослели. И возможно, я больше, чем другие.

Она улыбнулась Инеку, но в глазах у нее стояли слезы.

— Не принимай это так близко к сердцу. Мы можем...

— Мэри, дорогая,— сказал Инек.— Я полюбил тебя с того самого дня, когда мы встретились впервые. А может быть, и еще раньше.

Он потянулся было к ней, но тут же опомнился и опустил руку.

— Я не знала этого...— проговорила Мэри.— Наверное, мне не следовало признаваться тебе... Если бы ты не знал, что я тоже тебя люблю, тебе, возможно, было бы легче.

Инек удрученно кивнул. Мэри склонила голову и прошептала:

— Боже праведный, за что ты обрушил на нас свою немилость? Мы ничем не заслужили такой кары.

Она подняла голову, посмотрела Инеку в глаза и добавила:

— Мне бы только коснуться тебя...

— Мы можем встречаться, как раньше,— сказал Инек.— Приходи в любое время, когда захочешь. Мы...

Она покачала головой:

— Теперь уже не получится. Для нас обоих это будет слишком тяжело.

Инек понял, что она права, что все кончено. Целых пятьдесят лет Мэри и другие люди-тени появлялись в доме, чтобы повидаться с ним. Но теперь они не вернутся. Сказочное королевство рассыпалось в прах, волшебные чары развеялись. Отныне он будет одинок — более одинок, чем когда-либо, чем до знакомства с ней.

Сама она не вернется, а у него не хватит духу вызвать ее снова, даже если бы он смог,— теперь мир теней и его любовь, единственная любовь в его жизни, уйдут навсегда.

— Прощай, моя любимая,— произнес он.

И откуда-то издалека, как поначалу показалось Инеку, до него донесся свист аппарата связи, требующего внимания к новому сообщению.

Глава 13

«Пришлось бы признаться себе, кто мы такие»,— сказала Мэри.

А действительно, кто они? Не в его представлении, а на самом деле? Что они думают о самих себе? Может быть, им известно больше, чем ему?

Куда ушла Мэри? В каком неизвестном измерении растворилась она, покинув эту комнату? Существует ли она сейчас? И если да, то что это за существование? Может быть, она лежит, словно кукла, в коробке, куда маленькие девочки прячут свои игрушки, убирая их в шкаф. А рядом хранятся все остальные куклы...

Инек попытался представить это вневременное, затерянное измерение, и воображение рисовало ему серую пустоту, где его прежние друзья существовали в небытии, где не было ни пространства, ни времени, ни воздуха, ни цвета, ни видения — одна бескрайняя пустота, которая простирается за пределами Вселенной.

«Мэри! — кричала его душа.— Мэри, что я натворил?»

Ответ лежал на поверхности — безжалостный и холодный.

Он вмешался в нечто такое, чего не понимал, и тем самым совершил еще больший грех, считая, что все понимает. На самом деле он понял самую малость — ровно столько, чтобы заставить принцип сработать, но он не понял, не смог предугадать, какие будут последствия.

Акт творения подразумевал ответственность, а он был готов лишь к моральной ответственности за причиненное зло, но ничем не мог помочь, а значит, был совершенно бессилен.

Они ненавидели его, негодовали, и Инек даже не мог их за это осуждать, потому что именно он вызвал их из небытия, показал им мир людей, а затем вернул обратно! Он дал им все, чем располагает человек, за одним, но самым важным исключением: им не дана была способность существовать в мире людей.

И они возненавидели его, все, кроме Мэри, но с Мэри было еще хуже. На нее он обрушил проклятие, ибо, вдохнув в нее все человеческое, он обрек Мэри на любовь к сотворившему ее чудовищу.

«Ты вправе ненавидеть меня, Мэри,— твердил он.— Как и все другие».

«Люди-тени» — так Инек их называл, но это всего лишь термин, который он придумал для собственного удобства, аккуратный ярлык, которым он всех их пометил, чтобы както отличать, когда о них думал.

Оказалось, ярлык неудачен, потому что они не тени и не призраки. Выглядели его творения так же материально, как и любые другие люди. И только если попытаться прикоснуться, становится понятно, что они нереальны: рука не чувствовала решительно ничего.

Игра воображения, как ему казалось прежде, но потом Инек начал сомневаться. Раньше они являлись, лишь когда он звал их, используя знания и приемы, приобретенные за годы изучения работ чудотворцев с Альфарда-XXII. Но в последние годы он ни разу не позвал их. Не приходилось. Они всегда появлялись сами. Словно чувствовали, что вот-вот понадобятся. Они предчувствовали, что он их позовет, знали это еще до того, как у него возникало желание увидеть их, и появлялись вдруг в комнате, чтобы провести с ним час или целый вечер.

Конечно, в определенном смысле они действительно плод его фантазии; создавая их, Инек сам не знал, почему создает именно такими. Позже понял, хотя старался гнать от себя это прозрение, предпочитая прежнее неведение. Долгие годы он старательно загонял объяснение в самый дальний уголок памяти. Но теперь когда они покинули его, Инек наконец взглянул правде в глаза.

Дэвид Рэнсом был им самим, каким он мечтал себя видеть, каким хотел быть и, разумеется, каким он никогда не был. Удалой офицер северян, не в очень высоком звании — в том смысле, что не этакий отяжелевший солидный вояка,— но с определенным положением в обществе. Подтянутый, жизнерадостный и, без сомнения, отчаянный храбрец, которого любят все женщины и уважают все мужчины. Прирожденный вожак и в то же время хороший друг, человек, который везде

чувствует себя на месте — и на поле битвы, и в светской гостиной.

А Мэри? «Странно,— подумал Инек,— что я всегда называл ее только по имени». У нее никогда не было фамилии, просто Мэри.

Но в ней слились две женщины — по меньшей мере две. Одна из них — Салли Браун, которая жила неподалеку от Уоллисов... Сколько лет уже прошло с тех пор, когда он в последний раз вспоминал Салли Браун? Странно, подумалось ему, что он так давно о ней не вспоминал, и теперь воспоминание о соседской девушке по имени Салли Браун буквально потрясло его. Ведь когда-то они любили друг друга, или, по крайней мере, им так казалось. Даже в более поздние годы, когда Салли вспоминалась уже сквозь романтическую дымку времени, Инек все равно не был уверен, любовь это была или просто фантазия молодого солдата, уходящего на войну. Робкое, еще неопределившееся чувство, любовь дочери фермера к сыну фермера-соседа. Они хотели пожениться, когда он вернется с войны, но спустя несколько дней после сражения под Геттисбергом Инек получил письмо, написанное тремя неделями раньше, в котором сообщалось, что Салли Браун умерла от дифтерии. Он, помнится, горевал, и хотя в памяти не сохранилось, насколько сильно, видимо, сильно и долго, потому что в те времена это было принято.

Так что в Мэри воплотилась Салли Браун, но лишь отчасти. Точно так же в ней проявился и образ высокой, стройной дочери Юга, женщины, которую он видел только один раз, да и то мельком, когда их колонна двигалась пыльной дорогой под жарким солнцем Виргинии. Чуть в глубине от дороги высился особняк, один из тех больших домов, что строили тогда владельцы плантаций, и там, в портике, у высокой белой колонны, стояла женщина и смотрела на проходящих мимо врагов. Черные волосы и белая — белее, чем мрамор колонны,— кожа. Так прямо и гордо она держалась, глядела на них с таким вызовом и непокорством, что Инек запомнил ее и часто мечтал о ней, даже не зная ее имени, пока тянулись пропыленные, потные, кровавые дни войны. Вспоминая южанку, Инек все время думал: а не изменяет ли он тем самым своей Салли? Порой, сидя у костра или завернувшись в одеяло и глядя на звезды, он представлял, как после войны вернется

в Виргинию и найдет эту женщину. Возможно, ее уже не будет в том доме, но он обойдет весь Юг и обязательно отыщет ее. Конечно же, он туда не поехал да и не помышлял об этом всерьез. Так, мечты у костра...

Одним словом, Мэри воплотила в себе их обеих — и Салли Браун, и ту неизвестную красавицу из Виргинии, что стояла у колонны, провожая взглядом марширующие войска. Она стала их тенью и, может быть, тенью многих других — он бы затруднился сказать, кого именно,— своего рода символом всего того, что Инек знал о женщинах, что видел и чем восхищался. Идеал. Совершенство. Безукоризненная женщина, созданная его воображением. И вот теперь она ушла из его жизни — как Салли Браун, спящая в земле, как та красавица из Виргинии, затерявшаяся в тумане времени, как все другие, возможно привнесшие что-то в образ Мэри.

Да, он любил ее, в ней слились воедино все женщины, которых он когда-то любил (а было ли это в его жизни?) или представлял себе, что любит, просто придумывая их образы.

Но что и она может полюбить его — такое никогда не приходило Инеку в голову. И потому он жил относительно спокойно, храня свою любовь глубоко в душе, понимая, что она и безнадежна, и невозможна, но другой ему не дано.

Где сейчас Мэри? Куда она ушла? В то вневременное измерение, что он пытался себе представить, или в какое-то странное небытие, откуда, не заметив унесшихся лет, она когда-нибудь снова возвратится к нему?

Инек спрятал лицо в ладонях, мучаясь от жалости к самому себе и чувства вины.

Она не вернется. И пусть не возвращается — он даже хотел этого. Так будет лучше для них обоих.

Вот только знать бы, где она сейчас. Только бы быть уверенным, что для нее наступило некое подобие смерти, что ее не терзают мысли и воспоминания. Невыносимо было думать, что она страдает.

Услышав наконец свист аппарата связи, Инек поднял голову, но не двинулся с места. Руки его потянулись к кофейному столику у дивана, уставленному наиболее яркими безделушками и сувенирами из тех, что дарили ему путешественники.

Взяв со стола первое, что попалось под руку,— кубик, выполненный то ли из какого-то странного стекла, то ли из полу-

прозрачного камня, то ли из какого-то неизвестного вещества (он так до сих пор и не разобрался, из чего),— Инек обхватил его ладонями и, вглядевшись внутрь, увидел крошечную панораму царства фей — трехмерную и с мельчайшими подробностями. Уютное сказочное местечко, лесная поляна в окружении цветистых грибов-поганок. Сверху — легкие, воздушные, медленно падали разноцветные сверкающие снежинки; они блестели и искрились в сиреневых лучах большого голубого солнца. На прогалине танцевали маленькие существа, похожие, скорее, на цветы, и двигались они так грациозно и вдохновенно, что от их танца в крови разгорался огонь. Затем царство фей исчезло и на его месте возникла новая картинка — дикий, мрачный пейзаж с суровыми, изъеденными ветром крутыми скалами на фоне злого красного неба. Вдоль отвесных скал метались вверх-вниз большие летучие твари, похожие на трепещущие на ветру рваные тряпки. Время от времени они усаживались на тощие коряги, торчащие прямо из отвесных скал,— очевидно, уродливые местные деревья. А откуда-то снизу, настолько издалека, что о расстоянии можно было только догадываться, доносился тяжелый грохот одинокой стремительной реки.

Инек положил кубик обратно на стол. Что же он видит в его глубинах? Впечатление такое, словно листаешь альбом с новым пейзажем на каждой странице, но без единого разъяснения, где находятся все эти удивительные места. Когда ему подарили кубик, он, словно зачарованный, часами держал его в руках, разглядывая сцену за сценой. За все это время Инек ни разу не нашел картины, которая хоть в чем-то повторила бы уже виденные, и конца им не было. Порой ему начинало казаться, что он видит не картинки, а сами эти далекие миры и что в любое мгновение можно, не удержавшись, сорваться и полететь головой вниз прямо туда.

В конце концов это занятие ему приелось: бессмысленно просматривать длинные вереницы пейзажей, не зная, где эти места. Разумеется, бессмысленно для него, но не для жителя Энифа-V, который и подарил ему удивительный кубик. Не исключено, говорил себе Инек, что на самом деле вещь эта нужная и очень ценная.

Так случалось с большинством подарков. Даже те, которые доставляли ему радость и удовольствие, он, вполне возможно,

использовал неправильно или, во всяком случае, не по назначению.

Однако среди всех этих даров встречались и такие, хотя их набралось не так уж много, назначение которых он действительно понимал и которыми дорожил, несмотря на то что ему порой не было от них никакого проку.

Например, маленькие часы, показывающие время для всех секторов Галактики: занятная вещица, даже в определенных обстоятельствах необходимая, но для него она большой ценности не имела. Или смеситель запахов — так он, по крайней мере, его называл,— который позволял создавать по желанию любые ароматы. Нужно только указать смесь, включить приборчик, и всю комнату тут же заполнял выбранный аромат, который держался, пока аппарат продолжал работать. Однажды студеной зимой эта машина здорово его позабавила: после долгих проб и ошибок он подобрал наконец аромат яблоневого цвета и целый день наслаждался весной, хотя за окном завывала вьюга.

Инек протянул руку и взял со столика еще один предмет: красивую вещицу, которая всегда интриговала его, хотя он и не понял, для чего она нужна. Может быть, вообще ни для чего. Может быть, это произведение искусства, говорил он себе, просто красивая вещь, на которую нужно смотреть, и только. Однако у него каждый раз возникало ощущение (если это верное слово), что вещь должна выполнять какую-то конкретную функцию.

На вид — пирамида, сложенная из шариков, и чем выше расположены шарики, тем они меньше. Изящная игрушка дюймов четырнадцати высотой, у каждого шарика свой цвет, и не только снаружи. Цвета такие глубокие и чистые, что с первого взгляда становилось понятно: шарик весь — от центра до поверхности — одного ровного цвета.

Ни клея, ни чего-то похожего на клей не было заметно. Вся конструкция выглядела так, словно кто-то просто сложил шарики пирамидой, но они тем не менее прочно держались на местах.

Поворачивая пирамидку в руках, Инек тщетно пытался вспомнить, кто ему ее подарил.

Аппарат связи все еще свистел, напоминая, что пора заняться делом. Нельзя же, в конце концов, сидеть весь день

на одном месте, сказал себе Инек, и предаваться размышлениям. Он поставил пирамидку на место, поднялся и пошел к аппарату.

Сообщение гласило:

«Номер 406303 станции 18327. Житель Веги-XXI прибывает в 16 532.82. Время отбытия не определено. Багажа нет. Приемный контейнер. Условия местные. Прошу подтверждения».

Проглядывая текст, Инек почувствовал, как теплеет у него на душе. Будет неплохо снова повидать сиятеля. Последний был у него на станции уже больше месяца назад.

Он хорошо помнил, как встретил этих существ впервые, когда они прибыли сразу впятером. Случилось это году в 1914-м или, может быть, в 1915-м. В большом мире, как он знал, шла Первая мировая война, которую все тогда называли Большой войной.

Сиятель появится примерно в одно время с Улиссом, и они прекрасно проведут вечер втроем. Не так уж часто случается, что прибывают сразу два хороших друга.

Он с удивлением отметил, что подумал о сиятеле как о друге, хотя, скорее всего, с тем, который должен прибыть, они никогда не встречались. Но это не имело значения: сиятель — любой сиятель — всегда оказывался другом.

Инек установил контейнер под материализатором и дважды удостоверился, что все работает как положено, затем подошел к аппарату связи и отправил подтверждение.

Все это время ему не давал покоя вопрос: в каком же году все-таки появился первый сиятель, в 1914-м или позже?

Выдвинув ящик картотеки, он отыскал Вегу-XXI. Первая дата — 12 июля 1915 года. Инек достал с полки дневник, отнес к столу и принялся листать, пока не нашел нужный день.

Глава 14

«12 июля 1915 года. Сегодня после полудня (15:20) прибыли пять существ с Веги-XXI, первые жители этой планеты на моей станции. Двуногие, человекоподобные, но кажется, что тела их не из плоти и крови (словно столь банальная материя слишком груба для таких существ), хотя на самом деле это плоть и

кровь. Дело в том, что они светятся. Не то чтобы излучают свет, но за каждым из них неотступно следует какое-то сияние.

Насколько я понимаю, все пятеро — сожители, хотя, может быть, я ошибаюсь: такие вещи не всегда легко распознать. Счастливая компания близких друзей, чувствуется в них живой интерес и готовность радоваться — не чему-то конкретному, а самой Вселенной, словно они только что услышали какую-то понятную только им шутку про свою Галактику.

Они направлялись на отдых и собирались посетить фестиваль (хотя, может быть, это не совсем точное слово), который представители различных цивилизаций устраивали на далекой планете. Как и почему их туда пригласили, я не понял. Видимо, приглашение на такое событие — большая честь, но они, мне показалось, совсем об этом не думали, а приняли приглашение очень просто, как свое право. Сиятели были в тот вечер веселы, беззаботны и уверены в себе, однако со временем я решил, что они таковы всегда, и, признаться, позавидовал этой беззаботности и веселости. Более того, пытаясь представить, как эти существа воспринимают жизнь и Вселенную, я даже немного обиделся на них за то, что они так бездумны и счастливы.

В соответствии с инструкцией я развесил по комнате гамаки, где мои гости могли отдохнуть, но они привезли с собой большие корзины с едой и напитками и, устроившись за моим столом, принялись пировать и беседовать. Пригласили и меня, предварительно выбрав два блюда и бутылку с напитком, которые, по их заверениям, безопасны для метаболизма человека,— все остальное вызывало у них некоторые сомнения. Еда оказалась вкуснейшая, за свою жизнь я ни разу не пробовал ничего подобного: одно блюдо напоминало деликатесный выдержанный сыр, другое — нектар, буквально таявший во рту. В бутылке оказалось нечто похожее по вкусу на бренди — желтого цвета, но совсем не крепкое.

Гости расспрашивали меня о жизни на моей планете, обо мне самом — деликатно и, похоже, с искренним интересом, причем понимали объяснения почти сразу. Сами они направлялись на планету, название которой мне никогда раньше и слышать не доводилось, но оживленный, веселый разговор велся таким образом, что я не оставался в стороне. Из этого разговора я понял, что фестиваль будет посвящен какой-то

незнакомой мне форме искусства. Не музыка или живопись, а нечто сложенное из звука, цвета, эмоций, форм и многого другого, для чего на Земле даже не существовало названий. Я не очень хорошо понял, что это, уловив в данном случае лишь тему разговора, но у меня родилась догадка, что они говорят о некой трехмерной симфонии (хотя это не очень точное выражение), которая создается сразу группой существ. Они с энтузиазмом обсуждали эту разновидность творчества, и я понял, что сами произведения исполняются даже не по нескольку часов, а целыми днями, что их нужно не просто слушать или смотреть, а как бы переживать, и публика, если она хочет воспринять их в полной мере, может и даже должна принимать в действе непосредственное участие. В чем это участие заключается, я, правда, не понял, но решил не выспрашивать. Они говорили о каких-то своих знакомых, с которыми должны там встретиться, вспоминали, когда видели их в последний раз, сплетничали — впрочем, довольно добродушно,— и от всего этого создавалось впечатление, что они и множество других обитателей Вселенной путешествуют с планеты на планету просто потому, что они счастливы. Была ли у путешествий какая-либо иная причина, кроме поиска наслаждений, я не уяснил. Возможно, была.

Мои гости разговаривали о других фестивалях, посвященных не обязательно именно одному этому виду искусства, но и еще каким-то более специализированным областям творчества; что это за области, мне понять не удалось. Фестивали дарили им радость и истинное счастье, но, как мне показалось, не только искусство наполняло их ощущением безграничного счастья — было в фестивалях что-то еще, очень важное и значительное. В разговор на эту тему я не вступал — не представилось такой возможности. По правде говоря, мне хотелось расспросить их поподробнее, но почему-то так и не удалось. Может, мои вопросы показались бы им глупыми, однако меня это не пугало, просто не удалось их порасспрашивать. Но хоть я и не задавал вопросов, они каким-то образом заставляли меня чувствовать, что я тоже участвую в разговоре. Никаких очевидных попыток никто не предпринимал, но тем не менее мне постоянно казалось, что я не просто смотритель станции, с которым им случилось провести вместе несколько часов, а один из них. Временами гости говорили на

языке своей планеты — один из самых красивых языков, которые мне доводилось слышать,— но по большей части они пользовались диалектом, распространенным среди множества гуманоидных рас, своего рода посредническим языком, созданным для удобства общения. Подозреваю, что это делалось из уважения ко мне. Похоже, сиятели — наиболее цивилизованные люди из всех тех, с кем мне доводилось встречаться

Я уже писал, что они светятся, и думаю, это свет души. Их постоянно сопровождает некое искрящееся золотое сияние, приносящее счастье всем, кого оно коснется,— будто они существуют в каком-то особом мире, который неведом другим Когда я сидел с ними за столом, золотое сияние охватывало меня со всех сторон, и мою душу наполняло странное умиротворение, по всему телу струились глубинные токи счастья. Каким образом они и их мир достигли этого золотого благоденствия и возможно ли, что когда-нибудь мой мир придет к тому же,— вот что мне хотелось бы узнать.

Счастье их зиждется на присущей сиятелям кипучей энергии, на бурлящем, искрометном духе, стержень которого — внутренняя сила и любовь к жизни, заполняющая, кажется, каждую их клеточку, каждую секунду прожитого времени.

В распоряжении моих гостей было только два часа, но время промчалось стремительно, и мне даже пришлось напомнить им, что пора отправляться дальше. Перед отбытием они поставили на стол две коробки, сказав, что дарят их содержимое мне, затем поблагодарили меня за угощение (хотя благодарить-то должен был я), попрощались и забрались в контейнер (специальный, крупногабаритный), после чего я отправил их в путь. Но даже когда их не стало, в комнате еще больше часа мерцало золотое сияние. Как хотелось мне отправиться с ними на фестиваль на далекой планете!

В одной из оставленных коробок оказалась дюжина бутылок с похожим на бренди напитком; каждая из них — сама по себе произведение искусства, у каждой — своя неповторимая форма, причем изготовлены они не иначе как из алмаза, то ли искусственного, то ли целого — этого я определить не смог. Одно я понимал: они бесценны; каждая украшена поразительно богатым орнаментом, каждая красива по-своему. Во второй коробке лежал... За отсутствием другого названия назовем этот предмет музыкальной шкатулкой. Сама шкатулка сделана как

будто из кости, желтоватой, гладкой, как атлас, и украшенной множеством схематических рисунков, значения которых мне, очевидно, никогда не понять. На крышке шкатулки — круглая рукоятка, обрамленная шкалой с делениями. Когда я повернул ее до первого деления, послышалась музыка, всю комнату заполнили многоцветные всполохи, а сквозь них как бы светилось знакомое золотое сияние. Еще эта шкатулка источала запахи, наплывы чувств, эмоции — не знаю, что именно, но что-то такое, от чего становилось то грустно, то радостно, то еще как-то, как повелевали музыка, цвета и запахи. Целый мир вырывался из шкатулки, дивный мир, и ты жил в этом творении искусства, отдаваясь ему всем своим существом — всеми эмоциями, верой и разумом. Я уверен, что это то самое искусство, о котором говорили мои гости. И не одна запись, а целых 206, потому что именно столько делений на круглой шкале и каждому делению соответствует новое сочинение. В будущем я обязательно проиграю их все, сделаю заметки, подберу, может быть, название каждому в соответствии с композицией, и, наверное, это будет не только развлечение, но и возможность узнать что-то новое».

Глава 15

Двенадцать алмазных бутылок, давно уже пустых, стояли теперь на каминной полке. Музыкальная шкатулка хранилась среди наиболее дорогих Инеку подарков в одном из шкафов. И за все эти годы, подумал он не без огорчения, ему так и не удалось проиграть весь набор композиций до конца, хотя пользовался шкатулкой он постоянно,— так много было уже знакомых, которые хотелось слушать снова и снова, что он едва перебрался за середину шкалы.

Сиятели, все та же пятерка, прибывали к нему на станцию не один раз — возможно, им чем-то понравилась эта станция, а может, и сам смотритель. Они помогли ему выучить веганский язык и помимо разных других вещей нередко привозили с собой свитки с литературными произведениями родной планеты; без всякого сомнения, они стали его лучшими друзьями среди инопланетян, если не считать Улисса. Но потом они вдруг перестали появляться, и Инек не мог понять почему; он

спрашивал о них у других сиятелей, когда те прибывали на станцию, но так и не узнал, что случилось с его друзьями.

Теперь он понимал сиятелей, их искусство, традиции, обычаи и историю гораздо лучше, чем в тот день 1915 года, когда впервые описал их в своем дневнике. Однако даже сейчас многие привычные для них идеи давались ему с большим трудом.

С 1915 года он встречал много сиятелей, но одного из них запомнил особенно хорошо — старого мудреца-философа, который умер у него в комнате, на полу возле дивана.

Они тогда сидели рядом, разговаривали, и Инек даже помнил, о чем был разговор. Старик рассказывал об извращенном этическом кодексе, одновременно бессмысленном и комичном, выработанном странной расой растительных существ, с которой ему довелось встретиться во время посещения планеты на другом краю Галактики, далеко в стороне от привычных маршрутов. Старый сиятель выпил за обедом пару бокалов золотистого напитка и, находясь в прекрасном расположении духа, с удовольствием рассказывал случаи из своей жизни.

Но вдруг, прямо посреди фразы, он умолк и резко наклонился вперед. Инек в растерянности протянул руку, но, прежде чем он успел до него дотронуться, сиятель соскользнул с дивана на пол.

Его золотистое сияние потускнело, несколько раз мигнуло и исчезло совсем, оставив на полу лишь тело — угловатое, костлявое, уродливое,— тело чужеродного, одновременно жалкого и чудовищного существа. Более чудовищного, казалось Инеку, чем все, что ему доводилось видеть раньше.

При жизни это было замечательное создание, но теперь, когда пришла смерть, оно превратилось в отвратительный скелет, заполняющий мешок из чешуйчатой натянутой кожи. Видимо, думал Инек, с трудом подавляя в себе смятение, именно золотистое сияние делало его таким замечательным и красивым, таким живым, стремительным и преисполненным величия. Это золотое сияние было самой жизнью, и, когда оно уходило, оставалось нечто ужасное, при одном только взгляде вызывающее отвращение.

Если этот золотистый туман и есть животворное начало сиятелей, то, очевидно, они носили его как окутывающий плащ — нечто вроде маскарадного костюма, скрывающего их

истинный облик. И ведь как странно: они носили свое животворное начало снаружи, тогда как у всех остальных существ оно внутри.

Под крышей жалобно стонал ветер, а в окно Инек видел, как проносятся, то и дело закрывая луну, взбирающуюся по восточному небосклону, батальоны рваных облаков. На станции стало холодно, одиноко, и это одиночество, казалось, простирается далеко-далеко за пределы привычного земного одиночества.

На негнущихся ногах Инек подошел к аппарату связи. Вызвал Галактический Центр и стал ждать ответа, опершись на машину обеими руками.

«К приему готовы»,— ответил Центр.

Коротко и как мог беспристрастно Инек обрисовал случившееся на станции. В Центре это не вызвало ни замешательства, ни вопросов. Они просто дали ему указания, как следует поступить (словно такое случалось нередко). Веганец должен остаться на планете, где застигла его смерть. С телом необходимо поступить, как того требуют местные обычаи. Таков закон жителей Веги-XXI, и это его долг перед покойным. Веганец должен оставаться там, где он скончался, и это место навсегда становилось как бы частью Веги-XXI. Такие места, сообщил Галактический Центр, есть по всей Галактике.

«На нашей планете,— напечатал Инек,— принято погребать покойных в земле».

«Тогда похороните веганца».

«Принято также зачитывать один-два стиха из нашей священной книги».

«Прочтите для веганца стих. Вы в состоянии справиться со всеми этими обязанностями?»

«Да. Хотя обычно это делает священнослужитель, но в данных обстоятельствах приглашать его было бы неразумно».

«Согласны. Вы сможете сделать все сами?»

«Да».

«Тогда делайте сами».

«Прибудут ли на похороны родственники или друзья покойного?»

«Нет».

«Вы им сообщите?»

«Да. По официальным каналам. Но они уже знают».

«Он умер только что».

«Тем не менее они знают».

«Как я должен оформить свидетельство о смерти?»

«В этом нет необходимости. На Веге-XXI уже знают, отчего он умер».

«Что делать с багажом? Здесь целый контейнер».

«Оставьте себе. Он ваш. В благодарность за услугу, которую вы окажете высокочтимому покойному. Это также закон».

«Возможно, там что-то важное».

«Вы должны оставить контейнер себе. Отказ сочтут за оскорбление памяти покойного».

«Еще какие-нибудь указания будут?»

«Нет. Действуйте так, как будто это человек Земли».

Убрав текст с экрана, Инек вернулся к дивану и остановился над сиятелем, собираясь с духом, чтобы наклониться и поднять его с пола. Очень не хотелось прикасаться к телу. Ему казалось, что перед ним лежит что-то жуткое, нечистое, словно это какая-то подделка, муляж того сияющего существа, которое совсем недавно сидело рядом с ним и разговаривало.

Инек полюбил сиятелей с того самого дня, как встретил их впервые, он восхищался ими и каждой новой встречи ждал с нетерпением — встречи с любым из них. А теперь он весь сжался от ужаса, не в силах заставить себя прикоснуться к мертвому сиятелю.

И дело было даже не в боязни, поскольку за долгие годы работы смотрителем ему не раз доводилось видеть совершенно кошмарных инопланетян. Он научился подавлять свои чувства и уже не обращал внимания на внешний вид гостей, воспринимая их просто как другие формы разумной жизни, как людей, как братьев.

Что-то иное беспокоило его — не страх, а какое-то непонятное, незнакомое ощущение. Но умерший гость, напомнил Инек себе, был его другом, и как умерший друг он заслуживает уважения и заботы.

Наконец Инек решился и взялся за дело. Он наклонился и поднял мертвого сиятеля с пола. Тот почти ничего не весил, словно с приходом смерти он как бы утратил объем, стал меньше, ничтожнее. Может быть, подумал Инек, само золотое сияние обладало каким-то весом?

Он положил тело на диван, выпрямил его, как мог. Затем прошел в пристройку, засветил там фонарь и направился в хлев.

Уже несколько лет минуло с тех пор, как он заглядывал сюда в последний раз, но ничего в хлеву не изменилось. Прочная крыша надежно защищала его от непогоды, внутри по-прежнему было сухо и прибрано, только везде лежала толстым слоем пыль, а с потолочных балок свисала паутина. Из щелей в потолке клочьями повылезло вниз старое-престарое сено. Запахи навоза и домашних животных давно уже выветрились, и теперь остался лишь один запах: сухой, сладковатый, пыльный.

Инек повесил фонарь на крюк в стене и взобрался по лестнице на сенник. Работая в темноте — поскольку он не решился занести фонарь в заваленный пересохшим сеном чердак,— Инек отыскал дубовые доски, сложенные под самым скатом крыши.

Здесь, вспомнилось ему, в этом углу, была его потайная «пещера», где он, будучи мальчишкой, провел много счастливых часов в те дождливые дни, когда на улице играть ему не разрешали. Он представлял себя и Робинзоном Крузо на необитаемом острове, и каким-то безымянным беглецом, что скрывается от облавы, и переселенцем, спасающимся от индейцев, которые охотятся за его скальпом. У него было ружье, деревянное ружье, которое он сам выпилил из доски, а затем обстругал и зачистил стекляшкой. Инек очень дорожил этой игрушкой все свое детство — до того самого дня, когда ему исполнилось двенадцать и отец, вернувшись из поездки в город, подарил ему настоящую винтовку.

Инек перебрал в темноте доски, отыскал на ощупь те, которые могли пригодиться, отнес их к лестнице и осторожно спустил вниз. Потом слез сам и прошел в угол, где у него хранились инструменты. Открыв крышку сундука, он обнаружил, что там полно старых, уже давно оставленных мышиных гнезд. Инек выбросил на пол несколько охапок соломы и сена, которые грызуны использовали для устройства своих жилищ, и наконец добрался до инструментов. Металл потускнел оттого, что инструментом долго никто не пользовался, но ничего не поржавело, и режущие кромки все еще оставались острыми.

Прихватив с собой все, что ему было нужно, Инек взялся за работу. Вот так же, при свете фонаря, он делал гроб и век назад, подумалось ему. Только тогда в доме лежал его отец.

Дубовые доски высохли за долгие годы, затвердели, но инструмент сохранился совсем неплохо, и Инек продолжал работать — пилить, строгать, вколачивать гвозди. В воздухе стоял запах опилок. Огромный ворох сена наверху глушил жалобное завывание ветра снаружи, отчего в сарае было тихо и покойно.

Готовый гроб оказался тяжелее, чем Инек предполагал. В стойле для лошадей он нашел приставленную к стене старую тачку, погрузил на нее гроб и, то и дело останавливаясь передохнуть, отвез его к маленькому кладбищу за яблоневым садом. Затем, прихватив из сарая лопату и кирку, снова отправился на кладбище и выкопал рядом с могилой отца еще одну, правда не такую глубокую — не положенные по обычаю шесть футов,— потому что понимал: если выкопать глубоко, он ни за что не сможет в одиночку опустить туда гроб. Копая при слабом свете фонаря, установленного на куче земли, Инек вырыл яму чуть меньше четырех футов глубиной. Из леса прилетел филин и, устроившись на ветке в саду, забормотал что-то, время от времени ухая в кромешной темноте. Луна сползала к западу, рваные облака поредели, и сквозь них проглянули звезды.

Наконец могила была готова, и Инек опустил туда гроб без крышки. Керосин в фонаре почти закончился, и он начал мигать, а стекло почернело от копоти, потому что фонарь долго стоял неровно.

Вернувшись на станцию, Инек первым делом нашел простыню, чтобы завернуть покойного. Затем положил в карман Библию, поднял запеленутого в саван веганца на руки и с первым проблеском зари отправился к яблоневому саду. Опустил покойного в гроб, приколотил крышку и выбрался из могилы.

Он встал на краю и, достав из кармана Библию, отыскал нужное место. Инек читал громко, и ему почти не приходилось напрягать зрение, вглядываясь в текст в предрассветном полумраке, потому что эту главу он перечитывал не один раз:

— В доме Отца моего обителей много; а если бы не так, я сказал бы вам...

Он читал и думал, что выбрал очень уместный отрывок: обителей действительно должно быть много, чтобы разместить все души жителей нашей Галактики и других галактик, протянувшихся в космосе, очевидно, до бесконечности. Хотя если бы в мире царило взаимопонимание, хватило бы и одной обители.

Закончив чтение, Инек произнес заупокойную молитву — как сумел, по памяти, хотя полной уверенности в том, что молитва сохранилась в памяти точно, у него не было. Но во всяком случае, подумалось ему, он помнит достаточно, чтобы передать смысл. После чего осталось только засыпать могилу землей.

Звезды и луна растаяли, ветер утих. В предутренней тиши небо на востоке начало окрашиваться в жемчужно-розовый цвет.

Инек, с лопатой в руках, еще стоял у могилы.

— Прощай, друг мой,— сказал он наконец и с первыми лучами солнца двинулся к станции.

Глава 16

Инек встал из-за стола, подошел к полке и поставил дневник на место. Затем повернулся и остановился в нерешительности. Нужно еще было просмотреть газеты, дополнить дневник и разобраться с двумя статьями в последних номерах «Журнала геофизических исследований».

Но делать ничего не хотелось. На душе у Инека было тревожно, многое огорчало, беспокоило, требовало осмысления.

Наблюдатели все еще наблюдали. А вот люди-тени ушли, оставив его в одиночестве. И мир по-прежнему катился к войне.

Хотя, может быть, ему не следует беспокоиться о том, что происходит в большом мире. Он может отказаться от него, отречься от человечества в любую минуту. Если он никогда не выйдет наружу, никогда не откроет дверь, какая разница, что делается в мире и что с этим миром случится? У него есть свой мир. Мир такой огромный, что его даже не сможет вообразить себе кто-нибудь за пределами станции. Земля ему просто не нужна.

Однако даже сейчас Инек понимал, что он никогда не примет подобных рассуждений. Потому что на самом деле Земля — как это ни странно и ни смешно — все-таки нужна ему.

Он прошел к выходу и произнес кодовую фразу. Дверь скользнула в сторону и закрылась сама, едва он оказался в пристройке. Обогнув дом, Инек сел на ступени крыльца.

Вот здесь, подумалось ему, все и началось. Здесь он сидел в то самое лето, больше века назад, когда звезды разглядели его через космическую бездну и остановили на нем свой выбор.

Солнце клонилось к западу, приближался вечер. Дневная жара уже спадала, и из низины между холмами, что спускалась к долине реки, тянуло прохладным ветерком. Над полем у самого края леса с карканьем кружились вороны. Это будет нелегко — захлопнуть дверь и никогда больше ее не открывать. Оставить за дверью и теплое солнце, и нежный ветер, и запахи, приходящие с переменой времени года. Человеку такое не под силу. Он не может ограничить свой мир только станцией и отречься от родной планеты. Солнце, земля и ветер нужны ему, чтобы оставаться человеком.

Наверное, подумал Инек, следует делать это чаще — выходить на улицу и просто сидеть, глядя на деревья, на реку, на холмы Айовы, поднимающиеся в голубой дали за Миссисипи, на ворон, что кружат в небе, и голубей, рассевшихся на коньке сарая.

Пожалуй, оно того стоит. Даже если он постареет еще на один лишний час. Зачем беречь эти часы — теперь они ему ни к чему. Хотя, как знать, может, и наступит еще день, когда он снова начнет ревниво сберегать свое время, копить часы, минуты и даже секунды, жадно используя любую возможность...

Из-за дома послышались шаги — кто-то бежал спотыкаясь, бежал, похоже, издалека и совсем выбился из сил.

Вскочив на ноги, Инек поспешно двинулся навстречу и, свернув за угол дома, чуть не столкнулся с бегущей девушкой, протянувшей к нему руки. Она споткнулась, но Инек успел подхватить ее и крепко прижал к себе.

— Люси! — проговорил он.— Что случилось, девочка?

Руки, обнимавшие ее за спину, почувствовали теплую липкую влагу, и, взглянув на ладонь, Инек увидел, что она в крови. Платье на спине у Люси промокло и потемнело.

Взяв Люси за плечи, он чуть отстранил ее от себя и взглянул ей в лицо. По щекам девушки текли слезы, в глазах застыл ужас — ужас и мольба.

Она шагнула назад и повернулась к нему спиной, затем расстегнула платье, и оно само сползло до пояса. На плечах темнели длинные глубокие следы от кнута, из которых все еще сочилась кровь. Люси снова натянула платье, потом повернулась к Инеку, сложила ладони, словно молила его о чем-то, потом указала в сторону поля, что сбегало по холму к самому лесу.

Там было какое-то движение, кто-то шел по опушке леса у края поля. Видимо, Люси тоже заметила движение и, задрожав, шагнула ближе к Инеку, ища у него защиты.

Он наклонился, поднял ее на руки и побежал к пристройке. Инек произнес кодовую фразу, дверь открылась, и он шагнул внутрь, в помещение станции. Дверь за его спиной скользнула на место.

Минуту-другую Инек неподвижно стоял с Люси Фишер на руках. Он понимал, что совершил ошибку. Наверное, если бы у него было время подумать, он бы так не поступил.

Но он действовал импульсивно, думать было некогда. Девушка попросила защиты — и вот... Здесь она в безопасности, здесь ей ничто не угрожает. Но она — человек, а ни одному человеческому существу, кроме него самого, не положено было переступать порог станции.

Однако что сделано, то сделано, и ничего тут уже не изменишь. Она на станции: назад хода нет.

Инек посадил Люси на диван и отступил на шаг. Она сидела, подняв на него глаза, и несмело улыбалась, как будто сомневалась, можно ли улыбаться в таком странном месте. Потом подняла руку, утерла слезы со щек и обежала комнату быстрым взглядом, после чего застыла, открыв рот от удивления. Присев на корточки, Инек похлопал ладонью по дивану и погрозил пальцем, надеясь, что она поймет и будет сидеть на месте. Потом обвел рукой помещение станции и строго покачал головой. Люси смотрела на него неотрывно, затем улыбнулась и кивнула, словно все поняла.

Инек взял ее руку и ласково погладил, стараясь успокоить и дать понять, что все будет в порядке, если только она оста-

нется на месте и не будет ничего трогать. Теперь Люси улыбалась, словно уже забыла о своих прежних сомнениях. Вопросительно взглянув на него, она трепетным жестом указала на кофейный столик, заваленный инопланетными сувенирами. Инек кивнул, и она занялась какой-то безделушкой, восхищенно разглядывая ее и поворачивая в руке.

Инек поднялся, снял со стены винтовку и вышел из дома навстречу тем, кто гнался за Люси.

Глава 17

По склону холма поднимались двое, и одного из них Инек узнал сразу — Хэнк Фишер, отец Люси. В прошлые годы он несколько раз встречал его во время своих прогулок, хотя встречи эти были очень короткими. Хэнк всегда смущался и пытался объяснить — чего от него никто не требовал,— что он, мол, разыскивает отбившуюся корову. Но по его вороватому взгляду и странному поведению Инек заключал, что дело вовсе не в корове: Хэнк темнил, скрывал что-то, хотя, что именно, Инек по-прежнему не догадывался.

Второй был моложе. Лет шестнадцать, от силы семнадцать. Скорее всего, один из братьев Люси, решил Инек, поджидая их у крыльца.

Хэнк нес в руке свернутый кольцом кнут, и Инек понял, отчего на плечах у Люси такие рубцы. В груди его всколыхнулась злость, но, сделав над собой усилие, он унял недоброе чувство. Лучше будет, если в разговоре с Хэнком он сохранит спокойствие.

Непрошеные гости остановились в двух-трех шагах от него.

— Добрый вечер,— сказал Инек.

— Ты не видел тут мою девчонку? — спросил Хэнк.

— А что, если и видел?

— Я с нее шкуру спущу! — крикнул Хэнк, потрясая кнутом.

— В таком случае,— ответил Инек,— я, пожалуй, ничего тебе не скажу.

— Ты ее спрятал,— тут же обвинил его Хэнк.

— Можешь поискать.

Хэнк шагнул было вперед, но тут же опомнился.

— Она получила по заслугам! — выкрикнул он.— И я с ней еще не разделался. Никому, даже собственной дочери, я не позволю напускать на меня порчу!

Инек молчал. Хэнк стоял в нерешительности.

— Она влезла не в свое дело,— сказал он.— Никто ее не просил. Ее вообще не касалось...

— Я натаскивал Батчера, только и всего,— пояснил его сын.— Это мой щенок, и я его готовлю охотиться на енотов.

— Верно,— сказал Хэнк.— Он ничего плохого не делал. Прошлым вечером ребятишки поймали молодого енота, а это, я тебе скажу, не так просто. Рой — вон он — привязал енота к дереву и натравливал на него Батчера на поводке. Чтобы они дрались между собой, значит. Все как положено. Когда они уж совсем в раж входили, Рой каждый раз оттаскивал Батчера за поводок и давал им передохнуть. А потом опять...

— Собаку для охоты на енотов только так и можно выучить! — вставил Рой.

— Точно,— сказал Хэнк.— Для того они его и поймали.

— Он нам был нужен, чтобы натаскивать Батчера,— добавил Рой.

— Все это прекрасно,— сказал Инек,— но только я не понимаю, при чем тут Люси.

— Она влезла не в свое дело,— ответил Хэнк.— Хотела отобрать у Роя собаку.

— Уж больно много эта бестолочь о себе воображает,— сказал Рой.

— Помолчи,— сурово приказал отец, поворачиваясь к нему.

Рой тут же отскочил назад, бормоча что-то себе под нос.

Хэнк повернулся к Инеку.

— Рой сбил ее с ног,— сказал он.— Хотя делать это, может быть, и не следовало. Полегче нужно было, поосторожнее.

— Я не нарочно,— сказал Рой, оправдываясь.— Просто толкнул ее рукой. Хотел отогнать от Батчера.

— Верно,— продолжил Хэнк.— Просто оттолкнул чуть сильнее, чем следовало. Но ей совершенно незачем было делать то, что она потом сделала с Батчером, чтобы тот не смог драться

с енотом. Даже пальцем его не тронула, понимаешь, но он и пошевельнуться не мог. Ну, Рой и разозлился.— Он взглянул на Инека и простодушно добавил: — А ты бы не разозлился?

— Не думаю,— ответил Инек.— Однако я ничего не понимаю в охоте на енотов.

Хэнк уставился на Инека: что, мол, тут непонятного? Но продолжил рассказ:

— Вот Рой и разозлился. Он Батчера сам вырастил и очень на него рассчитывал. Понятное дело, ему не понравилось, что кто-то — даже если это его родная сестра — напускает на собаку порчу. Рой хотел было задать ей трепку, но она сделала с ним то же самое, что и с собакой. Клянусь, я ничего подобного за всю свою жизнь не видел. Рой остановился как вкопанный и упал. Ноги прижал к груди, обхватил руками колени — короче, свернулся в комок и замер. Что он, что Батчер. А енота она даже не тронула, ничего с ним не сделалось. Только своих, значит...

— Но мне не было больно,— вставил Рой.— Совсем не больно.

— Я как раз сидел неподалеку,— сказал Хэнк,— заплетал вот этот самый кнут. У него конец обтрепался, и я решил приделать новый. Я все видел, но не вмешивался, пока Рой не свалился на землю. Вот тут-то я и сообразил, что дело зашло слишком далеко. Вообще-то я человек понятливый. Когда бородавки там заговаривают или еще что-нибудь такое, тут я не возражаю. На свете полно людей, которые это умеют, и ничего плохого здесь нет. Но когда собак или людей вот так вот, в узел...

— И ты отстегал ее кнутом,— сказал Инек.

— Это моя святая обязанность,— убежденно произнес Хэнк.— Только ведьмы мне еще в семье не хватало! Я ей приложил пару раз, а она меня все остановить хотела, руками там что-то показывала. Но я свое дело знаю. Решил, что если ее хорошенько отлупить, то эта дурь из нее выйдет. И давай лупить ее еще. Ну тут она и на меня порчу напустила. Как на Роя и Батчера, но только по-другому. Она меня ослепила. Лишила зрения отца родного! Я вообще ни черта не видел. Только шатался по двору, орал и тер глаза. Потом все стало

нормально, только она уже исчезла. Но я видел, как она побежала через лес, вверх по холму, и мы с Роем бросились вдогонку.

— И ты думаешь, она здесь?

— Я знаю, что она здесь.

— Ладно,— сказал Инек.— Можешь искать.

— И поищу,— мрачно пообещал Хэнк.— Рой, посмотри в хлеву. Может быть, она там спряталась.

Рой направился к хлеву, Хэнк заглянул в сарай, но очень скоро вернулся и прошел к покосившемуся курятнику.

Инек молча ждал с винтовкой на сгибе руки. Он понимал, что ситуация складывается неприятная; раньше с ним ничего подобного не приключалось. Но такого человека, как Хэнк Фишер, словами убедить непросто. А сейчас ему вообще ничего не втолкуешь. Оставалось только ждать, когда тот немного поостынет, и надеяться, что тогда можно будет с ним поговорить спокойно.

Хэнк с Роем вернулись.

— Там ее нигде нет,— сказал Хэнк.— Она в доме.

Инек покачал головой:

— Никто не может войти в этот дом.

— Рой,— приказал Хэнк.— Ну-ка поднимись по этим вот ступеням и открой дверь.

Рой испуганно взглянул на Инека.

— Валяй,— сказал тот.

Тогда Рой медленно двинулся вперед и поднялся по ступенькам. Подойдя к двери, он взялся за круглую ручку и повернул. Попробовал еще раз и обернулся к отцу.

— Па,— сказал он,— я не могу. Дверь не открывается.

— Черт побери! — выругался Хэнк и добавил презрительно: — Ничего-то ты не можешь.

В два прыжка он преодолел ступени, протопал рассерженно по крыльцу, ухватился за дверную ручку и изо всех сил крутанул. Потом еще раз. И еще. Наконец он совсем разозлился и взглянул на Инека.

— Что за чертовщина? — заорал он.

— Я же тебе сказал,— ответил Инек,— что никто не может войти в этот дом.

— Еще как войду! — прорычал Хэнк.

Швырнув кнут Рою, он спрыгнул с крыльца, бросился к поленнице у сарая и выдернул из колоды тяжелый топор с двусторонним лезвием.

— Поаккуратней с топором,— предупредил Инек.— Он у меня уже давно, и я к нему привык.

Хэнк даже не ответил. Он поднялся на крыльцо и встал перед дверью, широко расставив ноги.

— Ну-ка отойди,— сказал он Рою,— а то размахнуться негде.

Рой попятился.

— Постой,— сказал Инек,— ты что, собираешься рубить дверь?

— Вот именно, черт побери!

Инек кивнул с совершенно серьезным видом.

— Что такое? — спросил Хэнк.

— Ничего, все в порядке. Можешь попробовать, если очень хочется.

Хэнк изготовился, крепко ухватившись за рукоять. Сверкнув сталью, топор взлетел у него над плечом, и Хэнк обрушил на дверь страшный удар.

Топор коснулся поверхности и так резко отскочил, просвистев всего в дюйме от ноги Хэнка, что того даже развернуло на месте. Несколько секунд он просто стоял с глупым выражением лица, держа топор в вытянутых руках, и глядел на Инека.

— Можешь попробовать еще раз,— предложил тот.

Хэнка охватила ярость. Лицо его налилось кровью.

— И попробую, клянусь богом! — крикнул он, опять повернулся лицом к дому и взмахнул топором, но на этот раз ударил не по двери, а рядом, по окну. Послышался высокий вибрирующий звон, и в воздухе пронеслись обломки сверкающей стали.

Присев и отскочив в сторону, Хэнк выпустил топор из рук. Он упал на доски крыльца и перевернулся. Вместо лезвия торчали лишь короткие зубья блестящего на изломе металла. На окне не осталось даже царапины.

Хэнк некоторое время стоял, разглядывая сломанный топор, словно все еще не мог поверить в случившееся. Затем молча протянул руку, и Рой вложил в нее кнут. Они вместе

спустились по ступеням, остановились внизу и уставились на Инека. Рука Хэнка нервно сжимала рукоять кнута.

— На твоем месте я бы этого не делал, Хэнк. У меня очень хорошая реакция,— сказал Инек, поглаживая приклад.— Я отстрелю тебе руку, прежде чем ты успеешь взмахнуть кнутом.

— Ты спутался с дьяволом, Уоллис,— произнес Хэнк, тяжело дыша,— и моя дочь тоже. Вы оба заодно. Я знаю, что вы то и дело встречаетесь в лесу.

Инек молчал, наблюдая за отцом и сыном одновременно.

— Помоги мне бог! — вскричал Хэнк.— Моя дочь ведьма!

— Советую тебе вернуться домой,— сказал Инек.— Если я найду Люси, я ее приведу.

Никто не двинулся с места.

— Мы еще встретимся,— пригрозил Хэнк.— Я знаю, что ты спрятал мою дочь где-то здесь, и я тебе это припомню!

— Когда пожелаешь, но только не сейчас,— ответил Инек и угрожающе повел стволом винтовки.— Проваливай. И чтобы я больше вас здесь не видел. Ни того ни другого.

Они постояли в нерешительности, глядя ему в лицо и пытаясь угадать, как он теперь поступит.

Затем повернулись и, держась рядом, пошли вниз по холму.

Глава 18

Их бы пристрелить обоих, как они того заслуживают, думал Инек. Носит же таких земля! Он перевел взгляд на винтовку и заметил, как крепко его руки сжимают оружие. Белые онемевшие пальцы буквально впились в гладкое коричневое дерево. Инек судорожно вздохнул, борясь с клокочущей, грозящей вырваться наружу яростью. Если бы они остались чуть дольше, если бы он не прогнал их от дома, ярость наверняка победила бы. И все могло быть гораздо хуже. Инек сам удивился, как ему удалось сдержаться. Но, слава богу, удалось. Потому что и без того все плохо.

Фишеры скажут, что он сумасшедший, что он прогнал их, угрожая оружием. Они могут даже заявить, что он увел Люси и держит у себя против ее воли. Эта семейка ни перед чем не остановится, чтобы напакостить ему как только можно.

Никаких иллюзий на этот счет Инек не питал, поскольку прекрасно знал такой тип людей — мелких и мстительных. Маленькие ядовитые насекомые.

Стоя у крыльца, он глядел Фишерам вслед. Даже странно, как такая замечательная девушка могла появиться в этом гнилом семействе. Может быть, ее несчастье помогло ей защититься от их влияния, может, именно потому она не стала одной из них. Не исключено, что, если бы Люси разговаривала с ними, слушала их, она со временем стала бы такой же никчемной и озлобленной, как все Фишеры.

Конечно, он совершил ошибку, вмешавшись в их конфликт. Человек, на котором лежит такая ответственность, не должен вмешиваться в подобные дела. Слишком велика может быть потеря, и поэтому ему следует держаться в стороне от всяких скандалов.

Но разве у него был выбор? Разве мог он отказать Люси в защите, когда она прибежала вся в крови от побоев? Разве мог он не откликнуться на ее мольбу, застывшую в испуганном, беспомощном взгляде?

Может быть, следовало поступить по-другому, думал Инек. Умнее, осторожнее. Но времени на размышления не было. Его хватило только на то, чтобы отнести Люси в дом, спрятать от опасности и выйти к преследователям.

Теперь Инек понимал, что лучше всего, возможно, было бы не выходить из дома вообще. Если бы он остался на станции, не случилось бы того, что случилось.

Он поддался чувству, вышел им навстречу. Совершенно естественный для человека поступок, хотя и не самый умный. Но он уже сделал это, все позади, и теперь уже ничего не поправишь. Если бы все повторилось снова, он поступил бы иначе, но такой возможности ему не представится.

Инек тяжело повернулся и пошел в дом.

Люси сидела на диване, держа в руке какой-то сверкавший предмет. В глазах ее светился восторг, а на лице было такое же трепетное, сосредоточенное выражение, как в то утро в лесу, когда на пальце у нее сидела бабочка.

Он положил винтовку на стол и остановился, но Люси, должно быть, заметила краем глаза какое-то движение и взглянула в его сторону. Затем снова занялась той блестящей штуковиной, что она держала в руке.

Инек увидел, что это пирамидка из шариков, но теперь все они медленно вращаются — одни по часовой стрелке, другие против — и сияют, переливаясь своими особенными цветами, словно внутри у каждого из них скрывается источник мягкого, теплого света.

У Инека даже перехватило дыхание — так это было красиво и удивительно; удивительно потому, что он давно пытался разгадать, что это за вещица и для чего она предназначена. Он обследовал ее, наверное, раз сто, не меньше, колдовал над ней часами, но так и не обнаружил никакой зацепки. Скорее всего, решил он, это просто красивая вещица — любоваться, и только,— однако его не оставляло ощущение, что у нее все-таки есть какое-то назначение, что каким-то образом пирамидка должна действовать.

И вот теперь она действовала. Инек так долго пытался ее разгадать, а Люси взяла эту штуковину в руки первый раз, и тут же все заработало.

Он заметил восторг, с каким она глядит на пирамидку. Может быть, она знает и ее назначение?

Инек подошел к Люси, тронул за руку и, когда она подняла на него взгляд, снова отметил про себя, каким счастьем и радостным волнением сияют ее глаза.

Он указал на пирамидку, потом постарался изобразить вопрос, мол, знает ли она, для чего эта игрушка предназначена. Но Люси его не поняла. А может, и поняла, да только знала, что объяснить будет невозможно. Люси протянула руку к столику с сувенирами, пальцы ее снова затрепетали, как тогда у родника, с бабочкой, и она даже как будто попыталась рассмеяться — во всяком случае, такое у нее было выражение лица.

Прямо как ребенок, подумал Инек. Ребенок перед полным ящиком новых, удивительных игрушек. Интересно, что она в них нашла? И потому ли только она рада, что увидела сразу столько красивых незнакомых вещей?

Инек устало повернулся и пошел обратно к столу. Взял винтовку и повесил на стену.

Люси не положено находиться на станции. Ни одному человеку, кроме него, не положено находиться здесь. Приведя ее сюда, он нарушил негласную договоренность с инопланетянами, поручившими ему работу смотрителя. Оправдывало его

в какой-то мере лишь то, что к Люси эти вполне понятные запреты относились меньше, чем к кому-либо другому: она ничего не могла рассказать о том, что увидела на станции.

Но он знал, что ей нельзя здесь оставаться. Ее нужно отвести домой. Если она не вернется, обязательно начнутся поиски. Пропала глухонемая девушка, и к тому же еще красивая.

Через день-два об этой истории обязательно пронюхают газетчики. Сообщения о том, что Люси до сих пор не найдена, напечатают во всех газетах, об этом объявят по радио, по телевидению, и вскоре в окрестных лесах появится множество поисковых отрядов.

Хэнк Фишер наверняка расскажет, как он пытался разбить дверь топором, после чего обязательно найдутся желающие сделать то же самое, и вот тут-то все и начнется.

Инека даже пот прошиб, когда он представил себе, что тогда произойдет.

Все долгие годы, что он хоронился от людей, стараясь быть незаметным, будут потрачены впустую. О таинственном старом доме на вершине холма станет известно всему миру, и к нему устремятся тысячи любопытных.

Он подошел к шкафу, где хранилась заживляющая мазь, присланная ему вместе с другими лекарствами из Галактического Центра. Открыв маленькую баночку, Инек увидел, что там осталось еще больше половины. Он, конечно, пользовался мазью все эти годы, но понемногу. Да и необходимость как таковая возникала довольно редко.

Вернувшись к дивану, где сидела Люси, он показал ей, что у него в руках. Затем жестами объяснил, что собирается сделать. Она расстегнула платье, стянула его с плеч, и Инек наклонился, чтобы разглядеть раны. Кровь уже не текла, но кожа вокруг покраснела и воспалилась.

Он осторожно втер мазь в оставленные кнутом длинные рубцы. Люси исцелила бабочку, подумалось ему, а вот себя вылечить не может.

Пирамидка на столе перед ней все еще светилась и вспыхивала, разбрасывая цветные всполохи по всей комнате.

Игрушка оказалась действующей. Узнать бы еще теперь, для чего она все-таки предназначена.

Шарики в пирамидке светились и вращались, но, кроме этого, ничего не происходило.

Глава 19

Улисс появился, когда сгущающиеся сумерки уже готовились уступить место ночи. Инек и Люси только-только закончили ужинать и еще сидели за столом, когда послышались его шаги.

Инопланетянин остановился. В полумраке комнаты он больше обычного походил на жестокого клоуна. Его гибкое, словно текучее тело, казалось, было обтянуто дубленой оленьей кожей. Пятна на теле слабо люминесцировали, а резкие черты лица, гладкий лысый череп и острые приплюснутые уши придавали ему зловещий, даже устрашающий вид.

Если не знать о его мягком характере, подумал Инек, можно сойти с ума от страха, увидев такое создание.

— Мы ждали тебя,— сказал Инек.— Кофейник уже кипит.

Улисс в нерешительности шагнул вперед и тут же остановился.

— Я вижу, ты не один Насколько я могу судить, это человек Земли...

— Не беспокойся.

— Существо противоположного пола. Женщина, верно? Ты нашел себе жену?

— Нет,— ответил Инек,— она мне не жена.

— Все эти годы ты действовал мудро,— произнес Улисс.— В твоем положении завести семью — это не самый осторожный поступок.

— Не беспокойся. Эта девушка страдает серьезным недугом: ей не дано ни слышать, ни говорить.

— Это болезнь?

— Да. Она с самого рождения лишена слуха и голоса. И поэтому не сможет никому рассказать о том, что здесь увидела.

— А язык жестов?

— Она его не знает. Отказалась учиться.

— Вы друзья?

— Да, уже много лет,— ответил Инек.— Она искала у меня защиты — отец избил ее кнутом.

— Отец знает, что она здесь?

— Он так думает, но доказать не может.

Улисс медленно выступил из тени и остановился в круге света лампы. Люси взглянула на него, но ни страха, ни от-

вращения на ее лице не отразилось. Она даже не вздрогнула, взгляд ее остался ровным и безмятежным.

— Как спокойно она ко мне отнеслась,— заметил Улисс.— Не убежала и не закричала.

— Крикнуть она не сможет, даже если захочет,— сказал Инек.

— Но при первой встрече я любому человеку должен казаться совершенно ужасным.

— Люси видит не только внешнюю оболочку, но и какой ты на самом деле.

— Она не испугается, если я поклонюсь ей, как это делают люди?

— Я думаю, ей это будет даже приятно,— ответил Инек.

Улисс поклонился от пояса, приложив руку к кожистому животу,— получилось очень чинно и церемонно. Люси улыбнулась и захлопала в ладоши.

— Видишь,— произнес Улисс, явно довольный собой,— похоже, я ей понравился.

— Почему бы тебе тогда не сесть к столу? — предложил Инек.— Попьем кофе втроем.

— А я и забыл про кофе. Увидел, что ты не один...

Улисс сел за стол, где ему уже была приготовлена чашка. Инек приподнялся, собираясь идти за кофейником, но Люси его опередила.

— Она понимает, о чем мы говорим? — спросил Улисс.

Инек покачал головой:

— Просто ты сел перед пустой чашкой.

Люси налила им кофе, а сама пошла к дивану.

— Почему она не осталась с нами? — снова спросил Улисс.

— Ее очень заинтересовали подарки, что лежат на столике. Один из них она даже привела в действие.

— Ты думаешь оставить девушку на станции?

— Я не могу,— ответил Инек.— Ее будут искать. Придется отвести Люси домой.

— Не нравится мне все это,— сказал Улисс.

— Мне тоже. Видимо, надо сразу признать, что мне не следовало ее сюда приводить. Но в ту минуту я не мог придумать ничего другого. У меня не было времени на размышления.

— Ничего плохого ты не сделал,— мягко сказал Улисс.

— Люси не помешает нашей работе,— добавил Инек.— Она ведь не сможет ничего рассказать.

— Дело не в этом,— сказал Улисс.— Она — просто небольшое осложнение. Хуже другое. Я прибыл сегодня, чтобы предупредить тебя о назревающих неприятностях.

— Что за неприятности? Ничего страшного пока не случилось.

Улисс поднял чашку и сделал большой глоток.

— Замечательный кофе,— сказал он.— Я уже брал с собой зерна и делал дома, но вкус почему-то не тот.

— Что за неприятности? — переспросил Инек.

— Ты помнишь веганца, который умер тут несколько твоих лет назад?

— Сиятель. Помню,— кивнул Инек.

— У этого существа есть правильное название...

Инек рассмеялся:

— Тебе не нравится мое?

— Но мы их так не называем.

— То, как я их называю, говорит о моем добром к ним отношении.

— Ты похоронил веганца?

— На нашем семейном кладбище,— сказал Инек.— И прочел над ним молитву. Как над своим собратом.

— Очень хорошо. Так и следовало поступить. Ты сделал все, как нужно. Но тело исчезло.

— Как исчезло? Этого не может быть! — воскликнул Инек.

— Тело из могилы забрали.

— Ты не можешь этого знать! — запротестовал Инек.— Как ты мог узнать?

— Это не я. Веганцы. Они знают.

— Но до них ведь множество световых лет...

Однако уверенность уже оставила Инека. В ту ночь, когда старый мудрец умер и он отправил сообщение в Галактический Центр, ему тоже сказали, что веганцы узнали о смерти, едва она наступила, и никакого свидетельства о смерти им не требовалось, потому что они уже знали, отчего он умер.

Казалось бы, это невозможно, однако в Галактике столько невозможного оказывалось возможным, что человеку не так-то легко во всем этом разобраться.

Может быть, размышлял тогда Инек, все веганцы поддерживают друг с другом постоянный мысленный контакт? Или какое-то Центральное бюро (если дать земное название чему-то совершенно непонятному) поддерживает непрерывную связь с каждым из живых веганцев, зная, где он, как себя чувствует и что делает?

Видимо, что-то подобное возможно, признавал Инек. Ведь жители Галактики обладают самыми разными и удивительными способностями. Но поддерживать контакт с уже мертвым веганцем...

— Тело исчезло,— сказал Улисс.— В этом нет никаких сомнений. И тебя считают в какой-то степени ответственным.

— Веганцы?

— Да, они. И вся Галактика тоже.

— Я сделал все, что было в моих силах,— горячо возразил Инек.— И выполнил все требования веганских законов, отдав покойному дань уважения от себя и от своей планеты. Нельзя же считать меня вечно за него ответственным. Да и не верю я, что тело действительно исчезло. Кто его мог похитить? Никто просто не знал о захоронении.

— Ты рассуждаешь логично,— сказал Улисс,— если иметь в виду вашу логику. Но у веганцев иная логика. И в данном случае Галактический Центр поддержит скорее их.

— Но веганцы всегда были моими лучшими друзьями,— вспылил Инек.— За все это время я не встретил ни одного, который бы мне не понравился или с которым мне не удалось найти общего языка. Я уверен, что смогу с ними объясниться.

— Если бы это касалось только веганцев, не сомневаюсь,— сказал Улисс.— И я не стал бы беспокоиться. Но тут все куда сложнее. В самом происшествии, казалось бы, ничего сложного нет, но надо принимать во внимание и другие факторы. Веганцы, к примеру, узнали о том, что тело исчезло, уже давно, и это их, конечно, беспокоило. Однако в силу некоторых обстоятельств они пока молчали.

— И напрасно. Они могли явиться сюда. Правда, я не знаю, что тут можно сделать, но...

— Они молчали не из-за тебя. Есть другие причины.

Улисс допил свой кофе и налил себе еще, затем долил в чашку Инека и отставил кофейник в сторону. Инек ждал разъяснений

— Ты, возможно, об этом не знаешь,— продолжил Улисс,— но, когда решался вопрос о строительстве станции на Земле, многие галактические расы выступали против. Как всегда бывает в подобных ситуациях, они приводили разные доводы, но за всеми этими спорами, если разобраться, крылось непрекращающееся соперничество между расами, которые хотели добиться преимуществ для себя или каких-то регионов Галактики. Насколько я понимаю, эта ситуация сродни тому, что происходит здесь, на Земле: бесконечные интриги и конфликты ради экономических преимуществ, выгодных какой-то группировке или нации. В масштабах Галактики, разумеется, экономические соображения редко служат причиной разногласий, но существует много других важных факторов.

Инек кивнул:

— Я догадывался, хотя не очень обращал на это внимание.

— В основном споры ведутся из-за выбора направлений,— разъяснил Улисс — Раз Центр начал расширять транспортную сеть в этом спиральном рукаве Галактики, значит, у него будет меньше времени и возможностей для расширения в других направлениях. Одна большая группа цивилизаций, например, уже несколько веков добивается развития транспортной системы в сторону близлежащих шаровых скоплений. И определенный смысл здесь, конечно, есть. При том уровне технологии, которого мы достигли, переброска на большие расстояния к некоторым из этих скоплений вполне реальна. Кроме того, шаровые звездные скопления практически свободны от пыли и газа, так что, добравшись туда, мы получили бы возможность расширять транспортную сеть гораздо быстрее, чем во многих других регионах Галактики. Однако никто пока не знает, что нас там ждет. Об этом можно лишь догадываться Не исключено, что, потратив так много времени и усилий, мы в конце концов не найдем там ничего достойного внимания, кроме новых свободных территорий. А этого добра хватает и в нашей Галактике. Тем не менее шаровые скопления обладают немалой притягательностью для существ с определенным складом ума.

Инек кивнул:

— Понятно. Это стало бы первой попыткой проникнуть за пределы Галактики. Первым маленьким шагом, который может привести нас к другим галактикам.

Улисс взглянул на него с удивлением.

— И ты туда же,— сказал он.— Впрочем, мне следовало догадаться.

— Да, наверное, у меня тот самый склад ума,— сказал Инек ехидно.

— Короче, эта фракция шаровых скоплений — видимо, их можно охарактеризовать именно так — разразилась протестами, едва только мы начали продвижение в направлении Земли. Ты наверняка понимаешь, что мы находимся в самом начале работы: здесь чуть больше десятка станций, а нужна по меньшей мере сотня. Видимо, пройдет не один век, прежде чем работа над маршрутом будет закончена.

— Но та фракция по-прежнему предъявляет претензии,— догадался Инек.— И работы в нашем спиральном рукаве еще могут быть свернуты.

— Верно. И это меня беспокоит. Фракция не упустит шанс использовать инцидент с пропавшим телом как обладающий большим эмоциональным зарядом аргумент против расширения сети в этом направлении. К ним обязательно присоединятся различные другие группировки со своими специфическими интересами. Все они понимают, что, закрыв наш проект, они получат дополнительный шанс для реализации своих планов.

— Закрыв проект?

— Да, закрыв. И как только инцидент получит огласку, они начнут вопить, что такая варварская планета, как Земля, совсем не место для станции и что нужно ее закрыть.

— Но они не могут этого сделать!

— Могут,— сказал Улисс.— Они будут утверждать, что для нас унизительно и небезопасно держать станцию на варварской планете, где грабят могилы и тревожат прах высокочтимых покойных. Столь эмоциональный довод встретит широкое понимание и поддержку в некоторых областях Галактики. Веганцы старались, как могли. Ради завершения проекта они даже пытались скрыть это происшествие. Ничего подобного им никогда делать не приходилось. Это гордый народ, и они чувствительны в вопросах чести — более чувствительны, может быть, чем другие галактические расы,— однако ради дела они готовы были стерпеть даже оскорбление. Наверное, и стерпели бы, если бы инцидент удалось скрыть. Но каким-то образом история получила огласку — без сомнения, в результате

хорошо продуманной информационной диверсии. И теперь, когда их позор стал известен всей Галактике, стерпеть они не могут. Веганец, который прибудет сюда сегодня вечером,— официальный представитель их планеты, он должен будет вручить ноту протеста.

— Мне?

— Тебе. А через тебя всей Земле.

— Но Земля тут ни при чем. Земля ни о чем не знает.

— Конечно нет. Только для Галактического Центра ты и есть Земля. Для них ты представляешь Землю.

Инек покачал головой. Сумасшествие какое-то! Но с другой стороны, чему тут удивляться? Чего-то подобного даже следовало ожидать. Он просто слишком узко, слишком ограниченно мыслит. С самого рождения он привык подходить ко всему с земными мерками, и даже после стольких лет этот образ мышления сохранял силу. До такой степени, что любой другой, если ему случалось вступать в конфликт с уже привычным, автоматически казался неверным.

Взять хотя бы предложение закрыть станцию. Какой в этом смысл? Скорее всего, одна закрытая станция никак не помешает завершению проекта. Но человечеству уже не на что будет надеяться.

— Если вам придется оставить Землю,— сказал Инек,— вы можете поставить станцию на Марсе. Если нужна станция в нашей звездной системе, здесь есть много других планет.

— Ты не понимаешь,— ответил Улисс.— Эта станция — лишь одно направление атаки. Зацепка. Начало. А цель — закрыть проект целиком, чтобы можно было перебросить усилия на какой-то другой. Если мы будем вынуждены убрать станцию, это нас в какой-то степени дискредитирует, и тогда у них появятся основания для критической переоценки всех наших мотивов и замыслов.

— Но даже если проект закроют,— возразил Инек,— нет никакой уверенности, что какой-то из группировок это принесет пользу. Снова начнутся дебаты о том, куда потратить высвободившиеся время и энергию. Ты говорил, что сейчас против нас объединяется много различных фракций. Предположим, они победят. Тогда им придется разбираться уже между собой.

— В том-то и дело,— согласился Улисс,— но у каждой из них появляется шанс добиться желаемого. По крайней мере, они так думают. В настоящее время у них нет таких шансов. Чтобы они появились, нужно закрыть наш проект. Одна из группировок, базирующаяся на противоположном конце Галактики, мечтает, например, добраться до малонаселенного региона на краю нашего звездного скопления: они до сих пор верят в древнюю легенду, которая гласит, что их цивилизация якобы появилась в результате эмиграции из другой галактики, чьи жители обосновались на далекой окраине, а затем в течение долгих галактических лет проникали к центру. Они считают, что, вернувшись в окраинные районы Галактики, смогут найти доказательства легенды и сделать ее частью истории, к вящей своей славе. Другая группировка хочет получить возможность исследовать маленький спиральный рукав Галактики, потому что они располагают какими-то источниками, свидетельствующими, что в свое время их далекие предки поймали не поддающиеся расшифровке сигналы, которые, по их убеждению, были посланы именно оттуда. История эта обрастала подробностями много тысячелетий, и теперь они просто убеждены, что там обитает раса феноменальных интеллектуалов. И разумеется, по-прежнему не угасает стремление поглубже исследовать ядро Галактики. Ты ведь понимаешь, что мы только начали, что Галактика по большей части еще не изучена и что тысячи цивилизаций, сформировавших Галактический Центр, первопроходцы. В результате Центр постоянно подвергается нападкам и давлению со всех сторон.

— Похоже,— сказал Инек,— у тебя уже не осталось надежды сохранить станцию здесь, на Земле.

— Почти никакой,— ответил Улисс.— Но у тебя есть выбор. Ты можешь остаться на Земле и жить обычной жизнью земного человека, а можешь, если захочется, получить место на другой станции. В Галактическом Центре надеются, что ты выберешь последнее и продолжишь работу.

— Значит, все уже решено?

— Боюсь, да,— сказал Улисс.— Извини, что на этот раз я прибыл с плохими новостями.

Инек сидел словно в оцепенении. Плохие новости! Это еще мягко сказано. Конец всему!

Рушился не только его собственный мир, но и все надежды Земли. Без станции планета снова окажется в глуши, на задворках Галактики — без надежды на помощь, без шансов на признание, без понимания того, какой чудесный, большой мир ждет людей за пределами Солнечной системы. Одинокое, беззащитное человечество, оступаясь и ошибаясь, пойдет прежним путем к своему слепому, безумному будущему.

Глава 20

Сиятель оказался в летах. Окружавшее его золотое сияние давно потеряло искрометный блеск молодости. Оно уже не слепило, как у молодых веганцев, а заливало все вокруг мягким, густым, теплым светом. Держался он с большим достоинством, а мерцающий белоснежный хохолок на макушке — не перья, не волосы, а что-то совсем непонятное — придавал ему сходство со святым. В лице мягкость, чуткость — иногда такие лица с множеством добрых морщин можно увидеть у стариков и здесь, на Земле.

— Мне действительно жаль, что наша встреча вызвана подобными обстоятельствами,— обратился он к Инеку.— Но тем не менее я рад знакомству, поскольку мне уже рассказывали о тебе. Не так часто случается, что смотрителем станции работает существо с планеты, которая не входит в галактическое содружество. Признаться, именно поэтому ты меня и заинтересовал. Я все пытался представить, каким ты окажешься на самом деле.

— Опасения в данном случае были излишни,— произнес Улисс немного резко.— Я за него ручаюсь. Мы давние друзья.

— Да, я забыл. Ведь ты его и нашел,— сказал сиятель, потом окинул комнату взглядом.— Еще одно существо. Я не знал, что их будет двое. Мне говорили только про одного.

— Это друг Инека,— пояснил Улисс.

— Значит, произошел контакт? Контакт с планетой?

— Нет, контакта не было.

— Тогда нарушение секретности?

— Может быть,— сказал Улисс,— но при таких обстоятельствах, при которых и я, и ты были бы вынуждены поступить так же.

Люси поднялась со своего места и двинулась через комнату к ним — медленно, спокойно, словно она плыла.

Сиятель обратился к ней на посредническом языке:

— Я рад познакомиться с тобой. Очень рад.

— Она не разговаривает,— сказал Улисс.— И слышать ей тоже не дано. Она лишена возможности нормального общения.

— Зато она наделена другими способностями,— сказал сиятель.

— Ты так полагаешь? — спросил Улисс.

— Даже не сомневаюсь.

Сиятель сделал несколько шагов навстречу Люси. Та стояла не двигаясь.

— Оно... вернее, она... насколько я понял из твоих слов, это женщина, она совсем меня не боится.

— Она не испугалась даже меня,— усмехнулся Улисс.

Сиятель протянул руку Люси. Та несколько секунд стояла неподвижно, затем подняла свою руку и коснулась пальцев — скорее даже щупалец — сиятеля.

Инеку на мгновение показалось, что окутывающее веганца золотое сияние обволокло и ее. Он моргнул, и наваждение — если это было наваждение — исчезло: в ореоле золотистого света стоял один только сиятель.

Но почему, подумал он, Люси не испугалась ни Улисса, ни веганца? Может быть, она действительно видит сквозь внешнюю оболочку или как-то ощущает скрытую в этих существах человечность (помоги мне бог, я даже сейчас думаю не иначе как земными понятиями!). А если так, то, может, в ней самой есть что-то такое, чего обычным людям не дано. По происхождению и по виду она, безусловно, человек Земли, но ее не коснулось деформирующее влияние земной культуры. Таким, возможно, был бы человек, если бы его не стесняли узкие рамки правил поведения и условностей, которые с годами затвердевают и превращаются в законы, определяющие отношение к жизни.

Люси опустила руку и вернулась на диван.

— Инек Уоллис,— произнес сиятель.

— Я слушаю.

— Она твоей расы?

— Да, конечно.

— Но она совсем другая. Как будто вы принадлежите к двум различным цивилизациям.

— На Земле только одна раса людей.

— А есть еще такие же, как она?

— Я не знаю.

Тут к сиятелю обратился Улисс:

— Кофе. Ты не хочешь кофе?

— Кофе?

— Совершенно удивительный напиток. Одно из наивысших достижений Земли.

— Мне этот напиток не знаком. Пожалуй, я откажусь,— ответил сиятель и обратился к Инеку: — Ты уже знаешь, зачем я здесь?

— Похоже, знаю.

— Как это ни печально,— сказал сиятель,— но я вынужден...

— Если ты не возражаешь,— предложил Инек,— давай считать, что протест уже выражен и выслушан. Я заранее его принимаю.

— Может, так оно и лучше будет,— сказал Улисс.— Похоже, это избавит нас троих от довольно болезненной процедуры.

Сиятель все еще сомневался.

— Конечно, если ты считаешь, что должен...— сказал Инек.

— Нет,— ответил сиятель.— Меня вполне удовлетворит, если ты великодушно примешь мой невысказанный протест.

— Согласен, но с одним условием. Я хочу убедиться, что это обоснованное обвинение. Мне нужно сходить и проверить.

— Ты мне не веришь?

— Здесь дело не в доверии. Просто раз есть возможность проверить, я не могу принять обвинение против меня самого и моей планеты, не сделав хотя бы этого.

— Инек,— обратился к нему Улисс,— веганцы всегда проявляли доброе отношение к Земле. Им и сейчас не хотелось затевать это дело. Они так старались защитить и Землю, и тебя...

— Ты хочешь сказать, что я поступлю неблагодарно, если не приму это обвинение на веру?

— Извини, но я именно это и хотел сказать.

Инек покачал головой:

— Долгие годы я стремился понять и принять этику и образ мышления существ, что проходили через мою станцию. Я отталкивал в сторону свои человеческие инстинкты и привычки. Пытался понять чужие точки зрения, проникнутые иным видением мира, хотя порой это оказывало губительное воздействие на мое прежнее мировоззрение. Но я счастлив, что мне выпала такая доля, что мне представился шанс вырваться из узких земных рамок. Несомненно, я что-то приобрел, но Земли это не коснулось — только меня одного. Однако сейчас происходит нечто такое, что скажется на судьбе всей Земли, и я должен подходить к этому как житель планеты Земля. Сейчас я не просто смотритель галактической станции.

Ни один из его гостей не ответил. Инек подождал еще немного, но инопланетяне по-прежнему молчали, и он направился к двери.

— Я скоро вернусь,— сказал он, затем произнес кодовую фразу, и дверь поползла в сторону.

— Если ты позволишь,— обратился к Инеку сиятель,— я пойду с тобой.

— Хорошо. Идем.

Снаружи было темно, и Инек зажег фонарь. Сиятель следил за его действиями, не отрывая настороженного взгляда.

— Ископаемое топливо,— пояснил Инек.— Фитиль пропитывается им и горит.

— Но у вас должны быть более совершенные системы.— Сиятель был несколько ошарашен.

— Они есть,— ответил Инек.— Это я несколько старомоден в своих привычках.

Он шел впереди и нес в руке фонарь, отбрасывавший небольшой круг света.

— Какая дикая планета! — сказал сиятель.

— В этих местах, пожалуй, да. Но у нас есть и совсем освоенные регионы.

— Нашей планетой мы овладели целиком. Там все давно распланировано.

— Я знаю. Мне доводилось разговаривать со многими веганцами, и они рассказывали о своей планете.

Они дошли до сарая.

— Может, ты хочешь вернуться? — спросил Инек.

— Нет,— ответил сиятель.— Мне это даже интересно. А вот там что — дикие растения?

— Мы их называем деревьями.

— И ветер у вас дует самопроизвольно?

— Да. Мы еще не научились управлять погодой.

Инек взял лопату, стоявшую сразу за дверью сарая, и они направились к саду.

— Ты, конечно, уже поверил, что тело исчезло,— сказал сиятель.

— Я к этому готов.

— Тогда зачем мы идем?

— Я должен убедиться лично. Тебе, наверное, трудно это понять.

— Несколько минут назад, на станции, ты говорил, что старался понять всех нас. Может быть, настало время хотя бы одному из нас постараться понять тебя...

Инек вел сиятеля по тропе, идущей через сад, и вскоре они оказались у грубой ограды, поставленной вокруг могил. Инек прошел за калитку, сиятель последовал за ним.

— Здесь ты его и похоронил?

— Это наше семейное кладбище. Здесь похоронены мои родители, и веганца я похоронил рядом с ними.

Он отдал фонарь сиятелю и, подойдя к могиле, воткнул лопату в землю.

— Пожалуйста, держи свет поближе.

Сиятель сделал два шага вперед. Инек опустился на колени и отгреб в сторону нападавшие листья. Под ними оказалась свежая, мягкая, недавно перекопанная земля. Потом он заметил углубление с небольшим отверстием в центре. Разгребая землю, Инек слышал, как кусочки высохшей глины падают в это отверстие и ударяются обо что-то твердое.

Сиятель переступил с ноги на ногу, и свет фонаря снова ушел в сторону. Однако Инеку и не нужно было больше смотреть. Копать — тоже. Он и так знал, что найдет под землей. Видимо, ему следовало заглядывать сюда почаще, проверять. И наверное, он зря поставил камень, который, скорее всего, и привлек к могиле внимание. Хотя, с другой стороны, в Галактическом Центре сказали: «Действуйте так, как будто это человек Земли». Что он и сделал. Инек распрямил спину, но

все еще стоял на коленях, ощущая, как сырость пропитывает брюки.

— Мне никто не сказал,— тихо произнес сиятель.

— О чем?

— О памятнике. И о том, что на нем написано. Я не знал, что тебе знаком наш язык.

— Я уже давно его выучил — мне хотелось прочесть кое-какие свитки самому. Но, боюсь, здесь я наделал ошибок.

— Две,— заметил сиятель,— и одна маленькая неточность. Но это не важно. Значение имеет лишь то, что ты, когда писал эти строки, думал как мы.

Инек поднялся с колен и протянул руку к фонарю.

— Идем обратно,— неожиданно резко, даже нетерпеливо сказал он.— Я понял, кто это сделал. И я его отыщу.

Глава 21

Кроны деревьев над головой стонали под напором ветра. Впереди замаячили в слабых отсветах фонаря белые стволы высоких берез. Они росли на краю глубокого обрыва, и Инек знал, что в этом месте надо брать правее, чтобы спуститься по склону холма.

Он обернулся. Люси следовала за ним. Она улыбнулась и показала жестом, что все в порядке. Инек в свою очередь показал рукой, куда им нужно свернуть, и попытался объяснить ей жестами, чтобы не отставала. Хотя, подумал он тут же, это, возможно, лишнее: Люси знала окрестные холмы ничуть не хуже его, а может быть, даже и лучше.

Свернув направо, Инек прошел по краю обрыва, затем спустился по промоине к склону холма. Слева доносилось журчание стремительного ручья, сбегавшего по каменистому ложу из родника у края поля. Вскоре холм стал круче, и им пришлось идти наискось.

Странно, думал Инек, что даже в темноте он легко узнает знакомые приметы: искривленный ствол дуба, торчащего чуть ли не под прямым углом к склону; дальше — старая дубовая роща, венчающая куполообразную каменную насыпь, где деревья выросли так близко друг к другу, что ни один дровосек даже не пытался их срубить; маленькое болотце, заросшее рогозом и словно втиснутое в нишу, вырытую на склоне холма...

Далеко внизу засветились окошки дома, и Инек повернул в том направлении. Потом снова оглянулся, но Люси по-прежнему следовала за ним. Через какое-то время они наткнулись на старую, полуразвалившуюся ограду, пробрались между жердями, и дальше уже земля стала ровнее.

Где-то в глубине двора залаяла собака. К ней тут же присоединилась вторая, затем еще несколько, и секунду спустя навстречу им уже неслась целая собачья свора. Псы на всем ходу обогнули Инека с фонарем и бросились к Люси. Только теперь они вдруг преобразились, это были уже не свирепые сторожевые псы, а этакий приветственный комитет: собаки проталкивались вперед, вставали на задние лапы и повизгивали. Люси приласкала, погладив по голове, одну, вторую, и они, словно по сигналу, принялись радостно носиться вокруг

Чуть дальше за забором начинался огород, и Инек пошел вперед, осторожно ступая по дорожкам между грядками. Вскоре они оказались во дворе перед домом. Очертания этого просевшего, покосившегося строения скрывала ночная тьма, и только окна кухни светились мягким, теплым светом.

Инек подошел к двери кухни и постучал. Изнутри послышались торопливые шаги, дверь открылась, и в освещенном проеме появилась Ма Фишер — высокая костлявая женщина в каком-то балахоне, похожем на мешок. Она уставилась на Инека одновременно с испугом и вызовом, но тут заметила позади него свою дочь.

— Люси!

Девушка бросилась вперед, и мать заключила ее в объятия. Инек поставил фонарь на землю, сунул винтовку под руку и шагнул через порог.

Семейство ужинало, сидя за большим круглым столом, стоявшим посередине кухни. Хэнк поднялся, но трое его сыновей и незнакомец остались сидеть.

— Привел, значит.— сказал Хэнк.

— Да, я ее отыскал.

— А мы только-только вернулись. Собирались идти искать снова.

— Ты помнишь, что сказал мне сегодня днем? — спросил Инек.

— Я много чего говорил.

— Ты сказал, что я спутался с дьяво́лом. Так вот, если ты хотя бы еще раз ее ударишь, я тебя самого к дьяволу отправлю. Понял?

— Нечего меня стращать! — огрызнулся Хэнк, но по тому, как он весь напрягся, было видно, что угроза подействовала.

— Я тебя предупредил. Не испытывай мое терпение.

С минуту они стояли лицом к лицу, затем Хэнк не выдержал и сел.

— Ужинать с нами будешь? — буркнул он.

Инек покачал головой и перевел взгляд на незнакомца.

— Это вы женьшень ищете? — спросил он.

Незнакомец кивнул.

— Мне нужно с вами поговорить. Выйдем...

Клод Льюис встал.

— Незачем тебе выходить! — вскинулся Хэнк.— Еще приказывает! Пусть здесь говорит.

— Да я не против,— сказал Льюис.— Мне и самому давно хотелось с ним поговорить. Вы ведь Инек Уоллис, верно?

— Он самый,— буркнул Хэнк.— Ему следовало помереть от старости лет пятьдесят назад, а ты глянь на него! Я же говорю, он с дьяволом спутался.

— Помолчи, Хэнк,— сказал Льюис, вышел из-за стола и направился к двери.

— Спокойной ночи,— попрощался Инек со всем семейством.

— Мистер Уоллис,— обратилась к нему Ма Фишер,— спасибо вам за то, что вы привели мою девочку. Хэнк ее больше не тронет. Я вам обещаю.

Инек вышел на улицу, прикрыл за собой дверь и поднял с земли фонарь. Льюис поджидал его во дворе.

— Отойдем немного,— сказал Инек.

Они дошли до огорода и остановились.

— Вы за мной наблюдали,— сказал Инек.

Льюис кивнул.

— Это санкционировано? Или праздное любопытство?

— Боюсь, санкционировано. Меня зовут Клод Льюис. И мне нет смысла скрывать от вас, что я сотрудник ЦРУ.

— Я не изменник и не шпион,— заявил Инек.

— Никто так и не думает. Мы просто наблюдаем за вами.

— Вам известно о кладбище?

Льюис снова кивнул.

— Вы забрали из могилы тело.

— Да. Из той, где надгробный камень со странной надписью.

— Где оно?

— Тело, вы имеете в виду? В Вашингтоне.

— Этого делать не следовало,— мрачно произнес Инек.— Ваши действия повлекли за собой большие неприятности. Нужно вернуть тело в могилу. И как можно скорее.

— На это потребуется время,— сказал Льюис.— Придется доставлять его самолетом, но все равно получится не меньше суток.

— А быстрее?

— Ну, может быть, немного быстрее.

— Верните тело как можно скорее. Это очень важно.

— Хорошо, Уоллис. Я не знал...

— И вот что еще, Льюис...

— Да?

— Не вздумайте хитрить. Никаких фокусов. Просто сделайте, что я сказал. Я пошел на переговоры с вами, потому что это единственный путь. Но один ваш неверный шаг...

Инек схватил Льюиса за рубашку и притянул к себе:

— Вы меня поняли, Льюис?

Тот стоял, даже не пытаясь освободиться.

— Да. Я все понял.

— За каким чертом вы вообще это сделали?

— Работа такая,— ответил Льюис.

— Работа... Вам положено наблюдать за мной, а не грабить могилы.— Инек отпустил наконец его рубашку.

— А скажите...— неуверенно начал Льюис,— там, в могиле... Что это было?

— Вас это не касается,— отрезал Инек.— Но доставить тело обратно — ваша прямая обязанность. Вы уверены, что сумеете это сделать? Вам никто не помешает?

— Все будет в порядке. Я позвоню, как только доберусь до телефона. Скажу, что дело крайне важное.

— Так оно и есть,— подтвердил Инек.— Если вы вернете тело на место, это будет самая важная работа в вашей жизни. Не забывайте об этом ни на минуту. Ситуация касается абсо-

лютно всех на Земле. Вас, меня — всех. И если вы меня подведете, вам не поздоровится в первую очередь.

— Имеется в виду вот это? — спросил Льюис, кивнув на винтовку.

— Возможно,— ответил Инек.— И не вздумайте шутить со мной! Можете не сомневаться: если потребуется вас убить, я сделаю это без колебаний. Положение таково, что я готов пойти на все...

— Уоллис, но хоть что-то вы мне можете объяснить?

— Ничего,— ответил Инек.

— Вы домой?

Инек кивнул.

— Похоже, вы не возражаете против нашей слежки?

— Не возражаю. Но только против слежки. Верните тело и можете продолжать, если вам хочется. Но ко мне не суйтесь. Не давите на меня. Не вмешивайтесь. Держитесь подальше.

— Но что происходит, черт побери? Скажите же хоть что-нибудь!

Инек задумался.

— Хотя бы намекните,— продолжал Льюис.— В общих чертах...

— Верните тело на место,— с нажимом проговорил Инек.— Тогда мы, может быть, поговорим.

— Вернем,— заверил его Льюис.

— Если не вернете, считайте себя покойником,— сказал Инек и, резко повернувшись, двинулся через огород к подножию холма.

Льюис долго стоял во дворе и, пока раскачивающийся фонарь не скрылся из виду, смотрел Инеку вслед.

Глава 22

Когда Инек вернулся на станцию, Улисс был уже один. Тубанца он отправил своей дорогой, а сиятеля послал обратно на Вегу-XXI. На плите снова грелся кофейник, а сам Улисс разлегся на диване.

Инек повесил винтовку на место и погасил фонарь. Затем снял куртку, швырнул ее на стол и сел в кресло напротив дивана.

— Тело вернут,— произнес он.— Завтра, к этому часу.

— Всей душой надеюсь, что это принесет какую-то пользу,— сказал Улисс.— Хотя сомнений у меня предостаточно.

— Может быть, мне и беспокоиться не стоило? — с горечью спросил Инек.

— В любом случае это послужит доказательством доброй воли землян и, возможно, окажет умиротворяющее действие при окончательном решении вопроса.

— Сиятель мог сам сказать мне, где находится тело.— Инек решил перевести разговор на другую тему.— Если ему стало известно, что тело пропало, тогда он наверняка знал и где оно сейчас.

— Видимо, да,— отозвался Улисс,— но, я думаю, он не мог тебе сообщить. Ему было поручено заявить протест. Все остальное — твоя задача. Как-никак он представитель потерпевшей стороны, их оскорбили. Он должен был помнить об этом и блюсти достоинство.

— Иногда от всего этого с ума можно сойти,— заметил Инек.— Несмотря на рекомендации и подсказки Галактического Центра, я то и дело сталкиваюсь с новыми неожиданностями или попадаю впросак.

— Возможно, наступит день, когда все изменится. Вглядываясь в будущее, я представляю себе. как через несколько тысячелетий жители Галактики сольются в единую культуру, основанную на взаимопонимании. Какие-то местные и расовые различия останутся — так и должно быть,— но превыше всего будет терпимость, которая поможет созданию своего рода галактического братства.

— Ты говоришь почти как землянин,— сказал Инек.— Об этом мечтали и на это надеялись многие наши великие мыслители.

— Может быть. Сам знаешь, я на Земле тоже открыл для себя немало. Нельзя провести столько времени на этой планете без того, чтобы она не оставила в душе какого-то следа... Кстати, ты произвел на веганца очень хорошее впечатление.

— Мне так не показалось,— сказал Инек.— Он, конечно, был доброжелателен, вежлив, но не более того.

— Надпись на камне... Именно она на него и подействовала.

— Я сделал ее не ради того, чтобы произвести на кого-то впечатление. Просто я чувствовал, что так будет правильно.

И еще потому, что мне нравятся сиятели. Мне хотелось сделать все честь по чести.

— Если бы не давление со стороны различных фракций содружества,— сказал Улисс,— я бы даже не сомневался, что сиятели предпочтут забыть о случившемся, а это, надо заметить, такая значительная уступка с их стороны, что ты себе и не представляешь... Не исключено, что даже в сложившихся обстоятельствах они в конце концов окажутся на нашей стороне.

— Ты имеешь в виду, что они могут спасти станцию?

Улисс покачал головой:

— Думаю, это уже никому не под силу. Но всем нам в Галактическом Центре было бы гораздо легче, если бы сиятели поддержали нас.

Кофейник забулькал, и Инек пошел его снять. Улисс тем временем отодвинул сложенные на кофейном столике сувениры, освобождая место для двух чашек. Инек наполнил их и поставил кофейник на пол.

Улисс взял свою чашку, но, подержав в руках, поставил обратно.

— Плохо у нас стало,— неожиданно сказал он.— Не то что в прежние времена. Это очень беспокоит Галактический Центр. Ссоры, разногласия между расами, все чего-то требуют, показывают свой гонор...— Он взглянул на Инека и спросил: — А ты думал, у нас тишина и покой?

— Нет,— ответил Инек,— не совсем так. Я знал, что у вас тоже существуют противоположные точки зрения и случаются конфликты. Но я, признаться, думал, что все свои проблемы вы решаете на достойном уровне, по-джентльменски, что ли, цивилизованно.

— Когда-то так оно и было. Разногласия существовали всегда, но если раньше их причиной служили какие-то философские концепции или этические нормы, то теперь это чаще всего специфические интересы. Ты, разумеется, знаешь о вселенской энергии духовности...

Инек кивнул:

— Я читал кое-какие труды на эту тему. Мне не все понятно, но я готов принять ее существование. Насколько я понимаю, у вас есть способ черпать эту энергию...

— Талисман.

— Да. Талисман. Что-то вроде машины...

— Видимо, можно и так назвать,— согласился Улисс.— Хотя слово «машина» не совсем точное. В конструкции Талисмана воплощены отнюдь не только механические принципы. Кроме того, он уникален. Некое таинственное существо, жившее около десяти тысяч лет назад, изготовило только один Талисман. Я бы с удовольствием рассказал тебе, что он собой представляет и как устроен, но, боюсь, этого не знает ни один житель Галактики. Многие пытались создать дубликат Талисмана, и никому это не удавалось, а его творец не оставил после себя ни чертежей, ни схем, ни даже единой записочки. Так что Талисман по-прежнему остается загадкой для всех.

— Но надо полагать,— сказал Инек,— против изготовления дубликата никто бы не возражал? Никаких священных запретов тут нет? Это не будет святотатством?

— Ни в коей мере. Более того, нам крайне необходим второй Талисман, потому что первый пропал. Исчез.

Инек даже подскочил в кресле:

— Исчез?

— Да,— подтвердил Улисс.— Потерян. Украден. Никто не знает, что с ним случилось.

— Но я даже не...

— Верно, ты не мог об этом слышать.— Улисс печально улыбнулся.— Потому что мы никому не сообщали. Не решались. Жители Галактики не должны знать о пропаже Талисмана. Хотя бы какое-то время.

— Но как можно скрыть пропажу Талисмана?

— На самом деле это несложно. Ты же сам знаешь, что хранители переносят его с планеты на планету, где Талисман выставляется для обозрения и к нему стекается огромное число жителей, черпающих с его помощью энергию духовности. Но передвижения хранителей не подчиняются каким-то расписаниям или графикам: они просто путешествуют по Галактике. На некоторых планетах между посещениями хранителей проходит порой до сотни лет и больше. Люди не ждут этих визитов к какому-то определенному сроку. Они знают, что рано или поздно хранитель с Талисманом появится и на их планете.

— Но так можно хранить тайну годами.

— Да,— сказал Улисс.— Без всяких сложностей.

— Руководители планет, разумеется, знают? И их помощники?

Улисс покачал головой:

— Мы рассказали очень немногим. Только тем, кому полностью доверяем. В Галактическом Центре, конечно, все знают, но у нас не принято болтать.

— Тогда почему...

— Почему я рассказал тебе? Я не должен был этого делать, знаю. И признаться, сам не понимаю, почему сделал. Хотя, может быть, догадываюсь... Как ты себя чувствуешь, мой друг, в роли исповедника?

— Ты всерьез обеспокоен,— сказал Инек.— Вот уж не думал, что когда-нибудь увижу тебя таким.

— Это очень странная история. Талисман пропал несколько лет назад. И никто об этом пока не знает, кроме Галактического Центра и...— как бы это поточнее сказать?..— иерархии, что ли. Организации посвященных, которая занимается вопросами духовности. Но даже при том, что никто еще не знает, Галактика уже дает слабину и кое-где трещит по швам. Со временем все вообще может рухнуть. Как будто Талисман незримо объединял все расы Галактики, оказывая свое воздействие, даже когда он находился далеко.

— Но ведь Талисман все равно где-то существует,— заметил Инек.— Он по-прежнему должен действовать. Не могли же его уничтожить?

— Ты забываешь,— напомнил Улисс,— что он не действует без хранителя, без восприимца. Дело не в самом механизме. Он всего лишь связующее звено между восприимцем и энергией духовности. Продолжение восприимца. Талисман только усиливает его талант и действует в качестве некоего посредника, позволяющего восприимцу выполнять свою функцию.

— И ты полагаешь, что потеря Талисмана имеет какое-то отношение к тому, что происходит сейчас?

— Ты имеешь в виду судьбу этой станции? Не прямо, но это одна цепочка событий, и то, что существование станции оказалось под угрозой, очень симптоматично. Те же самые склоки и недостойные разбирательства, что поразили всю Галактику. Случись это в прежние времена, все обсуждения велись бы, как ты выразился, по-джентльменски, достойно и тактично.

Некоторое время они сидели молча, прислушиваясь к негромкому свисту ветра за стенами дома.

— Не забивай себе голову,— сказал наконец Улисс.— У тебя и так забот хватает. Зря я тебе все рассказал. Довольно опрометчиво с моей стороны.

— Ты имеешь в виду, что я никому не должен об этом говорить? Можешь быть спокоен.

— Я знаю, что ты этого не сделаешь. И никогда не думал иначе.

— Но ты действительно считаешь, что отношения между галактическими расами портятся? — спросил Инек.

— Когда-то все они были заодно,— ответил Улисс.— Конечно, по многим вопросам жители Галактики придерживались различных позиций, однако они всегда пытались примирить свои взгляды — порой довольно искусственно, порой не очень успешно, но, когда к этому стремятся обе стороны, они, как правило, достигают цели. Потому что они этого хотят. А целью всегда было создание братства разумных существ. Все прекрасно понимали, что мы располагаем огромным массивом знаний и опыта, что, работая бок о бок, объединяя эти знания и способности, мы добьемся результатов гораздо более значительных, чем в состоянии добиться какая-то одна раса. Трудностей и проблем, как я уже говорил, хватало, но все же содружество прогрессировало. Мелкие обиды и разногласия мы просто отметали в сторону и занимались только крупными проблемами, потому что знали: если нам удастся справиться с ними, мелкие станут еще мельче, а потом и вовсе исчезнут. Но теперь все по-другому. Откуда-то из темных углов извлекаются старые мелкие раздоры и раздуваются до совершенно безобразных размеров, в то время как решения крупных, важных вопросов попросту никто не ищет.

— Это здорово напоминает Землю,— заметил Инек.

— Да, очень,— ответил Улисс.— Внешне. Хотя речь идет о совершенно иных вещах.

— Ты читаешь газеты, которые я тебе отдаю?

Улисс кивнул:

— Похоже, у вас тут тоже не очень спокойно.

— Похоже, у нас будет война,— без околичностей заявил Инек.

Улисс поежился, но промолчал.

— У вас, насколько я понимаю, войн не бывает,— сказал Инек.

— В Галактике, ты имеешь в виду? Нет, при нынешнем устройстве не бывает.

— Слишком для этого цивилизованны?

— Ты меня как будто попрекаешь,— сказал Улисс.— Раза два и мы стояли на грани, но это было давно. В содружество входит много цивилизаций, которые на раннем этапе своего развития тоже познали войны.

— Тогда и у нас, может быть, есть еще надежда. Нужно только переболеть этим.

— На это требуется время.

— Ты не уверен, что мы справимся?

— Нет. Не уверен.

— Я много лет работал над таблицей, основанной на мицарской статистической теории,— сказал Инек.— По таблице выходит, что будет война.

— Тут и без таблицы все ясно.

— Но дело не в таблице. Я работал над ней не только ради точного ответа. Меня не оставляла надежда, что она подскажет, как сохранить мир. Должен же быть какой-то способ. Какое-то решение. Если бы мы только нашли его или знали, где искать, у кого спросить.

— Такой способ есть,— произнес Улисс.

— Ты хочешь сказать, что тебе известно...

— Но это радикальная мера. И применять ее можно, лишь когда ничего другого уже не остается.

— А ты считаешь, что у нас еще есть шанс?

— Нет. Наверное, уже нет. Война, которая может разразиться на Земле, уничтожит плоды нескольких тысячелетий развития, уничтожит культуру — все уничтожит, кроме жалких остатков цивилизации. Не исключено, что она убьет почти все живое на планете.

— Этот твой способ... Он уже применялся?

— Несколько раз.

— И помогло?

— Да, конечно. Мы даже не стали бы об этом думать, если бы сомневались в успехе.

— Его можно использовать на Земле?

— Да. Ты должен дать запрос.

— Я?!

— Как представитель Земли ты можешь обратиться в Галактический Центр с просьбой предотвратить войну на своей планете. Тебя обязательно выслушают, и, если ты убедишь Центр, они назначат группу специалистов для подготовки доклада, на основании которого будет приниматься решение.

— Ты сказал, что это должен сделать я. А кто-нибудь еще с Земли может?

— Любой, кто имеет возможность обратиться в Галактический Центр. Но чтобы туда обратиться, нужно прежде всего знать о его существовании, а ты единственный человек на Земле, которому о нем известно. Кроме того, ты сотрудник Галактического Центра. Долго работал смотрителем станции. У тебя безупречный послужной список. К тебе там прислушаются.

— Но я же один! Как может один человек решать судьбу целой планеты?

— Ты единственный представитель человечества, который на это способен.

— Если бы можно было посоветоваться с другими людьми...

— Нельзя. Да и не поверит тебе никто.

— Тоже верно...

Ему самому мысль о галактическом содружестве разумных существ и раскинувшейся среди звезд транспортной сети давно уже перестала казаться странной. Время от времени на него еще накатывало восторженное удивление, но ничего странного он тут уже не находил. Хотя, конечно же, чтобы привыкнуть, потребовались годы. Годы, в течение которых он все это видел своими глазами и лишь потом постепенно принял. Но если рассказать такое любому другому землянину, тот подумает, что рассказчик просто рехнулся.

— Что это за способ? — спросил Инек, хотя внутри у него все сжалось от волнения и он приготовился к самому худшему.

— Оглупление,— ответил Улисс.

Инек судорожно вздохнул.

— Оглупление? Не понимаю. Мы и без того достаточно глупы.

— Ты сейчас имеешь в виду дефицит трезвого мышления. Такое встречается часто не только на Земле, но и по всей Галактике. А я говорю об общем уровне умственных способностей человечества. О состоянии, когда никто не сможет понять науку и технику, которые делают возможной грозящую Земле войну. О неспособности справиться с машинами и аппаратурой для ведения боевых действий. Это означает возвращение людей на такую ступень умственного развития, с которой они уже не смогут дотянуться до научных и технологических вершин, покоренных ранее. Тот, кто знал, забудет. Тот, кто не знал, так и не научится. Назад к колесу и рычагу. И тогда ваша страшная война станет невозможна.

Инек застыл, выпрямившись в кресле, не в силах вымолвить хотя бы слово. Его будто сковало леденящим ужасом, но в мозгу роилось множество мыслей.

— Я же говорил, что это радикальная мера,— добавил Улисс.— Но необходимая: войну так просто не остановишь. Цена здесь высока.

— Я не могу принять такое решение в одиночку,— проговорил Инек.— Это никому не под силу...

— Да, это нелегко. Но подумай: если разразится война...

— Я знаю. Если начнется война, будет еще хуже. Но таким способом войну не остановить. Я совсем не это искал. Люди все равно смогут воевать и убивать.

— Дубинами,— сказал Улисс.— Может быть, луками и стрелами. Винтовками, пока они не выйдут из строя или пока не кончатся патроны. Люди забудут, как делать порох, как добывать металл для пуль и прочие подобные вещи. Пусть вражда и не прекратится, но, во всяком случае, мир избежит катастрофы. Не погибнут в ядерных взрывах города, потому что никто не будет знать, как запустить ракету или как подготовить боеголовку к запуску. Скорее всего, люди просто перестанут понимать, что такое ракета или боеголовка. Исчезнет вся современная связь. Прекратит существование весь транспорт, за исключением простейших повозок. Война — кроме мелких локальных конфликтов — станет невозможна.

— Ужасная картина...— произнес Инек.

— Война не менее ужасна,— сказал Улисс.— Тебе выбирать.

— Но сколько это продлится? — спросил Инек.— Мы же оглупеем не навсегда?

— На несколько поколений,— ответил Улисс.— Потом эффект, если можно так сказать, обработки начнет сходить на нет. Люди в конце концов стряхнут с себя это оглупляющее оцепенение, и снова начнется интеллектуальный подъем. Фактически цивилизация получит второй шанс.

— Но спустя еще несколько поколений они снова могут прийти к той же самой ситуации, что мы имеем сейчас.

— Возможно. Хотя маловероятно. Развитие культуры вряд ли пойдет тем же путем. Есть шанс, что ваша цивилизация станет лучше, а люди не столь воинственны.

— Но это слишком большой груз для одного человека...

— Есть одно обнадеживающее обстоятельство,— добавил Улисс,— и тебе необходимо иметь это в виду. Описанный способ предлагается только тем мирам, которые, по нашему мнению, заслуживают спасения.

— Ты должен дать мне время подумать,— сказал Инек.

Однако он понимал, что времени на раздумья практически не осталось.

Глава 23

Человек, который работал всю жизнь, вдруг не сможет больше делать свое дело. И со всеми вокруг произойдет то же самое. У людей ни с того ни с сего пропадут знания и опыт, необходимые, чтобы выполнять стоящие перед ними задачи. Они, конечно, будут пытаться работать, как прежде, но, видимо, не очень долго. А поскольку никто не сможет работать, корпорации, конторы, заводы просто перестанут действовать. Не закроются, не обанкротятся, а просто остановятся. И не только потому, что никто не сможет работать или ни у кого уже не хватит ума, чтобы управлять производством,— транспорт и связь, от которых зависит бизнес, тоже прекратят существование.

Локомотивы, самолеты и корабли останутся на своих местах, потому что не будет никого, кто мог бы вспомнить, как управлять этими машинами. Множество людей, которые еще

недавно обладали всеми необходимыми знаниями, вдруг поймут, что они уже ничего не умеют. Возможно, найдется кто-то, кто все равно захочет попробовать, но, скорее всего, такая попытка закончится трагически. У кого-то еще, видимо, останутся смутные воспоминания о том, как водить легковой автомобиль, грузовик или автобус, потому что они просты в управлении и люди, как правило, делают это почти инстинктивно. Но когда машины сломаются, не останется уже ни одного автомеханика, способного их починить, и они тоже встанут.

Всего через несколько часов после обработки человечество вновь окажется в затерянном мире, где расстояние — один из важнейших факторов. Мир увеличится, океаны снова превратятся в непреодолимые водные пустыни, а миля опять станет очень длинной. Спустя два-три дня начнется паника, суматоха, бегство, отчаяние перед свершившимся, перед действительностью, которую никто не в состоянии понять.

Сколько пройдет времени, размышлял Инек, прежде чем жители городов израсходуют последние продукты, оставшиеся на складах, и начнется голод? Что произойдет, когда исчезнет электричество? Долго ли в такой ситуации сохранят свою цену бессмысленные символические бумажки или даже монеты?

Торговля рухнет, коммерция и промышленность умрут, лишенные средств и способностей для нормального функционирования, превратятся в ничто, связь исчезнет, закон и порядок канут в прошлое, мир снова потонет в варварстве и лишь потом начнет медленно возрождаться. На это уйдут многие годы — годы страданий, болезней, смертей и несказанного отчаяния. Со временем положение стабилизируется и мир привыкнет к новому образу жизни, но в процессе утрясски слишком многие погибнут и многие другие потеряют все то, что означало для них нормальную жизнь или смысл жизни.

Однако будет ли это хуже, чем ядерная война?

Да, многие умрут от холода, голода и болезней (поскольку медицина исчезнет вместе со всей остальной наукой), зато миллионы, которых не коснется огненное дыхание ядерных вспышек, останутся в живых. С неба не польются смертоносные дожди, вода останется чистой и свежей, земля сохранит плодородие. Когда закончится начальная фаза перемен, человечество получит шанс выжить и построить новую цивилизацию.

Если бы только знать наверняка, что война будет, что она неизбежна, думал Инек, тогда выбор был бы прост. Но всегда остается надежда, что Земля все-таки избежит этой опасности, что мир — пусть хрупкий и неустойчивый — удастся сохранить. В таком случае уже не будет отчаянной нужды в радикальном средстве против войны, что предлагают жители Галактики. Прежде чем решать, необходима уверенность. Но где ее взять? Да, таблица, лежащая на столе, предрекает войну. Да, дипломаты и обозреватели считают, что грядущая конференция может послужить толчком к катастрофе. Однако уверенности в том, что войны не миновать, все равно нет.

И даже зная наверняка, как может один человек — один! — брать на себя роль вершителя судеб всего человечества? По какому праву может один человек принимать решение, которое повлияет на всех остальных, на миллиарды людей? И оправдают ли последующие годы его выбор?

Под силу ли одному человеку решить, что хуже — война или поголовное оглупление? Видимо, не под силу. Разве можно представить, оценить и ту и другую катастрофу?

Конечно, если не торопиться, оба варианта выбора можно обосновать. Со временем оформятся какие-то убеждения, которые позволят прийти все-таки к окончательному решению — пусть не совсем верному, но, во всяком случае, достаточно продуманному, чтобы его можно было примирить потом с собственной совестью...

Инек встал и подошел к окну. Звук шагов отдавался в помещении станции глухим эхом. Он взглянул на часы и увидел, что уже за полночь.

Среди жителей Галактики, думалось ему, наверняка есть расы, способные правильно и быстро справиться практически с любой проблемой — одним стремительным рывком сквозь сложное переплетение мыслей, логикой, более точной, чем та, которой следует человечество. Это было бы, конечно, неплохо — в том смысле, что появилось бы все-таки определенное решение, но разве не принижает оно — или не отметает вовсе — значимость каких-то граней проблемы, которые для человечества не менее важны?

Инек стоял у окна, вглядываясь в залитые лунным светом поля, сбегавшие к темной полосе леса. Облака разошлись, и ночь стояла тихая, спокойная. Впрочем, здесь всегда будет

спокойно, думал он, поскольку места эти далеко от шумных дорог, от любой возможной цели ядерной атаки. За исключением, быть может, какого-нибудь мелкого конфликта в доисторические времена, никем не описанного и давно забытого, здесь не было никаких сражений и никогда не будет. Но даже этому затерянному уголку не избежать общей судьбы планеты, если она отравит свою воду и почву, если ее обитатели в порыве вражды пустят в ход чудовищное оружие. Небо затянет радиоактивным пеплом, который затем падет на землю, и уже не будет никакой разницы, где живет человек. Рано или поздно война дотянется до него если не вспышкой обезумевшего огня, то смертоносным снегом, сыплющимся с небес.

Вернувшись к столу, Инек собрал газеты, доставленные утренней почтой, и сложил в пачку, отметив, что Улисс забыл забрать с собой те, которые он приготовил для него раньше. Разумеется, инопланетянин был расстроен, иначе он не забыл бы газеты. Боже, подумал Инек, у каждого из нас полно тревог.

День выдался нелегкий. И только сейчас Инек осознал, что пробежал всего лишь две или три статьи в «Таймс», касающиеся созыва конференции. Слишком полон был день, причем событиями серьезными и зловещими.

Более ста лет все шло хорошо. Бывали дни плохие, бывали хорошие, однако в целом жизнь текла спокойно и без тревожных инцидентов. Но вот наступил день сегодняшний, и все безмятежные годы как ветром сдуло.

Когда-то он надеялся, что Землю примут в галактическую семью, что своей службой он принесет родной планете признание. Но теперь надежды рассыпались в прах: станцию, похоже, закроют, а сама эта мера вызвана в значительной степени варварскими повадками человечества. Вообще-то в галактической политике Земля оказалась в положении мальчика для битья, но клеймо, единожды наложенное, не так легко будет смыть. И даже если отмыть клеймо удастся, Земля запомнится всем как планета, ради спасения которой Галактический Центр готов провести радикальную и унизительную акцию.

Наверное, еще не поздно попытаться спасти положение. Он может остаться землянином и передать людям Земли всю информацию, собранную им за долгие годы и записанную до

мельчайших подробностей вместе с фактами его жизни, впечатлениями и всякими незначительными событиями в дневниках, что занимают несколько полок. Отдать эти дневники и литературу инопланетян, которую он получил, прочел и сохранил. Сувениры и огромное количество предметов из других миров. Люди Земли наверняка сумеют извлечь из всего этого новые знания, которые помогут им и в конце концов выведут на дорогу к звездам, к еще большим знаниям и тому возвышенному пониманию Вселенной, которое станет их культурной традицией и которое, очевидно, должно быть традицией и правом каждой расы разумных существ. Но ждать этого дня придется долго, а последние события, о которых ему стало известно, отодвинут его еще дальше. Впрочем, и информация, собранная с таким трудом за век с лишним, уже казалась ему настолько незначительной по сравнению с теми знаниями, которые он мог бы получить за следующий век (или тысячелетие), что просто стыдно было предлагать ее людям Земли. Если бы только ему было отпущено больше времени... Но времени, разумеется, не будет. Его не хватает сейчас и никогда не хватит. Сколько бы веков он ни посвятил собиранию знаний, их всегда будет больше, чем уже собрано, и то, чем он располагает, всегда будет казаться жалкими крохами.

Инек тяжело опустился в кресло у стола и впервые задумался о том, как все это произойдет,— как он откажется от работы в Галактическом Центре, как променяет целую Галактику на одну-единственную планету, пусть даже эта планета его родная.

Терзая свой разум, он мучительно искал ответ, но по-прежнему безуспешно.

Ведь он один, совсем один.

Не может один человек удержать на своих плечах и Землю, и Галактику.

Глава 24

Разбудили его лучи утреннего солнца, заглядывавшего в окно. и с минуту он не двигался, наслаждаясь даримым теплом. Доброе, обнадеживающее прикосновение солнца позволяло забыться, защищая его от беспокойных проблем, но Инек чув-

ствовал, что они рядом, и снова закрыл глаза. Может быть, если опять заснуть, они уйдут, затеряются где-то и, когда он проснется, их уже не будет?..

Но что-то еще было не так, что-то помимо забот и проблем... Шея и плечи болели невыносимо, все тело как будто свело, а подушка казалась слишком твердой.

Инек открыл глаза, поднял голову и увидел, что он вовсе не в постели. Его сморило прямо в кресле, и головой он лежал не на подушке, а на крышке стола. Пошевелив губами, Инек почувствовал во рту противный привкус, как того и следовало ожидать. Он медленно поднялся на ноги, выпрямился и потянулся, разогревая затекшие мышцы и онемевшие суставы. Пока он стоял у стола, беспокойство, и все его проблемы, и ужасная необходимость искать ответы просочились из темных уголков памяти обратно. Инек мысленно отмахнулся от них — не очень успешно, но все же они отползли чуть назад и затаились, готовясь к новому броску.

Подойдя к плите, он поискал кофейник, потом вспомнил, что вечером поставил его на пол рядом со столиком. Две чашки с коричневым осадком на дне все еще стояли среди сувениров, где в куче других безделушек, что Улисс отодвинул в сторону, освобождая место для чашек, лежала на боку пирамидка из шариков. Она по-прежнему светилась и вспыхивала, а шарики, как и раньше, вращались каждый в свою сторону.

Инек взял пирамидку в руку и провел пальцами по основанию, на котором покоились шарики, но ни кнопки, ни рычажка, ни какого-нибудь углубления — ничего такого, чем можно было бы включать игрушку и выключать,— он так и не нашел. Впрочем, этого следовало ожидать: ведь он не один раз смотрел... Однако днем раньше Люси что-то с ней сделала, и пирамидка включилась. Она работала уже двенадцать часов, но пока ничего не произошло. Хотя, может быть, ничего такого, что он в состоянии заметить...

Вернув игрушку на столик, Инек составил чашки одну в другую, потом наклонился за кофейником, но взгляд его по-прежнему удерживала пирамидка.

Чертовщина какая-то! Ему бог знает сколько лет не удавалось ее включить, а Люси сумела сделать это за несколько минут. Теперь вот неизвестно, как ее выключить, хотя, судя по всему, работает она или нет, разницы никакой.

Чашки и кофейник Инек отнес в раковину. На станции царила тишина — тяжелая, давящая тишина, но, скорее всего, сказал он себе, это ему просто кажется.

Инек подошел к аппарату связи: экран был пуст. За ночь не поступило ни одного сообщения. Глупо, конечно, проверять: если бы что-то пришло, сработал бы звуковой сигнал, который можно отключить только вручную.

Но вдруг станцию уже закрыли? И весь поток путешественников пустили обходным маршрутом? Впрочем, вряд ли это возможно, потому что закрытие станции на Земле будет означать, что придется закрыть и все остальные станции, идущие за ней. В этом спиральном рукаве Галактики просто нет обходных, дублирующих маршрутов, по которым можно в случае чего пропустить путешественников. И не стоит удивляться их отсутствию, уверял себя Инек. Раньше тоже случалось, что гости на станции не появлялись по нескольку дней подряд. Ведь движение тут не подчиняется никакому расписанию. Бывало, что многочисленные запланированные пересадки приходилось даже откладывать до тех пор, пока не освободится аппаратура, в другие же дни наоборот — никто на станцию не направлялся и аппаратура простаивала так же, как сейчас.

Нервы у меня шалят, подумал Инек. Нервы.

Конечно же, ему сообщат, прежде чем закрыть станцию. Этого требует хотя бы элементарная вежливость.

Он повернулся к плите и поставил кофейник. Потом вынул из холодильника пакет с густым концентратом из злаков, что растут в джунглях на одной из планет системы Дракона. Немного подумал, положил пакет обратно и достал два последних яйца из той дюжины, что привез ему из города Уинслоу неделю назад.

Посмотрев на часы, Инек увидел, что проспал гораздо дольше, чем ему казалось, и скоро уже пора отправляться на прогулку. Он поставил на плиту сковородку, положил кусок масла и, когда оно растаяло, разбил туда два яйца.

Может быть, подумал он, сегодня не ходить? Пожалуй, это будет с ним впервые, если не считать одного или двух случаев, когда очень уж бушевала непогода. Но вовсе не обязательно идти сегодня только потому, что у него так заведено. Он просто пропустит сегодня прогулку, а за почтой сходит позже. Да и дела остались со вчерашнего дня. Газеты до сих пор не

прочитаны. К дневнику он так и не прикоснулся, хотя записать нужно очень много, потому что он привык описывать случившееся с ним точно и подробно, а вчера столько всего случилось.

Это правило Инек установил себе с самого первого дня работы на станции: никогда не запускать дневник. Случалось, он делал записи чуть позже, но даже когда у него не хватало времени, Инек ни разу не позволил себе пропустить что-то мало-мальски значительное. Глядя на длинные ряды дневников, теснящихся на полках в противоположном конце комнаты, он испытал прилив гордости и удовлетворения от того, насколько полны и тщательны его записи. Огромный срок — больше века — нашел отражение между обложками этих дневников. Ни одного пропущенного дня!

Вот наследство, которое он завещает миру, вот чем он заплатит за право вернуться в человеческое общество; здесь все, что он видел, слышал и о чем думал в течение ста с лишним лет общения с жителями Галактики.

Но тут все вопросы, от которых он пытался уйти, нахлынули с новой силой, и он понял, что никуда от них не деться. Какое-то время Инеку удавалось как бы не замечать их — совсем недолго, только чтобы прийти в себя и справиться с усталостью, но теперь он уже не противился. Решать все равно придется.

Переложив яичницу в тарелку, он снял с плиты кофейник и стал завтракать. Потом взглянул на часы.

Времени для прогулки оставалось еще достаточно.

Глава 25

У родника его ждал «искатель женьшеня».

Инек заметил Льюиса издалека и с раздражением подумал: уж не хочет ли тот сказать ему, что вернуть тело сиятеля не удастся, что в Вашингтоне к этой идее отнеслись отрицательно, что он столкнулся с неожиданными трудностями?

Инек вспомнил вдруг, как предыдущим вечером грозился убить любого, кто помешает вернуть тело. Возможно, подумал он, говорить этого не стоило. Способен ли он вообще убить человека? Ему приходилось в свое время убивать, но то было

давно, на войне, и вопрос тогда стоял по-другому: или ты, или тебя.

Он на секунду закрыл глаза и снова увидел перед собой пологий склон холма с длинными рядами людей, наступающих через пороховой дым. Эти люди поднимались наверх с одной только целью: убить его и всех тех, кто был рядом с ним.

Отнюдь не в первый раз пришлось ему тогда убивать и далеко не в последний, но все долгие годы сражений почему-то свелись у него в памяти к одному этому моменту — не к тому, что произошло позже, а к этому тягучему, страшному мгновению, когда он увидел перед собой ряды солдат, неотвратимо приближающихся по склону холма, чтобы его убить.

Именно тогда он осознал в полной мере, что это за безумие — война. Тщетное действо, которое по прошествии времени и вовсе теряет всякий смысл и должно питаться безрассудной яростью, что живет значительно дольше породившего ее инцидента; действо совершенно нелогичное, как будто один человек своей смертью или своими страданиями может доказать какие-то права или утвердить какие-то принципы.

Где-то на своем долгом историческом пути человечество оступилось, возвело это безумие в норму и существовало так вплоть до настоящего времени, когда безумие, ставшее нормой, грозит уничтожить если не сам род людской, то по крайней мере все те материальные и духовные ценности, что были символами человечества на протяжении многих трудных веков.

Когда Инек подошел к роднику, Льюис, сидевший на стволе поваленного дерева, встал.

— Я решил подождать вас здесь,— сказал он.— Надеюсь, вы не возражаете...

Инек молча перешагнул через небольшую заводь у родника.

— Тело доставят сегодня вечером,— продолжал Льюис.— Из Вашингтона в Мадисон самолетом, а оттуда привезут сюда на машине.

— Рад слышать,— кивнул Инек.

— Мое руководство настаивало, чтобы я еще раз спросил у вас, чье это тело.

— Я уже говорил вчера вечером, что не могу ничего рассказать. Хотел бы, но не могу. Я много лет прикидывал, как это сделать, но так ничего и не придумал.

— Мы уверены, что это тело существа с какой-то другой планеты.

— Вы так думаете,— сказал Инек, но совсем без вопросительной интонации.

— Дом тоже неземного происхождения.

— Этот дом построил своими руками мой отец,— осадил его Инек.

— Но что-то изменило его. Он стал таким позже.

— Время все меняет.

— Все, кроме вас самого.

— Вот что вас беспокоит,— усмехнулся Инек.— Не положено?

— Нет, что вы. Да и не в этом дело. После долгих наблюдений я просто принял вас самого и все, что с вами связано, на веру. Ничего не понимаю, но, по крайней мере, уже принял. Иногда мне кажется, что я схожу с ума, впрочем, это быстро проходит. Я старался не беспокоить вас, старался, чтобы все оставалось без изменений. Теперь, когда я с вами познакомился, я даже рад, что выбрал такой путь. Но все-таки это неверно. Мы ведем себя как враги, как два незнакомых пса, но не так же все должно быть. Мне кажется, на самом деле у нас много общего. Сейчас происходят какие-то важные события, но я не хочу никоим образом вмешиваться...

— Вы уже сделали это,— сказал Инек.— Вы забрали тело из могилы — ничего хуже и случиться не могло. Даже сев и хорошенько подумав, как мне навредить, вы вряд ли придумали бы более удачный способ. Причем вы оказали плохую услугу не только мне. Я тут не в счет. Вы навлекли беду на все человечество.

— Ничего не понимаю,— сказал Льюис.— Я очень сожалею, но все равно не понимаю. Там на камне была надпись...

— Вот это уже моя ошибка,— перебил его Инек.— Мне не следовало ставить камень. Но тогда мне казалось, что это обязательно нужно сделать. Я никак не предполагал, что кто-то будет рыскать тут и...

— Он был вашим другом?

— Он? Вы имеете в виду покойного? Не совсем так. Не он сам.

— Что сделано, то сделано,— сказал Льюис.— Я приношу свои искренние извинения.

— Они вряд ли помогут.

— Но неужели ничего нельзя сделать? Я имею в виду, кроме того, что мы вернем тело?

— Можно... Не исключено, что мне потребуется помощь.

— Говорите,— поспешно сказал Льюис.— Если это выполнимо...

— Возможно, мне понадобится грузовик,— ответил Инек.— Перевезти кое-какие вещи, записи и прочее. Не исключено, что он понадобится мне срочно.

— Грузовик я обеспечу. Он просто будет ждать. И люди, чтобы помочь с погрузкой.

— Возможно, мне понадобится переговорить с кем-то на достаточно высоком уровне. С президентом. С государственным секретарем. Может быть, с ООН. Я пока не знаю. Мне надо подумать. И важно, чтобы я не только смог переговорить с ними, а чтобы они еще и отнеслись к тому, что я скажу, с полной серьезностью.

— Я доставлю сюда передвижной коротковолновый комплекс. Все будет наготове.

— Меня выслушают?

— Да,— сказал Льюис.— Мы свяжем вас, с кем пожелаете.

— И еще одно...

— Слушаю.

— Умение забывать,— сказал Инек.— Может так случиться, что все эти приготовления мне не потребуются. И грузовик, и прочее. Может быть, придется оставить все, как прежде. И если это произойдет, смогли бы вы и те, другие, люди, о которых вы говорили, просто забыть о моей первой просьбе?

— Думаю, что это возможно,— ответил Льюис.— Но я продолжу наблюдения.

— Хотелось бы. Не исключено, что в будущем мне снова понадобится помощь. Но ни во что не вмешивайтесь.

— Вы уверены, что больше ничего не нужно? — спросил Льюис.

Инек покачал головой:

— Ничего. Все остальное я должен сделать сам.

Может быть, подумал Инек, он и так уже слишком много сказал. Где гарантия, что этому человеку можно доверять? И может ли он быть уверен, что вообще на кого-то можно положиться?

Однако если он решится оставить Галактический Центр и разделить судьбу Земли, ему наверняка потребуется помощь Вдруг инопланетяне станут возражать, когда он захочет взять с собой дневники и подарки? Ему придется действовать быстро.

Но хочется ли ему расставаться с этой работой? Сможет ли он забыть свои мечты о Галактике? Найдет ли в себе силы отказаться от предложения перейти смотрителем на другую станцию? Когда подойдет время решать, сможет ли он разом оборвать все, что связывало его с другими жителями Галактики и загадками других звезд?

Впрочем, он уже предпринял кое-какие шаги. Вот только что он, даже особо не задумываясь, словно на самом деле давно все решил, договорился, как организовать свое возвращение на Землю, к людям.

Инек с удивлением размышлял о своих действиях.

— Здесь, у этого родника, постоянно кто-то будет,— сказал Льюис.— Если не я, то кто-нибудь, кто сможет со мной связаться.

Инек кивнул, слушая его вполуха.

— Каждое утро во время прогулки кто-нибудь из нас обязательно будет с вами встречаться. Или вы сами в любой момент сможете найти нас здесь.

Ну прямо заговор, подумалось Инеку. Как у детей, играющих в воров и полицейских.

— Мне пора. Вот-вот приедет почта, и, если я опоздаю, Уинслоу забеспокоится,— сказал он наконец и двинулся вверх по склону холма.

— До скорого! — крикнул Льюис ему вслед.

— Да. До скорого,— ответил Инек.

Он с удивлением почувствовал, как потеплело у него на душе,— словно что-то до сих пор было не так, а теперь все встало на свои мест ı, словно он искал что-то давно потерянное и вдруг нашел.

Глава 26

Почтальона Инек встретил на полпути к станции. Старая развалюха неслась по заросшим травой колеям, продираясь сквозь нависшие ветви придорожных кустов. Завидев Инека, Уинслоу затормозил и дождался его, сидя в машине.

— Ты что, решил сделать объезд? — спросил Инек, подходя ближе.— Или поменял маршрут?

— Тебя не оказалось у почтового ящика,— ответил Уинслоу,— а мне нужно было срочно тебя увидеть.

— Пришло что-нибудь важное?

— Нет, не про почту речь. Я про старого Хэнка Фишера хотел сказать. Он сейчас в Милвилле, угощает всех подряд в кабаке Эдди и мелет языком без умолку.

— Угощает всех подряд? На него это совсем не похоже.

— Он рассказывает всем, что ты пытался умыкнуть Люси.

— Ничего подобного,— сказал Инек.— Хэнк отхлестал Люси кнутом, и я просто спрятал ее, чтобы он немного поостыл.

— Наверное, не надо было этого делать, Инек.

— Может быть. Но он совсем озверел и, наверное, избил бы ее до полусмерти.

— Хэнк баламутит людей, хочет устроить неприятности.

— Он еще вчера грозился.

— Рассказывает всем, что ты сначала увел девчонку, а потом испугался и привел обратно. Говорит, ты спрятал ее в доме, но когда он попытался туда вломиться, у него ничего не вышло. Говорит, что у тебя вообще дом какой-то странный и он, мол, сломал топор, когда хотел высадить окно.

— Ничего странного тут нет,— сказал Инек.— Хэнку просто померещилось.

— Пока все спокойно,— добавил почтальон.— На трезвую голову да еще средь бела дня никто из них никуда не пойдет. Но ближе к вечеру они все наберутся и уже перестанут соображать. Может статься, кое-кто решит заглянуть к тебе, разобраться...

— Надо думать, он им рассказывает, что я спутался с дьяволом?

— Рассказывает. И много чего другого,— ответил Уинслоу.— Я там, наверное, полчаса сидел слушал.

Он покопался в сумке, достал стопку газет и, отдав ее Инеку, продолжал:

— Я тебе вот что еще скажу. Может, ты сам этого не понимаешь. Ему не так сложно будет собрать против тебя людей... И живешь — всех сторонишься, и вообще странный ты. Я не хочу сказать, что у тебя что-нибудь не в порядке,— я-то тебя давно знаю и ничего такого не думаю,— но тем, кто с

тобой не знаком, всякое в голову взбрести может. До сих пор никто тебя не трогал, потому что ты не давал им повода. Но если Хэнк их накрутит...—Уинслоу не закончил фразу и умолк.

— Ты хочешь сказать, они двинутся сюда всей толпой?

Уинслоу молча кивнул.

— Спасибо, что ты меня предупредил,— сказал Инек.

— А это правда, что никто не сможет забраться в твой дом? — спросил Уинслоу.

— Похоже, правда. Они не смогут вломиться туда и не смогут его сжечь. У них вообще ничего не получится.

— Тогда на твоем месте я бы сегодня далеко от дома не уходил. Или вообще сидел у себя и никуда не высовывался.

— Неплохая идея. Может быть, я так и сделаю.

— Ладно,— произнес Уинслоу,— вроде я все рассказал. Решил, что тебя надо предупредить. Похоже, мне до дороги придется ехать задним ходом. Здесь и развернуться-то негде.

— Давай подъезжай к дому. Там места хватит.

— До дороги ближе. Справлюсь,— сказал Уинслоу, и машина медленно двинулась назад.

Инек стоял, провожая ее взглядом, и, когда машина добралась до поворота, поднял руку, прощаясь с Уинслоу. Тот помахал в ответ, и секунду спустя развалюха скрылась за кустами, вымахавшими по обеим сторонам дороги.

Инек повернулся и побрел к станции.

Только пьяной толпы ему не хватало...

Орущая толпа вокруг станции... Рассвирепевшие люди колотят в окна и двери, лупят из ружей по стенам... Если и оставалась еще какая-то смутная надежда на то, что Галактический Центр не станет закрывать станцию, то после такой сцены об этом можно будет просто забыть. А у тех, кто стремится прекратить расширение транспортной сети в этом спиральном рукаве Галактики, появится лишний довод в свою пользу.

Почему все случилось вот так, сразу? Долгие годы ничего не случалось, а теперь вдруг столько событий за какие-то считанные часы. И одно хуже другого.

Если сюда явится разъяренная толпа, вопрос о закрытии станции будет решен однозначно, но и это еще не все: в такой ситуации у него не останется выбора — придется принять предложение Галактического Центра и стать смотрителем на другой станции. Остаться на Земле будет невозможно при всем желании... Инек вдруг осознал, что предложение перейти на другую станцию тоже висит на волоске. Когда появится толпа, жаждущая его крови, он сам окажется вовлеченным в этот скандал, и обвинения в варварстве, направленные против всего человечества, будут касаться и его.

Может быть, подумал он, есть смысл сходить к роднику и поговорить с Льюисом. Толпу, видимо, можно как-то остановить. Но если он обратится к нему, придется давать объяснения и рассказывать слишком много подробностей. А толпа, может, и не соберется. Вряд ли люди поверят болтовне Хэнка Фишера, и, возможно, еще обойдется.

Нет, он останется на станции и будет надеяться на лучшее. Может быть, когда явится толпа — если они вообще соберутся,— он будет на станции один и никто в Галактическом Центре о случившемся не узнает. Если повезет, то все обойдется. А ему просто должно повезти: уже несколько дней подряд на него сваливаются одни только неприятности.

Инек подошел к сломанным воротам во двор и остановился, рассматривая дом,— ему почему-то хотелось увидеть его таким, каким он знал его в детстве.

Сам дом выглядел как и прежде, разве что в те далекие времена на окнах еще были занавески с оборками. А вот двор медленное шествие лет изменило: кусты сирени с каждой новой весной становились все гуще, пышнее и запутаннее; вязы, что посадил его отец, из прутиков, футов шести высотой, превратились в могучие деревья; куст желтых роз у двери на кухню вымерз в одну из давно забытых зим; клумбы исчезли, а несколько грядок с пряностями у ворот совсем задушили сорняки.

От старой каменной ограды, уходившей в обе стороны от ворот, оставалась теперь просто длинная утрамбованная насыпь. Сотня холодных зим, ползучие вьюнки и трава, долгие годы небрежения сделали свое дело. Пройдет еще век, и ограда совсем сровняется с землей — от нее даже и следа не останется. А на склоне холма, где поработала эрозия, уже сейчас были длинные участки, где она исчезла совсем.

Все эти изменения произошли давно, но Инек почти не замечал их. А сейчас заметил и удивился: почему это вдруг? Может, потому, что скоро ему предстоит вернуться к Земле?

Но ведь он никогда и не покидал здешних просторов, солнца, воздуха, физически он всегда оставался на Земле, хотя долгие годы — куда дольше, чем большинству людей вообще выделяет судьба,— можно сказать, путешествовал по множеству миров, разбросанных среди звезд.

Солнце уходящего лета светило по-прежнему ярко, но Инек то и дело вздрагивал от холодного ветра, налетавшего, казалось, из какого-то таинственного, иллюзорного измерения. Впервые в жизни ему пришлось задуматься о том, кто же он на самом деле. Преследуемый сомнениями человек, которому суждено прожить на перепутье между миром людей и миром инопланетян, испытывающий привязанность и к тем и к другим, терзаемый сомнениями и преследуемый призраками старых воспоминаний, что будут брести рядом сквозь годы и расстояния независимо от того, какую жизнь он себе изберет — на Земле или среди звезд? Сын двух культур, не понимающий до конца ни Землю, ни Галактику, задолжавший и тем и другим, но не способный ни с кем расплатиться? Бездомное, безродное, бродячее существо, которое не в состоянии определить, где добро, а где зло, потому что ему довелось увидеть слишком много разных (и по законам чужой логики вполне объяснимых) проявлений и того и другого?

Инек поднялся на холм, у подножия которого бил из земли родник; от ощущения вновь обретенной принадлежности к человечеству на душе у него потеплело — теперь его связывало с этим миром что-то вроде мальчишеского заговора. Но действительно ли он человек? И если это так, то как быть с его вековой преданностью Галактическому Центру? Да и хочется ли ему снова стать человеком?

Инек медленно прошел за ворота. В его мыслях беспрестанно сталкивались вопросы — огромный, неиссякающий поток вопросов, на которые нет ответов. Впрочем, подумал он, это не так. Ответы есть, но их слишком много.

Может быть, его навестят сегодня Мэри, Дэвид, все остальные люди-тени и ему удастся обсудить с ними... Тут Инек вспомнил, что ни Дэвид, ни кто-то еще уже не придет. Они посещали его годами, но теперь все кончено. Волшебный свет померк, иллюзии разбились, и он остался один.

Совсем один, пронеслась горькая мысль. Все — иллюзии. У него никогда не было ничего настоящего. Долгие годы он

обманывал себя — весьма охотно и добровольно,— населяя угол у камина творениями своего собственного воображения. Мучаясь одиночеством, не имея возможности видеть и слышать людей, он создал по инопланетной методике существа, способные обмануть любое чувство, кроме осязания.

В общении с ними подводило даже чувство меры.

Странные создания, подумал он. Несчастные создания, не принадлежащие ни миру теней, ни миру живых. Слишком человечные для мира теней и слишком бесплотные для Земли.

Мэри, если бы я только знал заранее... Я никогда бы этого не сделал. Мне самому было бы легче остаться в одиночестве...

Но теперь ничего уже не поправишь. И помощи ждать неоткуда.

«Однако,— встревожился Инек,— что-то со мной происходит. В чем дело?»

Он совершенно перестал соображать. Пообещал себе спрятаться в помещении станции, чтобы избежать встречи с пьяной толпой, если те явятся к дому, но это невозможно: вечером, едва стемнеет, Льюис должен привезти тело сиятеля.

И если они появятся одновременно, тут черт знает что начнется.

Сраженный этой мыслью, Инек долго стоял в нерешительности. Если он предупредит Льюиса об опасности, тот может не привезти тело. А он просто обязан это сделать. Сиятель должен лежать в могиле до наступления ночи.

Придется рискнуть, решил Инек.

Может быть, толпа еще не нагрянет. А если это все же произойдет, какой-нибудь выход из положения наверняка найдется.

Он что-нибудь придумает.

Должен придумать.

Глава 27

В помещении станции по-прежнему стояла тишина. Новых сообщений не поступало, и аппаратура молчала — не слышно было даже приглушенного гудения материализатора.

Инек положил винтовку на стол, бросил рядом стопку газет, затем снял куртку и повесил ее на спинку стула. Пора наконец заняться газетами, напомнил он себе, и не только сегодняшними, но и вчерашними тоже. Да и дневник надо бы привести в порядок, а это займет немало времени. Выйдет, пожалуй, несколько страниц, даже если писать плотно, и события надо излагать четко, последовательно, чтобы все выглядело так, словно о вчерашних событиях он написал вчера, а не день спустя. Нужно описать каждое событие, каждую грань происшедшего и все, что он по этому поводу думает. Так он делал всегда и так же должен сделать сегодня. Ему это неизменно удавалось, потому что он создал для себя как бы особую нишу — не на Земле, не среди галактических просторов, а в каком-то неопределенном мире, который можно было бы назвать бытием,— и работал там, словно средневековый монах в своей келье. Он был всего лишь наблюдателем. Правда, в высшей степени заинтересованным — его часто не устраивала пассивная роль, и он делал попытки внедриться в наблюдаемое, чтобы его понять, но тем не менее он оставался именно наблюдателем, никак не вовлеченным в происходящее. Впрочем, осознал вдруг Инек, за последние два дня он этот статус утратил. И Земля, и Галактика активно вмешались в течение его жизни, стены кельи рухнули, и он оказался втянутым в самую гущу событий. Теперь он уже не сможет сохранить объективность, не сможет относиться к фактам спокойно, непредвзято, а такое отношение всегда служило ему основой для работы над дневниками.

Инек подошел к полке, вытащил последний том и, перелистнув несколько страниц, нашел то место, где остановился в прошлый раз. До конца дневника оставалось лишь несколько чистых листков — видимо, слишком мало, чтобы записать все, что требовалось. Скорее всего, ему не хватит места и придется начинать новую тетрадь.

Стоя с раскрытым дневником в руках, он перечитал последнюю страницу. Запись была сделана позавчера, всего два дня назад. Но, казалось, она повествовала о древних временах, и даже чернила как будто выцвели. Хотя ничего удивительного тут нет, подумалось ему, запись действительно из другой эпохи. Эти строки он написал еще до того, как рухнул его мир.

Что толку продолжать дневник, спросил себя Инек. С записями покончено, потому что они никому уже не нужны. Станцию закроют, его собственная планета затеряется в бездне пространства, и уже не будет иметь никакого значения, останется он здесь или перейдет на новую станцию на другой планете — Земля для Галактики все равно потеряна.

Инек в раздражении захлопнул дневник, поставил его на полку и вернулся к столу.

Земля потеряна, думал Инек, и он тоже потерял себя — его одолевают сомнения и негодование. Негодование на свою судьбу (если такая штука вообще существует), на недомыслие — это касалось и Земли, и жителей Галактики,— на мелочные ссоры, грозящие остановить шествие галактического братства, которое только-только достигло этого сектора пространства. И на Земле, и во всей Галактике количество и сложность техники, высокие мысли, мудрость, эрудиция могут сойти за культуру, но не за цивилизацию. Чтобы стать истинно цивилизованным, обществу требуется нечто большее, чем техническое совершенство и полет мысли.

Инек чувствовал в себе смутное, неосознанное стремление что-то делать: мерить станцию шагами, словно зверь в клетке, бежать за ворота, кричать изо всех сил, крушить, чтобы избавиться от гнева и разочарования.

Он протянул руку и взял со стола винтовку. Торопливо выдвинул ящик, где хранились патроны, вытащил коробку и, разорвав картон, высыпал их в карман. Постоял немного, держа винтовку в руках и прислушиваясь. Тишина, царившая в комнате, казалось, отдается в ушах тяжелым грохотом, но спустя какое-то время он почувствовал ее холодность, унылость и положил винтовку на место.

Какое мальчишество, подумал он, вымещать свое раздражение и злость на чем-то несущественном. Тем более что серьезных причин для таких эмоций в общем-то нет. И в том, как складываются события, тоже нет ничего неожиданного — ему следовало сразу понять это и принять как совершенно естественное явление. К подобным вещам человеку, живущему на Земле, положено привыкнуть уже давно.

Инек окинул станцию взглядом: все как будто замерло в ожидании, словно сама станция отсчитывала время до события, которое должно случиться в назначенный ему срок.

Он тихо рассмеялся и снова протянул руку за винтовкой Нелепое это занятие или нет, оно, по крайней мере, отвлечет его, вырвет хоть на время из бурлящего потока проблем

Да и потренироваться ему не мешает. Он уже дней десять, наверное, не стрелял в цель.

Глава 28

Подвал занимал огромную площадь, и дальние его стены терялись в полумраке за рядами огней, что Инек включил, спустившись вниз. Многочисленные туннели и комнаты были вырезаны прямо в камне, вытолкнутом из толщи тектоническими силами и ставшем основанием холму.

Здесь стояли массивные баки, заполненные различными растворами для путешественников, предпочитающих жидкую среду, насосы и электрогенераторы, работавшие на неизвестном Земле принципе. А глубоко внизу, под каменным полом, покоились гигантские цистерны с кислотами и кашицеобразной жижей, получившейся из тех существ, что прибыли на станцию, а затем отправились дальше, оставив позади бесполезные оболочки, от которых нужно было просто избавиться.

Миновав баки и генераторы, Инек очутился в длинной, уходящей в темноту галерее. Нащупав выключатель, он зажег свет и двинулся дальше. По обеим сторонам коридора тянулись металлические стеллажи, уставленные бесчисленными подарками от путешественников. От пола до потолка полки были буквально забиты разным хламом со всех концов Галактики. Впрочем, думал Инек, на самом деле хлама тут мало: все эти вещи, как правило, работали и имели какое-то назначение — или практическое, или эстетическое. Узнать бы только, какое именно. Хотя, конечно, далеко не в каждом случае это может пригодиться землянам.

В конце галереи размещались стеллажи, где экспонаты были разложены более аккуратно: каждый с биркой и номером, индексом по каталогу и датой, соответствующей записи в дневнике. Об этих предметах Инек, по крайней мере, знал, для чего они предназначены, а в отдельных случаях и каков их принцип действия. Некоторые не представляли собой ничего особенного, другие обладали потенциальной ценностью, тре-

тьи на данный момент вообще никак не соотносились с человеческим образом жизни, и был там еще ряд предметов, помеченных красными бирками,— при мысли об этих «сувенирах» Инека каждый раз пробирала дрожь

Он двигался вдоль своей выставки напоминаний о былых визитах инопланетян, и его шаги отзывались в галерее гулким эхом.

Наконец галерея привела к большому овальному залу, стены которого были покрыты толстым слоем серого материала, способного улавливать пули и не давать им рикошетить.

Инек подошел к панели, установленной в глубокой нише, повернул рычажок и быстро прошел в центр зала. Свет погас, затем снова вспыхнул, но теперь Инек оказался уже не в зале, а в каком-то другом, никогда не виданном раньше месте.

Склон невысокого холма, где он стоял, сбегал к медленной, ленивой речке с полузатопленными болотистыми берегами, а на полосе от края болота до подножия холма волнами колыхалась высокая жесткая трава. Ветра не было, но трава все равно колыхалась, и Инек понял, что там рыщут какие-то животные. Со стороны луга доносилось свирепое хрюканье, словно тысячи разозленных боровов дрались там из-за отборных кусков сразу у сотни корыт с помоями. А откуда-то дальше, может быть прямо от самой реки, слышался монотонный рев, хриплый и усталый.

Инек почувствовал, как шевелятся у него на голове волосы, и выставил винтовку перед собой. Удивительное ощущение не проходило: он чуял опасность, знал о ее присутствии, и в то же время ничто вокруг вроде бы ему не угрожало. Тем не менее Инеку все еще казалось, что сам воздух здесь дышит опасностью.

Он обернулся. Почти вплотную к лугу, окружавшему холм, где он стоял, спускался по склону соседнего холма густой темный лес. За лесом высились на фоне неба темно-лиловые горы. Вершины их таяли в облаках, но, насколько хватало глаз, сохраняли темно-лиловый оттенок, как будто снега на пиках не было вовсе.

Из леса выбежали две отвратительные твари и замерли на краю луга. Они уселись на задние лапы, обмотав их длинными хвостами, и повернули к Инеку ухмыляющиеся морды. Напо-

минали твари то ли волков, то ли собак, но на самом деле не имели к этим животным никакого отношения. Инек никогда в жизни не видел ничего похожего. Шкуры их блестели под бледным солнцем, словно смазанные жиром, но у шеи мех сходил на нет, и над туловищем, как будто из воротника, торчали голые черепа. Издалека звери выглядели как два старика, накинувшие на плечи волчьи шкуры и собравшиеся на маскарад. Но картину портили мертвенно-бледные морды и болтающиеся языки, ярко-красные и блестящие.

Из леса не доносилось ни звука. У самого края под деревом сидели только две эти зловещие твари. Они глядели на Инека и молча скалились, раскрывая в ухмылке беззубые пасти. Темный густой лес казался почти черным, а листва странно отсвечивала, как будто каждый отдельный лист был отполирован до блеска.

Инек снова повернулся к реке и увидел, что у границы травяной полосы появились сразу несколько похожих на жаб страшилищ футов шести длиной и фута три в высоту. Шкуры их напоминали цветом брюхо издохшей рыбы, а над пастью у каждого красовался один огромный глаз. И все эти глаза светились в опускающихся сумерках, словно у крадущегося к добыче кота в луче фонаря.

От реки все еще доносился хриплый рев, а между его раскатами слышалось тонкое, слабое жужжание, сердитое и зловещее, словно где-то рядом вился комар. Инек вскинул голову и увидел в вышине цепочку маленьких точек — с такого расстояния даже нельзя было понять, что там летит.

Инек перевел взгляд на выползающих из травы страшилищ, но тут краем глаза заметил какое-то движение и повернулся к лесу.

По склону холма бесшумно скользили две похожие на волков твари с лысыми черепами. Не бежали, а именно скользили, словно их одним резким ударом выдавили из тюбика.

Инек вскинул винтовку, и приклад словно прирос к плечу, став продолжением тела. Мушка сошлась с прицельной планкой и закрыла морду первого зверя. Прогремел выстрел, но Инек даже не взглянул, попал ли он в цель, и, передернув затвор, прицелился во вторую тварь. Еще один толчок в плечо — зверь подпрыгнул в воздухе, перевернулся, упал на зем-

лю, проскользнув по инерции чуть вперед, а затем покатился по склону холма обратно вниз.

Инек снова передернул затвор — на солнце блеснула вылетевшая гильза — и повернулся к другому склону. Похожие на жаб страшилища оказались уже ближе. Пока Инек стоял к ним спиной, они медленно подползали, но, едва он обернулся, сразу присели и замерли, уставившись на него в упор.

Он сунул руку в карман, достал два патрона и загнал их в магазин.

Рев, доносившийся от реки, прекратился, но теперь появилось прерывистое хрюканье, и ему никак не удавалось определить, что это и откуда оно исходит. Медленно поворачиваясь, Инек оглядел окрестности: похоже было, что звук доносился со стороны леса, но там абсолютно ничего не двигалось. А в промежутках между приступами хрюканья он все еще слышал жужжание, и теперь оно стало громче. Точки на небе тоже стали больше и двигались уже не цепочкой. Перестроившись в круг, они, похоже, спускались по спирали вниз, но были все еще так далеко, что Инек по-прежнему не мог разглядеть, кого это там несет.

Снова взглянув на страшилищ, он заметил, что те подползли еще ближе. Вскинув винтовку, Инек выстрелил от бедра. Глаз ближайшей к нему твари выплеснулся наружу, словно вода в реке от брошенного камня, но сама тварь даже не дернулась — просто осела, растекшись по земле, как будто на нее наступили и расплющили. Из большой круглой дыры на месте глаза вытекала густая, тягучая жидкость желтого цвета — видимо, кровь.

Остальные страшилища попятились. Медленно, настороженно отступая по склону холма, они остановились, лишь когда оказались у самой границы травяной полосы.

Хрюканье стало ближе, жужжание громче, и теперь Инек уже не сомневался, что хрюканье доносится из-за холмов, заросших лесом. Обернувшись, он наконец увидел, кто же издает этот звук: зловеще похрюкивая и перешагивая через верхушки деревьев, в его сторону двигалось нечто совершенно невообразимое. Черный шар, надувавшийся и опадавший при каждом новом звуке, раскачивался между четырьмя негнущимися тонкими лапами, которые вверху соединялись суставом

с четырьмя длинными ходулями, несшими тварь над лесом. Двигалась она рывками и высоко поднимала ноги, чтобы не зацепить массивные кроны, но всякий раз, когда ходуля опускалась, Инек слышал треск сучьев и грохот падающих деревьев.

Он почувствовал, что по спине у него забегали мурашки. Шею заколoло, словно, подчинившись древнему инстинкту, короткие волосы на затылке встали дыбом. Но, даже замерев от испуга, он помнил, что один выстрел уже сделан. Пальцы сами нащупали в кармане патрон и загнали его в магазин.

Жужжание стало еще громче, характер звука тоже изменился. Теперь оно приближалось с огромной скоростью. Вскинув голову, Инек увидел, что точки уже не кружат в небе, а одна за другой стремительно падают прямо на него.

Хрюкающий и раскачивающийся шар на ходулях тоже шагал в его сторону, но пикирующие точки двигались быстрее и явно должны были добраться до холма раньше.

Взяв оружие наизготовку, Инек продолжал наблюдать за падающими точками, которые постепенно превращались в устрашающих тварей с торчащими из головы рапирами. Может быть, это клювы, подумал Инек, а сами летающие твари, возможно, птицы, но таких больших, стремительных, смертоносных птиц никто на Земле никогда не видел.

Жужжание перешло в вопль, который становился все пронзительнее, все тоньше и тоньше, пока от звука не заныли зубы, а сквозь него доносилось размеренное, словно удары *метронома, хрюканье пробирающегося над лесом* черного шара.

Безотчетным движением Инек прижал приклад к плечу, выжидая, когда летающие монстры окажутся поближе и можно будет стрелять наверняка.

Они падали как камни, брошенные с высоты, и были гораздо больше, чем казалось поначалу,— огромные смертоносные стрелы, направленные прямо в него...

Винтовка толкнула в плечо. Летучая тварь съежилась, потеряла стремительную, обтекаемую форму и, переворачиваясь, повалилась куда-то в сторону. Передернув затвор, Инек выстрелил еще раз, и закувыркалась вторая «птица». Снова щелкнул затвор, и раздался еще один выстрел. Третья тварь

скользнула вбок, потом, болтая обмякшими крыльями, стала падать к реке.

Остальные вдруг прервали стремительное пике, круто развернулись и, отчаянно работая крыльями, похожими на лопасти ветряной мельницы, снова рванулись в небо.

Тут на склон холма упала тень, и откуда-то сверху опустилась рядом могучая колонна. Земля задрожала от тяжелой поступи, а из лужи, скрытой в траве, фонтаном взметнулась грязная вода. Хрюканье перешло в оглушительный рев. Черный шар, раскачивавшийся между ходулями, потянулся вниз, и Инек увидел лицо чудовища — если что-то столь карикатурное и отвратительное можно вообще назвать лицом — с клювом, пастью-присоской с вытянутыми вперед губами и еще десятком каких-то одинаковых органов, очевидно глаз. Черный шар — тело существа — висел под перекрестьем лап глазами вниз и обозревал свои охотничьи угодья. Теперь же ходули начали сгибаться в суставах и опускать его к земле, чтобы схватить жертву.

Инек почти не осознавал своих действий, но приклад винтовки то и дело ударял в плечо. Грохотали выстрелы. Ему казалось, будто он стоит в стороне и наблюдает за стрельбой, словно стрелявший человек был кто-то другой.

При каждом попадании от тела чудовища отлетали куски плоти, кожа лопалась большими рваными прорехами, и оттуда вырывались облака мутного тумана, который тут же конденсировался и проливался на землю крупными черными каплями.

Инек в очередной раз нажал на курок, но винтовка отозвалась лишь сухим щелчком: кончились патроны. Впрочем, можно было уже и не стрелять. Высоченные лапы-ходули складывались и вздрагивали, а съежившийся, провисший шар в облаках густого тумана сотрясали конвульсии. Оглушительное хрюканье прекратилось, и в наступившей тишине до Инека донесся дробный шорох черных капель, падающих в траву на склоне холма.

В воздухе стоял тошнотворный, удушливый запах, густые и липкие, как холодное машинное масло, капли падали ему на одежду. Тварь на ходулях накренилась, словно какая-то строительная конструкция, и повалилась на землю.

Окружавший Инека мир тут же растаял и исчез.

Он снова оказался в овальном зале с тусклыми лампами. Сильно пахло пороховым дымом, а на полу вокруг него поблескивали пустые гильзы.

Тренировка закончилась.

Глава 29

Инек опустил винтовку и сделал глубокий осторожный вдох.

Возвращаясь в свой, знакомый мир после коротких посещений мира иллюзорного, он каждый раз входил туда медленно, постепенно.

Включая тир, он понимал, что его ожидает иллюзия, и, когда все заканчивалось, у него тоже не возникало на этот счет никаких сомнений. Но события, заключенные между двумя этими мгновениями, казались абсолютно реальными и достоверными.

Когда строилась станция, его спросили, есть ли у него какое-нибудь увлечение — что-то такое, для чего они могли бы оборудовать специальное помещение. Инек сказал тогда, что было бы неплохо построить стрелковый тир, и не ожидал, в общем-то, ничего более сложного, чем длинный коридор, в конце которого перемещаются на цепи жестяные утки или вертится колесо с глиняными трубками. Но это, конечно же, было слишком примитивно для эксцентричных архитекторов и шустрых строителей станции.

Сначала они не понимали, что он имеет в виду, и пришлось объяснять, что такое винтовка, как она действует и для чего используется. Инек рассказал им, как это здорово — выйти солнечным осенним утром и поохотиться на белок, или выгнать по первому снегу зайца из-под куста (хотя на зайцев ходят не с винтовкой, а с охотничьим ружьем), или пострелять осенним вечером енотов, или подстеречь у тропы, ведущей к водопою, оленя. Впрочем, Инек не был до конца откровенен и не стал рассказывать, как еще можно использовать винтовку и как он занимался этим четыре долгих года.

Он поделился с ними своей юношеской мечтой об охотничьей экспедиции в Африку, хотя даже в тот момент понимал, как далеко до ее исполнения. Но после ввода станции в действие ему не раз доводилось охотиться на зверей гораздо более странных, чем самые экзотические животные Африки.

Откуда, с каких планет взялись все эти твари (если только они не плод воображения инопланетян, программировавших ленты, которые воспроизводили охотничьи сцены), Инек не имел ни малейшего понятия. Он пользовался тиром тысячи раз, но за долгие годы ни сами сцены, ни животные еще никогда не повторялись. Возможно, думалось ему, набор сюжетов когда-нибудь кончится и все начнется сначала, но это его совершенно не беспокоило: едва ли он припомнит в деталях приключения, которые ему довелось пережить так много лет назад.

Инек не понимал технологии и научных достижений, сделавших этот фантастический тир реальностью, но, как и многое другое, просто принимал на веру, не задаваясь лишними вопросами и надеясь, что когда-нибудь ему удастся отыскать ключ к двери, ведущей от слепой веры к пониманию — не только удивительного тира, но и всего остального.

Он часто пытался представить, что думают инопланетяне об этом его увлечении стрельбой, о древнем инстинкте, заставляющем человека убивать — не ради удовольствия, но ради победы над опасностью, ради стремления противопоставить силе зверя еще большую силу, ответить на коварство хищника мастерством. Может быть, тем самым он дал своим галактическим друзьям повод для переоценки человеческого характера? Что они думают о способности человека провести грань между убийством других форм жизни и существа своего вида? Да и есть ли какое-то убедительное различие между охотой и войной? Особенно для жителей Галактики? Ведь животные, на которых человек издавна охотился, ему гораздо ближе, чем большинство инопланетян.

Что такое война? Проявление инстинкта, за которое каждый отдельный человек так же ответствен, как политики или так называемые «государственные деятели»? Может быть, и не совсем так, но в каждом человеке продолжает жить этот боевой инстинкт, агрессивный дух, стремление обязательно опередить, а такие качества, дай им свободно развиваться, рано или поздно приводят к конфликтам.

Инек сунул приклад под руку и подошел к стенной панели. Из щели в самом низу торчал кончик ленты. Он вытянул ее

и принялся разбирать условные обозначения. Результаты оказались не слишком утешительными.

Он промахнулся, стреляя в первую атакующую тварь, похожую на волка с лицом старика, и где-то там, в иллюзорном мире, два рычащих хищника уже раздирали окровавленное тело Инека Уоллиса в клочья.

Глава 30

Возвращался Инек по той же галерее, заставленной подарками инопланетян, словно пыльная мансарда обычного земного дома, куда складывают всякие ненужные вещи.

Лента все еще беспокоила его. Маленький кусочек ленты, который сообщал, что первая пуля прошла мимо цели. Это нечасто случалось, потому что тысячи «охотничьих экспедиций» в тире приучили его за долгие годы именно к такой вот стрельбе — навскидку, когда опасность появляется совершенно неожиданно, когда не знаешь, что случится в следующее мгновение, когда действует один только закон: «или ты, или тебя». Может быть, успокаивал он себя, в последнее время он просто не слишком часто тренировался. Да и не было у него никаких серьезных причин заботиться о сохранении формы: стрелял он ради удовольствия, а винтовку брал с собой на утренние прогулки только в силу привычки — как кто-то берет с собой, скажем, трость или палку. Когда эта привычка у него появилась, и оружие было не то, и времена другие. В те дни никто не удивлялся, если человек, выходя на прогулку, брал с собой ружье. Однако все изменилось, и Инек даже улыбнулся, представив, сколько разговоров вызывала эта привычка у людей, встречавших его в лесу.

Почти в самом конце галереи на глаза ему попался громоздкий черный контейнер, торчавший из-под нижней полки. Он его задвинул к самой стене, но контейнер все равно выступал в проход на фут с лишним.

Инек прошел мимо, потом вдруг обернулся. Этот контейнер, вспомнил он, принадлежал сиятелю, что умер у него на станции. Своего рода наследство, оставленное существом, чье тело должны были вернуть в могилу вечером.

Он подошел к полке, прислонил винтовку к стене и, наклонившись, выдвинул контейнер в проход. Когда-то давно, прежде чем перетащить ящик сюда на хранение, Инек заглянул в него, но в то время, вспомнилось ему, содержимое контейнера не очень его заинтересовало. Теперь же он вдруг почувствовал жгучее любопытство.

Откинув крышку, Инек присел рядом и, ни к чему не прикасаясь, обвел взглядом предметы, лежавшие сверху.

Аккуратно свернутый сверкающий плащ — возможно, какое-то церемониальное одеяние. В складках плаща — маленький пузырек, горевший отраженным светом, словно алмаз, выдолбленный изнутри. Рядом лежала гроздь матовых шариков темно-фиолетового цвета, больше всего похожих на обычные шарики для настольного тенниса, из которых кто-то слепил грубое подобие сферы. Только на самом деле они свободно перемещались в пределах этой сферы, словно в контейнере с жидкостью. Вытащить хотя бы один шарик не удавалось никакими силами, но все они двигались относительно друг друга. Разглядывая фиолетовую гроздь в первый раз, Инек решил, что это, скорее всего, некий калькулятор, хотя утверждать наверняка он бы не стал, поскольку все шарики выглядели совершенно одинаково и отличить один от другого было просто невозможно. Во всяком случае, человеку. Не исключено, что сиятели могут их отличать, однако он все равно не представлял, что это за калькулятор. Математический? Этический? Философский? А может быть, он и ошибается: никто никогда не слышал о калькуляторах для этических или философских проблем. Вернее, на Земле никто не слышал. Возможно, это и не калькулятор вовсе, а что-нибудь другое — допустим, игра.

Будь у него побольше времени, он, может быть, и догадался бы, что это за штука, но ни времени, ни желания тратить его на один-единственный экспонат среди сотен столь же фантастических и загадочных у него не было. Стоит только начать разгадывать что-нибудь одно, как тут же одолевают сомнения: а не тратишь ли ты свое время на самый незначительный и ненужный экспонат во всей коллекции?

Заваленный многочисленными инопланетными дарами, по большей части непонятными, Инек стал в каком-то смысле жертвой этого музейного изобилия.

Он протянул руку и достал из контейнера сверкающий пузырек, что лежал поверх плаща. Подняв его к глазам, он увидел, что на стекле (или на алмазе?) выгравирована надпись. В свое время Инек выучился читать на языке сиятелей если не бегло, то по крайней мере вполне сносно, но уже несколько лет не брал в руки веганских текстов и многое забыл. Путаясь в символах и подолгу задумываясь, он тем не менее сумел перевести надпись на пузырьке: «Принимать при первых признаках заболевания».

Лекарство! Лекарство, которое нужно принимать при первых симптомах болезни. Но видимо, эти симптомы проявились так неожиданно, что бывший владелец пузырька даже не успел до него дотянуться и умер.

Чуть ли не с благоговением Инек положил пузырек на место, в маленькое углубление, выдавленное им в ткани плаща. Столь многое отличает их от нас в большом, думал Инек, и в то же время в мелочах мы так похожи, что это порой просто пугает. Взять хотя бы пузырек с лекарством, который он только что держал в руке: такую же бутылочку с наклеенным предписанием врача можно купить в любой земной аптеке.

Рядом с гроздью шариков лежала деревянная шкатулка с защелкой на боку. Инек достал шкатулку из контейнера и, откинув крышку, увидел внутри листки материала с металлическим блеском, который сиятели использовали вместо бумаги.

Он осторожно поднял верхний лист, и у него в руках оказалась длинная полоса, сложенная гармошкой. Под ней лежали другие листки из такого же материала. Инек поднес полоску поближе к глазам, силясь разобрать выцветшие строки.

«Моему... другу». (Хотя на самом деле последнее слово следовало перевести скорее как «кровный брат» или, может быть, «коллега»; два прилагательных, стоящих перед ним, Инек вообще не понял.) Текст давался нелегко: написан он был на официальном диалекте веганцев, но в почерке заметно отразилась личность писавшего, и многочисленные росчерки и завитушки скрывали порой истинную форму символов. Инек медленно пробирался от строки к строке. Многого он не понимал, но общий смысл улавливал почти везде.

Автор письма рассказывал о своем пребывании на чужой планете. Или, может быть, на своей, но в каких-то далеких

местах. Название планеты (или этих мест) Инеку никогда не доводилось слышать. Во время своего визита автор совершил некий ритуал (в чем он заключается, понять было невозможно), имевший отношение к его приближающейся смерти.

Инек удивленно перечитал строку еще раз, и, хотя многое оставалось непонятным, фраза «моя приближающаяся смерть» сомнений не вызывала. Ошибиться в переводе тут было невозможно, все три слова он узнал без труда.

Далее автор письма советовал своему дорогому другу (?) поступить так же, уверяя, что его ждут душевный покой и ясное понимание пройденного пути.

Больше в письме ничего не объяснялось. Автор просто сообщал, что сделал некие, по его мнению, необходимые приготовления к смерти. Как будто он знал, что смерть уже рядом, но это его не пугало и даже не беспокоило.

После этого (абзацы в письме отсутствовали) рассказывалось о встрече с каким-то другим существом и о беседах на совершенно непонятную для Инека тему. Читая этот отрывок, он просто запутался в незнакомой ему терминологии.

А дальше шел такой текст:

«Меня крайне беспокоят посредственные способности (некомпетентность? непригодность? слабость?) очередного хранителя (загадочный символ, который можно было перевести как «Талисман»), поскольку (следующее слово, судя по всему, означало длительный отрезок времени) с тех самых пор, как умер предыдущий хранитель, Талисман используется очень плохо. Прошло уже (еще один длительный отрезок времени) с тех пор, как нам удалось найти последнего настоящего (восприимца?), который действительно мог работать с Талисманом. Многие проходили проверку, но достойного среди них не оказалось, и по причине отсутствия такового Галактика отошла от своих главенствующих принципов. Мы все тут в (святилище? храме?) весьма обеспокоены тем, что без надлежащего единения людей с (несколько непонятных слов) Галактика придет к хаосу и (целая строка, которую Инек не смог расшифровать)».

Следующее предложение касалось уже новой темы: планов какого-то фестиваля, связанного с едва понятной Инеку формой искусства.

Он медленно сложил письмо и спрятал его обратно в шкатулку, чувствуя себя немного неловко оттого, что прочел его

и словно заглянул без спроса в чужую дружбу. Мы все тут в одном храме... Возможно, письмо было написано одним из веганских посвященных и адресовано его другу, старому философу. Остальные письма тоже, видимо, от него, и старик сиятель так ими дорожил, что, отправляясь в путешествие, взял с собой.

Плечи у Инека похолодели, и ему показалось, что в галерее потянуло легким ветерком — даже не ветерок, скорее, а какое-то необъяснимое движение в холодном воздухе. Он взглянул в глубь коридора, но все выглядело спокойно. Да и ощущение это уже ушло, словно никакого дуновения и не было. Как будто дух пролетел, подумалось Инеку.

Есть ли у сиятелей духи?

Соотечественники сиятеля на Веге-XXI узнали о том, что он умер и даже как умер, в тот самый момент, когда это случилось. Точно так же они узнали и о пропаже тела. А о приближении смерти в письме говорилось совершенно спокойно — большинству людей это вряд ли под силу.

Может быть, на самом деле сиятели знают о жизни и смерти что-то такое, о чем люди еще просто не догадываются? Может, где-то, в каких-то галактических хранилищах информации, уже давно лежат труды, в которых все это исчерпывающе объяснено?

Есть ли там ответ на загадку жизни?

Возможно, есть. Возможно, кто-то уже знает, в чем смысл и назначение жизни. От этой мысли, от надежды на то, что разумные существа уже решили самое таинственное уравнение Вселенной, на душе становилось спокойнее. А может быть, им известно и какую роль в этом уравнении играет энергия духовности — идеалистическая сестра пространства, времени и всех остальных базовых элементов, из которых состоит Вселенная.

Он попытался представить себе, что значит вступить в контакт с энергией духовности, и не смог. Не исключено, что даже те, кому доводилось испытывать подобные ощущения, не могут передать их словами. Наверное, о них просто невозможно рассказать. В конце концов, человек всю жизнь живет в теснейшем взаимодействии и с пространством, и со временем, но разве может он передать словами, что это означает или как он это чувствует?

Улисс, очевидно, не сказал ему всей правды. Он говорил о пропаже Талисмана, но ни словом не обмолвился о том, что в последние годы его сила и престиж померкли, поскольку очередной хранитель оказался не в состоянии обеспечить надежный контакт между жителями Галактики и энергией духовности. И еще тогда начали ослабевать узы галактического братства, подтачиваемые, словно ржавчиной, несостоятельностью хранителя. То, что происходит сейчас, началось отнюдь не после пропажи Талисмана. Процесс длился гораздо дольше, чем инопланетянам хотелось бы признать. Хотя, возможно, большинство из них об этом и не подозревали.

Инек захлопнул шкатулку и вернул ее на место в контейнер. Как-нибудь в другой день, когда у него будет соответствующее настроение, когда ему будет не столь тревожно, а чувство вины за это подглядывание в чужую жизнь притупится, он переведет письма добросовестно и по всем правилам. Он не сомневался, что в письмах сиятелей наверняка найдет какие-то откровения, которые помогут ему еще глубже понять эту удивительную расу и еще выше оценить их человечность — не в том смысле, в каком слово употребляется применительно к жителю Земли, а в более широком, имея в виду, что в основе определения любой расы должны лежать некие правила поведения. Так же как термин «человечность» в его привычном значении определяет расу людей.

Он протянул руку, чтобы закрыть контейнер, но что-то его остановило.

Как-нибудь в другой день... Но вдруг другого дня уже не представится? Видимо, живя на станции, он просто привык думать, что всегда будет «другой день». Здесь дни уходили в прошлое и тянулись в будущее бесконечной чередой. Станция ломала привычную временную перспективу, даруя возможность спокойно вглядываться в длинный, а может и бесконечный, поток времени. Но все это может теперь кончиться. Время вдруг сожмется и вернется в свое обычное состояние. Если ему придется покинуть станцию, бесконечная череда будущих дней просто оборвется.

Он снова откинул крышку контейнера, достал шкатулку с письмами и поставил на пол, решив забрать ее с собой наверх и положить где-нибудь с другими ценными вещами, которые,

если придется покинуть станцию, нужно будет вынести в первую очередь.

Если придется покинуть... Вот и ответ на один из мучивших его вопросов. Как-то незаметно для себя самого Инек пришел к окончательному решению, и теперь оставалось только его выполнить.

Но раз это решение принято, то он готов и к его последствиям. Оставив станцию, он уже не сможет просить Галактический Центр излечить Землю от войны.

Улисс назвал его представителем Земли. Но может ли он в самом деле представлять ее интересы? Он, человек девятнадцатого века, имеет ли право представлять двадцатый? Человечество меняется с каждым поколением очень заметно. А он не только вырос в девятнадцатом веке, но и больше ста лет прожил в особых условиях, совсем непохожих на те, в которых жило все человечество.

Стоя перед контейнером на коленях, Инек размышлял о себе с удивлением и жалостью. Кто он? Человек ли еще? Или безотчетно он впитал в себя столько чужих воззрений, что превратился в некий странный галактический гибрид?

Захлопнув крышку, Инек задвинул контейнер на место под стеллаж. Сунул шкатулку с письмами под мышку, поднялся на ноги и, прихватив винтовку, пошел к лестнице.

Глава 31

В углу кухни он нашел несколько пустых картонных коробок, в которых Уинслоу привозил из города заказанные продукты, и начал упаковывать вещи.

Сложенные по порядку дневники заняли целую коробку и половину второй. Туда же, во вторую коробку, Инек уложил двенадцать алмазных графинов, обернув их в несколько слоев старыми газетами. Потом достал из шкафа веганскую музыкальную шкатулку и, завернув ее в бумагу, упаковал в третью коробку. В четвертую он сложил всю инопланетную литературу, что скопилась у него за много лет. В столе не оказалось ничего нужного — кое-какие бумаги, прочая ерунда да еще таблица. Инек скомкал ее и бросил в мусорную корзину.

Заполненные коробки он отнес к двери. Льюис обещал держать грузовик наготове, но, если Инек попросит его о помощи, машина не появится в ту же минуту, пройдет какое-то время. А сложив все ценное заранее, он сможет вынести коробки из дома и дождаться ее снаружи.

Все ценное... Кто будет решать, что тут ценное, а что нет? Дневники и инопланетная литература — это, конечно, нужно вывезти в первую очередь. А остальное? Ведь для Земли каждый предмет в доме может представлять интерес, и поэтому надо забирать все. Если будет достаточно времени и если никто не помешает, это вполне реально — вывезти сначала то, что находится в комнате, а затем и то, что хранится в подвале.

Все эти вещи — его, потому что их ему подарили, а значит, он вправе распоряжаться ими по своему усмотрению. Хотя Галактический Центр наверняка может с ним не согласиться и даже попытаться помешать.

Если обстоятельства сложатся именно так, важно успеть передать хотя бы наиболее ценное. Может быть, есть смысл спуститься в подвал и перетащить наверх по крайней мере те вещи, назначение которых он уже знает. Лучше взять предметы, о которых ему хоть что-то известно, чем тащить множество вещей непонятных и, возможно, бесполезных.

Остановившись в нерешительности посреди комнаты, Инек разглядывал свои сокровища. Конечно же, нужно будет взять все, что лежит на кофейном столике, включая и маленькую сверкающую пирамидку, которую привела в действие Люси.

Потом он заметил, что Малыш снова сполз со стола и упал на пол. Наклонившись, Инек взял его на руки. С тех пор как он рассматривал его в последний раз, Малыш отрастил две или три новые шишки и приобрел нежно-розовую окраску. Раньше он был голубого цвета.

Возможно, подумал Инек, ему не следовало называть его Малышом, поскольку он даже не знал, живая эта штуковина или нет. Трудно представить себе, что жизнь может существовать и в такой форме: не камень, не металл, но что-то очень похожее. Напильник не оставлял на нем никакого следа. Несколько раз Инека подмывало стукнуть по нему молотком и посмотреть, что получится, но почему-то он был уверен, что Малышу все равно ничего не сделается. Он медленно рос и иногда двигался, но совершенно непонятно, каким образом.

Стоило забыть о нем, а потом вернуться, и он уже передвинулся — совсем чуть-чуть, но передвинулся. Более того, он чувствовал, когда за ним наблюдают, и в таких случаях лежал неподвижно. Насколько Инек понимал, Малыш ничего не ел, и, соответственно, вокруг него всегда было чисто. Иногда он вдруг менял окраску, но совершенно бессистемно.

Малыша года два назад подарило ему существо, прибывшее с планеты, которая находилась где-то в созвездии Стрельца, и такого гостя Инек, конечно, забыть не мог. Может быть, он и не был ходячим растением, но выглядел именно так: корявый, худосочный куст, которому и земля досталась неважная, и воды вечно не хватало, но он тем не менее вырос, и на его ветвях расцвело множество дешевых браслетов, позвякивавших, словно серебряные колокольчики, при каждом движении.

Инек попытался узнать у него, что собой представляет подарок, но ходячий куст только тряс браслетами, заполняя всю станцию веселым перезвоном, и ничего не отвечал.

Положив Малыша на край стола, Инек забыл о нем, но спустя несколько часов, когда гость давно уже отправился своей дорогой, он заметил, что «камень» лежит на другом краю. Поверить в то, что эта штуковина может двигаться сама, было невозможно, и Инек подумал, что просто не помнит, куда положил подарок. Только спустя два или три дня он все-таки убедил себя, что с памятью у него все в порядке, а «камень» действительно ползает.

Все это нужно будет взять с собой — и Малыша, и пирамидку Люси, и куб, который показывает инопланетные пейзажи, и многое-многое другое...

Инек стоял посреди комнаты, держа Малыша в руке, и только сейчас вдруг задумался: с чего это он уже собирается?

Он действовал так, словно окончательно решил оставить станцию, словно уже выбрал Землю, а не Галактику. Но когда и как пришло к нему это решение? Ведь для того чтобы решить, необходимо осмыслить, оценить варианты, а ничего подобного он не делал. Не взвешивал «за» и «против», не пытался продумать все до конца. Решение пришло к нему само — решение, казавшееся невозможным, но теперь такое понятное и доступное.

Может быть, неосознанно вобрав в себя странную смесь чужих систем мышления и этических представлений, он, сам того не замечая, обрел способность думать по-новому, принимать решения на подсознательном уровне, и эта способность дремала в нем до сегодняшнего дня, пока в ней не возникла необходимость?

Инек вспомнил про несколько пустых коробок, лежавших в сарае, и подумал, что нужно перетащить их в дом. Потом можно будет спуститься в подвал и заняться предметами, назначение которых ему известно. Он взглянул в окно и с удивлением обнаружил, что времени у него остается мало — солнце уже садилось. Скоро стемнеет.

Поесть он за весь день так и не успел, но решил, что это подождет. Позже можно будет перехватить что-нибудь на ходу.

Повернувшись к столу, чтобы положить Малыша на место, Инек вдруг услышал знакомый звук и замер. Легкий шелест заработавшего материализатора невозможно было спутать ни с чем другим — слишком часто ему доводилось слышать его за годы работы на станции.

И видимо, это служебный материализатор, поскольку без предварительного сообщения никто не мог воспользоваться вторым.

Очевидно, Улисс, подумал Инек. Или кто-то еще из Галактического Центра, потому что Улисс всегда предупреждал его о своих визитах заранее.

Инек сделал шаг вперед, чтобы лучше видеть материализатор, и в этот момент там появился темный силуэт какого-то существа.

— Улисс! — произнес Инек и тут же понял, что это не он.

На мгновение ему показалось, что существо одето в элегантный черный фрак с длинными фалдами, белую манишку и остроконечную шляпу, но он тут же понял, что это огромная крыса с гладкой черной шерстью и острой мордочкой, как у всех земных грызунов, только она ходит на задних лапах. Существо бросило взгляд в его сторону, и Инек заметил красные блестящие глаза. Затем крыса отвернулась, и он увидел, как она достает из висящей на поясе кобуры какой-то отсвечивающий металлическим блеском предмет.

Что-то тут было не так. Прибывшему полагалось по крайней мере подойти, поздороваться со смотрителем. Вместо этого

существо лишь зыркнуло на него своими красными глазищами и отвернулось.

Когда оно извлекло металлический предмет из кобуры, Инек понял, что это пистолет или, во всяком случае, какое-то оружие.

Может быть, так они и закрывают станции? Один выстрел, без слов — и смотритель падает на пол. Только Улисса не послали, потому что он не смог бы убить друга.

Винтовка все еще лежала на столе, но он вряд ли успеет ее схватить...

Однако похожее на крысу существо даже не повернулось в его сторону. Оно стояло, глядя в угол. Рука с оружием поднялась...

В голове Инека словно зазвучал сигнал тревоги. Он размахнулся и, непроизвольно вскрикнув, запустил в крысу Малышом.

До него вдруг дошло, что крыса хочет убить не его, Инека,— она хочет уничтожить саму станцию. Там, в углу, куда крыса собиралась стрелять, не было ничего, кроме комплекса управления — центра станции, ее сердца. Если его уничтожить, станция будет мертва, и, чтобы вернуть ее к жизни, группе специалистов с ближайшей станции придется добираться сюда космическим кораблем, а на это уйдет несколько лет. Когда Инек вскрикнул, крыса, чуть присев, резко обернулась, и кувыркающийся Малыш попал ей в живот. Не удержавшись на ногах, она отшатнулась к стене и выронила пистолет. Раскинув руки, Инек бросился вперед и еще в прыжке почувствовал исходивший от крысы отвратительный запах. Он обхватил ее руками за туловище и швырнул через комнату. Крыса оказалась вовсе не такая тяжелая, как он ожидал. Она упала, проскользила по полу и остановилась, врезавшись в кресло. Потом вскочила, распрямившись, словно пружина, и рванулась к пистолету.

Инек настиг ее в два прыжка, ухватил сзади за шею и, оторвав от пола, несколько раз тряхнул. Пистолет снова выпал у нее из руки, а висевшая через плечо сумка застучала по волосатой груди, как пневматический молот.

Вонь стояла такая плотная, что, казалось, ее вот-вот можно будет увидеть. Инека замутило. Но вонь еще усилилась и стала совсем невыносимой, словно в ноздри Инеку врывался

огонь, а по голове лупили палкой. Он расцепил руки и, шатаясь, отскочил назад. Давясь сухим кашлем, он согнулся, поднял руки к лицу, стараясь отогнать от себя эту вонь, прущую в нос, в рот, в глаза.

Сквозь пелену слез он увидел, как крыса схватила с пола пистолет и понеслась к выходу. Кодовой фразы Инек не расслышал, но дверь скользнула в сторону и, выпустив крысу наружу, тут же закрылась.

Глава 32

Инек, шатаясь, добрался до стола и оперся о него руками. Отвратительный запах постепенно улетучивался, голова прояснилась, но ему даже не верилось, что все это действительно произошло. Такое просто не могло случиться. Крысоподобное существо прибыло через служебный материализатор, которым пользовались только сотрудники Галактического Центра. Однако никто из них, Инек был уверен, не повел бы себя так, как этот непрошеный гость. С другой стороны, существо знало кодовую фразу, открывающую дверь, а ее опять же не мог знать никто, кроме самого Инека и сотрудников Галактического Центра...

Протянув руку, Инек взял со стола винтовку. Станция цела, и пока ничего страшного не произошло, подумал он. Если не считать того, что на Земле оказался инопланетянин, а этого допускать нельзя, потому что Земля, как планета, не входящая в галактическое содружество, для инопланетян закрыта.

Он понимал, что должен вернуть крысу на станцию.

Произнеся на ходу кодовую фразу, Инек выбежал из дома и свернул за угол. Крыса неслась через поле и почти уже достигла леса. Инек со всех ног бросился за ней, но она скрылась за деревьями, когда ему оставалось до них несколько сот футов.

В лесу начало темнеть. Косые лучи заходящего солнца еще касались верхушек деревьев, но внизу уже сгущались тени. Оказавшись в подлеске, Инек огляделся и заметил крысу в небольшой лощине, где она карабкалась по противоположному склону, пробираясь через заросли папоротника, вымахавшего почти ей по пояс.

Если она будет двигаться в том же направлении, подумал Инек, тогда все в порядке. Дальний склон лощины выходил к каменистой гряде, обрывавшейся с другой стороны отвесными скалами. Место там совершенно изолированное, и хотя выкурить оттуда инопланетянина, если тот решит схорониться где-нибудь среди камней, будет нелегко, по крайней мере он окажется в тупике и обратно уже не выберется.

Впрочем, напомнил себе Инек, времени осталось не так много: солнце уже садится, и скоро станет совсем темно.

Он свернул к западу, чтобы обойти лощину, но старался не упускать мелькавшую за деревьями фигуру из виду. Крыса продолжала взбираться по склону, и Инек прибавил ходу. Теперь он точно знал, что она в ловушке: крыса миновала то место, где еще можно было вернуться и уйти в сторону. Скоро она доберется до гряды, и ей останется только спрятаться там среди обломков скал.

Инек бегом пересек заросшую папоротником поляну и вышел на склон холма в сотне ярдов ниже каменистой гряды. Здесь кустарник рос не так плотно и лишь кое-где встречались деревья, но мягкий лесной грунт уступил место россыпи мелких обломков камня, что в течение долгих-долгих лет откалывались зимними морозами от скал и скатывались вниз по склону. Пробираться по этим обломкам, покрытым кое-где толстым слоем мха, стало гораздо труднее.

Поднимаясь, Инек обвел взглядом лежащую впереди гряду, но инопланетянина нигде не было. Потом он заметил краем глаза какое-то движение и бросился на землю за куст орешника. Оттуда уже, сквозь переплетение ветвей, он увидел на фоне темного неба крысу. Она вертела головой из стороны в сторону, осматривая склон внизу и держа оружие наготове.

Инек замер, удерживая винтовку в вытянутой руке. Костяшки пальцев саднило — ободрал о камни, когда нырнул под куст.

Крыса скрылась за валунами, и Инек медленно подтянул к себе винтовку. Теперь, если представится возможность, можно стрелять.

Но хватит ли у него духу? Осмелится ли он убить инопланетянина?

Ведь тот мог убить его там, на станции, когда Инек чуть не потерял сознание от дикой вони, но не сделал этого и

просто скрылся. Может быть, существо было напугано и думало только о том, как бы убежать? Или оно просто не осмелилось поднять руку на смотрителя станции — точно так же как и он сам не мог сейчас решиться на убийство?

Инек внимательно оглядел лежавшие впереди глыбы, но теперь никакого движения не заметил. Надо подниматься выше, подумал он, поскольку время работает против него, но на руку беглецу. До полной темноты осталось от силы полчаса, и надо успеть закончить это дело: если крысе дать ускользнуть, потом ее уже не поймаешь.

Но откуда вдруг такое беспокойство по поводу инопланетянина, прорвавшегося на Землю? Вопрос всплыл перед ним, словно его задало взирающее со стороны второе «я» Инека. Разве ты сам не собирался сообщить Земле о населяющих Галактику существах? И без разрешения передать своей планете все те инопланетные знания и артефакты, которые оказались в твоем распоряжении? Почему ты остановил инопланетянина, когда тот пытался уничтожить станцию? Ведь это обеспечило бы ее изоляцию на долгие годы. Если бы это произошло, у тебя появилась бы возможность поступить с сокровищами станции по своему разумению. Если бы события развивались своим чередом, все закончилось бы как нельзя лучше.

«Но я не мог! — мысленно выкрикнул Инек.— Разве ты не понимаешь, что я не мог? Не понимаешь?»

Из задумчивости его вывел шорох кустарника слева, и он тут же вскинул винтовку.

Всего в двадцати футах от него стояла Люси Фишер.

— Уходи! — крикнул он, забыв, что она не услышит.

Она, конечно же, не обратила на его крик никакого внимания, потом чуть повернулась влево, взмахнула рукой и указала на каменистую гряду впереди.

— Уходи! Уходи отсюда,— пробормотал Инек, показывая рукой, что ей нужно вернуться.

Люси покачала головой и, пригнувшись, побежала вверх по левой стороне склона. Инек вскочил на ноги и бросился за ней, но в этот момент в воздухе что-то прошкворчало и вокруг запахло озоном. Он снова упал и немного ниже увидел участок булькающей, исходящей паром земли фута три диаметром, где яростным жаром уничтожило всю растительность, а камни превратило в кипящую жижу. Лазер, догадался Инек.

Лазер, обладающий колоссальной мощностью и довольно узким лучом.

Собравшись с духом, он сделал еще одну короткую перебежку и бросился на землю за бугорком, из которого росло несколько кривых березок.

Над головой опять прошкворчало, полыхнуло жаром, и снова запахло озоном. Земля на другой стороне лощины задымилась. Сверху посыпался пепел. Инек осторожно поднял голову и увидел, что верхнюю половину березок снесло начисто. С обгоревших пеньков лениво поднимались струйки дыма.

Неизвестно, что бы инопланетянин мог сделать там, на станции, но сейчас, похоже, он настроился серьезно. Он понял, что его загнали в угол, и теперь ему оставалось только убить противника.

Инек прижался к земле, и тут же в голову пришла мысль о Люси: успела ли она спрятаться? И что ей здесь понадобилось? Да еще в такое время! Хэнк опять решит, что ее украли, и пойдет искать. Что на нее сегодня нашло?

Темнота сгущалась. Последние лучи уходящего солнца цеплялись за верхние ветви деревьев. Из речной долины потянуло прохладой, сочно запахла влажная земля. Где-то пустила печальную трель птица козодой.

Инек выскочил из-за укрытия и, рванувшись вверх по склону, добрался до толстого поваленного дерева. Крысы не было видно, и на этот раз лазерной вспышки не последовало. Вглядываясь вперед, он решил, что сделает еще две перебежки — сначала до маленькой кучи камней, а затем прямо к валунам — и тогда его положение будет гораздо лучше, чем у прячущейся крысы. Вот только что делать дальше?

Двигаться вперед, видимо, и отлавливать инопланетянина.

Заранее тут ничего не придумаешь. Нужно добраться до первых валунов и действовать по обстановке, используя любое укрытие.

Только стрелять он все-таки не станет. Придется ловить его живьем и, если понадобится, силком тащить упирающегося и визжащего инопланетянина к станции.

Оставалось надеяться, что на воздухе крысе не удастся использовать против него свой омерзительный запах. Во всяком случае, не так успешно, как это случилось на станции. И тогда справиться с ней будет гораздо легче.

Инек оглядел нагромождение валунов от края до края, но не увидел ничего такого, что могло бы указать на спрятавшегося инопланетянина. Медленно, осторожно, чтобы не выдать себя шумом, он приготовился к новому броску, но тут краем глаза заметил движущуюся тень чуть ниже на склоне холма. Одним молниеносным движением он перевернулся на спину, сел и перехватил винтовку, но навести уже не успел. Тень навалилась на него, прижав к земле, и ладонь с широко расставленными пальцами зажала ему рот.

— Улисс! — успел выдавить Инек, но инопланетянин только зашипел, чтобы он молчал.

Улисс осторожно сполз в сторону и убрал руку, затем показал на каменную гряду. Инек кивнул. Улисс подтянулся поближе, наклонился к Инеку и прошептал в самое ухо:

— Талисман! У него Талисман!

— Талис... — воскликнул было Инек, но на полуслове заглушил свой возглас, вспомнив, что нельзя выдавать себя шумом.

Сверху загрохотал покатившийся камень, и Инек прижался к земле.

— Ложись! — крикнул он Улиссу.— Ложись! У него лазер!

В этот момент рука Улисса тряхнула его за плечо.

— Инек! Смотри!

Инек рывком поднял голову и увидел на фоне темного неба два сцепившихся силуэта.

— Люси! — закричал он.

Очевидно, она сумела подкрасться. Черт бы ее!.. Пока крыса следила за склоном холма, Люси обошла ее сбоку, тихо подползла ближе и набросилась. В поднятой руке Люси было что-то вроде дубины — очевидно, старый сломанный сук, которым она собиралась ударить крысу по голове, но та успела схватить Люси за запястье.

— Стреляй! — произнес Улисс упавшим голосом.

Инек вскинул винтовку, но в сгустившейся темноте прицелиться оказалось нелегко. Да и стояли крыса с Люси слишком близко друг к другу.

— Стреляй! — закричал Улисс.

— Не могу.— Инек даже всхлипнул от отчаяния.— Слишком темно.

— Ты должен! — В голосе Улисса зазвучала твердость.— Ты должен рискнуть!

Инек снова прицелился. На этот раз он нашел цель почти без труда и понял, что дело было не в темноте: мешало воспоминание о том, первом, выстреле, когда он промахнулся, стреляя в фантастическом мире, где бродили над лесом огромные хрюкающие твари на ходулях. Если он промахнулся тогда, значит, может промахнуться и сейчас...

Мушка остановилась на голове крысоподобного существа, но оно качнулось в сторону. Потом обратно.

— Стреляй! — снова крикнул Улисс.

Инек нажал на курок. Раздался сухой треск выстрела. Крыса, наверное, еще целую секунду стояла на камнях, хотя от ее головы осталась только половина, с которой в разные стороны разлетались, словно стремительные насекомые, черные ошметки, едва заметные на фоне потемневшего западного неба. Выронив винтовку, Инек упал на землю и вцепился пальцами в мягкий мох. При мысли о том, что могло бы случиться, его била дрожь, но тут же накатила слабость, вызванная чувством облегчения и благодарности за то, что этого не произошло, за то, что годы тренировок в его фантастическом тире наконец-то окупились сторицей.

Странно, подумалось ему, как много бессмысленных вещей формирует наши судьбы. Тир предназначался для одной только цели: ублажать смотрителя станции. Казалось бы, совершенно бессмысленное занятие, как бильярд или игра в карты, однако время, что он там провел, выкристаллизовалось в одно это короткое мгновение на склоне холма.

Беспокойство и боль постепенно оставляли его — будто уходили в землю, и в душе воцарялся покой. Покой леса, покой холмов, покой первых тихих шагов наступившей ночи. Небо, звезды и само пространство словно склонились над Инеком, нашептывая о том, что он един с ними, что он тоже частица этого большого мира. На мгновение ему показалось, что он сумел ухватиться за краешек какой-то великой истины, а вместе с истиной к нему пришли успокоение и неведомое ранее ощущение величия жизни.

— Инек,— прошептал Улисс.— Инек, брат мой...

В его голосе Инеку послышался судорожный, взволнованный вздох. Раньше он никогда не называл землянина братом.

Инек поднялся на колени и увидел над грядой камней мягкий, восхитительный свет, словно там зажег свой фонарик гигантский светлячок. Свет перемещался, спускаясь по камням к ним, а рядом шла Люси — как будто она несла в руке горящую лампу.

Рука Улисса протянулась откуда-то из темноты и сдавила плечо Инека.

— Ты видишь? — спросил Улисс.

— Да, вижу. Что это?

— Это Талисман,— произнес Улисс восхищенно и от волнения немного хрипло.— А рядом его новый хранитель. Именно такого хранителя мы искали долгие-долгие годы.

Глава 33

Привыкнуть к такому просто невозможно, говорил себе Инек, когда они возвращались лесом к станции. Талисман наполнял своим теплым сиянием каждое мгновение его жизни, и хотелось сохранить это ощущение навсегда. Разумеется, Талисман будет рядом не вечно, но он точно знал: ему никогда уже не забыть того, что произошло у него в душе.

Охватившее его чувство не поддавалось описанию: было в нем что-то от материнской любви, и от гордости отца, и от обожания милой сердцу женщины, и от товарищеской верности, и еще многое-многое другое. Это чувство приближало далекое, а сложное делало простым и понятным, оно уносило прочь страх и печаль, хотя в нем самом тоже звучала нотка печали — словно бы от понимания, что никогда в жизни не будет больше такого возвышенного мгновения, что в следующую секунду оно уйдет безвозвратно и отыскать его уже не удастся. Однако мгновение длилось.

Крепко прижимая к груди сумку с Талисманом, Люси шла между ними, и, глядя на нее, Инек невольно представлял себе маленькую девочку с любимым котенком на руках.

— Наверное, уже несколько веков — а может быть, и вообще никогда — не светился Талисман так ярко,— проговорил Улисс.— Я, во всяком случае, такого не припоминаю. Замечательно, да?

— Замечательно,— ответил Инек.

— Теперь мы снова станем едины,— сказал Улисс.— Снова почувствуем, как на самом деле близки. И снова будет не много народов, а одно галактическое содружество.

— Но это существо, которое...

— Хитрый негодяй,— сказал Улисс.— Он хотел получить выкуп за Талисман.

— Значит, Талисман все-таки был украден?

— Мы еще не знаем всех обстоятельств этой истории, но, разумеется, узнаем.

Какое-то время они шли молча. Далеко на востоке появились над верхушками деревьев первые отсветы поднимающейся луны.

— Я одного не понимаю...— начал было Инек.

— Спрашивай.

— Как могло это существо носить с собой Талисман и не чувствовать его? Ведь если бы оно чувствовало, разве пришло бы ему в голову украсть Талисман?

— Среди многочисленных жителей Галактики попадается лишь один на несколько миллиардов, кто способен... как бы это вернее сказать?.. настроить Талисман, привести его в действие. На меня или на тебя он просто не отреагирует. Но стоит этому одному существу прикоснуться к Талисману, как он тут же оживает. Нужна особая восприимчивость, которая связывает машину с резервуарами вселенской энергии духовности. Дело не в самой машине — она лишь помогает избранному существу дать нам возможность ощутить энергию духовности.

Машина, аппарат, инструмент — технологический родственник мотыге или гаечному ключу, но как же далеки они друг от друга! Как человеческий мозг от первой аминокислоты, зародившейся на Земле, когда эта планета была еще молода. Можно даже сказать, что это предел эволюции инструмента, последняя вершина, выше которой уже не подняться. Впрочем, это неверное заключение — скорее всего, развитию нет предела, последней вершины тоже нет; едва ли наступит время, когда какое-то существо или группа существ остановится в своем развитии у определенной точки и скажет: «Все. Дальше мы не пойдем. В этом нет смысла». Ведь каждый шаг вперед открывает, в свою очередь, множество новых возможностей, множество новых путей, и следующий шаг по

одному из них снова открывает новые дороги. И нет им конца...

Они добрались до края поля и пошли напрямик к станции. Откуда-то спереди послышались быстрые шаги — кто-то бежал им навстречу.

— Инек! — донесся из темноты знакомый голос.— Инек, это ты?

— Да, Уинслоу. Что случилось?

Почтальон подбежал ближе и, переводя дух, остановился за кругом света, падающего от Талисмана.

— Инек, они все-таки собрались! Погрузились в две машины и едут. Но, надеюсь, мне удалось их задержать. В том месте, где начинается грунтовая дорога к твоему дому, я высыпал в колеи фунта два кровельных гвоздей, и на какое-то время они там застрянут.

— Кровельных гвоздей? — недоумевающе спросил Улисс.

— Толпа,— пояснил Инек.— Они собираются расправиться со мной. А гвозди...

— Понятно,— сказал Улисс.— Чтобы проколоть шины...

Уинслоу шагнул ближе, пристально глядя на светящийся сквозь ткань сумки Талисман.

— Это Люси Фишер, да?

— Точно,— ответил Инек.

— Ее старик только что примчался в город и начал вопить, что она опять исчезла. Там все вроде бы уже поутихло, но Хэнк их снова накрутил. Я послушал-послушал и двинул в скобяную лавку. Прихватил гвоздей и успел сюда раньше их.

— Толпа? — снова переспросил Улисс.— Я не...

— А этот тип, что искал женьшень, ждет тебя у дома,— перебил его Уинслоу, захлебываясь от желания поскорее рассказать все, что ему известно.— У него там грузовик.

— Это Льюис с телом сиятеля,— пояснил Инек Улиссу.

— Он, по-моему, здорово расстроен,— добавил Уинслоу.— Говорит, ты должен был его ждать.

— Может быть, нам не стоит тогда задерживаться,— сказал Улисс.— Я не все понимаю, но догадываюсь, что назревает некий кризис.

— Послушай, что здесь происходит? — удивленно спросил Уинслоу.— Что это за штука у Люси в руках? И кто это стоит рядом с тобой?

— Потом,— сказал Инек.— Я все объясню тебе потом. Сейчас не до объяснений — надо спешить.

— Но, Инек, сюда направляется пьяная толпа...

— Когда они появятся, я и с ними разберусь. А сейчас есть более важное дело.

Продираясь сквозь бурьян, вымахавший местами по пояс, все четверо бегом поднялись по склону. Впереди, на фоне ночного неба, темнело угловатое здание станции.

— Они уже у поворота! — задыхаясь, крикнул Уинслоу.— Я только что видел, как там мелькнул свет фар.

Инек, а за ним и остальные вбежали в ворота и, не сбавляя шага, бросились к дому. В отсветах Талисмана уже можно было разглядеть массивный кузов грузовика. От темного силуэта машины отделилась фигура человека и заторопилась им навстречу.

— Уоллис, это вы?

— Да,— ответил Инек.— Извините, что меня не оказалось на месте.

— Я, признаться, расстроился, когда понял, что вас тут нет.

— Непредвиденные обстоятельства,— коротко сказал Инек.— Мне срочно потребовалось отлучиться.

— Тело почтенного мыслителя в машине? — спросил Улисс.

Льюис кивнул:

— К счастью, нам удалось его вернуть.

— Через сад тело придется нести,— сказал Инек.— Машина туда не пройдет.

— В прошлый раз тело нес ты,— произнес Улисс.

Инек кивнул.

— Друг мой, я надеялся, что сегодня ты доверишь мне эту почетную обязанность.

— Конечно,— ответил Инек.— Думаю, и он не стал бы возражать.

На язык просились другие слова, но Инек сдержался, решив, что было бы неуместно благодарить Улисса за то, что он снял с него тяжкую необходимость приносить покаяние перед умершим.

— Они уже идут,— пробормотал Уинслоу, стоявший рядом.— Я слышу на дороге какой-то шум.

И действительно, со стороны дороги доносился звук шагов, неторопливых, уверенных, точно поступь чудовища, которому незачем спешить,— жертва все равно никуда не денется. Инек стал лицом к воротам и вскинул винтовку.

За его спиной заговорил Улисс:

— Наверное, будет правильнее и достойнее похоронить его при полном свете нашего возвращенного Талисмана...

— Она тебя не слышит,— сказал Инек, не оборачиваясь.— Ты забыл, что Люси глухонемая. Надо ей показать.

Не успел он договорить, как все окружающее пространство озарилось вдруг ослепительным сиянием. Со сдавленным возгласом удивления Инек повернулся к своим товарищам и увидел, что сумка, где хранился Талисман, лежит у ног Люси, а сама она гордо держит над головой маленькое солнце, заливающее светом и двор, и древний дом, и даже край поля.

Стало так тихо, будто весь мир затаил дыхание и замер, встревоженно ожидая страшного грохота, который вот-вот должен прокатиться по земле, но его все не было и не было.

А вместе с тишиной пришло устойчивое ощущение мира и спокойствия, заполнившее каждую клеточку каждого живого существа вокруг. Не просто мир, который объявили и которому пока позволяют остаться, нет,— настоящий, прочный мир, покой в мыслях, какой приходит вместе с закатной прохладой после долгого жаркого дня или с теплым призрачным сиянием весенней зари. Мир в душе и вокруг, достигающий самых дальних пределов бесконечности; устойчивый, надежный мир, который сохранится до последнего дыхания вечности...

Опомнившись, Инек медленно повернулся к полю и увидел на границе освещенного участка серые силуэты людей, сбившихся в кучу, словно стая присмиревших волков в слабых отблесках костра. Пока он смотрел, люди по одному таяли в темноте и исчезали в том же направлении, откуда пришли. Вскоре скрылись все, кроме одного, который вдруг сорвался с места и бросился вниз по склону холма к лесу, подвывая от ужаса, как испуганная собака.

— Это Хэнк побежал,— заметил Уинслоу.

— Жаль, что мы его напугали,— серьезным тоном произнес Инек.— Никто не должен этого бояться.

— Он сам себя боится,— сказал почтальон,— потому что живет со страхом в душе.

Видимо, он прав, подумал Инек. Человек всегда был таким. Человек долго жил со страхом и больше всего на свете боялся самого себя.

Глава 34

Все пятеро стояли у невысокого земляного холмика. Беспокойный ветер шелестел в ветвях залитого лунным светом яблоневого сада, а где-то вдалеке, у реки, переговаривались в серебряной ночи козодои.

Инек попробовал прочесть надпись, выбитую на грубо отесанном камне, но лунного света не хватало. Впрочем, он и так помнил ее наизусть:

Здесь лежит гость с далекой звезды,
но эта земля ему не чужая,
ибо, умерев, он вернулся в большую Вселенную.

«Ты, когда писал эти строки, думал как мы»,— сказал ему посланник с Веги-XXI всего днем раньше. Инек тогда ничего ему не ответил, но сиятель был не прав, потому что суждение это не только веганское, но и вполне земное.

Язык сиятелей — не самый легкий на свете, и, выбивая зубилом слова, Инек допустил две или три ошибки. Но камень был гораздо мягче мрамора или гранита, которые обычно используются в таких целях, и неумело сделанную надпись вряд ли ждала долгая жизнь. Через несколько десятков лет солнце, дожди и морозы раскрошат выбитые на плите символы, а спустя еще такой же срок они исчезнут вовсе, и там, где были слова, останутся лишь шероховатые выступы. Но слова все равно сохранятся, если не на камне, то в памяти.

Инек взглянул на Люси, стоявшую по другую сторону могилы. Талисман вернулся в сумку, и свечение стало немного слабее, но Люси по-прежнему прижимала его к груди, и на лице ее сохранялось все то же восторженное, отрешенное выражение, словно она жила уже не в этом мире, а в каком-то другом измерении, где, кроме нее, не было никого, где не существовало прошлого.

— Ты думаешь, она пойдет с нами? — спросил Улисс.— Я имею в виду, мы сможем взять ее с собой в Галактический Центр? Земля отпустит?..

— Земли это не касается,— сказал Инек.— Мы свободные люди, и она сама решит, как ей поступить.

— Как по-твоему, она согласится?

— Думаю, согласится. Мне кажется, этого дня Люси ждала всю жизнь. Может быть, она предчувствовала его даже без Талисмана.

Она и вправду жила словно в каком-то особом мире, недоступном всему остальному человечеству. Что-то было в ее душе такое, чем не обладал ни один другой житель Земли. Это всегда чувствовалось, хотя не поддавалось описанию. Ей очень хотелось использовать свой дар, и она пробовала — слепо, неуверенно, неумело. Заговаривала бородавки, лечила бабочек, бог знает что еще делала.

— А ее отец? — спросил Улисс.— Тот, что убежал от нас с криками?

— С Хэнком я договорюсь,— сказал Льюис.— Мы с ним хорошо знакомы.

— Ты хочешь взять ее с собой в Галактический Центр прямо сейчас? — спросил Инек.

— Если она согласится,— ответил Улисс.— И надо срочно сообщить им радостную весть.

— А из Центра в путешествие по всей Галактике?

— Да. Она нам очень нужна.

— А нам вы ее одолжите на денек-другой?

— Одолжить?..

— Ну да,— сказал Инек.— Земле Люси тоже нужна. Просто необходима.

— Конечно,— сказал Улисс,— однако...

— Льюис,— перебил его Инек,— как вы полагаете, сможем ли мы уговорить кого-нибудь в правительстве — например, государственного секретаря — включить Люси Фишер в состав делегации на мирную конференцию?

Льюис начал что-то говорить, поперхнулся, потом наконец выговорил:

— Думаю, это можно будет организовать...

— Представляете себе, какой эффект произведет девушка с Талисманом за столом переговоров!

— Кажется, представляю,— сказал Льюис,— но государственный секретарь непременно захочет поговорить с вами, прежде чем объявить о своем решении.

Инек повернулся к Улиссу, но тот понял его и без вопроса.

— Конечно. Дайте мне знать когда, и я тоже с удовольствием поучаствую в разговоре. Кстати, можете передать уважаемому секретарю, что было бы неплохо сразу приступить к формированию Всемирного комитета.

— Какого комитета?

— По вопросу вступления Земли в галактическое содружество. Разве это дело, если хранитель Талисмана будет с неприсоединившейся планеты?

Глава 35

У края скалы, что возвышалась над рекой, деревьев было совсем мало, и камни, лежавшие под открытым небом, белели в лунном свете, словно огромный скелет какого-то доисторического зверя.

Инек остановился у большого валуна и взглянул на мертвого инопланетянина, лежавшего темным комом среди каменных глыб.

Жалкий неудачник... Умереть так далеко от дома, и, главное, ради чего?

Впрочем, отчего же жалкий? В его мозгу, теперь уже безвозвратно погибшем, зародился колоссальный план — нечто сравнимое с планами Александра, Ксеркса или Наполеона, циничная мечта о беспредельной власти, требующая осуществления любой ценой, мечта столь грандиозная, что она просто вытеснила все другие моральные соображения.

Инек попытался представить себе такой план и понял, что это ему не под силу: слишком многого он не знал о Галактике, слишком многого не понимал.

Тем не менее что-то в этом плане не сработало. Ведь ясно, что Земля там учитывалась разве что в качестве запасного варианта, укромного уголка, где можно отсидеться в случае непредвиденных осложнений. Лежащее среди камней существо привела сюда последняя, отчаянная попытка скрыться, однако и это ему не удалось.

Но вот ирония судьбы: беглец с украденным Талисманом попал буквально к порогу дома настоящего восприимца, хотя вряд ли кому пришло бы в голову искать восприимца здесь,

на Земле. Вспоминая недавние события, Инек уже не сомневался, что Люси каким-то образом почувствовала присутствие Талисмана и ее потянуло к нему, как иголку к магниту. Она, наверное, ничего больше и не осознавала, кроме того, что Талисман рядом, что он непременно нужен ей, что это именно то, чего она ждала всю свою одинокую жизнь, не понимая, чего ждет, и не надеясь дождаться. Как ребенок, который вдруг замечает на рождественской елке сверкающий шар и, решив, что на свете нет ничего прекраснее, хочет во что бы то ни стало им завладеть.

Должно быть, думал Инек, это существо обладало и значительными способностями, и большой изобретательностью. Иначе ему вряд ли удалось бы украсть Талисман, долгие годы скрывать его от всех и проникнуть в секреты Галактического Центра. Но разве стало бы это возможно, если бы Талисман действовал в полную силу, размышлял Инек. Если бы Талисман действовал в полную силу, ни у кого бы просто не возникло мысли о допустимости подобного шага и не расцвела бы так пышно алчность, побудившая к краже.

Однако теперь все это позади. Талисман нашелся, и, что не менее важно, у него появился новый хранитель — глухонемая девушка с Земли. А на самой Земле будет мир, и со временем она присоединится к галактическому содружеству.

И никаких теперь проблем, и не надо ничего решать. Люси избавила от необходимости принимать решения сразу всех. Станция теперь никуда не денется. Можно будет распаковать коробки и поставить дневники обратно на полки. Теперь он может вернуться на станцию и заняться своей обычной, будничной работой.

«Прости,— мысленно произнес Инек, обращаясь к мертвому инопланетянину.— Я очень сожалею, что именно моя рука оборвала твою жизнь».

Он повернулся и пошел к обрыву, где далеко внизу, у подножия скалы, несла свои воды река. Постоял немного, держа винтовку в поднятой руке, а затем швырнул ее изо всей силы вперед и долго смотрел, как она падает, медленно переворачиваясь и поблескивая сталью в лунном свете. Река приняла ее с еле заметным всплеском, но до вершины скалы по-прежнему доносилось только удовлетворенное журчание воды, про-

текающей по камням у подножия и уплывающей в какие-то далекие края.

Теперь на Земле установится мир, подумал Инек. Войны уже не будет. Если за столом переговоров на конференции будет Люси, ни у кого и мысли не возникнет о войне. Даже если кто-то не выдержит живущего в душе страха — страха, который окажется настолько сильным, что заслонит красоту и покой, даруемые Талисманом,— даже тогда войны все равно не будет.

Но человечеству предстоит пройти долгий путь, прежде чем подлинный, прекрасный мир поселится в каждом сердце.

Настоящий мир не наступит, пока будет скулить от страха (любого страха) хотя бы один человек. Род человеческий не добьется мира, пока не выбросит оружие (любое оружие) последнии его обитатель. И винтовка, подумалось Инеку, далеко не самое страшное оружие из того, что создано на Земле,— можно сказать, это наименее жестокое проявление человеческой бесчеловечности, скорее символ оружия по сравнению с другими, более смертоносными его видами.

Он стоял на краю скалы, глядя на речную долину и темнеющий в ночи лес. Рукам словно чего-то не хватало без винтовки, но Инек чувствовал, что всего несколько минут назад вступил в новую полосу времени, как будто закончилась целая эпоха и он оказался в совершенно ином мире — новом, чистом, не замаранном прежними ошибками.

Внизу текла река, но реке было все равно. Ей безразлично, что происходит в мире. Она примет и бивень мастодонта, и череп саблезубого тигра, и скелет человека, и мертвое, пропитавшееся водой дерево, и камень, и винтовку — примет, занесет илом или песком, спрячет и потечет дальше.

Миллион лет назад здесь, возможно, не было реки, а спустя еще миллион лет снова не будет, но и через миллион лет здесь будет Человек или, во всяком случае, какое-то существо, которому небезразличен мир. В этом, наверное, и заключено великое таинство Вселенной — в существовании тех, кого что-то заботит.

Инек повернулся и не спеша побрел обратно, пробираясь между валунами. В опавшей листве шуршали мелкие ночные зверушки, и один раз до него донесся сонный вскрик разбуженной птицы. Лес стоял, окутанный покоем и уверенностью

того теплого света, что дарил Талисман,— не такого, конечно, яркого и завораживающего, как от самого Талисмана, но отблески его словно еще жили здесь.

Выйдя из леса, Инек двинулся через поле по склону холма, на вершине которого темнело прямоугольное здание станции. Только теперь оно казалось ему не просто станцией, но еще и домом. Много лет назад это действительно был всего лишь дом, потом он превратился в галактическую пересадочную станцию, а сейчас стал и станцией, и снова домом.

Глава 36

Дома стояла тишина — даже немного пугающая тишина. На столе горела лампа, а среди безделушек на кофейном столике по-прежнему вспыхивала огнями маленькая пирамидка, сложенная из шариков. Почему-то она напомнила вдруг Инеку хрустальные шары, с помощью которых в двадцатые годы превращали танцевальные залы в настоящие волшебные замки. Маленькие мерцающие всполохи бегали по всей комнате, словно веселые разноцветные светлячки.

Инек прошел в комнату и остановился в нерешительности. Чего-то не хватало, и он тут же понял, в чем дело. Все эти годы он первым делом вешал винтовку на крючья или клал ее на стол. Но теперь винтовки не стало.

Что ж, сказал он себе, пора браться за работу. Для начала надо распаковать коробки и убрать все на место. Потом дополнить дневник, просмотреть нечитанные газеты и журналы. Дел достаточно.

Улисс и Люси отбыли часа два назад в Галактический Центр, но Инек так живо чувствовал Талисман, словно он все еще оставался на станции. Хотя, может быть, подумал Инек, дело и не в станции вовсе, а в нем самом, в душе. Может быть, это ощущение останется в нем теперь навсегда, где бы он ни оказался.

Он не спеша прошел по комнате и сел на диван. Прямо перед ним разбрызгивала фонтаны света пирамидка. Инек протянул было к ней руку, но потом передумал. Что толку? Если за долгие годы ему так и не удалось разгадать ее секрет, почему это должно произойти сейчас?

Милая вещица, но бесполезная.

Интересно, как там Люси, подумал Инек, и тут же ответил сам себе: наверняка с ней ничего теперь не случится. А ему снова надо работать, а не рассиживаться. Дел полно. Да и время его отныне уже не будет принадлежать ему одному, потому что Земля вот-вот постучится в дверь. Конференции, встречи и тому подобное... Через несколько часов здесь уже, возможно, появятся газетчики. Впрочем, Улисс обещал вернуться помочь, и, может быть, с ним прибудут другие инопланетяне.

Сейчас он чего-нибудь поест, а потом примется за работу. Если не ложиться спать, можно много успеть.

Одинокими ночами так хорошо работается... А сейчас ему и в самом деле одиноко, хотя именно сегодня одиночеству положено бы отступить — ведь теперь все изменилось. Теперь у него есть и Земля, и Галактика, и Люси, и Улисс, и Уинслоу, и Льюис, и старый философ-веганец, что спит под каменным надгробием.

Инек поднялся, прошел к столу и, взяв в руки статуэтку, которую подарил ему Уинслоу, принялся рассматривать ее, медленно поворачивая в свете лампы. В деревянной фигурке человека тоже чувствовалось одиночество — теперь он это увидел,— одиночество путника, шагающего бесконечно долгой дорогой.

Но ведь по-иному и быть не могло. Он должен был идти один. Выбирать тут не приходилось, потому что этого требовала работа. И теперь она... нет, не закончена, поскольку сделать нужно еще очень много. Но закончилась ее первая часть, и уже начинается вторая.

Он поставил статуэтку на место и вспомнил, что не успел отдать Уинслоу кусок древесины, который привез ему путешественник с Тубана. Кстати, теперь можно будет рассказать ему, как здесь оказались все эти деревяшки. Они могут даже вместе пройтись по дневникам и выяснить, когда и откуда попала на Землю каждая из них. Уинслоу это занятие наверняка понравится.

Инек услышал шорох шелка и резко обернулся.

— Мэри! — воскликнул он.

Она стояла на границе падающего от лампы света, и всполохи, разбрасываемые пирамидкой, делали ее похожей на сказочную фею. Да, пронеслось у него в голове, именно так, потому что утерянная сказочная страна вдруг вернулась обратно.

— Я чувствовала, что должна прийти,— сказала Мэри.— Тебе было одиноко, Инек, и я не могла не вернуться.

Да, не могла. Возможно, так оно и есть. Очевидно, создавая ее образ, он невольно запрограммировал в нее стремление быть рядом с ним, когда ему одиноко.

Ловушка, подумал он; ловушка, из которой ни он, ни она не могут вырваться. Вместо свободы воли — абсолютная точность механизма чувств, им же самим и созданного.

Ей не следовало возвращаться, и, наверное, она знала это не хуже его, но ничего не могла с собой поделать. Неужели так будет вечно?

Инек стоял неподвижно, словно окаменев: всей душой он рвался к ней и в то же время остро осознавал ее иллюзорность.

Первой сделала шаг в его сторону Мэри. Вот она уже близко и сейчас должна остановиться — ведь ей так же, как ему, известны правила игры и так же больно признавать, что она всего лишь иллюзия.

Но Мэри не остановилась и подошла так близко, что Инек уловил исходивший от нее легкий запах яблоневого цвета. Она протянула руку и коснулась его запястья.

Не сделала вид, а на самом деле коснулась! Он почувствовал прикосновение ее пальцев, их прохладу.

Инек стоял неподвижно, и ее рука лежала на его руке.

«Всполохи света! — догадался он.— Пирамидка, сложенная из шариков!»

Ну конечно же! Инек сразу вспомнил, кто подарил ему эту игрушку,— путешественник с одной из тех планет в системе Альфарада, где обитали чудотворцы. С помощью их книг он и освоил искусство сотворения иллюзий. Путешественник хотел помочь ему и подарил пирамидку, а он тогда не понял ее назначения. Вернее, они не поняли друг друга, что в общем-то случается нередко. В галактическом Вавилоне очень легко ошибиться или просто не найти нужных знаний.

Пирамидка оказалась несложным, но очень занятным механизмом — своего рода фиксатором, превращавшим иллюзии в реальность. Нужно лишь придумать что-то, а затем включить

пирамидку, и созданное воображением становится таким же реальным, как окружающий мир.

Только себя все равно не обманешь, потому что иллюзия всегда остается иллюзией...

Инек потянулся к Мэри, но она отпустила его руку и медленно шагнула назад. В комнате повисло тяжелое молчание — ужасное, пронзительное молчание одиночества. Шарики в пирамидке продолжали вращаться, разбрасывая радужные огоньки, и по стенам все так же бегали, словно юркие мыши, цветные всполохи.

— Прости,— сказала Мэри,— но это все равно бессмысленно. Самих себя не обманешь.

Инек стоял, не в силах вымолвить слово.

— Я так ждала... мечтала и надеялась, что когда-нибудь это произойдет.

— Я тоже,— произнес Инек.— Хотя я никогда не думал, что такое возможно.

Видимо, в этом все и дело. Пока ничего подобного не могло случиться, оставалась возможность предаваться романтическим мечтам о далеком и недоступном. Да и романтическими они казались только потому, что были несбыточными.

— Словно ожившая кукла...— проговорила Мэри,— или любимый плюшевый мишка. Прости, Инек, но нельзя же любить куклу или плюшевого мишку, которые вдруг ожили. Ты всегда будешь помнить, как было раньше: кукла с глупой нарисованной улыбкой, медведь с торчащей из шва ватой...

— Нет! — вскричал Инек.— Нет же!

— Мне жаль тебя,— сказала Мэри.— Тебе будет нелегко. Но я ничем не могу помочь. Тебе предстоит долгая жизнь наедине со своими воспоминаниями.

— А как же ты? Что ты собираешься делать?

Не у него, а у Мэри хватило духу признать истинное положение вещей, посмотреть правде в лицо.

Но как она смогла почувствовать, понять?

— Я уйду,— ответила Мэри.— И никогда больше не вернусь. Даже когда буду очень нужна тебе. По-другому не получится.

— Но ты же не можешь уйти. Мы с тобой в одной ловушке.

— Как странно все случилось,— сказала она.— Мы оба оказались жертвами иллюзии.

— И ты тоже?

— И я. Точно так же, как ты. Ведь ты не можешь любить куклу, а я не могу любить мастера, ее изготовившего. Раньше нам обоим казалось, что это возможно, а сейчас, когда стало понятно, что это не так, мы все еще тянемся друг к другу и от этого мучаемся и страдаем оба.

— Если бы ты осталась...— сказал Инек.

— Чтобы потом возненавидеть тебя? Или, еще хуже, чтобы ты возненавидел меня? Пусть уж лучше мы оба будем страдать. Это не так страшно, как ненависть.

Она шагнула к столику, схватила пирамидку и подняла ее над головой.

— Нет! Только не это! — закричал Инек.— Не надо, Мэри!..

Пирамидка засверкала, кувыркаясь в полете, и ударилась о каминную кладку. Огоньки погасли, и, раскатившись по полу, зазвенели осколки.

— Мэри! — крикнул Инек, бросившись вперед, в темноту.

Но ее уже не было.

— Мэри! — вскрикнул он снова, даже не вскрикнул, а простонал.

Мэри ушла и никогда уже не вернется к нему.

Даже когда ему очень захочется ее увидеть, она все равно не придет.

Инек стоял в безмолвии станции, прислушиваясь к голосу прожитых лет.

Жизнь тяжела, говорил голос. В жизни нет легких путей.

И та девушка, дочь соседа-фермера, что жила чуть дальше по дороге, и красавица южанка, которую он видел, проходя в строю солдат мимо ее поместья, и теперь Мэри — все они ушли из его жизни навсегда.

Он повернулся и, тяжело ступая, пошел к столу, к свету. Постоял, окидывая комнату взглядом. Здесь, вот на этом самом месте, где стоит сейчас стол, раньше была кухня, а там, где камин,— гостиная. Дом переменился, и уже давно, но Инек ясно видел его прежним, словно это было еще вчера.

Однако те дни ушли, и вместе с ними люди.

Только он один остался.

Остался, потеряв свой прежний мир, покинув его в прошлом.

Впрочем, сегодня то же самое произошло со всеми живущими на планете.

Возможно, они об этом еще не знают, но их прежний мир остался в прошлом. И никогда уже он не будет прежним.

За свою жизнь Инеку много раз приходилось прощаться — с друзьями, с прошлым, с любовью, с мечтами.

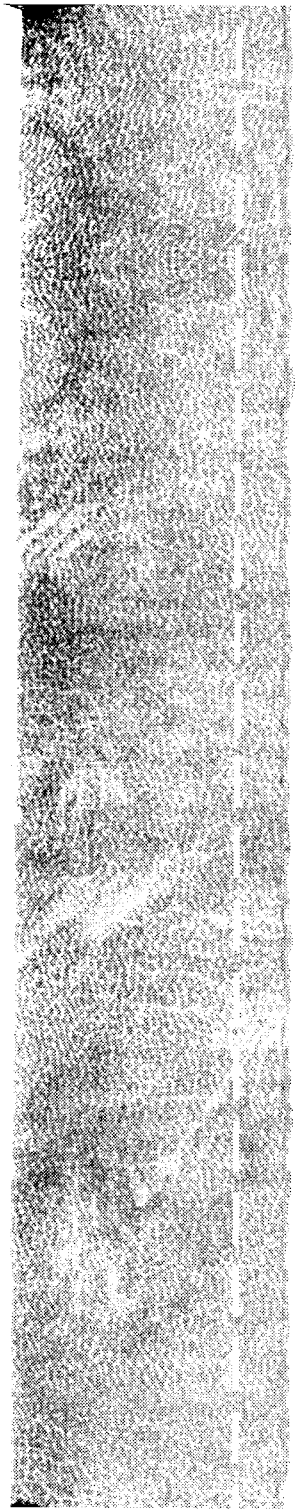
— Прощай, Мэри,— произнес он тихо.— Прости меня, и да хранит тебя Господь.

Он сел за стол и, придвинув к себе дневник, отыскал нужную страницу.

Впереди ждала большая работа.

И теперь Инек был готов к ней.

С прошлым он уже распрощался.

СНОВА И СНОВА

Глава 1

Последние желто-зеленые лучи догоравшего солнца еще мерцали на горизонте, когда из глубины сумерек вынырнул человек. Он остановился у изгороди и окликнул сидевшего в кресле мужчину:

— Мистер Адамс, это вы?

Кристофер Адамс вздрогнул от неожиданности и приподнялся. Кресло капризно скрипнуло.

Кто бы это мог быть? — подумал он. Может быть, новый сосед, который, если верить Джонатону, пару дней назад поселился неподалеку? Джонатон — известный сплетник, он знает все, о чем на сто миль в округе болтают люди, андроиды и роботы.

— Входите,— сказал Адамс.— Рад, что заглянули.

Он изо всех сил старался настроиться на добрососедский лад, хотя, по правде говоря, никакой радости не испытывал. Он был скорее раздосадован появлением этой тени из сумерек.

Адамс недовольно поморщился.

Господи! — подумал он. Ни минуты покоя, даже в этот единственный час, который я с таким трудом выкраиваю, чтобы отдохнуть, забыть о работе, чтобы хоть на короткое время окунуться в приглушенную зелень, в тишину театра теней заката. Я так люблю это время... Здесь, в тихом дворике, нет всей этой будничной мороки — отчетов по ментафону, заседаний Галактического Совета, досье на роботов и прочей суеты. Нет проклятых ежедневных головоломок и тайн... Хотя я не прав. И здесь есть тайна. Но она такая неясная, хрупкая, она остается тайной, пока сам того желаешь... Тайна полета ястреба на фоне вечереющего неба, загадка вспышки светлячка в темных зарослях сирени...

Незнакомец искал, где бы присесть. Адамс не реагировал, мысли его были заняты совсем другим — даже в этот час, час

отдыха, он не переставал думать об одном деле, разбирательством которого он занимался последние дни.

...Далекий Альдебаран-12, берег реки, обугленные трупы, а рядом, под деревом, искореженная груда металла, некогда бывшая вездеходом...

Погибли пятеро. Три человека и два андроида, но андроиды — почти люди.

Что они там, перебили друг друга? Странно... Человека мог убить только человек, и то на дуэли, по всем правилам. Месть? Казнь? Что, черт подери?

Жизнь человека священна и неприкосновенна.

Убийство или авария?

Мысль об аварии он отбросил сразу. Исключено. Совершенство техники, почти человеческий интеллект и мгновенная реакция машин на любые виды опасностей уже давно свели к нулю вероятность аварий.

Ни одна машина не могла быть настолько тупа, чтобы вот так просто взять да и врезаться в дерево. Что-то тут было другое. Дерево ни при чем. Дураку понятно.

Убийство? Тоже как-то не похоже. Тогда все выглядело бы иначе. Где убийца? Скрываться глупо. От кого? Суда как такового давно нет, так, всего лишь моральный кодекс...

Три человека погибли. Три человека погибли на расстоянии пятидесяти световых лет отсюда, и это было мучительно важно для него, сидящего здесь, в своем тихом дворике на Земле. Три человеческие жизни отняты неизвестно кем, нет, это не должно остаться безнаказанным.

Адамс пошевелился в кресле, пытаясь расслабиться, проклиная собственные мысли. Ведь дал же он себе зарок в это время, в час заката, отдыхать и не думать о работе!

— Прекрасный вечер,— сказал незнакомец.

Адамс усмехнулся:

— Вечера всегда прекрасны. Ребята из службы погоды придерживают дождь, пока все не уснут...

В роще у подножия холма послышалась вечерняя песенка дрозда и разлилась по поверхности засыпающего мира, нежно поглаживая его баюкающей рукой. У ручья лягушки, одна за другой, начали пробовать голоса. Вдали, в туманном, почти потустороннем мире, затарахтел козодой. В долине и на холмах то тут, то там загорались окна домов.

— Это мое самое любимое время,— вздохнул Адамс.

Он опустил руку в карман и вытащил кисет и трубку.

— Курите? — спросил он.

Незнакомец отрицательно покачал головой.

— Честно говоря, я к вам по делу.

— В таком случае зайдите утром,— сухо ответил Адамс.— Не имею обыкновения заниматься делами в нерабочее время.

— Но речь идет об Эшере Саттоне,— тихо проговорил незнакомец.

Руки Адамса задрожали, рассыпая табак. Он с трудом набил трубку и был рад, что в темноте незнакомец не мог этого заметить.

— Саттон скоро вернется,— сказал тот.

Адамс покачал головой.

— Сомневаюсь. Прошло уже двадцать лет...

— Но вы его до сих пор не уволили!

— Да,— ответил Адамс.— Его фамилия еще значится в платежной ведомости, если вы это имеете в виду.

— А почему, если не секрет? Почему вы его не уволили?

Адамс приминал пальцем табак в трубке и думал, что ответить.

— Трудно сказать. Скорее всего, из сентиментальных соображений. И еще потому, что я в него верю. Только веры почти уже не осталось.

— Ровно через пять дней,— заявил гость,— Саттон вернется.— Он немного помолчал и добавил: — Ранним утром.

— Простите, но это из области невозможного!

— Это зарегистрированный факт.

— Ну знаете,— хмыкнул Адамс,— как можно зарегистрировать то, что еще не произошло?

— В мое время этим никого не удивишь.

Адамс чуть не вскочил на ноги, но сдержался.

— Как вы сказали? В ваше время?

— Да,— без тени смущения ответил незнакомец.— Видите ли, мистер Адамс, дело в том, что я — ваш преемник.

— Послушайте, молодой человек!

— Да никакой я не «молодой человек»! Я вдвое старше вас, представьте себе.

— Что за чушь! У меня нет никаких преемников. И разговора о преемниках сроду не было. И вообще я собираюсь прожить еще лет сто. А то и больше.

— Да,— кивнул незнакомец.— Именно так. Лет сто, а то и больше. Гораздо больше.

Адамс устроился поудобнее, поднес трубку ко рту и зажег спичку плохо слушающейся рукой.

— Ну хорошо, допустим,— сказал он с напускной непринужденностью.— Итак, вы утверждаете, что вы — мой преемник, иначе говоря, вы занимаетесь моими делами после того, как я либо уволился, либо умер. Из этого следует, что вы не иначе как прибыли из будущего. Я, конечно, не верю ни единому вашему слову, но просто так, ради интереса...

— На днях в новостях мелькнуло сообщение,— прервал его незнакомец,— о человеке по фамилии Майклсон, который побывал в будущем.

Адамс фыркнул:

— Читал я эту чушь. Одну секунду он там якобы побывал. А как это, интересно знать, человек может осознать, что он проник в глубь времени на одну секунду? Объясните мне, старому дураку, как это можно понять, измерить, в конце концов? И главное, что от этого меняется?

— Ничего,— согласился незнакомец.— В первый раз — ничего. Но в следующий раз он отправится в будущее уже на пять секунд. На пять секунд, мистер Адамс. А за пять секунд часы протикают пять раз, за пять секунд можно успеть вдохнуть и выдохнуть. Вот и все. Но это — отправная точка. Точка отсчета всего на свете.

— Например, путешествий во времени?

Незнакомец кивнул.

— Я в это не верю,— отрезал Адамс.

— Именно этого я и опасался.

— За последние пять тысяч лет,— продолжал Адамс, попыхивая трубкой,— мы освоили Галактику...

— «Освоили» — не совсем верное слово, если позволите...

— Ну ладно. Захватили, завоевали. Как вам больше нравится. И обнаружили массу удивительных вещей. Гораздо более удивительных, чем могли предполагать. Но никаких путешествий во времени, заметьте! — Он указал на звезды.— Во всей Вселенной еще никто не путешествовал во времени. Никто!

— А теперь это произошло,— возразил незнакомец.— Произошло две недели назад, когда Майклсон вошел в глубь времени всего на секунду. Это начало. Важно начать.

— Ну хорошо, хорошо,— согласился Адамс.— Предположим, что так оно и есть. Что вы действительно человек, который лет так через сто займет мое место. Допустим, вы на самом деле из будущего. Но для чего, скажите ради всего святого, для чего вы прибыли сюда?

— Для того, чтобы предупредить вас о возвращении Саттона.

Адамс пожал плечами.

— Да я и сам бы узнал в свое время. Зачем меня предупреждать? Вернется так вернется, и слава богу.

— Когда Саттон вернется,— холодно ответил незнакомец,— он должен быть убит.

Глава 2

Небольшой, изрядно потрепанный звездолет медленно и плавно, как перышко, опускался на поле, озаренное первыми лучами солнца.

В кресле пилота сидел бородатый мужчина в одежде, потрепанной не меньше, чем корабль. Чудовищное напряжение чувствовалось в его позе.

Непривычно, вертелось в голове. Жутко тяжело и непривычно управлять такой махиной, следить за расстоянием и скоростью... Заставлять тонны металла мягко опускаться, сопротивляясь чудовищной силе притяжения... Намного труднее, чем оторваться от поверхности. Тогда просто не было другой мысли, кроме той, что эта махина не имеет права не подняться, не взлететь...

Сильнейшая вибрация сотрясла корабль. Казалось, он вот-вот развалится на части. Неимоверным усилием воли человек превозмог вибрацию. Корабль продолжал плавный спуск. Теперь до поверхности поля оставалось всего несколько футов.

Уверенно, почти беззвучно корабль коснулся земли.

Еще несколько минут человек сидел в кресле не шелохнувшись, напряженно, затем окаменевшие мышцы одна за другой начали расслабляться.

Устал, думал человек. Труднее работы у меня, пожалуй, в жизни не было. Еще бы пару миль, и я бы не выдержал и разбил корабль...

Вдали, на краю поля, возвышались какие-то постройки. От них отделилась черная точка — автомобиль.

...Сквозь трещины в кабину проникал ветерок. Он щекотал лицо, напоминал, торопил...

Дышать! — сказал себе человек. Когда они подъедут, ты должен дышать. Дышать должен, потом должен выйти и улыбнуться. Они не заметят. Ничего не заметят. По крайней мере в первые минуты. Их отвлекут борода и драная одежда. Они будут тебя разглядывать и кое-какие мелочи пропустят. А дышать надо обязательно. Если не будешь дышать — заметят непременно.

Он старательно сделал глоток воздуха, почувствовал, как струя хлынула в горло, обожгла легкие...

Вдох, еще один — наконец воздух обрел запах и суть, вызвал непривычное возбуждение. Но вот неприятные ощущения исчезли, хотя не полностью, избавиться от них оказалось далеко не просто.

Сила воли... Сила воли и сила разума. Вот силы, которые ни один человек не умеет использовать до конца. Сила, способная отдавать телу приказы, и сила, способная завести механизмы, бездействовавшие столько лет...

Вдох, еще вдох. Сердце бьется все ровнее, все увереннее. Желудок. Не бойся, желудок. Печень, теперь твоя очередь, старушка! Сердце, давай в том же духе. Отлично!

Это же не старость, не усталость. Это ни с чем не сравнишь. О тебе позаботились — твой внешний облик сохранен, в любой момент ты можешь подняться по тревоге и включиться.

Но включение оказалось подобно шоку. Инстинктивно он чувствовал: так и будет — и боялся этого момента. Новая жизнь, забытый обмен веществ вызвали почти агонию, шквал в организме...

Теперь нужно заняться приведением в порядок цвета кожи. Вид ее ужасен — трупная синева с радужными разводами. Колоссальная концентрация энергии — и вот игра красок прекратилась. Осталась устойчивая голубизна. Худшее позади...

Руки с такой силой сжали рычаги управления, что суставы металлически хрустнули. Тело покрылось испариной, снова навалилась слабость...

Но нервы успокаивались, кровь пульсировала, и человек понял, что дышит, уже не задумываясь об этом.

Еще минуту он просто сидел расслабившись. Ветерок гулял по кабине, ласково касаясь щек. Автомобиль был уже совсем близко.

— Джонни...— прошептал человек,— мы дома. Мы добрались. Это мой дом, Джонни. То самое место, о котором я столько тебе рассказывал...

Никто не ответил ему. Только где-то в глубине сознания возникло неописуемое чувство радости, знакомое разве что восьмилетнему мальчишке, который набегался за день и вечером забрался под теплое одеяло.

— Джонни! — крикнул человек. И вновь ощутил брожение радости, в этот миг напомнившее ему удовольствие, что испытываешь, когда сидишь в кресле, уронив руку, и в нее тычется прохладный нос любимой собаки...

...Кто-то барабанил по обшивке корабля.

— Ну ладно,— сказал Эшер Саттон.— Я иду. Все будет в порядке.

Он наклонился, вытащил из-под кресла портфель. Подойдя к выходу, щелкнул замком. Люк открылся, и он сошел на землю.

Там его ждал только один-единственный встречавший.

— Привет,— улыбнулся Эшер Саттон.

— Добро пожаловать на Землю, сэр,— сказал человек, и струны памяти дрогнули от сочетаний звуков в слове «сэр». Саттон остановил взгляд на лбу встречавшего и разглядел неяркую татуировку — серийный номер.

Надо же, он начисто забыл о существовании андроидов! Наверное, вообще о многом забыл. Забыл тысячи привычных мелочей. Они выветрились из памяти за двадцать лет.

Он заметил, что андроид с любопытством разглядывает его. Взор того задержался на разодранной коленке, потом скользнул к босым ногам.

— Там, где я был,— резко сказал Саттон,— я не имел возможности каждый день покупать новые костюмы.

— Конечно, сэр,— ответил андроид.

— А борода,— продолжал Саттон,— потому, что бриться было нечем.

— Ну что вы, сэр, я видел бородатых и раньше,— смущенно воскликнул андроид.

Саттон стоял не двигаясь и смотрел на раскинувшийся перед ним мир: на устремленные в небо верхушки башен, сверка-

ющие в лучах рассветного солнца, на зелень парков и лугов, на голубые и алые вспышки цветов на склонах холмов.

Он глубоко вздохнул, чувствуя, как воздух живительной струей наполняет самые дальние уголки легких, которые так соскучились по нему...

Откуда-то из глубины памяти всплыли и нахлынули воспоминания. О жизни на Земле, о первых лучах Солнца, о пожарах закатов, о ярко-синем небе, о росе на траве, о быстром течении человеческой речи, о радостных звуках музыки, о дружелюбии птиц и белок, о покое и счастье...

— Машина ждет,— прервал воспоминания голос андроида.— Я отвезу вас к патрону.

— Я бы предпочел прогуляться,— ответил Саттон.

Андроид покачал головой.

— Он ждет, сэр, и просил поторопиться.

— Ну, если так, то, конечно, поехали.

Сиденье было мягкое, и Саттон почти утонул в нем, не выпуская из рук портфеля.

Машина мчалась вперед, а он смотрел вокруг, очарованный зеленью.

— Зеленые поля Земли...— тихо пробормотал он.— Или там было «зеленые долы»? Ладно, не так уж важно. Эта песня написана давным-давно, когда на Земле еще были поля, а не стриженые газоны, когда человек обрабатывал землю из куда более практических соображений, чем разбивка цветников... Это было давно, тысячу лет назад, когда человек только начинал ощущать, как Вселенная стучится в его душу. Задолго до того, как Земля стала столицей и административным центром Галактической империи.

Вдали, у самой линии горизонта, пошел на взлет громадный лайнер. Он отдал Земле прощальный поклон и скоро превратился в крошечную серебристую точку в синеве небес. Еще через мгновение точка вспыхнула червонным золотом в лучах солнца, и ее поглотила кружевная дымка небес.

Взгляд Саттон вновь вернулся к земле. И он как будто растворился в ее красоте, словно, пережив долгую зиму, впервые окунулся в настоящее ласковое тепло весны...

Вдали, на севере, возвышались башни-близнецы Департамента Инопланетных Связей. На востоке сверкала громада из стекла и пластика — Североамериканский университет. Другие здания... Другие он забыл, не помнил их назначения. Уже не помнил.

Небоскребы располагались на довольно значительном расстоянии друг от друга, между ними раскинулись парки, а жилые дома скрывались за деревьями и зелеными изгородями.

Машина въехала на стоянку у административного здания космопорта.

— Прошу вас, сэр,— сказал андроид, открывая дверь.

В приемной было занято несколько кресел; в ожидании приема большей частью сидели люди.

Что люди, что андроиды, подумал Саттон. Ни за что не отличишь, пока на лоб не посмотришь.

Метка на лбу — штамп производителя — предупреждающее клеймо: «Это не человек, хотя очень похож».

Вот кто меня выслушает. Вот те, кому будет не все равно, кто поможет мне, если люди отвернутся. Потому что быть андроидом хуже, чем быть человеком. Их родила не мать, а лаборатория. Их мать — смесь химических веществ. А отец — высшая ступень развития технологической мысли.

Андроид — искусственный человек. Человек, созданный в лаборатории на основании глубочайших человеческих знаний о собственной химической, атомной и молекулярной структуре и том таинственном понятии, что именуется жизнью.

Настоящие люди, но с двумя исключениями — метка на лбу и неспособность к биологическому размножению. Искусственные люди, созданные в помощь настоящим, несущие на своих плечах тяжкий груз забот Галактической Империи, помогающие тонкой прослойке человечества стать немного шире. При всем том им отведены определенные рамки, за которые выходить не полагалось.

Коридор был пуст. Саттон, шаркая босыми ногами, шел следом за андроидом.

Они остановились перед дверью с табличкой:

ТОМАС Г. ДЭВИС
(человек)
Начальник оперативной службы

— Входите,— пригласил андроид.

Саттон вошел в кабинет. Человек, сидевший за письменным столом, вздрогнул.

— Я человек,— сказал ему Саттон.— Может, странно выгляжу, но я человек.

Дэвис указал на стул.

— Присаживайтесь,— с вежливой улыбкой произнес он.

Саттон сел.

— Почему вы не отвечали на наши сигналы? — спросил Дэвис.

— У меня сломался передатчик,— ответил Саттон.

— На вашем корабле нет названия.

— Название смыли дожди. А краски у меня не было.

— Дождь не может смыть краску.

— Ну, это на Земле. Там, где я был, это вполне возможно.

— А ваши двигатели? — поинтересовался Дэвис.— Мы их не запеленговали.

— Они не работали,— ответил Саттон.

— Не работали? Интересно. А как же вы управляли кораблем?

— С помощью энергии,— скрывая раздражение, ответил Саттон.

— С помощью энергии...— повторил Дэвис, сглотнув слюну, и замолчал. Ответы его явно не устроили.

Саттон смерил Дэвиса ледяным взглядом.

— Есть еще вопросы?

Дэвис повертел в пальцах карандаш.

— Самые обычные, если не возражаете.— Дэвис выложил на стол несколько бланков.— Имя?

— Эшер Саттон.

— Способ передвижения... Стоп! Подождите, как вы сказали? Эшер Саттон?

Дэвис сунул карандаш в стаканчик и отодвинул его.

— Именно так,— подтвердил Саттон.

— Почему же вы сразу не сказали?

— Потому что вы не спрашивали.

Дэвис был как будто взволнован.

— Если бы я знал...— пробормотал он.

— Может быть, дело в бороде? — спросил Саттон.

— Да нет! Отец часто рассказывал о вас. Джим Дэвис. Вы его случайно не помните?

Саттон покачал головой.

— Он был большим другом вашего отца. Ну, то есть... вернее сказать, они были знакомы.

— Очень рад. Ну и как поживает мой отец?

— О, отлично! — с энтузиазмом ответил Дэвис.— Постарел, правда, но держится молодцом.

— Мой отец, так же как и моя мать,— стиснув кулаки, произнес Саттон,— погиб пятьдесят лет назад во время пандемии на Аргусе.

Он поднялся и, глядя на Дэвиса в упор, добавил:

— Если вопросов больше нет, я предпочел бы отправиться в гостиницу. Надеюсь, там найдется номер для меня.

— Ну конечно, мистер Саттон, безусловно. Вам надо отдохнуть,— засуетился Дэвис.— Где бы вы хотели остановиться?

— В «Орионе», как обычно.

Дэвис выдвинул ящик, вытащил справочник, полистал его, провел пальцем по странице сверху вниз.

— Код для телепортации — «Черри 26—3489». Кабина рядом.

— Благодарю вас,— ответил Саттон.

— Что касается вашего отца, мистер Саттон...

— Я все прекрасно понял. Можете не извиняться.

Саттон вышел из кабинета и направился к телепортационной кабине. Но прежде чем закрыть за собой дверь, он резко оглянулся.

Дэвис уже с кем-то возбужденно разговаривал по видеофону.

Глава 3

Гостиница «Пояс Ориона» за двадцать лет не изменилась. На взгляд Саттона, все выглядело как в тот день, когда он покинул Землю. Немного обшарпанный, постаревший дом, где по-прежнему царила атмосфера существования на цыпочках, с пальцем, прижатым к губам, подчеркнутая предупредительность, тихий шорох приглушенной жизни... Все это он помнил и тосковал об этом в долгие годы отчуждения и одиночества.

Живая картина на стене холла была все та же. Неизменный сатир и через двадцать лет продолжал догонять все ту же пере-

пуганную нимфу. И все тот же заяц выпрыгивал из-за куста и с привычной скукой наблюдал за погоней, меланхолично пожевывая неизменный пучок клевера.

Мебель, принимавшая формы тела, вышла из моды еще тогда, двадцать лет назад, но все еще стояла на своих местах, правда, ее перекрасили в мягкие пастельные тона.

Пористое покрытие на полу пружинило чуть меньше, а цефейский кактус, видимо, приказал долго жить: на его месте красовалась начисто лишенная экзотики земная герань.

Из кабины видеофона вышел служащий.

— Доброе утро, мистер Саттон,— сказал он хорошо поставленным голосом андроида. Потом добавил: — А мы все ждали, когда же вы вернетесь.

— Двадцать лет? — удивился Саттон.— Долгонько вам пришлось ждать.

Андроид невозмутимо продолжал:

— Мы сохранили ваш костюм. Знали, что он вам понадобится. Все чистое и выглаженное.

— Очень любезно с вашей стороны, Фердинанд.

— А вы почти не изменились,— сказал Фердинанд.— Только бороду отпустили. Но я-то вас сразу узнал.

— Борода и одежда,— уточнил Саттон.— Одежда в жутком состоянии, сами видите.

— Ну что вы, не так уж...— с вежливой улыбкой ответил Фердинанд.— У вас есть багаж, мистер Саттон?

— Нет.

— Тогда, может быть, желаете позавтракать?

Саттон смутился, внезапно ощутив, что действительно голоден. Мгновение он соображал, как пища может подействовать на отвыкший от нее желудок.

— Желаете посмотреть меню?

Саттон покачал головой.

— Да нет, не нужно. Я лучше пока приму душ и побреюсь. А завтрак потом пришлите в номер. Все равно что. И одежду.

— Может быть, омлет? Вы раньше всегда заказывали омлет на завтрак.

— С удовольствием,— ответил Саттон, отошел от стойки и усталой походкой направился к лифту.

Он уже собирался закрыть дверь, когда услышал:

— Подождите, пожалуйста!

Он обернулся. Через холл бежала стройная рыжеволосая девушка. Она скользнула в кабину лифта и прижалась к стенке спиной.

— Огромное спасибо, что подождали,— переведя дыхание, сказала она.

Кожа у нее была белая, как цветок магнолии, а глаза глубокого серого цвета. Как гранит, подумал Саттон.

— Мне было приятно подождать вас,— сказал он и мягко закрыл дверь кабины.

Девушка смерила его любопытным взглядом, и губы ее дрогнули в улыбке. Саттон улыбнулся в ответ.

— Знаете, терпеть не могу обувь. Жутко трет,— простодушно признался он и нажал кнопку.

Лифт тронулся, мелькая огоньками этажей.

— Я приехал,— сказал Саттон, когда кабина остановилась.— Всего доброго.

— Мистер!

— Да, в чем дело?

— Я не собиралась над вами смеяться! Честное-пречестное слово, даже и не думала!

— А я и не обиделся. Почему бы вам не посмеяться! — с улыбкой ответил Саттон и закрыл дверь.

Минуту он постоял у лифта, пытаясь побороть охватившее его волнение.

Спокойно, сказал он себе. Полегче, парень. Как минимум ты дома. Вот место, о котором ты мечтал. Десятка три шагов — и все. Подойдешь, повернешь ручку, толкнешь дверь, а там все будет точно так, как ты запомнил. Любимое кресло, живые картины на стенах, маленький фонтан с венерианскими русалками и окна, из которых видна Земля... Но никаких эмоций. Раскисать нельзя. Потому что тот тип в космопорту врал. И в гостиницах по двадцать лет номера не держат.

Что-то тут не так. Непонятно пока, что именно, но что-то катастрофически не так...

Он сделал шаг, потом еще один... Шел медленно, борясь с волнением, часто сглатывая слюну...

На одной из картин, вспоминал он на ходу, был лесной ручей, деревья на берегу и птицы, перелетавшие с ветки на ветку. В самые неожиданные моменты какая-то из птиц начинала петь. Чаще всего — на рассвете или на закате. Вода в

ручье заливалась радостной песенкой, и слушать ее, утонув в глубоком кресле, можно было бесконечно.

Он вдруг понял, что бежит, но даже не попытался остановиться.

Пальцы сжали ручку, повернули ее... Вот она, его комната: любимое кресло, бормотание ручейка, плеск русалочьих хвостов.

Опасность он почувствовал сразу, еще не успев переступить порог. Хотел бежать, но было поздно. Ноги подкосились, он упал.

— Джонни! — захлебнулся он собственным криком.

Перед тем как погрузиться в темноту, Саттон успел услышать еле различимый шепот:

— Все нормально, Эш. Мы в ловушке.

Глава 4

Когда Саттон очнулся, то сразу понял, что в комнате кто-то есть; не открывая глаз, он продолжал дышать ровно, спокойно, как будто еще спал.

Итак, в комнате кто-то был. Сейчас он стоит у окна, теперь перешел к камину. Остановился. Наверное, разглядывает картину. Было так тихо, что Саттон сквозь плеск воды в фонтане слышал смеющееся журчание ручья и тихое пение птиц на ветвях деревьев, и ему даже показалось, что он отчетливо чувствует запахи хвои, листвы и мха, покрывавшего берега ручья.

Неизвестный сделал еще несколько шагов и сел в кресло, насвистывая какую-то незнакомую легкомысленную песенку.

Значит, меня обыскали, подумал Саттон. Сначала одурманили каким-то быстродействующим газом, а потом обыскали и обследовали. Господи, что же они со мной делали? Все как в тумане. Он с трудом вспоминал... Мелькали огоньки приборов, на голове — датчики... Я мог бы сопротивляться, но понимал, что это бесполезно. И потом, мне нечего было скрывать от них. Что выкопали, то выкопали, и черт с ними. Тем лучше. До главного им все равно не добраться. И он мысленно ободряюще похлопал себя по плечу.

Теперь они ушли. Узнали, что хотели, и ушли, оставив кого-то приглядывать за мной. И этот кто-то сейчас здесь.

Саттон пошевелился и открыл глаза, делая вид, что он только что очнулся.

Неизвестный встал и подошел к нему. Саттон увидел на нем белый халат.

— Ну, пришли в себя? — спросил доктор, наклонившись над кроватью.

Саттон вяло поднял руку и рассеянно провел ею по лицу.

— Да, пожалуй, да...

— Вы потеряли сознание,— сказал доктор.— Видимо, очень устали.

— Да,— отозвался Саттон.— Чертовски устал.

Продолжай! — думал он. Давай спрашивай еще. Тебя же проинструктировали. Лови меня на слове, пока я слаб и беспомощен. Качай из меня информацию, как воду из колодца. Ну давай, спрашивай, зарабатывай свои вонючие деньги!

Но он ошибся.

Врач выпрямился.

— Надеюсь, вам скоро станет лучше,— сказал он.— Но если почувствуете себя неважно, позвоните. Я оставил на камине визитную карточку.

— Благодарю вас, доктор,— ответил Саттон.

Он проводил врача взглядом, дождался, пока закрылась дверь, и рывком сел. Быстро осмотрел номер. Одежда валялась кучей посреди комнаты. Портфель? Лежит на стуле. Обыскан, без сомнения. Содержимое, конечно, сфотокопировано. Всю комнату, конечно же, пронизывают насквозь лучи-шпионы. Уши слушают, глаза глядят.

Но кто? Кто, черт возьми? — спрашивал он себя. Ведь о его возвращении не знала ни одна живая душа. Никто не мог даже догадываться. Даже Адамс. Об этом просто невозможно было узнать. Как же они узнали?

Странно... Странно, Дэвис в космопорту прекрасно знал его имя, а потом начал врать и изворачиваться, чтобы скрыть это.

Странно и то, что Фердинанд солгал,— они, видите ли, двадцать лет берегли его старый костюм. Чушь какая! Но еще более странно, что Фердинанд, обернувшись, заговорил с ним так, как будто он отсутствовал не двадцать лет, а каких-нибудь пару дней, не больше.

Все было организовано, думал Саттон. Отработано до мельчайших деталей. Механизм, точный, как хронометр, был заведен на момент моего появления. Но кто мог меня ждать? Еще раз, с самого начала: никто не знал, что я вернусь. Что я вообще вернусь. Даже если, допустим, кто-то и знал, для чего было затевать всю эту суету?

Откуда им знать, думал он, что у меня с собой. Даже если бы знали, что я возвращаюсь, и то это было бы в миллион раз вероятнее, чем если бы знали, почему именно я возвращаюсь. А если бы узнали — не поверили... Конечно, если бы они осмотрели корабль, вот там-то им было бы чему удивиться. Тогда то, что происходит, еще можно хоть как-то объяснить. Но у них не было времени осмотреть его. Нет, им нужен был именно я, я сам, и они начали меня обрабатывать с первой же секунды после приземления.

Дэвис отправил меня в телепортационную кабину, а сам, как сумасшедший, стал кому-то названивать. Фердинанд знал, что я приду. Знал, что, обернувшись, увидит именно меня. Ну а девушка — та, рыжеволосая? Тоже из этой компании?

Саттон встал, потянулся.

Значит, так, сказал он себе, сначала под душ и бриться. Потом одеться и позавтракать. Потом сделать пару звонков по видеофону. Нельзя вести себя так, как будто все кончено, уговаривал он себя. Вести себя надо так, как будто ничего не произошло. Выше нос. Поговори сам с собой. Это помогает. Ну в зеркало погляди. На кого ты похож? Душераздирающее зрелище. Давай-давай, в порядок себя приводи. И вообще, чувствуй себя как дома. Но будь внимателен, понял? За тобой следят.

Глава 5

Саттон заканчивал завтрак, когда в дверь постучали и вошел тихий, застенчивый андроид.

— Меня зовут Геркаймер,— представился он.— Я принадлежу мистеру Джеффри Бентону.

— Вас мистер Бентон послал?

— Да, сэр. Он прислал вам вызов.

— Вызов?!

— Да, сэр. Вызов на дуэль.

— Но... у меня нет никакого оружия,— ответил Саттон первое, что пришло в голову.

— Не может быть,— удивленно сказал Геркаймер.

— Да я ни разу в жизни не дрался на дуэли,— ответил вконец обескураженный Саттон.— Да и сейчас, признаться, особого желания не испытываю.

— Простите, сэр, но у вас нет выбора.

— Что значит «нет выбора»? Выходит, я должен отправиться к вашему хозяину безоружным, так, что ли?

— Но вы не должны быть безоружным, сэр. Вы разве не знаете? Пару лет назад вышел новый закон. Теперь ни один мужчина моложе ста лет не должен ходить без оружия.

— Ну а если у меня его нет, тогда как?

— Тогда,— с искренним сожалением в голосе ответил Геркаймер,— всякий, кто захочет, может пристрелить вас, сэр, извините, как котенка.

— И вы совершенно уверены в том, что говорите?

Геркаймер полез в карман и вытащил небольшую книжечку. Послюнявил палец и перелистал страницы.

— Вот, прочитайте!

— Да нет, не нужно. Верю вам на слово.

— Значит, вы принимаете вызов? — обрадованно спросил Геркаймер.

Саттон печально улыбнулся.

— А куда деваться? Надеюсь, мистер Бентон подождет, пока я куплю себе пистолет?

— Не беспокойтесь! — радостно засуетился Геркаймер.— Пистолет я вам принес. Мистер Бентон прислал. На всякий случай. Этикет, понимаете. Вдруг у кого оружия нет при себе.

Он полез в другой карман и вытащил пистолет. Саттон взял его и положил на стол.

— Довольно дурацкая штуковина,— сказал он, разглядывая оружие.

Геркаймер слегка смутился.

— Стандартный,— сказал он.— Самый лучший. Сорок пятого калибра. Пристрелян на пятьдесят футов.

— Вот тут потянуть? — ткнул пальцем Саттон.

Геркаймер кивнул:

— Это пусковой крючок, сэр. Только его не тянут, как вы сказали, а нажимают.

— Послушайте, если не секрет, а почему мистер Бентон меня вызывает? Чем я ему не угодил, ведь я его ни разу в жизни не видел?

— Зато вы очень знамениты, сэр!

— Ну, это сомнительно...

— Нет-нет, что вы! Вас все знают. Вы — космонавт-исследователь, вернулись на Землю из долгой экспедиции. Еще у вас с собой загадочный портфель. А внизу, сэр, вас ожидают репортеры.

— Ага, я, кажется, начинаю понимать: ваш мистер Бентон предпочитает приканчивать знаменитостей.

— Да, это его больше устраивает. Шумиха, разговоры...

— Но я не знаком с вашим мистером Бентоном! Должен же я, черт подери, хотя бы знать, с кем я, в конце концов, стреляюсь.

— Я вам покажу его,— сказал Геркаймер дрожащим от испуга голосом.— Вот... сейчас... вы его увидите.

Он подошел к видеофону, набрал на панели номер и отошел в сторону.

— Вот он, сэр!

На экране возник мужчина, сидевший в позе глубокой задумчивости за шахматным столиком. Партия была разыграна наполовину. С противоположной стороны столика разместился довольно симпатичный робот. Мужчина взял слона, повертел его, сделал ход. Робот заворчал, защелкал и пошел пешкой. Бентон ссутулился, склонился над доской, поскреб затылок волосатой пятерней.

— Оскар огорчил его,— хихикнул Геркаймер.— Всегда так. Все время огорчает мистера Бентона. Бедняга, ни одной партии не выиграл за десять лет!

— Зачем же он играет?

— Упрямый,— ответил Геркаймер.— И Оскар упрямый. Хотя... машины и должны быть упрямее людей. Так устроены.

— Следовательно, ваш хозяин заранее знал, что Оскар всегда будет выигрывать. Человек просто не способен обыграть робота-профессионала!

— Знать-то он знал, да не поверил. Сам хотел убедиться.

— Самовлюбленный маньяк! — процедил Саттон.

Геркаймер внимательно посмотрел на него.

— Пожалуй, вы правы, сэр,— сказал он осторожно.— Признаться честно, я и сам иногда так думаю.

Саттон снова взглянул на Бентона. Тот продолжал сидеть, склонившись над доской, подперев кулаком массивный подбородок. Обрюзгшее лицо его было покрыто тонкой сетью расширенных кровеносных сосудов, взгляд был тупой, почти бессмысленный.

— Ну, сэр, будем считать, познакомились? — спросил Геркаймер.

Саттон кивнул:

— Да, пожалуй, при встрече я его узнаю. Честно говоря, он не кажется мне таким уж страшным.

— Он убил уже шестнадцать человек,— холодно сказал Геркаймер.— Дал обет двадцать пять убить, тогда успокоиться.

Посмотрев Саттону прямо в глаза, он добавил тихо:

— Вы семнадцатый.

— Постараюсь облегчить его задачу,— обреченно ответил Саттон.

— Как вы предпочитаете драться, сэр? Я имею в виду — официально или нет?

— Знаете что? Меня бы устроило что-то вроде кетча.

Геркаймер был явно недоволен.

— Но... существуют определенные правила...

— Можете передать мистеру Бентону, что засаду я устраивать не собираюсь.

Геркаймер повертел в руках кепку, надел ее.

— Желаю удачи, сэр,— сказал он.

— Ну спасибо, Геркаймер,— с усмешкой ответил Саттон.

Когда за андроидом закрылась дверь, Саттон еще раз взглянул на экран. Бентон сделал рокировку. Оскар защелкал, замигал, передвинул слона на две клетки и объявил шах королю Бентона.

Саттон выключил видеофон.

Потирая ладонью гладко выбритый подбородок, он размышлял: совпадение или нет? Пока трудно понять...

Одна из русалок забралась на бордюр фонтана и, балансируя трехдюймовым тельцем, что-то просвистела. Саттон оглянулся.

Русалка нырнула и стала плавать кругами, подмигивая весьма недвусмысленно. Пожав плечами, Саттон дотянулся до панели видеофона, вытащил справочник, быстро перелистал страницы...

ИНФОРМАЦИЯ
(для землян)

И подзаголовки:

Питание
Культура
Ритуалы

Ага, вот это то, что надо. Ритуалы. Он отыскал слово «дуэль», набрал номер. Переключил рычажок на прямую связь. На экране возникла бесстрастная физиономия робота.

— К вашим услугам, сэр,— произнес робот.

— Видишь ли, тут такое дело... Меня вызвали на дуэль.

Робот ожидал вопроса.

— А я не хочу драться,— сказал Саттон.— Нет ли какого-нибудь хитрого юридического хода, чтобы отказаться поизящнее? Можно что-нибудь придумать?

— Нельзя,— отрезал робот.

— Что, прямо-таки никак нельзя?

— Вы моложе ста лет? — спросил робот.

— Да.

— Вы здоровы и в трезвом уме?

— Ну... думаю, что да.

— Точнее. Да или нет?

— Да.

— Не принадлежите ли вы к какой-нибудь религиозной секте, где убийство запрещено?

— Вообще-то я всю жизнь считал себя христианином. А в христианстве есть заповедь «Не убий».

Робот покачал головой:

— Это не считается.

— Но сказано же четко и ясно,— заспорил Саттон.— «Не убий!»

— Сказано-то оно сказано,— ответил робот,— но заповедь дискредитирована. Вами же, людьми, между прочим. Вы, по существу, никогда ее и не исполняли. То есть вы вольны как исполнять ее, так и, наоборот, разрушать. Это та вещь, которую вы забываете на вдохе, а на выдохе вспоминаете, образно говоря.

— Тогда я, пожалуй, пропал,— произнес Саттон.

— В соответствии с пересмотром от 7990 года,— продолжал робот официальным тоном,— принят закон, что всякий мужчина моложе ста лет, здоровый умственно и физически и свободный от религиозных установок (если таковые имеются, он должен обратиться в апелляционную комиссию), получив вызов, обязан драться на дуэли.

— Понятно,— обреченно проговорил Саттон.

— История дуэлей,— продолжал робот более оживленно,— весьма интересна и увлекательна.

— Что может быть увлекательного? Варварство одно,— пробурчал Саттон.

— Возможно.— В голосе робота появились менторские нотки.— Но людям оно свойственно до сих пор и не только в этом аспекте.

— А ты, однако, наглец! — отметил Саттон.

— А надоело мне все,— признался робот.— Чертовски устал я от вашего человеческого самодовольства. Вот вы говорите, что отменили войны, а что на деле? Вы просто все устроили так, что другие не осмеливаются напасть на вас. Говорите, что покончили с преступностью. Покончили, конечно. С чьей угодно, только не с собственной. Причем, честно признаться, та преступность, с которой покончено, по человеческим-то меркам и не преступность вовсе. Так, детские шалости.

— Послушай, дружище,— доверительно сказал Саттон.— А ты не рискуешь, произнося подобные речи?

— А вы можете выключить меня, когда надоест,— ответил робот.— Моя жизнь немного стоит, так же как и моя работа.— Поймав взгляд Саттона, он заторопился: — Постараюсь объяснить, сэр, а вы послушайте... На протяжении всей своей истории человек был убийцей. С самого начала своего существования он был хитер и жесток, хотя слаб и уязвим, вот он и научился пользоваться дубинкой и камнями. Вначале были твари, которых он не умел убивать. Убивать могли они. Но человек был хитер, дубинкой и каменным топором он стал убивать мамонтов и саблезубых тигров, которых голыми руками не возьмешь. Так он обрел власть над животными и истребил всех, кроме тех, которым милостиво позволил служить себе. Но уже тогда, когда он дрался с животными, он дрался и с себе подобными. Животные были побеждены, но продолжались другие битвы: человека с человеком, народа с народом

— Все это в прошлом,— возразил Саттон.— Уже более тысячи лет назад войны прекратились. Теперь людям нет нужды убивать.

— Вот в этом-то и загвоздка,— сказал робот.— Действительно, теперь как будто нет нужды ни сражаться, ни убивать. О, ну разве только в исключительных случаях, где-нибудь на далеких планетах, где иной раз приходится кого-нибудь прикончить из соображений самозащиты или, как у вас говорится, для поддержания торжества власти человечества. Но по большому счету необходимость в убийстве действительно отпала. И все же вы убиваете. Вы без этого просто не можете! Древняя жестокость сидит в вас. Вы упиваетесь властью, а убийство — одно из проявлений власти. У вас это в крови. Вы вынесли это из пещер. Теперь вам осталось одно: убивать друг друга, чем вы и занимаетесь, сочинив для этого красивое название — «дуэль». В общем-то, вы понимаете, что это нехорошо, но вы — лицемеры и поэтому разработали целую систему понятий, чтобы вся эта мерзость выглядела прилично, даже благородно. Вы называете это ритуалом, рыцарством или, по крайней мере, стараетесь думать, что это так. Вы одеваете убийство в блестящие одежды вашего порочного прошлого, укутываете его в пелену красивых слов, но слова — чушь. Король-то голый!

— Послушай,— прервал его Саттон,— я же как раз не хочу драться на этой проклятой дуэли! Я так сразу и сказал!

В голосе робота прозвучала радость мщения:

— Придется! Деваться-то некуда. Но могу кое-что подсказать, если желаете. Я знаю уйму всяческих хитрых способов...

— Постой, это как же? Мне показалось, что ты как раз против дуэлей.

— Ну, против,— согласился робот.— Но это моя работа. Я к ней привык. Стараюсь работать получше, а про себя думаю другое, вот, с вами по душам поговорил. А сколько я всего знаю, сэр... Могу рассказать вам о любом человеке, когда-либо дравшемся на дуэли. Могу часами разглагольствовать о преимуществах пистолетов перед рапирами. Но если надо будет — начну превозносить рапиры... Могу поведать вам о вольных стрелках Дикого Запада, о чикагских гангстерах, о ямайских пиратах, о...

— Спасибо, не нужно,— отказался Саттон.

— Неужели не интересно?

— Интересно, но у меня мало времени,— ответил Саттон и протянул руку к панели видеофона.

— Но, сэр,— взмолился робот.— У меня так редко бывает возможность! Так мало запросов. Всего лишь часок-другой, а? Может, все-таки послушаете?

— Нет,— твердо отказался Саттон.

— Ну, нет так нет. Скажите хотя бы, кто вас вызывает?

— Бентон. Джеффри Бентон.

Робот присвистнул.

— Что, плохо дело?

— Не то слово, сэр,— ответил робот.

Саттон выключил видеофон.

Он откинулся в кресле, разглядывая лежавший на столе пистолет. Потом протянул руку и взял его. Рукоятка удобно легла в ладонь. Саттон поднял пистолет и прицелился в дверную ручку. Удобная штука! Почти часть тела. Внутри нее чувствовалась власть. Власть и господство. Он как будто сразу стал сильнее. Сильнее и опаснее. Он огорченно вздохнул и положил пистолет на место.

А робот-то был прав, мелькнуло в голове.

Он встал, подошел к видеофону и набрал номер. На экране возник Фердинанд.

— Меня кто-нибудь ждет внизу, Фердинанд?

— Никого нет,— ответил тот.

— Кто-нибудь спрашивал?

— Никто, мистер Саттон.

— Репортеры, фотографы?

— Нет, мистер Саттон. Вы их ждете?

Саттон ничего не ответил и выключил видеофон, чувствуя себя в высшей степени по-дурацки.

Глава 6

Людей в Галактике было немного: тут — один, там — горстка. Хрупкие комочки плоти и крови, призванные держать под контролем всю Галактику. Слабые плечи, на которых покоилась мантия людского величия, шлейф которой тянулся через многие и многие световые годы.

Но человек удерживал звездные форпосты не физической силой, а силой разума, колоссальной интуицией и еще — непоколебимой убежденностью в том, что он, человек, является венцом творения всего живого в Галактике, несмотря на обилие фактов, способных опровергнуть эту убежденность. (Такие факты изучали, оценивали и выбрасывали в корзинку для бумаг.) Человек с презрением относился к любым цивилизациям, если их величие не сопровождалось агрессивностью и жестокостью.

Слишком тонкая прослойка, твердил про себя Адамс. Слишком тонкая да еще и неравномерная. В принципе единственный человек в компании с дюжиной андроидов и сотней роботов мог бы управлять Солнечной системой — мог бы, при необходимости. Через какое-то время, если удастся сохранить уровень рождаемости, людей станет много больше, но для этого понадобится не одна сотня веков, так что пока в руках человека только ключевые объекты — планета-другая на целую планетную систему, да и то не на каждую. Поскольку людей недоставало, процесс управления Галактикой напоминал чехарду. Были определены стратегические сферы влияния, и особое внимание уделялось только наиболее богатым и влиятельным цивилизациям. Места для экспансии хватало на миллионы лет вперед... Если через миллион лет во Вселенной останутся люди, если живущие на других планетах позволят человечеству выжить, не возжелав в один прекрасный день дорого заплатить за уничтожение рода человеческого...

Цена будет высокая, размышлял Адамс, разговаривая сам с собой. Но произойти это может, и сделать это будет нетрудно. Работы на несколько часов. Утром люди есть, а вечером их нет. Что с того, что за одну человеческую жизнь будут отданы тысячи жизней других существ. В определенной ситуации такая цена может оказаться и не столь уж высокой.

Уже сейчас кое-где существуют островки напряженности и сопротивления, где нужно соблюдать предельную осторожность, а то и обходить стороной эти места. Как на 61-й Лебедя, к примеру. Пока все держится на абсолютной и бесповоротной уверенности человека в том, что он неприкасаем, что ему не положено погибать.

И тем не менее пятеро погибли: три человека и два андроида, погибли на берегу реки, на Альдебаране-12, всего в нескольких милях от Андрелона, главного города планеты.

Это не несчастный случай, никакого сомнения.

Адамс пробежал глазами параграф из последнего отчета Торна.

«Сила действовала извне. Мы обнаружили отверстие, прожженное в защитном покрытии атомного двигателя. Силой кто-то управлял, в противном случае разрушение было бы полным. Автоматика сработала и предотвратила взрыв двигателя, но машина потеряла управление и врезалась в дерево. В районе катастрофы отмечена интенсивная радиация».

Торн отличный парень, думал Адамс. Он ничего не упустил, моментально направил роботов по горячим следам.

Но из отчета мало что было понятно, очень мало, чтобы получить ответ. Одни вопросы, новые вопросы.

Пятеро погибли, и этим сказано все. Но, увы, ни следов, ни отпечатков пальцев, ничего, что могло бы хоть как-нибудь помочь расследованию.

В нескольких метрах от распростертых на земле тел валялась беспомощная машина, практически распоротая надвое стволом дерева. Машина, у которой, как и у погибших, уже ничего не спросишь. Уникальная машина, не имеющая аналогов в Галактике, но теперь абсолютно бесполезная.

Торн докопался бы. Он мог исследовать на солидо-графах все, что там осталось,— все до последнего искореженного кусочка металла, стекла, пластика; провести анализы, построить графики, ввести данные в компьютеры, а уж они тщательно, молекулу за молекулой, исследовали бы все до конца. Что-нибудь да обнаружили бы. Почему...

Адамс отложил отчет в сторону и откинулся в кресле. Рассеянно прочитал свое имя и фамилию на двери кабинета. Туда, потом обратно. Медленно, старательно. Как будто впервые видел или как будто разгадывал ребус. Потом так же рассеянно прочитал то, что было написано ниже:

Инспектор бюро инопланетных связей
Департамент Галактических Исследований
Сектор № 16
(Юстиция)

Послеполуденное солнце ласково согревало голову, шаловливо щекотало серебристые усы...

— Пятеро погибли...

Господи, как же ему хотелось перестать думать об этом! Есть дела поважнее. Хотя бы эта заварушка с Саттоном. Адамс как раз ожидал новостей по этому поводу.

Но мысли возвращались к фотографии, последней фотографии из отчета Торна, и он никак не мог выбросить ее из головы. Разбитая вдребезги машина, изуродованные трупы и гигантские клубы дыма над местом катастрофы... Серебристая река молчаливо несла вдаль свои воды, и безмолвие чувствовалось даже на снимке. А вдали, на фоне розоватого неба, виднелась паутина строений Андрелона...

Адамс улыбнулся.

Альдебаран-12, думал он. Там, наверное, красиво...

Он никогда там не был и вряд ли уже побывает. Слишком много планет, нечего и надеяться побывать везде и увидеть все собственными глазами.

Когда-нибудь, наверное, настанет время, и система телепортации сможет действовать на расстояниях, измеряемых световыми годами, а не паршивыми милями, как сейчас. Может быть, тогда человек сумеет ступить на любую, какую пожелает, планету — на день, да хоть на час, чтобы потом с гордостью сказать: «Я там был!»

Конечно, Адамсу вовсе не обязательно везде присутствовать лично. У него повсюду глаза и уши, на всех населенных планетах инспектируемого им сектора.

На Альдебаране — Торн. Торн — надежный парень. Он бы не успокоился, пока не добыл бы всю, до последнего грамма, информацию из груды разбитого металла и почерневших трупов.

Боже, как я хочу забыть об этом! — продолжил Адамс безмолвную беседу с самим собой. Это важно, конечно, но не важнее же всего остального!

Размышления Адамса прервал звонок. Он встрепенулся и нажал рычажок на пульте связи.

— Адамс слушает.

Голос андроида произнес:

— На связи мистер Торн, сэр. По ментафону из Андрелона.

— Благодарю, Элис,— ответил Адамс, выдвинув ящик стола и вытаскивая шлем для ментафонной связи. Он надел его и приладил поудобнее.

В мозгу тут же забегали мысли — чужие, беспорядочные, далекие. Неведомо чьи мысли, носившиеся во всей Вселенной,— обрывки мыслей неведомых существ из неведомого времени и пространства.

Адамс поежился.

Никогда не привыкну, подумал он. Вечно буду дергаться, как мальчик, заслуживший порку.

Мысли-невидимки попискивали, пощелкивали в глубинах мозга, совсем как на волнах радиоприемника. Адамс закрыл глаза и откинулся в кресле.

«Привет, Торн»,— подумал он. Ответная мысль Торна добралась до него — тихая, потрепанная, прошедшая расстояние более пятидесяти световых лет.

«Это вы, Адамс? У нас тут довольно паршиво».

«Да, это я. Что там у вас?»

Вместо ответа, откуда ни возьмись, влезла громкая, пронзительная, как модный шлягер, идиотская мысль:

«Потише, потише, рыба на крыше, кислород нынче дорого стоит».

Адамс выгнал из сознания эту абракадабру и попытался сконцентрироваться.

«Простите, Торн, повторите еще раз. Влез какой-то призрак и перебил нас».

Мысль Торна прозвучала более громко и отчетливо:

«Я хотел поинтересоваться насчет одной фамилии. Такое впечатление, что я слышал ее когда-то, но не уверен...»

«Что за фамилия? Кто вас интересует?»

«Эшер Саттон. Меня интересует Эшер Саттон».

Адамс выпрямился в кресле, раскрыв рот от изумления.

«Как вы сказали?» — мысленно вскрикнул он.

Тут опять в сознание проник чей-то посторонний голос:

«Следуйте на Запад. На Запад, потом прямо...»

«Еще раз! — мысленно взмолился Адамс.— Еще раз, будьте добры, и помедленнее. Я плохо вас расслышал!»

«Дело было так. Помните, я вам сообщал о катастрофе? Погибли пятеро...»

«Да-да, конечно помню!»

«Ну так вот. Мы нашли там книгу, вернее, нечто, что раньше было книгой. Она оказалась рядом с одним из погибших. Почти целиком сгорела, вся обуглилась, сильно облучена.

Роботы исследовали ее, как смогли, но почти ничего не выудили. Сохранились единичные слова. Каково ее содержание, понять невозможно...»

В течение мысли вмешивались гул и мурлыканье. Какие-то неоконченные предложения или, наоборот, окончания фраз. Помехи, мысленные помехи, в которых было нечто непонятное для человека, даже если бы удалось расслышать эти фразы целиком.

«Еще раз,— безнадежно отправлял свою мысль в пространство Адамс.— Еще раз, прошу вас!»

«Помните аварию, где пятеро погибли?»

«Помню прекрасно. Вернитесь к книге. Откуда там взялся Саттон?»

«Роботы нашли всего два слова. "Эшер Саттон". Такое впечатление, что он автор этой книги. Имя стояло на одной из первых страниц. Может быть, это был титульный лист...»

Адамс расслабился и почувствовал, как струйки холодного пота потекли по спине...

«Может быть, я напрасно трачу время, но меня не покидает ощущение, что я уже слышал это имя раньше».

«Конечно слышали,— мысленно ответил Адамс.— Саттон был на 61-й Лебедя».

«О, так это *он*?!»

«Да, и сегодня утром он вернулся».

«Ну, тогда это не он. Наверное, однофамилец какой-нибудь».

«Наверное».

«У меня все,— сказал Торн.— Имя не давало мне покоя».

«Продолжайте расследование,— ответил Адамс.— И сообщайте немедленно, как только что-нибудь выясните».

«Обязательно,— пообещал Торн.— До свидания».

«Спасибо, что держите меня в курсе. Всего доброго».

Адамс стащил с головы шлем, открыл глаза, и вид собственного кабинета, такого привычного, земного, освещенного ласковым солнцем, почти шокировал его.

Он сидел в кресле, совершенно разбитый, и напряженно вспоминал...

В сумерках пришел человек, пересек двор, сел рядом в полумраке и завел странный разговор, сумасшедший разговор с точки зрения нормального человека. «Когда Саттон вернется, он должен быть убит». «Я — ваш преемник». Белиберда, полная белиберда. Поверить невозможно. А ведь, наверное, надо было бы его выслушать более внимательно и постараться понять. Как можно допустить мысль о том, что человека можно убить после двадцатилетнего отсутствия? Особенно такого человека, как Саттон!

Саттон — отличный сотрудник. Один из лучших в Бюро. Опытный, прекрасно разбирающийся во внеземной психологии, крупный авторитет в галактической политике. Кроме него, просто некому было поручить исследование 61-й Лебедя. Кроме Саттона, никто бы не справился. А справился ли он?

Этого Адамс не знал.

Завтра он появится и сам мне все расскажет, успокоил он себя, отодвинул шлем и ослабевшей рукой нажал клавишу на пульте.

— Элис, принесите-ка мне досье Эшера Саттона, будьте добры.

— Хорошо, мистер Адамс.

Адамс откинулся в кресле, потянулся. Плечи приятно согревало солнце. Тиканье часов успокаивало...

Да, думал Адамс. Тут за пятнадцать-то минут с ума сойдешь, а ведь тысячи сотрудников дни и ночи напролет только этим и занимаются — вслушиваются во вселенский эфир, охотясь за отдельными словами и предложениями, пытаясь уловить смысл, выудить из них то, что могло бы пойти на пользу человечеству: новую технологию, новую науку, о которых люди пока не могут и помышлять.

Но не только переговоры на расстоянии в десятки и сотни световых лет и технический шпионаж составляли задачу проекта ментафонной связи. Было и другое... Человечество боялось новой философии, новой идеи, могущей поколебать границы, которые с таким трудом приходилось удерживать. Все должно было оставаться как есть.

Новая идея, подумал Адамс, не дай бог!

Глава 7

Видимо, эти люди ждали именно Саттона, и, как только он вышел из кабины лифта, они направились ему навстречу.

Их было трое, они встали перед ним в ряд, как загонщики.

— Мистер Саттон? — спросил один из них, и Саттон утвердительно кивнул.

Мужчина, обратившийся к нему, выглядел так себе. Может, он и не провел ночь не раздеваясь, но выглядел именно так. В заскорузлых грязных руках он мял видавшую виды кепку. Давно не стриженные ногти украшали траурные каемки грязи.

— Чем могу быть полезен? — спросил Саттон.

— Мы хотели бы поговорить с вами, сэр, если вы не возражаете,— сказала единственная женщина в этом странном трио.— Видите ли, мы — что-то вроде делегации.

— Честно говоря, я собирался пообедать,— рассеянно сказал Саттон.

Женщина изо всех сил кокетливо улыбалась.

— О, сэр,— заволновалась она,— мы вас долго не задержим. Позвольте представиться. Меня зовут миссис Джеллико,— сказала она таким тоном, будто это сообщение должно было несказанно обрадовать Саттона.— А вот этот джентльмен, что обратился к вам, мистер Гамильтон. А это — капитан Стивенс.

Капитан Стивенс, как отметил Саттон, казался крепким мужчиной и одет был гораздо приличнее своих спутников. Его голубые глаза, казалось, говорили: «И я не в восторге от них, Саттон, но что делать — так уж вышло...»

— Капитан? — заинтересовался Саттон.— Звездолетчик?

Стивенс кивнул.

— В отставке.— Он откашлялся.— Мы просим извинения, мистер Саттон, что потревожили вас. Мы хотели подняться к вам в номер, но нас не пустили. Мы ждали несколько часов. Надеюсь, вы не откажете нам.

— Ну пожалуйста, это совсем недолго, выслушайте нас,— умоляюще замурлыкала миссис Джеллико.

— Может, тут в холле и присядем? — буркнул Гамильтон, продолжая усиленно мять кепку.

— Как вам будет угодно,— нехотя согласился Саттон и сел в кресло.— Ну, что же у вас за дело?

Миссис Джеллико набрала воздуха, собираясь, видимо, произнести длинную тираду.

— Мы представляем Лигу Борьбы за права андроидов,— начала она торжественно и сделала еще один глубокий вдох.

Но тут вмешался Стивенс, не дав ей перейти в галоп.

— Я надеюсь, мистер Саттон, вы слышали о нас?

— Я знаю о существовании Лиги,— подтвердил Саттон.

— О! — вмешалась миссис Джеллико.— Тогда, может быть, вы знакомы и с какими-нибудь нашими изданиями?

— Нет,— признался Саттон.— Как-то не довелось.

— Значит, мы правильно сделали, что захватили кое-что с собой! — радостно воскликнул Гамильтон и, запустив грязную лапищу во внутренний карман мятого пиджака, достал пачку разлохмаченных листков и потрепанных брошюр.

Он вручил все это Саттону, тот рассеянно взял бумаги, повертел и положил на пол около кресла.

— Говоря коротко,— сказал Стивенс,— мы придерживаемся точки зрения, что у андроидов должны быть равные права с людьми. Ведь они же настоящие люди, за исключением одного...

— Им нельзя иметь детишек,— трагически произнесла миссис Джеллико и смахнула слезу.

Стивенс вздернул белесые брови и, взглянув на Саттона так, будто просил прощения, опять откашлялся.

— Это именно так. И вы это, конечно, знаете. Они абсолютно стерильны. Иначе говоря, люди научились производить на свет совершенное во всех отношениях человеческое тело, но оказались неспособны разрешить загадку биологического размножения. Было предпринято множество попыток создать яйцеклетку, способную к оплодотворению, но все безуспешно.

— Не все потеряно, я надеюсь,— попытался утешить его Саттон.— Научимся когда-нибудь.

Миссис Джеллико энергично затрясла головой.

— Мы многого не знаем, мистер Саттон,— заявила она с подчеркнутой таинственностью.— Многое от нас скрывают. Есть силы...

Тут Стивенс снова прервал ее.

— Короче говоря, сэр, мы хотели бы добиться равенства между людьми и андроидами, то есть между теми, кто появился на свет божий обычным путем, и теми, кто создан в лаборатории. Мы считаем, что они такие же человеческие существа, как мы, и, следовательно, должны пользоваться такими же привилегиями. Мы, люди, создали андроидов для того, чтобы увеличить численность человечества, чтобы как можно больше людей могли занять командные посты в Галактике. Я наде-

юсь, вы отдаете себе отчет в том, что все неурядицы, происходящие в Галактике, вызваны не чем иным, как недостатком людей?!

— Да, я это прекрасно знаю,— ответил Саттон. А про себя подумал: ничего удивительного, что эту Лигу все считают сборищем идиотов; стареющая кокетка, чумазый маразматик и отставной звездолетчик, которому время девать некуда.

Стивенс продолжал:

— Тысячи лет назад люди покончили с рабством. Но теперь рабами стали андроиды. Они не хозяева своей судьбы. Они служат людям, от которых, в сущности, ничем не отличаются.

Из книг вычитал, подумал Саттон. Говорит совсем как страховой агент или агитатор по подписке.

— Что же вы хотите от меня? — сказал он вслух.

— Мы хотим, чтобы вы подписали обращение,— улыбаясь во весь рот, сообщила миссис Джеллико.

— И внес пожертвование?

— Ну что вы, боже сохрани! — торопливо вмешался Стивенс.— Вашей подписи будет вполне достаточно. Это все, о чем мы хотели попросить. Так приятно, когда получаешь поддержку от людей известных.

Саттон резко поднялся.

— Мое имя,— сказал он сухо,— вовсе не так уж известно.

— Но мистер Саттон!..— засуетилась миссис Джеллико.

— Я сочувствую вашим целям,— обрубил Саттон,— но весьма скептически отношусь к избранным вами методам. А теперь прошу извинить меня — мне пора обедать.

Он церемонно раскланялся и направился к ресторану. На полпути кто-то нагнал его и схватил за локоть. Он рассерженно обернулся. Это был Гамильтон.

— Вы там забыли кое-что,— обиженно проговорил он и всучил ему растрепанные агитки.

Глава 8

Зажужжал зуммер, и Адамс нажал клавишу.

— Да,— сказал он.— Ну что там?

— Личное дело, сэр. Досье Саттона,— запинаясь проговорила Элис.

— Что с ним?

— Оно исчезло, сэр.

— Может быть, у кого-нибудь на руках?

— Нет, сэр, я проверила. Его выкрали.

Адамс вскочил.

— Выкрали?

— Выкрали,— ответила Элис.— Это точно. Двадцать лет назад.

— То есть как это двадцать лет назад?

— Мы все проверили, сэр. Досье украдено через три дня после того, как мистер Саттон улетел на 61-ю Лебедя.

Глава 9

Адвокат представился как Веллингтон. И по метке на лбу, замазанной тонким слоем грима, и по голосу было ясно, что он андроид.

Адвокат аккуратно положил на стол шляпу, аккуратно сел на стул и поставил на колени тоненький портфельчик. Протянув Саттону свернутый в трубочку лист бумаги, он вежливо сказал:

— Ваша газета, сэр. Она лежала под дверью. Я подумал, что вам она, наверное, нужна.

— Благодарю вас,— сказал Саттон.

Веллингтон откашлялся.

— Вы Эшер Саттон? — спросил он.

Саттон кивнул.

— Я представляю интересы одного робота, известного под именем Бастер. Надеюсь, вы его помните?

Саттон резко наклонился вперед:

— Помню? Еще бы мне его не помнить! Да он мне отца заменил! Он вынянчил меня после смерти родителей. Он служил в нашем доме почти четыре тысячи лет!

Веллингтон еще раз откашлялся.

— Все правильно.

Саттон откинулся в кресле, теребя газету.

— Ради бога, только не говорите мне...

Веллингтон успокаивающе покачал головой:

— Нет-нет, не беспокойтесь, беды никакой не случилось. И не случится, если вы не донесете на него.

— Что он натворил? — обеспокоенно спросил Саттон.

— Он убежал.

— О боже! Убежал! Куда?

Веллингтон поерзал на стуле:

— Полагаю, на одну из планет в созвездии Тауэр.

— Но,— запротестовал Саттон,— это же безумно далеко! Почти на краю Галактики!

Веллингтон кивнул:

— Он купил себе новый корпус, звездолет и улетел.

— На какие деньги? — спросил Саттон удивленно.— Откуда у Бастера деньги?

— Ну, деньги у него как раз водились. Он их копил, как вы сказали, четыре тысячи лет или около того. Что-то гости давали, что-то дарили на Рождество и тому подобное. За четыре тысячи лет набежала кругленькая сумма.

— Но зачем? — спросил Саттон.— И что он там собирается делать?

— Он собирается там построить дом. Он не прячется. Вы можете его отыскать, если захотите. Его беспокоит только одно: он хотел бы жить под вашей фамилией, если вы не будете возражать. Он очень на это надеется.

Саттон пожал плечами.

— Конечно, я не возражаю. У него столько же прав на эту фамилию, как и у меня...

— Значит, вы не против? — обрадовался Веллингтон.— Ведь в общем-то он был вашей собственностью...

— Нет,— ответил Саттон.— Ничего не имею против. Только мне так хотелось его увидеть... Я звонил домой, но там никто не отвечал. Я-то думал, что он просто вышел куда-нибудь, а он...

Веллингтон пошарил во внутреннем кармане плаща.

— Он оставил вам письмо,— сказал он, протягивая Саттону конверт,— и еще старый чемодан, он у меня в офисе. Сказал, что там старые семейные бумаги, которые вас могут заинтересовать.

Саттон ничего не ответил. Он вспоминал...

...У ворот росла яблоня, и каждую весну маленький Эш объедался зелеными яблоками, а Бастер терпеливо его выхаживал — ведь последствия поедания зеленых яблок во все времена одинаковы... Выхаживал, а потом задавал хорошую трепку, дабы научить Эша уважать собственный организм. А когда соседский мальчишка как-то отколотил Эшера по дороге в школу, то не кто иной, как Бастер, отвел его на задний двор и научил драться головой и кулаками...

Саттон непроизвольно сжал кулаки, вспомнив, как ему нравилась эта тренировка, несмотря на разбитые костяшки. Соседский мальчишка неделю ходил со здоровенным синяком под глазом, зато потом стал его лучшим другом...

— Насчет чемодана, сэр.— Голос Веллингтона прервал нить воспоминаний.— Хотите, чтобы вам его доставили?

— Да, конечно,— ответил Саттон.— Будьте так добры, распорядитесь.

— Вам доставят чемодан завтра утром,— сказал адвокат, затем взял со стола шляпу, встал и поклонился.— Хочу искренне поблагодарить вас, сэр, от имени своего клиента. Он так и говорил мне, что вы все поймете и будете снисходительны.

— Это не снисходительность,— ответил Саттон,— а справедливость. Он отдал нашей семье столько лет. И заслужил свободу.

— Всего наилучшего, сэр,— попрощался Веллингтон.

— Всего наилучшего,— искренне ответил Саттон,— и большое вам спасибо.

Одна из русалок свистом поманила Саттона. Тот строго посмотрел на нее и сказал по-отечески:

— В последнее время, милочка, ты ведешь себя просто непристойно!

В ответ она показала ему нос и нырнула.

Дверь за Веллингтоном тихо закрылась. Саттон взял конверт и достал письмо на одной страничке:

«Дорогой Эш!

Сегодня я зашел к мистеру Адамсу, и он сказал мне, что боится, будто ты уже не вернешься, но я сказал ему, что знаю, что ты вернешься обязательно. Так что я улетаю не потому, что думаю, что ты не вернешься. Я знаю, что ты непременно вернешься. Когда ты покинул меня и улетел совсем один, я почувствовал, какой я старый и никому не нужный. Во всей Галактике, где столько всяких дел, мне делать было нечего. Ты сказал мне, что хочешь, чтобы я остался в старом доме и чтобы я не

волновался, и я знал, что ты говорил так потому, что ты добрый и никогда не продал бы меня, даже если бы я совсем-совсем не был тебе нужен. Поэтому я и решился на то, о чем всегда мечтал. Я отправляюсь на одну планету. Мне сказали, что это неплохая планета, и я постараюсь сделать там что-нибудь хорошее: построю дом, заведу хозяйство, и, может быть, ты когда-нибудь прилетишь ко мне и навестишь старика.

Твой Бастер.

P. S. Если я понадоблюсь тебе, адрес можешь узнать в справочном бюро».

Саттон был совершенно растроган. Он грустно сложил листок и убрал в карман. Он сидел в кресле, безучастно слушая мурлыканье ручейка, доносившееся с картины. Пела птица, в изгибе ручья плескалась рыба.

Завтра, думал он, я увижу Адамса. Может быть, мне удастся узнать, есть ли в происходящем доля его участия. Хотя ему-то это зачем? Я ведь на него работаю!

Саттон покачал головой.

Нет, не может быть, чтобы Адамс. Но кто-то должен за ним стоять! Кто-то, кто ждал его, а теперь следит...

Так ни до чего и не додумавшись, он машинально развернул газету. Это был свежий номер «Галактик пресс». Земные новости, как обычно, занимали верхний левый угол первой страницы, за ними шли марсианские, затем — венерианские, потом новости с пояса астероидов, потом — полторы колонки новостей со спутников Юпитера, потом — с планет, расположенных за пределами Солнечной системы. Новости из более отдаленных уголков Галактики, как он помнил, печатались на развороте. Параграф-другой на каждое событие.

Хотя, подумал Саттон, редакцию трудно упрекнуть в легкомысленности. Новостей из бесчисленных миров и цивилизаций так много! Ну а потом, были ведь и другие газеты, где информация из различных секторов Галактики давалась более подробно. А в «Галактик пресс» в сокращенном виде можно было познакомиться со всем сразу. Такая газета необходима Земле — административному центру Галактики.

Саттон пробежал глазами земные новости.

«Землетрясение в Восточной Азии». «Строительство нового подводного комплекса для размещения сотрудников и гостей из водных миров». «Старт трех новых звездолетов в сектор 19».

И вдруг:

«Эшер Саттон, специальный агент Департамента Галактических Исследований, сегодня вернулся из экспедиции с 61-й Лебедя после двадцатилетнего отсутствия. Надежды на его возвращение были утрачены еще несколько лет назад. Сразу же после приземления его корабль был оцеплен, а сам он находится под надзором в гостинице "Пояс Ориона". Все попытки войти с ним в контакт и взять интервью оказались безуспешными. Вскоре после прибытия в гостиницу Саттон получил вызов на дуэль от Джеффри Бентона. Мистер Саттон выбрал пистолет и предпочел неформальный характер поединка».

Саттон еще раз перечитал заметку:

«Все попытки войти с ним в контакт...»

Геркаймер сказал, что в холле Саттона ожидают репортеры и фотографы, а десятью минутами позже Фердинанд заверил его, что там никого нет. Саттону никто не звонил. Никто не пытался прорваться к нему. Ну да! Не пытался! А делегация из Лиги? То-то! Значит, пытались, и не только они, однако попытки кто-то пресекал, мягко и незаметно. Все понятно. Все это делается по приказу того же человека, который знал о его возвращении.

Он уронил газету на пол.

Меня вызвал один из самых известных, если не самый известный на Земле дуэлянт. Старый фамильный робот удрал. Или его вынудили удрать? Журналистов ко мне не пустили...

Вдруг раздался звонок. Саттон вскочил. Кто-то звонил по видеофону. Это был первый звонок за все время! Он дотянулся до пульта и нажал клавишу. На экране появилось женское лицо. Гранитно-серые глаза, кожа белая, как лепесток магнолии, корона медно-рыжих волос...

— Меня зовут Ева Армор,— сказала девушка.— Это я просила вас подождать меня внизу, в лифте.

— Я узнал вас,— ответил Саттон.

— Я звоню, чтобы извиниться.

— Но вы ни в чем не виноваты...

— Нет, мистер Саттон, виновата. Вы подумали, что я смеюсь над вами, а я вовсе не смеялась.

— Я выглядел потешно,— ответил Саттон,— могли и посмеяться.

— А вы не хотите пригласить меня поужинать? — спросила она.

— Конечно. С удовольствием приглашаю вас поужинать.

— А потом еще куда-нибудь пойдем,— предложила она.— Мы отлично проведем вечер!

— Договорились,— ответил Саттон.

— Буду ждать вас в холле в семь. Не опоздаю.

Экран померк, Саттон встал.

Они отлично проведут вечер, подумал он. Вот как это надо понимать.

Они отлично проведут вечер... и хорошо, если он доживет до завтра!

Глава 10

Адамс сидел, молча поглядывая на четверых экспертов, собравшихся в его кабинете, и пытался догадаться по выражениям их лиц, о чем они думают. Но лица их выглядели совершенно буднично.

Кларк, инженер-конструктор космической техники, постукивал по столу записной книжкой. Лицо его было непроницаемо спокойно.

Андерсон, анатом, крупный, грубоватый, раскуривал трубку, и казалось, что сейчас для него нет на свете ничего важнее.

Блэкберн, психолог, был поглощен разглядыванием кончика своей сигареты, а Шулькросс, эксперт-лингвист, утонул в кресле так, что казалось, там сидит не он, а его костюм.

Они что-то обнаружили, догадался Адамс. Даже, наверное, много чего обнаружили, но не все им понятно...

— Кларк,— предложил Адамс,— давайте начнем с вас.

— Мы осмотрели корабль,— сказал Кларк,— и обнаружили, что он начисто лишен полетных качеств.

— Тем не менее,— отметил Адамс,— Саттон привел его на Землю.

Кларк пожал плечами:

— С таким же успехом он мог прилететь на бревне. Или на булыжнике. Его корабль — груда бесполезной рухляди.

— Рухляди? Что вы имеете в виду?

— Двигатели полностью разрушены,— ответил Кларк.— Только благодаря аварийной автоматике они не рассыпались. Бортовая обшивка потрескалась, в некоторых местах — сквозные отверстия. Одно из сопл, что называется, вырвано с мясом. Вообще весь корабль искорежен донельзя.

— Вы считаете, была авария?

— Он здорово стукнулся обо что-то, очень резко. Швы обшивки разошлись, переборки треснули, внутри все перекосилось. Даже если бы удалось запустить двигатели, кораблем все равно было бы невозможно управлять. Даже если бы сопла были в порядке, не было бы возможности придерживаться курса. Эта куча хлама просто обязана была развалиться, не пролетев и десятка метров.

Андерсон откашлялся:

— А что должно было случиться с Саттоном, если он находился в корабле в момент удара?

— Он должен был погибнуть,— ответил Кларк.

— Вы уверены в этом?

— Никаких сомнений. Даже чудо не спасло бы его. Мы построили графическую модель ситуации. Если он находился в корабле, он неминуемо должен был погибнуть. Судя по диаграммам, у него не было ни единого шанса спастись.

— Саттон вернулся,— напомнил Адамс.

Наступила пауза. Адамс и Кларк смотрели друг на друга, готовые взорваться в любое мгновение. Молчание нарушил Андерсон.

— Скажите, Кларк, а не пытался ли Саттон отремонтировать корабль?

Кларк отрицательно покачал головой:

— Нет. Никаких попыток. И нечего было пытаться. И вообще, нам известно, что он ничего не смыслит в технике. А для того, чтобы отремонтировать ядерный двигатель, нужно иметь немалый опыт. Я говорю «отремонтировать», хотя по-настоящему его надо было монтировать заново.

Шулькросс впервые подал голос. Он заговорил легко, спокойно, не меняя положения в кресле.

— Может быть, мы не с того начали? — сказал он.— Лично у меня впечатление, что мы начали с середины. Нужно бы начать с самого начала, заложить фундамент для размышле-

ний, и тогда мы лучше поймем, что же на самом деле произошло.

Все удивленно уставились на него, пытаясь догадаться, к чему он клонит. Шулькросс почувствовал, что нужно пояснить мысль.

— Скажите, Адамс, вы представляете себе, ну хотя бы приблизительно, что это за место, где побывал Саттон?

Адамс криво улыбнулся:

— Весьма приблизительно. Наверное, похоже на Землю. Это седьмая планета в системе 61-й Лебедя. В принципе можно было отправить его на любую из семнадцати планет системы, но расчеты показали, что именно на седьмой должна существовать жизнь.

Он сделал паузу, скользнул взглядом по лицам присутствовавших и продолжил:

— 61-я Лебедя — наш ближайший сосед. Это одна из первых звезд, к которым отправился человек, покинув пределы Солнечной системы. И с тех самых пор ее загадка мучает нас, как заноза под ногтем.

— Потому что не можем ее вытащить! — усмехнулся Андерсон.

Адамс кивнул:

— Вот именно. Это недоступная система, секреты которой можно было бы раскрыть, лишь проникнув туда. Уже многие годы,— продолжал он,— мы исследуем Галактику, и не вам рассказывать, что всякое удалось повидать. Условия жизни, абсолютно несхожие с земными, непривычные и опасные формы жизни, общественные системы и психология обитателей других миров, от которых можно просто свихнуться. У меня, например, начинается головная боль, как только я принимаюсь обо всем этом размышлять. Но мы всегда могли посмотреть своими глазами, хотя бы посмотреть — я подчеркиваю — на все, что нас интересовало. С 61-й Лебедя все было иначе. Мы просто не могли попасть туда. Планеты там покрыты плотным слоем облаков, а самое главное — на расстоянии нескольких миллионов миль от системы начинает действовать эффект скольжения...

Тут он посмотрел на Кларка:

— Я верно говорю?

— На самом деле описать это невозможно,— отозвался Кларк.— Но лучше всего подходит слово «скольжение». Вы

не останавливаетесь, скорость не уменьшается, но вас как бы отталкивают. Как будто корабль натыкается на лед. Приборы ничего не регистрируют, однако преграда существует, и она непреодолима. Курс корабля отклоняется от заданного. Вы проводите коррекцию курса — и снова отклоняетесь. Я слышал, что, бывало, люди натурально сходили с ума, пытаясь приблизиться к системе, но им не удавалось ни на милю пробиться за некую воображаемую сферу.

— Да-да,— подхватил Адамс.— Все выглядит именно так. Как будто кто-то взял да и заключил систему в магический шар.

— Что-то вроде того,— подтвердил Кларк.

— Однако Саттон проник за эту черту,— констатировал Андерсон.

Адамс кивнул:

— Выходит, что так.

— Странно слышать это от специалиста,— процедил сквозь зубы Кларк.— Меня возмущает болтовня вокруг этой проблемы. Кое-кто, по-моему, вообще лишился рассудка. Говорят: «Наши корабли слишком большие. Если бы мы посылали звездолеты поменьше, мы бы проскользнули туда». Нет, как вам нравится?! Как будто там забор стоит и нужно в нем лазейку найти!

— Саттон проскользнул,— повторил Адамс настойчиво.— Его маленький корабль прошел там, где не смогли пройти большие.

Кларк упрямо покачал головой:

— Это бессмыслица. Размеры корабля ничего не меняют. Существует некий непонятный нам фактор, о котором мы даже никогда по существу не думали. Саттон действительно преодолел преграду, потерпел аварию при посадке и, если был внутри корабля, погиб. Но попал он туда не потому, что его звездолет был небольшой. Дело не в этом...

Все остальные сидели в напряженном ожидании.

— Но почему именно Саттон? — не вытерпел Андерсон.

Адамс спокойно объяснил:

— Корабль, как я уже сказал, выбрали небольшой. Можно было послать только одного человека, поэтому послали сотрудника, который лучше других мог справиться с работой, если бы проник туда.

— И Саттон лучше всех подходил?

— Да,— отрезал Адамс.

— Ну хорошо,— не унимался Андерсон,— допустим, он действительно лучше всех подходил для этой роли. Наверное. Ведь он в конце концов попал туда...

— Или его пропустили,— уточнил Блэкберн.

— Не обязательно,— возразил Андерсон.

— Но это вполне логично,— настаивал Блэкберн.— Почему мы хотим проникнуть в систему 61-й Лебедя? Чтобы узнать, опасна ли она. Я правильно понимаю?

— Правильно,— подтвердил Адамс.— Задача была именно такая. Все неизвестное потенциально опасно. И пока не узнаешь — не успокоишься. Именно такие инструкции и были даны Саттону: выяснить, нет ли опасности в этой системе.

— Следуя той же логике,— продолжал Блэкберн,— почему бы не допустить, что тамошние обитатели не хотят узнать то же самое о нас. Мы надоедаем им своими визитами несколько тысяч лет. Я вполне допускаю, что им тоже было бы интересно узнать нас поближе.

— Я понял, куда вы клоните,— кивнул Андерсон.— Получается, что они ждали, когда прибудет корабль с одним человеком на борту, поскольку пропускать корабль с большой командой и напичканный оружием не решались.

— Ну, что-то в этом роде,— подтвердил Блэкберн.

Адамс прервал их диалог и обратился к Кларку:

— Вы говорили о повреждениях. Вам удалось установить, когда именно они появились?

— Приблизительно двадцать лет назад.

— Давайте все-таки предположим, что Саттону каким-то чудом было известно, как отремонтировать корабль,— сказал Андерсон.— Тогда ему понадобились бы материалы, так?

— И очень много материалов,— ехидно уточнил Кларк.

— Жители той планеты могли дать ему все, что требовалось,— предположил Шулькросс.

— Если там вообще есть жители,— с сомнением сказал Андерсон.

— Не думаю, чтобы они смогли снабдить его материалами,— заявил Блэкберн.— Цивилизация, прячущаяся за силовым экраном, не может иметь развитой техники. Если бы у них была техника, они вышли бы в космос, вместо того чтобы

прятаться. Я склонен полагать, что технически развитой цивилизации там нет.

— А экран? — спросил Андерсон.

— Он может не иметь никакого отношения к технике.

— Что толку от ваших предположений! — раздраженно воскликнул Кларк.— Саттон не ремонтировал корабль, сколько можно повторять! Он каким-то образом прилетел на нем обратно без всякого ремонта. Он и не прикасался ни к чему. Там кругом толстенный слой пыли.

Шулькросс наклонился к столу.

— Одного не могу понять,— сказал он.— Кларк говорит, что сломано сопло, что сильно повреждена обшивка. Это же означает, что Саттон летел в открытом космосе одиннадцать световых лет!

— У него же был скафандр!

— Не было у него никакого скафандра,— невозмутимо произнес Кларк. Он огляделся, как будто опасался, что кто-то еще кроме четверых собеседников может услышать то, что он собирался сказать, и понизил голос.— И это еще не все. У него не было ни пищи, ни воды...

Андерсон постучал трубкой по ладони, и звук безответно повис в молчании. Старательно, как бы пытаясь сконцентрироваться на том, что делает, он стряхнул пепел с ладони в пепельницу.

— Мне кажется, я смог бы кое-что прояснить,— сказал он задумчиво.— Пока мы получим окончательный ответ, нам придется проделать еще уйму работы. И даже тогда мы, наверное, еще не будем совершенно уверены, что правы...

Он застыл в кресле, ощущая, как остальные с ожиданием смотрят на него.

— Я даже боюсь произнести вслух...— признался он.

Все молчали.

Часы на стене бесстрастно отсчитывали секунды. За окном в траве стрекотал кузнечик.

— Я полагаю,— наконец решился Андерсон,— что существо, вернувшееся на Землю, не человек.

Часы продолжали тикать. Кузнечик стрекотал в полной тишине.

— Но...— наконец прервал молчание Адамс,— отпечатки пальцев... И другие методы идентификации...

— Нет, я не то хотел сказать,— поправился Андерсон.— Это, безусловно, Саттон. В этом нет сомнения. То есть это его тело, его плоть. По крайней мере в какой-то степени — то тело, которое двадцать лет назад покинуло Землю.

— К чему вы клоните? — вскричал Кларк.— Если тело его, значит, это Саттон, и он — человек.

— Ну, представьте, Кларк, что у вас неисправный звездолет и вы его ремонтируете. Добавляете деталь-другую, что-то выбрасываете, что-то налаживаете... Что вы получаете в итоге?

— Переделанный звездолет,— ответил Кларк.— Ну и что?

— Именно это я и хотел от вас услышать. Кто-то или что-то сделал то же самое с Саттоном. Он переделан. И переделан, доложу вам, потрясающе. У него два сердца, нервная система разветвлена гораздо сильнее, чем у обычного человека. Кроме того, у него есть система экстрациркуляции. Она абсолютно не похожа на нормальную систему кровообращения, но выполняет ту же функцию. Самое потрясающее — она не соединена с сердцем! Такое впечатление, что до сегодняшнего дня она не использовалась. Как будто запасная. То есть он пользуется обычной системой кровообращения, а в случае необходимости может переходить на запасную.— Андерсон убрал трубку в карман и нервно потер руки.— Вот примерно так.

Блэкберн всплеснул руками:

— В это невозможно поверить!

— Мы почти час обследовали Саттона, и, поверьте мне, каждый дюйм его тела исследован на самой совершенной аппаратуре. Все результаты зафиксированы. Мы продолжаем обработку информации и пока еще не закончили. Потребуется время... Но в одном мы потерпели полную неудачу. Мы применили психонометр и не выудили ничего! Прибор не зарегистрировал ни единой мысли, ни единого намека на мысль. Его сознание заблокировано, полностью закрыто.

— Может быть, прибор барахлил? — предположил Адамс.

— Нет, мы все проверили,— покачал головой Андерсон.— И не раз. Прибор был в полной исправности.— Он обвел взглядом присутствующих.— Может быть, вы не совсем знакомы с принципом работы психонометра? Дело в том, что, когда человек спит обычным сном, или под гипнозом, или в любом другом случае, когда он не догадывается, что его обследуют, психонометр выворачивает его сознание наизнанку. Он вытас-

кивает наружу такие вещи, о которых человек наяву и не помышляет.

— Но с Саттоном ничего не вышло? — резюмировал Шульккросс.

— Вы правы. С Саттоном ничего не вышло. Я повторяю: он не человек.

— Значит, вы полагаете, что его организм изменен настолько, что Саттону и открытый космос нипочем?!

— Не знаю,— хрипло ответил Андерсон. Он облизнул губы и огляделся по сторонам, как затравленный зверь в поисках выхода.— Не знаю,— повторил он.— Честное слово, не знаю...

— Не стоит так пугаться,— мягко сказал Адамс.— Чужеродность организма — не такая уж необычная вещь. Мы уже сталкивались с этим не раз, с тех пор как начали осваивать космос.

Кларк нетерпеливо прервал его:

— Если бы речь шла об инопланетянине, Адамс! Но когда человек превращается в инопланетянина! — Сглотнув слюну, он обратился к Андерсону: — Как вы полагаете, он опасен?

— Не исключено,— ответил Андерсон.

— Даже если так, он не сможет причинить нам никакого вреда,— спокойно сказал Адамс.— Его номер в гостинице прослеживается насквозь лучами-шпионами. Ситуация полностью контролируется.

— Есть какие-нибудь сообщения? — поинтересовался Блэкберн.

— Самые невинные. Ничего особенного. Саттон держится довольно непринужденно. Несколько раз звонили ему. Несколько раз — он сам. Ему нанесли пару визитов.

— Он не может не понимать, что за ним следят,— сказал Кларк.— Он притворяется.

— Ходят слухи,— сказал Блэкберн,— что его вызвал на дуэль сам Бентон.

Адамс кивнул:

— Да, это так. Эш попытался избежать поединка, что говорит, пожалуй, о том, что он не агрессивен.

— Может быть,— как-то безнадежно проговорил Кларк.— Может быть, Бентон сработает в нашу пользу.

— Во всяком случае,— тонко улыбнулся Адамс,— я думаю, что вторую половину дня Эш провел в раздумьях о том, как ему разделаться с нашим мистером Бентоном.

Андерсон выудил из кармана трубку и принялся сосредоточенно набивать ее. Кларк рассеянно вертел сигарету.

— Вы хотели что-то добавить? — обратился к Шулькроссу Адамс.

— Да,— кивнул эксперт-лингвист,— но мне кажется, наша информация особого восторга не вызовет. В портфеле Саттона мы обнаружили рукопись. Мы скопировали ее и положили на место. Пока что сообщить особенно нечего, то есть мы не смогли прочитать ни одного слова...

— Шифр? — спросил Блэкберн.

Шулькросс покачал головой:

— Если бы! Роботы бы его расщелкали за пару часов. Но это не шифр. Это язык. А язык без ключа не расшифруешь.

— Вы, конечно, все проверили?

Шулькросс мрачно усмехнулся:

— Начиная с санскрита и шумерского. Сравнивали со всеми языками и диалектами Галактики. Не похоже ни на один.

— Язык...— задумчиво протянул Блэкберн.— Новый язык. Следовательно, Саттон что-то обнаружил...

— Вполне, вполне возможно,— пробурчал Адамс.— Он наш лучший сотрудник.

Андерсон пошевелился в кресле.

— Вам нравится Саттон? — спросил он с нескрываемым интересом.— Вам лично, Адамс, он нравится?

— Нравится,— просто ответил Адамс.

— Адамс,— продолжал Андерсон,— вот что удивительно, есть один момент, который мне не дает покоя с самого начала...

— Да, слушаю вас.

— Вы же знали, что Саттон вернется. Знали с точностью до минуты. И устроили засаду. Как это понять?

— Просто догадался. Чистая интуиция.

Наступило долгое молчание. Адамс больше не сказал ни слова. Совещание окончилось. Все встали.

Глава 11

В зале заведения, куда привела Саттона Ева, было шумно. Освещение все время менялось — от апрельской небесной синевы до умопомрачительного сочетания серого и красного цветов. Пол качнулся под ногами Саттона, и он почувствовал,

как Ева крепче сжала его руку. Они сели за столик. Подошел хозяин, марсианин Заг. Впечатление было такое, что перед ними ожившая египетская мумия.

— Что вам угодно? К вашим услугам все, о чем только можно мечтать. Можете уйти от реальности, обрести все, что желаете...

— Хочу на берег ручья,— подумав, сказал Саттон.— В детство...

Свет стал зеленым, сказочно зеленым, в его лучах засверкала радостная жизнь пробуждающейся природы, в нем угадывалось рождение мира... Возникли деревья, покрытые сияющей, свежей, тронутой поцелуями солнца зеленью распускающихся почек.

Саттон пошевелил пальцами ног, ощутил траву — первую нежную весеннюю траву, и ему показалось, что он чувствует запах ветрениц и подснежников, хотя они, по идее, пахнуть не должны...

...Он бежал по берегу ручья, по теплой гальке, рядом с ним наперегонки, весело журча, бежал ручей к Большому омуту. В одной руке у Эшера была удочка, в другой — банка с червями.

На верхушке старого вяза распевал дрозд. Эш отыскал на берегу удобное местечко — тут можно было устроиться на изгибе вяза, как на стуле. Он уселся, перевел дыхание. Дрожащей рукой достал из банки самого большого червяка и насадил на крючок. Затаив дыхание, он забросил крючок и пристроил удочку на коленях. Поплавок нырял в бурном потоке, крутился в водоворотах. Подпрыгивал, исчезал, снова появлялся на поверхности и плясал на волнах...

Эш следил за движением поплавка, наклонившись к воде, до боли сжимая удилище. Но как ни был он поглощен своим занятием, он ощущал, как хорош день, какие вокруг покой и чистота, как прекрасна утренняя прохлада и как нежно греет солнце, как красивы синее небо и белые облака... Вода что-то говорила ему, и Эшу вдруг представилось, что он тоже растет здесь, на берегу, что он тоже стал частью этого удивительного и прекрасного утреннего мира — мира холмов, ручья, луга, земли, облаков, воды, неба и солнца...

Вдруг поплавок глубоко нырнул. Клюет! Он вскочил и сразу почувствовал на другом конце удочки солидный вес. Дернул.

Рыба описала дугу над его головой и шлепнулась в траву. Эш бросил удочку и помчался к добыче. В траве бил хвостом здоровенный голавль! Эш потянул вверх леску. Рыба повисла в воздухе. Она была просто громадная! Почти шесть дюймов!

Дрожа от восторга, Эш опустился на колени, вынул крючок дрожащими пальцами...

— Неплохое начало! — сказал он весело, обращаясь к небу и ручью.— Может быть, сегодня все будут такие? Наловить бы дюжину! Вот было бы здорово!

— Привет,— неожиданно произнес рядом детский голосок.

Эшер, все еще стоя на коленях, обернулся. Под вязом стояла маленькая девочка. Ему показалось, что он ее где-то видел. Нет, показалось. Девочка была незнакомая. Эш расстроился. Девочки — не самая подходящая компания для рыбалки.

Хоть бы ушла! — подумал он. Если она собирается тут торчать, день можно считать испорченным.

— Меня зовут...

Имя он не расслышал: она сильно картавила.

Эш не ответил.

— Мне восемь лет,— добавила девочка.

— Меня зовут Эшер Саттон,— сообщил он неохотно.— Мне десять, скоро будет одиннадцать.

Она все еще стояла под деревом и смотрела на него, теребя кружевной фартучек. Фартучек был чисто выстиран и выглажен, но она так волновалась, что совсем смяла его.

— Я тут рыбу ловлю,— сказал Эшер как можно более небрежно.— Только что поймал здоровенную.

В то же мгновение он заметил, что глаза девочки наполнились ужасом. Он вскочил, обернулся и быстро сунул руку в карман курточки...

По залу вновь метались красные и серые краски, звучал капризный женский смех, а над Саттоном нависло лицо человека... то самое, которое он уже видел сегодня и не мог не узнать. Глаза, налитые кровью, с упрямой злобой уставились на Саттона. Грубая волосатая рука уверенно сжимала пистолет. Намерения его не оставляли никаких сомнений.

Саттон резко вырвал свой пистолет из кармана. Он был уверен, что опоздает.

Внутри него проснулась ярость — холодная, одинокая, обнаженная. Он возненавидел этот массивный волосатый кулак,

это улыбающееся лицо, лицо маньяка, пытавшегося с бараньим упрямством победить робота-профессионала; маньяка, который вообразил, что может прикончить Эшера Саттона.

Это была злость... нет, больше чем злость, не просто выброс адреналина... Чувство, овладевшее им, было и частью его самого и не принадлежало ему, оно не принадлежало смертному из плоти и крови по имени Эшер Саттон. Что-то в нем было нечеловеческое...

Улыбка исчезла с лица противника, и Саттон ощутил, как гнев покинул сознание и со скоростью пули устремился в направлении цели — человека по имени Джеффри Бентон.

Пистолет Бентона рявкнул, пыльно-красное освещение зала разорвала яркая вспышка пламени. Почти в это же мгновение Саттон выстрелил в ответ.

Бентон покачнулся и упал лицом вперед.

В зале воцарилась тишина. Сквозь рассеивающийся дым Саттон увидел, что взгляды всех присутствующих устремлены на него. Он почувствовал, как кто-то тянет его за руку, и пошел, повинуясь тому, кто шел рядом. Он с трудом передвигал ноги, превозмогая навалившуюся страшную слабость, и думал: о господи, я только что убил человека!

— Быстрее! — произнес голос Евы Армор.— Нужно поскорее уйти отсюда. Сейчас все набросятся на тебя. Пошли быстрее!

— Это была ты! — сказал он, внезапно вспомнив что-то.— Ты сказала, как тебя зовут, а я не понял. Это была ты!

Девушка волокла его к выходу.

— Они наняли Бентона,— на ходу говорила она.— Они решили, что такой вариант устроит всех. Они не предполагали, что победишь ты.

— Это была ты,— повторял Саттон, не слушая Еву.— Ты была маленькая. У тебя был кружевной фартучек, и ты его все теребила. Ты очень волновалась. Почему?

— Боже мой, о чем ты?

— Как о чем? Я ловил рыбу, помнишь? Поймал здоровенного голавля, и тут появилась ты, в таком фартучке...

— В фартучке... С ума сошел! — срывающимся голосом, не глядя на него, вскричала Ева.— Рыбу он ловил! Быстрее давай!

Она толкнула плечом дверь, вытащила Саттона на улицу. В его разгоряченное лицо плеснула волна вечерней прохлады.

— Ну подожди секундочку,— умоляюще попросил он и крепко сжал руку Евы.— Ты сказала «они». Кто «они»?

Она смотрела на него, широко раскрыв глаза:

— Ты что, ничего не знаешь?

Он помотал головой.

— Бедный Эш,— сказала она с искренним состраданием.

Ее рыжие волосы отливали червонным золотом в свете горевшей над их головами вывески заведения Зага:

СНОВИДЕНИЯ ПО ЗАКАЗУ
Не упустите свой шанс!
Здесь — жизнь, о которой вы мечтаете!

— Машину, сэр? — вежливо обратился к Саттону портье-андроид. Стоило ему произнести эти слова, как мягко и беззвучно подъехала машина, будто черный блестящий жук выполз из темноты на свет. Портье открыл дверцу.— Сказано — сделано,— улыбнулся он.

Что-то было такое в его теплом дружелюбном голосе, от чего Саттон немного пришел в себя. Он подошел к автомобилю, сел за руль и втянул за собой Еву. Андроид закрыл за ними дверцу.

Саттон нажал акселератор, и машина тронулась, а выехав на шоссе, взревела от нетерпения и понеслась в сторону холмов.

— Куда? — спросил Саттон.

— Назад, в гостиницу,— ответила Ева.— Там они не осмелятся тебя тронуть. Но ты должен знать, что вся комната просвечивается. Там сплошные лучи-шпионы.

— И мне нужно там ходить осторожненько, чтобы за них не зацепиться, да? — усмехнулся Саттон.— Интересно, а откуда ты это знаешь?

— Это моя работа. Я должна знать.

— Кто ты — друг или враг?

— Друг,— мягко ответила она.

Он повернул голову и внимательно посмотрел на нее. Ева сидела, утонув в мягком сиденье, и была точь-в-точь как та маленькая девочка, только без кружевного фартучка, и совсем не волновалась.

— Видимо,— сказал Саттон,— вопросы задавать смысла нет?

Она кивнула.

— Если я начну расспрашивать, ты будешь врать?

— Если захочу.

— Но я могу вытрясти из тебя правду!

— Можешь, но не будешь. Видишь ли, Эш, я очень хорошо тебя знаю.

— Но, прости, мы только вчера познакомились!

— Нет, я действительно знаю тебя. Я уже двадцать лет за тобой наблюдаю.

Саттон расхохотался:

— Глупости! А, понимаю, ты шутишь!

— Эш!

— Что, Ева?

— Ты просто прелесть!

Он быстро взглянул на нее. Она все так же сидела, уютно устроившись на сиденье, и ветерок трепал ее медно-рыжий локон. У нее была такая нежная кожа... Лицо ее сияло счастьем. Неужели обман? — подумал Саттон.

— Спасибо за комплимент,— сказал он.— Не знаю, правда, чем я его заслужил. Можно тебя поцеловать в знак признательности?

— Ты можешь целовать меня, Эш,— тихо ответила она,— когда тебе захочется.

Саттон остановил машину.

Глава 12

Чемодан принесли утром, когда Саттон завтракал. Он был старый, потертый. Сквозь порванную кожу виднелся ржавый металлический каркас. На крышке кожу почти целиком обгрызли мыши.

Саттон помнил этот чемодан... Он стоял в дальнем углу чердака, когда Саттон мальчишкой забирался туда в дождливые дни.

Он отвел взгляд от чемодана и развернул свежий номер «Галактик пресс». Заметка, которую он искал, была на первой странице — третья по счету из земных новостей.

«Мистер Джеффри Бентон был убит вчера в неофициальном поединке в одном из развлекательных центров универси-

тетского округа. Победителем оказался мистер Эшер Саттон, только вчера вернувшийся из экспедиции на 61-ю Лебедя». И последнее предложение, позорное для любого дуэлянта: «Мистер Бентон стрелял первым и промахнулся».

Саттон аккуратно сложил газету и положил на стол. Закурил.

На его месте должен был быть я, подумал он. Ведь до вчерашнего дня я такого пистолета в глаза не видел. «Мистер Эшер Саттон убит вчера в неофициальном поединке»,— вот так должно было быть.

«Мы отлично проведем вечер»,— сказала Ева и, наверное, она что-то знала. «Поужинаем и отлично проведем вечер. Отлично проведем вечер, а потом Бентон кокнет тебя в заведении Зага».

Да, продолжал размышлять Саттон, она могла что-то знать. Вообще Ева, наверное, много чего знает. Про лучи-шпионы в комнате, к примеру. Знает, что кто-то нанял Бентона, чтобы тот вызвал меня на дуэль и отправил на тот свет...

Она сказала, что она — друг, но слово-то можно сказать какое угодно. Двадцать лет наблюдала за мной! Ну, это уж точно ерунда. Двадцать лет назад я улетел к Лебедю, и тогда меня никто не знал. Да и сейчас я не слишком важная персона. Для кого я и представляю интерес, так исключительно для самого себя, мне доверили величайшую идею. Мне одному. Не важно, что эти проныры пересняли рукопись, все равно они в ней ничего не поймут, ни единого слова.

Его мысли опять вернулись к Еве. Я спросил ее, друг она или враг? Она знала, что Бентона наняли. Ответила, что она — друг. Она позвонила и назначила мне свидание. Она сказала... Слова словами, но было еще кое-что, чего словами не скажешь: ее губы, ее пальцы, нежно коснувшиеся моей щеки...

Он погасил сигарету, встал и подошел к чемодану. Замок проржавел, ключ повернулся с трудом...

В чемодане оказалась груда старых бумаг, однако все они были аккуратно перевязаны и рассортированы. Саттон невольно улыбнулся. Бастер всегда отличался педантичностью.

Саттон уселся на пол и стал перебирать содержимое. Пачки старых писем. Его студенческая записная книжка. Альбомчик с переводными картинками, а вот этот — побольше — с коллекцией дешевых марок.

Саттон уселся поудобнее и принялся перелистывать старый альбом. Пахнуло детством. Марки были дешевые, потому что денег на дорогие не хватало; яркие, потому что только такие и нравились. Многие уже в весьма плачевном состоянии, но было время, когда он от них приходил в восторг...

Филателистическая лихорадка, вспоминал он, продолжалась два, самое большее — три года. Тогда он просматривал от корки до корки все каталоги, покупал пакетики с марками, научился странному языку своего хобби: «гашеные, негашеные, штриховка, водяные знаки, инталия...»

Саттон улыбнулся. Были марки, которые ему жутко хотелось заполучить, но он знал, что это невозможно, и довольствовался тем, что любовался их изображениями в каталогах, он знал их, если можно так сказать про марки, наизусть... Саттон положил альбом на пол и снова заглянул в чемодан.

Еще какие-то блокноты и тетради. Письма. Какой-то странный гаечный ключ. Обглоданная до снежной белизны кость — вероятно, это сокровище принадлежало одной из любимых собак.

Хлам, подумал Саттон. Бастер сэкономил бы уйму времени, если бы просто взял и сжег все это.

Пара старых газет. Съеденный молью вымпел. Пухлое письмо в нераспечатанном конверте. Саттон повертел конверт и положил его поверх остальных бумаг, вынутых из чемодана. Но что-то заставило его снова взять конверт в руки.

Очень, очень странная марка... Ну, во-первых, цвет! Он напряг память и вспомнил эту марку. То есть не ее, конечно, а ее изображение в каталоге. Потом поднес конверт ближе к глазам и ахнул от изумления. Марка была старая, безусловно старая. Очень старая и очень дорогая... Господи, сколько же она тогда стоила?

Саттон попытался разглядеть стоимость марки, но цифры почти совсем стерлись.

Он поднялся, подошел к столу, сел в кресло и стал разглядывать конверт. Что за адрес такой на штампе?

БРИДЖП... ВИС...

Скорее всего — Бриджпорт. А Вис?.. Какой-нибудь из древних штатов? Штат — территориальная единица, смысл и значение которой давно смыты волнами времени.

Июль, 198...

Июль тысяча девятьсот восемьдесят какого-то года!

Это что же! Получается, что письмо написано шесть тысяч лет назад? Рука Саттона дрогнула.

Нераспечатанное письмо, отправленное шесть тысяч лет назад! Оно лежало в этой куче хлама. Рядом с обглоданной костью и несуразным гаечным ключом. Нераспечатанное письмо с маркой, стоившей целое состояние...

Саттон еще раз внимательно разглядел штамп почтового отделения. Бриджпорт, Вис... Июль, а число? Как будто 11. 11 июля 198... Последняя цифра была такая бледная, что разобрать ее можно было разве что с хорошей лупой.

А вот адрес был виден прилично:

М-ру Джону Г. Саттону,
Бриджпорт,
Висконсин

Ага, вот что значило это «Вис...». Висконсин, вот что! Письмо предназначалось Саттону. А кому же еще?

Что сказал тот андроид, адвокат Бастера? «Целый чемодан семейных бумаг».

Нужно будет заглянуть в историческую географию, подумал Саттон, и выяснить, где находился этот Висконсин.

Ну а кто такой этот Джон Г. Саттон? Какой-то давний предок, чей прах уже столько лет покоится в земле. Наверное, человек рассеянный, поскольку не распечатал предназначенное ему письмо.

Саттон перевернул конверт. Нет, конверт действительно не вскрывали. Клей засох от старости, и, когда он провел ногтем по краю заклеенного уголка, в воздухе рассыпалось облачко... Бумага сильно истлела. С письмом нужно было обращаться осторожно.

«Целый чемодан семейных бумаг»... Да не бумаг, а трухи! И среди всего этого хлама — письмо, отправленное шесть тысяч лет назад и нераспечатанное.

А Бастер знал про это письмо? Задав себе этот вопрос, Саттон ни минуты не думал над ответом. Конечно знал.

Знал и постарался, чтобы оно не слишком бросалось в глаза. Он засунул письмо в середину, хорошо понимая, что тот, кому оно предназначено, отыщет его. Чемодану намеренно был придан такой вид, будто в нем нет ничего важного —

так, ерунда. Старый, драный чемодан, в замке торчит ключ — что это должно было значить? Вот что: «Да ничего у меня внутри нет, так, хлам один, но если тебе некуда девать время, открой и посмотри». И если бы кто-то открыл и посмотрел, то не испытал бы ничего, кроме недоумения и разочарования. Да ничего не было в этой груде бумаг, кроме копившейся долгие годы сентиментальности.

Саттон смотрел на конверт.

Джон Г. Саттон, мой предок, живший шесть тысяч лет назад... Его кровь течет во мне, хотя время и разбавило ее во много раз. Но он существовал, этот человек, жил, дышал, ел, пил, а потом умер Он видел, как встает солнце над зелеными холмами Висконсина... если, конечно, в Висконсине есть холмы, и вообще — где он, этот Висконсин?

Наверное, он ходил на реку ловить рыбу, а на склоне лет, вероятно, возился в садике у дома...

У него была совсем другая жизнь, думал Саттон, и в ней наверняка были свои прелести. Джон Г. Саттон жил ближе к Земле, потому что у него, кроме Земли, ничего не было. Он понятия не имел ни о какой инопланетной психологии, и Земля в его время была всего лишь местом для жизни, а не центром управления, где никто уже не выращивает полезных растений и не производит полезных вещей. Он мог выбрать себе любую профессию и не страдал от этой треклятой обреченности — трудиться только в органах управления, на благо экспансии Галактической Империи.

И до него, и после него были другие Саттоны. Цепь жизни тянется от одного поколения к другому, и все звенья похожи как две капли воды, и вдруг какое-то из них по странной случайности привлекает внимание. Нераспечатанное письмо именно такая случайность.

В дверь постучали. Саттон сунул письмо во внутренний карман куртки и крикнул:

— Войдите!

Вошел Геркаймер.

— Доброе утро, сэр,— сказал он тихо и опустил глаза.

Саттон с нескрываемым интересом смотрел на него.

— Что вам угодно, Геркаймер? — спросил он.

— Я пришел, сэр, потому что по закону теперь принадлежу вам. Вам отходит третья часть имущества Бентона, в том числе и я.

— Третья часть? Это еще что за новости? Ах, да...

Был такой закон. Победивший на дуэли наследует третью часть собственности побежденного. А он-то и забыл.

— Не прогоняйте меня, сэр,— взмолился Геркаймер.— Со мной вам будет легко, честное слово! Я очень способный и трудолюбивый. Готовлю хорошо, шить умею, могу выполнять любые поручения, могу читать и писать.

— А предавать?

— О нет, нет, никогда!

— Это почему же?

— Потому что вы — мой хозяин.

— Ну ладно, оставайся,— без особого энтузиазма сказал Саттон.

Геркаймер воодушевленно продолжал:

— А кроме меня, сэр, есть кое-что еще. Еще вы получаете в полное распоряжение астероид — охотничье поместье Бентона. И звездолет. Маленький, правда, но очень удобный. Потом еще несколько тысяч долларов наличными, и особняк на западном побережье, и акции какой-то компании по освоению новых планет, ну, в общем, много еще чего, всего не перечислишь. Вот я тут все переписал, посмотрите, если интересно.

— Нет-нет, только не сейчас,— отказался Саттон.— Сейчас я занят.

Геркаймер просиял:

— Я с радостью помогу вам, сэр. Все, что в моих силах!

— О нет, Геркаймер. В этом деле ваша помощь мне не понадобится. Я отправляюсь к Адамсу.

— Ну так я портфель ваш понесу!

— Я иду без портфеля.

— Но, сэр!

— Значит так, Геркаймер: ты останешься здесь. Извини, что я на «ты». Сиди тут, дружок, ничего не трогай и жди. Я скоро вернусь.

— Вот тоска-то...— разочарованно протянул андроид,— а со скуки, сэр, я тут могу и нашалить,— предупредил он Саттона.

— Неужели? Ну ладно, ты прав, нужно тебя чем-нибудь занять. Вот что. Займись охраной портфеля.

— Слушаюсь, сэр,— уныло ответил Геркаймер. Задание его явно не устроило.

— Да. Еще есть поручение. Здесь, в гостинице, живет девушка по имени Ева Армор. Что-нибудь знаешь о ней?

Геркаймер покачал головой:

— Нет. Правда, у меня есть кузина...

— Кузина?

— Честно. Кузина. Ее сделали в той же лаборатории, что и меня. Поэтому она считается моей кузиной.

— Но, извини, пожалуйста, тогда у тебя колоссальное количество кузин!

— Так оно и есть, сэр. Несколько тысяч. И мы все дружим. Это что-то вроде семейных отношений,— произнес он торжественно.

— И что ты думаешь, твоя кузина может что-то знать?

Геркаймер кивнул:

— Она работает в этой гостинице. Я постараюсь у нее что-нибудь выудить.— Тут его взгляд упал на стопку смятых листков на столе.— А, значит, они все-таки добрались до вас?

— Кто «они»?

— Ну, эти, из Лиги Борьбы за права андроидов. Они не пропускают ни одного мало-мальски известного человека. И всем подсовывают свою петицию.

— Да, они меня просили подписать...

— Неужели вы подписали, сэр?

— Нет,— отрезал Саттон. Он внимательно разглядывал Геркаймера.— Ты ведь андроид,— сказал он прямо,— и по идее должен быть с ними заодно.

— Сэр,— с неожиданным энтузиазмом ответил Геркаймер.— Говорят-то они правильные вещи, но делают все не так. Они призывают людей проявить к нам милосердие, пожалеть нас. А нам не нужны ни милосердие, ни жалость.

— А что вам нужно?

— Нам нужно, чтобы с нами обращались как с равными. Но чтобы равенство было таким, каким мы его понимаем, и чтобы это было не по указу ни по какому и чтобы люди не думали, что они нас облагодетельствовали!

— Понятно,— сказал Саттон, тронутый его искренностью.— Я, видимо, так все и понял, только не мог выразить словами...

— Дело обстоит вот как, сэр,— заторопился Геркаймер.— Люди создали нас. Спасибо им за это. Но они выращивают

нас, как фермер выращивает скотину. Они создали нас для определенных целей и так и пользуются нами. Они могут быть даже очень добры к нам, но в этой доброте почти всегда есть что-то от жалости. А нам не положено иметь своего мнения. Мы не имеем права ни на что. Мы...

Он сделал паузу, чтобы набрать воздуха, но блеск в его глазах внезапно померк, черты лица снова стали печально-безучастными.

— Простите, сэр. Зря я вам надоедаю.

— В этом деле я твой товарищ, Геркаймер,— просто и спокойно сказал Саттон.— Помни об этом. Я твой друг и доказал это тем, что не подписал эту дурацкую петицию.

Геркаймер смотрел в пол, а Саттон — на него. Он дерзок и хитер, думал Саттон. И мы сами их такими сделали. Это печать рабства, которую они получают вместе со штампом на лбу.

— Ты можешь быть совершенно уверен в том, что уж чего-чего, а жалости я к тебе не испытываю,— сказал он Геркаймеру.

— Благодарю вас, сэр,— радостно встрепенулся Геркаймер.— За себя и за остальных, спасибо вам.

Саттон повернулся и пошел к двери.

— А вас можно поздравить, сэр,— сказал ему в спину Геркаймер.— Вчера вечером вы были на высоте.

Саттон обернулся.

— Бентон промахнулся,— ответил он.— Мне ничего не оставалось, кроме как убить его.

Геркаймер кивнул.

— Но дело не в этом, сэр. Насколько я знаю, это первый случай, когда человек убит выстрелом в руку.

— В руку? То есть как это — в руку?!

— В руку, сэр. Точнее, в плечо.

— И он умер?

— О да. Совсем умер, совсем.

Глава 13

Адамс щелкнул зажигалкой и подождал, пока пламя станет устойчивым. Он смотрел на Саттона, но во взгляде его не чувствовалось ни радости, ни удивления, ни волнения — все это было спрятано внутри.

Этот взгляд, помнил Саттон, одна из его излюбленных штучек. Он смотрит на тебя, как сфинкс, и если его не знаешь, можно вообразить, что перед тобой сам всемогущий Господь.

Но, пожалуй, невозмутимости поубавилось. Теперь ему приходится прилагать кое-какие усилия, а двадцать лет назад ничего не было заметно. Тогда он был непроницаем, как глыба гранита. Теперь гранит дал трещины... Что-то он задумал. Но что-то у него не клеится.

Адамс поднес пламя к трубке, несколько раз глубоко затянулся. Нарочно тянул время.

— Вы, надеюсь, понимаете,— сказал Саттон как можно более спокойно,— что я не могу быть с вами вполне откровенен.

Огонек зажигалки наконец погас. Адамс выпрямился в кресле:

— Что-что?

Саттон слегка смутился, но быстро овладел собой. Очередной прием. Хочет сбить меня с толку. Не выйдет.

— Вам, конечно, известно, что я привел на Землю корабль, на котором невозможно летать. Вы знаете, что у меня не было скафандра, что обшивка была повреждена, что у меня не было ни пищи, ни воды и что тем не менее я преодолел расстояние в одиннадцать световых лет.

Адамс сдержанно кивнул:

— Да, все это мне известно.

— То, как мне удалось вернуться и что со мной там произошло, не имеет никакого отношения к отчету, поэтому я не буду распространяться на эту тему.

— Ну и зачем вообще об этом говорить? — проворчал Адамс.

— Затем, чтобы мы лучше поняли друг друга,— спокойно сказал Саттон.— Затем, чтобы вы не задавали мне вопросы, на которые я все равно не отвечу. Сэкономим время, вот и все.

Адамс устроился поудобнее, сделал глубокую затяжку.

— Эш, вас послали туда, чтобы собрать информацию,— напомнил он Саттону.— Любые данные. Любые данные, которые помогли бы лучше понять, что там такое. Вы были представителем Земли, и Земля платила вам за работу. Поэтому вы в какой-то степени должник.

— Той планете я тоже кое-что задолжал,— возразил Саттон.— Там мне спасли жизнь. Корабль разбился, и я погиб, понимаете?

Адамс кивнул, сделав вид, будто и вправду понял.

— Да, именно так и говорил Кларк. Что вы погибли.

— Кто это — Кларк?

— Кларк — инженер-конструктор космической техники,— ответил Адамс.— Спит и во сне видит чертежи и графики Он со своей командой осмотрел ваш звездолет, после чего они построили графики динамического приложения сил. По их расчетам выходит, что вы неминуемо должны были погибнуть, находясь внутри корабля. Что от вас должно было остаться, образно говоря, мокрое место.

— Просто потрясающе,— удивился Саттон.— И все это с помощью расчетов?

— И Андерсон сообщил мне, что не считает вас человеком.

— Ну, для такого вывода достаточно было взглянуть на корабль.

Адамс кивнул:

— Конечно. Ни пищи, ни воздуха. Вывод вполне логичен.

Саттон медленно покачал головой:

— Ошибся ваш Андерсон. Если бы я не был человеком, только бы вы меня и видели. Да я просто бы не вернулся. Нет, Адамс, я тосковал по Земле, а вы ждали отчет. И я вернулся.

— Однако вы, мягко говоря, подзадержались.

— Я должен был все исследовать досконально,— ответил Саттон.— Вы ведь дали мне задание выяснить, опасны ли обитатели 61-й Лебедя, не так ли?

— И что же?

— Они не опасны,— ответил Саттон.

Адамс ждал объяснений, но Саттон молчал.

Наконец Адамс спросил:

— И это все, что вы хотели мне сообщить?

— Все,— ответил Саттон.

Адамс постучал по зубам кончиком трубки.

— Мне бы очень не хотелось посылать еще кого-нибудь туда для проверки вашей работы, Саттон. В особенности потому, что я всех уверил в том, что уж вы-то постараетесь...

— А туда бесполезно кого-либо посылать,— прервал его Саттон.— Больше туда никто не попадет.

— Но вы же попали!

— Да, я был первым, кто проник туда. И именно поэтому я стал и последним.

— Такое впечатление,— холодно улыбнулся Адамс,— что вы просто в восторге от людей, что живут там.

— Они не люди.

— Ну хорошо, от тамошних существ.

— Они даже не существа. Очень трудно объяснить, кто они такие. Если я скажу вам, как я их себе представляю, вы будете смеяться.

— И все-таки постарайтесь описать их как можно точнее,— пробурчал Адамс.

— Это... симбиотические абстракции. Вот самое точное определение, которое я могу дать.

— Вы хотите сказать, что в действительности они не существуют?

— Да нет, они существуют вполне реально. Они присутствуют, и об их присутствии можно догадаться. Оно ощущается столь же реально, как и то, что мы с вами сейчас видим друг друга.

— И они разумны?

— Да, они разумны.

— И так-таки никто не может попасть туда?

Саттон покачал головой.

— Послушайте, Адамс, а почему бы вам вообще не вычеркнуть систему 61-й Лебедя из ваших списков? Ну, забыть, что ли, что она существует? Уверяю вас, там нет никакой опасности! Они никогда не причинят человечеству никаких неприятностей, а люди просто не смогут туда попасть, вот и все!

— Скажите, а как у них с техникой?

— Нет у них никакой техники.

Тут Адамс резко изменил направление беседы:

— Простите, Эш, напомните, пожалуйста, сколько вам лет?

— Шестьдесят один,— ответил Саттон.

— Ну, да вы еще мальчишка. У вас все еще только начинается.— Адамс повертел в руках трубку.— И какие у вас планы?

— Никаких планов у меня нет.

— Хотели бы по-прежнему работать у нас?

— Это зависит от вас. У меня есть основание думать, что я вам не особенно нужен.

— Мы должны вам за двадцать лет,— сказал Адамс довольно дружелюбно.— Деньги можете получить в любое время. А по-

том можете в отпуск уйти года на три-четыре. Почему бы вам не отдохнуть, дружище?

Саттон не отвечал.

— Заходите еще как-нибудь,— предложил Адамс.— Поговорим.

— Я не скажу ничего нового,— сухо ответил Саттон.

— Я не настаиваю.

Саттон медленно поднялся.

— Очень жаль, Эш, что я не вызываю у вас доверия.

— Вы дали мне задание,— ответил Саттон.— Задание я выполнил. Отчет написал.

— Да. Все правильно,— согласился Адамс.

— Вы будете держать связь со мной? — спросил Саттон.

— Да, конечно. Обязательно.

Взгляд Адамса был мрачен.

Глава 14

Саттон расслабился в кожаном кресле. Сорок лет будто стерлись из памяти. Все здесь было, как тогда. Даже чайные чашки те же.

Через открытое окно в кабинет доктора Рейвена доносились веселые молодые голоса. Студенты разбегались по аудиториям. Кончалась перемена. Ветер шумел в верхушках вязов. Саттон хорошо помнил этот шум.

Вдали зазвенел церковный колокол.

Доктор Рейвен подвинул чашку поближе к Саттону.

— По-моему, я все сделал, как ты любишь. Три кусочка сахара и без сливок.

— Да, все правильно,— удивился Саттон.

Еще помнит, подумал он. Хотя помнить — это ведь так легко. Мне, например, кажется, что я сам могу вспомнить все, что угодно. Как будто знания, словно старинные сервизы, стояли где-то на полочках и чья-то заботливая рука ежедневно стирала с них пыль все эти годы, пока я был там, в чужом, непривычном мире, и теперь можно снять это фамильное серебро с полки, вычищенное, сияющее...

На потолке играли отблески пламени, пылавшего в беломраморном камине.

— Я думаю,— сказал Саттон,— вам все-таки интересно, зачем я пожаловал?

— Во всяком случае,— ответил доктор Рейвен,— не могу сказать, что ты так уж удивил меня своим визитом. Все мои мальчики нет-нет да и заглядывают ко мне. И я страшно рад, когда меня навещают.

— Честно говоря, сам не знаю, с чего начать,— взволнованно сказал Саттон.

— Давай проще,— предложил старик.— Вспомни, как в старые добрые времена мы говорили часами и в конце концов докапывались до какой-никакой истины...

Саттон рассмеялся.

— Да, профессор, конечно помню. Мы решали тончайшие проблемы теологии. Разбирали основополагающие аспекты сравнительной религии. Именно это и волнует меня сейчас, потому я и приехал. Ведь вы посвятили этому всю жизнь. О земных и инопланетных религиях никто на Земле не знает больше, чем вы. Удалось ли вам при этом сохранить свою собственную веру? Не возникало ли у вас искушения отказаться от земной религии?

Доктор Рейвен улыбнулся и поставил чашку на стол.

— Я должен был быть готов к тому, что ты, как обычно, задашь мне какой-нибудь каверзный вопрос. Это в твоем духе.

— Я не собираюсь вас долго мучить,— оправдывающимся тоном проговорил Саттон.— Я просто хочу узнать, не нашли ли вы в огромном количестве верований какой-нибудь религии, которая оказалась бы лучше, выше других?

— Надо понимать, что ты нашел такую религию?

— Нет,— ответил Саттон тихо.— Не религию.

Церковный колокол все еще звонил вдалеке. В университетских коридорах наступила тишина. Перемена закончилась.

— Не казалось ли вам когда-нибудь,— спросил Саттон,— что вы сидите одесную Господа и слышите нечто, чего никогда в жизни не слышали и не ожидали услышать?

Доктор Рейвен недоуменно покачал головой.

— Нет, пожалуй, ничего подобного мне испытать не довелось.

— А если бы довелось, как бы вы себя вели?

— Ну, я думаю, что мне пришлось бы так же мучительно размышлять об этом, как и тебе.

— Восемь тысячелетий люди жили только верой,— сказал Саттон, глядя на пылающий камин.— Восемь тысячелетий, а то и больше. Да, конечно больше. Чем же, если не верой, пусть какими-то начатками веры, объяснить ориентацию захоронений неандертальцев и то, что кости в захоронениях окрашены охрой?

— Вера,— мягко вставил Рейвен,— могущественное явление.

— Да, могущественное,— согласился Саттон,— но при всем том порой она не что иное, как признание нами своей собственной слабости. Мы как бы сами признаем, что мы не в силах существовать в одиночку, что нам нужна соломинка, за которую мы могли бы ухватиться, надежда и убежденность в том, что есть высшая сила, которая нам поможет и укажет путь.

— Ты как-то озлобился, Эш. Это твое открытие так повлияло на тебя?

— Да нет. Это не озлобленность,— смущенно ответил Саттон.

Где-то тикали часы, и в наступившей тишине их тиканье казалось нарочито громким.

— Профессор,— спросил Саттон,— а что вы думаете о таком понятии, как судьба?

— Вот уж действительно странно слышать от тебя подобный вопрос! Никогда не считал тебя человеком, который покоряется судьбе.

— Я имею сейчас в виду научное, книжное что ли, определение этого понятия. Что по этому поводу говорит литература?

— Ну, в общем, люди, верившие в судьбу, существовали во все времена. Каждый, наверное, верил по-разному. Не все, правда, именовали то, во что верили, судьбой. Одни называли это фортуной, другие — предчувствием, третьи — предначертанием, остальные — еще как-нибудь.

— Да, но ведь нет никаких подтверждений, что судьба действительно существует. Никаких фактов, что она представляет собой реально действующую силу. Ее ведь, так сказать, нельзя потрогать руками!

Доктор Рейвен покачал головой.

— Да, Эш. Ты прав. «Судьба», в конце концов,— просто слово. Руками действительно не потрогаешь. Но когда-то и

вера была не более чем словом, так же как теперь судьба. Однако за тысячи лет миллионы людей сделали веру осязаемой. Ее можно узнать, принять и жить по ее законам.

— Ну а такие вещи, как удача или предчувствие, это что — всего лишь случайности?

— Да, но они могут служить проявлениями судьбы,— ответил Рейвен.— Вспышки, в свете которых можно разглядеть суть. Всего лишь отдельные волны в бурном потоке событий. Я так это понимаю, хотя специально этими вопросами никогда не занимался.

Он поднялся и подошел к книжному шкафу. Запрокинул голову, глядя на верхние полки.

— Тут у меня где-то была одна книга. Не знаю, найду или нет.

Он поискал и не нашел.

— Ну, это не так важно,— сказал он.— Я найду ее обязательно и дам тебе почитать, если тебе действительно так интересно. В ней рассказывается о древнем африканском племени с очень странными верованиями. Они верили, что у каждого человека есть душа. Можно это называть как угодно — эго, сознание, разум, но лучше — душа. Так вот, они верили, что у каждой души есть двойник, вторая половинка, и эта половинка обитает где-то на далекой звезде. Если я правильно помню, они даже знали, на какой именно, и могли показать ее на ночном небе.

Он оторвал взгляд от книг и посмотрел на Саттона.

— А знаешь что, может быть, это и есть судьба,— сказал он тихо.— Очень, очень может быть.

Рейвен прошелся по кабинету и подошел к догоравшему камину. Он стоял, заложив руки за спину и склонив набок седую голову.

— А почему, собственно, ты так интересуешься судьбой?

— Потому, что я ее нашел,— тихо промолвил Саттон.

Глава 15

На экране видеофона возникло лицо человека. Он был в маске.

— Если хотите говорить со мной,— холодно и резко сказал Адамс,— снимите маску.

— Придется так поговорить,— произнес голос из-под маски.— Я — тот человек, что разговаривал с вами во дворе. Помните?

— Надо понимать, что теперь вы говорите со мной из будущего? — съязвил Адамс.

— Нет,— невозмутимо ответил человек в маске.— Я пока в вашем времени. Я за вами наблюдал.

— И за Саттоном тоже?

Человек в маске кивнул.

— Вы с ним беседовали. Что вы теперь думаете?

— Он что-то скрывает,— нехотя ответил Адамс.— И он, как бы это лучше выразиться... Он не совсем человек.

— Намерены ли вы убить его?

— Нет, я не думаю, что в этом есть необходимость. Кроме того, как я уже сказал, он что-то знает, и нам бы было очень желательно выудить из него эту информацию. Сами понимаете, убийство — не лучшее средство.

— Было бы гораздо лучше для вас,— сказал человек в маске,— если бы то, что он знает, умерло вместе с ним.

— Может быть,— сказал Адамс, ерзая в кресле,— я бы лучше вас понял, если бы вы объяснили наконец, что имеете в виду?

— Не могу, Адамс. И хотел бы, да не могу. И не имею права посвящать вас в тайны будущего.

— Не можете... Очень мило. Ну а я, со своей стороны, не позволяю вам вмешиваться в прошлое.

Про себя он подумал: сдрейфил, собака. Сдрейфил. Не вышло у него. Он-то мог кокнуть Саттона уже сто раз, но не имеет права делать этого сам, своими руками. Ему нужно, чтобы Саттона убил кто-то из нашего времени.

— Между прочим...— выдавил человек в маске.

— Да-да? — отозвался Адамс.

— Я хотел спросить у вас, как там дела на Альдебаране-12?

— Что — на Альдебаране-12? О чем вы?

— Просто если бы не Саттон, аварии на Альдебаране-12 не было бы,— объявил человек в маске.

— Но Саттон в это время еще не вернулся на Землю! Он тогда вообще неизвестно где был! — удивленно воскликнул Адамс. Но удивление его быстро сменилось отчаянием: он вспомнил, вспомнил проклятый титульный лист из книги, где стояло имя автора: Эшер Саттон.— Послушайте,— умоляюще

проговорил Адамс.— Ради всего святого, объясните мне хоть что-нибудь, если это можно объяснить!

— Вы хотите меня уверить, что до сих пор не догадались, что из всего этого может получиться?

Адамс обреченно помотал головой.

— Война,— мрачно произнес человек в маске.

— Какая война? У нас нет никаких войн!

— Да не в вашем времени. В будущем.

— Но как?

— Майклсона помните?

— Это тот, что одну секунду побывал в будущем...

Человек в маске кивнул, экран померк. По коже у Адамса побежали мурашки страха. Руки похолодели.

Внезапно раздался звонок видеофона, Адамс почти машинально нажал клавишу. На экране появился Нельсон, его агент.

— Саттон только что вышел из университета,— сообщил Нельсон.— Он пробыл час у доктора Рейвена. Гораций Рейвен, профессор кафедры сравнительной теологии.

— О! Вот, значит, в чем дело...

Адамс сидел, растерянно постукивая пальцами по столу. Происходившее было непонятно и страшно.

Это просто стыд и позор, думал он, убивать такого парня, как Саттон. Но, наверное, так будет лучше. Да, так будет лучше, мысленно повторил он уже более убежденно.

Глава 16

Кларк заявил, что я погиб, а Кларк — специалист. Кларк построил графики, и по ним выходит, что я погиб. Это понятно. А Андерсон утверждает, что я — не человек. Ему-то откуда знать?

Дорога петляла, как серебристая лента в лучах луны. Земля благоухала ароматами ночи и утопала в ее звуках. Резкий, чистый запах молодых растений, волнующая свежесть воды. Справа от шоссе через болотце бежала небольшая речушка, поблескивая в лунном свете. Окрестности оглашало заливистое кваканье лягушек, то тут, то там, как сигнальные фонарики, мелькали огоньки светлячков.

Как Андерсон мог узнать? — думал Саттон. Никак, если только не обследовал меня. Если не был одним из тех, кто

копался во мне, когда я первый раз вошел в номер и меня чем-то одурманили.

А раз об этом знает Адамс, значит, он тут наверняка приложил руку, а Адамс без крайней необходимости этого бы не сделал. Но, сказав мне про Кларка и Андерсона, он тем самым обнаружил свое участие. Значит, он хотел мне что-то сказать. Но не смог. Не мог же он в самом деле прямо выложить мне, что я там у них весь разложен по полочкам — снимки, пленки, записи. Тогда стало бы ясно, что он — один из тех, кто устроил всю эту охоту.

Единственное, что он мог себе позволить, так это тонкий намек, что он и сделал, сказав про Андерсона. Он думал, что я пойму, и полагает, что напугал меня.

В свете передних фар внезапно возникли очертания массивного дома у подножия холма. Потом был поворот. Ночная птица, бесшумная, призрачная, перелетела через шоссе и скрылась во мраке.

Адамс. Это был Адамс, продолжал размышлять Саттон. Он ждал меня. Каким-то непонятным образом он пронюхал о моем возвращении и был наготове. Он все продумал еще до того, как я приземлился. А теперь он, конечно, узнал много такого, чего не мог и вообразить...

Саттон грустно усмехнулся. В это мгновение за ближайшим холмом раздался душераздирающий вопль, небо озарила яркая вспышка, поток огня устремился к болоту, и там пламя быстро опало.

Взвизгнули тормоза. Но еще до того, как машина окончательно остановилась, Саттон выпрыгнул из нее и помчался по склону к странному черному предмету, полыхавшему в трясине.

Вода хлюпала под ногами, острые листья болотной осоки резали кожу. Лужицы отливали масляно-черным блеском в лучах пламени; странный корабль — если это был корабль — догорал. На другом краю болота взахлеб орали лягушки.

Кто-то барахтался в грязной воде всего в нескольких футах от горевшего корабля. Вспышка пламени озарила это место, и Саттон понял, что там — человек.

Огонь осветил лицо несчастного. Блеснули выпученные глаза. Человек с трудом приподнялся на локтях, пытаясь отползти подальше от горевшего звездолета. Еще одна вспышка — его лицо исказила гримаса ужаса и боли. До Саттона до-

несся жуткий запах горелого мяса. Он подбежал, подхватил несчастного под мышки и потащил через болото к дороге. Грязь чавкала под ногами.

Наконец он ступил на твердую почву и стал карабкаться по склону вверх, где стояла его машина. Голова страдальца моталась из стороны в сторону. Он что-то пытался говорить, но вряд ли звуки, вылетавшие из его рта, можно было назвать словами.

Саттон резко оглянулся и увидел, как языки пламени взметнулись до самого неба. Ярко-голубая вспышка разогнала ночной мрак. Вспугнутые болотные птицы покинули свои гнезда и, ослепленные огнем, в страхе метались во все стороны, оглашая тишину криками ужаса.

— Ядерный двигатель,— прошептал Саттон.— Сейчас взорвется!

— Нет,— прохрипел человек.— Нет, не взорвется. Я поднял стержни...

Саттон наступил на корень дерева, споткнулся и упал на колени. Руки его разжались, и он выпустил несчастного. Тот ткнулся лицом в землю, Саттон помог ему перевернуться на спину. Он тяжело дышал и смотрел в небо обезумевшими от ужаса глазами.

Молоденький совсем, огорченно подумал Саттон.

— Ядерный двигатель не взорвется,— бормотал человек.— Я его заблокировал...

В его словах была гордость человека, который хорошо сделал свое дело. Говорить ему было трудно. Когда он замолчал, Саттону показалось, что все кончено. Мгновение спустя он снова начал дышать, в горле у него хрипело и булькало. Кожа на висках потрескалась от ожога, из трещин сочилась кровь. Челюсти двигались медленно, изо рта со свистом и хрипом вырывались слова.

— Было сражение... в восемьдесят третьем... я видел, как он шел... хотел совершить прыжок во времени...

Он глотал окончания, набирал воздух, вновь пытался говорить:

— У них были новые пистоле... Они подожгли кора...

Он повернул голову и наконец увидел Саттона. Он приподнял голову, потом откинулся назад, тяжело дыша.

— Саттон! — прошептал он.

Саттон склонился над ним.

— Я понесу вас. Отвезу к доктору.

Человек смотрел на него не отрываясь и шептал только два слова:

— Эшер Саттон... Эшер Саттон...

На краткий миг в глазах умирающего вспыхнула гордая радость, какой-то фанатичный восторг. Он с трудом приподнял правую руку и сложил пальцы в непонятном знаке. Было не похоже, что он собирается перекреститься...

Но блеск в его глазах быстро угас, рука упала, пальцы разжались. Можно было и не слушать сердце, и так было ясно, что страданиям его пришел конец.

Саттон медленно поднялся на ноги.

Пламя утихало, птицы улетели. Сгоревший корабль наполовину затянула трясина. Очертания его показались Саттону незнакомыми, а уж он на своем веку звездолетов повидал немало.

Человек назвал его по имени. Перед смертью взгляд его на мгновение загорелся, он пытался подать какой-то условный знак. И — «в восемьдесят третьем было сражение...»

В восемьдесят третьем году? Или веке? Кто-то там пытался совершить прыжок во времени. Белиберда какая-то. Какие еще прыжки во времени?

Я-то точно знаю, что с этим парнем никогда в жизни не встречался, сам себе говорил Саттон, будто оправдываясь. Боже правый, я его не знаю! А он назвал меня по имени — значит, он меня знал и хотел сделать рукой какой-то знак. Похоже было даже, что он рад меня видеть.

Саттон опустил взгляд и посмотрел на мертвое тело, лежавшее у его ног, и сердце его сжалось от горечи и сострадания.

Он осторожно опустился на колени и стал ощупывать безжизненное тело — нет ли какого-нибудь пакета, документов или хоть чего-нибудь, чтобы можно было понять, кто перед ним.

Он знал меня, думал Саттон. И мне нужно понять откуда.

В нагрудном кармане комбинезона оказалась небольшая книжка. Саттон осторожно вытащил ее.

Обложка была из черной кожи с золотым тиснением, так что даже при свете луны Саттон смог прочесть буквы, сочетание которых резануло по глазам:

Эшер Саттон
ЭТО СУДЬБА

Саттон просто окаменел. Сгорбившись, сидел он на корточках и не отрываясь смотрел на золотые буквы на обложке.

Книга!

Книга, которую он собирался написать, но еще и не начинал!

Книга была перед ним, зачитанная, видимо, не раз переходившая из рук в руки...

С болота поднимался холодный туман. Кричала одинокая выпь...

Странный звездолет свалился в болото и сгорел. Из него успел выскочить человек. Перед смертью он узнал Саттона и назвал его по имени. В кармане у него оказалась книга, которая еще не была написана. Таковы факты. Несвязные, непонятные факты.

В темноте послышались голоса. Саттон встал и прислушался. Голоса послышались вновь, на этот раз ближе. Кто-то шел к месту происшествия.

Саттон быстро пошел вверх по склону к машине.

Больше мне здесь делать нечего, сказал он себе.

Глава 17

За кустами сирени прятался человек, в тени забора притаился другой.

Саттон медленно шел вперед. Тянул время, по пути соображая, как быть.

— Джонни! — беззвучно произнес он.

— Да, Эш,— беззвучно ответил голос.

— Как ты думаешь, их там только двое или еще есть?

— Похоже, Эш, что где-то есть еще один, но пока непонятно, где именно. Все вооружены.

Саттон ощутил радостную уверенность в себе. Ему помогали, он был не одинок. У него был друг.

— Подскажешь, если что, Джонни!

Он шел вперед, насвистывая куплет из песенки, которую на Земле давным-давно забыли. Машину он оставил в гараже в двух кварталах отсюда, и до «Пояса Ориона» оставалось еще два квартала. Между ним и гостиницей было препятствие в виде двух вооруженных мужчин. Двух, а может, и больше.

Между гаражом и гостиницей построек не было. Там тянулся парк: стриженые кусты, газоны, аккуратные клумбы — типичный образчик пейзажа административной Земли.

Да, думал Саттон, этот парк как нельзя лучше подходит для того, чтобы без лишнего шума убрать, кого надо.

Опять Адамс? — лихорадочно соображал он. Не может быть. Вряд ли. Адамс не прочь еще кое-что вытянуть из меня, а зачем же убивать человека, который тебе нужен. Глупо.

Про других ему говорила Ева. Это были те, кто нанял Бентона. Скорее, это были они, потому что Адамсу он был нужен живой, а эти, кто бы они ни были, вознамерились, видимо, покончить с ним во что бы то ни стало.

Он опустил руку в карман куртки, чтобы достать сигарету, но пальцы его ощутили холод стали. Там был пистолет, из которого он стрелял в Бентона. Он подержал пистолет в руке, потом разжал пальцы, вынул руку из кармана и достал сигареты из другого.

Рано еще, подумал он. Еще успею вынуть пистолет. Если он мне понадобится. Если мне оставят шанс им воспользоваться.

Он остановился и закурил. Тянул, тянул время. Время работало на него.

Пистолет в такой ситуации, конечно, слабоват, думал он. Но уж лучше быть с пистолетом, чем совсем безоружным.

— Эш! — произнес беззвучный голос.— Там есть еще один. Он ждет, что ты пройдешь мимо, и тогда они окружат тебя с трех сторон.

— Отлично,— тихо проговорил Саттон.— А точнее?

— За кустом с белыми цветами. Он по ту сторону. Близко к дорожке.

Саттон затянулся сигаретой, кончик ее светился, как красный глаз циклопа.

— Убрать его, Джонни?

— Да, лучше убрать.

Саттон остановился и увидел куст — в четырех шагах.

Шаг.

В чем же здесь дело, черт подери?

Еще шаг.

Прекрати гадать. Надо действовать, гадать потом будешь.

Еще шаг.

Вот он. Вижу!

Саттон резко свернул с дорожки на газон, выхватил из кармана пистолет и выстрелил два раза. Человек, прятавшийся за кустом, повалился лицом в траву. Оружие выпало у него из рук, Саттон быстро поднял его. Это был электронный бластер, жуткая штука, стрелявшая пучком лучей. Двадцать лет назад такое оружие было только что разработано и засекречено, а теперь, как видно, оно доступно любому.

Саттон выпрямился и побежал вперед, продираясь сквозь заросли колючего кустарника. Перебегая через клумбу с тюльпанами, он увидел сбоку вспышку — беззвучный выстрел. Серебристый луч пронзил ночную тьму. Саттон перепрыгнул канавку и оказался в роще кипарисов и берез. Он остановился, перевел дыхание, оглянулся назад.

Там было все тихо и спокойно. Парк мирно спал в лучах луны. Никого и ничего подозрительного. Никто не стрелял. Вдруг Джонни шепнул:

— Эш! Сзади. Друг.

Саттон резко обернулся, сжал пистолет.

В свете луны он разглядел фигуру Геркаймера. Тот бежал, пригнувшись к земле, как собака, ищущая след.

Саттон выглянул из-за густого кипариса и шепотом окликнул его. Геркаймер остановился, огляделся и быстро подбежал.

— Мистер Саттон!

— Да, Геркаймер!

— Надо бежать!

— Да,— ответил Саттон.— Похоже, придется. Я попал в засаду. Меня тут трое поджидали.

— Все гораздо серьезнее,— обреченно сказал Геркаймер.— Теперь на вас покушаются не только Ревизионисты и Морган, но и сам Адамс.

— Адамс?

— Адамс отдал приказ стрелять в вас без предупреждения.

Саттон остолбенел.

— А ты откуда знаешь?!

— Это не я. Эта девушка знает все. Ева. Та, про которую вы спрашивали. Она мне сказала.— Геркаймер подошел поближе и, глядя Саттону прямо в глаза, сказал: — Вы должны поверить мне, сэр. Утром вы спросили, могу ли я предать

вас, но я никогда бы этого не сделал. Я был за вас с самого начала.

— А девушка?

— Ева тоже за вас, сэр. Как только мы все разузнали, мы начали вас разыскивать, но опоздали. Ева ждет нас в звездолете.

— В звездолете...— мало что понимая, повторил Саттон.— Ах, да, «звездолет и еще много чего...». Ты говорил.

— Это ваш собственный звездолет, сэр,— сказал Геркаймер.— Тот самый, что достался вам от Бентона. Вместе со мной.

— И ты хочешь, чтобы я пошел с тобой, сел в звездолет, и...

— Простите, сэр!

Геркаймер действовал так решительно, что Саттон не успел оказать сопротивления. Он только увидел, что кулак Геркаймера приближается к его лицу, попытался выстрелить... Удар был силен и резок. Ноги подкосились, в глазах поплыли круги...

Глава 18

Голос Евы Армор нежно звал его:

— Эш! Ну, Эш, очнись!

До слуха Саттона донесся приглушенный шум двигателей. Маленький звездолет рассекал просторы космоса.

— Джонни! — произнес он мысленно.

— Мы на борту корабля, Эш.

— Сколько нас?

— Кроме нас — андроид и девушка. Ева. Я же говорил тебе, что они друзья. Почему ты не поверил мне?

— Я теперь никому не верю.

— Даже мне?

— Я не могу доверять твоим оценкам, Джонни, прости. Ты плохо знаешь Землю.

— Не так уж плохо, Эш. Я знаю и Землю, и землян. Гораздо лучше, чем ты. Ты не первый землянин, с которым я сосуществую.

— Джонни, я не помню... Мне нужно вспомнить что-то очень важное. Я пытаюсь вспомнить, но все путается. Главное я, конечно, помню. То, чему я учился у вас, то, что я записал и взял с собой на Землю. Но саму планету и людей на ней я не помню...

— Они не люди, Эш.

— Я знаю. Но какие же они? Не помню...

— И не нужно тебе помнить, Эш. Все там было слишком чужое, непривычное. Ты бы не вынес таких воспоминаний, потому что они стали бы частью тебя самого. А тебе нужно остаться человеком, Эш. Нам нужно, чтобы ты остался человеком.

— Но ведь когда-нибудь я должен вспомнить!

— Когда надо будет, тогда и вспомнишь. Я об этом позабочусь.

— И еще, Джонни...

— Что, Эш?

— Ты не против этой выдумки, ну... в смысле, не против ты, что я тебя называю Джонни? Все-таки это как-то фамильярно. Но если честно, я не знаю, как бы я мог назвать лучшего друга. Это самое лучшее из всех имен, какие я знаю.

— Нет-нет, я не против! Совсем не против!

— Ты что-нибудь понимаешь в том, что происходит, Джонни? Кто такой Морган? Кто такие Ревизионисты?

— Нет, Эш. Я не знаю, кто это.

— Ну, может быть, ты хотя бы догадываешься?

— Да, Эш, начинаю догадываться.

...Ева Армор трясла его за плечо.

— Эш, проснись! Ты слышишь меня? Ну очнись же!

Саттон открыл глаза. Он лежал на кушетке. Ева изо всех сил теребила его.

— О'кей! — запротестовал он.— Хватит, пожалуй!

Он спустил ноги с кушетки и уселся. Поднял руку, потрогал ушибленную скулу.

— Геркаймеру пришлось стукнуть тебя,— сказала Ева.— Он не хотел тебя бить, но ты не слушался, а мы торопились.

— Геркаймер? Это кто такой?

— Ох, видно, он слишком здорово тебя стукнул. Все забыл. Геркаймер — андроид Бентона. Он теперь ведет корабль.

Саттон огляделся. Корабль был маленький, но очень уютный и удобный, в нем хватало места для двух-трех пассажиров.

— Итак, раз уж вы меня похитили,— сказал Саттон девушке,— может, вы все-таки будете настолько любезны, что сообщите мне, куда мы, собственно, направляемся?

— Мы и не думали ничего от тебя скрывать,— ответила Ева, улыбаясь.— Мы летим на астероид, который достался тебе в наследство от Бентона. Там есть охотничий домик, большие запасы еды, и потом, там никто не будет нас искать.

— Здорово,— усмехнулся Саттон.— Мне только охоты и не хватало для полного счастья.

— Да не нужно вам там охотиться,— произнес голос андроида за спиной Саттона.

Саттон обернулся. На пороге отсека управления стоял Геркаймер.

— Ты будешь там писать свою книгу,— мягко сказала Ева.— Ты ведь знаешь про книгу. Про ту самую, которую Ревизионисты...

— Да,— оборвал ее Саттон.— Про книгу я знаю.

Он замолчал, вспоминая, и рука его машинально потянулась к нагрудному карману. Книга была там, на месте. И еще какая-то бумага зашуршала... Ах да, письмо. То старинное письмо.

— Что касается книги...— пробормотал Саттон, но сразу же замолчал, потому что чуть было не брякнул, что книгу писать, собственно, не нужно, поскольку у него есть готовый экземпляр. Но что-то остановило его. Он понял, что как раз этого говорить не надо.

— Я захватил ваш портфель, сэр,— сообщил Геркаймер.— Рукопись там, в целости и сохранности. Я проверил.

— Ну и, конечно, кучу бумаг тоже захватил? — насмешливо спросил Саттон.

— И кучу бумаг,— невозмутимо ответил Геркаймер.

Ева Армор склонилась к Саттону, и он ощутил волнующий запах ее медно-рыжих волос.

— Ты что, не понимаешь,— спросила она тихо,— как это важно, чтобы ты написал книгу? Неужели ты не понимаешь?

Саттон покачал головой.

Важно? — подумал он. Для кого? И для чего?

...В памяти возникло лицо, искаженное гримасой смерти, голос умирающего, его слова...

— Но я действительно не понимаю,— ответил он.— Может, вы объясните мне?

Она покачала головой.

— Ты должен написать книгу — это все, что я могу сказать.

Глава 19

Астероид был освещен мерцающим светом далеких звезд. Заснеженные вершины гор вздымались к небу серебристыми пиками.

Воздух был разреженный и холодный, и Саттон удивился, что здесь вообще есть атмосфера. Хотя за те деньги, что отваливают на доведение любого такого астероида до состояния обитаемости, можно и не только атмосферу сотворить.

Бентон вбухал как минимум миллиард долларов, прикинул Саттон. Только атомные установки стоят половину этой суммы, а без них вообще невозможно создать атмосферу. А гравитационные машины для ее удержания... Влетело в копеечку.

Когда-то, думал он, человеку для счастья хватало уединенного коттеджа на берегу озера, маленького охотничьего домика в лесу или путешествия за океан на яхте, но теперь, когда в распоряжении людей вся Галактика, можно купить за миллион долларов астероид, а то и целую планету...

— Домик там,— сказал Геркаймер, и Саттон посмотрел в ту сторону, куда он указывал.

Вдали, на возвышенности, виднелось небольшое темное строение. Там горел свет.

— Откуда свет? — встревоженно спросила Ева.— Здесь кто-то есть?

Геркаймер отрицательно покачал головой:

— Не может быть. Просто кто-то забыл выключить.

Вечнозеленые березы, такие чужие, нереальные в свете звезд, были похожи на кучки солдат, взбирающихся по склону горы к домику.

— Здесь есть тропа,— сказал Геркаймер.

Он пошел первым, за ним — Ева, Саттон замыкал шествие. Тропа была довольно крутая и неровная. То и дело попадались острые камни.

Домик, как понял Саттон, располагался на небольшом, видимо искусственном, плато, поскольку других ровных площадок вокруг не было. Насколько хватало глаз, везде торчали зубцы скал.

Движение воздуха, слабое, почти неощутимое, качнуло верхушки деревьев. Что-то метнулось в сторону от тропы и скрылось среди камней. Издалека донесся жутковатый крик.

— Это зверь,— спокойно объяснил Геркаймер. Он остановился и указал на небольшую, причудливых очертаний скалу.— Тут можно отлично поохотиться,— сообщил он и добавил: — Если ноги не переломаешь.

Саттон оглянулся назад и впервые почувствовал по-настоящему первозданную дикость здешнего пейзажа. Внизу свернулись застывшие водовороты камней и скал, а наверху — черные провалы неба между вершинами серебристых неприступных пиков.

Саттон поежился.

— Пошли! — поторопил он спутников.

Наконец они одолели последние сто ярдов и ступили на плато. Остановились, перевели дыхание. Зрелище этого мира, словно явившегося из ночного кошмара, действовало на психику настолько неприятно, что Саттон просто физически почувствовал, как холодная рука одиночества подбирается к нему и вот-вот дотронется до него ледяными пальцами. Одиночество здесь было вымученным, ненормальным. Нет, не о таком уединении он мечтал! Здесь царило отрицание жизни, движения. Сама мысль о жизни казалась странной, невозможной.

Вдруг позади раздался звук шагов. Все трое резко обернулись.

Из темноты возник приземистый мужчина и как ни в чем не бывало обратился к ним приятным баритоном.

— Добрый вечер! — поприветствовал он.— А мы, понимаете, услышали, как вы приземлились, и пошли встречать вас.

Ева ответила холодно и сердито:

— Вы нас напугали. Мы не ожидали здесь кого-нибудь застать.

— Надеюсь, мы вам не помешаем,— сказал мужчина.— Мы — приятели мистера Бентона, и он сказал нам, что астероид в нашем полном распоряжении.

— Мистер Бентон умер,— не меняя тона, сообщила Ева.— А этот человек — новый владелец астероида.

Мужчина с любопытством взглянул на Саттона.

— Простите, сэр,— произнес он удивленно.— Мы были не в курсе. Если так, то мы, конечно, быстренько соберемся и улетим.

— А зачем вам, собственно, улетать? — пожал плечами Саттон.— Можете и остаться.

— Мистеру Саттону,— вмешалась Ева,— нужен покой и тишина. Он прилетел сюда, чтобы писать книгу.

— Книгу...— повторил за ней мужчина.— Писатель, что ли?

Саттону показалось, что тот подшучивает, но не только над ним, а над всей компанией.

— Мистер Саттон...— сказал человек так, как будто пытался вспомнить.— Что-то не припомню. Но, с другой стороны, я не так много читаю.

— Не трудитесь вспоминать,— сказал ему Саттон.— Я пока еще ничего не написал.

— А, ну тогда понятно,— облегченно рассмеялся мужчина.

— Здесь холодно,— резко вмешался Геркаймер.— Пойдемте в дом.

— О, конечно, конечно,— засуетился мужчина.— Холодно, а я, дурак, болтаю. Кстати, меня зовут Прингл. А моего приятеля — Кейз.

Никто не ответил, так что ему ничего не оставалось, кроме как повернуться и направиться к домику.

Подойдя ближе, Саттон отметил, что дом гораздо больше, чем казалось снизу. Он был высокий и темный, его легко было принять за большую скалу.

Как только они преодолели массивную каменную лестницу, дверь открылась и на пороге появился второй мужчина, рослый, худой и очень подтянутый.

— Новый хозяин объявился, Кейз! — сообщил ему Прингл, и Саттону показалось, что он чуть-чуть понизил голос, как бы стараясь вложить в сообщение какой-то особый смысл.— Бентон-то помер, оказывается, представляешь? — пояснил Прингл.

— Правда? Вот интересно! — отозвался Кейз.

Саттон подумал, что это несколько необычная реакция на сообщение о смерти.

Кейз отступил в сторону, пропуская всех в дом, и закрыл дверь.

Потолок в комнате был высокий, но горела только одна лампочка, поэтому в углах сгустились угрюмые тени.

— Боюсь, что вам придется самим о себе позаботиться. Мы с Кейзом прилетели налегке, роботов не взяли. Но если вы хотите есть, я сейчас быстренько что-нибудь соображу. Что-нибудь горяченькое и сэндвичи, идет?

— Спасибо, мы поели только что, перед посадкой,— отказалась Ева.— Вещей у нас немного, Геркаймер сам управится.

— Ну, тогда присаживайтесь. Вам я настойчиво рекомендую вот это кресло. Очень удобное. Садитесь, поболтаем!

— Мы не в силах разговаривать. Полет был тяжелый, вы уж нас простите.

— Ох, какая вы нелюбезная девушка! — всплеснул руками Прингл, и было совершенно очевидно, что он не шутит.

— Я просто усталая девушка,— в тон ему ответила Ева.

Прингл подошел к стене, нажал выключатели. Комната озарилась ярким светом.

— Спальни на втором этаже,— сказал он.— Через балкон. Кейз и я занимаем первую и вторую слева. Все остальные — в вашем распоряжении.

Он пошел вперед, чтобы показать им дорогу. Но тут неожиданно заговорил Кейз:

— Мистер Саттон! Мне кажется, я где-то слышал ваше имя.

— Думаю, вы ошибаетесь,— ответил Саттон, обернувшись.— Я совершенно неизвестен.

— Да, но... вы убили Бентона.

— А кто вам сказал, что я его убил?

— Это вполне логично. Как бы вам иначе перепал этот астероид? Только так. Я знаю, что Бентон обожал это местечко и по доброй воле от него не отказался бы ни за что.

— Ну хорошо, если вам угодно, я действительно убил Бентона.

Кейз восхищенно покачал головой:

— Просто потрясающе!

— Доброй ночи, мистер Кейз,— сказала Ева и обратилась к Принглу: — Можете не беспокоиться. Мы сами отлично найдем дорогу.

— Ну что вы, нет проблем! — воскликнул Прингл, идя вверх по лестнице.

Саттону опять послышалась насмешка в его голосе.

Глава 20

Что-то в этих людях было не то. Сам факт их пребывания здесь наводил на размышления.

В голосе Прингла звучала плохо скрытая ирония — болтун, шут. А Кейз, наоборот, подчеркнуто вежлив, серьезен, корректен, говорит, взвешивая каждое слово. На кого-то он похож, но пока Саттон не мог вспомнить, на кого именно.

Саттон сидел на краешке кровати и размышлял.

Надо бы вспомнить. Надо хорошенько представить себе, как он держится, как разговаривает. Должно что-то связаться. Если я вспомню, многое можно будет понять. Может быть, я просто вспомню, кто он такой, этот Кейз, и станет ясно, почему он здесь.

Кейз знает, что я убил Бентона. Кейз знает, кто я такой. По идее, ему следовало держать язык за зубами, однако он почему-то захотел дать мне понять, что знает меня.

У Евы они тоже не вызывают доверия. Она попыталась мне что-то сказать, когда мы прощались у ее двери. Я точно не понял, что именно она хотела сказать: она только шевелила губами, чтобы никто не услышал. Но, скорее всего, она хотела сказать: «Не верь им!» Как будто я вообще кому-нибудь верю теперь...

Прингл и Кейз ждали нас здесь, продолжал размышлять Саттон. Подумал так и невольно оборвал себя. Может быть, это лишь плод фантазии? Как это они могли ждать нас здесь, если понятия не имели о том, что Ева и Геркаймер отправляются на этот треклятый астероид?

Он потряс головой, пытаясь прогнать догадку, но мысль о том, что эти двое ожидали здесь их прибытия, не уходила.

А в конце концов, чему удивляться? Адамс ведь узнал откуда-то о моем возвращении на Землю после двадцатилетнего отсутствия! Узнал и расставил капканы. А ведь неоткуда ему было узнать об этом. Неоткуда!

Но почему? — спрашивал он себя. Почему?

Почему Адамс устроил западню?

Почему Бастер удрал неизвестно куда? Вынудили удрать?

Зачем кому-то понадобилось подговорить Бентона, чтобы тот вызвал меня на дуэль?

Зачем Ева и Геркаймер утащили меня на этот астероид, будь он трижды неладен?

«Книгу писать»,— сказали они.

Но книга уже написана...

Книга.

Он протянул руку к внутреннему карману куртки, висевшей на спинке стула. Достал книгу. Вместе с ней вытащил письмо, про которое опять забыл. Оно упало на ковер. Он поднял письмо, положил рядом с собой на кровать и открыл книгу.

На титульном листе стояло:

Эшер Саттон
ЭТО СУДЬБА

Чуть пониже что-то напечатано мелким шрифтом.

Саттон поднес книгу поближе к глазам и прочитал:

Первоначальный вариант

И все. Ни даты публикации, ни названия издательства. Только заглавие, фамилия автора и строчка мелкого шрифта, в которой говорилось, что книга напечатана в первоначальном варианте.

Выглядит так, как будто книга настолько хорошо известна, что, кроме названия и фамилии автора, никому ничего и не надо.

Саттон перевернул две страницы — они были пустые, на следующей начинался текст:

«Мы не одиноки.

Никто и никогда не одинок.

С тех самых времен, когда на самой первой в Галактике планете появились первые признаки жизни, не было ни единого существа, которое бы летало, ходило, ползало или прыгало по тропе жизни в одиночку».

Он читал и думал.

Все так. Именно так я и собирался написать. Так я и написал. Или собирался? Или написал? Значит, написал, раз держу в руках собственную книгу?

Тут он решительно закрыл книгу и сунул ее обратно в карман куртки.

Нельзя мне это читать, решил он. А то еще перепишу слово в слово, а так нельзя. Я должен писать о том, что знаю, и так, как задумал.

Надо быть честным, потому что когда-нибудь люди... и не только люди... могут открыть эту книгу и каждое слово в ней должно быть на месте, поэтому написать нужно хорошо и просто — так, чтобы любой смог понять.

Он откинул одеяло, забрался в постель и уронил на пол конверт. Поднял его с ковра. Засохший клей облачком рассыпался под ногтем...

Саттон аккуратно вынул письмо из конверта, осторожно развернул. Оно было напечатано на машинке, с опечатками, исправленными потом от руки. Он повернулся на бок, чтобы лучше падал свет.

Глава 21

Бриджпорт, Вис.,
11 июля 1987 г.

«Я пишу это письмо себе самому и отправляю его по почте, чтобы штемпель на конверте подтвердил, что оно действительно отправлено в такой-то день такого-то года, и я не буду его распечатывать, а положу рядом с другими бумагами. Пусть лежит там до того дня, когда кто-нибудь, дай бог, чтобы это был кто-нибудь из нашего семейства, найдет его и прочитает. И узнает о том, что я видел и что я об этом думаю, ну а я, наверное, к тому времени уже отправлюсь в мир иной.

А жить мне недолго осталось. Мне уже девятый десяток пошел, и, хотя песок из меня еще не сыплется, я-то знаю, что смерть может явиться за мной в любой день.

Скорее всего, письмо это попадет в руки кому-нибудь из моих ближайших потомков, которые меня хорошо знают, но может и так повернуться, что оно проваляется нераспечатанным много лет и попадет совсем в чужие руки.

Случай, о котором я хочу рассказать,— больше чем просто забавное происшествие, и это, конечно, главное; но все-таки

мне кажется, нужно немножко рассказать о себе и о том, где я живу.

Зовут меня Джон Генри Саттон, и я — член многочисленного семейства, перебравшегося сюда из восточных штатов. Мои предки поселились в этой местности уже много лет назад.

Прошу поверить мне на слово: мы, Саттоны, люди серьезные, шутить не любим, и каждый знает, что в нашей семье все люди порядочные и честные.

В свое время я учился на юриста, но быстро понял, что это не мое дело, и последние сорок с лишним лет занимаюсь фермерством, и это мне гораздо больше по душе. Честный труд и для души полезный, в нем столько радости от общения с природой. Это так приятно — выращивать что-то своими руками!

В последние годы мне самому стало тяжеловато трудиться на ферме, но я все-таки кое-что делаю по хозяйству и лично за всем приглядываю, то есть, попросту говоря, имею обыкновение осматривать весь свой участок самолично.

За годы, что я здесь живу, я очень полюбил здешнюю природу, хотя на моем участке земля неровная и местами ее трудновато обрабатывать. Но, по правде говоря, мне жаль тех хозяев, что покупают себе громадные ровные участки, где на много акров вокруг нет ни одного холмика или хотя бы бугорка, где бы можно было глазу отдохнуть. Может, у них почва более плодородная и обрабатывать ее легче, но на моем участке есть кое-что, чего у них нет.

В последнее время ходить я стал медленнее, труднее стало преодолевать подъемы, и у меня вошло в привычку при обходе кое-где делать привалы.

Из этих обычных мест отдыха есть одно, с самого начала показавшееся мне каким-то особенным. Если бы я был ребенком, я бы сказал, что это "заколдованное место". Лучше, честное слово, не скажешь.

Там глубокая расселина в обрыве, который тянется по краю пастбища. На краю обрыва лежит большой валун, на нем очень удобно сидеть, и, может быть, поэтому я и выбрал это место для привала — честно говоря, люблю устроиться с комфортом.

Когда присядешь там, на камне, видна речная долина и все представляется как бы объемным, что ли. Может, оттого,

что смотришь с высоты, а может, и потому, что там необыкновенно чистый воздух.

Там так красиво, что я частенько просиживаю часами, ничего не делая, просто смотрю и наслаждаюсь.

Но все-таки есть в этом месте что-то странное, но что именно — словами выразить не берусь.

Ну, как будто все замерло, как будто вот-вот что-то должно произойти.

Мне часто приходило в голову, что именно здесь, в этом тихом уголке земли, может случиться что-то такое, что никогда бы не произошло ни в каком другом месте на всей планете. И когда я порой пытался представить себе, что именно тут могло бы произойти, то меня просто озноб пробирал. Чего я себе только не представлял, а ведь особым фантазером я никогда не был.

Чтобы подойти к валуну, я обычно иду напрямик, через дальний край пастбища. Трава там всегда выше, чем в других местах,— скотина почему-то не очень любит это место. Пастбище заканчивается узкой полоской деревьев, и в двух шагах от деревьев лежит валун, потому на него всегда падает тень.

Однажды, почти десять лет назад, а точнее — в июле 1977 года, я шел к своему излюбленному местечку и на краю пастбища встретил незнакомого человека и увидел странную машину.

Я говорю — "машину", потому что иначе это сооружение не назовешь, хотя, с другой стороны, точнее выразиться трудно. Она была похожа на яйцо, на которое будто бы наступили, но при этом оно не раскололось, а как бы немного сплющилось и вытянулось в длину. Никаких там колес, крыльев, ничего такого не было. И окон никаких.

А человек стоял рядом с машиной. В ней была приоткрыта маленькая дверца, и он что-то там чинил, может быть мотор, но когда я подошел поближе и взглянул, то ничего похожего на мотор не увидел. Правду сказать, я вообще разглядеть-то ничего не успел, потому что, как только я подошел поближе, человек, колдовавший у странной машины, сразу же прикрыл дверцу, взял меня под руку, отвел в сторонку и завел со мной исключительно вежливый и приятный разговор, так что я никак не мог повести себя бестактно и дать волю своему естественному любопытству. Теперь я вспоминаю, что хотел расспросить его о многом, но не сумел, и мне кажется, что он

намеренно пресекал вопросы и умело и непринужденно уводил разговор в сторону.

В общем, он так и не сказал мне, кто он такой, откуда прибыл и как попал на мое пастбище.

Он вроде бы неплохо разбирался в фермерских делах, хотя вовсе не был похож на фермера. А вот как он выглядел, я, убей бог, вспомнить не могу. Помню только, что он был одет так, как у нас никто не одевается. Не то чтобы кричаще или по-иностранному, но что-то в его одежде было непривычное.

Он похвалил мое пастбище, сказал, что трава очень хороша, спросил, сколько у нас голов скота, сколько молока надаиваем. Я отвечал на все его вопросы.

В руке у него был какой-то инструмент. Он указал им в сторону пшеничного поля и сказал, что пшеница знатная, а потом спросил, будет ли она по колено к четвертому. Я тогда сказал ему, что сегодня как раз четвертое и что пшеница уже выше, чем по колено, и что я очень этому рад, потому что это новый сорт. Он как бы немного смутился, рассмеялся и говорит: так значит, сегодня уже четвертое, а я-то закрутился в последнее время, даже числа спутал. И сразу перевел разговор на другую тему, так что я даже и спросить у него не успел, как это он мог так закрутиться, что забыл про четвертое июля.

Он спросил, давно ли я живу в этих краях,— я ответил, потом он сказал, что где-то слышал нашу фамилию. Я сказал, что Саттоны живут тут давно, и как-то само собой вышло, что я рассказал ему почти все про наше семейство, даже кое-какие анекдоты, которые мы обычно рассказываем только в узком кругу. Честно признаться, хоть мы и считаем, что род наш исключительно добропорядочный, но и у нас, как говорится, в семье не без урода. Он слушал внимательно и хохотал до упаду.

Мы разговаривали очень долго, прошло время обеда, и, вспомнив про обед, я спросил своего собеседника, не откажется ли он отобедать с нами, но он поблагодарил и отказался, потому что у него было много работы, а он торопился.

Прежде чем расстаться с ним, мне все-таки удалось задать ему один вопрос. Меня очень интересовал инструмент, который он все вертел в руке, и я спросил его, что это такое. Он показал мне инструмент и сказал, что это гаечный ключ. Ну, в общем, если на что-то это и было похоже, так, пожалуй, на гаечный ключ, но все-таки он был какой-то странный.

После того как я пообедал и вздремнул маленько, я снова отправился на пастбище. Мне все-таки очень хотелось расспросить незнакомца кое о чем, что мне пришло в голову.

Но ни человека, ни его странной машины уже не оказалось на том месте, только трава была примята. Но там остался его гаечный ключ, и когда я наклонился, чтобы поднять его, то заметил на одном конце пятно краски, а когда разглядел поближе, то увидел, что это не краска, а кровь. Сколько раз потом я корил себя, что тогда же не отправил ключ на анализ, чтобы узнать, человеческая это кровь или какого-нибудь животного!

Я, конечно, все время потом думал о том, что же тогда произошло. Кто был тот человек, почему он оставил свой гаечный ключ и почему на нем кровь.

То место, где лежит валун, по-прежнему остается одним из самых моих любимых. Там все такая же тень и воздух такой же чистый и прозрачный. И все так же меня там охватывает ощущение волнующего ожидания, и кажется, что в этом месте еще что-то может произойти таинственное и что происшествие, о котором я рассказал,— только одно из многих, которые могли бы случиться тут, а может, и раньше что-нибудь такое происходило.

Гаечный ключ, который я подобрал, все еще у нас, он оказался удивительно удобным инструментом. То есть мы попросту перестали пользоваться другими нашими инструментами, потому что он подходит к любой гайке, к любому болту. Стоит только поднести его к металлической детали, как он тут же сам подстраивается под ее размер. Но мы все-таки стараемся, чтобы никто посторонний его не увидел, потому что нас тогда сочтут колдунами, не иначе, уж больно эта штука смахивает на волшебную палочку.

Мы никогда не ведем разговоров о том происшествии на пастбище, даже в кругу семьи, словно решили, не сговариваясь, что то, что случилось, плохо сочетается с репутацией нашего семейства, в котором сроду не было мечтателей и фантазеров.

Но сам я частенько об этом размышляю. Я теперь дольше, чем обычно, задерживаюсь у валуна, как будто надеюсь, что найду там ключ к разгадке тайны.

У меня, понятно, нет никаких доказательств, но я думаю, что тот человек был из будущего, а машина, на которой он

прилетел,— машина времени, и гаечный ключ, конечно, тоже из будущего. Пройдет еще много-много лет, пока люди научатся делать такие инструменты.

Я думаю, что там, в будущем, люди изобрели способ передвижения во времени и, конечно, разработали целую систему правил поведения, чтобы никак не навредить, когда попадаешь в другое время. И еще я думаю, то, что человек этот забыл свой гаечный ключ в нашем времени, было нарушением правил, и, хотя ничего плохого из этого не вышло, при других обстоятельствах могло бы и выйти. Именно по этой причине я строго-настрого наказал своим домашним не болтать лишнего.

Кроме того, я пришел к выводу, хоть и здесь у меня нет никаких доказательств, что расселина в обрыве, наверное, служит дорогой для путешествий во времени. Может быть, именно в этом месте легче преодолеть пространство и время, и этим пользуются посланцы из будущего, может, этот участок дороги как бы более оживленный и по нему, если можно так выразиться, как по натоптанной траве, легче ходить.

Дай бог, чтобы мое письмо попало в руки кому-нибудь, кто живет в те времена, когда люди уже разбираются в таких вещах и оно кому-нибудь в чем-нибудь поможет. И я очень надеюсь, что тот, кто прочтет его, не посмеется надо мной, даже если меня к тому времени не будет в живых. Мне почему-то кажется, что, даже если я буду лежать в могиле, я все равно почувствую, что надо мной смеются.

А чтобы никто не усомнился в моем психическом здоровье, я прилагаю справку от психиатра, подписанную три дня назад и удостоверяющую, что я здоров душой и телом.

Но это еще не конец моей истории. Надо было по идее написать об этом выше, но я как-то не нашел подходящего места.

Дело касается странного случая с кражей одежды и появлением в наших краях Уильяма Джонса.

Одежду украли через несколько дней после случая на пастбище. Марта с утра, пока не жарко, взялась за стирку и развесила выстиранное белье на длинной веревке. Когда она пошла снимать высохшее белье, то обнаружила, что пропали мои старые штаны, рубашка Роланда и еще две пары носков, не помню чьих.

Кража нас очень удивила, потому что сроду у нас такого не водилось. Нам даже в голову не могло прийти, что это мог вытворить кто-нибудь из соседей, мы гнали прочь подобные мысли.

Мы долго вспоминали об этом происшествии и в конце концов порешили, что кража — дело рук какого-нибудь бродяги, что, по совести говоря, было не слишком похоже на правду — ведь наша ферма стоит в стороне от дороги.

Примерно через две недели после кражи в нашем доме появился Уильям Джонс и спросил, не нужен ли нам помощник в уборке урожая. Мы были рады нанять его на работу, потому что рук у нас и правда не хватало, а плату он попросил вдвое ниже обычной. Мы взяли его только на время уборки, но он оказался таким умелым и проворным работником, что так и остался у нас. В то время, как я пишу это письмо, он находится у амбара и чинит молотилку.

Уильям Джонс — человек большого благородства и достоинства, наверное, поэтому к нему и не приклеилась никакая кличка, что в наших краях происходит быстро. Его все уважают, а уж в нашем семействе он занял место... ну, в общем, я хочу сказать, что мы скорее относимся к нему как к родственнику, чем как к наемному работнику.

Он трезвенник, ни разу не выпил ни глотка, и я этому очень рад, хотя однажды чуть было не взял грех на душу. Дело в том, что, когда он появился, голова у него была перевязана, и он, очень смущаясь, объяснил мне, что подрался с кем-то в кабачке на том берегу, в округе Кроуфорд.

Я даже точно не могу сказать, когда впервые всерьез стал задумываться о Уильяме Джонсе. Но не с самого начала, конечно. Сначала я принимал его за того, за кого он себя и выдавал, то есть за человека, который искал работу. Теперь я так не думаю. Потому что, как ни пытается он играть свою роль, разговаривать так, как мы говорим, иногда в его речи проскальзывает нечто такое, что выдает его образованность и понимание таких вещей, о которых несвойственно думать человеку, работающему на ферме за семьдесят пять долларов в месяц.

И потом — одежда. Не могу точно сказать насчет штанов, потому что все штаны более или менее похожи, но рубашка, которая была на нем в тот день, когда он пришел, была точь-в-точь такой, что пропала с веревки. Хотя — что тут такого?

Почему бы кому-то и не иметь такую же рубашку? Но он пришел босиком, вот это было особенно странно Он тогда просто сказал, что ему в последнее время жутко не везет, ну я и понял, что у него просто не было денег купить себе ботинки, и я сразу же предложил ему денег на ботинки и носки, но он отказался, сказав, что носки у него есть, даже две пары, в кармане

Сколько раз я все порывался спросить у него о тех пропавших вещах, но что-то меня останавливало, и в конце концов я понял, что никогда не смогу спросить его об этом Потому что мне нравится Уильям Джонс, и я знаю, что он ко мне тоже хорошо относится, и ни за что на свете я не соглашусь испортить наши добрые отношения, а то он, не дай бог, возьмет да и уйдет с фермы

Еще вот что На первую свою зарплату Уильям Джонс купил пишущую машинку и первые два-три года по вечерам целые часы напролет что-то печатал на ней А в один прекрасный день, спозаранку, когда все еще спали, он вынес во двор большую кипу бумаг и сжег Я наблюдал за ним из окна спальни и видел, что он не ушел, пока не сгорел дотла последний листок

Я никогда не спрашивал у него, почему он сжег бумаги, потому что чувствовал, что этого он никому не скажет

Я мог бы писать еще долго и рассказывать о всяких догадках, которые бродят у меня в голове, но они ничего не добавят к главному, о чем я хотел поведать, и потом — не хочу утомлять ненужными подробностями того, кто будет читать это письмо

Кому бы оно ни попало в руки, я хочу сказать последнее может быть, теория моя и неверна, но я хочу, чтобы тот, кто будет читать, поверил, что все события, о которых я рассказал, действительно были Я действительно видел странную машину и странного человека на своем пастбище, действительно я поднял там странный гаечный ключ, на котором была кровь, действительно одежда пропала с бельевой веревки, и действительно человек по имени Уильям Джонс сейчас пьет воду у колодца, потому что сегодня очень жарко

Искренне ваш,
Джон Г Сэттон»

Глава 22

Саттон сложил письмо Старая бумага захрустела, как древний пергамент

Потом он кое-что вспомнил, снова развернул листки и нашел то, что хотел,— справку Она была написана от руки, бумага сильно пожелтела, чернила совсем выцвели Дату разобрать было невозможно, кроме последней цифры — «7»

«Джон Г Саттон сегодня был мною обследован, и я свидетельствую, что он здоров»

После подписи, представлявшей собой такую замысловатую закорючку, что вряд ли по ней можно было разобрать фамилию врача даже в тот самый день, когда он подписал справку, можно было различить две четкие буквы ДМ — доктор медицины

Саттон рассеянно глядел в потолок и пытался представить себе все, что произошло в тот день много лет назад

«Доктор, я собираюсь составить завещание Не могли бы вы »

Все было именно так, потому что не мог же Джон Генри Саттон сообщить доктору истинную причину своего визита

Саттон представил себе его довольно отчетливо Грузный, медлительный, неторопливый, долго и тщательно обдумывавший события, веривший во всякие выдумки, которые устарели уже и в его время

Наверняка тиранил домашних А соседи посмеивались над ним у него за спиной У старика начисто отсутствовало чувство юмора, но зато он придавал исключительное значение тонкостям этикета

Он учился на юриста, и точно, у него была железная логика, скрупулезность в описании деталей вкупе с консервативностью да еще старческая болтливость

Одно не оставляло сомнений его искренность Он поверил в то, что встретил странного человека и непонятную машину, и разговаривал с тем человеком, и подобрал гаечный ключ, испачканный

Гаечный ключ!

Саттон рывком сел на кровати

Гаечный ключ был в чемодане И он, Эшер Саттон, держал его в руках! Да-да, он повертел его и положил на пол,

рядом с другим хламом, вынутым из чемодана,— обглоданной костью и студенческими блокнотами.

Саттон дрожащей рукой убрал письмо в конверт. Итак: сначала его внимание привлекла марка, которая стоила бог знает сколько тысяч долларов, потом — само письмо, а теперь еще этот гаечный ключ. На ключе все сходилось.

Если был ключ, значит, было и все остальное: и странный человек, и странная машина... Человек, который прекрасно разбирался в людях и ловко обвел вокруг пальца сентиментального и болтливого старикана, не дав тому задать ни единого вопроса.

«Кто вы такой? Откуда будете? Что это у вас за машина такая странная — я такой ни разу не видал?»

Что бы человек ответил, если бы старик сумел задать эти вопросы?

Да, не все тут ясно... Сначала письмо потерялось или его засунули куда-то, где сразу не найдешь, а потом, наверное, опять положили на место, и в конце концов оно попало в руки Эшера Саттона, через шесть тысяч лет.

Что ж, ему оставалось только поблагодарить своего далекого предка. Письмо пришло вовремя и многое объясняло.

Люди путешествуют на машинах времени, и однажды такое транспортное средство совершило вынужденную посадку (приземлилось или лучше — «привременилось») на пастбище. А недавно другое, преодолев барьер времени, свалилось в болото. Война...

«Сражение в восемьдесят третьем»,— так сказал умирающий парень. Не битва при Ватерлоо, не бой на марсианской орбите, а «сражение в восемьдесят третьем». И перед тем как умереть, сложил пальцы в условном знаке...

Значит, меня знают в восемьдесят третьем веке, думал Саттон, и даже позднее, потому что он сказал: «Было... было сражение в восемьдесят третьем», а сам он, получается, из более позднего времени.

Саттон встал, убрал письмо в карман куртки, туда, где лежала книга. Оделся.

Он понял, что нужно делать.

Прингл и Кейз прилетели на астероид на своем корабле. Этот корабль нужно украсть.

Глава 23

В доме было тихо. Он был такой безжизненный, пустой и темный, что даже у видавшего виды Саттона мурашки побежали по коже.

Он немного постоял у двери, прислушался к дыханию дома. Как всякий дом, он был наполнен ночными звуками: потрескивали от холода рамы, подрагивали на ветру стекла...

Звуки шагов заглушал пушистый ковер. В одной из спален раздавался жуткий храп, и Саттон подумал: интересно, кто это так храпит, Кейз или Прингл?

Он тихо спустился по лестнице в гостиную, остановился и подождал, пока глаза привыкнут к темноте.

Постепенно фантастические животные превратились в кресла и диваны, столы и шкафы. В одном из кресел кто-то сидел.

Ощутив на себе взгляд, человек пошевелился и повернулся к Саттону лицом. И, хотя было очень темно, Саттон узнал Кейза.

Стало быть, храпит Прингл, подумал Саттон, хотя, по большому счету, какая разница?

— Итак, мистер Саттон,— с расстановкой проговорил Кейз,— вы решили пойти и отыскать наш корабль.

— Да,— жестко ответил Саттон,— я так решил.

— Ну что ж, очень мило,— сказал Кейз.— Люблю откровенных людей.— Он вздохнул.— А то все, знаете ли, лицемеры попадаются. Всякий так и норовит соврать, думая, что он самый умный.— Кейз поднялся и произнес почти торжественно: — Мистер Саттон, вы мне очень нравитесь.

Саттон понимал, насколько смехотворна ситуация, но внутри у него бушевала ярость, и он чувствовал, что тут не до смеха.

Раздались мягкие шаги, и послышался голос Прингла:

— Значит, он все-таки решил попытать счастья!

— Как видишь,— отозвался Кейз.

— Я же говорил тебе, что он так и сделает,— с нескрываемой гордостью объявил Прингл.— Что он непременно догадается.

Саттон сглотнул стоявший в горле комок. Но злость осталась. О, как он ненавидел их сейчас за то, что они говорили о нем так, будто его тут не было!

— Боюсь,— подчеркнуто вежливо обратился к нему Кейз,— что мы разволновали вас. Мы — люди неотесанные, а вы, судя по всему, человек чувствительный. Но давайте забудем это и перейдем к делу. Я так понимаю: вы хотели не только посмотреть на наш корабль, но и, мягко говоря, похитить его?

Саттон пожал плечами.

— Теперь ваш ход,— сказал он сквозь зубы.

— Да нет, вы не так меня поняли,— сказал Кейз.— Идите и похищайте!

— Хотите сказать, что я его не найду?

— Конечно найдете! Мы его и не прятали.

— Мы вам и дорожку покажем,— хихикнул Прингл.— Вместе пойдем — проводим, так сказать.

По лбу Саттона пробежала струйка пота.

Ловушка, сказал он себе. Откровенная ловушка, ничем не прикрытая. И я попался так глупо.

Но было поздно. Назад дороги нет.

Он постарался сказать как можно небрежнее:

— О'кей. Рискну.

Глава 24

Корабль был настоящий. Странноватый какой-то, но настоящий. Только он и был реален. Все остальное имело оттенок миража, дурного сна, и казалось, что вот-вот сейчас очнешься — и все исчезнет.

— Я вижу, вы с интересом разглядываете карту,— с улыбочкой сказал Прингл.— Она кого хочешь заинтересует. Это — карта времени.— Он фыркнул и потер затылок здоровенной ручищей.— По правде говоря, я и сам толком не понимаю, что тут к чему. Кейз знает. Он — военный, а я — простой пропагандист, а пропагандисту вовсе не обязательно знать все до тонкостей. В принципе мы можем трепаться на любую тему. А военные, те всегда точно знают, что к чему. Иначе бы их на работе не держали.

Так вот оно что, сообразил Саттон. Вот что не давало мне покоя! Он военный, вот почему он здесь!

А ведь можно было догадаться! Но я-то строил свои догадки в настоящем времени, а не в прошлом и тем более не в буду-

щем. И в нашем времени нет никаких военных. Раньше были и, судя по всему, будут в будущем...

— Наверное,— спросил он Кейза,— трудно воевать в четырех измерениях?

Он спросил не потому, что сейчас его очень интересовала война,— его интересовала проблема четвертого измерения, и, кроме того, он чувствовал, что нужно, как ни странно, поддержать эту беседу, удивительно напоминавшую разговор о времени на чаепитии у Мартовского Зайца.

Ей-богу, думал он. Все выглядит потрясающе похоже: абсурдная ситуация, психопатическая интерлюдия...

> И молвил Морж: «Пришла пора
> Подумать о делах:
> О башмаках и сургуче,
> Капусте, королях,
> И почему, как суп в котле,
> Кипит вода в морях*.

Кейз улыбнулся. Улыбка у него была узкая, натянутая — так улыбаются военные.

— Во-первых,— сказал он,— существует уйма всяких таблиц и графиков — целая наука. Нужно вычислить, где находится враг и что он задумал, затем необходимо попасть в то место раньше него.

Саттон недоуменно пожал плечами.

— Ну и что? Такова была тактика во все времена — опередить противника.

— Да,— вмешался Прингл.— Но теперь у наших противников есть куча мест для укрытия!

— Мы работаем с графиками мыслей, диаграммами отношений, а также с историческими документами,— продолжил Кейз, как будто его и не прерывали.— Прослеживаем цепочку событий и затем попадаем в такое время, где можем что-то изменить, но не очень сильно: значительных изменений допускать нельзя. Главное, чтобы конечный результат оказался немного другим, чуть менее благоприятным для противника. Там что-то изменится, тут что-то подправится — и враг обращен в бегство!

---

* Л. Кэрролл, «Алиса в Стране Чудес» (перевод Г. Демуровой).

— Это трудновато,— доверительно сообщил Прингл.— Надо знать все до тонкостей. Выкапываешь какое-нибудь историческое событие, изучаешь его до черт знает каких подробностей, отыскиваешь точку, в которой нужно произвести изменения, отправляешься туда...

— И получаешь по морде,— резюмировал Кейз.

— Потому что, как выясняется,— сказал Прингл,— историк допустил ошибочку, будь он трижды неладен. Что-то приукрасил, или его метод был неправильный, или вообще он, может быть, был не в своем уме...

— Где-то в цепи событий,— сказал Кейз,— он упустил одно маленькое звено, и...

— Вот-вот,— подтвердил Кейз.— Именно — пропустил звено, и когда ты туда влезаешь со своими изменениями, оказывается, ты больше навредил себе, чем противнику.

Саттон слушал и думал.

Шесть тысяч лет назад на пустынном пастбище приземлился человек, а Джон Генри Саттон, эсквайр, спустился с холма, опираясь на палку... У него наверняка была палка, такая крепкая, солидная палка, буковая, и он по вечерам у камина украшал ее замысловатыми узорами... И тот человек разговаривал с Джоном Генри, пользуясь тем же принципом мозговой атаки, что сейчас Прингл пытается использовать на мне, его потомке.

Давай-давай, подначивал про себя Саттон. Говори, пока у тебя в горле не пересохнет и язык не отвалится. Я понял, кто вы такие, и скоро вы поймете, что я это понял. Тогда вы быстренько перейдете к делу.

Как будто прочитав мысли Саттона, Кейз сказал Принглу:

— Джейк, так дело не пойдет.

— Похоже на то,— отозвался Прингл.

— Давайте присядем,— любезно предложил Кейз.

У Саттона отлегло от сердца.

Ну наконец, подумал он, я узнаю, чего они от меня хотят и, соответственно, что происходит.

Он опустился в кресло. С того места, где он сидел, ему хорошо была видна кабина управления. Она представляла собой небольшой пятачок. Перед креслом пилота располагался пульт управления, но приборов на нем практически не было. Один ряд кнопок, пара рычагов, цепочка лампочек — вероятно, контроль бортовых систем и освещения. И все. Простенько и со вкусом.

Корабль, подумал Саттон, видимо, летит сам по себе.

Кейз скользнул в кресло, вытянул и скрестил ноги. Прингл устроился на краешке стула и, наклонившись вперед, потирал волосатые лапищи.

— Саттон,— спросил Кейз,— чего вы хотите?

— Ну, во-первых,— начал Саттон,— я хотел бы узнать об этих делах с путешествиями во времени...

— Как, вы разве не знаете? — удивился Кейз.— Ведь в ваше время был человек, то есть, я хотел сказать, что он есть, и жив и здоров...

— Кейз! — вмешался Прингл.— Сейчас семь тысяч девятьсот девяностый год. А у Майклсона, насколько я помню, шибких успехов до восемь тысяч третьего не отмечалось.

Кейз стукнул себя по лбу:

— Ах да! А я и забыл.

— Вы понимаете? — спросил Прингл у Саттона.— Улавливаете, о чем речь?

Саттон на всякий случай кивнул, хотя ни черта не понял.

— Но как? — спросил он.

— Это все из области психологии,— ответил Прингл.

— Естественно,— подтвердил Кейз.— Стоит только перестать думать об этом, и сразу поймешь, что к чему.

— Время,— сказал Прингл,— понятие ментальное. Раньше его искали где только можно, пока наконец не уразумели, что его место — исключительно в сознании. Когда-то это называли четвертым измерением. Помните, у Эйнштейна...

— Эйнштейн не называл время четвертым измерением,— возразил Кейз.— И не тебе, Джейк, об этом судить. Это не измерение, если рассматривать его с точки зрения длины, ширины или глубины. Он рассматривал его как длительность...

— А это и есть четвертое измерение! — подхватил Прингл.

— Нет! — отрезал Кейз.

— Джентльмены! — вмешался Саттон.— Джентльмены, прошу вас!

— Ну ладно, как бы то ни было,— продолжил Кейз.— Этот ваш Майклсон пришел к выводу, что время является не чем иным, как продуктом умственной деятельности, что оно существует только в сознании людей и что за пределами сознания

оно лишено каких-либо свойств. Свойствами его наделяют люди.

— Вы знаете, конечно,— опять влез Прингл,— что есть люди, у которых обострено чувство времени. Они с точностью до минуты могут сказать, сколько времени прошло после того, как то-то и то-то произошло. Они отсчитывают секунды не хуже хронометра.

— Майклсон сконструировал временной мозг,— продолжил Кейз.— Мозг, у которого чувство времени усилено в миллиарды раз. И обнаружил, что с помощью этого мозга можно контролировать время на определенном участке пространства. Что во времени можно передвигаться, переносить из одного времени в другое предметы.

— Этим принципом мы пользуемся и по сей день,— сказал Прингл.— Временной мозг — это очень просто. Устанавливаете рычажок в такое-то положение и тем самым сообщаете мозгу, куда вы хотите попасть, вернее сказать, не куда, а «в когда», а все остальное — его дело.— Он подмигнул Саттону: — Просто, правда?

— Да,— согласился Саттон.— Просто, как апельсин.

— Ну, мистер Саттон,— перебил Кейз,— что еще вас интересует?

— Ничего. Больше ничего.

— Но это глупо! — запротестовал Прингл.— Так-таки ничего?!

— Совсем немного, если не возражаете.

— А именно?

— А именно — что все это значит?

— Вы собираетесь писать книгу,— сказал Кейз.

— Да,— ответил Саттон.— Собираюсь.

— И хотите, конечно, чтобы она была продана.

— Скорее, чтобы она была напечатана.

— Книга,— сказал Кейз,— это товар. Продукт умственного и физического труда. У нее есть рыночная стоимость.

— Надо понимать,— спросил Саттон,— что рынок — это вы?

— Мы — издатели,— ответил Кейз,— и подыскиваем материал для издания.

— Нам нужен бестселлер,— добавил Прингл.

Кейз подтянул ноги, сел прямо.

— Все очень просто,— сказал он.— Нормальная сделка. Назовите вашу цену.

— Называйте любую,— посоветовал Прингл.— Мы не поскупимся.

— Да я и не думал о цене,— обескураженно ответил Саттон.

— А вот мы подумали,— сказал Кейз.— Мы прикинули, сколько вы можете запросить и сколько мы вам можем предложить. Может быть, вас устроит планета?

— Мы могли бы вам предложить дюжину планет,— подхватил Прингл, покачиваясь на стуле,— но в этом нет никакого смысла. На кой черт, собственно, человеку дюжина планет?

— Ну, их можно продать. Или сдать в аренду,— иронично проговорил Саттон.

— Вы хотите сказать, что вас устроила бы такая цена — двенадцать планет?

— Да нет, я не к тому. Просто Прингл поинтересовался, что можно сделать с этой кучей планет, вот я и ответил. Только и всего.

Прингл наклонился к самому лицу Саттона.

— Послушайте,— сказал он,— мы не станем предлагать вам какое-нибудь заброшенное дерьмо в тридесятом царстве! Мы предлагаем вам хорошенькую, уютненькую планетку, без всяких там чудищ болотных, с прекрасным климатом, гостеприимными аборигенами и со всеми современными удобствами!

— И в придачу деньги,— добавил Кейз.— Такой суммы вам хватит до конца дней.

— А планетка-то — в самом центре Галактики! — заискивающе добавил Прингл.— И адресок будет не стыдно сказать.

— Это все меня не интересует,— ответил Саттон.

Тут терпение Кейза лопнуло.

— Черт подери, чего же тебе надо?

— Мне нужна информация,— спокойно ответил Саттон.

Кейз глубоко вздохнул и выдохнул сквозь зубы:

— Ну ладно. Какая информация?

— Зачем вам нужна моя книга?

— В вашей книге заинтересованы три группировки,— отчеканил Кейз.— Одна из них хочет вас прикончить, чтобы

ваша книга вообще не увидела свет. Точнее сказать, они так и сделают, если вы не передадите ее нам.

— Понятно. А вторая и третья?

— Третья группировка хочет, чтобы вы написали книгу, но они не заплатят вам за нее ни гроша. Они создадут вам все условия для того, чтобы вы поскорее ее написали, и будут защищать вас от тех, которые хотят вас прикончить, но денег вы от них не дождетесь.

— Если я вас правильно понимаю,— сказал Саттон,— вы тоже хотите оказать мне помощь в издании книги? Презентация там и всякое такое?

— Безусловно! — радостно подхватил Кейз.— Мы в этом заинтересованы. И постараемся все организовать на высшем уровне!

— Честно говоря,— добавил Прингл,— мы в этом заинтересованы не меньше вас.

— Мне очень жаль,— сказал Саттон,— но моя книга не продается.

— Назовите любую цену! — рявкнул Прингл.

— Все равно — не продается.

— Это ваше последнее слово? — спросил Кейз.— Окончательное?

Саттон кивнул.

Кейз вздохнул.

— Ну что ж,— сказал он с тоской,— в таком случае, как это ни прискорбно, у нас нет другого выхода...— Он вынул из кармана пистолет.

Глава 25

Психотрейсер постукивал то быстро, то медленно, как неисправный будильник.

Это был единственный звук, нарушавший тишину комнаты, и Адамсу казалось, что в нем действительно слышатся биение сердца, дыхание, ток крови в сосудах...

Он покосился на стопку досье, которую несколько минут назад сбросил со стола на пол в порыве ярости. Потому что ничего в них не нашел. То есть абсолютно ничего! У них все было в порядке. Свидетельства о рождении, аттестаты, рекомендации, результаты проверки на лояльность, обследования психиатра — все было в ажуре.

То-то и оно... Никого из персонала не в чем было заподозрить. Никаких оснований. Белоснежная невинность!

И все-таки — кто-то спер досье Саттона! Кто-то ухитрился вырвать Саттона из западни, расставленной у «Пояса Ориона». Кто-то ждал этого часа, зная о готовящемся покушении, и предотвратил его.

Шпионы, твари такие! Адамс изо всех сил трахнул кулаком по столу...

Никто, никто, кроме сотрудников бюро, не мог выкрасть досье Саттона. Никто, кроме сотрудников бюро, не знал о решении убрать Саттона, не знал, кому это поручено.

Адамс потер ушибленную руку.

Трейсер будто насмехался над ним. «Трик-трак,— говорил он.— Трик-трак, клик-клик, трик-трак...»

Это было сердцебиение и дыхание Саттона. Это где-то билась его жизнь. Пока он жив, где бы он ни был, трейсер будет продолжать отстукивать ритм его жизни.

«Трик-трак, трик-трак...»

«Он где-то в Поясе астероидов»,— так говорил трейсер, но это слишком неопределенно. Однако можно и уточнить. Уже готовы корабли с другими трейсерами на борту, и скоро круг замкнется. Раньше или позже, через несколько часов, дней или недель, но Саттон будет найден!

«Трик-трак...»

«Война»,— сказал человек в маске.

А через несколько часов неподалеку от города в болоте был обнаружен горящий корабль. Таких кораблей на Земле не строили. В нем обнаружили расплавленное оружие неизвестной модели. Недалеко от корабля нашли мертвое тело. И следы, которые вели от корабля до того места, где лежал труп. А на одежде несчастного, перепачканной грязью,— отпечатки пальцев. Они принадлежали Эшеру Саттону.

Саттон, опять Саттон! — раздраженно и лихорадочно соображал Адамс. Его имя стояло на титульном листе книги, найденной на Альдебаране-12. Его пальцы отпечатались на одежде человека, погибшего в этой странной аварии. Человек в маске сказал, что, если бы не Саттон, катастрофы на Альде-

баране-12 не случилось бы. И еще — Саттон прикончил Бентона выстрелом в руку...

«Трик-трак, клик-клик...»

Доктор Рейвен сидел вот тут, напротив, и говорил так, будто во всей истории не было ровным счетом ничего удивительного.

«Он нашел судьбу»,— сказал доктор Рейвен.

Да-да, он именно так и сказал:

«Не религию. Нет-нет, не религию, а судьбу, как вы не понимаете?»

«А как это Саттон мог найти судьбу? Судьба — это идея, абстракция!»

«Судьба — это предопределенное течение событий, часто рассматриваемое как действие сил, которым невозможно противостоять. Саттон нашел именно это: неотразимые силы».

Тогда, вспоминал Адамс, я сказал:

«Саттон поведал мне о существах, которых он обнаружил в системе 61-й Лебедя. Он был в затруднении относительно их точного определения, сказал, что лучше всего назвать их симбиотическими абстракциями».

А Рейвен кивнул и ответил, что, пожалуй, такое определение, как «симбиотические абстракции», подходит лучше всего, хотя понять, что такое симбиотическая абстракция и как она выглядит, очень трудно. Может быть, в книге будет яснее...

...Информационный робот начал довольно резво.

— Симбиоз? — переспросил он, и пошло-поехало: — О сэр, симбиоз — это очень просто. Это обоюдовыгодное сосуществование двух организмов различных видов. Обоюдовыгодное, прошу учесть, сэр. Это очень важно, что сосуществование обоюдовыгодное. То есть оно не для кого-то одного выгодное, а выгодное именно для обоих организмов. Мутуализм — это вот нечто другое. Здесь также присутствует взаимная выгода, но она носит скорее внешний, сэр, чем внутренний характер. Это также и не паразитизм, поскольку в случаях паразитизма выигрывает только одна, так сказать, сторона. Выигрывает, как это ни прискорбно, не хозяин, а паразит. Такова суровая правда жизни.

— Расскажи-ка мне,— с трудом сдерживая улыбку, попросил Адамс,— побольше о симбиозе. Чепуха, про которую ты так увлекательно рассказываешь, меня не очень интересует.

— На самом деле,— охотно откликнулся робот,— все предельно просто. Возьмем, к примеру, вереск. Вы, конечно, знаете, что это растение не может расти без связи с определенным грибом?

— Нет,— буркнул Адамс,— представь себе, не знаю.

— Ну так я вам расскажу. Гриб как бы живет внутри растения — внутри корней, цветов и семян. Если бы не этот гриб, вереск не смог бы произрастать на тех почвах, где он обычно встречается. Редкое растение может расти на таких бедных почвах. А все потому, сэр,— вы следите за мыслью? — что ни у одного другого растения нет такого прекрасного гриба-напарника. Вереск дает грибу место для жизни, а гриб добывает для вереска питательные вещества из почвы.

— Ну, знаешь,— пожал плечами Адамс,— я бы не сказал, что это так просто...

— Сэр,— сказал робот,— есть и другие примеры. Существуют, например, лишайники, которые представляют собой не что иное, как симбиотическую комбинацию гриба и водоросли. Иначе говоря, если посмотреть с фактической стороны, лишайника как такового и нет. Есть два отдельных организма.

— М-да,— выговорил Адамс с усмешкой,— просто удивительно, как это только ты сам до сих пор не сгорел дотла в лучах своей гениальности!

— А еще есть такие маленькие зеленые существа...— невозмутимо продолжал робот.

— Лягушки, что ли?

— Нет, не лягушки,— без запинки ответил робот.— Это простейшие организмы, одноклеточные. Такие малюсенькие, в воде живут, ну вы что, не знаете разве? Они вступают в симбиотические отношения с определенными видами водорослей. Животное потребляет кислород, который выбрасывает водоросль, а водоросль в свою очередь потребляет углекислый газ, который выделяет животное. А еще существует симбиотическая связь между червем и водорослью. Водоросль помогает процессу пищеварения червя, и все идет хорошо до тех пор, пока червю не взбредет в голову сожрать водоросль, а что он без нее? Абсолютное ничтожество, вот что я вам скажу, сэр, больше ничего!

— Все это безумно интересно,— прервал Адамс робота.— А теперь попробуй-ка сказать, как, по-твоему, выглядит симбиотическая абстракция?

— Не знаю,— растерянно ответил робот.— Не знаю, сэр...

И доктор Рейвен сказал то же самое:

«Очень трудно представить, как выглядит симбиотическая абстракция...»

А потом, вспоминал Адамс, он еще раз подчеркнул, что это не религия. Так и сказал: «Да нет же, о господи, не религия!»

Рейвен зря не скажет, думал Адамс, он лучший специалист в Галактике по сравнительной религии.

«Но, может быть, это новая идея»,— так сказал доктор Рейвен.

О боже, только этого мне не хватало — новая идея!

Все новые идеи опасны, думал Адамс, потому что людей в Галактике мало. И одного неосторожно оброненного слова достаточно, чтобы где-нибудь вспыхнул очаг недовольства, от которого может быстро разгореться пожар и человечество вновь будет отброшено в Солнечную систему.

Никаких новых идей! Нельзя играть с огнем! Лучше пусть погибнет один человек, чем все человечество утратит власть над Галактикой. Лучше пожертвовать одной идеей, пусть даже супергениальной, чем отказаться от принципов, позволяющих сохранить нынешнее положение вещей.

Итак:

Пункт 1: Саттон — не человек.

Пункт 2: он сказал не все, что знает.

Пункт 3: он владеет тайной рукописью.

Пункт 4: он собирается писать книгу.

Пункт 5: у него — новая идея.

Вывод: Саттона надо убить.

«Трик-трак, клик-клик...»

«Война,— сказал человек в маске.— Война во времени».

Что же это будет за война? Дело тонкое... Шахматная доска о четырех измерениях с миллиардом клеток и миллионом фигур и с правилами, которые меняются каждую секунду.

Чтобы побеждать в этих битвах, нужно будет возвращаться назад, наносить удары в таких точках времени и пространства,

чтобы никто не догадался, что идет война. Логически военные события такого рода смогут происходить на древнегреческих серебряных рудниках, в них смогут принять участие колесницы Тутмоса III и корабли Колумба. Войной будут охвачены все сферы жизни, и в мыслях людей, никогда не задумывавшихся о том, что такое время, произойдет переворот...

Разведутся шпионы и пропагандисты. Шпионы станут изучать прошлое, чтобы получить данные для разработки стратегии военных действий, а пропагандисты — обрабатывать материал для осуществления кампании...

Следовательно, уже сейчас, в 7990 году, департамент кишит шпионами, агентами пятой колонны и саботажниками. Но все это делается так ловко, что комар носа не подточит.

Однако как и в обычной, так сказать, честной войне, тут должны существовать стратегические точки. Как в шахматах — должен быть ключевой квадрат. И этот квадрат — Саттон. Он та клетка, которую нужно держать под боем. Пешка, вставшая на пути слона и ладьи. Точка, в которой сходятся все линии. Кто начнет атаку — черные или белые?

Адамс уронил голову на руки. Плечи сотряслись от рыданий, но слез не было.

— Эш, мальчик,— сказал он.— Эш, как я верил в тебя! Эш...

Внезапно воцарившаяся тишина оборвала этот крик души. В первое мгновение он даже не понял, в чем дело.

Психотрейсер замолчал.

Адамс наклонился к прибору, прислушался. Нет, ошибки не было. Трейсер молчал. Молчало сердце Саттона.

Сила, приводившая в действие прибор, иссякла.

Адамс медленно поднялся, надел шляпу и на ватных ногах пошел к двери.

Впервые в жизни Кристофер Адамс ушел домой до окончания рабочего дня.

Глава 26

Саттон на мгновение напрягся, но быстро взял себя в руки. Шутят, подумал он. Они не смогут меня убить. Им книга нужна, а покойники книг не пишут.

И опять, как будто подслушав мысли Саттона, Кейз сказал:

— Не рассчитывайте на наше благородство. Чем-чем, а этим мы похвастаться не можем. Верно я говорю, Прингл?

— Что правда, то правда.

— Нам бы, честно говоря, гораздо выгодней доставить вас к Тревору, и...

— Минуточку! — вмешался Саттон.— Тревор — это уже что-то новенькое!

— Ну, Тревор...— развел руками Прингл.— Тревор — шеф нашей корпорации.

— Той самой корпорации,— добавил Кейз,— которая жаждет приобрести вашу книгу.

— Тревор покрыл бы нас неувядаемой славой,— вздохнул Прингл,— и отвалил бы нам целое состояние, если бы удалось уговорить вас. Но поскольку вы такой упрямый мужик, нам придется добыть себе на жизнь другим путем.

— А потому,— заключил Кейз,— мы меняем диспозицию и, повторяю, как это ни прискорбно, вынуждены отправить вас на тот свет. За вас мертвого нам заплатит другой — Морган. Этот спит и видит ваш скелет. Вот так-то.

— Который вы ему уступите по сходной цене,— усмехнулся Саттон.

— Можете в этом не сомневаться! — хихикнул Прингл.— И не продешевим, будьте уверены!

Кейз подмигнул Саттону:

— Надеюсь, вы не будете возражать?

Саттон покачал головой:

— Какое мне дело до того, что вы будете делать с моим трупом?

— Стало быть, договорились? — процедил сквозь зубы Кейз и поднял пистолет.

— Одну минутку,— спокойно произнес Саттон.

Кейз опустил пистолет.

— Ну что еще? — недовольно спросил он.

— Сигаретку хочется выкурить, не иначе,— усмехнулся Прингл.— Перед казнью всегда просят выкурить сигаретку или винца стаканчик, а некоторым еще жареного цыпленка подавай!

— Я хотел бы кое-что уточнить,— сказал Саттон.

Кейз кивнул.

— Надо полагать, что в ваше время моя книга уже написана?

— Да,— ответил Кейз.— И, если позволите, я скажу вам свое личное мнение. Это честная и хорошая работа.

— Ну и кто же ее опубликовал-то? Ваша фирма или какая другая?

Прингл крякнул.

— Да то-то и оно, что другая! Если бы ее опубликовали мы, какого бы хрена мы тут с вами возились?

Саттон нахмурился.

— Значит, я уже написал ее,— размышлял он вслух,— без вашей великодушной помощи и поддержки. И издал в другом месте... Следовательно, если я начну все сначала и все пойдет так, как вам надо, могут возникнуть некоторые, мягко говоря, осложнения?

— Никаких,— невозмутимо ответил Кейз.— Все можно устроить и объяснить.

— Но если вы меня убьете, книги не будет вообще! Это разве вас устраивает?

Кейз немного смутился.

— Ну, будут некоторые трудности,— ответил он.— И кое-кому придется поворочать извилинами. Но как-нибудь выкрутимся.

И снова поднял руку с пистолетом.

— Вы не измените вашего решения? — спросил он.

Саттон отрицательно качнул головой.

Не выстрелит, думал он. Пугает. Не выстрелит!

Кейз нажал на спусковой крючок.

Мощный удар сотряс тело Саттона и отбросил его назад с такой силой, что покачнулось привинченное к полу кресло.

В голове вспыхнуло пламя. Агония схватила его в жаркие объятия и начала трясти каждый нерв, каждую косточку...

Быстрая мысль судорожно пульсировала в сознании, пытаясь найти в умирающем теле хоть одну клетку, где бы она могла угнездиться:

«Меняйся! Меняйся! Меняйся!»

И Саттон выполнил команду. Умирая, он уже чувствовал, что началась другая жизнь.

Смерть была так нежна, темна, прохладна и милосердна. Он скользнул в нее, как пловец в воду, и вода сомкнулась над ним...

...А на Земле, в кабинете Адамса, замолчал трейсер, и инспектор отправился домой раньше положенного времени впервые в жизни, чем немало удивил сотрудников...

Глава 27

Геркаймер пытался уснуть, но сон не приходил. Он лежал на спине и пытался что-нибудь вспомнить из своей жизни, но воспоминания, как и сон, не шли к нему.

А к чему мне сон и воспоминания — мне, набору химикатов? Я ведь не человек, хотя такой же смышленый и ловкий и, наверное, мог бы стать столь же гадким, какими бывают люди. Я такой же, если бы не штамп на лбу, не рабство. И еще — у меня нет души. Хотя иногда кажется, что есть.

Сначала были инструменты, потом машины — не что иное, как более сложные инструменты, впрочем, на самом деле и те и другие — просто-напросто усовершенствованные руки человека. Затем появились роботы — машины, которые умели ходить и разговаривать как люди. Но это, конечно, карикатура на настоящих людей. Как бы хитро они ни были устроены, какие бы хитроумные операции ни выполняли, они не люди.

Ну а потом...

Нет, мы не роботы, думал Геркаймер. Но мы и не люди. Мы не машины, мы из плоти и крови. Мы — набор химикатов, повторяющий форму своих создателей.

Так похожи на людей, но все же не люди...

Но надежда есть. Если мы сможем сохранить в тайне Колыбель. Если никто из людей ее не увидит. Вот тогда настанет день, когда нас будет не различить, тогда и человек будет разговаривать с андроидом, думая, что говорит со своим приятелем...

Геркаймер скрестил руки за головой.

Почему же мне так горько? — спрашивал он себя.

Нет, это не озлобленность. Не ревность. Это... непреодолимое чувство собственной неполноценности, знакомое тому, кто оступился и упал за метр до финиша.

Он долго еще лежал и размышлял в таком же духе, глядя на черный квадрат окна, покрытый морозными узорами, прислушиваясь к нытью ветра — противного, злобного, порывы которого как ножом скребли по крыше...

Сон не шел, и в конце концов Геркаймер встал и включил свет. Дрожа от холода, оделся и вынул из кармана книгу. Сев поближе к лампе, он перелистал страницы и нашел нужное место. Страничка была зачитана до дыр.

«Ни одно существо, когда-либо появившееся на свет,— как бы оно ни было рождено, создано или сделано, если оно живое,— не одиноко. Поверьте этому».

Он закрыл книгу и мысленно повторил прочитанное: «...рождено, создано или сделано...»

Сделано.

Самое главное — это биение жизни.

Я исполнил свой долг, думал он.

Я сыграл свою роль. И вроде бы сыграл неплохо. Начиная с того момента, когда принес ему вызов на дуэль от Бентона. И продолжал играть, когда явился к нему в качестве трофея...

Я делал это для него, но нет — не только для него. Для того, чтобы не расстаться с этой спасительной мыслью: «никто, в том числе и я, не одинок, никогда не одинок».

Я стукнул его, ох и здорово же я его стукнул, а он упал, тогда я взял его на руки и понес. Он обиделся на меня, но это ничего. Что это значит по сравнению с тем, что он дал мне!

Громовой удар сотряс стены дома, багровая вспышка озарила комнату.

Геркаймер вскочил, подбежал к окну и остолбенел: в небе пылали языки пламени, вырывающегося из сопл стартовавшего корабля.

Охваченный страхом, он выбежал из комнаты и помчался к спальне Саттона. Стучать не стал. Толкнул дверь, та распахнулась со зловещим скрипом.

Кровать была пуста, в комнате никого не было.

Глава 28

Саттон чувствовал, как в нем пробуждается жизнь, но никакого желания пробуждаться не испытывал — смерть была так приятна... Он нежился в ней, как в мягкой и теплой постели. А воскрешение пришло, точно звонок зловредного настырного будильника, раздавшийся в предрассветной тишине в незнакомой, полной опасностей комнате. Жизнь была страшна своей

обнаженной реальностью, и одно напоминание о том, что нужно вставать и рождаться заново,— противно.

Но ведь мне не привыкать, думал Саттон, не впервой. Это уже случилось однажды, тогда я пробыл в объятиях смерти гораздо дольше...

Он лежал лицом вниз на чем-то плоском и твердом. Казалось, прошла уйма времени, пока он понял, что лежит именно на чем-то твердом. «Твердое, плоское и гладкое» — всего три слова, но чтобы понять, что это, нужно не только почувствовать — увидеть...

Жизнь превращалась в тело. Но он не дышал, и сердце не билось.

Пол — вот на чем он лежал.

Саттон пошевелил одним пальцем. Потом другим.

Открыл глаза и увидел свет.

Звуки, доносившиеся до него, были голосами, они складывались в слова, словами выражались мысли...

Как же трудно называть вещи своими именами, думал Саттон.

— Нужно было еще попробовать,— говорил кто-то.— Уж больно мы нетерпеливы.

— При чем тут нетерпение,— раздраженно отозвался тот, кого звали Кейзом.— Он был уверен, что мы с ним шутки шутим. Что бы мы ни говорили, что бы ни делали, он думал — мы валяем дурака. Поэтому, как бы мы ни лезли вон из кожи, ни черта бы у нас не вышло, старина. Другого выхода не было.

— Ага,— согласился Прингл.— Как еще можно было доказать ему, что мы не шутим?

Он откашлялся.

— А вообще-то жалко,— добавил Прингл минуту спустя.— Неплохой парень был.

Какое-то время они молчали, а к Саттону тем временем возвращалась не только жизнь, но и силы... Скоро он почувствовал, что в состоянии встать, двигаться и дать волю охватившему его гневу. Он готов убить этих двоих?..

— Ну а в общем и целом все не так уж плохо,— продолжал Прингл.— Морган и его ребятки отвалят нам солидный куш!

— Не в моем это вкусе, если честно,— поморщился Кейз.— Мертвец — он мертвец и есть, если его не трогать, но вот когда продашь его, становишься вроде мясника.

— Вот уж что меня ни капельки не волнует,— хмыкнул Прингл.— Но что это означает для будущего? А, Кейз? Для нашего будущего? Ведь будущее сильно зависело от книги Саттона. Если бы нам удалось подправить книжку, ничего страшного не случилось бы, то есть не должно было бы случиться по нашим-то расчетам, правда? А теперь? Саттон убит. Книги не будет. И будущее... что будет с будущим?

Саттон встал на ноги.

Кейз и Прингл резко обернулись. Кейз потянулся за пистолетом.

— Давай, чего там,— любезно предложил Саттон.— Можешь изрешетить меня, но потом тебе и минуты не прожить.

Ему хотелось ненавидеть их так, как он ненавидел Бентона в тот жуткий вечер на Земле. Но ненависть улетучилась, осталась только тяжелая, четкая уверенность, что он должен убить этих людей.

Он шагнул вперед.

Прингл кинулся наутек, как крыса, ищущая дырку в полу. Кейз выстрелил два раза, но, увидев, что Саттон, истекая кровью, продолжает надвигаться, бросил оружие и прижался к стене.

Все было кончено за полминуты.

Глава 29

Саттон направил корабль в сторону от астероида — осколка размером чуть больше самого корабля.

Рука сама легла на пульт, подала вверх рычаг гравитации, и корабль рванулся в пространство.

Он опустил руки, откинулся в кресле пилота. Перед ним лежал черный недружелюбный космос, испещренный точками звезд, которые, казалось, складываются в таинственные послания, написанные холодным белым светом на черном поле вечной ночи...

Живой, думал он. По крайней мере пока. А может, и навсегда, потому что теперь меня никто не ищет.

Живой, с дырой в груди. Вся рубашка в крови, кровь по ногам течет...

Удобная штука это мое тело. Тело, которое мне подарили там, в созвездии Лебедя. Могу жить, пока... пока...

Пока — что?

Пока не вернусь на Землю, не приду к доктору и не скажу:

— В меня стреляли маленько. Будьте так добры, подлатайте, как сможете!

Саттон усмехнулся. Он отчетливо представил, как доктор падает в обморок.

Может быть, вернуться туда, в систему 61-й Лебедя?

Нет, они не пустят меня.

Или вернутся на Землю как есть и ни к какому врачу не ходить? Можно ведь добыть другую одежду, а кровь перестанет течь... когда вся вытечет.

Но тогда я не смогу дышать, и они это заметят.

— Джонни,— произнес Саттон, но ответа не последовало, только что-то шевельнулось в сознании, будто пес хвостом завилял, давая понять, что, мол, слышит, да сейчас слишком занят — кость больно вкусная, не оторваться!

— Джонни, есть какой-нибудь выход?

Должен же быть выход! Должна же быть надежда, соломинка, за которую можно ухватиться!

Даже теперь он не до конца понимал, какие возможности таят в себе его тело и разум.

Ненависть... Одна его ненависть способна убивать, она может как пуля вылетать из сознания и разить людей наповал. Ведь Бентон погиб, а пуля всего-навсего угодила ему в руку... значит, он умер еще до того, как в него попала пуля. Бентон выстрелил первым и промахнулся, а живой Бентон ни за что на свете не промахнулся бы...

Саттон не знал, что с помощью одного только сознания смог поднять мертвую громаду звездолета из каменной могилы и провести его через пространство длиной в одиннадцать световых лет. Но он сделал это и пронес энергию пылающих звезд до самой Земли, откуда их почти не видно.

И хотя он знал, что может по своему желанию переходить от одной формы жизни к другой, он просто не представлял себе, что в то мгновение, когда его жизнь прекращалась, другая включалась автоматически. Тем не менее произошло именно это. Кейз убил его, и он умер, а потом воскрес. В этом он был уверен. Потому что почувствовал смерть, узнал ее. Не в первый раз умирал.

Саттон ощутил, что организм буквально сосет энергию звезд, как дети сосут молоко из бутылочки. Кроме того, подпитка шла тонкими струйками от атомного двигателя.

— Джонни, неужели нет выхода?

Тишина...

Саттон поник, склонив голову на пульт управления.

Организм продолжал впитывать энергию, а кровь все капала и капала на пол...

Сознание его было словно затуманено, но он не прилагал никаких усилий, чтобы прояснить его; делать было нечего, думать не хотелось, и он, расслабившись, балансировал где-то на грани реальности. Саттон не представлял себе, на что он способен и как теперь обращаться с собственными возможностями.

Он вспомнил, как кричал в порыве дикого восторга, падая на чужую землю, понимая, что все-таки прорвался, что ему удалось сделать то, что до сих пор не удавалось сделать ни одному землянину.

...Планета приближалась, он уже увидел ее странную поверхность — змеящиеся черные и серые тени...

Двадцать лет прошло, но он помнил все, как будто это случилось вчера...

Тогда он потянул рычаг, но не смог сдвинуть его с места. Корабль снижался, и его охватила паника, а потом — настоящий страх.

Одна мысль стучала в его воспаленном мозгу, заглушая надежды и молитвы. Его единственная мысль: он сейчас разобьется.

Потом — темнота. Ни паники, ни страха — покой и забытье.

Понимание того, что случилось, вернулось как озарение. Теперь он не смог бы описать это ощущение — так мало в нем было человеческого.

И еще откуда-то взялись новые здания, но тогда ему показалось, что он знал это всегда и должен навсегда сохранить.

Он чувствовал, не видел — чувствовал, что лежит на земле, разбитый, утративший всякое подобие человеческого существа.

Потом вспомнил Шалтая-болтая, причем будто сам только что сочинил этот детский стишок, или нет — знал, да забыл и вдруг вспомнил...

«Шалтай-болтай,— говорила какая-то часть сознания, но не та, что вспомнила стишок,— ничего не подскажет». И Саттон понимал, что это правильно, потому что — как говорилось в стишке — Шалтая-болтая так и не удалось собрать...

Раздвоение, догадался он. Одна его половина отвечала на вопросы другои Как бы вместе, но в то же время — порознь. Где проходила граница, он не понимал и не чувствовал.

«Я — твоя судьба,— говорила одна половинка.— Я была с тобой с того мгновения, как ты появился на свет, и останусь с тобой, пока ты жив. Я не слежу за тобой, не преследую тебя, но стараюсь помогать тебе, хотя ты и не подозреваешь об этом».

Саттон, вернее та его маленькая часть, которая тогда была Саттоном, ответила: «Да, теперь я понимаю».

И он действительно все понимал. Как будто всегда знал, и было просто удивительно, что услышал об этом только сейчас. В голове вообще все перемешалось, ведь теперь их было двое — он и его судьба. Он не мог разобрать, что именно он знает как Саттон, а что — как судьба Саттона...

Никогда не разберусь, вздохнул он. Тогда не смог и теперь не могу — так глубоко во мне спрятаны две мои сущности: я — человек, и я — судьба, что ведет меня к высшей цели и высшей славе, когда, конечно, я позволяю ей это.

Судьба не может ни заставить, ни остановить меня, может только намекнуть, шепнуть словечко-другое. Это как бы сознание, рассудок, справедливость, что ли.

Это сидит у меня в мозгу, больше ни у кого. Только у меня, у меня одного Никто и понятия не имеет, что такое бывает; расскажи им — на смех поднимут.

Но узнать об этом должны все. Как знаю я. Так или иначе мне надо попасть в будущее и все устроить.

«Я — твоя судьба»,— говорила вторая половинка.

«Судьба — не рок».

«Судьба — не обреченность».

«Судьба — путь людей, народов, миров».

«Судьба — дорога, по которой ты пошел в жизни, те контуры, которые ты придал своему существованию».

«Судьба — спокойный, тихий голос, что столько раз обращался к тебе на поворотах и перекрестках бытия».

«Если ты меня не слышал — значит, просто не прислушивался. Никакая сила не может заставить тебя услышать. Но и никто не может наказать тебя за то, что ты ничего не слышишь. Наказание ты выбираешь сам, идя наперекор судьбе».

Были и другие слова, и другие мысли, и другие голоса. Саттон не мог определить, кому они принадлежат, но понимал, что они звучат за пределами той странной системы, которой в тот миг являлся он и его судьба.

Вот мое тело, думал он тогда. А я — где-то в другом месте, там, где все по-другому, все не так — и слух не тот, и зрение...

«Экран пропустил его!» — вот одна из перехваченных тогда мыслей. Саттон понял ее сразу, хотя вместо слова «экран» там было какое-то другое...

Вторая мысль: «Экран выполнил свою задачу»

И еще одна: «Какая у него сложная машина!»

И такая: «Очень, очень сложный организм, и зачем только все эти сложности, когда можно напрямую брать энергию у звезд?!»

Саттону хотелось крикнуть им: «Ради бога, поторопитесь, потому что мое тело — очень хрупкая вещь, и если вы помедлите, его уже нельзя будет привести в порядок!» Но он не смог вымолвить ни слова, продолжая, как во сне, внимать этому мысленному разговору.

Где он? Что с ним? Саттон не понимал. Кто он? Человек? Простое тело? Личное местоимение?

Он чувствовал себя невесомым, нематериальным, не пребывающим ни в каком времени. Он был каким-то вакуумом, которым управляло нечто, тоже, возможно, вакуум — другого слова Саттон не мог подобрать.

Он был вне собственного тела, и он был жив. Но где и как — понять было невозможно.

«Я — твоя судьба»,— сказала одна половинка.

«Судьба... Что такое судьба? — спросила другая.— Слово, только и всего. Идея. Абстракция. Не слишком удачное определение чего-то, что едва улавливает сознание человека, и только».

«Ты не прав. Судьба реальна, хотя ты не можешь ее увидеть. Она реальна и для тебя, и для всех остальных. Для любого существа, изведавшего биение жизни. Она всегда была и всегда будет».

«Это не смерть?» — спросила половинка Саттона.

«Ты первый, кто пришел к нам,— сказала судьба.— Мы не можем позволить тебе умереть. Мы вернем тебе тело, но до той поры ты будешь жить со мной. Ты будешь частью меня. Так и должно быть, потому что раньше я была частью тебя».

«Вы не хотели пропускать меня,— сказал Саттон.— Вы устроили экран, чтобы я не попал к вам».

«Нам нужен был один,— сказала судьба.— Только один. Ты. Других не будет».

«А экран?»

«Он был запрограммирован на разум определенного типа,— ответила судьба.— Такой, какой был нам нужен».

«Но вы не спасли меня от смерти!»

«Ты должен был погибнуть. Если бы ты не погиб и не стал бы одним из нас, ты так бы ничего и не понял. Пока ты пребывал в теле, мы не могли приблизиться к тебе. Ты должен был умереть, чтобы освободиться, а я... я взяла тебя и сделала частью себя, чтобы ты понял все».

«Но я не понимаю!» — сказал Саттон.

«Поймешь,— ответила судьба.— Поймешь».

И я понял, вспоминал Саттон.

Он вздрогнул и мысленно преклонился перед неведомым величием судьбы... величием миллиардов и миллиардов судеб, соответствующих числу жизней в Галактике...

Судьба родилась миллион лет назад, и тогда беспомощное и уязвимое существо вдруг остановилось и подняло с земли сломанную палку. Судьба пошевелилась — и существо ударило камнем о камень. Встала на ноги — и появились лук и стрелы. Пошла — и родилось колесо...

Судьба шепнула что-то — и другое существо вылезло из воды на сушу. Прошли годы — его плавники превратились в ноги, жабры — в ноздри.

Настало время Галактике узнать о Судьбе.

Симбиотические абстракции, паразиты... Называйте как хотите. Это судьбы.

Если они паразиты — они полезные паразиты, готовые отдать больше, чем взяли. Для себя им нужно только ощущение жизни, чувство бытия. Ведь многие из существ, с которыми они жили, были, мягко говоря, не очень умны. Дождевые черви, к примеру.

Но благодаря судьбе дождевой червь в один прекрасный день может стать чем-то большим, даже великим. И ничтожные микробы могут подняться на один уровень с человеком. Потому что любое существо, которое двигалось и жило, быстро или медленно, в каком угодно мире, жило не само по себе. Всегда вдвоем. Тварь и ее личная, собственная судьба.

Иногда судьба останавливала и страховала, а иногда — нет. Но там, где была судьба, была надежда. Судьба и была надеждой. Везде и всюду.

Никто не одинок. Ни ползающие, ни прыгающие, ни плавающие, ни летающие, ни роющиеся в земле...

...Планета, закрытая для всех, кроме одного, и, после того как этот единственный прибыл, закрывшаяся навсегда!

Один-единственный человек должен поведать Галактике все, когда Галактика будет к этому готова. Один-единственный должен рассказать всем о Судьбе и о Надежде.

И они выбрали меня, думал Эшер Саттон.

И — да поможет мне Бог!

Господи, помоги мне! Лучше бы это был не я, а кто-нибудь другой. Лучше бы они ждали миллион лет!

Они слишком много хотят. Слишком многого требуют от такого хрупкого существа, как человек! Разве под силу ему нести груз Откровения, поднять ношу Знания?!

Но Судьба выбрала меня!

Удача, или случай, или просто слепое везение — это Судьба.

Судьба выбрала меня. У нее не было имени. Я назвал ее Джонни, это смешно, и судьба моя имеет полное право надо мной посмеиваться.

Сколько я прожил с Джонни, моей неотъемлемой частью, моей искоркой (люди называют ее жизнью, но они ничего в этом не смыслят), пока не вернулся в свое тело и не понял, что оно стало другим, стало лучше? Над ним поколдовало много разных судеб, и они, видимо, сочли мой организм не слишком хорошо устроенным.

Они не только починили его, но и усовершенствовали. Они здорово повозились — в теле появилось множество всякой всячины, которой у меня раньше не было. Я, пожалуй, и сейчас не знаю всего, что мне тогда презентовали, и не узнаю, пока не придет пора воспользоваться тем или иным подарком. А кое о чем так и не узнаю никогда.

Итак, я снова вернулся в свое тело, но судьба не оставила меня.

...Симбиоз, думал Саттон, симбиоз на много-много порядков выше, чем симбиоз гриба и вереска, простейшего и водоросли... Духовный симбиоз. Я — хозяин, Джонни — мой гость, и мы вместе, потому что понимаем и любим друг друга. Джонни мне дает уверенность в себе, освещает мои дни и часы, я даю Джонни ощущение жизни, которого он был лишен в своем одиночестве.

— Джонни,— снова окликнул Саттон и снова не получил ответа. Он испугался. Джонни должен быть здесь. Судьба должна быть рядом!

Если только... если только... Мысль пробиралась тягуче и мерзко... Если только я не умер совсем, Если все, что происходит сейчас, не сон, если я действительно находился на призрачной грани между жизнью и смертью.

Голос Джонни был тих и очень-очень далек:

— Эш!

— Да, Джонни! — встрепенулся Саттон.

— Двигатели, Эш. Иди к двигателям.

Саттон выбрался из кресла пилота. Ноги подкашивались.

Он плохо видел... Очертания предметов расплывались. Ноги словно налились свинцом.

Он споткнулся и упал.

Шок, подумал он. Смертельный шок. От кровопотери, от сознания того, что я прострелен насквозь...

Но ведь какая-то сила воскресила меня, ее хватило на то, чтобы убить двоих... Месть?..

Но эта сила ушла, и теперь его могли поднять на ноги только разум и воля.

Он поднялся на четвереньки и пополз. Остановился, отдохнул... прополз еще несколько футов... Голова кружилась. По полу протянулся кроваво-слизистый след.

Саттон нащупал порог двери моторного отсека, дотянулся до ручки, со всей мочи дернул ее вниз, но пальцы только скользнули по гладкому металлу, и он рухнул на пол.

Долго-долго лежал он, не шевелясь, потом попытался еще раз, и ручка поддалась, он опять упал, но уже на пороге распахнутой двери...

Казалось, прошла вечность, когда наконец он с большим трудом встал на четвереньки и пополз вперед, медленно-медленно, дюйм за дюймом...

Глава 30

Когда Саттон очнулся, кругом была темнота. Темнота и неизвестность. Неизвестность и... удивление.

Он лежал на гладкой и твердой поверхности, над головой нависал металлический козырек, рядом что-то ревело и ворчало, одной рукой Саттон обнимал эту ворчащую штуку. Он понял, что так и спал, обняв ее, прижавшись к ней, как ребенок прижимается к любимому плюшевому мишке.

Сколько прошло времени? Где он находится? Опять воскрес?

Глаза постепенно привыкали к темноте, и он различил на полу темную дорожку, протянувшуюся через порог в соседнее помещение. Он лежал и думал о том, кто бы это мог так наследить и куда этот кто-то подевался. Может быть, думал он, этот кто-то все еще здесь и опасен.

Но довольно скоро он понял, что никого нет, он один; ощутил вибрацию двигателя... Ага! Вот он и назвал эту штуку своим именем! Теперь понятно, что это такое. Название пришло чуть раньше, чем понимание, что было несколько странно.

Итак, рядом с ним двигатель, он лежит на полу, а над головой потолок, стало быть — крыша.

Тесновато, подумал он. Двигатели... Дверь, ведущая... Куда?

Корабль! Вот что это. Он на корабле. Так. Ну а этот кровавый след на полу?

Сначала он решил, что какое-то неизвестное существо здесь проползло, оставив за собой след собственной слизи, но потом вспомнил... Это он сам полз, полз к двигателям.

Саттон лежал неподвижно, вспоминал, и ему стало интересно проверить, на самом ли деле он жив. Он поднял руку, прикоснулся к груди. Рубашка продырявлена, обожжена, ткань рассыпалась под пальцами, но грудная клетка была цела, кожа гладкая. Никаких тебе дыр.

Значит, это возможно, подумал он. Все подтвердилось: мой организм впитывает энергию звезд. Получив первый импульс от астероида, он восстановился, а сил набрался от двигателя. Двигатель был ближе, чем звезды, поэтому Джонни и подсказал, что нужно идти к нему. Я приполз сюда, этот жуткий мертвенный след — мой. Спал, обнявшись с реактором. И мое удивительное тело — этот удивительный потребитель энергии — зарядилось от него, от раскаленных камер реактора.

Я снова цел и невредим.

У меня опять есть тело, в нем течет кровь, я могу дышать. Могу вернуться на Землю.

Он поспешил прочь из машинного отделения.

Призрачный свет далеких звезд озарял кабину, рассеиваясь по стенам, как алмазная пыль. На полу распростерлись два тела — одно посередине кабины, другое в углу.

Какое-то мгновение Саттон соображал, откуда они здесь. Его человеческая сущность содрогнулась при виде черных безжизненных тел, но другая половина — холодное, жесткое ядро — бесстрастно взирала на чужую смерть.

Он тихо подошел, опустился на колени. Вроде Кейз, подумал он. Кейз был высокий и худой. Переворачивать труп и разглядывать лицо не хотелось.

Саттон обыскал убитого. Вещей в карманах было немного, и он быстро нашел, что искал.

Не поднимаясь с колен, он открыл книгу на титульной странице. Все то же самое, только внизу тоненькая строчка:

Исправленное издание.

Вот оно что. Вот что означает слово, которое он никак не мог понять: ревизионисты.

Перед ним лежала его книга, его исправленная книга, и те, кто издал ее, назывались ревизионистами. А другие? Саттон размышлял, перебирая названия. Как могли называться другие? Фундаменталисты? Ортодоксы? Не важно.

Дальше шли две чистые страницы, и начинался текст:

«Мы не одиноки.

Никто и никогда не одинок.

С тех самых времен, когда на самой первой в Галактике планете появились первые признаки жизни, не было ни единого существа, которое бы летало, ходило, ползало или прыгало по тропе жизни в одиночку...»

Внизу страницы была сноска:

«Это первое из многих утверждений, которое, будучи неверно интерпретированным, вызвало у многих читателей веру в то, что все формы жизни, независимо от степени их разумности и моральной направленности, наделены судьбой. Но все объясняет первая строка. В ней Саттон пользуется местоимением "мы", а любой лингвист, даже студент, понимает, что так можно сказать только о своей нации, о своем роде, о себе подобных. Если бы Саттон имел в виду все формы жизни, он бы так и написал: "все формы жизни". Но, использовав личное местоимение "мы", он тем самым обозначил свою принадлежность к роду человеческому, и только к человеческому. Он, видимо, ошибочно полагал (и это было весьма широко распространенным заблуждением в его дни), что Земля была первой планетой в Галактике, на которой зародилась жизнь. Нет сомнений в том, что Откровение, которое Саттон получил в виде своего величайшего открытия — Судьбы, позднее частично было извращено. Тщательные исследования однозначно установили, какие отрывки оригинальны, а какие — нет. Искаженные места в книге отмечены и прокомментированы соответствующим образом».

Саттон быстро перелистал книгу. Больше половины текста было снабжено пространным комментарием. На некоторых страницах так вообще всего-навсего две-три строчки текста, а остальное место занимали обширные сноски.

Он захлопнул книгу и до боли в руках сжал ее.

Господи! Не человеческая жизнь, нет, не только... Все формы жизни, конечно... Все живое!

Все перевернули. Переврали, стервецы!

Начинать войну, чтобы переписать книгу! Чтобы все переиначить по-своему. Они строили планы, дрались и убивали, чтобы великий покров Судьбы простерся исключительно над человечеством, чтобы эта раса самых жестоких хищников, ка-

ких когда-либо порождала природа, присвоила себе то, что принадлежало не только ей одной, а каждому живому существу...

Я должен хоть попытаться навести порядок. Этому надо положить конец. Надо что-то такое придумать, чтобы мои слова остались там, где я их поставил, чтобы любой, кто прочтет, все понял, понял как надо.

Господи, ведь это так просто! У всякой твари есть своя судьба, не только у человека.

Судьбы?.. Судьбы ждут, и, как только родится новая жизнь, одна из них устремляется к ней, чтобы остаться с ней до конца. Я не знаю, как и почему это происходит. Я не знаю, действительно ли мой Джонни рядом со мной или он разговаривает со мной оттуда, из системы Лебедя. Но он со мной. И я знаю, он со мной останется.

Но, черт, все равно ревизионисты переврут мои слова, дискредитируют меня, изменят всю книгу, выкопают из прошлого какие-нибудь скандальные подробности о нашем семействе, раздуют их и опорочат мое имя.

Кто-то из них уже поговорил с Джоном Генри Саттоном, и старик наверняка выболтал ему много всякого, что им могло пригодиться. Он же пишет в письме, что в каждой семье не без урода, и это, естественно, так. И поскольку он был старым добродушным болтуном, то и выложил там все про этих самых уродов.

Однако его россказни в будущее не попали, не принесли никакой пользы. Что-то случилось, и пришелец не смог вернуться в свое время. Ведь это именно он заявился на ферму с перевязанной головой.

Что-то там случилось.

Саттон медленно поднялся.

Что-то там случилось... И я догадываюсь что. В месте под названием Висконсин шесть тысяч лет назад...

Твердой походкой он направился к креслу пилота.

В Висконсин.

Глава 31

Кристофер Адамс вошел в кабинет, повесил на вешалку пальто и шляпу.

Он подошел к письменному столу и, опускаясь в кресло, вдруг замер и прислушался.

Психотрейсер работал!

«Трик-трак,— бормотал трейсер.— Трик-трак, трик-трак, клик...»

Адамс, так и не успев сесть, выпрямился, подошел к вешалке, надел пальто и шляпу.

Выходя, он сильно хлопнул дверью.

Этого за ним раньше тоже не водилось.

Глава 32

Саттон плыл к берегу, рассекая воду сильными, размашистыми гребками. Вода была теплая. Она что-то шептала ему низким, влажным голосом.

Она мне что-то хочет сказать. Уже много веков напролет она пытается что-то сказать людям. Могучий язык, на котором вода говорит с сушей, на котором разговаривают между собой волны... Всегда, во все времена вода старалась что-то поведать людям. И действительно, некоторые сумели почерпнуть кое-какие истины, сидя на берегу. Но никому и никогда не посчастливилось понять язык воды.

Так же, усмехнулся Саттон, как и тот язык, на котором я делал свои наброски, который забыт еще на заре становления Галактики.

Да и я толком его не знаю, вздохнул Саттон. Не знаю, откуда, когда и как он появился. Я спрашивал, но мне не сказали. Джонни как-то пытался объяснить, но я ничего не понял, просто человек не в состоянии это понять.

Я знаю символы, знаю, что они обозначают, но как звучат сами слова? Может быть, мой язык и не способен выговорить эти звуки. Мне кажется, что так говорит река... А может быть, на нем объяснялась какая-то цивилизация, прекратившая свое существование миллионы лет назад.

Над рекой сгустился ночной мрак, но луна еще не взошла. Звездный свет отражался в воде алмазными бликами, а на берегу виднелись неровные ряды светящихся окон.

Записки у Геркаймера, думал Саттон. Надеюсь, у него хватит ума сохранить их. Они понадобятся позднее, не сейчас. Но нужно будет увидеться с Геркаймером, хотя за ним наверняка следят — впрочем, как и за мной — по трейсеру. Но если действовать быстро, можно успеть...

Ноги коснулись каменистого дна, и вскоре он вышел на отлогий берег. Ночной воздух был прохладен, гораздо холоднее воды.

Конечно, Геркаймер — один из тех, кто вернулся, чтобы присмотреть за мной, пока я буду писать книгу, чтобы мне никто не помешал. Геркаймер и Ева. Но из них двоих Саттон больше доверял Геркаймеру. Андроид умрет за то, что написано в этой книге. Андроид, собака, лошадь и муравей... Но ни собака, ни муравей, ни лошадь, ни пчела ничего не узнают, потому что не умеют читать.

Он нашел лужайку, сел и снял мокрую одежду. Выжал и надел снова. Затем направился к дороге.

Никому не придет в голову искать корабль на дне реки. По крайней мере сразу. А ему и нужно-то всего несколько часов, чтобы навести необходимые справки.

Но нельзя терять ни минуты. Необходимо как можно скорее добыть информацию. Если Адамс нацелил на него трейсер, а Адамс наверняка это сделал, они уже знают, что он вернулся на Землю.

Он шел и думал. Все-таки как Адамс мог пронюхать о его возвращении, почему расставил капканы? Что он откопал, зачем, в конце концов, отдал приказ убить Саттона?

Кто-то ему сообщил... и у этого «кого-то» были достаточно веские доводы. Адамс никогда и никому не верил на слово. Единственным, кто был способен предоставить ему достоверную информацию, мог быть посланец из будущего. Скорее всего, один из тех, которые хотят, чтобы книга вообще не была написана, чтобы знания, содержащиеся в ней, исчезли навсегда. И самое простое — прикончить того, кто собирается писать эту книгу.

Да, проще некуда. Но есть одно маленькое «но». Если он успеет написать книгу, если она начнет распространяться по Галактике...

В противном случае из будущего окажется вырванным огромный пласт.

Этого не должно произойти, убеждал себя Саттон, быстро шагая по влажной траве.

Нет, Эшер Саттон не может, не должен умереть, не написав книгу.

Как бы то ни было, книга появится, иначе будущее переполнится ложью.

Саттон встряхнулся. Эти логические хитросплетения замучили его. Да и понятно: в истории еще никто и никогда не стоял перед подобной проблемой.

Варианты будущего?.. Может быть, но не очень-то верится. Варианты будущего — фантазия, жонглирование понятиями для доказательства своей правоты, словесная эквилибристика.

Он пересек шоссе и пошел по тропинке к дому на холме.

В болотце у реки завели разговор лягушки, вдали одиноко крякнула дикая утка. На холмах начались переговоры козодоев. В воздухе стоял густой запах свежескошенной травы, смешивающийся с речной прохладой.

Тропинка привела его к изгороди. Саттон отворил калитку и прошел через двор.

— Добрый вечер, сэр,— донесся до Саттона приятный мужской голос.

Саттон огляделся.

Человек сидел в кресле и покуривал трубку.

— Мне очень неудобно беспокоить вас, но нельзя ли мне воспользоваться вашим видеофоном?

— Конечно, Эш,— ответил Адамс.— Конечно. Сколько угодно.

Саттон резко остановился.

Адамс!

Это же надо было — столько домов на берегу, а он напоролся именно на дом Адамса!

Адамс усмехнулся:

— Судьба работает против вас, Эш.

Саттон подошел поближе, отыскал плетеный стул и уселся рядом с Адамсом. А что еще было делать?!

— А у вас красиво.

— Да, очень,— согласился Адамс. Он выбил трубку и убрал ее в карман.— Значит, вы опять умерли? — спросил он.

— Меня убили,— ответил Саттон.— Но я, как видите, жив.

— Кто-нибудь из моих парней? — поинтересовался Адамс.— Они за вами охотятся.

— Нет, я их не знаю,— ответил Саттон.— Из шайки Моргана.

Адамс покачал головой.

— Даже не слышал о таком.

— Может быть, он вам не представился,— сказал Саттон.— Ведь, скорее всего, это он сообщил вам, что я возвращаюсь.

— Хм, было такое...— ответил Адамс.— Тот человек был из будущего. Вы ему чем-то здорово насолили, Эш.

— Мне нужно сделать один запрос по видеофону,— попросил Саттон.

— Пожалуйста.

— Мне нужен час.

— Часа не обещаю.

— Ну хоть полчаса. Я думаю, что успею. Полчаса после того, как позвоню.

— И полчаса не обещаю.

— Вы ведь никогда не рискуете, Адамс?

— Никогда,— ответил Адамс.

— А я рискую,— сказал Саттон и встал.— Где у вас видеофон? Я рискну за вас.

— Сядьте, Эш,— произнес Адамс почти умоляюще.— Сядьте и объясните мне одну вещь.

Саттон садиться не стал.

— Если бы вы могли дать мне слово,— сказал Адамс,— что вся эта штука с судьбой не повредит человечеству. Если бы вы могли уверить меня в том, что это не будет на пользу нашим врагам...

— У человека нет никаких врагов,— ответил Эшер,— кроме тех, которых он сам себе создал.

— Галактика ждет не дождется, когда мы сдохнем,— возразил Адамс.— Спит и видит первые признаки агонии...

— Это все потому, что мы сами научили их этому. Они видели, как мы используем их слабости, чтобы выбить у них почву из-под ног.

— Ну а эта затея с судьбой — что она дает?

— Человек научится милосердию,— ответил Саттон.— Милосердию и ответственности.

— Доктор Рейвен сказал мне, что это не религия, но вера. Особенно, что касается милосердия.

— Доктор Рейвен прав,— сказал Саттон.— Это не религия. Судьба и религия могут существовать параллельно, нисколько не мешая друг другу. Я бы даже сказал, что они дополняют

друг друга. Только судьба не обещает загробной жизни. Это остается прерогативой религии.

— Эш,— спокойно спросил Адамс,— вы ведь изучали историю?

Саттон кивнул.

— Ну так оглянитесь назад,— сказал Адамс.— Вспомните хотя бы Крестовые походы. Вспомните возвышение мусульманства. Вспомните восстание Кромвеля в Англии. Америку, Россию. Везде религия и идеи, Эш. Религия и идеи. Человек будет драться за идею так, как никогда не будет драться за свою собственную жизнь, за свою страну. Пальцем не пошевелит. Но за идею...

— И поэтому вы боитесь идей?

— Мы просто не можем себе позволить такой роскоши! По крайней мере сейчас.

— И все-таки человечество взросло именно на идеях,— заметил Саттон.— У нас не было бы ни культуры, ни цивилизации, если бы не идеи.

— Именно сейчас,— сердито сказал Адамс,— в будущем идет война из-за этой вашей «судьбы».

— И именно поэтому мне нужно позвонить. Именно поэтому мне нужен час.

Адамс медленно встал.

— Я, наверное, совершаю ошибку,— сказал он.— Я так еще ни разу в жизни не поступал. Но я рискну — впервые в жизни.

Он вошел в дом, Саттон — за ним.

В неосвещенной гостиной стояла старомодная мебель.

— Джонатан,— позвал Адамс.

Послышались шаги, и появился андроид.

— Принеси кости,— сказал Адамс мрачно.— Мистер Саттон и я хотим бросить жребий.

— Кости, сэр?

— Да-да, те самые, в которые вы с поваром играете.

— Хорошо, сэр...— обескураженно ответил Джонатан.

Он повернулся и ушел, звук его шагов еще долго слышался откуда-то из глубины дома.

Адамс хмуро взглянул на Саттона:

— Бросим по разу. Выиграет тот, у кого выпадет больше очков.

Саттон сдержанно кивнул.

— Если выиграете вы, получите час. Если я, вы будете выполнять мои распоряжения.

— Идет,— ответил Саттон.

А про себя он подумал: я поднял изувеченный звездолет и довел его до Земли. Я был и двигателем, и пилотом, и штурманом, и всем остальным. Энергия, накопленная моим телом, подняла корабль и пронесла его через пространство длиной в одиннадцать световых лет. Сегодня я преодолел атмосферу Земли с выключенными двигателями, чтобы меня не запеленговали, и посадил корабль в реку. Я мог бы сейчас вытащить вон из той коробки ботинок и перенести его на стол, мог бы перелистать книгу, не прикасаясь к страницам.

Но кости...

Это дело другое.

Они вертятся так быстро.

— Что же касается видеофона,— сказал Адамс,— то им вы можете воспользоваться независимо от того, выиграете или нет.

— Если я проиграю,— ответил Саттон,— видеофон мне не понадобится.

Вернулся Джонатан. Положил кости на стол и с любопытством стал ожидать продолжения событий, но, поняв, что лучше уйти, удалился, пару раз оглянувшись по дороге.

— Вы первый,— предложил Саттон.

Адамс взял кости, сжал их в кулаке, потряс. Звук был такой, словно кто-то с перепугу стучит искусственными зубами.

Он разжал руку, и два белых кубика покатились по столу. Остановились. На одном выпало «пять», на втором — «шесть».

Адамс поднял голову и посмотрел на Саттона. Взгляд его не выражал ровном счетом ничего. Ни радости, ни ехидства. Абсолютно ничего.

— Ваша очередь,— сказал он.

Отлично, подумал Саттон. Просто отлично. Две шестерки. Нужно, чтобы выпали две шестерки.

Он протянул руку, взял кости, покатал их в кулаке, фиксируя в сознании размеры и очертания.

А теперь, отдал он себе мысленный приказ, сожми их мысленно так же, как сжимаешь в кулаке. Держи их крепко, пусть

они станут частью тебя, как те два корабля, которые ты провел через пространство, как любая вещь, которую бы ты хотел поднять или передвинуть,— стул, книга, цветок...

На мгновение он переключился на другой режим. Сердце замедлило ритм, кровь запульсировала тише, дыхание прекратилось. Он почувствовал, как включилась система, способная заряжаться от всего, что обладало энергией.

Сознание приняло кости, сжало мысленно в кулак, потом разжало пальцы... Кости покатились по столу... Они кувыркались в его сознании точно так же, как на столе, он их видел и чувствовал, словно они часть его тела. Но управлять ими было неимоверно трудно. В какое-то мгновение ему показалось, что они наделены собственным разумом и волей.

...На одном кубике выпало шесть. Другой все еще катился по столу... Вот она, грань с шестеркой! Кубик чуть-чуть покачнулся... и замер. Шесть!

Кубики лежали смирно. Две шестерки.

Саттон глубоко вздохнул, сердце вновь забилось, кровь побежала по венам.

Какое-то время они стояли молча и смотрели на кубики, потом глянули друг на друга.

Первым заговорил Адамс.

— Видеофон там,— он показал в угол.

Саттон кивнул, сглотнул слюну. Он чувствовал себя героем плохого романа.

— Судьба,— прошептал он,— пока работает на меня.

— Час, который вы выиграли, начнется сразу после окончания разговора,— холодно сказал Адамс, резко повернулся и вышел во двор.

Саттон ощущал жуткую слабость, но взял себя в руки и пошатываясь побрел к видеофону.

Он сел на стул перед экраном и взял справочник «География и история Северной Америки».

Он нашел номер, набрал его. Экран загорелся.

— К вашим услугам, сэр!

— Я хотел бы узнать,— сказал Саттон,— где находится Висконсин.

— А где находитесь вы, сэр?

— На вилле мистера Кристофера Адамса.

— Того самого мистера Адамса, который работает в Департаменте Галактических Исследований?

— Того самого,— ответил Саттон.

— В таком случае,— вежливо произнес робот,— вы находитесь в Висконсине.

— А где находился Бриджпорт?

— На северном берегу реки Висконсин, примерно в семи милях от места ее впадения в Миссисипи.

— Но что это за реки? Я о них никогда не слышал.

— О, они совсем рядом с вами, сэр. Висконсин впадает в Миссисипи в двух шагах от виллы мистера Адамса.

Саттон резко встал и вышел во двор.

Адамс сидел на прежнем месте как ни в чем не бывало.

— Узнали, что хотели? — мирно спросил он.

Саттон кивнул.

— Тогда торопитесь, ваш час уже начался.

Саттон не двигался с места.

— Ну, в чем дело, Эш?

— Да я думаю, протянете ли вы мне руку на прощание?

— Конечно,— ответил Адамс.

Он церемонно поднялся и протянул Саттону руку.

— Не могу сказать точно, Эш,— произнес он, глядя Саттону в глаза,— но вы или величайший человек, какого я когда-либо знал, или самый большой идиот на свете.

Глава 33

Бриджпорт томно дремал в пыльной долине, окаймленной скалами, рядом с лениво текущей рекой. Полуденное солнце так накалило землю, что казалось, скоро запылают и ветхие домишки, и пыль на дороге, и кустики с пожухлой листвой, и жиденькие цветочные клумбы.

Железнодорожные рельсы вились вокруг холмов, пробегали через городок и снова терялись в горах; короткий отрезок этой железной дуги, приходящей ниоткуда и уходящей в никуда, сверкал на солнце, как лезвие ножа. Между железнодорожной линией и рекой ютилось квадратное здание вокзала, покоробившееся за много лет от жары и холода, оно казалось безучастным, съежившимся, поникшим в ожидании очередного сюрприза погоды или судьбы...

Саттон стоял на платформе и слушал, как шумит река, как чавкает и посвистывает вода в маленьких водоворотах, как она ворчит, переваливая через большую корягу. Слышал мягкие вздохи волн, пытающихся утащить за собой низко склонившиеся ветви ив. Все это было говором реки, языком, на котором она объяснялась с берегами, могучим языком, выдававшим ее скрытую силу...

Подняв голову, Саттон заслонился рукой от солнца и посмотрел на мощный металлический мост, соединявший тот, крутой берег реки с этим, отлогим. От моста в долину черной лентой бежала автострада.

...Человек перешагивал реки с помощью стальных мостов и никогда не слышал, что говорит река, впадая в море. Человек переносился через моря на крыльях самолетов, а на такой высоте не слышался шум моря. Человек переплывал пространство в металлических цилиндрах, внутри которых время течет по-другому, где все заверчено в таких дебрях математической логики, какие и не снились людям в этом мире, в городке под названием Бриджпорт, в 1977 году.

Человек вечно спешил, он взлетел слишком быстро и слишком высоко. Так высоко и так быстро, что многое потерял. Прошел мимо вещей, которые нужно было изучать годами. Он еще схватится за голову и вернется к их изучению через много-много веков. Да, когда-то придется пройти по собственному следу, чтобы понять наконец-то, мимо чего прошел когда-то; он еще удивится, как же мимо этого можно было пройти?!

Саттон сошел с платформы и увидел едва заметную тропку, что вела к реке. Он пошел по ней, осторожно глядя под ноги, стараясь не споткнуться об острые камни.

Тропинка кончилась, и Саттон увидел на берегу старика.

Старик сидел ссутулившись на небольшом валуне, вросшем в глинистую землю. Между коленями у него была зажата самодельная удочка. Лицо украшала бородка двухнедельной давности. Он курил вонючую трубку, а рядом с ним стоял заляпанный глиной кувшин, заткнутый огрызком кукурузного початка.

Саттон тихонько присел на землю рядом с камнем. Он обрадовался и немного удивился, когда его обдало речной прохладой. Легкий ветерок приятно ласкал щеки.

— Поймали что-нибудь? — поинтересовался Саттон.

— Ни хрена не поймал,— грубо ответил старик, не выпуская мундштук изо рта.

Он попыхивал трубкой, и Саттон с любопытством наблюдал за тем, как он курит. Окутанная клубами дыма борода его, казалось, давным-давно должна была бы сгореть синим пламенем.

— И вчера — ни хрена,— сообщил старик.

Он вынул трубку изо рта и рассеянно уставился куда-то на середину реки.

— Хлебни,— сказал он, не поворачивая головы. Взял кувшин, протер горлышко грязной рукой.

Саттон, потрясенный до глубины души таким отношением к гигиене, чуть не расхохотался, но сдержался и принял кувшин из рук старика.

У жидкости был вкус желчи, от нее драло горло, как наждаком. Саттон отодвинул кувшин и с минуту сидел, тяжело дыша, широко открыв рот, надеясь, что воздух охладит пылающее нутро.

Старик взял у него кувшин, Саттон утер текшие по щекам слезы.

— Выдержка, жаль, слабовата,— посетовал старик.— Не было времени дожидаться, пока поспеет.

Он тоже хлебнул прилично, вытер рот тыльной стороной ладони и, смачно крякнув, выдохнул... Пролетавший мимо шмель свалился замертво.

Старик поддел шмеля ногой.

— Хиляк,— презрительно заметил он.

Поставил кувшин на место и крепко заткнул огрызком початка.

— Откуда будешь-то? — спросил он, разглядывая Саттона.— Что-то я тебя раньше не видал.

Саттон кивнул.

— Разыскиваю одно семейство — Саттоны. Знаете таких? Джон Саттон мне нужен.

Старик хмыкнул:

— Старина Джон?! Так мы с ним, того, с малолетства... Редкостный негодяй, доложу я тебе. Ничего хорошего про него не скажу. Вот. Учился, понимаешь, законы изучал. Образованный... А толку-то? Копается на своей ферме. Во-он

там, на другом берегу.— Старик быстро глянул на Саттона.— А ты часом не родич ему, а?

— Ну,— замялся Саттон,— не совсем. Не очень близкий.

— Завтра четвертое,— пробормотал старик.— А знаешь, что я тебе расскажу? Когда мы со стариной Джоном еще пешком под стол ходили, мы однажды подорвали водосток в Кемпбелловской долине — ей-богу! Там рабочие оставили динамит, ну а мы, как говорится, тут как тут. Ну и устроили салют ко Дню Благодарения. Засунули динамит в трубу и подожгли шнур. Дорогуша ты мой, трубу разнесло к чертовой матери! Помнится, родители две недели прятали нас, чтобы не нашли. Так-то вот. Эх, времечко было...

Пустозвон, подумал Саттон. Но зато сказал главное. Джон Саттон живет на том берегу реки, а завтра четвертое июля 1977 года — все как в письме.

И спрашивать не пришлось — сам сказал.

Солнце палило по-прежнему, но здесь, под деревьями, зной почти не чувствовался. Мимо проплыл листок, на нем сидел кузнечик. Кузнечик прыгнул, но до берега не дотянул, свалился в воду. Течение подхватило его и унесло.

— Бедняга,— сказал старик с усмешкой.— И нечего было рыпаться. Самая злющая река в Штатах — наш Висконсин. Нету ему никакой веры. Когда-то пробовали по нему пароходы пустить, но ни хрена не вышло: сегодня на этом месте высокая вода, а завтра — мель. Нанесет откуда-то песка, и все дела. Тут один мужик, шибко умный, написал бумагу в министерство, про Висконсин-то. Дескать, чтобы на Висконсине пароходы плавали, надо всю реку перековырять.

Издалека послышался шум поезда...

— Независимая судьба у того кузнечика, верно я говорю, а, парень?

Саттон напрягся, выпрямился, совершенно ошеломленный.

— Как вы сказали?

— А, не обращай внимания,— ответил старик.— Так болтаю, считай, сам с собой разговариваю. Все думают, что я псих.

— Но... вы сказали что-то о судьбе?

— Ну просто мне было когда-то интересно. Я даже написал рассказ про это, ей-богу, хочешь — верь, хочешь — не

верь. Но, правда, не очень хорошо вышло. Молодой был, мало что в жизни-то понимал.

Саттон расслабился и откинулся на спину.

Рядом кружилась стрекоза. Недалеко от берега плеснула маленькая рыбка, по воде пошли круги.

— А вот насчет рыбалки,— сказал Саттон.— Мне показалось, что вам, в общем, все равно, поймаете вы что-нибудь или нет?

— А, лучше бы ничего не ловилось,— ответил старик, махнув рукой.— А то ведь как поймаешь, так это ж надо рыбу с крючка снимать. Потом надо обратно наживлять да еще и забрасывать. Целая канитель, ну ее совсем.— Он вынул изо рта трубку и с чувством плюнул в реку.— Ты, сынок, Торо читал?

Саттон покачал головой, пытаясь вспомнить. Шевельнулись какие-то смутные воспоминания. В колледже по древней литературе проходили один фрагмент. Он помнил только, что фрагмент был довольно длинный.

— Не читал, так почитай,— наставил старик.— Он не дурак был, Торо этот.

Саттон встал и отряхнул брюки.

— Куда торопишься? — поднял голову старик.— Посиди еще. Ты мне не мешаешь.

— Вообще-то мне надо идти,— сказал Саттон.

— Ну ладно. Может, еще когда забредешь. Поболтаем. Звать меня Клифф, а теперь все величают старым Клиффом. Так и спроси, где старого Клиффа найти. Всякий скажет.

— Как-нибудь обязательно,— вежливо ответил Саттон.

— Может, хлебнешь еще на дорожку? — предложил старик.

— Нет-нет, благодарю вас,— поспешно отказался Саттон.

— Ну как хочешь,— пожал плечами старик, поднял кувшин и сделал приличный глоток. Увы, выдох на сей раз не был столь эффектен — никто не пролетал мимо.

Саттон вновь вернулся на платформу, жара не спадала.

— Все правильно,— сказал ему служащий на вокзале.— Саттоны живут на другом берегу, в округе Грант. Туда можно по-разному попасть. Вы как хотите — покороче?

— Наоборот, подскажите мне самый длинный путь,— ответил Саттон.— Я не тороплюсь.

Когда Саттон взобрался на холм у моста, взошла луна.

Он не торопился — у него в запасе была вся ночь.

Глава 34

Земля была беспорядочно усеяна обломками скал, которые, казалось, какой-то разгневанный великан нашвырял в незапамятные времена. Тут не росли высоченные деревья, соревнующиеся с горами в высоте и могуществе. В укромных расщелинах прятались летние цветы, прижимаясь к корням могучих деревьев. Неподалеку на ветке сидела белка и что-то цокала — не то восхищенно, не то рассерженно, поглядывая на всходившее солнце.

Саттон карабкался наверх по каменистому ущелью. Иногда ему удавалось выпрямиться, но большей частью он продвигался на четвереньках.

Он часто останавливался и отдыхал, утирая пот. Оставшаяся далеко внизу в долине река уже не казалась грязной и серой, а приобрела яркий голубой оттенок, соперничающий с ультрамарином небес, отражавшихся в ней. Воздух над рекой казался отсюда кристально чистым, гораздо чище, чем был на самом деле. Ястреб коснулся воды на самой границе, там, где голубизна неба переходила в голубизну реки, и Саттону показалось, что он различает каждое пятнышко на крыльях птицы.

Взглянув наверх, он заметил в скалах проход и понял: это именно то место, о котором писал Джон Саттон.

Солнце встало только пару часов назад, и у него еще было достаточно времени...

Наконец Саттон выбрался наверх. Валун лежал на своем месте. Сидеть на нем и правда оказалось очень удобно. Предок был прав.

Все было как в письме: покой и величие исходили от раскинувшегося перед его глазами пейзажа, действительно все выглядело объемно, как панорама. И на самом деле чудилось, что здесь может что-то произойти — вероятное и невероятное.

Саттон посмотрел на часы. Половина девятого. Он встал, прошел за кусты, улегся в густую траву и стал ждать.

Прошло совсем немного времени, и раздался приглушенный звук двигателя. Совсем рядом опустился корабль. Маленький, одноместный корабль. Он опустился за изгородью, на пастбище.

Из корабля вышел человек и устало прислонился к обшивке, с явным удовольствием глядя на небо и деревья,— он попал, куда хотел.

Саттон тихо усмехнулся.

Спектакль, подумал он. Неожиданно появиться на якобы поломанном корабле; дождаться старика, который подойдет и заговорит с тобой... Как это, черт побери, естественно! Ты его даже звать не будешь, сам придет и конечно же заговорит.

Понятное дело, не идти же тебе к ферме, не стучать в ворота и не говорить:

«Здравствуйте. Я прибыл сюда, чтобы раздобыть побольше всяких сплетен и пересудов о вашем семействе. Давайте сядем поудобнее. Ну, рассказывайте!»

Этот номер не прошел бы. Поэтому ты, скотина, приземляешься на пастбище и заводишь треп о погоде, пшеничке, травке-муравке и незаметно, плавненько так, переводишь разговор на дела личные и семейные...

Человек вытащил гаечный ключ и стал рассеянно постукивать им по обшивке.

Саттон приподнялся на локтях.

Джон Генри Саттон спускался с холма. Это был грузный седобородый старик в старой черной шляпе. Он шел прихрамывая, но старался держаться прямо.

Глава 35

Проиграли, думала Ева Армор.

Геркаймер сказал, что психотрейсер в кабинете Адамса замолчал.

Жизнь Саттона прекратилась, и замолчал трейсер. Саттон мертв. Но нет, этого не может быть. Достоверно известно, что он написал книгу. А на сегодняшний день он ее еще и не начинал.

Хотя, вздохнула она, истории трудно доверять. Ее или плохо пишут, или недобросовестно переписывают, а то и перевирают или приукрашивают люди с богатым воображением. Правду так тяжело удержать, а мифы и выдумки так легко смешиваются с реальностью, что выглядят в конце концов куда более логичными, чем реальность.

История Саттона, как знала Ева, была наполовину апокрифична. Но многое в ней — правда.

Кто-то написал книгу, и этот кто-то — Саттон, потому что никто больше не мог перевести записи, сделанные на неизвестном языке. Да и написана эта книга просто и естественно, как Эш разговаривал в жизни.

Саттон умер, но не на Земле, и не в Солнечной системе, и не в возрасте шестидесяти лет. Он умер на планете, вращавшейся вокруг далекой звезды. .

Таковы факты, и эти факты извратить трудно.

Но трейсер замолчал.

Ева встала, подошла к окну; оно выходило в парк, примыкавший к гостинице «Пояс Ориона». Светлячки кружились над черными кустами, озаряя их вспышками холодного света. Луна вышла из-за облаков.

Столько работы, думала она. Столько лет обдумывания, составления планов. Создание андроидов без меток на лбу — точных копий людей, на места которых они отправлялись Тонкие сети шпионажа, расставленные ко дню возвращения Саттона. Годы разгадывания загадок прошлого в попытке отделить правду от вымысла...

Годы наблюдения и ожидания, борьбы с контрразведкой Ревизионистов. И осторожность, всегда осторожность, чтобы в восьмидесятом столетии никто ни о чем не догадался...

Но чего мы не учли...

Прискакал Морган и убедил Адамса в том, что Саттона нужно убить... Та парочка вылетела на астероид.

Но это ничего не объясняло... Было что-то еще.

Она стояла у окна, смотрела на всходившую луну, нахмурив брови и пытаясь сосредоточиться. Устала. Никакие мысли в голову не приходили. Никакие. Кроме одной: «Проиграли!»

Они проиграли, и этим объяснялось все.

Саттон, видимо, мертв, и это означало поражение, полное и бесповоротное. Это означало победу официоза, который был жесток и одновременно труслив, слишком труслив, чтобы принять открытый бой. Победа официоза, который стремился во что бы то ни стало сохранить статус-кво, официоза, который способен стереть с лица истории целые столетия здравого смысла только лишь для того, чтобы удержать руку на пульсе Галактики.

Такое поражение, думала она, еще хуже, чем если бы победили Ревизионисты. Книга все-таки была бы, и это лучше, чем ничего.

Вдруг раздался звонок. Ева бросилась к видеофону.

— Звонил мистер Саттон. Наводил справки о Висконсине,— сообщил робот.

— Жив! Как ты сказал — о Висконсине?

— Это древнее географическое название,— ответил робот.— Он интересовался местом под названием Висконсин. Бриджпорт, городок в штате Висконсин. Это его интересовало.

— Он что, собирался туда, ты так понял?

— Да, я понял именно так.

— Быстро скажи мне, где этот Висконсин?

— Пять или шесть миль отсюда. А по времени — как минимум четыре тысячи лет.

Она вздохнула.

— Нашел времечко...

— Да, мисс...

— А поточнее? — спросила Ева.

Робот обреченно помотал головой.

— Не знаю. Этого я не понял. Его сознание было практически недоступно. Я только понял, что, перед тем как позвонить, он пережил сильный стресс.

— Значит, ты не знаешь?

— На вашем месте, мисс, я бы так не беспокоился. Он разговаривал как человек, который знает, что делает. Я думаю, у него все в порядке.

— Ты уверен?

— Да, я уверен,— твердо ответил робот.

Ева выключила видеофон и вернулась к окну.

Эш! — лихорадочно думала она, Эш, милый Эш! У тебя обязательно должно быть все в порядке. Ты жив и знаешь, что делаешь. Ты должен вернуться к нам и написать книгу... Не только для меня... Ты непременно должен вернуться. У меня, к сожалению, прав на тебя меньше всех. Ты нужен Галактике, а однажды ты станешь нужен и всей Вселенной. Маленькие, неприметные жизни ждут твоих слов, ждут той надежды, которые подарит твоя книга. Но больше всего они ждут уверенности. Уверенности в том, что все формы жизни равны.

Уверенности, что придет великое братство, которое будет выше всего, что за многие века придумано людьми.

А я, думала она, не имею права ни хотеть того, что хочу, ни думать так, как думаю.

Я ничего не могу поделать, Эш!

Ничего не могу поделать, потому что люблю тебя.

— Когда-нибудь,— тихо проговорила она.— Когда-нибудь...

Она стояла у окна, одинокая и несчастная, и слезы набегали на глаза и текли по щекам, но не было сил поднять руку и смахнуть их.

Глава 36

Сучок хрустнул у Саттона под ногой, и человек с гаечным ключом в руке медленно обернулся. Быстрая улыбка скользнула по его лицу, в морщинках, собравшихся в уголках глаз, читалось удивление.

— Добрый день,— произнес Саттон.

Джон Генри Саттон был уже далеко и казался крошечной точкой на вершине холма. Солнце, перевалив зенит, склонялось к западу. Внизу, в долине реки, лениво каркали вороны.

Человек протянул руку для приветствия.

— Мистер Саттон, не так ли? Мистер Саттон из восьмидесятого века, если не ошибаюсь?

— Бросьте ключ,— сказал Саттон.

Человек сделал вид, что не услышал.

— Меня зовут Дин,— сообщил он.— Арнольд Дин. Я из восемьдесят четвертого.

— Бросьте ключ,— повторил Саттон, и Дин повиновался. Саттон ногой откинул гаечный ключ подальше.— Так-то лучше. А теперь давайте присядем и потолкуем.

Дин предостерегающе поднял указательный палец.

— Старик скоро вернется,— предупредил он.— Он любопытен, поэтому вернется — не успел задать мне кучу вопросов.

— У нас есть время,— заверил Саттон,— пока он пообедает и вздремнет.

Дин что-то недовольно пробурчал, но все-таки присел на траву спиной к кораблю.

— Случайные факторы,— сказал он, глядя в одну точку.— Вот отчего все задуманное может полететь к чертям. Вы, Саттон,— случайный фактор. Ваше появление не было запланировано.

Саттон удобно устроился на траве, поднял гаечный ключ, взвесил его в руке.

На тебе должна остаться кровь, мысленно обратился он к инструменту, еще до того, как закончится день.

— А скажите-ка мне, если не секрет,— поинтересовался Дин,— что вы намерены предпринять?

— Спокойно,— сказал Саттон.— Вам придется поговорить со мной и сообщить кое-что меня интересующее.

— С радостью,— откликнулся Дин.

— Вы сказали, что прибыли из восемьдесят четвертого столетия. А точнее?

— Из восемь тысяч триста восемьдесят шестого года,— ответил Дин.— Но на вашем месте я бы не задавал столь глобальных вопросов. Детали гораздо интереснее, уверяю вас.

— Вы ведь не ожидали, что я здесь появлюсь? Думали, что дело в шляпе?

— Конечно. Но мы победим, не сомневайтесь.

Саттон поковырял землю гаечным ключом.

— Не так давно,— тихо произнес он,— мне довелось стать очевидцем космической катастрофы. Человек, которого я оттащил от корабля, прожил несколько минут, но он узнал меня и пытался сложить пальцы в какой-то условный знак.

Дин сплюнул.

— Андроид,— бросил он пренебрежительно.— Они вам поклоняются, Саттон. Они из вас просто идола сделали. А все потому, что вы, так сказать, подарили им надежду. И они возомнили, что равны человеку.

— Надо полагать,— сказал Саттон,— вы не верите тому, что я написал?

— Еще чего не хватало!

— А я верю,— твердо сказал Саттон.

Дин молчал.

— Вы взяли мою книгу,— спокойно продолжал Саттон,— и пытаетесь воспользоваться ею как еще одной ступенькой в лестнице человеческого тщеславия. Вы ничегошеньки не по-

няли. У вас нет ни малейшего понятия о том, что такое судьба! Вы не оставили судьбе никаких шансов...

Саттон говорил и чувствовал, что говорит как проповедник. Выходило наподобие древних пророков, чьи длинные седые волосы спутаны, а бороды пожелтели от табака...

— Я не собираюсь читать вам лекцию,— сказал он, чтобы исправить положение, мысленно проклиная Дина, который одним словом поставил его в позицию обороняющегося.— И проповедовать не собираюсь. Судьбу либо принимают, либо отвергают. У меня никогда не повернется язык обвинить человека, не принимающего этого понятия. Моя книга — это мои переживания, мои мысли и мои знания. Принимать или не принимать — личное дело каждого.

— Саттон,— сказал Дин,— вы бьетесь головой о стену. У вас нет никаких шансов. Вы боретесь с человечеством. Против вас весь род людской. На вашей стороне всего-то и есть, что кучка презренных андроидов да пара-тройка людей-ренегатов из породы тех, что интересуются древними культурами.

— Империя стоит на андроидах и роботах,— ответил Саттон.— Они могут бросить вас в любую минуту, и вы останетесь одни, беспомощны... Без них вам не удастся удержать ни пяди земли за пределами Солнечной системы!

— Ну уж нет! В имперских делах они будут рядом с нами,— уверенно заявил Дин.— Что касается этих глупостей насчет судьбы, тут — да, они будут бороться, но никуда от нас не денутся, потому что без нас им конец. Они же размножаться не могут! Чтобы их раса продолжала жить, им нужны люди.— Он усмехнулся.— До тех пор, пока один андроид не сумеет сделать другого андроида, они будут держаться нас и работать на нас.

— Я никак не могу понять,— полюбопытствовал Саттон,— а как вы узнаете, кто из них против вас, а кто за?

— Черт бы их побрал,— буркнул задетый за живое Дин.— Этого мы и сами не знаем. Если бы знали, война бы давно кончилась. В том-то все и дело, что андроид, который только вчера что-то против тебя затевал, сегодня может преспокойненько чистить твои ботинки. А как узнаешь-то? Никак.

Он подобрал камешек и зашвырнул его подальше в густую траву.

— Саттон,— сказал он, не глядя на Эшера,— хватит нам дурака валять. Никаких сражений, конечно, нет и в помине. Партизанские вылазки там-сям да пустяковые стычки между группами, оказавшимися случайно в одной точке одновременно.

— Например, как мы сейчас,— закончил его мысль Саттон.

— Ха! — задрал голову Дин, и его лицо просветлело.— Вот именно, как мы сейчас!

Еще мгновение Дин сидел на траве и вдруг резко рванулся к Саттону и крепко вцепился в другой конец гаечного ключа. Нападение было столь внезапно, что ключ выскользнул из рук Саттона, блеснув на солнце. Дин занес руку для удара, губы его шевелились, и Саттон разобрал слова:

— А ты думал, что это буду я?

Резкая боль пронзила его, стало темно, и темнота длилась целую вечность.

Глава 37

Обманули!

Обвели вокруг пальца! И кто?! Пройдоха из будущего!

Пойман на удочку письмом из прошлого.

Попался, попался! — повторял Саттон. И все из-за собственного тупоумия!

Он поднялся с земли, сел, обхватил голову руками, почувствовал, как греет спину закатное солнце, услышал, как кричит пересмешник дрозд в зарослях ежевики и как шуршат под ветром колосья на поле.

Обманут и пойман в ловушку!

Он отнял руки от головы и увидел гаечный ключ. Саттон тронул ключ пальцем, и на пальце осталась кровь, теплая и липкая. Он осторожно потрогал голову. Волосы слиплись.

Схема, подумал он. Все по схеме.

Вот он я, а вот — гаечный ключ, а за изгородью — пшеничное поле, и пшеница выше чем по колено...

Прекрасный солнечный день, четвертое июля 1977 года...

Корабль улетел, и примерно через час Джон Генри Саттон спустился с холма, чтобы спросить кое о чем, что забыл, а теперь вспомнил. А через десять лет он напишет письмо, в котором изложит свои сомнения про меня, а я в это время буду вытаскивать ведро из колодца, чтобы напиться...

Саттон встал. Было тихо. Грело мягкое послеполуденное солнце. Внизу шумела река.

Он пошевелил гаечный ключ носком ботинка и задумался.

Я могу изменить схему. Я могу забрать гаечный ключ. Тогда Джон Генри не найдет его. Но даже эта малость может сильно повлиять на дальнейший ход событий.

Я неправильно понял содержание письма. Я ошибся. Я думал, что это буду не я. Мне и в голову не приходило, что на гаечном ключе может оказаться моя собственная кровь и что именно мне придется стащить одежду с веревки.

Однако кое-что все-таки не укладывается в схему. Моя одежда — на мне, нет никакой необходимости обворовывать старика. Корабль по-прежнему покоится на дне реки, так зачем мне оставаться здесь?

Но может быть, все еще случится, иначе откуда бы взялось письмо? Я ведь и попал сюда только из-за письма, и оно было написано только потому, что я побывал здесь. И остался... Остался потому, что не смог улететь. Но причин задерживаться вроде нет. Надо улетать. Я улечу и попытаюсь еще раз.

Нет, не то. Если бы я прибыл во второй раз, старый Джон Саттон узнал бы об этом. О каком втором разе может идти речь, если в письме указано именно сегодняшнее число и именно в этот день Джон Генри Саттон говорил с человеком из будущего?

Саттон покачал головой.

Что-то случится, понял он. Что-то должно такое произойти, из-за чего я не смогу вернуться обратно. Почему-то мне придется украсть одежду и наняться на уборку урожая. Потому что схема установлена раз и навсегда.

Размышляя, Саттон еще раз пнул ногой гаечный ключ, развернулся и пошел вниз к реке. Оглянувшись через плечо, он увидел, что Джон Генри Саттон, опираясь на палку, спускается на пастбище...

Глава 38

Три дня Саттон пытался освободить корабль из-под толщи песка, который нанесло предательское течение. Когда три дня бесплодных попыток истекли, он признался себе, что положение практически безнадежно: течение приносило новые тонны песка быстрее, чем ему удавалось убирать.

Тогда Саттон сосредоточил свои усилия на расчистке входного люка и через день достиг цели.

Он устало прижался к обшивке.

Будем бороться...

Он понимал, что поднять корабль из-под мощных наносов не удастся даже с помощью двигателей. Сопла забиты песком, и при первой же попытке пустить реактор и корабль немалая часть окрестностей просто-напросто взлетит на воздух.

Он поднял корабль там, в созвездии Лебедя, и провел его через одиннадцать световых лет одной лишь силой разума. Он выбросил на костях две шестерки.

Может быть, подумал он. Может быть...

С одной стороны — тонны песка, с другой — смертельная усталость, несмотря на то что запасная система обмена веществ действовала безукоризненно.

Ведь я же выбросил две шестерки! — в отчаянии думал он.

Неужели не справлюсь теперь?! Да... Тогда нужна была ловкость, а сейчас мощь, сила, а сил-то у меня как раз и нет...

Если использовать временной двигатель, то можно оставить корабль на месте, просто перенести его через шесть тысячелетий. Однако черт знает что произойдет с рекой за это, прямо скажем, немалое время...

Он коснулся шеи, где на цепочке должен был висеть ключ от люка. Ключа не было.

Охваченный ужасом, Саттон на мгновение замер.

Может, в кармане? — подумал он, но быстро убедился, что там пусто. Он никогда не клал ключ в карман, а всегда носил на цепочке на шее — так было надежнее.

Саттон еще и еще раз обшарил все карманы. Ключа не было.

Цепочка порвалась, лихорадочно соображал Саттон. Цепочка порвалась, и ключ провалился под рубашку!

Он ощупал себя с ног до головы, но так и не нашел ключа. Потом снял рубашку, очень осторожно, чтобы не выронить ключ, если он все-таки там. Вывернул рубашку. Ключа не было! Снял брюки, перетряхнул их — ничего.

Саттон встал на четвереньки, обшарил все дно вокруг корабля.

Час спустя он прекратил безнадежные поиски.

Непрерывный поток песка за это время засыпал проход, который он с таким трудом прорыл к входному люку. Да и что проку было в люке, если его нечем открыть? И это еще не все. Одежду унесло течением.

Усталый, измученный, выбрался он на берег. На небе загорались первые звезды.

Он сел, прислонившись спиной к дереву. Сделал вдох, второй, почувствовал биение сердца и ощутил, как возвращается обычная человеческая жизнь.

Река, казалось, посмеивается над ним. На противоположном лесистом берегу затарахтел козодой. Над темными кустами танцевали светлячки.

Над ухом зажужжал комар. Саттон равнодушно отмахнулся.

Надо найти, где бы переночевать, соображал он. Может, стог какой-нибудь. Какое-нибудь яблоко-другое в саду, чтобы утолить голод. Потом попытаться раздобыть одежду.

Слава богу, где добыть одежду, он знал...

Глава 39

По воскресеньям всегда одиноко.

Другие дни заняты работой, непрерывный круг забот. Нужно пахать, сажать, ухаживать, потом — собирать урожай, пилить бревна, ставить изгороди и чинить их, ремонтировать нехитрую технику — для всего этого требуются физические силы. От такой работы к концу дня немеют руки, ломит спину, летом солнце сжигает кожу, а поздней осенью холодные ветры пробирают до костей...

Фермер трудится шесть дней в неделю, а работа обладает удивительным свойством — она отвлекает от болезненных воспоминаний. Сон после тяжкого труда легок и приятен...

Случается, что работа не только успокаивает, но и бывает не лишена интереса, даже приносит удовлетворение. Прямая

линия изгороди, поставленной собственными руками, что ни говори, дает повод для кое-какой радости и даже гордости. Убранное поле, пахнущая солнцем солома, жужжание косилки — все это создает символическую картину изобилия и довольства. А еще бывают моменты, когда розовая пена яблоневых цветов, сияющая в струях серебристого весеннего дождя, превращается в образ воскрешения земли после жестокой и холодной зимы...

Шесть дней ему приходилось трудиться не покладая рук, и времени на размышления не оставалось. Седьмой день он отдыхал, попадая в объятия одиночества. Безделье приводило его в отчаяние.

Это было не то одиночество, что связано с отсутствием рядом людей. Его одиночество имело характер ноющей раны, оно терзало, напоминая, что главная работа не сделана, и неизвестно, будет ли сделана вообще.

Сначала была надежда...

Сначала Саттон думал, что его будут искать.

Они придумают, как меня найти, утешал он себя.

Это успокаивало, и он даже не пытался анализировать такую возможность, потому что стоило поразмыслить трезво, как становилось ясно, что мысль эта держится только на надежде и желании и при ближайшем рассмотрении готова лопнуть как мыльный пузырь..

Прошлое нельзя изменить, думал он во время молчаливых бесед с самим собой. Нельзя изменить радикально. Его можно лишь немножко подправить. Его можно скрутить, а потом расправить, но в общем и целом оно останется прежним...

Вот почему я здесь, и мне придется остаться, пока Джон Генри Саттон не напишет письмо себе самому. Прошлое зафиксировано в письме. Из-за письма я попал сюда, и я останусь здесь, пока оно не будет написано. До этого момента схема должна быть обязательно соблюдена, так как, надо полагать, прошлое известно в будущем именно до этого момента. Но потом — полная неизвестность...

Дальнейший ход событий неясен. После того как он напишет письмо, бог знает что может случиться...

Нет, признался себе Саттон, я не совсем прав. Все прошлое имеет определенную схему, хотя бы потому, что оно уже произошло. Я нахожусь сейчас во времени, где не существует неожиданностей.

Но и в этих его мыслях была надежда, даже в неизвестности прошлого, даже в понимании того, что раз произошедшее изменить нельзя, даже в этом. Ведь он же где-то и когда-то написал книгу! Книга существовала, следовательно, была свершившимся фактом. Он видел две копии, и это могло означать только одно: наличие книги укладывалось в схему событий.

Когда-нибудь, думал Саттон, они меня найдут. Они должны меня найти!

«Они?» — как беспощадно прозвучал собственный вопрос.

Геркаймер, андроид.

Ева Армор, женщина.

«Они» — всего двое.

Но не двое же их всего на самом-то деле! Конечно, не только двое! За ними — целая невидимая армия — андроиды, роботы... А может, и люди... Те, которые поняли, что ничего исключительного в человеке нет и что стать в один ряд с остальными формами жизни — не унижение, но, напротив, повод для гордости, и можно при этом оставаться учителем и другом, а не тираном, упорно стремящимся забраться на ступень выше остальных.

Они, конечно, будут искать меня, но где?

Время и пространство бесконечны...

Он помнил, что единственный, с кем он говорил о цели своего путешествия, был информационный робот. Он может сообщить друзьям, что Саттон интересовался Бриджпортом. Они узнают, где он. Но никто не скажет им, в каком он времени

Никто не знает о письме. Никто на свете .

Надо было хоть кого-нибудь предупредить. Но он был так уверен в себе, ему представлялось все так просто, он так гордился своим блестящим планом...

План. Что в нем было сложного?! Опередить ревизиониста, разделаться с ним, завладеть его кораблем и отправиться в будущее. Саттон был уверен, что все это проделает без особого труда. А там, в будущем, обязательно отыскался бы сочувствующий андроид, нашлись бы какие-нибудь бумаги, короче, там он нашел бы способ раздобыть необходимые сведения...

Блестящий план. Но он не сработал.

Нужно было довериться информационному роботу, думал Саттон. Он, безусловно, из наших. Он бы передал остальным.

Саттон сидел, прислонившись спиной к дереву, и глядел на речную долину, окутанную синеватой дымкой бабьего лета. Повсюду стояли желто-коричневые снопы, словно индейские вигвамы. Вдали, на западе, розовели просторы Миссисипи. На севере золотистое поле упиралось в бесконечную вереницу невысоких холмов...

Лазоревка, сверкнув оперением, уселась на столб изгороди. Она недовольно трясла хвостиком и чирикала, будто проклинала все, что видит вокруг.

Из ближнего стога выскочила полевая мышь, глянула на Саттона своими глазками-бусинками, потом, чего-то испугавшись, пискнула и снова юркнула в стог.

Маленький, простой народец, улыбнулся Саттон. Маленький, простой, пушистый народец. Если бы они хоть что-нибудь понимали, они бы тоже были за меня. Лазоревка и полевая мышь, сова, ястреб и белка... Братство... Братство жизни, братство всего живого...

Он слышал, как мышь шуршит в стогу, и попытался представить себе ее жизнь... Прежде всего в ее жизни должен присутствовать постоянный, дрожащий, всепобеждающий страх, надо бояться совы, ястреба, норки, лисы, скунса. Бояться человека, кошки, собаки...

Она боится человека, думал Саттон. Все на свете боятся человека. Человек заставил всех бояться себя.

Потом в мышиной жизни следует голод или как минимум страх перед голодом. Размножение... Вечная спешка — и радость жизни: радость бега на быстрых лапках, удовольствие сытости набитого животика, сладость сна... А что еще? Что еще наполняет мышиную жизнь?

...Он свернулся клубочком, прислушался и понял, что все в порядке. Все спокойно, у него есть пища и укрытие от приближавшихся морозов. Он знал, что такое холода, не столько по опыту предыдущих зим, сколько за счет инстинкта, переданного ему многими поколениями дрожавших от холода и даже погибавших от мороза родичей.

Его ушей достигал шорох соломинок в стогу — это копошились такие же, как он, занятые своими делами мыши. Он принюхался и уловил запах высушенного солнцем сена, в котором так тепло и уютно спать. Он ощутил и другой запах: запах зерен и сочных семян, они спасут его голодной лютой зимой.

Все хорошо. Все так, как должно быть Но нужно оставаться настороже, нельзя расслабляться. Мы такие слабые... слабые и вкусные, нас любят есть. Хищник может подкрасться на мягких лапах, тихо-тихо А шелест крыльев — вот песня смерти.

Он закрыл глаза, скрючил лапки и обернул тельце хвостиком. .

Саттон сидел, прислонившись спиной к дереву, и вдруг неожиданно, сам не заметив, как это случилось, понял, что происходит!

...Он закрыл глаза, подобрал лапки, обернул пушистое тельце хвостиком и познал все страхи, всю безыскусную радость другой жизни... жизни, приютившейся в стоге сена, спрятавшейся там от острых когтей и твердых клювов, жизни, которая спала там, в пропахшей солнцем сухой траве...

Он это не просто почувствовал и не просто осознал, он на какое-то мгновение сам стал полевой мышью. Стал, оставаясь при этом Эшером Саттоном, сидящим у дуплистого вяза, глядящим на долину, к которой уже прикоснулась рука осени..

Нас было двое, вспоминал Саттон. Я и мышка. Нас было двое одновременно, каждый существовал самостоятельно Мышь, настоящая мышь, не знала об этом. Ведь если бы она что-то поняла или догадалась о чем-то, я бы тоже об этом узнал, потому что я был настолько же мышью, насколько самим собой.

Он сидел не шевелясь, совершенно пораженный. Он испугался той дремлющей неизвестности, какую таило в себе его сознание.

Он привел сломанный звездолет из созвездия Лебедя, воскрес из мертвых, выкинул на костях две шестерки — а теперь еще и это!

У нормального человека одно тело и один разум, думал Саттон. И этого, Господь ведает, достаточно, чтобы достойно прожить жизнь. А у меня... у меня два тела, а может быть, и два разума, и, что касается второй половины моего «я» — тут ни наставников, ни учителей, ни врожденных знаний, ничего, что обычно сопровождает человека на пути знания. Я делаю только первые робкие шаги, я открываю в себе все новые и новые возможности Одну за другой. И я не застрахован от ошибок, как ребенок, начинающий ходить А как дети учатся

говорить?! Сначала и слов-то не разберешь! Разве научишься уважать огонь, пока не обожжешься?

— Джонни! — позвал Саттон.— Джонни, поговори со мной!

— Да, Эш!

— Будут еще сюрпризы?

— Жди и смотри,— ответил Джонни.— Я не могу ничего сказать. Ты должен ждать и смотреть...

Глава 40

— Мы проверили Бриджпорт с двухтысячного года,— сокрушенно покачал головой робот-разведчик,— и абсолютно уверены, что там ничего исключительного не произошло. Это маленький городишко, в стороне, как говорится, от больших событий.

— Не обязательно ему быть большим,— возразила Ева Армор.— Он вполне может быть и маленьким. Это всего лишь крошечная зацепка, в контексте будущего — незначащее слово, оброненное Саттоном.

— Мисс, мы проверили все мелочи,— ответил робот.— Мы проверили все, что могло бы хоть намекнуть на пребывание Саттона в Бриджпорте в том или ином времени. Мы пользовались испытанными методами и прочесали все, абсолютно все. Но ничего не обнаружили.

— Он должен быть там! — упрямо повторила Ева.— С ним говорил робот из информационного центра. Саттон наводил справки о Бриджпорте. Следовательно, его что-то там интересовало?

— Но это вовсе не означает, что он туда отправился,— подчеркнул Геркаймер.

— Куда-то же он делся,— задумчиво проговорила Ева.— Куда?

— Мы отправили на поиски Саттона всех, кого можно было отправить, не вызывая подозрений ни в нашем, ни в будущем времени,— продолжал докладывать робот.— Наши агенты разве только друг на друга не падали. Мы отправляли их в прошлое под видом торговцев, точильщиков, безработных. Мы обследовали все дома на двадцать миль в округе, и, уверяю вас, если бы там хоть слушок прошел о чем-то из ряда вон выходящем, мы бы об этом узнали.

— Вы говорите, с двухтысячного года? — поинтересовался Геркаймер.— А почему не с тысяча девятьсот девяносто девятого или тысяча девятьсот пятидесятого?

— Нам нужно было установить какую-то временную границу.

— Семейство Саттонов когда-то проживало в этих местах,— сказала Ева.— Я надеюсь, вы уделили им должное внимание?

— Мы проверили всех без исключения — от членов семьи до наемных работников. Как только на ферме нужны были рабочие руки, один из наших людей нанимался туда на работу. А если там никто не требовался, нанимались на соседнюю ферму. Один из сотрудников даже вынужден был купить полоску леса в тех краях и десять лет рубил. Он бы рубил и дальше, но мы побоялись, как бы это не вызвало подозрений. Таким образом, мы просмотрели все с двухтысячного по три тысячи сто пятидесятый год, то есть до того момента, когда последний член семейства покинул эти места.

Ева горько вздохнула.

— Все так безнадежно. Но где-то же он находится! А с ним что-то случилось. Может быть, он, наоборот, в будущем?

— И я об этом думаю,— сказал Геркаймер.— Его могли перехватить Ревизионисты.

— Что?! Эшер Саттон — в плену?! Не может того быть! — вспыхнула Ева.— Если он знает о своих способностях, он не может попасть в плен!

— Но, скорее всего, он о них еще не знает,— возразил Геркаймер.— А у нас не было возможности рассказать ему об этом. Обо всех своих уникальных способностях он, увы, должен узнавать в критических ситуациях. Он не может ими овладеть сам, они должны снисходить на него, как откровение.

— Все было так хорошо,— говорила Ева, шагая по комнате и нервно потирая руки.— Мы спровоцировали Моргана на заведомый провал: использовать Бентона для убийства Саттона... Морган наивно полагал тогда, что это самый простой способ избавиться от Эшера, если его откажется убрать Адамс. Случай с Бентоном насторожил Саттона... И теперь...— всхлипнула она.— Теперь...

— Книга написана,— попытался успокоить ее Геркаймер.

— Но не должна быть написана! — воскликнула Ева сквозь слезы.— Ты и я — мы всего лишь куклы в мире бесконечных

случайностей, в мире, который может рухнуть не сегодня-завтра!

— Мы перекроем все ключевые точки в будущем,— продолжал успокаивать ее Геркаймер.— Будем следить за каждым шагом Ревизионистов, еще раз просмотрим прошлое. Может быть, все-таки что-нибудь обнаружим...

— Все дело в случайных факторах,— проговорила Ева, сев в кресло и немного успокоившись.— Никогда и ни в чем нельзя быть абсолютно уверенным. Чего только не может произойти во времени и пространстве! Как угадать, где и когда отвернуть в сторону? Неужели бесконечно продираться сквозь дебри случайностей, чтобы добиться цели?

— Ты забываешь о самом важном,— спокойно возразил Геркаймер.

— О чем?

— О самом Саттоне. Я верю в него. В него и в его судьбу. Ты же знаешь, он прислушивается к голосу судьбы и будет в конце концов вознагражден за это!

Глава 41

— Странный ты парень, Уильям Джонс,— сказал Джон Генри Саттон.— Но неплохой, ей-богу. Лучше работника у меня не было, с тех пор как я завел хозяйство. Другие год, ну, два поработают, а потом пропадают. Все куда-то торопятся...

— Мне торопиться некуда,— грустно ответил Эшер Саттон.— Некуда идти. Здесь не хуже, чем в любом другом месте.

На самом деле здесь лучше, чем где бы то ни было, думал он про себя. Здесь покой, тишина, природа — о таком в мое время забыли уже и мечтать.

Они стояли, облокотившись на изгородь, и слушали, как в доме звенят посудой — близился ужин,— и смотрели, как шоссе мигает огоньками автомобилей. В темноте передвигались неуклюжие тени — коровы возвращались в хлев после дойки, довольно мычали, лениво ухватывали пучок-другой травы перед сном. Из долины веял прохладный ветерок, такой успокаивающий и приятный после жаркого дня.

— Как хорошо...— мечтательно проговорил Джон Генри.— Какой бы ни был жаркий день, а ветерок всегда у нас по вечерам прохладный... Постоишь вот так, подышишь и заснешь потом как младенец... Я вот порой думаю,— продолжал он,— как легко человеку быть счастливым. Так легко, что иногда мне кажется: уж не грешно ли это? Ведь люди по природе своей суетливы и вечно чем-то недовольны...

— Удовлетворенность,— отозвался Эшер,— это состояние полной гармонии личности и природы и не так-то часто встречается. Но когда-нибудь и человек, и все другие существа узнают, как достичь этой гармонии, и в Галактике воцарится мир и счастье.

Джон Генри усмехнулся.

— Ты мыслишь больно широко, Уильям.

— Да, я, пожалуй, размахнулся,— смутился Саттон.— Но недалек тот день, когда человек отправится к звездам!

Джон Генри кивнул.

— Да, наверное. Наверное, скоро. Скорее, чем надо бы. Только лучше бы сначала на Земле жить научились как следует.— Он зевнул.— Пойду-ка я спать. Стар я стал, сынок. Пора отдохнуть.

— Ну а я пройдусь немного,— сказал Саттон.

— Ты много гуляешь, Уильям.

— В темноте,— тихо сказал Саттон,— земля выглядит иначе, чем в лучах солнца. Все пахнет по-другому. Все такое свежее, чистое, как будто только что вымыли... В тишине слышно такое, чего днем и захочешь, да не услышишь. Бродишь, и кажется, что ты один на всем белом свете и весь он принадлежит тебе...

Джон Генри покачал головой.

— Нет, это не земля становится другой, а ты сам. Знаешь, Уильям, ты меня прости, но мне порой кажется, что ты слышишь и видишь что-то такое, чего больше никто не видит и не слышит. Как будто...— он запнулся.— Ну, как будто ты вроде как маленько не от мира сего, что ли?

— Мне и самому так иногда кажется,— усмехнулся Эшер.

— Запомни,— твердо сказал Джон Генри,— ты — один из нас. Почти член семейства. Сколько же лет ты у нас, Уильям?

— Десять уже,— еле слышно ответил Саттон.

— Да, верно,— сказал Джон Генри.— Я хорошо помню тот день, когда ты пришел, но счет годам потерял. Иногда мне кажется, сынок, что ты тут всю жизнь жил. Порой я ловлю

себя на том, что считаю тебя Саттоном...— Он прокашлялся и сплюнул на землю.— Вчера я одолжил у тебя пишущую машинку, Уильям. Мне, понимаешь, нужно было письмо напечатать. Это очень важное письмо, и мне не хотелось бы писать его от руки. Почерк у меня — не очень...

— Берите, когда нужно,— не выдавая волнения, ответил Эшер.— Рад, что она вам пригодилась.

— А ты сам что-то ничего не печатаешь последнее время, а, Уильям?

— А-а...— махнул рукой Саттон.— Бросил. Ничего не выходит. У меня были кое-какие наброски, да я их потерял. Думал, может, так вспомню, да, видно, ничего не получится. И пробовать нечего.

Голос Джона Генри был добр и мягок.

— У тебя неприятности, Уильям? Беда какая?

— Да нет, не то чтобы неприятности...

— Может, помочь чем надо?

— Нет-нет, что вы!

— Если будет что нужно, ты скажи, не стесняйся,— искренне произнес старик.— Чем смогу — помогу.

— Знаете... Может настать такой день, что мне нужно будет уйти. Может быть, совсем неожиданно. Если так случится, мне бы хотелось, чтобы вы забыли обо мне, вообще не вспоминали, что я здесь был.

— Ты правда этого хочешь, сынок?

— Да. Правда.

— Как же мы тебя забудем, Уильям? Как я могу тебе обещать такое? Это просто... я не знаю... Но... если ты хочешь, мы не будем о тебе говорить. Если кто-то придет вдруг и спросит, мы никому про тебя не скажем. Так, Уильям?

— Да,— ответил Саттон.— Если вы не против, пусть будет так.

Они еще немного помолчали, глядя друг на друга в темноте, потом старик повернулся и пошел к дому, а Саттон уселся на перекладину и стал смотреть на реку, где в сказочном зеркале несбыточного горели волшебные огни...

Десять лет прошло, думал Саттон. Вот уж и письмо написано. Десять лет, условия соблюдены, теперь прошлое может обойтись и без меня. Ведь я оставался здесь только для того, чтобы Джон Генри Саттон написал письмо и чтобы через шесть

тысяч лет я нашел его в чемодане, прочитал на безымянном астероиде, который достался мне в качестве трофея после победы на дуэли в заведении под названием «Дом Зага».

А «Дом Зага», усмехнулся Саттон, будет во-он там, на том берегу реки, далеко на равнине... А вон там, на холмах, подальше к северу, будет стоять Североамериканский университет... А у слияния Висконсина и Миссисипи — вилла Адамса... А из прерий Айовы будут стартовать к звездам огромные корабли...

Там, в «Доме Зага», за рекой, шесть тысяч лет спустя я встречу маленькую девочку в измятом фартучке... Как в книжке. Мальчик в шапочке с пером и девочка в кружевном фартучке... Мальчик босиком, а девочка смущенно комкает фартучек и говорит, что ее зовут...

Он прижался щекой к столбу изгороди.

— Ева,— прошептал он.— Где ты?

...Волосы у нее медно-рыжие, а глаза... какого цвета глаза?

«Я за тобой наблюдала двадцать лет»,— сказала она, а он подумал, что это шутка, и поцеловал ее... Он не поверил словам, но поверил взгляду, губам, объятьям...

Где-то она теперь? Наверное, думает о нем, как и он о ней сейчас. А вдруг, если постарается, он сможет мысленно добраться до нее, сможет пронести свою тоску через бездны пространства и времени, даст ей знать, что помнит о ней и очень хочет вернуться!

В душе он понимал, как безнадежны его мечты... Конечно, он уже не вернется. Хорошо, если Ева, или Геркаймер, или еще кто-то доберутся до него... Если доберутся...

Десять лет... Они, наверное, забыли про меня, отчаялись найти... А может, нашли, но не могут сюда пробраться? А вдруг все это подстроено специально? Но зачем?

Порой ему казалось, что за ним следят. Он чувствовал иногда, как легкий холодок пробегал между лопатками... А был случай, когда однажды поздно вечером он бродил по лесу в поисках потерявшегося теленка, а кто-то шмыгнул от него в кусты...

Саттон спрыгнул с изгороди и пошел через открытый ток. Из амбара пахло свежеобмолоченным зерном, в курятнике попискивали цыплята.

На какое-то мгновение сознание Саттона соединилось с сознанием проснувшегося цыпленка...

...Он почувствовал тревогу. Кто-то шел мимо, кто-то потревожил его сон. Посторонний звук означал неведомую опасность. Темнота, шаги...— опасность!

...Саттон потряс головой и заспешил прочь.

Цыплята... хрупки и ранимы, думал он. Вот корова — та спокойна, мысли ее тягучи, как жвачка. Собака... Собака подвижна и дружелюбна, а кошка, невзирая ни на что, все-таки гуляет сама по себе, оставаясь существом из дикого леса...

Я знаю их всех. Я был каждым из них. Не все они, по правде говоря, мне симпатичны. Крыса, к примеру, или жаба... Скунс и тот приятнее. Неплохо бы спрятаться в шкуре скунса...

Что это — любопытство? Скорее всего. Вечное желание человека сунуть нос во все, что его окружает, на чем висит табличка типа: «Вход воспрещен», «Осторожно, злая собака», «Личная собственность», «Просьба не беспокоить»... Но для меня это практика, хорошая практика, познание второго «я», попытка испытать все оттенки разумных и эмоциональных проявлений чужой жизни...

Но была граница, которую он не переходил. То ли вследствие врожденной деликатности, то ли из-за боязни, что будет неправильно понят. Что его больше сдерживало, он и сам до конца не понимал.

...Дорога вилась белой змейкой вдоль гряды холмов. Саттон шел медленно, не торопясь. Земля вокруг была черная, а тропинка белая. Звезды мягко и нежно горели на темном небе.

Зимой они светят по-другому, залюбовался Саттон. В этом древнем уголке тишина и покой, сюда не доносится грохот двадцатого столетия...

Из таких краев выйдут крепкие парни, которые несколько поколений спустя поведут корабли к звездам. Здесь, на тихих окраинах Земли, закаляется надежность и мужество...

Десять лет... Негласный договор с прошлым выполнен? Я могу уйти — куда угодно и когда угодно.

Но идти некуда.

А ведь я не прочь и остаться, сказал себе Саттон. Здесь так красиво!

— Джонни! — позвал он.— Джонни, дружок, что же нам делать?

— Все хорошо, Эш,— ответил Джонни.— Все хорошо. Тебе нужны были эти десять лет.

— Ты был со мной, Джонни?

— Я — это ты, Эш. Я пришел, когда ты родился. И буду с тобой, пока ты не умрешь.

— А потом?

— Потом я тебе не буду нужен, Эш. Я уйду к кому-нибудь другому. Ведь никто не должен быть одинок.

— Никто не должен быть одинок,— повторил Саттон как заклинание...

Он действительно не был одинок.

Кто-то догонял его; кто это был и откуда взялся — Саттон не знал.

— Отличный вечер,— сказал человек.— Часто вы так гуляете?

— Почти каждый день,— беспечно ответил Саттон, а разум подсказывал:

«Осторожно! Осторожно!»

— Тут так спокойно,— сказал незнакомец.— Так тихо и безлюдно. Самое место для размышлений. Много чего, наверное, передумаешь, пока гуляешь вот так, совсем один...

Саттон не ответил.

Они шагали рядом.

— У вас было много времени на раздумье, Саттон,— прервал молчание незнакомец.— Целых десять лет.

— Вы следили за мной...

— Следили. И мы, и автоматы... Мы знали каждый ваш шаг.

— Десять лет назад,— сказал Саттон,— вы подослали двоих... Они пытались меня подкупить.

— Кстати,— заинтересовался незнакомец,— что с ними такое случилось?

— Простой вопрос, и ответ простой. Я их убил.

— Но у них было к вам выгодное предложение.

— Да. Они предлагали мне целую планету.

— Я еще тогда говорил, что это вас не устроит! Самому Тревору говорил!

— Надо понимать, что теперь у вас имеется более выгодное предложение. Цена подскочила?

— Ну, не совсем так,— ответил человек.— Мы решили на этот раз не торговаться и предложить вам самому назвать цену.

— Я подумаю,— ответил Саттон.

— Решайте, мы подождем. Как надумаете, дайте нам знак.

— Знак?

— Естественно. Напишите записку. А мы, уж не сомневайтесь, будем (хоть это и не очень прилично) смотреть вам через плечо. Или просто скажите вслух: «Ну вот, я решился». И все. А уж мы услышим.

— Действительно просто,— грустно сказал Саттон.— Как у вас все просто.

— Это для вас мы все так устроили,— вежливо ответил незнакомец.— Доброй ночи, мистер Саттон.

Саттон не видел его, но отчетливо представил, как незнакомец коснулся рукой края шляпы... Если был в шляпе.

Человек ушел по дороге вниз, пересек пастбище и направился к прибрежному лесу.

Контакт, наконец контакт! Через десять лет — контакт с людьми из другого времени. Но не с теми, к сожалению, не с теми, с кем бы он мечтал увидеться.

Ревизионисты следили за ним. Следили и выжидали. Выжидали десять лет. Ну конечно, что им десять лет?! Все временное пространство протяженностью в десять лет было напичкано приборами для слежки, так что свою работу они могли выполнить за год, за месяц и даже за неделю.

Только зачем они ждали десять лет? Как — зачем? Чтобы он сломался и был готов с радостью согласиться на любой предложенный вариант.

Внезапная догадка остановила его. Господи, как же он раньше этого не понял?

Не этого они ждали! Они ждали того дня, когда старый Джон Генри напишет письмо. Они знали про письмо. Они наблюдали за Джоном Генри и знали, что он должен написать письмо.

Письмо — ключ ко всей истории. Письмо — приманка, которую использовали, чтобы затащить Эшера Саттона в это время.

И тут его сознание выскользнуло из него и осторожно коснулось мозга человека, что спускался с холма.

Когда он проделывал такие штуки с цыплятами, кошками, собаками, полевыми мышами, никто из них не подозревал, что нечто чужое проникло к ним в мозг, а как на это среагирует незнакомец? Вдруг почувствует неладное?

«...Эта девка ждать не будет... Меня не было слишком долго. Ее обещаниям веры нет. А я, черт побери, торчу в этом идиотском патруле! Ей, конечно, ждать надоест, и она... Я на полчаса, бывало, уходил, и то... Ну и пусть катится к чертовой матери. Получше найду. Ох, это я загнул, пожалуй. Такую не найду, будь она проклята! Вот интересно, кто был тот умник, который сказал, что с Саттоном будет легко договориться? Да я бы плюнул ему в морду! Вот я, будь я на месте этого Саттона, кинулся бы на шею первому попавшемуся из моего времени. Ну а этот что? Да он даже не удивился! Как будто я тут десять лет болтаюсь! Эх, выпить бы чего-нибудь сейчас... Чертова работенка! А еще эта девка из головы не идет. Забыть про нее...»

Саттон вернул свое сознание на место.

Он чувствовал себя победителем. Десять лет они следили за ним как проклятые, а так ничего и не поняли. Все знают про него, а вот этого — нет.

Если бы у него был мозг обычного человека, они бы не промахнулись. Тут бы они выкосили все мысли, как траву в поле, все бы отпрепарировали, проанализировали и прочитали бы, как книгу. Но его сознание говорило только то, что хотело сказать. Десять лет назад шайка Адамса пыталась поковыряться — не тут-то было! Близок локоть, да не укусишь!

Так до сих пор они и не узнали, что он способен проникать в сознание коровы, собаки, воробья и даже в сознание человека. Если бы узнали — были бы настороже, глаз бы с него не спускали. Но нет — они держали ухо востро не больше, чем глупые мыши.

Он обернулся, взглянул в сторону фермы. На мгновение ему почудилось, что он видит дом, но быстро понял, что это не более чем игра воображения. Один за другим он мысленно перебирал предметы, находящиеся в его комнате. Книги, несколько исписанных листков бумаги, бритва — ничего, с чем было бы жаль расстаться; ничего, что могло бы вызвать по-

дозрение, что могло бы скомпрометировать его, превратиться в оружие, направленное против него же.

Он был готов к сегодняшнему дню, он знал, что однажды Геркаймер, или Ревизионисты, или правительственный агент — кто-нибудь из них выйдет из-за дерева и пойдет по тропинке рядом.

Знал? Не совсем верно... Надеялся.

Уже много лет прошло с тех пор, как надежда написать книгу без рукописи развеялась как дым. От книги осталась кучка пепла, да и тот давно смешался с землей. Дожди размыли его, он с водой ушел в глубь почвы, там распался на минеральные вещества, впитанные затем корнями растений, и теперь его книга колышется на ветру травами и цветами.

Он готов. Собран и готов. И он, и его разум.

Он тихо сошел с дороги в поле вслед за человеком. Сознание Саттона мчалось за незнакомцем, как гончая по следам зверя.

Саттон вошел в лес, ступая осторожно, чтобы не хрустнул под ногой сучок, не зашуршали листья.

...Корабль стоял в глубоком ущелье. Входной люк был открыт. На фоне освещенного отверстия виднелась фигура мужчины.

— Это ты, Гэс? — тихо окликнул он.

— Кто же еще в такое время будет тут шляться? — буркнул, подходя, его напарник.

— А я уже стал волноваться. Думал, не пойти ли поискать.

— Ага, ты только и умеешь, что волноваться. Между нами — я сыт по горло. Пускай Тревор других кретинов поищет на такую работу.— Он поднялся по лестнице к люку.— Все, сматываем удочки. Хватит. Проваливаем отсюда.

Он повернулся, намереваясь закрыть за собой дверь, но ее уже закрывал Саттон.

Гэс отступил на два шага, наткнулся на привинченное к полу кресло и замер.

— Посмотри, кто к нам пожаловал! — воскликнул он.— Эй, Пинки, да посмотри же, кто у меня провожатый!

Саттон угрюмо улыбнулся.

— Если вы не возражаете, джентльмены, я полечу с вами.

— А если мы будем возражать? — прощебетал Пинки.

— Тогда я поведу корабль сам. С вами или без вас. Так что выбирайте.

— Это Саттон,— объяснил Гэс.— Тот самый мистер Саттон. Мистер Саттон, Тревор будет безумно рад вас видеть!

Тревор... Тревор...— вспоминал Саттон. Уже в третий раз я слышу это имя. Первый раз обстановочка была похожая. Тогда Кейз (или Прингл?) произнес это имя: «Тревор? Ну, Тревор — это шеф нашей корпорации».

— Давно мечтаю,— язвительно произнес Саттон,— встретиться с мистером Тревором. Нам с ним есть что обсудить.

— Заводи машину, Пинки,— торопливо проговорил Гэс.— И дай весточку о нашем возвращении. Тревор почетный караул выставит для нашей встречи. Как-никак Саттона везем!

Глава 42

Тревор скатал из бумаги шарик, положил на ладонь, дунул... Шарик влетел в чернильницу.

— Ну, слава тебе господи! — довольно пробурчал Тревор.— Семь из десяти. А раньше было наоборот.

Он оглядел Саттона изучающим взглядом.

— А вы выглядите совершенно заурядно,— сказал он.— Такое впечатление, что с вами можно даже поговорить и более того — договориться.

— Да, рогов у меня нет,— сказал Саттон,— если вы это имеете в виду.

— Ага,— кивнул Тревор.— Но и нимба тоже не наблюдается. Я по крайней мере не вижу.

Он скатал еще один шарик и снова попал в чернильницу. Чернила выплеснулись. На столе расплылась клякса.

— Саттон,— лениво начал Тревор,— вы столько знаете о судьбе. Вы никогда не задумывались о том, что существует такая вещь, как исключительная судьба?

Саттон пожал плечами.

— Вы пользуетесь неточными терминами. Нехитрая и неприкрытая ничем пропаганда в стиле девятнадцатого века. Была там одна нация, которая рядилась в подобные обноски.

— Пропаганда? Ну зачем же...— усмехнулся Тревор.— Давайте назовем это психологией. Когда о чем-нибудь говоришь долго и упорно, все начинают в это верить. Даже ты сам.

— И эта исключительная судьба,— сказал Саттон,— предназначена, надо понимать, для человека?

— Естественно,— ответил Тревор.— По крайней мере, мы — единственные живые существа, которые знают, как этим лучше распорядиться.

— Вы кое-что упускаете,— возразил Саттон.— Людям это не нужно. Они и так знают, что они великие и во всем правы, ну просто святые. Нет, вам людей ни в чем убеждать не нужно.

— На первый взгляд вы правы, но только на первый.— Указательным пальцем Тревор убедительно постучал по столу.— Когда у нас в руках будет Галактика, что мы тогда, по-вашему, должны будем делать?

— Ну,— в замешательстве ответил Саттон.— Ну, наверное...

— Вот именно,— сказал Тревор.— Не знаете. А говорите — люди, люди...

— А с исключительной судьбой все будет по-другому?

— Есть другие галактики, Саттон! — хриплым шепотом ответил Тревор.— Гораздо большие, чем наша. Много-много других галактик!

О боже! — содрогнулся Саттон. Он хотел что-то сказать, но не сумел.

— Вы потрясены, не так ли?

Саттон хотел ответить громко, убедительно, но невольно тоже перешел на шепот:

— Вы сумасшедший, Тревор. Просто сумасшедший!

— Нам нужен прогноз, взгляд в будущее,— словно не слыша, продолжал Тревор.— Непоколебимая вера в судьбу человечества, четкая и всеобъемлющая убежденность в том, что человеку должна принадлежать не только наша Галактика, но и вся Вселенная!

— Долго ждать придется,— буркнул Саттон.

— Я, конечно, не доживу. И вы тоже. И дети наших детей, и даже их дети.

— Миллион лет потребуется, никак не меньше,— в тон ему добавил Саттон.

— Больше,— невозмутимо парировал Тревор.— Вы плохо представляете себе масштабы Вселенной. За миллион лет мы только-только развернемся.

— Тогда объясните мне, ради всего святого, какого дьявола мы с вами тут сидим и рассуждаем об этом?

— Потому что это логично.

— Никакой логики нет в планировании на миллион лет вперед! Свою жизнь человек еще может планировать или жизнь своих детей. Ну, внуков. А дальше — какая логика?

— Саттон, вы что-нибудь слышали о корпорации? — спросил Тревор.

— Да, но...

— Корпорация может планировать и на миллион лет вперед. И это вполне логично, уверяю вас.

— Корпорация — не один человек,— возразил Саттон,— не единое целое.

— Именно единое целое,— ответил Тревор.— Единое целое. В нее входят люди, она создана людьми и для людей.

— И кроме всего прочего ваша корпорация занимается книгоиздательством, не так ли?

Тревор быстро глянул на Саттона:

— Кто вам сказал?

— Некто по имени Кейз или Прингл,— ответил Саттон.— Они пытались заполучить мою книгу для вашего издательства.

— Кейз и Прингл на задании,— несколько озадаченно пробормотал Тревор.— Должны со дня на день вернуться...

— Они не вернутся,— резко сказал Саттон.

— Вы убили их,— без особого удивления выговорил Тревор.

— Если быть до конца точным, то сначала они пытались убить меня. Но это не так просто.

— Поверьте, Саттон, я такого приказа не давал. Это не входило в мои планы.

— Зато в их планы входило. Они были не прочь продать мой труп Моргану.

Наблюдая за физиономией Тревора, Саттон подумал, что его невозможно ничем удивить. Адамс номер два. Даже в лице не изменился.

— Ну, убили так убили,— спокойно сказал Тревор.— Меньше хлопот.

Он запустил очередной шарик в чернильницу.

— Вернемся к нашим баранам,— предложил он как ни в чем не бывало.— Итак, нет ничего нелогичного в том, что корпорация может планировать на миллионы лет вперед. Существует определенная система, в рамках которой может непрерывно осуществляться некий проект, хотя персонал, ответственный за его выполнение, будет периодически меняться.

— Подождите минуточку,— прервал его Саттон.— Корпорация действительно существует или вы мне здесь, извините, сказки рассказываете?

— Существует, существует. И я ее возглавляю. Она движима различными интересами, и престиж наш со временем будет еще выше.

— Надо понимать, что идея исключительной судьбы немало добавила бы к вашей популярности?

Тревор кивнул.

— Вот это уже разговор! Эта идея — товар. А у товара, как известно, есть цена.

Саттон покачал головой.

— Непонятно, что из этого можно выторговать!

— Три вещи как минимум,— без запинки отчеканил Тревор.— Власть — во-первых; могущество — во-вторых; знание — в-третьих. Власть, могущество и знание Вселенной. И только для человека, как вы понимаете. Исключительно. Для таких людей, как вы и я. Главное, безусловно, знание. Знание, умножаемое, управляемое и координируемое, оно укрепит и власть, и могущество и даст нам новые знания!

— Это сумасшествие какое-то! — воскликнул Саттон.— Послушайте, Тревор. Вы и я — мы превратимся в прах, да что там мы — не только мы, вся наша эпоха будет забыта еще до того, как ваша задача будет выполнена!

— Позволю себе напомнить вам о существовании корпорации,— невозмутимо парировал Тревор.

— Да помню я про корпорацию,— не в силах сдержать раздражение, повысил голос Саттон.— Но я рассуждаю как человек, как любой нормальный человек.

— Ну хорошо, давайте все рассмотрим как нормальные люди,— согласился Тревор.— Настанет день — и человек покорит Вселенную, и тогда миллиарды миллиардов других существ, других форм жизни будут служить ему, человек станет обладателем бессчетных богатств, удивительных знаний, о которых ни вы, ни я не можем даже мечтать.

Саттон молча слушал.

— И вы, Саттон, единственный человек, который стоит у нас на пути. Вы один мешаете осуществлению планов, рассчитанных на миллион лет!

— Вам нужна судьба,— пожал плечами Саттон.— А судьба не принадлежит лично мне.

— Вы человек, Саттон,— доверительно сказал Тревор.— Вы же человек! И я говорю с вами от имени людей.

— Судьба,— ответил Саттон,— принадлежит всему живому. Не только людям, но любым формам жизни.

— Не обязательно,— сказал Тревор.— Вы единственный, кто знает об этом. Вы единственный, у кого есть факты. Вы можете все обернуть так, что обладателями исключительной судьбы станут люди, вместо того чтобы одаривать ею ползучую, летучую, квакающую тварь только потому, что она живая!

Саттон молчал.

— Одно только ваше слово,— тихо сказал Тревор,— и дело сделано.

— Она не сработает,— так же тихо ответил Саттон,— эта ваша система. Подумайте только о бесконечности времени, пространства, о тысячелетиях, которые, несмотря на бешеные скорости современных звездолетов, потребуются, чтобы преодолеть просторы Вселенной. Даже до ближайшей галактики безумно далеко, не говоря уже об остальных!

— Вы все время забываете о том,— вздохнул Тревор,— что я вам говорил насчет умножения знаний. Дважды два — четыре, друг мой. А будет гораздо больше, чем четыре. При нормальной работе будет в тысячи раз больше, чем четыре.

Саттон медленно покачал головой.

Он понимал: Тревор прав. Знания и техника развиваются именно так.

— Одно ваше слово,— уговаривал Тревор,— и война во времени закончится. Только одно слово, и безопасность человечеству будет гарантирована навечно. Человечеству не нужно ничего, кроме знаний, которые вы можете ему дать.

— Это будет неправда,— ответил Саттон.

— Это будет ложь во спасение!

— А мне кажется, что для осуществления ваших планов вовсе не нужна идея исключительности судьбы.

— Нам нужна идея, способная увлечь. Нечто, что может захватить воображение. Нечто важное, на что люди обратили бы внимание. Исключительность судьбы человека — как раз то, что нужно!

— Двадцать лет назад,— сказал Саттон,— я был бы с вами.

— А теперь что вам мешает?

Саттон повел плечами.

— Теперь — нет. Теперь я знаю больше, чем знал двадцать лет назад. Двадцать лет назад, Тревор, я был человеком. Теперь я в этом не уверен.

— Но мы еще не говорили о такой малости, как вознаграждение. Это само собой разумеется.

— О нет, благодарю вас. Как только речь заходит о вознаграждении, тут же следом, откуда ни возьмись, появляется пистолет. А я хочу пожить еще, уж вы меня простите.

Тревор скатал шарик и запустил в чернильницу. Промахнулся.

— Ну вот видите, и вы не застрахованы от промашек,— улыбнулся Саттон.

Тревор скатал еще один шарик.

— Ладно-ладно,— процедил он сквозь зубы.— Продолжайте забавляться. Идет война. И мы ее выиграем. Чертовски трудно, но мы уж постараемся, будьте уверены. Это невидимая война, поскольку, как вы, надеюсь, понимаете, с виду в Галактике царят мир и спокойствие под управлением справедливого человечества. Мы и без вас справимся, Саттон, но с вашей помощью было бы, конечно, быстрее.

— Вы не намерены меня задерживать? — удивленно спросил Саттон.

— Да сдались вы мне! Можете проваливать на все четыре стороны. Идите, бейтесь головой о стенку, пока не устанете. Уверяю вас, вам это очень скоро надоест. А когда надоест, придете к нам как миленький, сами попроситесь.

Саттон встал. Но что-то мешало ему уйти сразу.

— Чего вы ждете? — сердито буркнул Тревор.

— Я вот чего не могу понять. Книга когда-то и где-то написана. Этому факту уже по меньшей мере лет пятьсот. Как можно от этого отмахнуться? Если я соглашусь теперь написать ее иначе, как хотите вы, многое должно быть изменено!

Тревор захохотал.

— Не волнуйтесь! Мы это предусмотрели. Допустим, в конце концов будет обнаружен оригинал вашей рукописи. Его можно очень легко и просто интерпретировать по нашему усмотрению. Все будет в порядке, мой милый, у человечества будет своя, исключительная судьба. А все недочеты объяснятся тем, что рукопись в течение долгого времени подвергалась значительным изменениям и редакциям. И даже вашим приятелям, андроидам, придется смириться и поверить, что все так и было, как мы говорим.

— Умно,— обреченно проговорил Саттон.

— И я того же мнения,— кивнул Тревор.

Глава 43

У выхода его поджидал какой-то человек. Он приветственно помахал рукой.

— Одну минутку, мистер Саттон!

— Да, в чем дело?

— Видите ли, мы должны сопровождать вас.

— Но...

— Да нет, не беспокойтесь! Мы не будем вам мешать. Просто будем охранять вас, сэр.

— Охранять меня?

— Да, сэр. Команда Моргана, вы не забыли? Нельзя, чтобы они вас заполучили.

— Вы просто не представляете,— вздохнул Саттон,— насколько совпадают наши интересы.

— Ерунда, сэр. Нормальная работа. Я очень рад, что могу услужить вам. Так что не стоит благодарности.

Он отошел в сторону, а Саттон спустился по лестнице и пошел по усыпанной гравием дорожке к шоссе.

Солнце клонилось к закату. Обернувшись назад, он обвел взглядом стройные четкие очертания здания громадного офиса, где состоялась его беседа с Тревором. За ним никто не шел.

...Идти ему было некуда. Но он понимал, что оставаться здесь тоже бессмысленно. Лучше прогуляться, по пути подумать, посмотреть, не случится ли еще чего-нибудь.

Навстречу попадались люди, некоторые смотрели на него с нескрываемым любопытством. Сначала Саттон не мог понять, в чем дело, но потом догадался: дело в одежде. Он был одет как простой фермер двадцатого века: синие джинсы, застиранная клетчатая рубаха и тяжелые ботинки. Хотя по идее даже такой экзотический костюм не должен бы вызывать здесь сильного удивления. На Земле, которую посещают делегации

со всех концов Галактики, в этом Вавилоне, где представители разнообразных цивилизаций трудятся в сотнях правительственных учреждений, где в рамках культурного обмена обучаются тысячи инопланетных студентов, где огромное количество дипломатов из разных уголков космоса, костюм не может вызывать ничего, кроме легкого любопытства.

К ночи, думал он, нужно будет найти какое-нибудь укрытие, какое-нибудь местечко, где можно отдохнуть и поразмыслить о том, как быть и что делать в этом мире.

Потом надо найти какого-нибудь андроида, который поверит мне и сведет с организацией андроидов.

Никто не говорил Саттону, что имеется такая организация, но он почему-то был уверен, что она существует. Она должна была существовать, чтобы вести войну во времени.

Он свернул с дороги и пошел по едва заметной тропинке, тянувшейся мимо высоких холмов на север.

Только теперь он почувствовал, что страшно голоден и что хорошо было бы раздобыть чего-нибудь съестного. Правда, денег все равно нет, в карманах — несколько долларов двадцатого века, но здесь на них ничего не купишь. Они годились только для нумизматов.

Сгущались сумерки. Начал репетицию лягушачий хор. Саттон шел вперед. Внезапно его буквально пронзила мысль, что всего лишь пару часов назад он точно так же шел по узкой тропинке в двадцатом веке и под подошвами его тяжелых башмаков вздымались легкие облачка дорожной пыли. Следы этой белесой пыли до сих пор виднелись на ботинках, как память о той дороге.

Память и пыль, подумал он, вот что связывает нас всех с прошлым.

Он приблизился вплотную к холмам и начал подниматься по склону. Ночь была напоена ароматом хвои и запахом лесных цветов.

Преодолев небольшой подъем, Саттон немного постоял, вглядываясь в бархатную нежность ночи. Где-то совсем рядом настраивал свою скрипочку сверчок, а с болота доносилась приглушенная песня лягушачьей капеллы. Впереди слышался плеск ручья, бежавшего по каменистому руслу. Вода что-то говорила деревьям, поросшим травой берегам, цветам, склонившим к ручью свои сонные головки.

«Как бы мне хотелось остановиться! — говорила вода.— О, как бы мне хотелось остановиться и поболтать с вами. Но я не могу. Мне надо спешить. У меня нет ни минуты. Я очень тороплюсь...»

Совсем как человек, подумал Саттон. Человек тоже все куда-то торопится. Только его толкают вперед обстоятельства, необходимость, амбиции других суетливых людей, не давая остановиться и отдохнуть.

...Он мог поклясться, что не слышал ни звука, когда вдруг кто-то схватил его за руку и дернул в сторону, прочь с тропинки. Саттон попытался нанести неизвестному удар головой, но тот увернулся и сделал подсечку. Саттон моментально оказался на коленях. Человек, не выпуская руки Саттона, быстро склонился над ним.

Недалеко, справа от них, послышалась стрельба.

Чья-то рука зажала ему нос и рот.

Опять! — только и успел подумать Саттон.

И все исчезло: темная фигура неизвестного, стволы деревьев, вспышки выстрелов...

Глава 44

Саттон открыл глаза. Он лежал в постели. В открытое окно залетел ветерок. Комната, стены которой были украшены фантастическими фресками, была наполнена ярким солнечным светом и напоена ароматом цветов. На дереве под окном весело распевала пичуга.

Саттон дал волю своим органам чувств, будто выпустил команду разведчиков, которые должны собрать и сообщить ему любые факторы враждебности. Все здесь было непривычно и незнакомо — странная мебель, слишком яркие рисунки на стенах...

Сознание вернулось к тому моменту, когда его кто-то неожиданно выключил. Выстрелы, рука, закрывшая нос и рот...

Наркотик. Опять все то же. Одурманили...

А до этого был хор лягушек, скрипочка сверчка и говорящий ручеек, который спешил куда-то, сам не зная куда.

А еще раньше — разговор с человеком, что сидел за письменным столом, швырял бумажные шарики в чернильницу и разглагольствовал о корпорации...

Фантастика, подумал Саттон.

Да, при ярком солнечном свете вчерашнее казалось дурным сном...

«Вы единственный, кто стоит у нас на пути,— так сказал Тревор.— Вы — камень на дороге. Вы мешаете людям стать богами».

Но не все же люди думают так, как Тревор. Не может быть, чтобы все были охвачены этим шовинизмом!

Он вспомнил делегацию из Лиги Борьбы за права андроидов, вспомнил во всех подробностях: оборванца, вертевшего в грязных руках засаленную кепку, даму, сложившую пухлые ручки на животе...

Эти, конечно, олухи. Этакие безумные крестоносцы. Их даже андроиды презирают.

А все потому, понял Саттон, что люди ни на минуту не могут оставить гордыню, значит, не могут подняться на вершину смирения, что по сути означало бы равенство. Даже члены Лиги, борющейся за равенство андроидов, не могли отказаться от роли руководителей — они хотели руководить теми, кого собирались сделать равными себе.

Как сказал тогда Геркаймер: «Равенство, но не по указу, без вмешательства людей». Но люди понимают равенство только так — по высочайшему дозволению и с постоянным вмешательством.

Да, очень возможно, что жалкая горстка идиотов была в действительности теми единственными людьми, которые хоть чем-то хотели помочь!

Мужчина, тискавший засаленную кепку, пожилая кокетка и отставной звездолетчик, которому время некуда девать...

Но еще есть Ева Армор.

И может быть, есть другие. Такие как она. Где-нибудь они есть и уже сейчас борются вместе с андроидами.

Саттон решил подняться. Он сел, спустил ноги с кровати и обнаружил, что на полу стояг тапочки, вполне подходящие по размеру. Он сунул в них ноги, встал и пошел к зеркалу.

О боже! На него смотрело чужое лицо! Он готов был поклясться, что это не он! Он испугался не на шутку. Потом, движимый внезапной догадкой, дотронулся до лба. На лбу было что-то приклеено. Он наклонился поближе к зеркалу — наклейка на лбу была меткой андроида!

Саттон ощупал лицо. Все оно было заклеено пластырем телесного цвета, так что он стал просто неузнаваем даже для себя самого!

Он отошел от зеркала и вернулся к кровати. Сел и в бессильном отчаянии сжал пальцами край матраса.

Ну вот, допрыгался! Вот тебя уже и в андроида превратили? Взяли человеком, а отдали андроидом. Ничего себе!

Скрипнула дверь.

— Доброе утро, сэр. Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете? — смущенно спросил Геркаймер.

Саттон вскочил.

— Так это был ты?

Геркаймер радостно кивнул:

— К вашим услугам, сэр!

— Что, опять нельзя было обойтись без рукоприкладства? — пробурчал Саттон.

— Ну, мы торопились, сэр. Мы не могли позволить вам бродить где попало, в одиночку, задавать вопросы и выяснять, что к чему. Поэтому мы вас просто усыпили и унесли. Так было проще, уж вы мне поверьте, сэр!

— Я слышал выстрелы.

— Похоже, там болталась шайка Ревизионистов. А объяснять вам это было бы слишком долго.

— Вы что, боретесь с Ревизионистами?

— По правде говоря, сэр, они настолько обнаглели, что позволили себе применить оружие. Очень глупо с их стороны. Они за это поплатились.

— Ничего путного из этого не выйдет,— покачал головой Саттон.— Так меня от Тревора не спрячешь. Наверняка за мной следят с помощью психотрейсера. Он очень скоро узнает, где я нахожусь, и за этим домом будет установлена тройная слежка.

Геркаймер хитро усмехнулся.

— Уже, сэр. Уже следят. Его люди прямо-таки друг другу на пятки наступают!

— Тогда к чему весь этот маскарад? — Саттон постучал пальцем по лбу.

— Понимаете, сэр, мы подумали так: ни один человек в здравом уме не захочет, чтобы его принимали за андроида. Правильно? Поэтому мы сделали из вас андроида. Они-то ищут человека! Им и в голову не придет повнимательней присмотреться к андроиду, когда дано задание выследить человека!

Саттон усмехнулся.

— Гениально! И что же, вы думаете...

— Нет, конечно, рано или поздно они догадаются. Но кое-какое время мы выиграем. А нам нужно время, чтобы разработать план.

Геркаймер быстро прошел в дальний угол комнаты, открыл шкаф и вынул оттуда стопку одежды.

— Как я рад, сэр,— сказал он,— что мы снова вместе! Мы пытались разыскать вас, но у нас ничего не вышло. Мы догадывались, что Ревизионисты держали вас где-то, поэтому усилили наблюдение здесь. Мы следили за каждым шагом Тревора последние пять недель.

— Пять недель? — изумился Саттон.— Как пять недель?

— Ну конечно, сэр! Пять недель. Ведь вы же исчезли пять недель назад!

— А по моему календарю прошло десять лет...

Геркаймер печально покачал головой:

— Да, сэр, удивительная это штука — время...— Он положил одежду на кровать.— Как только оденетесь, сэр, спускайтесь завтракать. Ева нас ждет. Она будет очень рада видеть вас, сэр!

Глава 45

Тревор промахнулся уже три раза подряд.

— Вы уверены? — спросил он человека, сидевшего по другую сторону стола.

Человек молча кивнул.

— Все это может быть уткой. Пропаганда андроидов,— сказал Тревор.— Они не дураки. И об этом никогда не стоит забывать. Надо помнить, что андроид, хоть он все кланяется да расшаркивается, не глупее нас с вами.

— Вы понимаете, что это значит?! — спросил его собеседник.— Это значит, что...

— Я скажу вам, что это значит. Что на сегодняшний день ни вы, ни я не можем точно сказать, кто человек, а кто — нет. Вы, к примеру, запросто можете быть андроидом, как, впрочем, и я.

— Вот именно,— подтвердил собеседник.

— Вот почему Саттон вчера так ломался...

— Ну, я не думаю, что Саттон так уж прямо все знает,— возразил собеседник.— Думаю, это знают очень немногие. Нет, андроиды побоятся рассказать про это человеку.

— Думаете, даже Саттону не скажут?

— Даже Саттону.

— Колыбель,— задумчиво проговорил Тревор.— Я почти уверен, что она действительно существует!

— Вы, безусловно, уже что-то предпринимаете?

Тревор уперся локтями в стол.

— Конечно,— ответил он спокойно.— А теперь слушайте внимательно: вот что мы сделаем...

Глава 46

Ева Армор сидела за столиком во дворе. Она порывисто встала и протянула руки навстречу Саттону. Саттон прижал ее к себе, нежно поцеловал глаза и волосы.

— Ну вот,— сказал он.— Это то, чего мне миллион раз не хватало все это время...

Ева радостно рассмеялась.

— Неужели миллион?

— Сжатие времени,— подсказал Геркаймер, улыбаясь.— Он пробыл там десять лет!

— О! Эш, это так ужасно!

Саттон усмехнулся.

— Ну, не то чтобы очень ужасно. У меня был десятилетний отпуск, скажем так. Десять лет тишины и покоя. Я там, друзья мои, на ферме работал. Сначала, правда, было тяжеловато, но потом — ничего, даже улетать не хотелось, представьте себе!

Он подвинул стул для Евы и сам сел рядом.

Они принялись завтракать. Яичница с ветчиной, жареный хлеб, мармелад, крепкий черный кофе. В ветвях деревьев над их головами щебетали птицы. Над цветами клевера на лужайке жужжали пчелы.

— Как тебе мой дом, Эш? — спросила Ева.

— Восхитительно! — отхлебнув большой глоток кофе, ответил Саттон и, немного поколебавшись, добавил: — Вчера

я был у Тревора. Он меня, так сказать, поднял на вершину и показал всю Вселенную.

Ева кашлянула, и Саттон быстро оторвал взгляд от чашки. Геркаймер, не донеся вилку до рта, застыл.

— Что это с вами?— спросил Саттон недоумевая.— Вы что, не верите мне?

Он знал ответ. Можно было и не спрашивать. Конечно, они ему не доверяли. Он мог предать их. Да, он мог и книгу написать так, что человечеству будет дарована исключительная судьба. Переубедить их, заставить полностью довериться ему было почти невозможно.

— Эш,— сказала Ева осторожно, не глядя в его сторону,— ты... отказался?

— Мы расстались с Тревором, условившись, что, если я захочу возобновить разговор, я вернусь. То есть... я так не сказал... Это он почему-то уверен, что я приду. На прощание он послал меня на все четыре стороны... биться головой о стену.

— Вы все обдумали, сэр? — поинтересовался Геркаймер.

Саттон помотал головой, покрутил чашку на блюдце.

— Да нет... Не то чтобы я успел многое обдумать. Я хочу сказать, что не сидел, не ломал голову над всем, что он там мне наговорил, если ты это имеешь в виду. Может, он от меня чего-нибудь и добился бы, будь я просто человеком. А я, честно говоря, и сам не знаю, много ли во мне осталось человеческого.

— А что тебе вообще известно обо всем этом, Эш? — мягко спросила Ева.

Саттон потер пальцами подбородок.

— Ну, вроде бы довольно много... Я знаю, что идет война во времени и почему она идет. Кроме того, я кое-что узнал о себе. У меня два тела и два разума. Я знаю о некоторых своих исключительных способностях, и я почти уверен, что это еще не все, что кое-что у меня есть в запасе. Я как бы все время учусь. И каждый новый навык дается с трудом...

— Мы не могли рассказать тебе всего,— сказала Ева.— Все было бы слишком просто, если бы мы сразу все рассказали. Да ты бы просто не поверил. И потом... когда имеешь дело со временем, вмешательство должно быть минимальным. А еще... Помнишь, Эш, я пыталась тебя предупредить? Если это было похоже на предупреждение...

Саттон кивнул.

— Да. Помню. После того как я застрелил Бентона в заведении Зага. Ты тогда сказала, что наблюдаешь за мной уже двадцать лет.

— А еще, вспомни, я была маленькой девочкой в измятом фартучке. Ну, когда ты рыбу ловил. Помнишь?

Саттон изумленно взглянул на Еву.

— Так ты знала об этом? Я-то думал, это просто фрагмент из заказного сна...

— Это указание,— пояснил Геркаймер.— Чтобы вы поняли, что она — друг. Как будто вы ее давно знаете. Чтобы поверили, что она — друг.

— Но это же было во сне!

— Это был сон, подаренный Загом,— сказал Геркаймер.— А Заг — наш товарищ. Его раса тоже выиграет много, если человечество не станет единоличным владельцем Судьбы.

— Тревор чересчур самоуверен и даже не пытается это скрыть. У меня до сих пор стоит в ушах его презрительный голос: «Идите на все четыре стороны и можете биться головой о стену сколько влезет!»

— Он просто видит в тебе обычного человека,— предположила Ева.

Саттон покачал головой.

— Не думаю. Скорее, у него есть какая-то козырная карта, какой-то план действий, о котором мы не подозреваем.

— Что-то тут не то, сэр,— тихо проговорил Геркаймер.— На самом деле война ведется не так уж активно с нашей стороны. Если бы мы стремились к победе, нас бы давно уже раздавили.

— Если бы мы стремились к победе?.. Что-то я не понял...

— Дело в том, что нам не нужна победа, сэр,— объяснил Геркаймер.— Мы осуществляем только сдерживающие действия. Мешаем Ревизионистам портить вашу книгу, хотим, чтобы она осталась такой, какой вы ее написали... то есть напишете.

Саттон понимающе кивнул.

— Понятно. Но вот Тревору-то нужна только победа. Ему нужно во что бы то ни стало изменить первоначальный вариант. Либо я должен, по его словам, вообще не писать того, что задумал, либо должен перекроить все таким образом, чтобы андроиды поверили каждому слову.

— Вы правы, сэр,— согласился Геркаймер — Для него победа означает только одно: завладеть идеей Судьбы и наделить особой, исключительной Судьбой человека, и только человека!

— Именно это ему и нужно,— добавила Ева.— Не сама идея Судьбы (потому что ни один человек не поверит в нее так, как поверит андроид) — ему нужно, чтобы люди уверились в своей исключительности до такой степени, что не успокоились бы, пока не завоевали всю Вселенную.

— До тех пор, пока мы в силах противостоять Тревору,— подчеркнул Геркаймер,— мы можем считать, что победа за нами. Но равновесие так зыбко, что малейшая оплошность с той или другой стороны... Нам необходимо новое оружие. Только это может принести настоящую победу.

— У меня есть такое оружие,— тихо, но твердо сказал Саттон.— Но я не представляю, как его можно использовать...— Ева и Геркаймер вопросительно молчали, и Саттон продолжал: — Увы, в единственном экземпляре. Нельзя же выиграть войну с одной винтовкой?!

За углом послышался быстрый топот. Все обернулись: к ним бежал андроид. Одежда его была покрыта пылью, лицо раскраснелось от бега. Он остановился и, тяжело дыша, оперся о край стола.

— Они пытались задержать меня,— задыхаясь, выговорил он.— Дом окружен!

— Эндрю, ты идиот! — рявкнул Геркаймер.— Зачем тебе понадобилось бежать? Они же догадаются!

— Они узнали про Колыбель,— выдохнул Эндрю.

Геркаймер вскочил, опрокинул стул. Лицо его исказила гневная гримаса. Он побледнел так, что татуировка на лбу выступила четче, чем обычно.

— Они узнали где?..

Эндрю замотал головой.

— Нет-нет, они не знают. Они знают, что она есть. Узнали только что. У нас еще есть время.

— Нам придется отозвать с заданий все корабли! Вызвать всех сотрудников из кризисных точек!

— Нельзя! — крикнула Ева.— Они ведь именно этого и добиваются. Это единственное, что их сдерживает!

— У нас нет выбора,— отчаянно выговорил Геркаймер.— Нет! Если они разрушат Колыбель...

— Геркаймер,— срывающимся шепотом проговорила Ева.— Метка!!!

Эндрю дико взглянул на нее, сделал шаг назад. Рука Геркаймера скользнула в карман. Эндрю опрометью бросился к ограде.

Нож в руке Геркаймера сверкнул на солнце. Резкий бросок — нож устремился вслед убегающему андроиду. Тот упал лицом на землю, не добежав двух метров до забора. Нож по рукоятку вошел ему в шею.

Глава 47

— Вам никогда не приходило в голову, сэр,— спросил Геркаймер,— какую роль иногда могут сыграть самые незначительные с виду мелочи? — Он дотронулся носком ботинка до безжизненного тела.— Отлично... Просто отлично у него все получилось. Только метку забыл замазать, а так сработано было просто превосходно. Знаете, так делают многие андроиды, но это мало помогает. Проходит немного времени, и метка начинает просвечивать.

— А для вас что означает эта косметика?

— Для нас это вроде пароля. Наши агенты, когда приходят с сообщениями, замазывают метку жидкой пудрой.

— Это так просто,— сказала Ева,— что никому и в голову не приходит, что мы этим пользуемся.

Саттон кивнул.

— Значит, это был человек Тревора?

Геркаймер кивнул в ответ.

— Послали, чтобы выкурить нас отсюда. Думали, мы бросимся спасать Колыбель!

— А эта Колыбель...

— Но это означает,— прервала Саттона Ева,— что Тревор знает про Колыбель и теперь не успокоится, пока не найдет ее! А тогда...

Геркаймер жестом остановил ее.

— Что происходит? — спросил Саттон.

Что-то было не так. Куда-то исчезло дружелюбие, доверие и даже единство цели. Все испортил андроид, который вбежал как сумасшедший и болтал про какую-то Колыбель.

Инстинктивно сознание Саттона потянулось к мозгу Геркаймера, но он твердо остановил его. С друзьями этот номер не годится.

— Ну так, черт подери, что происходит? Объясните мне наконец!

— Сэр,— тихо сказал Геркаймер, глядя себе под ноги,— вы человек, а тут дела андроидов.

Несколько мгновений Саттон стоял не шевелясь, переваривая смысл его слов. Внутри него закипала ярость. Затем спокойно, как будто только об этом и думал, он сжал кулак и нанес Геркаймеру сокрушительный удар в челюсть.

Удар был силен. Саттон вложил в него не только физическую силу, но и весь гнев, переполнявший его. Геркаймер тяжело рухнул наземь.

— Эш! — вскрикнула Ева.— Эш!

Андроид приподнялся, сел, закрыл лицо руками. Меж пальцев сочилась кровь.

— Я не продал Судьбу,— задыхаясь, проревел Саттон.— И не собираюсь! Хотя, боже правый, вы это заслужили!

— Эш,— умоляюще проговорила Ева,— мы должны быть уверены...

— Как я могу доказать? Как, если вы не верите?

— Это твой народ, Эш,— сказала Ева.— Твой. Их величие — это и твое величие тоже. И ты не должен винить Геркаймера за то, что он так думает.

— Это и твой народ, если уж на то пошло!

Она печально покачала головой.

— У меня особый случай. Меня воспитали андроиды. Геркаймер — один из них. Так что я, пожалуй, больше андроид, чем человек.

Геркаймер сидел на траве рядом с мертвым агентом Тревора. Он не отнимал рук от лица. Кровь стекала по пальцам, капала на траву.

— Очень рад был повидаться с тобой.— Саттон холодно взглянул на Еву.— Благодарю за завтрак.

Он повернулся и пошел прочь, перелез через ограду. Ева что-то кричала ему вслед, но он не хотел ничего слышать.

«Меня воспитали андроиды!» Ну а меня воспитал Бастер. Бастер, который научил меня драться, Бастер, который устраивал мне взбучки за то, что я объедался зелеными яблоками, Бастер, который пятьсот лет назад улетел куда-то, неизвестно куда, обживать необитаемую планету...

Он шел и шел, но злость не утихала.

Они не верят мне. Думают, я могу продаться...

— Ну что, Эш?

— Что же это такое, Джонни? Что происходит?

— Мерзавец ты, Эш.

— Да пошел ты, Джонни! Надоели вы мне все. И ты тоже.

Саттон знал, что дом окружен агентами Тревора. Но, как ни странно, ему никто не встретился.

Глава 48

Саттон вошел в будку видеофона и крепко закрыл за собой дверь. Вынул справочник из ниши в стене, полистал, нашел нужный номер и набрал. Нажал клавишу. На экране появился робот.

— Информация,— произнес робот, посмотрел на лоб Саттона и не добавил обычного «сэр».— Информация. Что вам угодно?

— Разговор не прослушивается?

— Ни в коем случае. Не беспокойтесь.

— Я бы хотел просмотреть списки домовладельцев на семь тысяч девятьсот девяностый год.

— Одну минутку,— ответил робот.

Саттон ждал. Робот отыскал нужную дискету и вставил в блок видеофона.

— Список составлен в алфавитном порядке,— сообщил он.— Какая фамилия вас интересует?

— Фамилия начинается на букву «С»,— уклончиво ответил Саттон,— дайте список на эту букву.

Робот нажал кнопку. Замелькали фамилии на букву «М», затем — на «П», потом лента пошла медленнее. Начался список на букву «С».

— До конца, пожалуйста. А вот тут остановите. «Саттон, Бастер...»

Он трижды прочитал про себя название планеты, чтобы лучше запомнить.

— Все,— сказал он,— благодарю вас.

Робот кивнул. Экран погас.

Саттон вышел из кабины, немного прошелся по парку, сел на скамейку. Постарался расслабиться.

Он знал, что за ним следят. Он был уверен, что теперь-то уж Тревор наверняка знает, что андроид, который вышел из дома Евы Армор, не кто иной, как Эшер Саттон. Психотрейсер регистрирует каждый его шаг, и теперь людям Тревора поймать его пара пустяков.

Спокойно, уговаривал он себя. Потяни время. Не спеши. Веди себя так, как будто тебе абсолютно нечего делать.

Обмануть их вряд ли удастся, но нужно попытаться усыпить их бдительность.

На самом деле было не до отдыха. Многое еще нужно обдумать. Но одно он уже решил окончательно и бесповоротно: он будет действовать сам.

Саттон направился в город.

Сначала нужно вернуться к Еве и забрать рукопись, размышлял он, Ева и Геркаймер должны были сохранить ее. Дело, конечно, щекотливое как минимум... Но это же моя рукопись, в конце концов! Моя. И я имею полное право ее забрать.

Скажу прямо: «Мне нужна моя рукопись. Надеюсь, она в целости и сохранности?»

Потом...

Это все не важно. Что бы я ни сказал потом, первое и главное — спросить про рукопись. А пока надо потянуть время. До темноты нечего было и думать подобраться к дому. Заберу рукопись, а вот потом... Потом придется поспешить, чтобы Тревор не успел опомниться.

Прогуливаясь в районе космопорта, Саттон приглядел подходящий корабль. Офицерская выправка человека, распоряжавшегося загрузкой и заправкой корабля, подсказала ему, что это то, что нужно. Болтаясь у забора, разыгрывая роль андроида-бездельника, Саттон внимательно обследовал сознание командира корабля и выудил всю необходимую информацию.

На корабле была машина времени.

Корабль стартует завтра утром.

На ночь поставят охрану.

Один из кораблей Тревора, не сомневался Саттон. Один из тех кораблей, что участвуют в войне.

Трудновато придется.

Выйду на летное поле, делая вид, что ожидаю пассажирский звездолет, растворюсь в толпе... Потом, оторвавшись, не спеша пойду к звездолету, будто имею на это полное право. Главное — не бежать, ни в коем случае! Идти спокойно. Бежать — лишь в самом крайнем случае, если окликнут, например. Тогда — бежать, драться, может быть, убивать... Но корабль захватить во что бы то ни стало!

Потом стартую и удираю на самой большой скорости.

Года через два, а может и раньше, если понадобится, можно будет воспользоваться машиной времени, перепрыгнуть лет на двести назад.

Отсоединю двигатели: у них наверняка имеется система идентификации, которая поможет погоне. Отсоединю и выброшу.

Затем переключусь на вторую систему жизнеобеспечения, наберу энергии из космоса и отправлюсь к Бастеру. С максимальной скоростью!

Он немного поразмышлял о том, как поведет корабль без моторов. Будет ли быстрее? И решил, что да, быстрее и надежнее.

Но пройдет не один год. Бастер далеко.

Саттон мысленно проверил все еще раз.

Отсоединение двигателей избавит от преследования. Те, кто погонится за мной, будут ориентироваться на сигналы двигателей и проблуждают не один день, пока до них не дойдет, что они промахнулись.

Так.

Прыжок во времени освободит меня от слежки психотрейсера — он не может работать, не зная, в каком времени находится человек.

Так.

Если все получится. Если только все получится. Если нигде не поскользнусь, ничего не прогляжу.

Незаметно для себя Саттон пришел обратно в парк.

По траве рядом с ним бежала белка. Она остановилась, приподнялась на задних лапках и посмотрела на него. Убедившись, что человек ничего дурного ей не сделает, белка при-

нялась сосредоточенно копошиться в траве, будто отыскивала клад.

Оторваться, думал Саттон. Оторваться от всего, что меня удерживает. И завершить труд. Забыть Тревора и его треклятых Ревизионистов. Забыть Геркаймера вместе с остальными андроидами. Написать книгу.

Тревор мечтает меня купить, андроиды мне не доверяют, а Морган при первой возможности прикончит меня.

Андроиды мне не доверяют. Какая глупость! Какое ребячество.

И тем не менее факт оставался фактом. Ему не доверяли. «Ты — человек,— сказала Ева.— Люди — твой народ».

Он покачал головой. Ему было до боли обидно, не хотелось мириться с таким положением вещей.

Ясно одно: он обязан выполнить свой долг, иначе его жизнь не имеет ровным счетом никакого смысла.

Судьба...

Знания о ней даны мне не как человеку, а как инструменту, который должен передать их всему живущему во Вселенной.

Я должен написать книгу. Ясную, простую, действенную. Только написав ее, я выполню долг. Больше я ничем никому не обязан.

За спиной раздались тихие шаги. Саттон обернулся.

— Мистер Саттон, если не ошибаюсь?

— Давайте присядем, Тревор,— предложил Саттон без тени удивления.— Я вас ждал.

Глава 49

— А вы не особенно задержались у друзей,— улыбнулся Тревор, вглядываясь в лицо Саттона.

Саттон молча кивнул.

— Да, у нас вышло недоразумение.

— Что-нибудь связанное с Колыбелью?

— Можете так считать,— ответил Саттон,— хотя на самом деле все гораздо серьезнее. Дело в фундаментальных противоречиях между андроидами и людьми.

— Геркаймер убил андроида...

— Он понял, что это человек, подосланный вами. Что он только замаскирован под андроида.

Тревор сокрушенно покачал головой.

— Очень скверно,— сказал он.— Очень, очень скверно. А не подскажете ли, как именно он догадался, что это... ну, мягко говоря, обман?

— Вот этого,— ответил Саттон, хитро усмехнувшись,— я вам как раз и не скажу.

Тревор сделал вид, что не очень огорчен.

— Главное,— сказал он,— что номер не прошел. А остальное — мелочи.

— Вы имеете в виду, что вам не удалось выйти на Колыбель?

Тревор кивнул.

— И это тоже. А кроме того, они бы отозвали значительную часть своих патрулей из критических точек. Это бы значительно упрочило наше положение.

— Короче, вы надеялись убить двух зайцев?

— Ну конечно. А как же иначе?

Он скользнул взглядом по лбу Саттона.

— Интересно, а когда и почему вы лишились нормального человеческого облика?

Саттон провел рукой по лицу.

— Идея Геркаймера,— признался он.— Он думал, так труднее будет меня выследить. Вы же не собирались искать андроида, не так ли?

Тревор утвердительно кивнул.

— Неплохо придумано. Но после того, как вы ушли от них, за вами следил трейсер.

Белка перебралась поближе к скамейке. Она сидела у самых ног и внимательно разглядывала людей.

— Саттон,— небрежно спросил Тревор,— а что вам известно об этой Колыбели, или как ее там?

— Ничего,— ответил Саттон.— Они мне сказали, что я человек, а это дело андроидов.

— Надеюсь, вы представляете, как это важно?

— Догадываюсь.

— Собственно, по названию можно понять, что это за штука.

— Да, пожалуй.

— Нам нужно было поддержать могущество рода человеческого,— сказал Тревор. положив ногу на ногу,— поэтому

тысячу лет назад и были произведены на свет первые андроиды, чтобы пополнить наши не слишком тесные ряды. Мы сделали их очень похожими на людей. Им было доступно все, что доступно нормальным людям, кроме одного...

— Ну да, они не могут размножаться,— прервал его Саттон.— Все это я уже слышал не раз. Мне вот что интересно, Тревор. Если бы нам удалось наделить их этим качеством, они бы стали настоящими людьми?

— Тут я ничего не могу сказать,— признался Тревор.— Честно говоря, просто не знаю, что вам ответить. Ведь даже то, что эта затея удалась, что в лаборатории стали появляться люди,— просто потрясающе. Подумать только, сколько труда было вложено в это дело, какой полет технической мысли!

— Но нам удалось наделить андроидов кое-чем, чем сами мы не обладаем,— спокойно сказал Саттон.

Тревор уставился на него тяжелым, подозрительным взглядом.

— Вы...

— Мы наделили их униженностью,— продолжил Саттон.— Мы сделали их ниже себя и тем самым настроили против себя. Мы не дали им равенства. Зато вложили в них целеустремленность, которую сам человек утратил давным-давно. Нам-то ведь уже не надо доказывать, что мы не хуже прочих, более того — лучше всех в Галактике...

— Но теперь они добились равенства,— горько заметил Тревор.— Теперь они размножаются. Не биологическим путем, конечно, но это не столь важно.

— Этого следовало ожидать,— вздохнул Саттон.— Это должно было произойти уже давным-давно.

— Конечно, можно было ожидать,— согласился Тревор.— Еще бы! Мы же дали им такой же развитой мозг, как наш собственный. Мы открыли перед ними такие же перспективы, как перед людьми!

— Ага, и наштамповали им метки на лбу,— закончил за него Саттон.

Тревор раздраженно махнул рукой.

— Не переживайте! Теперь это исправлено. Когда андроиды делают других андроидов, никаких меток они не ставят.

Саттон резко встал, потом снова сел на место. Его как громом поразило: а я-то сказал, что мое оружие в единственном экземпляре!

— Я вам больше скажу,— продолжал Тревор.— Они добились великолепных результатов и непрерывно улучшают свои модели. В конце концов они создадут сверхрасу, вот что я вам скажу.

Саттон нахмурился.

Он им сказал, что оружие — в единственном экземпляре... Что нельзя выиграть войну с одной винтовкой...

— Я понимаю,— кивнул Тревор.— Стоит об этом подумать, можно с ума сойти. Тут возможны просто сногсшибательные варианты. Да, они могут в два счета покончить с нами. Любое новое отрекается от старого. Диалектика, будь она неладна!

— Как бы там ни было, раса останется человеческой,— возразил Саттон.

— Наша численность растет очень медленно,— сказал Тревор.— Мы — древнейшая раса, родом из пещер, от каменного топора... Мы рожаем в муках. И те, кто понятия не имеет об этих муках, хотят предложить нам зачеркнуть всю нашу историю!

Одна винтовка, сказал он. Но он ошибся. Винтовок будет много. Миллионы. И с их помощью Судьба будет спасена, спасена для всех, кто живет на свете, для всех, кто будет жить миллионы лет спустя!

— Надо полагать,— сказал Саттон, не глядя на Тревора,— вы рассчитываете, что я встану на вашу сторону?

— Вы нужны мне,— сказал Тревор,— чтобы выяснить, где находится Колыбель...

— Чтобы вы ее разрушили,— закончил Саттон.

— Это спасет человечество,— сказал Тревор.— Настоящее, древнее человечество.

— И вам кажется,— продолжал Саттон,— что все люди как один должны сейчас сомкнуть ряды, не так ли?

— Если в вас осталась хоть капля человеческого,— тихо сказал Тревор,— вы должны сейчас быть с нами.

— Было время,— сказал Саттон,— давно, когда люди еще не летали к звездам... Тогда им казалось, что выше и разумнее их нет никого. Но теперь не те времена. Теперь известно, что в Галактике есть цивилизации не хуже нашей.

— Но ни одна цивилизация не может быть враждебна по отношению к себе самой,— вспыхнул Тревор.

— Можете считать меня предателем,— спокойно ответил Саттон.— Может, я чего-то не понимаю, но мне все-таки кажется, что Судьба выше человечества.

— Вы хотите сказать, что отказываетесь помочь нам?

— Не только отказываюсь,— ответил Саттон,— но буду бороться против вас. И говорю вам об этом прямо, чтоб вы знали. Так что, если вам угодно меня прикончить, Тревор, сейчас для этого самое время. Потом будет поздно.

— Да какой мне, черт подери, смысл вас убивать! Мне нужны слова, которые вы напишете! Плевать я хотел на вас и на андроидов ваших! Не хотите сами — повторяю для тугодумов,— мы без вас перепишем вашу книгу, перепишем так, как нужно нам. И именно такой ее прочтут все летучие и ползучие твари, которых вы так обожаете. Нет, в Божьем мире не будет ничего и никого, сравнимого с Человеком! — Тревор смерил Саттона презрительным взглядом.— Я ухожу, Саттон. Но запомните, ваше имя будет вписано черными буквами в историю Человечества. Оно станет символом зла, им будут пользоваться как проклятием.

Саттон не пошевелился.

Тревор выругался, встал и зашагал прочь, но вдруг остановился и обернулся. Он говорил шепотом, но слова его точно иглы вонзались в сознание Саттона.

— Умойся,— шептал Тревор,— смой пудру, сними пластырь и клеймо,— человеком ты уже никогда не будешь, Саттон.

Он повернулся и пошел к шоссе. А Саттон смотрел ему вслед и понимал, что спиной к нему повернулся не только Тревор — все человечество.

Глава 50

Горела только одна лампа в углу комнаты. Портфель лежал на письменном столе. Ева Армор стояла рядом, опершись о спинку стула. Было видно, что она ждала его прихода.

— Ты вернулся,— сказала она,— за своими записками. Я их приготовила.

Саттон застыл у порога.

— Нет, Ева, сейчас дело не в записках. Позже они понадобятся мне. Но сейчас дело не в этом. Помнишь, утром я

сказал про оружие? Ну, что у меня есть оружие, но оно в одном экземпляре и что с одной винтовкой войны не выиграть?

— Я помню, Эш.

— Ну так вот: винтовок может быть много. Очень много. Сколько угодно.

Она медленно приблизилась к Эшеру.

— Ева, я на вашей стороне,— сказал он просто.— Вечером я виделся с Тревором, он проклял меня от имени человечества.

Она протянула руку и нежно притронулась к его щеке.

— Эш...— сказала она шепотом,— ты смыл клеймо... Ты снова Эш...

Он кивнул.

— Мне хотелось снова стать человеком... Кое о чем я догадывался, он рассказал мне остальное. Про андроидов, у которых нет метки на лбу.

— Да, мы используем их в качестве шпионов,— просто сказала Ева.— Кое-кто из них работает в департаменте Тревора. Он пребывает в полной уверенности, что они — люди.

— А где Геркаймер? — неожиданно спросил Саттон.

— Его здесь нет, Эш,— ответила Ева и отвела взгляд.— Он не мог здесь оставаться после того, что произошло во дворе.

— Да, конечно, я понимаю. Ева, мы, люди, такие подонки!

— Садись, Эш. Вот здесь садись. Ты говоришь так странно, что мне страшно! — Он сел.— А теперь рассказывай, что произошло,— потребовала она.

Но он заговорил о другом.

— Я весь день думал о Геркаймере. Все время, пока разговаривал с Тревором. Я ударил Геркаймера, ударил сегодня, ударил бы и завтра, если бы он сказал мне то же самое. Это в крови у людей, Ева. Мы пробивали себе дорогу с таким трудом. Каменным топором, ружьями, атомными бомбами, и...

— Прекрати, слышишь,— одернула его Ева.

Он удивленно взглянул на нее.

— Мы — люди... А Геркаймер? Разве он не человек? Он — человек, которого сделали люди. Робот может сделать другого робота, и все-таки это будет робот, правда? Человек создает другого человека, и они оба — люди!

— Прости, Ева,— сконфуженно пробормотал Саттон.— Это Тревор мне голову заморочил. Он боится, что андроиды

победят и настоящих людей вообще не останется; что исчезнет древнее, истинное человечество.

— Эш,— сказала Ева, ласково прикоснувшись к его щеке,— ты бьешься над проблемами, которых не решить тысяче поколений. Что в этом толку?

Он покачал головой.

— Я понимаю — толку никакого. Все так. И тем не менее это не дает мне покоя. Когда-то все казалось таким ясным и простым. Я написал бы книгу, Галактика прочла бы ее, приняла бы и поняла, и все было бы хорошо!

— Все и будет хорошо! Но не сразу. Не скоро. Чтобы это произошло, нужно остановить Тревора. Он ослеплен теми же мыслями, что мучают сейчас тебя.

— Геркаймер говорил, что необходимо новое оружие, что новое оружие обеспечит нам перевес... Скажи мне, Ева, научные достижения андроидов на сегодняшний день, наверное, достаточно высоки?

Ева кивнула:

— Да, Эш, это так.

— Ну, тогда у них должен быть сканер, прибор, который расщепляет организм человека до молекулярного, даже до атомного уровня, а потом копирует с этого организма другой — идентичный...

— Именно этим мы и занимаемся! Мы скопировали несколько сотрудников из организации Тревора. То есть попросту выкрали их, скопировали, изготовили двойников и отправили в качестве шпионов к Тревору. Настоящие же его сотрудники находятся у нас. Только с помощью подобных уловок нам удается удержать свои позиции.

— А меня вы могли бы скопировать?

— Конечно, Эш, но...

— Нет, я имею в виду не внешность. Мозг... и еще кое-что.

Ева кивнула:

— Я поняла! Твои исключительные способности!

— Понимаешь, я могу проникать в чужой мозг, в чужое сознание. Это не просто телепатия, это настоящая способность становиться другим существом — видеть, знать, чувствовать то, что чувствует другой, животное или человек. Я не знаю, как именно это происходит. Может быть, это связано

с особой структурой мозга. И если вам удастся скопировать мой мозг, может быть, сами собой скопируются и мои способности. Наверное, не все дублеры обретут эти способности, возможно, не все научатся ими пользоваться, но кто-нибудь овладеет ими, я в этом почти уверен.

— Эш, но ведь это означает!..— ахнула Ева.

— Это означает, что вам будет известно абсолютно все,— произнес Саттон спокойно.— Все, что задумывает Тревор. Каждое его слово, каждая мысль. Потому что один из ваших станет Тревором. И то же самое можно будет сделать со всяким. Вы сможете заранее приготовиться к любой атаке. Пресечь любую агрессию с их стороны!

— Для них это будет тупик! — обрадованно воскликнула Ева и зашагала по комнате.— Именно это нам и нужно. Стратегия тупика! Они ничего не поймут, запаникуют... подумают, что удача отвернулась от них, что против них — сама Судьба!

— Тревор, сам не зная того, подсказал мне тактику,— подхватил Саттон.— Он сказал: «Идите, бейтесь головой о стенку, пока вам не надоест». Он сказал, что в конце концов я устану и сдамся.

— Лет десять,— задумчиво сказала Ева,— не больше. Ну, не десять, пусть сто. Пусть даже тысяча...

— Но рано или поздно они сдадутся. В буквальном смысле поднимут лапки! Туговато им придется. Представляешь, сколько трудов, и все насмарку!

Они молча сидели в кругу света, на маленьком островке посреди комнаты, и, как ни странно, не чувствовали особой радости. Да и какая там радость? Ведь все они — люди. Сражаются друг с другом, побеждают, проигрывают, ненавидят друг друга...

— Как скоро можно начать сканирование?

Ева поглядела ему в глаза.

— Завтра. Эш, а что... ты торопишься?

— Я ухожу, Ева,— медленно выговорил Саттон, отводя взгляд.— Удираю в то самое убежище, о котором думал. То есть удеру, если вы дадите мне корабль.

— Ради бога, любой, какой только захочешь...

— Да, так будет лучше. А то пришлось бы украсть.— Он ждал следующего вопроса, но Ева молчала.— Я должен написать книгу.

— Но... есть много разных мест, где бы ты мог работать! Мы могли бы тебя очень удобно устроить.

Он покачал головой.

— Понимаешь, есть один старик-робот... Он, если можно так выразиться, мой последний и единственный родственник. Когда я был в созвездии Лебедя, он улетел на далекую планету, построил там дом... Я улетаю к нему, Ева.

— Понимаю,— не скрывая огорчения, сказала она.

— Но есть еще нечто такое...— тихо произнес Саттон и взял ее за руку.— Я помню маленькую девочку, что появилась у ручья, где я ловил рыбу. Я знаю, что образ ее был искусственно создан у меня в сознании. Но я не в силах ее забыть.

Ева наклонила голову. Свет лампы озарил ее золотистые волосы...

— Не знаю, любил ли я кого-нибудь в своей жизни, не могу даже сказать, действительно ли я люблю тебя, Ева... Но мне очень хочется, чтобы ты полетела со мной к Бастеру...

Ева грустно покачала головой.

— Эш, мне нужно остаться здесь. Я столько лет работала. Я должна... Может быть, когда-нибудь, если я тебе еще буду нужна...

— Ты всегда будешь нужна мне, Ева,— просто сказал Саттон.— Он протянул руку и нежно прикоснулся к золотому локону, выбившемуся из прически.— Я знаю, ты никогда не прилетишь. Если бы мы были люди как люди и жили обычной жизнью, все было бы проще.

— Эш, ты великий человек,— ответила Ева.— Многие будут считать тебя богом...

Саттон встал, ощущая каждой клеткой, как над ним сгущается одиночество Вечности. Никакого величия он не чувствовал. Только холод и одиночество и горечь оттого, что это — навсегда.

Глава 51

Саттону казалось, что он плывет в океане света. Рядом раздавалось мерное монотонное гудение работающих приборов, небольших трудолюбивых машин, которые разбирали его на части крошечными пальчиками. Мигали лампочки, щелкали тумблеры, шуршала лента принтера... Его разбирали на мельчайшие частички, частички взвешивали, измеряли, ничего не

упуская, ничего не добавляя. Фиксировалась каждая клетка, каждая веточка нерва, каждое мышечное волоконце.

Но откуда-то издалека, из запределья этого океана света, по которому он плыл, чей-то незнакомый голос настойчиво повторял одно и то же слово:

— Предатель.

— Предатель.

— Предатель.

Голос звучал спокойно, без эмоций. Одно слово. И все.

Сначала голос был один, потом к нему присоединились другие, и скоро Саттону стало казаться, что скандирует огромная толпа, весь мир. Потом слово утратило смысл и стало просто сочетанием звуков...

Саттон пытался ответить, но не знал, как и что. Он продолжал плыть в океане света, а слово «предатель» все звучало и звучало...

За этим словом прятались другие, не произнесенные, но слышимые, ощущаемые:

— Это мы, которые зажгли первый костер. Мы, которые выманили зверей из пещер и стали жить там сами. Мы, которые нарисовали бизонов на каменных стенах при свете факелов; мы, которые бросили в землю первые зерна, которые построили города, чтобы жить там всем вместе и творить великие дела — такие, что не под силу разрозненным племенам. Это мы, которые мечтали о звездах, мы, расщепившие атом силой разума. Ты отрекся от своего прошлого, отрекся во имя существ, которых мы сделали своими руками.

Приборы не стихали, не стихали и голоса, повторяя свое единственное слово...

Но звучал еще один голос. Он был где-то глубоко-глубоко, в самом нутре непонятной субстанции, которую сейчас представлял собой Эшер Саттон.

И Саттон ответил ему:

— Спасибо тебе, Джонни. Спасибо тебе большое.

Глава 52

Серебристый корабль взревел, описал в воздухе кривую и устремился в небеса, постепенно превращаясь в маленькую огненную точку.

— Ну вот и все. Он так и не узнал,— грустно сказал Геркаймер.— Не узнал, что до последней минуты мы были с ним рядом. Что это мы много лет назад послали Бастера приготовить для него убежище. Что это мы...

— Геркаймер! — срывающимся голосом произнесла Ева.— Геркаймер! Он хотел взять меня с собой, сказал, что я нужна ему. А я... Я даже не смогла ничего объяснить!..— Она стояла, глядя вслед исчезающей в вышине огненной точке.— Я не могла лишить его веры в то, что есть люди, которым он нужен, люди, которым нужна его книга...

— У тебя не было выбора, Ева. Ты поступила правильно. Мы и так столько отняли у него. Нельзя же отнимать все!

Ева закрыла лицо руками, плечи ее вздрогнули. Она стояла и плакала навзрыд — одинокая, маленькая рыжеволосая женщина-андроид.

Содержание

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ПРОЩЕ ВРЕМЕНИ? 5

Перевод с английского Г. Темкина

ГОРОД 189

Перевод с английского И. Васильевой, Л. Жданова

ПЕРЕСАДОЧНАЯ СТАНЦИЯ 419

Перевод с английского А. Корженевского

СНОВА И СНОВА 605

Перевод с английского Н. Сосновской